

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВАТЫХЪ ОЦА НАШЕГО

ІОАННАСІА ВЕЯНКАГО,

Архієпископа Александрійскаго.

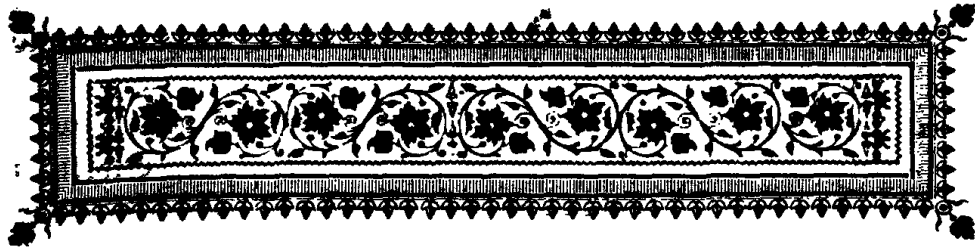
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издание второе исправленное и дополненное.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

9. ПИСЬМО КЪ ДРАКОНТІЮ.

1) Недоумѣваю, что̀ написать? За отказъ ли порицать тебя? Или—за то, что высматриваешь время и укрываешься *страха ради іудейска*? Впрочемъ, въ томъ и другомъ случаѣ поступокъ твой, возлюбленный Драконтій, достоинъ порицанія. Не прилично тебѣ было, принявъ благодать, скрываться, и при своемъ благоразуміи подавать другимъ поводъ къ бѣгству, потому что многіе, услышавъ объ этомъ, соблазняются тѣмъ, что не просто сдѣлалъ ты это, но имѣя въ виду время и предстоящія Церкви скорби. И боюсь, чтобы ты, предавшись бѣгству ради себя, предъ Господомъ не подвергся опасности за другихъ. Если соблазняющему *единаго малыхъ* желательнѣе было бы, *да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ* (Матѣ. 18, 6): что̀ можешь потерпѣть ты, послуживъ соблазномъ для многихъ? Согласіе, неожиданно водворившееся въ Александрійской области съ твоимъ поставленіемъ, необходимо разстроится по причинѣ твоего удаленія, и епископство этой области будетъ восхищаемо многими, даже не людьми право-мыслящими, но самъ знаешь, какими. Язычники, при твоемъ поставленіи давшие обѣтъ стать христіанами,

останутся язычниками; потому что твое благоговѣніе уничижаетъ данную благодать.

2) Какое же дано будетъ тобою оправданіе въ этомъ? Какими извиненіями въ состояніи будешь смыть и сгладить съ себя такія вины? Какъ уврачуешь ради тебя падшихъ и соблазвившихся? Или, какъ, по расторженіи мира, возстановишь его снова? Вмѣсто радости, возлюбленный Драконтій, причинилъ ты намъ печаль, и вмѣсто утѣшенія—сѣтованіе. Надѣялись мы утѣшиться тѣмъ, что будешь ты съ нами; а теперь видимъ, что предаешься бѣгству, и предусматриваемъ, что и на судѣ будешь обличенъ, и устыдишься, и подвергнешься опасности, станешь раскаяваться. И кто, какъ сказалъ Пророкъ, *умилосердится о тебѣ, или кто поидетъ молити о мирѣ тебѣ* (Іерем. 15, 5), видя, что братія, за которыхъ умеръ Христосъ, потерпѣли вредъ отъ твоего бѣгства? Ибо несомнѣнно долженъ бы знать, что до поставленія своего жилъ ты для себя, а послѣ поставленія обязанъ жить для тѣхъ, надъ кѣмъ поставленъ; и до пріятія тобою благодати епископства никто не зналъ тебя, а когда ты сталъ уже епископомъ,—народъ ожидаетъ, что предложишь ему лицу — ученіе Писаній. Посему, когда ожидающіе томятся голодомъ, а ты будешь питать себя одного, и придетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, мы же предстанемъ предъ Нимъ,—какое будешь имѣть оправданіе въ томъ, что гладными увидитъ Онъ собственныхъ овецъ Своихъ? Если бы не пріялъ ты динаріевъ, то не сдѣлалъ бы Онъ тебѣ упрека. А если пріялъ ты, закопалъ и скрылъ; то справедливо укорить тебя, изрекши тѣ слова, которыхъ лучше не слышать твоему благоговѣнію: *подобаше тебѣ вдати динарїи Мои торжникомъ, да пришедъ Азъ истяжу отъ нихъ* (Матѣ. 25, 27).

3) Умоляю тебя пощадить себя и насъ,—себя, чтобы не подвергнуться тебѣ опасности,—а насъ, чтобы не

печалились мы о тебѣ. Позаботься о Церкви, чтобъ чрезъ тебя не потерпѣли вреда многіе изъ малыхъ, и чтобы другіе этого не обратили для себя въ предлогъ къ удаленію.

Итакъ, если убоялся ты времени, и по страху сдѣлалъ это, то это—не мужескій образъ мыслей; въ такомъ случаѣ и надлежало — показать ревность по Христѣ, съ особеннымъ дерзновеніемъ дѣйствовать въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, и сказать словами блаженнаго Павла: *во всѣхъ сихъ пренебрегаемъ* (Рим. 8, 37),—тѣмъ болѣе, что подобаетъ служить не времени, но Господу.

Если же не нравится тебѣ распоряженіе Церкви, не представляешь себѣ, что епископское служеніе имѣетъ мзду свою, и, напротивъ того, презираешь устроившаго такъ Спасителя; то умоляю тебя, не держись подобныхъ мыслей, не потерпи и тѣхъ, которые совѣтуютъ это. Не достойно это Драконтія. Ибо, что учредилъ Господь чрезъ Апостоловъ, то прекрасно и непоколебимо пребываетъ; боязнь же братій прекратится.

4) Если бы всѣ имѣли ту-же мысль, какую имѣютъ нынѣ твои совѣтники; то какъ содѣлался бы ты христианиномъ безъ епископовъ? Если возымѣютъ такую мысль тѣ, которые будутъ послѣ насъ; то возможно ли стоять Церкви? Или совѣтники твои думаютъ, что ничего не пріялъ ты, потому что пренебрегаютъ симъ? Но это—ложно. Въ такомъ случаѣ остается имъ думать, что и благодать крещенія—ничто, если нѣкоторые пренебрегаютъ ею. Пріялъ ты благодать, возлюбленный Драконтія; не терпи при себѣ совѣтниковъ твоихъ и не обманывай самого себя. Ибо Богъ, даровавшій тебѣ это, потребуетъ у тебя отчета. Или не слышалъ ты, что говоритъ Апостоль: *не неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ* (1 Тим. 4, 14)? Или не читалъ, какъ Богъ

пріемлетъ усугубившаго даръ, и осуждаетъ скрывающаго? О, если бы поспѣшилъ ты возвращеніемъ, чтобы и тебѣ стать въ числѣ похваляемыхъ!

Или скажи, чѣмъ подражателемъ долженъ ты быть, по желанію совѣтниковъ твоихъ? Ибо должно намъ сформировать житіе свое съ житіемъ святыхъ и Отцевъ, и имъ подражать, а также знать, что, уклоняясь отъ образа ихъ житія, дѣлаемся чуждыми и общенія съ ними. Кому же подражателемъ желаютъ они видѣть тебя? — Тому ли, кто колеблется, и хотя желаетъ послѣдовать, однако же отлагаетъ это, и ради своихъ принимаетъ то и другое намѣреніе? Или — блаженному Павлу, который, какъ-скоро вручено ему было домостроительство, *не приложися плоти и крови* (Галат. 1, 16)? Хотя и говорилъ онъ: *нѣсмь достоинъ нарецися Апостолъ* (1 Кор. 15, 9); однако же, зная, что пріялъ, и не невѣдая Даровавшаго, писалъ: *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). Но какъ *горе мнѣ*, не благовѣствуя, взывалъ онъ, такъ уча и проповѣдуя Евангеліе, научаемыхъ имъ почиталъ для себя *радостію* и *вѣнцемъ* (Фил. 4, 1). Отъ сего-то и раченіе у святаго Апостола—проповѣдовать даже до Иллирика, не медлить отшествіемъ въ Римъ, идти въ Испанію (Рим. 15, 19—28), чтобы, въ какой мѣрѣ потрудится, въ такой-же пріяты большую награду за трудъ. Почему и хвалился, *подвигомъ добрымъ подвизаясь*, и надѣялся получить славный вѣнецъ (2 Тим. 4, 7. 8). Итакъ, возлюбленный Драконтій, кому подражая, поступаешь такъ? Апостолу ли блаженному, или тѣмъ, которые не подобны ему? А я желаю, чтобы тебѣ и мнѣ быть подражателемъ всѣхъ святыхъ.

5) Или, можетъ быть, иные совѣтуютъ тебѣ скрываться потому, что далъ ты слово и клятву не оставаться, если будешь поставленъ. Ибо слышу, что они такими рѣчами оглушаютъ слухъ, и думаютъ пока-

зять тѣмъ свое благоговѣніе. Но если бы подлинно были они благоговѣйны, то наипаче благоговѣли бы предъ Богомъ, возложившимъ на тебя это священнослуженіе. А если бы читали Священныя Писанія, то не давали бы совѣтовъ противныхъ имъ. Иначе, надлежало бы имъ охуждать и Іеремію, обвинять и великаго Моисея, потому что не послушали они совѣта ихъ, но, убоявшись Бога, совершили служеніе и скончались Пророками. Ибо и они, когда были посылаемы и пріяли уже благодать пророчества, сперва отрицались, а потомъ пришли въ страхъ и не уничтожили Пославшаго. Поэтому, если ты *худогласенъ и косноязыченъ* (Исх. 4, 10), убойся Создателя своего Бога. Если говоришь о себѣ, что юнъ ты для проповѣди; возблаговѣй предъ Тѣмъ, Кто позналъ тебя, *прежде неже создати тя во чревь* (Іерем. 1, 5). Если и слово ты далъ (а слово для святыхъ то-же, что клятва); то прочти у Іереміи, какъ и онъ, — сказавъ: *не вспомяну имене Господня* (Іерем. 20, 9), а впослѣдствіи убоявшись, когда стало оно въ немъ огнемъ, — не сдѣлалъ, какъ сказалъ, и не скрылся, какъ связанный предварительно клятвою, но, благоговѣя къ Поручающему дѣло, исполнилъ пророческое служеніе. Или не знаешь, возлюбленный, что Іона, предавшись бѣгству, потерпѣлъ то, что совершилось съ нимъ, и потомъ опять сталъ пророчествовать?

б) Итакъ, не принимай иныхъ совѣтовъ, кромѣ сего. Господь лучше насъ знаетъ наше состояніе; Онъ знаетъ, кому поручаетъ Церкви Свои. Хотя бы кто и недостойнъ былъ, — да не смотритъ на прежнюю жизнь, но да исполняетъ служеніе, чтобы, при осужденіи за жизнь, не понести на себѣ клятвы и за нерадѣніе.

Ужели же ты, возлюбленный Драконтій, зная это, при благоразуміи своемъ, не сокрушаешься въ душѣ?

не заботишься, чтобы не погибъ кто изъ порученныхъ тебѣ? Ужели совѣсть не сожигаетъ тебя, какъ огнемъ? Ужели не страшишься суднаго дня, въ который никто изъ совѣтующихъ нынѣ не будетъ имъ помощникомъ? Ибо каждый дастъ отчетъ за порученныхъ ему. Скрывшему динарій какую пользу принесло извиненіе его? Что было пользы Адаму, когда сказалъ: жена прельстила меня? Если и полинно немощенъ — ты, возлюбленный Драконтій; то слѣдуетъ тебѣ принять на себя попеченіе, — чтобы, когда Церковь будетъ безъ надзора, не причинили ей вреда враги, воспользовавшись твоимъ бѣгствомъ. Тебѣ слѣдуетъ препоясаться, чтобы не оставить въ подвигѣ насъ однихъ; и тебѣ слѣдуетъ потруиться, чтобы со всѣми пріячь мзду.

7) Итакъ поспѣши, возлюбленный, не медля болѣе, не потерпи тѣхъ, которые препятствуютъ тебѣ, но омни Даровавшаго тебѣ благодать, и приди къ намъ, которые любимъ тебя и совѣтуемъ тебѣ, что—огласно съ Писаніями, чтобы и мы сопровождали тебя, ты, священнодѣйствуя въ церквахъ, воспоминалъ и насъ.

Не ты одинъ поставленъ изъ монаховъ, не ты одинъ настоятельствоваешь въ монастырѣ, или любимъ былъ монахами. Напротивъ того, знаешь, что и Серапіонъ — монахъ, и настоятельствоваешь надъ такимъ искомъ монаховъ. Не безъизвѣстно тебѣ, — сколько монаховъ Отцемъ былъ Аполлонъ; знаешь Агапіона; не неизвѣстенъ тебѣ Аристонъ; помнишь Амюнія, странствовавшаго съ Серапіономъ; слышалъ, можетъ быть, о Мовитѣ въ верхней Фивайдѣ; можешь освѣдомиться о Павлѣ въ Литополѣ, и о многихъ другихъ. Они, когда были поставлены, не преисловили, но, взявъ въ образецъ Елиссея и зная, какъ поступилъ Илія, наученные примѣромъ учениковъ и Апостоловъ, приняли на себя попеченіе, и не

пренебрегли священнослуженіемъ, и не содѣлались худшими самихъ себя, но паче и паче ожидаютъ награды за трудъ—и сами преспѣвая, и другихъ увѣщавая къ преспѣванію. Сколь многихъ отвратили они отъ идоловъ! Сколь многихъ убѣдили отстать отъ сего демонскаго обычая! Сколькихъ рабовъ представили Господу! Посему и тѣ, которые видятъ эти знаменія, взирая на это, дивятся. Не великое ли это знаменіе—сдѣлать, чтобы юная дѣва хранила дѣвство, и юноша хранилъ воздержаніе, и идолослужитель позналъ Христа?

8) Итакъ, да не возбраняютъ тебѣ монахи, какъ будто одинъ ты поставленъ изъ монаховъ. Не представляй въ предлогъ, будто бы содѣлаешься хуже себя самого. Можешь содѣлаться и лучшимъ, подражая Павлу, соревнуя дѣяніямъ Святыхъ. Ибо знаешь, что такіе домостроители Таинъ, когда были доставлены, тѣмъ паче къ *намѣренному текли, къ почести вышняго званія* (Филип. В, 14). Когда Павелъ сталъ свидѣтелемъ, и возымѣлъ надежду получить вѣнецъ? Не тогда ли, какъ посланъ былъ учить? Когда Петръ сталъ исповѣдникомъ? Не тогда ли, какъ сдѣлался благовѣстникомъ и ловцемъ челоуѣковъ? Когда восхищенъ на небо Илія? Не тогда ли, какъ совершилъ все пророческое служеніе? Когда Елиссея пріялъ сугубый духъ? Не тогда ли, какъ, оставивъ все, послѣдовалъ за Иліею? Для чего и избралъ Спаситель учениковъ? Не для того ли, чтобы посылать ихъ?

9) Поэтому, возлюбленный Драконтій, имѣя образцемъ ихъ, не говори, и не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто бы епископство — поводъ ко грѣху и доставляетъ случай грѣшить. И бывъ епископомъ, можно пребывать въ алчбѣ и жаждѣ, подобно Павлу (2 Кор. 11, 27). И ты можешь не пить вина, какъ Тимоѳей; и ты можешь часто поститься, какъ дѣлалъ

Павель, чтобы, подобно ему, постясь такимъ образомъ, насыщать другихъ словомъ, и терпя жажду и воздерживаясь отъ питія, напоевать другихъ учениемъ. Посему, да не представляютъ тебѣ этого въ предлогъ совѣтники твои. Знаемъ и епископовъ постящихся, и монаховъ ядущихъ; знаемъ и епископовъ не піющихъ вина, и монаховъ піющихъ; знаемъ и епископовъ творящихъ знаменія, и монаховъ не творящихъ. Многіе изъ епископовъ не вступали въ бракъ, а монахи были отцами чадъ; а знаемъ также и епископовъ, бывшихъ отцами чадъ, а монаховъ—последними въ родѣ. И еще знаемъ и клириковъ живущихъ въ алчбѣ, и монаховъ постящихся. И одно возможно, и другому нѣтъ препятствія. Гдѣ бы кто ни былъ, да подвизается вездѣ: вѣнецъ дается не по мѣсту, а по дѣяніямъ.

10) Итакъ, не слушай тѣхъ, которые совѣтуютъ иное, а не это; но лучше поспѣши, и не медли тѣмъ паче, что приближается святой праздникъ, чтобъ народъ безъ тебя не совершилъ этотъ праздникъ, и тебѣ не навлечь на себя великой опасности. Ибо, кто будетъ благовѣствовать имъ Пасху, когда нѣтъ тебя съ ними? Кто будетъ благовѣствовать имъ день Воскресенія, когда ты скрываешься? Кто посоветуетъ имъ праздновать, какъ должно, когда ты въ бѣгствѣ? О, какъ многіе получаютъ пользу отъ твоего прибытія къ нимъ, и какъ многіе потерпятъ вредъ отъ твоего бѣгства! И кто одобритъ тебя за это?

Для чего совѣтуютъ тебѣ не принимать на себя епископства, сами желая имѣть у себя пресвитеровъ? Если ты не способенъ,—пусть не имѣютъ съ тобою общенія. А если признаютъ тебя способнымъ,—пусть не завидуютъ другимъ. Если учить и предстоятельствовать, по словамъ ихъ, служить поводомъ ко грѣху; то пусть сами не учатся и не имѣютъ у себя пресвитеровъ, чтобы и самимъ, и учащимъ ихъ, не

сдѣлаться худшими себя самихъ. Но не внимай этимъ человѣческимъ вѣщаніямъ, не слушай подающихъ такіе совѣты, какъ много разъ говорилъ уже я; а лучше поспѣши и обратись ко Господу, чтобы, имѣя попеченіе объ овцахъ Его, вспомянуть тебѣ и о насъ.

По сей-то причинѣ убѣдилъ я идти къ тебѣ возлюбленныхъ нами Іеракса пресвитера и Максима чтеца, чтобы и словесно убѣдили тебя, и могъ ты узнать изъ этого и расположеніе, съ какимъ писалъ я, и опасность — прекословить церковному распоряженію.

10.

Юзъ Епископамъ Египта и Ливіи—окруженное посланіе противъ аріанъ.

1) Все, что, какъ написалъ Лука, творилъ, и чему училъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, сотворилъ Онъ, для нашего явившись спасенія; потому что пришелъ, какъ говоритъ Іоаннъ, *не да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ міръ* (Іоан. 3. 17). Но подивиться должно благи Его между всѣмъ прочимъ и въ томъ, что не умолчалъ и о препирающихъ съ нами, а, напротивъ того, ясно предсказалъ, чтобы, когда будетъ это, тотчасъ оказалось, что умъ нашъ огражденъ ученіемъ Его, въ которомъ говорится: *Возстанутъ лжепророцы и лжехристи, и дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстятъ, аще возможно, и избранныя. Се прежде рѣхъ вамъ* (Матѣ. 24, 24. 25). Хотя многочисленны и выше человѣка—сообщенныя намъ отъ Него ученія и дарованія, какъ-то: образъ небеснаго жительствова, власть надъ бѣсами, всыновленіе, и все превышающее и превосходящее дарованіе — вѣдѣніе Отца и Его Слова, также

даръ Духа Святаго; однако же, *помышленіе* челоуѣ-
ческое *прилежно прилежитъ на злая* (Быт. 8, 21),
а *супостатъ нашъ діаволь*, завидуя, что столько дано
намъ благъ, *ходитъ искіи* похитить у насъ сѣмена
Слова (1 Петр. 5, 8). Посему-то, Господь, какбы
драгоцѣнности Свой, ученія эти запечатлѣвая въ насъ
предреченіемъ, сказалъ: *Блюдите, да никтоже васъ
прельститъ. Мнози бо приидутъ во имя Мое, глаго-
люще: Азъ есмь: и время приближися: и мнози прель-
стятъ: не изыдите убо во слѣдъ имъ* (Матѣ. 24, 4.
5. Лук. 21, 8). Великое нѣкое дарованіе пріяли мы
отъ Слова—не обольщаться видимымъ, но и даже и
то, что—прикровенно, различать по благодати Духа.
Поелику всецѣлоненавистенъ—изобрѣтатель грѣха, и
великій демонъ есть діаволь; то, едва явится, всѣ
его преслѣдуютъ, какъ змія, какъ дракона, какъ льва,
который ищетъ, кого похитить и поглотить.

Потому утаеваетъ и скрываетъ о себѣ, что—онъ
такое, и хитро присволяетъ себѣ вожделѣнное всѣмъ
имя, чтобы, обольстивъ пустою наружностію, оболь-
щенныхъ уже опутать своими узами. Кто хочетъ чу-
жихъ дѣтей предать въ рабство, какъ-скоро отлу-
чатся ихъ родители, принимаетъ на себя ихъ видъ,
а потомъ, отведя ихъ далеко, губить уже. Такимъ-
же образомъ злой демонъ и обманщикъ діаволь, не
имѣя смѣлости дѣйствовать открыто, зная челоуѣ-
ческую любовь къ истинѣ, ложно принимаетъ на
себя видъ истины, и извергаетъ ядъ свой на тѣхъ,
которые идутъ во слѣдъ его.

2) Такъ обольстилъ онъ и Еву, не свое говоря, но
лживо употребляя Божіи глаголы и измѣняя ихъ
смысль. Такъ низложилъ и жену Іова, внушивъ ей
прикрыть себя любовію къ мужу, и научивъ хулить
Бога. Такъ этотъ лстець обманываетъ людей пустою
наружностію, похищая каждого и вовлекая въ свою
пучину грѣха. Такъ въ древности, обольстивъ пер-

Вѣго челоуѣка Адама и подумавъ, что чрезъ него всѣхъ сдѣлалъ себѣ подвластными, съ дерзостію посмѣвался, говоря: *вселенную всю обьму рукою яко гнѣздо, и яко оставленая яица возму, и нѣтъ ниже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речетъ* (Иса. 10, 14).

Когда же пришелъ Господь, и врагъ опытно узналъ о Его челоуѣческомъ домостроительствѣ, потому что не возмогъ обольстить носимую Имъ плоть: съ тѣхъ поръ этотъ горделивецъ, обѣщавшійся объять рукою цѣлую вселенную, послѣ Христа, по Христовой силѣ, какъ воробей, служить уже игралищемъ для дѣтей; потому что нынѣ *отроча младо*, возложивъ руку на пещеру аспидовъ (Иса. 11, 8), посмѣвается обольстившему Еву, и всѣ право-вѣрующіе въ Господа ногами попираютъ сказавшаго: *поставлю престолъ мой выше облакъ, възыду, подобенъ буду Вышнему* (Иса. 14, 13. 14). Такъ со стыдомъ терпитъ это врагъ. Однако же, отваживается этотъ безстыдный принимать на себя чужой видъ: но носящіе на челѣ знаменіе еще легче узнаютъ нынѣ окаяннаго, и съ болъшею силою отгоняютъ отъ себя униженнаго и посрамленнаго. Ибо, хотя и нынѣ, какъ пресмыкающійся змій, превращается въ Ангела свѣтла; однако же, лицемѣріе — не въ пользу ему; такъ какъ научены мы, что *аще и Ангелъ съ небесе благовѣститъ намъ паче, еже пріяхомъ, анавема будетъ* (Гал. 1, 8. 9).

3) Если же и снова закроетъ свою ложь и притворно будетъ говорить устами истину; то, зная его умышленія, можемъ сказать изреченное о немъ Духомъ: *ерѣшнику же рече Богъ: вскую повѣдаеши оправданія Моя* (Псал. 49, 16)? и: *не красна похвала во устѣхъ ерѣшника* (Сирах. 15, 9); ибо не заслуживаетъ вѣроятія этотъ коварный, когда говоритъ и истину. Это показало и Писаніе, повѣствуя о зло-

ухищреніи его въ раю противъ Евы. И Господь обличилъ его, во-первыхъ на горѣ, когда раскрылъ изгибы сердца его, показалъ, кто—сей льстецъ, и сдѣлалъ явнымъ, что искунитель—не кто-либо изъ святыхъ, но—сатана, сказавъ ему: *иди за мною сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши* (Матѣ. 4, 10); и еще, — когда заставилъ молчать бѣсовъ, взывающихъ изъ гробовъ. Хотя истинно было утверждаемое ими, и не лгали тогда, говоря: Ты Сынъ Божій (Матѣ. 8, 29), *Святый Божій* (Марк. 1, 24); однако же, не захотѣлъ, чтобы истина произносима была нечистыми устами, и особенно—устами бѣсовъ; и чтобы, подъ предлогомъ истины, примѣшавъ свою грѣховную волю, не всѣяли оной *спящимъ чловѣкомъ* (Матѣ. 13, 25). Почему, какъ Самъ не терпѣлъ, чтобы говорили это бѣсы, такъ не желалъ, чтобы и мы терпѣли подобное сему, и Самъ повелѣвалъ, говоря: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Матѣ. 7, 15), и чрезъ святыхъ Апостоловъ: *не всякому духу вѣруйте* (1 Іоан. 4, 1).

Таковъ образъ сопротивнаго дѣйствованія, таковы же еретическія скопища. Ибо каждая ересь, имѣя отцемъ собственнаго измышленія искони совратившагося и содѣлавшагося чловѣкоубійцею и лжецомъ діавола, и стыдясь произнести ненавистное его имя, притворно принимаетъ на себя прекрасное и превысшее всего Спасителево имя, собираетъ изреченія Писаній, произноситъ слова, утаеваетъ же истинный смыслъ, и наконецъ, прикрывъ какую-то лестію свое изобрѣтенное ею измышленіе, сама дѣлается чловѣкоубійцею введенныхъ въ заблужденіе.

4) Ибо, для чего — Евангеліе у Маркіона и Манихея, отрицающихъ законъ? *Ветхимъ* доказывается новое, а новое свидѣтельствуеть о ветхомъ. Посему,

отрицающіе послѣднее исповѣдуютъ ли то, что онимъ доказывається? Павелъ сталъ Апостоломъ благовѣстія, еже Богъ прежде обѣща пророки Своими въ Писаніихъ святыхъ (Рим. 1, 2). Самъ Господь сказалъ: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. 5, 39). Посему, какъ же будутъ исповѣдовать Господа, не испытавъ прежде Писаній о Немъ? Ученики говорятъ, что обрѣли Того, *Егоже писа Моисей и Пророцы* (Іоан. 1, 45). На что опять законъ и саддукеямъ, не приѣмлющимъ Пророковъ? Богъ, давшій законъ, самъ обѣщаль въ законѣ воздвигнуть и Пророковъ; потому что Онъ — Господь и закона и Пророковъ; и отрицающій одно изъ двухъ несомнѣнно отрицаетъ и другое. На что уже и ветхое Писаніе іудеямъ, не познавшимъ ожидаемаго по нему Господа? Если бы вѣрили въ Писанія Моисея; то увѣрвали бы и въ слова Господа: *о Мнѣ бо той писа*, говоритъ Господь (Іоан. 5, 46). На что Писанія Самосатскому, который отрицаетъ Божіе Слово и пришествіе Слова во плоти, назнаменованное и указанное въ Писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завета! На что Писанія и аріанамъ? — Для чего предлагаютъ ихъ люди, которые утверждаютъ, что Слово Божіе есть тварь, и, подобно язычникамъ, служатъ *твари паче Творца* Бога (Рим. 1, 25)? По нечестію своего измышленія, каждая изъ этихъ ересей не имѣетъ ничего общаго съ Писаніями, и защитники ересей знаютъ, что Писанія во многомъ, или лучше сказать—во всемъ, противны мудрованію каждой изъ нихъ. Но для обольщенія простодушныхъ, каковы упоминаемые въ Притчахъ: *незлюбивый въру емлетъ всякому словеси* (Притч. 14, 15), принимаютъ они на себя видъ, подобно отцу своему діаволу, что изучаютъ и собираютъ изреченія Писанія, чтобы этими изреченіями показать правильность своего мудрованія, а наконецъ, убѣдить бѣдныхъ людей мудрство-

вать вопреки Писаніямъ. И конечно, въ каждой ереси прикрывающійся такимъ образомъ діаволь выставлялъ на видъ изреченія, исполненныя лъсти. Ибо Господь сказалъ о нихъ, что *возстанутъ лжехристи и лжепророцы, якоже прельстятъ многихъ* (Матѳ. 24, 24). Такъ приходилъ діаволь, говоря отъ лица каждой ереси: *азъ есмь Христосъ*, у меня—истина; и всѣ ереси клеветникъ этотъ заставлялъ лгать и отдѣльно, и въ совокупности. И странно—то, что всѣ онѣ, препираясь между собой за все, что каждою выдуманно худаго, неразрывно соединились одна съ другою въ одномъ, именно во лжи; потому что одинъ у нихъ отецъ, который во всѣхъ всѣваетъ ложь.

Посему, вѣрный ученикъ Евангелія, имѣющій благодать разсуждать о духовномъ и на камнѣ создавшій домъ вѣры своей, стоитъ твердо и безопасенъ отъ ихъ оболъщенія. А кто простъ, какъ сказалъ я выше, и не крѣпко наставленъ въ вѣрѣ, тотъ, имѣя въ виду одни слова и не проникая въ смыслъ, скоро увлекается ихъ кознями. Посему, прекрасное и необходимое дѣло—пожелать себѣ пріять дарованіе различенія духовъ, чтобы каждому, по Іоанновой заповѣди, знать, кого надобно отринуть и кого принять, какъ друзей и единовѣрныхъ. И многое могъ бы написать тотъ, кто вознамѣрился бы войти въ подробности; тогда злочестіе и злонамѣренность ересей оказались бы чрезвычайными и разнообразными, и хитрость обманщиковъ крайне ужасною. Но поелику Божественное Писаніе всего достаточнѣе, то желающимъ знать объ этомъ многое посовѣтовавъ читать Божіе Слово, самъ я постарался теперь раскрыть самое нужное, почему особенно и написалъ такъ.

5) Слышалъ я, проживая въ этихъ странахъ (сказывали же мнѣ это вѣрные и православные братія), что нѣкоторые изъ держащихся аріанскаго образа мыслей, сошедшись вмѣстѣ, написали о вѣрѣ, что было имъ

желательно, и хотятъ послать это къ вамъ, чтобъ или подписью изъявили вы согласіе на ихъ мнѣніе, лучше же сказать—на то, что внушилъ имъ діаволь, или подвергся изгнанію всякій, кто станетъ сему прекословить; потому что начинаютъ уже тревожить и епископовъ этихъ странъ. Итакъ, изъ этого дѣлается явнымъ нравъ писавшихъ. Ибо написавшіе съ тѣмъ, чтобы концемъ ихъ писаній были изгнаніе и другія казни, могутъ ли быть не чуждыми христіанамъ и недрузьями діаволу и его демонамъ, тѣмъ болѣе, что богочестивѣйшій Царь Констанцій челоуѣколюбивъ, а они противъ воли его разглашаютъ, что хотятъ? Ибо и это дѣлаютъ съ великою хитростію, и какъ мнѣ кажется, всего болѣе по симъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы, когда подпишетесь и вы, утихла, по-видимому, худая молва объ Аріи, да и сами они сдѣлались непримѣтными, какъ не держащіеся уже аріанскихъ мыслей; а во-вторыхъ, чтобы, написавъ это, по-видимому, затмить также бывшій въ Никеи Соборъ и изложенную на немъ противъ аріанской ереси вѣру. Но этимъ-то болѣе и обличаются ихъ злонаравіе и неправославіе. Ибо, если бы право вѣровали, то довольствовались бы вѣрою, изложенною цѣлымъ вселенскимъ Соборомъ въ Никеи. И если бы думали, что на нихъ клеветаютъ и напрасно называютъ ихъ аріанами; то не надлежало бы имъ стараться измѣнять написанное противъ Арія, чтобы противъ Него написанное не служило какбы постановленнымъ противъ нихъ. Теперь же поступаютъ они не такъ: подвизаются за самихъ себя, какъ будто они—самъ Арій. Ибо смотрите: не объ истинѣ попеченіе у нихъ, а, напротивъ того, все говорятъ и дѣлаютъ въ пользу аріанской ереси. Осмѣливаясь клеветать на то, что прекрасно опредѣлено Соборомъ, и предприемля писать иное — противное тому, что другое дѣлаютъ они,— не то ли одно, что обвиняютъ Отцевъ и заступаются

за ересь, противъ которой стояли и дали свой приговоръ Отцы? Что и теперь пишутъ,—пишутъ, какъ уже сказалъ я, не объ истинѣ заботясь, но скорѣе для забавы, съ хитростію дѣлаютъ это на обольщеніе людямъ, чтобы разсылкою писемъ обратить на [это] вниманіе народа, самимъ выиграть время для избѣжанія обвиненія, и скрывъ свое нечестіе, имѣть возможность распространять ересь подобно гангрѣнѣ, которая вездѣ находитъ себѣ пищу.

б) Все приводятъ они въ движеніе и смятеніе, не довольствуясь и своими опредѣленіями. Ежегодно сходятся какъ будто писать договоры, и сами дѣлаютъ видъ, что пишутъ о вѣрѣ, всего болѣе подвергая себя осмѣянію и посрамленію тѣмъ, что не другими, но ими-же самими отвергаются ихъ опредѣленія. Ибо если бы увѣрены были въ томъ, что написано ими прежде; то не старались бы писать другаго, и оставивъ опять это, не стали бы писать теперь еще новаго, что, безъ сомнѣнія, подумавъ объ этомъ, опять измѣняютъ, какъ скоро пройдетъ немного времени и представится случай—по обычаю устроить кому-либо козни. Ибо, когда строятъ козни, тогда особенно показываютъ видъ, что пишутъ о вѣрѣ, чтобы, какъ Пилать умылъ руки, такъ и имъ, написавъ, убивать благочестно вѣрующихъ во Христа, и чтобы составляя опредѣленіе о вѣрѣ, какъ не однократно говорилъ я, по-видимому, избѣжать обвиненія въ неправоствіи. Но не возмогутъ они ни скрыться, ни убѣжать; потому что, пока оправдываютъ себя, всегда дѣлаются своими обвинителями. И это справедливо, потому что не обличающимъ ихъ отвѣчаютъ они, но сами себя убѣждаютъ, въ чемъ хотятъ. Когда же подсудимый разрѣшается отъ вины по собственному своему суду? Потому-то всегда они пишутъ, и непрестанно измѣняя свои мнѣнія, дѣлаютъ, что неизвѣстна ихъ вѣра, вѣрнѣе же сказать, явны ихъ невѣріе

и злонамѣренность. И, кажется, справедливо это терпятъ. Поелику, отступивъ отъ истины и желая извратить прекрасно написанную въ Никей вѣру, *возлюбиша*, по написанному, *подвизати нозѣ свои* (Іер. 14, 10); то по сему самому, какъ нѣкогда Іерусалимъ, утруждаютъ и изнуряютъ себя этими премѣненіями, пища одно вмѣсто другаго, только бы выиграть время и остаться имъ христорборцами, вводящими людей въ заблужденіе.

7) Посему, кто же изъ наиболѣе пекущихся объ истинѣ пожелаетъ еще терпѣть ихъ? Кто не погнушается по всей справедливости этими пишушими? Кто не осудить ихъ дерзости? Они не многочисленны, но хотятъ, чтобы ихъ мнѣнія были сильнѣе всего; желая же, чтобы скопища ихъ, собирающіяся въ мѣстахъ скрытыхъ и подозрительныхъ, одержали верхъ,—усиливаются нарушить и обратить въ ничто бывшій вселенскій нелестный и чистый Соборъ. И люди, Евсевіевыми приверженцами возвышенные за то, что защищали христорборную ересь, осмѣливаются составлять опредѣленіе 'о вѣрѣ'; и когда должны подлежать суду, какъ виновные,—подобно Каіафѣ, предприемлютъ судить сами, сочиняютъ Талію, желая, чтобъ имъ вѣрили, когда не знаютъ, какъ сами вѣрують. Ибо кому не извѣстно, что Секундъ Пентапольскій, прежде не однократно низложенный, ими принятъ за Аріево безуміе, и что возвысились Георгій, который теперь въ Лаодикіи, и Леонтій скопецъ, а прежде него Стефанъ и Θεодоръ что въ Ираклеи? Урзацій и Валентъ, которые въ-началѣ, какъ младшіе, наставлены въ вѣрѣ Аріемъ и нѣкогда низложены изъ пресвитерскаго сана, впослѣдствіи за нечестіе наименованы епископами; Акакій, Патрофилъ и Наркиссъ были самые отважные на всякое нечестіе, и они низложены на великомъ Сардикійскомъ Соборѣ, а Евстаѳій, который теперь въ Севастіи, Димофилъ, Герминій, Евдоксій и Васи-

лій, защитники нечестія, возведены въ санъ. О нынѣшнихъ же—Кекропіи, такъ называемомъ Авксентіи, скоморохѣ Эпиктеѣ, напрасно и говорить, когда всякому явно, какимъ образомъ, по какимъ предлогамъ, и какими врагами поставлены они—слагать клеветы на православныхъ епископовъ, которымъ строятъ козни; потому что и они, хотя жили за восемьдесятъ переходовъ и не знаемы были народомъ, однако же, за нечестіе приобрѣли себѣ епископское имя. Для сегого, нанявъ какого-то Георгія изъ Каппадокіи, хотятъ теперь послать къ вамъ. Но и о немъ нѣтъ слова; по тому что въ странахъ сихъ носится слухъ, будто-бы онъ вовсе не христіанинъ, а скорѣе ревнитель идоловъ и ремесломъ палачъ. Почему и приняли они къ себѣ такого человѣка, чтобъ могъ дѣлать обиды, хищенія, убійства; такъ какъ въ этомъ упражнялся онъ болѣе, вовсе же не знаетъ, что свойственно вѣрѣ во Христа.

8) Такъ ухищряются они противъ истины, и мысль ихъ очевидна будетъ всякому, хотя и тысячи предприимуть средствъ ускользнуть, подобно угрямъ, и скрыть, что они—христорборцы.

Потому, умоляю васъ: никто изъ васъ да не вдается въ обманъ, никто изъ васъ да не будетъ уловленъ ими, но поревнуйте всѣ о Господѣ, какъ будто бы Христовой вѣрѣ угрожало іудейское нечестіе. Каждый, держа вѣру, принятую отъ Отцевъ, которую и собравшіеся въ Никее предали памяти письменно, да не потерпитъ тѣхъ, которые противъ нея замышляютъ нововведенія. Хотя напишутъ вамъ изреченія изъ Писаній, не потерпите написавшихъ; хотя произнесутъ православныя реченія, не внимайте говорящимъ такъ; потому что говорятъ не по правильному смыслу, но, какбы овчею одеждою, облакаясь словами, мудрствуютъ внутренно по-аріански подобно ересеначальнику діаволу. Ибо и онъ говорилъ словами изъ Пи-

саній, но заставленъ умолкнуть Спасителемъ. Если бы, что говорилъ, то и думалъ; то не ниспалъ бы онъ съ неба. А нынѣ сей хитрецъ, павъ мыслию, притворствуесть въ словахъ. Нерѣдко этотъ зложелатель покушается вводить въ обманъ языческимъ красноглаганіемъ и языческими лжеумствованіями.

Итакъ, если что написано православными, напри- мѣръ, Осією, великимъ исповѣдникомъ, Максиминиомъ, Епископомъ Галліи, или его преемникомъ, или Филогоніемъ и Евстаѳіемъ, Епископами восточными, или Юліемъ и Либеріемъ, Епископами Римскими, или Кириакомъ, Епископомъ Мисіи, или Пистомъ и Аристеємъ, Епископами Эллады, или Силвестромъ и Протогеномъ, Епископами Дакии, или Леонтіемъ и Евпсихіемъ, Епископами Каппадокіи, или Цециліаномъ, Епископомъ Африки, или Евсторгіемъ, Епископомъ Италіи, или Капитономъ, Епископомъ Сициліи, или Макаріемъ, Епископомъ Іерусалима, или Александромъ, Епископомъ Константинополя, или Педеротомъ, Епископомъ Иракліи, или великими Мелетіемъ и Василиемъ, и Лонгіаномъ и прочими съ ними Епископами Арменіи и Понта, или Луппомъ и Амфіономъ, Епископами Киликій, или Іаковомъ и прочими съ нимъ Епископами Месопотаміи, или нашимъ блаженнымъ Александромъ и единовѣрными съ нимъ: то въ писанномъ ими ничего нѣтъ подозрительнаго; потому что нельстивъ и простъ—нравъ этихъ апостольскихъ мужей.

9) Поелику же написано это подкупленными защищать ересь, а, по Божественной Притчѣ, *слова нечестивыхъ льстива* (Притч. 12, 6), и *уста нечестивыхъ отвѣщаютъ злая* (Притч. 15, 28), и *управляютъ нечестивіи лести* (Притч. 12, 5): то, какъ сказалъ Господь, должно намъ, братія, бдѣть и трезвиться (Мате. 24, 42), чтобы не оболестили насъ красноглаганіе и хитрость, и не пришелъ кто во имя Христова, говоря о себѣ: „и я Христа проповѣдую“, и не ока-

зался вскорѣ антихристомъ. Всѣ же тѣ—антихристы, которые приходятъ къ вамъ посѣвать Аріево безуміе. Ибо чего недостаетъ у васъ, чтобы нужно было приходиться кому къ вамъ изъ чужой стороны?, Или, въ чемъ имѣютъ нужду Церкви—Египетская, Ливійская и Александрійская, чтобы промыслившіе себѣ епископство за дерево и корабельный грузъ вторглись въ принадлежащія имъ церкви? Кто не знаетъ и не видитъ ясно, что все это дѣлаютъ, чтобы составить заговоръ въ пользу нечестія? Посему-то, хотя представляютъ себя изумленными, хотя имѣютъ воскрилія бѣльшія фарисейскихъ, ширятся въ вѣщаніяхъ, и упражняютъ силу голоса: не должно, однако же, имъ вѣрять; потому что вѣру утверждаютъ не изреченія, но смыслъ и благочестивая жизнь. Почему, саддукеи и иродіане, хотя и имѣли законъ на устахъ, посрамлены Спасителемъ, услышавъ отъ Него: *прельщаетесь, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія* (Матѣ. 22, 29); и всякому стало извѣстно, что изрекающіе, по-видимому, законъ обличены въ сердцѣ еретиками и богоборцами. Итакъ, говоря это, вводили они другихъ въ обманъ; но не могли обмануть Господа, содѣлавшагося человекомъ. Ибо *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14),—Слово, Которое *вѣсть помысленія человеческая, яко суть суетна* (Псал. 93, 11). Такъ обличилъ Господь подыскивающихся противъ Него іудеевъ, сказавъ: *аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любили убо бысте Мене: Азъ бо отъ Отца изыдохъ, и приидохъ къ вамъ* (Іоан. 8, 42). Такъ и эти, кажется, поступаютъ нынѣ; потому что скрываютъ, что думаютъ, и въ писанія свои заимствуютъ уже изреченія Писаній, чтобы, ими уловивъ невѣдущихъ, вовлечь въ свою злобу.

10) Разсмотрите же, не такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Ибо, если пишутъ о вѣрѣ безъ всякой предположенной цѣли, то излишнее это предпріятіе, а, можетъ

быть, и вредное; потому что, когда не настоятъ никакого вопроса, подаютъ они поводъ къ словопренію, разстроивая незлобивыя сердца братій и всѣвая въ нихъ, чего никогда не приходило имъ на умъ. Если же предприемлютъ писать въ свою защиту,—что не держатся аріанской ереси; то должно было—напередъ истребить сѣмена возросшихъ золь и предать позору доставившихъ эти сѣмена, а такимъ образомъ, писать противъ нихъ православно, или явно преслѣдовать аріанское ученіе, чтобы христорборцы не оставались сокровенными, но явно были обнаружены, и всѣ бѣжали отъ нихъ, *якоже отъ лица змѣва* (Сирах. 21, 2). Теперь же Аріево ученіе скрываютъ, и притворяются,— что пишутъ о другомъ. И врачъ,—который призванъ къ язвленному и страждущему, но, вошедши, ничего не скажетъ о язвахъ, а станетъ разсуждать о здоровыхъ членахъ,—можетъ быть обвиненъ въ великомъ скудоуміи, потому что молчитъ о томъ, для чего пришелъ, разсуждаетъ же о другомъ, для чего нѣтъ въ немъ нужды. Подобно сему и они оставляютъ относящееся къ ихъ ереси, предприемлютъ же писать другое. А еслибъ заботились они о вѣрѣ и любили Христа, то надлежало бы напередъ истребить хульные противъ Него реченія, и тогда уже вмѣсто нихъ изречь и написать словеса здравыя. Но они сами этого не дѣлаютъ, и желающимъ дѣлать не дозволяютъ, или по невѣдѣнію, или изъ хитрости.

11) Если подпадаютъ этому по невѣдѣнію, то могутъ быть обвинены въ безразсудности за то, что говорятъ о томъ утвердительно, чего не знаютъ. Если же зная это притворяются, то еще большее осужденіе падаетъ на нихъ за то, что, разсуждая о собственныхъ своихъ дѣлахъ, ничего не дѣлаютъ небрежно, а пиша о вѣрѣ въ Господа нашего, шутятъ и скорѣе дозволяютъ себѣ все, нежели -- стоять въ истинѣ; скрываютъ то, въ чемъ осуждается ихъ ересь, при-

водятъ же изреченія изъ Писаній. А это—явное хищеніе истины, и исполнено всякой неправды; что, какъ хорошо знаю, и ваше благочестіе вполнѣ можетъ усмотрѣть изъ сего. Никто, обвиняемый въ прелюбодѣянїи, не оправдывается тѣмъ, что онъ—не тать. И кто обвиняетъ въ убійствѣ, тотъ не потерпитъ, чтобы обвиняемые оправдывались, говоря: „мы не нарушили клятвы, но сохранили намъ ввѣренное“. Это скорѣе можно назвать шуткою, нежели оправданіемъ въ винѣ и доказательствомъ истины. Какое отношеніе между убійствомъ и сохраненіемъ ввѣреннаго, или прелюбодѣянїемъ и хищеніемъ? Хотя всѣ пороки имѣютъ между собою связь, выходя изъ одного и того же сердца; однако же, при оправданїи въ преступленїи, не имѣютъ они между собою ничего общаго. Такъ Ахаръ, по написанному въ книгѣ Іисуса Навина, обвиненный въ хищенїи, не сталъ оправдываться, представляя свое усердіе къ военнымъ дѣламъ, но уличенный въ татьбѣ, замѣтанъ отъ всѣхъ камнями. И Саулу, обвиняемому въ небреженїи и нарушенїи закона, не принесло пользы извиненіе себя другими предлогами. Ибо оправданіе въ одномъ не разрѣшаетъ отъ вины въ другихъ преступленїяхъ. Но если во всемъ должно поступать законно и справедливо, то надлежитъ въ томъ и оправдываться, въ чемъ кто обвиняется, или доказать, что не дѣлалъ этого, или, если обличенъ, обѣщаться, что уже не дѣлаетъ и не будетъ больше дѣлать того. Если же сдѣлалъ и привелъ въ исполненіе, но, скрывая, не сознается, и будетъ говорить одно вмѣсто другаго; то явно, что поступилъ неправо и самъ сознаетъ свое преступленіе.

Но нужно ли много говорить, когда сами они служатъ обвинителями аріанской ереси? Если не осмѣливаются произнести, а болѣе скрываютъ хульные свои реченія; то явно, что и они признаютъ эту ересь

странною и чуждою истины. Но поелику они скрываютъ и страшатся говорить, то намъ необходимо нужно совлечь завѣсу съ нечестія и выставить на позоръ эту ересь; такъ какъ знаемъ, что говорили тогда ариане, какъ изринуты они изъ Церкви и низложены изъ клира. Но прежде нужно испросить извиненіе въ тѣхъ скверныхъ реченіяхъ, какія будемъ произносить; потому что говоримъ это, не одинаково мудрствуя съ еретиками, но обличая ихъ.

12) Итакъ, блаженной памяти Епископъ Александръ извергъ изъ Церкви Арія, который мудрствовалъ и говорилъ такъ: „Богъ не всегда былъ Отцемъ; не всегда былъ Сынъ; но какъ всѣ существа изъ не-сущаго, такъ и Сынъ Божій изъ не-сущаго, и какъ всѣ существа суть твари, такъ и Онъ—тварь и произведеніе. Какъ всѣ существа не были прежде, но пришли въ бытіе; такъ было нѣкогда, что и само Божіе Слово не было; — и Оно не было, пока не рождено; имѣетъ же начало бытія. Ибо тогда пришло въ бытіе, когда угодно стало Богу создать Его; потому что и Оно—въ числѣ дѣлъ Божіихъ. И хотя Оно—измѣняемо по естеству, но, по собственной свободѣ, сколько хочетъ, пребываетъ совершеннымъ. А если бы пожелало, то можетъ и Оно измѣниться, какъ и все прочее. Посему-то, Богъ по предъувѣдѣнію,—что будетъ Оно совершеннымъ, предварительно даровалъ Ему ту славу, какую бы впоследствии стало имѣть за добродѣтель; почему, за дѣла свои, которыя предъувѣдалъ Богъ, и стало Оно нынѣ таковымъ“. На этомъ основаніи говорятъ они, что „Христосъ—не истинный Богъ, но что Онъ, какъ и всѣ другіе, именуется Богомъ по причастію“. Присовокупляютъ и то, что „Христосъ не есть по естеству сущій во Отцѣ, и собственное Слово Его сущности, и собственная Его Премудрость, Которою и міръ сей сотворенъ, но иное есть, со Отцемъ сущее, собствен-

ное Его слово, и иная есть, въ Отцѣ сущая, собственная Его премудрость, каковою премудростію сотворилъ и Слово сіе. Самъ же Господь сей называется Словомъ по примышленію (*κατ' ἐπινοίαν*), по причинѣ словесныхъ тварей, и Премудростію называется по примышленію же, по причинѣ тварей, одаренныхъ мудростію“. Говорятъ они, безъ сомнѣнія, и сіе: „какъ всѣ существа по сущности—далеки отъ Отца и чужды Ему: такъ и Христосъ — по всему далекъ отъ сущности Отчей и чуждъ оной, состоитъ же въ свойствѣ съ существами получившими бытіе и съ тварями, и есть одинъ изъ числа ихъ; потому что Онъ—тварь, произведение, дѣло“. И еще говорятъ, что „Богъ не насъ создалъ для Него, но Его для насъ: потому что, какъ утверждаютъ, одинъ былъ Богъ и не было съ Нимъ Слова; а потомъ, восхотѣвъ насъ создать, сотворилъ уже и Его, и, какъ-скоро пришелъ Онъ въ бытіе, наименовалъ Его Словомъ, и Сыномъ, и Премудростію, чтобы чрезъ Него и насъ создать. И какъ все, не существовавшее прежде, состоялось Божіею волею: такъ и Онъ, не имѣя прежде бытія, волею Божіею приведенъ въ бытіе; потому что Слово не есть собственное по естеству рождение Отца, но и само произошло по благодати. Сущій Богъ сотворилъ не-сущаго Сына тѣмъ-же изволеніемъ, которымъ и все сотворилъ, произвелъ, создалъ, восхотѣлъ, чтобы пришло въ бытіе“. Ибо говорятъ и то еще, что „Христосъ не есть собственная и истинная сила Божія, но какъ гусеница и мшица называются силою (Іоил. 2, 25), такъ и Онъ именуется силою Отчею“. Къ сему присовокуплялъ Арій, что „Отецъ — тайна для Сына, и Сынъ не можетъ ни видѣть Отца, ни знать Его совершенно и въ-точности; потому что, имѣя начало бытія, не можетъ познавать Безначальнаго, даже что̀ познаетъ и видитъ, то̀ знаетъ и видитъ соотвѣтственно собственной своей мѣрѣ, какъ

и мы познаёмъ и видимъ по мѣрѣ собственныхъ своихъ силъ“. Аріій прилагаль къ сему еще и то, что „Сынъ не только не знаетъ въ-точности Своего Отца, но даже не знаетъ и собственной Своей сущности“.

13) Это и подобное этому утверждалъ Аріій, за то и объявленъ еретикомъ; а я каюсь и въ томъ, что написалъ только это, хотя думаю противное сему и держусь благочестиваго разумѣнія. Ибо и всѣ ото-всюду сошедшіеся на Соборъ въ Никею Епископы заграждали себѣ слухъ при этихъ Аріевыхъ словахъ, и всѣ единогласно осудили за это и предали анаѣемѣ его ересь, подтвердивъ, что она—нова и чужда церковной вѣрѣ. Не принужденіе привело къ этому дававшихъ судъ, но всѣ по собственному изволенію вступились за истину; дѣлали же это законно и по праву, потому что сими ученіями вводится безбожіе, вѣрнѣе же сказать, противное Писаніямъ іудейство, за которымъ не далеко слѣдуетъ язычество. И кто имѣетъ такой образъ мыслей, того не должно уже называть и христіаниномъ, ибо все это — противно Писаніямъ.

Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бы Слово* (Іоан. 1, 1); а эти еретики утверждаютъ: Онъ не былъ, пока не рожденъ. И еще Іоаннъ написалъ: *и да будемъ во Истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. 5, 20); они же, какъ противоборцы, говорятъ, что Христосъ не истинный Богъ, что и Онъ, какъ и всѣ, называется Богомъ, по причастію (*κατὰ μετοχήν*). И Апостоль обвиняетъ язычниковъ, что чествуютъ тварей, говоря: *послуживша твари паче Творца* (Рим. 1, 25); они же, утверждая, что Господь есть тварь, и служа Ему, какъ твари, чѣмъ отличаются отъ язычниковъ? Если такъ они мудрствуютъ, то не противъ ли ихъ приведенное мѣсто и не ихъ ли порицаетъ блаженный Павель? И

Господь говорить: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9); и посланный Имъ на проповѣдь Апостолъ пишетъ: *Иже сый сіяніе славы и образъ впостаси Его* (Евр. 1, 3); сіи же безбожные осмѣливаются отдѣлять и называть Его чуждымъ Отчей сущности и вѣчности, и представлять измѣняемымъ, не видя того, что, утверждая это, дѣлаютъ Его единымъ не со Отцемъ, но съ тварями. Ибо кто не усмотритъ, что сіяніе не отдѣлимо отъ свѣта и есть собственность, пребывающая съ нимъ по естеству, а не впоследствии произошло? Потомъ, Отецъ говорить: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17), и Писанія говорятъ, что Онъ есть Отчее Слово, Которымъ *небеса утвердишася* (Псал. 32, 6), и, короче сказать, чрезъ Котораго *вся быша* (Іоан. 1, 3); сіи же, ставъ изобрѣтателями новыхъ догматовъ и вымысловъ, вводятъ иное слово, говорятъ, что есть другая Отчая премудрость, а Христось по примышленію, по причинѣ словесныхъ тварей, именуется Словомъ и Премудростію, и не видятъ, сколько изъ этого выходитъ нелѣпостей.

14) Ибо, если Словомъ и Премудростію именуется ради насъ по примышленію (*κατ' ἐπίνοιαν*), то, конечно, не скажутъ, что же такое Онъ? Если Писанія утверждаютъ, что Онъ есть Слово и Премудрость, а имъ не угодно, чтобы былъ Господь Словомъ и Премудростію; то этимъ безбожникамъ и противникамъ Писаній явно не угодно и бытіе Его. Но вѣрующихъ могутъ научить сему самый Отеческій гласъ, также поклоняющіеся Ему Ангелы и писавшіе о Немъ Святыя. Они же, поелику не имѣютъ чистаго разумѣнія и не способны внимать мужамъ божественнымъ и богословамъ, то могутъ научиться хотя у подобныхъ имъ демоновъ; потому что не многихъ признавая возглашали, но Сего единаго вѣдая, говорили: Ты *Святый Божій* (Марк. 1, 24), и *Сынъ Божій* (Матѳ. 8, 29). И тотъ, кто вну-

циль имъ ересь, искушая на горѣ, не сказалъ: *аще* и Ты *Сынъ еси Божій*, предполагая, что есть и другіе сыны, но говоритъ: *аще Сынъ еси Божій* (Матѣ. 4, 3), признавая, что Онъ одинъ есть Сынъ. А теперь видимъ, что, какъ язычники, утративъ понятіе о единомъ Богѣ, дошли до многобожія, такъ и эти чудныя люди, не вѣруя, что одно есть Отчее Слово, ниспали до измышленія многихъ. Отрицають Того, Кто истинно есть Богъ и истинное Слово, осмѣливаются же представлять Его себѣ тварію, не примѣчая, какого нечестія исполнено это мудрованіе. Если Онъ—тварь, то какъ Онъ-же—зидитель тварей? Или, какъ тотъ-же Сынъ и Премудрость, и Слово? Слово не творится, но раждается, и тварь—не сынъ, но произведеніе. И если твари чрезъ Него пришли въ бытіе, самъ же Онъ—тварь; то чрезъ кого Самъ Онъ пришелъ въ бытіе? Ибо произведеніямъ необходимо прійти въ бытіе чрезъ кого-нибудь, какъ и дѣйствительно пришли чрезъ Слово; потому что Оно—не произведеніе, но Отчее Слово. И ежели, кромѣ Господа, есть иная, во Отцѣ сушая, премудрость; то и Премудрость приведена въ бытіе премудростію. И ежели Премудрость есть Слово Божіе, то и Слово словомъ произведено. И ежели Слово Божіе есть Сынъ, то Сынъ сотворенъ сыномъ.

15) Посему, какъ же Господь сказалъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10), когда во Отцѣ есть другой, кѣмъ и самъ Господь приведенъ въ бытіе? Почему и Іоаннъ, умолчавъ о томъ другомъ, о Семъ повѣдалъ, говоря: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3)? Если все, сотворенное изволеніемъ, сотворено Имъ; то какимъ же образомъ самъ Онъ есть одинъ изъ вещей сотворенныхъ? Почему, когда Апостоль говоритъ: *Егоже ради всяческая и Имже всяческая* (Евр. 2, 10), они утверждаютъ: не мы ради Его, но Онъ ради насъ получилъ бытіе?

Еслибъ это было такъ,—Апостолу надлежало бы сказать: ихже ради стало Слово. А теперь, не это говоря, но—*Егоже ради всяческая и Имже всяческая*, показываетъ тѣмъ, что они—еретики и клеветники. Иначе же, если осмѣлились утверждать, что въ Богѣ есть иное слово; то, поелику не имѣютъ на это ясныхъ доказательствъ въ Писаніяхъ, пусть укажутъ хотя единое дѣло инаго слова, или дѣло Отца, совершенное безъ Слова, нами проповѣдуемаго, чтобы имѣть какой-либо видимый предлогъ къ своему измышленію. Дѣла истиннаго Слова всѣмъ явны, и само Оно познается изъ этихъ дѣлъ въ соотвѣтственной мѣрѣ; потому что, какъ видя тварь, уразумѣваемъ создавшаго ее Бога, такъ усматривая, что въ сотворенномъ нѣтъ ничего безпорядочнаго, что все движется и пребываетъ въ порядкѣ и по распоряженіямъ Промысла, заключаемъ, что есть надъ всѣмъ сущее и владычественное Божіе Слово. Объ этомъ свидѣлствуютъ и Божественныя Писанія, говоря, что сіе Слово есть Божіе Слово, и что *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть*. А того слова, о которомъ они говорятъ, не указывается ими ни-одного реченія, ни-одного дѣла. Ибо самъ Отецъ, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, даетъ разумѣть, что нѣтъ инаго Сына, кромѣ Его.

16) Посему, въ этомъ отношеніи чудные сіи люди приложились уже къ манихеямъ. Ибо и тѣ именуютъ по имени только благаго Бога, и не могутъ указать ни видимаго, ни невидимаго Его дѣла; отрицая же истиннаго и дѣйствительно сущаго Бога, Творца неба и земли и всего невидимаго, безъ сомнѣнія, слагаютъ чистую баснь. То-же, кажется мнѣ, испытываютъ на себѣ и сіи зломысленные. Ибо видятъ дѣла истиннаго и единаго во Отцѣ сущаго Слова, и отрицаютъ Его, вымышляютъ же себѣ иное слово, котораго не могутъ доказать ни изъ дѣлъ, ни по слуху, слагаютъ

басни, примышляя сложнаго Бога, который, какъ человѣкъ, говоритъ и измѣняетъ слова, и точно опять также мыслить и умудряется; между-тѣмъ не видятъ, въ какое неразуміе впадаютъ, говоря это. Ибо если имѣеть слова случайныя, то Онъ, по мнѣнію ихъ, совершенный человѣкъ. Если же произносятся Имъ слова, и потомъ исчезаютъ, то сказать сіе—еще нечестивѣе; потому что симъ и то, что—отъ Сушаго, разрѣшается въ небытіе. Если вообще предполагаютъ, что Богъ раждаетъ; то лучше и благочестнѣе — сказать, что Богъ есть Родитель единаго Слова, Которое есть полнота Божества Его, въ Которомъ сокровены и сокровища всякаго вѣдѣнія, и признать, что Оно есть Слово и сопребываетъ со Отцемъ Своимъ, и что *вся Тьма быша*,—нежели почитать Бога Отцемъ многихъ неявляемыхъ, и простое по естеству существо воображать сложеннымъ какбы изъ многихъ, какбы подобострастнымъ человѣку и многообразнымъ. Потомъ, когда Апостоль говоритъ: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24),—они Его единаго сопрічисляютъ ко многимъ силамъ, и, что еще хуже, незаконные сіи ставятъ Его въ сравненіе съ мшицею и съ другими безсловесными тварями, посылаемыми Имъ въ наказаніе. При этомъ, поелику Господь говоритъ: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Матѣ. 11, 27), и еще: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо Сынъ отъ Бога* (Іоан. 6, 46); то не по самой ли истинѣ они суть богоборцы, когда утверждаютъ, что Отецъ невидимъ и непознаваемъ въ совершенствѣ Сыномъ? Если Господь говоритъ: *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. 10, 15), Отецъ же не отчасти знаетъ Сына; то не безумствуютъ ли они, суеслова, что Сынъ отчасти, а не вполне, познаетъ Отца? Потомъ, если Сынъ имѣеть начало бытія, а также и все имѣеть начало своего сотворенія; то пусть скажутъ, что — чего первоначальнѣе? Но ничего не

умѣютъ сказать эти коварные, не могутъ указать такого начала для Слова; потому что Оно есть истинное и собственное Отчее рожденіе, и *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1). А на то, что говорятъ они, будто бы Сынъ не знаетъ Своей сущности, излишнимъ будетъ и отвѣчать, развѣ только нужно осудить ихъ безуміе, будто бы не знаетъ Себя Слово, которое всѣмъ даруетъ вѣдѣніе объ Отцѣ и о Себѣ, и укоряетъ тѣхъ, которые не познаюгъ себя.

17) Но, говорятъ, написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22). О невѣжды и поврежденные въ умѣ! Въ Писаніяхъ названъ Онъ и рабомъ, и сыномъ рабыни, и агнцемъ, и овчатей; сказано о Немъ, что утомлялся, жаждалъ, былъ бѣенъ и пострадалъ. Но таковыя выраженія въ Писаніяхъ имѣютъ близъ себя и предлогъ, и основательную причину, именно же—въ томъ, что сталъ Онъ человѣкомъ и сыномъ человѣческимъ, пріавъ на Себя образъ раба, то есть плоть человѣческую. Ибо Іоаннъ говоритъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). Если же сталъ человѣкомъ, то не должно инымъ соблазняться подобными выраженіями; потому что человѣку свойственно быть созданнымъ, прійти въ бытіе, образоваться, утомляться, страдать, умереть, быть воскрешеннымъ изъ мертвыхъ. И, какъ будучи Словомъ и Премудростію Отчею, имѣетъ все принадлежащее Отцу: вѣчность, неизмѣняемость, подобіе по всему и во всемъ, и то, что—не первоначальнѣе по бытію и не впоследствии пришелъ въ бытіе, но со-пребываетъ со Отцемъ и Самъ есть тотъ-же образъ Божества, а также—зиждательность и несозданность; потому что, будучи подобенъ Отцу по сущности, Онъ не сотворенъ, но есть Творецъ, какъ Самъ сказалъ: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17); такъ, ставъ человѣкомъ и понесши на Себѣ плоть, по

необходимости называется созданнымъ, и сотвореннымъ, и имѣющимъ все свойственное плоти, хотя еретики, подобно іудейскимъ корчемникамъ, смѣшиваютъ вино съ водою, уничтожая Слово, и Божество Его подводя подъ понятіе вещей сотворенныхъ.

Посему, по праву и справедливо вознегодовали Отцы и предали анаѣмѣ эту нечестивѣйшую ересь; а сіи, сознавая, что она—удобоопровержима и во всѣхъ отношеніяхъ не тверда, боятся и скрываютъ ее. И мы кратко написали это въ ихъ осужденіе; а если кому будетъ угодно сдѣлать имъ пространнѣйшее обличеніе, то найдетъ, что ересь эта—недалека отъ язычества и составляетъ остатки и отсѣдъ другихъ ересей. Ибо тѣ—или заблуждаются въ ученіи о тѣлѣ и вочеловѣченіи Господнемъ, погрѣшая однѣ такъ, другія иначе, или пребываютъ въ оболъщеніи, подобно іудеямъ, думая, что Господь вовсе не приходилъ къ намъ; но сія одна, съ большимъ безуміемъ возставая противъ самого Божества, осмѣлилась утверждать, что вовсе нѣтъ Слова, и Отецъ не есть Отецъ. Почему, не безъ основанія можетъ иной сказать, что именно противъ нихъ написанъ Псаломъ: *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: несть Богъ. Растлѣша и омерзѣша въ начинаніихъ своихъ* (Псал. 13, 1).

18) Но говорятъ: „мы въ состояніи и можемъ защитить ересь хитрыми способами“. Лучше было бы ихъ защищеніе, если бы могли защитить ее не какимъ-либо искусствомъ и не эллинскими лжеумствованіями, но простою вѣрою. Почему, если знаютъ и увѣрены, что таково церковное ученіе; то пусть открыто скажутъ свое мудрствованіе. *Никтоже свѣтильникъ важегъ, поставляетъ его подъ снудомъ, но на свѣтлицѣ, и свѣтитъ всемъ входящимъ* (Матѣ. 5, 15. Лук. 8, 16). Посему, если и они могутъ защитить свою ересь, то пусть напишутъ сказанное предъ симъ, и свою ересь, какъ свѣтильникъ, покажутъ безъ вся-

каго покрова; пусть явно обвиняють блаженной памяти Епископа Александра, что несправедливо извергъ Арія, утверждавшаго это; пусть порицають Никейскій Соборъ, который написалъ и предалъ памяти, вмѣсто нечестія, благочестивую вѣру. Но очень знаю, что не сдѣлають они этого; потому что не безъизвѣстно имъ, какое зло ими измышлено и стараются они разсѣвать. Напротивъ того, хорошо знаютъ они, что, хотя въ-началѣ пустымъ своимъ обольщеніемъ и увлекутъ людей простодушныхъ, однако же, вскорѣ ученіе ихъ, какъ *свѣтъ нечестивыхъ, угаснетъ* (Іов. 18, 5); и повсюду предаются они позору, какъ враги истины. Почему, и дѣлая все юродиво, и говоря, какъ юродивые, въ томъ одномъ, какъ *сынове вѣка сего*, поступаютъ благоразумно, что свѣтильникъ свой скрываютъ подъ спудомъ, чтобы предполагалась возможность стать ему видимымъ, и былъ онъ не угашенъ осужденіемъ, дѣйствительно ставъ видимымъ.

И самъ ересеначальникъ и сообщникъ Евсевіевъ, хитрый Арій,—когда, по старанію Евсевіевыхъ приверженцевъ, призванъ былъ блаженной памяти Августомъ Константиномъ, и потребовали у него вѣру свою изложить письменно,—скрывая свои нечестивыя выраженія и лицемѣря, какъ діаволь, написалъ, употребивъ простыя реченія Писаній, и какъ дѣйствительно написано. Потомъ, когда блаженной памяти Константинъ сказалъ: если не имѣешь въ мысли ничего иного, кромѣ сего, то призови во свидѣтели истину (потому что Господь накажетъ тебя, если поклянешься лживо); тогда поклялся сей несчастный, что, сверхъ написаннаго теперь, ничего не имѣетъ въ мысли, и никогда не говорилъ, и не думалъ иного. Но вскорѣ вышедши, какъ дѣйствительно понесшій наказаніе, упалъ и *нищъ бывъ, просидѣлся посреда* (Дѣян. 1, 18).

19) Правда, что смерть есть общій конецъ жизни всѣмъ людямъ, и не должно ни надъ кѣмъ издѣ-

ваться, хотя бы скончавшійся былъ и врагъ, потому что не извѣстно, не постигнетъ ли и насъ самихъ тотъ-же конецъ еще прежде вечера; но конецъ Аріевъ былъ не простъ, и потому стоить, чтобы пересказать о немъ. Евсевіевы сообщники угрожали, что введутъ Арія въ Церковь; Епископъ Константинопольскій Александръ прекословилъ; Арій же твердо надѣялся на Евсевіевы насилія и угрозы. День былъ субботній, и Арій ждалъ, что на слѣдующій день будетъ онъ принятъ. Поэтому происходила сильная борьба; тѣ угрожали, Александръ молился. Но Господь, ставъ Судією, изрекъ опредѣленіе на обидчиковъ. Не заходило еще солнце, какъ нужда повлекла Арія на опредѣленное къ тому мѣсто; тамъ онъ упалъ,—и вдругъ лишень того и другаго,—и общенія съ Церковію, и жизни. Скоро услышавъ объ этомъ, блаженной памяти Константинъ удивился, видя, что обличень онъ клятвопреступникомъ. Всѣмъ тогда стало явно, что угрозы Евсевіевыхъ сообщниковъ оказались безсильны, и надежда Аріева сдѣлалась суетною. Оказалось также, что арианскому безумію нѣтъ общенія со Спасителемъ ни здѣсь, ни въ Церкви первородныхъ на небесахъ. Посему, кто не подивится, видя крайне упорствующими тѣхъ, кого осудилъ Господь, и примѣчая, что они защищаютъ ересь, о которой Господь далъ знать, что лишена общенія съ Нимъ, не допустивъ начальника ея войти въ Церковь, и не страшатся написаннаго, но предприемлютъ невозможное? *Яже бо Богъ Святый соотца, кто разоритъ* (Иса. 14, 27)? И кого Богъ осудилъ, тому кто оправдатель?

Пусть, защищая мечты свои, пишутъ они, что хотятъ; но умоляю васъ, братія, какъ хранителей Божіихъ сосудовъ, какъ защитниковъ церковныхъ догматовъ, будьте судіями этого дѣла. И если употребляютъ другія реченія, кромѣ упомянутыхъ выше Аріевыхъ; то осуждайте ихъ за это, какъ лицемѣровъ,

которые скрываютъ ядъ своего мудрованія, и подобно змію, льстятъ словами усть. Ибо, пиша это, имѣють при себѣ изверженныхъ тогда съ Аріемъ Секунда Пентаполита и обличенныхъ нѣкогда Александрійскихъ клириковъ. И этимъ жителямъ Александріи пишутъ, а меня и близкихъ ко мнѣ, что чудно, довели до изгнанія. Хотя благочестивѣйшій Царь Константинъ, попечительный о народномъ единомысліи, съ миромъ послалъ меня въ отечество и въ Церковь; но они сдѣлали то, что церкви переданы теперь имъ, и всякому стало видно, что всѣ злоумышленія противъ меня и противъ другихъ съ самага начала были по ихъ милости.

20) Дѣлая же это, могутъ ли внушить довѣріе къ тому, что пишутъ? Если бы писали правомысленно, то истребили бы написанную Аріемъ Талію и отринули бы эти отпрыски ереси, потому что сдѣлались они учениками и сообщниками и нечестія, и наказанія Аріева. А посему, не отвергая еретиковъ, для всякаго дѣлаютъ очевиднымъ, что не имѣють праваго образа мыслей, хотя тысячу разъ будутъ писать. Поэтому, надлежитъ бодрствовать, чтобы подъ покровомъ письменъ не скрывалось какого обольщенія и не отвлекли они иныхъ отъ благочестивой вѣры. Если же, видя себя благоуспѣшными и во всемъ счастливыми, осмѣлятся и будутъ писать по Аріеву; то намъ ничего не остается болѣе, какъ употребить великое дерзновеніе. Помня предреченія Апостола, написанныя въ предохраненіе наше отъ подобныхъ ересей, и намъ прилично сказать: знаемъ, что *въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ здравой вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовъ* (1 Тим. 4, 1), *отвращающихся отъ истины* (Тит. 1, 14); и: *все же, хотящій благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ. Лукавіи же челоувѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми* (2 Тим. 3, 12. 13). Но

насъ ничто подобное не убѣдитъ и не отлучитъ отъ любви Христовой, хотя бы еретики угрожали намъ и смертію; потому что мы — христіане, а не аріане. О, если бы и тѣ, которые написали сіе, не держались Аріевыхъ ученій!

Да, братія; теперь нужно такое дерзновеніе: *не пріятомъ бо духа работы паки въ боязнь* (Рим. 8, 15), но *на свободу* призывалъ насъ Богъ (Галат. 5, 13). И подлинно стыдно, крайне стыдно, если отъ Спасителя чрезъ Апостоловъ имѣемъ вѣру, и ее погубимъ ради Арія или ради тѣхъ, которые держатся Аріевыхъ мыслей и защищаютъ ихъ. Посему, весьма многіе и въ здѣшнихъ странахъ, узнавъ коварство пишущихъ, готовы даже до крови противостоятъ ихъ кознямъ, особенно же, слыша о вашей твердости. Поелику же и вами возвѣщается обличеніе ереси, и она обнаружена у васъ, какъ змій въ норѣ; то значитъ, что соблюдено у васъ Отроча, Которое искалъ убить Иродъ, и что живетъ въ васъ истина, и здрава—вѣра ваша.

21) Посему, умоляю,—имѣя въ рукахъ написанную въ Никеи Отцами вѣру и защищая ее съ великимъ усердіемъ и съ упованіемъ на Господа, будьте для всѣхъ образцами, показывая, что теперь предлежитъ борьба съ ересью за истину и что многоразличны опасности врага. Ибо не только не приносить въ жертву мученій—значитъ быть мученикомъ, но и не отречься отъ вѣры есть уже свѣтлое мученичество въ новѣсти. Не только поклонявшіеся идоламъ, но и предавшіе истину осуждены, какъ чуждые. Посему, Іуда изверженъ изъ Апостольскаго сана не за приношенія жертвы идоламъ, но за то, что сталъ предателемъ. И—Именей и Александръ, не къ идоламъ обратившись, отпали, но потому, что потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 20). Также Патріархъ Авраамъ увѣнчанъ не за то, что умерщвленъ, но за то, что сталъ вѣренъ Богу. И другіе святые,—о которыхъ говоритъ

Павель,—Гедеонъ, Варакъ, Сампсонъ, Іефѳай, Давидъ и Самуиль, и прочіе съ ними (Евр. 11, 32) не пролитіемъ крови достигли совершенства, но оправдались чрезъ вѣру и донынѣ внушаютъ удивленіе; потому что готовы были претерпѣть смерть ради благочестія предъ Господомъ. Если же должно присовокупить и у насъ бывшіе примѣры, то знаете, какъ блаженной памяти Александръ даже до смерти боролся съ этою ересію, и будучи старцемъ, многія скорби и великіе труды претерпѣлъ, и въ преклонномъ уже возрастѣ приложился къ Отцамъ своимъ. И многіе другіе сколько имѣли трудовъ, уча противиться этому нечестію, и о Христѣ имѣютъ похвалу сего исповѣданія!

Посему и мы, какъ обязанные вступить въ подвигъ для защищенія всего, когда предстоитъ—или'отречься отъ вѣры, или сохранить ее, рѣшимся и употребимъ старанія—хранить, что пріяли, имѣя напоминачіемъ вѣру, написанную въ Никеи, отвращаться же нововведеній и учить народъ, чтобы не внимали *духовомъ лестчымъ*, но всемѣрно уклонялись отъ злочестія арианъ и состоящихъ съ ними въ заговорѣ мелетіанъ.

22) Ибо видите, что, препираясь прежде между собою, теперь, какъ Иродъ и Понтій, согласились они въ хулѣ на Господа нашего Іисуса Христа, за что справедливо иной возненавидитъ ихъ; потому что ради своихъ враждовали другъ противъ друга, во враждѣ же къ истинѣ и въ нечестіи предъ Богомъ стали друзьями и подають другъ другу руки, все же это терпѣливо сносятъ противъ своего чаянія, каждый въ угодность собственному своему намѣренію: мелетіане—ради первостоятельства и по безумной страсти сребролюбія, ариане же—ради собственного своего злочестія,—чтобы при такомъ заговорѣ можно имъ было послужить другъ другу своимъ злоуміемъ, и однимъ—прикрыть нечестіе другихъ, и другимъ—споспѣше-

говать лукавствомъ своимъ злобѣ первыхъ, и сообща же,—лукавыя дѣла свои смѣшавъ въ одно, какъ вавилонскую чашу (Апок. 18, 6),—злоумышлять противъ бѣхъ, которые право благочествуютъ предъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Лукавство и клеветы мелетіанъ всѣмъ были явны и прежде сего, злоестіе и богоборная ересь аріанъ издавна повсюду и всѣмъ открыты; потому что не мало уже сему времени. пятьдесятъ пять лѣтъ тому, какъ одни сдѣлались раскольниками, а тридцать шесть лѣтъ тому, какъ другіе объявлены еретиками и изринуты изъ Церкви по дѣлу цѣлаго вселенскаго Собора. Но сдѣланное ими нынѣ и тѣмъ, которые, по видимому, благопріятствовали имъ, ясно показало, что не по чему иному, а по собственной злочестивой своей ереси, съ самаго начала злоумышляли они и противъ меня, и противъ всѣхъ православныхъ епископовъ. Ибо вотъ совершилось нынѣ то, къ чему издавна стремились Евсеєвы приверженцы: они сдѣлали, что церкви у насъ опустошены; епископы и пресвитеры, не имѣвшіе съ нами общенія, изгнаны, какъ имъ желалось; всѣ, кто возвращается ихъ, удалены изъ церквей; переданы же церкви сии аріанамъ, которые столько уже времени буржлены, переданы для того, чтобы, когда соединено въ нихъ и лицемѣріе мелетіанъ, безопасно имъ было прыгать въ церквахъ нечестивыя свои реченія и приговаривать, какъ сами думаютъ, путь оболъщенія всѣявшему въ нихъ ересь антихристу.

23) Итакъ, пусть въ усыпленіи своемъ напрасно предаются столькимъ мечтаніямъ. Ибо знаемъ, что чуждолюбивый Царь, услышавъ, возбранитъ ихъ лукавствамъ и не долго будутъ они въ силѣ, но, по написанному, *сердца нечестивыхъ скоро исчезнутъ* (Притч. 1, 20). А мы, какъ противъ отступниковъ, желаемъ ихъ безуміе свое утвердить въ дому Господнемъ, блекшись, по написанному, въ слова Божествен-

ныхъ Писаній, противостанемъ имъ, и какъ не убоимся тѣлесной смерти, такъ не поревнуемъ путямъ ихъ. Напротивъ того, всему да предпочтется слово истины. Ибо и мы,—какъ всѣ вы знаете, убѣждаемые тогда Евсевіевыми сообщниками, или притворно принять ихъ нечестіе, или ожидать отъ нихъ козней,—не пожелали согласиться съ ними, но рѣшились — лучше быть отъ нихъ гонимыми, нежели подражать Іудину нраву. Конечно, они сдѣлали, чѣмъ угрожали, и подражая Іезавели, приготовили у себя въ засаду меле-тіанъ. Зная, какъ вели они себя противъ блаженнаго мученика Петра, и послѣ него противъ великаго Ахиллы, потомъ противъ блаженной памяти Александра, подобнымъ образомъ и противъ меня меле-тіане, какъ опытные въ этомъ, должны были вести дѣло, какъ будетъ имъ внушено, чтобы аріанамъ найдти въ этомъ предлогъ гнать меня и искать моей смерти. Ибо жаждутъ сего, и доселѣ не перестаютъ жаждать, желая пролить кровь мою. Но объ этомъ нималой нѣтъ у меня заботы; ибо знаю и увѣренъ, что претерпѣвшимъ будетъ награда отъ Спасителя, и что вы, претерпѣвъ, какъ Отцы, ставъ образцами для народа и низложивъ это странное и чуждое примышленіе нечестивыхъ, будете имѣть похвалу, говоря: *въру соблюдохомъ* (2 Тим. 4, 7). Примете же и *въ-нецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его* (Іак. 1, 12). О, если бы и мнѣ наслѣдовать съ вами обѣтованія, возвѣщенные не одному Павлу, но и всѣмъ возлюбившимъ пришествіе Господа, Спасителя, Бога и Всецаря нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго Отцу слава и держава въ Духѣ Святомъ, и нынѣ, и во всѣ вѣки вѣковъ! Аминь.

II.

Защитительное слово Аѳанасія, архіепископа александрійскаго, предъ царемъ Констанціемъ.

1) Зная, что съ давнихъ лѣтъ ты — христіанинъ и отъ предковъ боголюбивъ, смѣло теперь защищаю дѣло свое: ибо, воспользовавшись словами блаженнаго Павла (Дѣян. 26, 2), его дѣлаю за себя ходатаемъ предъ тобою; такъ какъ извѣстно мнѣ, что онъ—проповѣдникъ истины, а ты, боголюбивѣйшій Августъ, охотно внимаешь словамъ его.

О дѣлахъ церковныхъ и о составленномъ противъ меня заговорѣ благоговѣнію твоему достаточно засвидѣтельствовало писанное столь многими епископами. Также, раскаяніе Урзація и Валента довольно всѣмъ показало, что не было никакой правды въ ихъ обвиненіяхъ. Столько ли значительны свидѣтельства другихъ, сколько значительно—ими сказанное, когда написали они: „мы лгали, выдумывали, все сказанное на Аѳанасія—чистая клевета“? Добавленіемъ же къ очевидному доказательству, если соблаговолишь дождаться, послужить то, что обвинители при мнѣ ничего не доказали на пресвитера Макарія, безъ меня же, наединѣ, дѣлали, что хотѣли. Но о таковыхъ дѣйствіяхъ, первоначально, Божій законъ, а потомъ, и наши законы опредѣлили, что не имѣютъ они никакой силы. И изъ сего, конечно, и твое благоговѣніе, какъ правдолюбивое и боголюбивое, усмотрить, что свободенъ я отъ всякаго подозрѣнія, а обвинителей моихъ признаетъ клеветниками.

2) О доносѣ же,—какой сдѣланъ на меня твоему челоуѣколюбію касательно благочестивѣйшаго Августа, блаженной и вѣчной памяти, брата твоего, Констанса (такъ какъ враги разглашаютъ и осмѣлились писать это),—прежніе доносы достаточно доказываютъ, что

и онъ—несправедливъ. Если бы и другой кто сталъ говорить это, то дѣло было бы и тогда сомнительно, имѣло бы нужду во многихъ доказательствахъ и личныхъ уликахъ. А если тѣже, кѣмъ выдуманно прежде, сложили и это, то прежнимъ не въ полной ли мѣрѣ доказывается, что и послѣднее выдуманно? Поэтому, опять говорятъ наединѣ, думая, что можно ввести въ обманъ твое богочестіе. Но они ошиблись; не чакъ имъ хотѣлось, выслушалъ ты ихъ, но по великодушію своему далъ и мнѣ возможность оправдаться. Если не вдругъ ты подвигся и наложилъ наказаніе, то не иное что значило сіе, но то, что, какъ правосудный Царь, ожидаешь оправданія отъ обвиненнаго. И если удосгоишь выслушать оное; то увѣренъ, что и въ этомъ осудишь продерзливыхъ и небоящихся Бога, Который заповѣдалъ: *ничтоже можно отъ языка цареви да глаголется* (Притч. 24, 22).

3) Подлинно, стыжусь оправдываться въ томъ, о чемъ, думаю, не упомянулъ бы уже и самъ обвинитель въ моемъ присутствіи; ибо въ-точности извѣстно ему, что и самъ онъ лжетъ, и я не повредился столько въ умѣ, и не дошелъ до такого изступленія, чтобы можно было предположить о мнѣ, будто бы помыслилъ даже что - либо подобное. Посему, если бы спросили меня другіе,—не сталъ бы я отвѣчать, чтобы слушающихъ не оставить въ недоумѣніи даже на время моего оправданія. Предъ твоимъ же благоговѣніемъ оправдываюсь громкимъ и яснымъ голосомъ, и простерши руку, какъ научился у Апостола, *свидѣтеля Бога призываю на мою душу* (2 Кор. 1, 23). И, какъ написано въ царственныхъ исторіяхъ, да позволено будетъ и мнѣ сказать: *свидѣтель Господь и свидѣтель Христосъ Его* (1 Цар. 12, 5), что о благочестіи твоёмъ никогда не упоминалъ я худо предъ братомъ твоимъ, блаженной памяти, благочестивѣйшимъ

Августомъ Констансомъ, и не раздражалъ его, какъ клеветали эти люди. А если когда входилъ я къ нему, и при мнѣ упоминалъ онъ о твоёмъ челоуѣколюбіи (было же это, когда Фалассъ прибылъ въ Пивіонъ, а я жилъ въ Аквилеи); то (свидѣтель—Госюдь) упоминалъ я о твоёмъ благочестіи и говорилъ о, что Богъ да откроетъ душѣ твоей, чтобы донесшихъ тебѣ на меня осудилъ ты за клевету. Прости, челоуѣколюбивѣйшій Августъ, въ томъ, что говорю тебѣ это, и удостой меня великаго твоего снисхожденія. Ни христоролюбивый Констансъ не былъ такъ легкомысленъ, ни я—столько дерзокъ, чтобы вести съ нимъ разговоръ о подобныхъ вещахъ и мнѣ клеветать брату на брата, передъ Царемъ отзываться худо о Царѣ. Не обезумѣлъ я еще, Царь, и не забылъ, что говоритъ Божіе слово: *и въ совѣсти твоей не кляни царя; и въ клятвѣ ложницы твоея не кляни вѣстнаго: яко птица небесная донесетъ гласъ твой, и зимній крикъ возвеститъ слово твое* (Еккл. 10, 20). Если же не остается скрытымъ, что и наединѣ говорится о васъ—царяхъ; то вѣроятное ли дѣло, чтобы сталъ говорить о тебѣ въ присутствіи Царя и при столькихъ предстоящихъ? Ибо никогда не видалъ я брата твоего одинъ и онъ никогда не бесѣдовалъ со мною наединѣ; напротивъ же того, всегда ходилъ я къ нему въ епископомъ того города, гдѣ жилъ, и въ присутствіи многихъ другихъ. вмѣстѣ являлись мы къ нему, вмѣстѣ и ходили. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать Фортунатіанъ, Епископъ Аквилейскій; то-же въ-состояніи сказать Отецъ Осія и Епископы: Криспинъ Патавскій, Тукиллъ Веронскій, Діонисій Ліидскій и Викентій Кампанійскій. Поелику же скончались Максиминъ Триверкій и Протасій Медиоланскій, то можетъ засвидѣтельствовать бывший магистръ Евгений; потому что онъ стоялъ при дверяхъ, и слышалъ, о чемъ просили мы Царя и что соблаговолилъ онъ сказать намъ. Почему,

хотя и этого достаточно для доказательства, однакожь, дозволю пересказать и причину моей отлучки, чтобы и за это осудилъ ты доносившихъ на меня напрасно.

4) По отбытіи изъ Александріи, отправился я не ко двору брата твоего и не къ кому-либо другому, а единственно въ Римъ; и предложивъ Церкви о своихъ дѣлахъ, о чемъ только и была у меня забота, проводилъ время въ церковныхъ собраніяхъ. Къ брату твоему не писалъ я, кромѣ того случая, когда Евсевій написалъ ему противъ меня, и мнѣ, будучи еще въ Александріи, нужно стало защищаться, и когда, по повелѣнію Констанса—изготовить списки Божественныхъ Писаній, сдѣлалъ я и отослалъ ихъ. Ибо, защищаясь предъ твоимъ богочестіемъ, должно мнѣ говорить правду. Итакъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, въ четвертый уже годъ пишетъ онъ ко мнѣ, приказывая явиться къ нему (былъ же онъ въ Медиоланѣ). Разспрашивая о причинѣ (ибо не зналъ ея; свидѣтель въ томъ—Господь), освѣдомился я, что нѣкоторые епископы, пришедши къ нему, просили написать къ твоему благочестію о томъ, чтобы составить соборъ. Повѣрь, Государь; такъ было дѣло, и я не лгу. Посему, прибывъ въ Медиоланъ, увидѣлъ я великое его человеколюбіе; потому что соблаговолилъ видѣть меня и сказать мнѣ, что написалъ и послалъ къ тебѣ, прося составить соборъ. Когда же я жилъ въ сказанномъ выше городѣ, — снова послалъ меня въ Галлію, куда прибылъ и Отецъ Осія, чтобы оттуда отправиться намъ въ Сардику. По окончаніи же собора, когда жилъ я въ Наиссѣ, писалъ онъ ко мнѣ; и отправившись оттуда, проживалъ уже я въ Аквилеи. Здѣсь застигло меня письмо твоего богочестія, и отсюда опять вызванный, блаженной памяти, Констансомъ, и возвратясь въ Галлію, такимъ образомъ, прибылъ я къ твоему благочестію.

5) Какое же мѣсто, или какое время назоветъ обвинитель, гдѣ, какъ доносилъ онъ, говорено мною подобное? Или—въ чьемъ присутствіи дошелъ я до безумія—произнести такія слова, какія будто бы, какъ галъ онъ на меня, вымолвлены мною? Кто подтверждаетъ это? Кто этому свидѣтель? Ибо, *яже видѣста чч его*, то долженъ онъ говорить, какъ повелѣваетъ божественное Писаніе (Притч. 25, 8). Но обвинитель мой, конечно, не найдетъ ни-одного свидѣтеля тому, чего не было. А свидѣтелемъ въ томъ, что не я, а ты, сверхъ истины имѣю и твое благочестіе. Ибо знавая, что ты весьма памятливъ, прошу привести себѣ на память слова, какія произносилъ я, когда благоволилъ ты видѣть меня въ первый разъ въ Виминіи, во второй—въ Кесаріи Каппадокійской и въ третьей—въ Антиохіи. Отзывался ли я при тебѣ худо о Югорчившемъ меня Евсевіи? чернилъ ли кого изъ обидѣвшихъ меня? Если же не очернилъ я тѣхъ, противъ кого должно было мнѣ говорить; то какое было въ безуміе—передъ Царемъ говорить худо о Царѣ, брата ссорить съ братомъ? Умоляю тебя: или вели обличить меня въ лице, или осуди доносчиковъ, и будь подражателемъ Давиду, который говоритъ: *оклеветавшаго тай искренняго, сего изгоняхъ* (Псал. 109, 5). Что касалось до нихъ, — то они совершили же убійство, ибо *уста лжущая убиваютъ душу* (Прем. 1, 11); но препобѣдило твое великодушіе, давая мнѣ свободу оправдываться, чтобы и они могли быть осуждены, какъ упорные и клеветники. Это пусть будетъ сказано о благочестивѣйшемъ, блаженной памяти, братѣ твоемъ; потому что и изъ этого немногаго, по данной тебѣ отъ Бога премудрости, можешь предположить многое и дать судъ о выдуманномъ обвиненіи.

6) О другомъ доносѣ, — писалъ ли я къ похитителю власти (имени его не хочу и упоминать),—умо-

ляю тебя, изслѣдуй и суди, какъ тебѣ угодно и чрезъ кого заблагоразсудишь. Чрезвычайность этого доноса изумляетъ меня и приводитъ въ великое недоумѣніе. И повѣрь, боголюбивѣйшій Царь,—неоднократно разсуждая самъ съ собою, не вѣрилъ я, чтобы могъ кто дойти до такого безумія и солгать что-либо подобное. Поелику же и это разглашаемо было аріанами, и они хвастались, что приложили и списокъ съ письма; то еще болѣе изумился я, и проводя ночи безъ сна, входилъ въ состязаніе съ обвинителями, какбы они были передо мною,—то внезапно испускалъ сильный вопль, то немедленно, слезно вздыхая, молилъ Бога благосклоннымъ для себя найдти слухъ твой. Но и дѣйствительно, нашедши его такимъ по благодати Господней, снова недоумѣваю, какое положить начало оправданію. Какъ-скоро рѣшаюсь говорить,—всякій разъ удерживаетъ меня ужасъ приписываемаго мнѣ поступка.

Въ разсужденіи, блаженной памяти, брата твоего, конечно, былъ правдоподобный предлогъ къ клеветамъ; потому что я удостоивался видѣть его и онъ благоволилъ писать о мнѣ къ твоему братскому расположенію, неоднократно, когда бывалъ при немъ, оказывалъ мнѣ честь, и отсутствующаго вызывалъ къ себѣ. Свидѣтель же—Господь и свидѣтель — Христосъ Его, что не знаю діавола Магненція и вовсе не имѣлъ о немъ свѣдѣнія. Поэтому, какія же отношенія у незнакомаго съ знакомымъ? Какой предлогъ побудилъ писать къ такому человѣку? Съ чего бы началъ я письмо, рѣшившись къ нему писать? Не съ этого ли?—„Прекрасно ты сдѣлалъ, убивъ того, кто оказывалъ мнѣ честь, чьихъ благодареній никогда не забуду! Хвалю за то, что умертвилъ знаемыхъ мною христіанъ, мужей преисполненныхъ вѣры. Хвалю, что лишилъ жизни тѣхъ, которые радушно приняли меня въ Римѣ (именно блаженную твою тетку, въ под-

линномъ смыслѣ Евтропію) ¹⁾, праводушнаго Авутирія, самаго вѣрнаго Спирантія и многихъ другихъ людей превосходныхъ“.

7) Даже и подозрѣвать меня въ этомъ обвинителю— не признакъ ли сумасшествія? Ибо что опять убѣдило бы меня довѣриться ему? Какое надежное для себя усмотрѣлъ бы я въ немъ расположеніе?— Не то ли, что убилъ онъ собственнаго своего владыку, сталъ невѣренъ друзьямъ своимъ, нарушилъ клятвы, вознечествовалъ предъ Богомъ, противъ Божія суда употребляя въ дѣло отравителей и чародѣевъ? Съ какою совѣстію изрекъ бы ему свое привѣтствіе, когда его неистовство и жестокость повергли въ печаль не меня одного, но и всю, обитаемую нами, вселенную? Великою и глубокою благодарностію обязанъ я ему за то, что, блаженной памяти, братъ твой наполнялъ церкви приношеніями, а онъ сего дародателя умертвилъ; и не уважилъ злодѣй, видя все это, не убоялся благодати, дарованной блаженному въ крещеніи, но, какъ губительный и злокозненный какой демонъ, вознечествовалъ противъ него! Посему, блаженной памяти, брату твоему это обратилось въ мученичество, а онъ, наконецъ, преслѣдуемъ былъ, какъ узникъ, *стѣня и трясыйся*, подобно Каину (Быт. 4, 12), и чтобы въ смерти уподобиться Іудѣ, наложилъ самъ на себя руки, и понесетъ на себѣ сугубое наказаніе на будущемъ судѣ.

8) Такому-то челоуѣку почель меня другомъ довосчикъ; или, можетъ быть, и самъ онъ не почиталъ, но, какъ врагъ, выдумалъ невѣроятное, въ-точности зная, что лгалъ. Но кто бы онъ ни былъ, желалъ бы я, чтобы предсталъ онъ здѣсь и предъ самою истиною (ибо мы—христіане—что говоримъ какбы въ присутствіи Божиемъ, то вмѣняемъ въ клятву) допро-

¹⁾ Благовравную

шенъ былъ: кто изъ насъ радовался, когда живъ былъ, блаженной памяти, Констансъ, и кто болѣе молился за него? И первый доносъ показываетъ, и всякому извѣстно это. Если же и самъ доносчикъ въ-точности зналъ, что таково было мое располѣженіе; то любившій, блаженной памяти, Констанса, конечно, не былъ другомъ противнику его. А если былъ онъ расположенъ иначе, нежели мы; то опасуюсь, не то ли, что замышлялъ изъ ненависти къ Констансу, ложно приписалъ мнѣ?

9) А я, приведенный этимъ въ удивленіе, недоумѣваю, что надобно сказать въ свое оправданіе, и себя единственно осуждаю на тысячи смертей, если вообще падеть на меня хотя какое-либо въ этомъ подозрѣніе. Предъ тобою же, правдолюбивый Царь, оправдываюсь смѣло. Умоляю, какъ сказалъ выше, изслѣдуй дѣло, тѣмъ паче, что имѣешь свидѣтелями тѣхъ, которыхъ отправилъ онъ нѣкогда къ тебѣ послами, именно — Сарватія и Максима Епископовъ и бывшихъ съ ними, также, Клементія и Валента. Освѣдомься, умоляю тебя, принесли ли они ко мнѣ письмо; ибо это и мнѣ послужило бы поводомъ писать къ нему. Если же не писалъ онъ ко мнѣ и не зналъ меня, то какъ было писать мнѣ, не зная его? Спроси: не вспоминалъ ли я, видѣвшись съ Клементіемъ, о— блаженной памяти—Констансѣ и, по написанному, не омочалъ ли одежду свою слезами (Псал. 6, 7), представляя въ умѣ его челоуѣколюбіе и христолюбивую его душу? Освѣдомься, какъ, услышавъ о жестокости сего звѣря и видя Валента идущаго чрезъ Ливію, убоился я, чтобы и онъ не покусился на дерзость и, подобно разбойнику, не сталъ предавать смерти любящихъ и памятующихъ блаженнаго, въ числѣ которыхъ никому не уступлю перваго предъ собою мѣста.

10) Итакъ, боясь, что это замышляютъ они, не

паче ли сталъ бы я благожелательствовать твоему челоѣколюбію? Ужели бы полюбилъ его убійцу и возымѣлъ огорченіе на тебя, его брата, который мстишь за смерть его? Ужели бы сталъ содержать въ памяти его беззаконіе, забылъ же твои благодѣянія, когда благоволилъ ты изъявить мнѣ письменно, что и по смерти, блаженной памяти, брата твоего буду такъ-же ими пользоваться, какъ пользовался и при жизни его? Какими бы глазами сталъ я смотрѣть на убійцу? Или, какъ не вознесъ бы моленій о твоёмъ спасеніи, думая при семъ, что имѣю предъ очами и, блаженной памяти, брата твоего? Братья по природѣ служатъ зеркаломъ одинъ другому. Поэтому, тебя видя въ немъ, никогда не могъ я клеветать, и опять въ тебѣ усматривая его, никогда не сталъ бы писать къ противнику его, но, скорѣе, вознесъ бы моленіе о спасеніи твоёмъ. И свидѣтель сему, первоначально, Господь, Который внялъ и даровалъ тебѣ царство, въ цѣлости перешедшее отъ предковъ; свидѣтели также и находившіеся тогда со мною Фелициссимъ, бывшій дукъ Египта, Руфинъ и Стефанъ, изъ которыхъ одинъ былъ тамъ каоликосомъ, а другой магистромъ, Астерій комитъ, Палладій, бывшій магистромъ палатнымъ, и правители дѣлъ — Антиохъ и Евагрій. Одно только было сказано мною: „будемъ молиться о спасеніи благочестивѣйшаго Августа Констанція“. И весь народъ немедленно въ одинъ голосъ воскликнулъ: „да поможетъ Христосъ Констанцію!“ и эта молитва повторилась народомъ.

11) Итакъ, что никогда я не писалъ къ Магненцію и отъ него никогда не получалъ писемъ,—призываю свидѣтелемъ въ этомъ Бога и Слово Его, едиnorodнаго Сына Божія и Господа нашего Иисуса Христа. Обвинителя же моего дозволю мнѣ спросить кратко и о томъ, какъ дошелъ онъ до этого. Скажетъ ли, что есть у него списокъ съ письма? — Аріане стара-

лись распустить такой слухъ. — Но во-первыхъ, хотя бы показали письма похожія на мое, и это не служитъ еще несомнѣннымъ доказательствомъ. Иные пишутъ подъ чужую руку; такіе люди не рѣдко поддѣлывались подъ вашу царскую руку. Поэтому, сходство почерка не придаетъ письмамъ важности, если подлинность писемъ не засвидѣтельствуютъ привыкшіе писать такія письма. Посему, желаю еще и о томъ спросить доносчиковъ: кто доставилъ списки, и гдѣ они найдены? И у меня были люди, которые писали, и у Магненція, которые принимали отъ подателей и передавали ему. Мои люди—здѣсь: соблаговоли призвать и его людей; конечно, они могутъ еще быть въ живыхъ. Освѣдомься объ этихъ письмахъ, изслѣдуй какбы предъ самою истиною. Ибо истина — охраненіе царей, и особливо христіанскихъ. Съ нею безопасно вамъ — царствовать, какъ говоритъ Божественное Писаніе: *милостыня и истина сохраненіе царю, и обыдутъ престолъ его въ правдѣ* (Притч. 20, 28). Предпочтя истину, мудрый Зоровавель одержалъ верхъ, и *все людіе возопиша: велика истина, и премогаетъ* (2 Ездр. 4, 41).

12) Если бы оклеветанъ я былъ предъ другими, то сталъ бы искать правосудія у твоего благочестія, какъ и Апостоль перенесъ однажды судъ къ Кесарю (Дѣян. 25, 10), и прекратилось противъ него злоумышленіе враговъ. Но поелику осмѣлились обвинять передъ тобою, то къ кому отъ тебя перенести мнѣ дѣло на судъ, какъ не къ Отцу Того, Который говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14; 6), чтобы Онъ сердце твое преклонилъ на милость?

Владыка, Вседержитель, Царь вѣковъ, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Ты словомъ Твоимъ даровалъ царство сіе служителю Твоему Констанцію; Ты озари сердце его, чтобы, уразумѣвъ взведенную на меня клевету, милостиво принялъ онъ оправданіе, и

для всѣхъ содѣлалъ извѣстнымъ, что слухъ его утверждень во истинѣ и, по написанному, *приятны царю токмо усты праведны* (Притч. 16, 13). Ибо симъ однимъ *исправится престолъ царства его*, какъ вѣщаль Ты чрезъ Соломона (Притч. 25, 5).

Итакъ, допроси вполнѣ. Пусть знаютъ доносчики, что заботишься ты довѣдаться истины и узнать, не покажутъ ли самымъ цвѣтомъ лица, что они говорятъ клевету; потому что лице служитъ обличеніемъ совѣсти, и написано: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ: въ печалѣхъ же сущу, стѣтуетъ* (Притч. 15, 13). Такъ, совѣсть изобличила злоумышлявшихъ противъ Юсифа, и лукавство Лаваново противъ Іакова обнаружено было на лицѣ. Видишь ихъ подозрительность, съ какою бѣгутъ и скрываются, и мою свободу, съ какою оправдываюсь. Не объ имѣннѣи теперь судъ, но — о славѣ Церкви. Пораженный камнемъ ищетъ врача, но острѣе камней язвить клевета; потому что клевета есть *дреколь и мечъ, и стрѣла острѣ*, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 25, 18). Одна истина можетъ уврачевать эти язвы; какъ же скоро она пренебрежена, — страшнымъ образомъ увеличиваются язвы.

13) Всѣмъ этимъ дѣла церковныя всюду приведены въ замѣшательство, придуманы ими предлоги, и такое число преклонныхъ лѣтами епископовъ за общеніе со мною изгнаны въ заточеніе. И если было это до-нынѣ: то оставалась еще добрая надежда; потому что ты—человѣколюбивъ. Но чтобы не простерлось зло и впредь, да превозможетъ у тебя истина. Не попусти, чтобы вся Церковь была въ подозрѣннѣи, будто бы христіане, и тѣмъ паче епископы, замышляютъ и пишутъ подобныя вещи. Или, если не угодно—входить въ разысканія: то справедливо—повѣрить больше намъ оправдывающимся, нежели клеветующимъ; потому что они лукавствуютъ, какъ враги,

а мы со страхомъ представляемъ доказательства. Но дивлюсь,—почему мы говоримъ съ благоговѣніемъ, они же столько имѣли безстыдства, что солгали Царю. Изслѣдуй же дѣло по истинѣ и, по написанному, *взыскаю обѣщаніи* (Іоил. 1, 7) въ нашемъ присутствіи: на какомъ основаніи говорятъ они это, или гдѣ найдены письма? Но ни изъ моихъ никто не уличить, ни изъ Магненціевыхъ никто не скажетъ этого; потому что все выдуманно. Можетъ быть, и неприлично—болѣе разыскивать, и сами они не хотятъ этого, чтобы по необходимости не былъ найденъ писавшій эти письма; потому что одни доносчики знаютъ его, кромѣ же ихъ не знаетъ никто.

14) Поелику же и о великой церкви доносили, что производилась тамъ Божественная служба прежде ея совершенія: то и въ-разсужденіи сего представляю опять оправданіе твоему благочестію; потому что вынуждаютъ къ тому расположенные ко мнѣ враждебно. Да; это было, признаюсь въ томъ; ибо и прежде говоря, я не лгалъ, и теперь не буду отрицать этого. Но и это дѣло было опять иначе, нежели какъ донесли они. И да позволено мнѣ будетъ сказать: не день обновленія совершали мы, благочестивѣйшій Августъ; ибо дѣйствительно было бы незаконно—сдѣлать это прежде твоего указа, да и приготовленій къ тому у насъ не было, не приглашали на это ни епископа, ни другаго кого изъ клира, и зданію многаго еще не доставало. Служба же совершена не по предварительному извѣщенію, въ чемъ могли бы они найти поводъ къ доносу; напротивъ того, всѣ знаютъ, какъ происходило дѣло. Впрочемъ, выслушай съ свойственными тебѣ кротостію и великодушіемъ.

Былъ праздникъ Пасхи; народу собралось весьма много, и столько именно, что христоролюбивымъ царямъ можно желать, чтобы такое число христіанъ было въ каждомъ городѣ. Посему, такъ какъ церквей у насъ

не много, и тѣ очень тѣсны; то произошло немалое волненіе въ народѣ, пожелали собраться въ великой церкви, чтобы тамъ всѣмъ молиться о твоёмъ спасеніи. Такъ и было. Я совѣтовалъ потерпѣть до времени, и какъ ни есть, хотя съ нуждою, собраться въ другихъ церквахъ; но меня не послушали, готовы же были идти вонъ изъ города, собраться въ пустомъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ, соглашаясь лучше—перенести трудность пути, нежели праздновать печально.

15) Повѣрь, Государь, и въ свидѣтели сему прими опять истину, что съ богослуженія въ Четырехдесятницу, по причинѣ тѣсноты мѣстъ и великаго множества народа, большая часть дѣтей, немало юныхъ женъ, большая часть старыхъ женщинъ и немало юношей приносимы были домой раздавленными. И хотя, по Божію смотрѣнію, никто не умеръ; однако же, всѣ роптали и требовали службы въ большой церкви. Если же такая тѣснота была въ предпразднственные дни,—что могло произойти въ самый праздникъ? Безъ сомнѣнія, нѣчто и сего еще худшее. Но неприлично было народу вмѣсто радости имѣть печаль, вмѣсто веселія—слезы, вмѣсто праздника—плачь, тѣмъ болѣе, что, какъ зналъ я, образцемъ служили мнѣ Отцы. Блаженной памяти, Александръ, поелику всѣ прочія мѣста были тѣсны, созидавая церковь, которая въ то время почиталась обширнѣйшею и называлась Θεоною, собиралъ тамъ народъ на богослуженіе по причинѣ многолюдства, и отправляя службу, не прекращалъ продолжать строеніе. То-же самое, какъ видѣлъ я, дѣлалось въ Триверахъ и въ Аквилеи. И тамъ въ праздники, по причинѣ многолюдства, когда храмы еще строились, въ нихъ собирались на богослуженіе, и такое дѣло не находило обвинителей. Да и, блаженной памяти, братъ твой самъ присутствовалъ при такомъ богослуженіи въ Аквилеи. Такъ поступилъ и я; у насъ было не освященіе храма, но молитвенное со-

аніе. Почему, вѣрно знаю, что и ты, какъ боголю-
 вый, одобришь усердіе народа, и извинишь меня,
 что не воспротивился желаніямъ такого многолюдства.
 16) Но желательно еще мнѣ спросить о семъ до-
 сника, гдѣ законно было молиться народу,—въ пу-
 стомъ ли мѣстѣ, или въ недостроенномъ молитвен-
 номъ домѣ? Гдѣ народу прилично и святолѣпно было
 вѣтствовать: *аминь*,—въ пустомъ ли мѣстѣ, или въ
 мѣстѣ, который нареченъ уже Господнимъ? И ты, бо-
 любивѣйшій Царь, гдѣ пожелалъ бы народу воздѣ-
 ть руки и молиться о тебѣ,—тамъ ли, гдѣ останав-
 ваются мимоходящіе язычники, или въ соименномъ
 бѣ зданіи, которое съ самага уже основанія име-
 ютъ всѣ домомъ Господнимъ?—Знаю, что предпо-
 таешь ты свое зданіе; потому что ослабляешься, и
 ешь это знать своимъ ослабленіемъ. Доносчикъ го-
 ритъ: „сему надлежало быть въ церквахъ“. Всѣ онѣ,
 къ сказаль я выше, малы и тѣсны для такого мно-
 голюдства. Притомъ, какъ же прилично было совер-
 атся молитвамъ? И что было лучше?—По частямъ
 и раздѣльно сходиться народу съ опасностію тер-
 зть тѣсноту, или,—когда было уже мѣсто, гдѣ могли
 мѣститься всѣ,—въ немъ сойдтись, чтобы отъ всего
 рода стройно возносился единый и тотъ-же гласъ?
 ослѣднее было лучше, потому что показывало и еди-
 душіе многолюдства; въ такомъ случаѣ и Богъ ско-
 зе внемлетъ молитвѣ. Ибо если, по обѣтованію са-
 мого Спасителя, *аще два совѣщаются о всякой вещи,*
аже аще просятъ, будетъ има (Матѣ. 18, 19); что
 азать, если возносится единый гласъ отъ такого
 оужества собравшихся и взывающихъ Богу: *аминь*?
 осему, кто не дивился, кто не ублажалъ тебя, видя
 кое множество народа, собравшагося въ одномъ мѣ-
 стѣ? Какъ радовались люди, собиравшіеся прежде въ
 издѣльныхъ мѣстахъ, взирая теперь другъ на друга?
 сѣхъ веселило это, опечалило же одного клеветника.

17) Хочу предупредить и другое остающееся у него возраженіе. Доносчикъ скажетъ: „дѣло не было еще совершенно, и не надлежало тамъ быть молитвамъ“. Но Господь сказалъ: *ты же, егда молишия, вниди въ клятвѣ твою и затвори двери* (Матѳ. 6, 6). Посему, что скажетъ обвинитель? Лучше же, что скажутъ мудрые и истинные христіане? Послѣднихъ вопросы, Государь; потому что о первыхъ написано: *юродъ бо юродивая изречетъ* (Иса. 32, 6), а о послѣднихъ: *совета у всякаго премудраго ищи* (Тов. 4, 18). Когда церкви были тѣсны, а народу—такъ много, и хотѣли идти въ пустыню; что тогда надлежало дѣлать? Въ пустынѣ нѣтъ дверей, она—удобопроходна всякому желающему; Господній же домъ огражденъ стѣнами и дверьми, и показываетъ различіе людей благочестивыхъ и оскверненныхъ. Не всякій ли благоразумный человѣкъ согласится въ этомъ, Царь, съ твоимъ благочестіемъ? Ибо знаютъ, что здѣсь молитва — законна, а тамъ есть мѣсто подозрѣнію въ неблагочистіи, развѣ только по неимѣнію опредѣленныхъ для молитвы мѣстъ одни молящіеся будутъ населять пустыню, какъ было съ Израильтянами. Но и у нихъ, по устроеніи скиніи, опредѣлено уже было мѣсто для молитвы.

Владыка и истинный Царь царствующихъ, Христе, единородный Сыне Божій, Отчее Слово и Отчая Премудрость! Поелику народъ умолялъ человѣколюбіе Твое, а чрезъ Тебя и Отцу Твоему, сущему надъ всѣми Богу, приносилъ моленіе о спасеніи раба Твоего, благочестивѣйшаго Констанція; то меня обвиняютъ за это. Но благодареніе благости Твоей, что винятъ меня за это и за соблюденіе законовъ Твоихъ!

Больше могли бы винить меня, и обвиненіе было бы справедливо, если бы оставили мы созидаемый Царемъ храмъ, и пустыни взыскали для молитвы.

Чего не наговорилъ бы тогда обвинитель? И сколько вѣроятія было бы въ словахъ его, когда бы сказалъ: „уничжилъ онъ храмъ твой, не по мысли ему совершаемое; проходя мимо, онъ смѣялся, показалъ, что пустыня замѣняетъ собою потребность сего храма; народу, желавшему молиться, не дозволилъ сего“? Вотъ что желалъ онъ сказать, сего искалъ, и не нашедши скорбитъ и выдумываетъ, наконецъ, вины. Если бы сказалъ онъ это, пристыдилъ бы тѣмъ и меня, какъ самъ впадаетъ теперь въ погрѣшность, ставъ подражателемъ дѣвольскому нраву и подстерегая молящихся. Почему и поползнулся, обманувшись сказаніемъ о Даніилѣ. Ибо подумалъ этотъ невѣжда, что и при тебѣ въ силѣ — вавилонскіе обычаи, не зналъ же онъ того, что другъ ты блаженному Даніилу, одному поклоняешься съ нимъ Богу, и не запрещаешь, но хочешь, чтобы всѣ молились, зная, о чемъ общая у всѣхъ молитва, именно же, чтобы ты всегда былъ невредимъ и царствовалъ въ мирѣ.

18) Вотъ моя жалоба на доносчика; а ты, боголюбивѣйшій Августъ, да живешь многія лѣта и да совершишь освященіе храма; всѣми приносимыя молитвы о твоёмъ спасеніи не воспрепятствуютъ этому торжеству освященія. Да не утверждаютъ такой лжи эти невѣжды; напротивъ того, пусть научатся они у Отцевъ и прочтутъ Писанія, лучше же сказать, пусть научатся у тебя любослова, что священникъ Исусъ, сынъ Іоседековъ, и братья его, и мудрый Зоровавель, сынъ Салаѳилевъ, и Ездра священникъ и книжникъ закона,—когда, послѣ плѣненія, созидаемо было святилище, и наступило *потченіе стѣни* (а это былъ великій праздникъ и торжество, и молитвенный день въ Израили), — собрали единомудушный народъ на мѣстѣ перваго притвора, обращеннаго къ востоку, уготовили жертвенникъ Богу, и тамъ принесли жер-

твы, тамъ совершили праздникъ, а послѣ такимъ-же образомъ приносили жертвы въ субботы и новомѣсячія, народъ же возносилъ молитвы свои (1 Ездр. 3, 2—6). И Писаніе ясно говоритъ, что все это совершалось, а храмъ Божій не былъ еще построенъ; напротивъ же того, когда молились они такимъ образомъ,—созиданіе храма шло успѣшно. Ни ожиданіемъ дня освященія не были останавливаемы молитвы, ни бывшими молитвенными собраніями не полагалось препятствія освященію; но и народъ молился такимъ образомъ, и когда все зданіе было довершено,—совершили освященіе, принесли жертвы въ обновленіе храма, и всѣ праздновали окончаніе дѣла. То-же опять сдѣлали и, блаженной памяти, Александръ и другіе Отцы, — и прежде собирали народъ на молитву, и приведя къ окончанію дѣла, возблагодарили Господа, совершивъ освященіе. Такъ прилично поступить и тебѣ, любовѣдущій Государь. Готовъ уже храмъ, предосвященный принесенными въ немъ молитвами, и ожидаетъ прибытія твоего благочестія; ибо сего недостаетъ ему къ совершенному украшенію. Да совершишь и сіе, и да вознесешь молитву Господу, Которому создалъ ты домъ,—таково общее всѣхъ желаніе!

19) Дозволь разсмотрѣть и другой доносъ, и благоволи принять мое въ этомъ оправданіе. Ибо осмѣлились донести и то, будто бы, въ противность твоимъ указамъ, не оставляю я церкви. Дивлюсь имъ, что не утомятся составлять клеветы, самъ же не только не утомляюсь, но, оправдываясь, паче еще радуюсь. Чѣмъ больше у меня оправданій, тѣмъ большому могутъ они подпасть осужденію. Не противился я указу твоего благочестія; да не будетъ сего! У меня не стало бы дерзости противиться даже правителю города, не только что такому Царю. И для увѣренія въ этомъ не нужно мнѣ многихъ словъ;

тому что засвидѣтельствуешь о мнѣ весь городъ. Впрочемъ, дозвожь и это дѣло разсказать опять сначала. Ибо очень знаю, что, выслушавъ, удивишься ловкости враговъ.

Прибыль палатинъ Монтанъ и принесъ письмо будто бы въ отвѣтъ на то, что самъ я писалъ о дозволеніи идти мнѣ въ Италію для исправленія нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію, нуждъ церковныхъ. Благодареніе твоему благочестію, что соблаговолилъ внять сему, какъ будто бы писано было мною, принялъ на себя попеченіе о пути, чтобъ могъ я вступить въ оный и совершить безъ затрудненій! Но дивлюсь опять, какъ солгавшіе предъ тобою не побоялись, что ложь — свойственна діаволу, и лжецы — чужды Того, Кто говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6)! Я не писалъ, и обвинитель не въ-состояніи будетъ найти подобное письмо. Хотя и должно бы мнѣ было ежедневно писать къ тебѣ, чтобы узрѣть исполненное благи лица твое; однакоже, и церкви оставлять — неблагочестно, и стать въ тягость твоему благочестію — несправедливо, особливо — когда и въ отсутствіе наше благосклонно внемлешь церковнымъ прошеніямъ. Итакъ, прикажи мнѣ прочесть, что приказывалъ Монтанъ, именно же — слѣдующее ¹⁾....

20) Но гдѣ нашли доносчики и это письмо? Желалъ бы я слышать отъ нихъ, — кто сообщилъ имъ его? Заставь ихъ дать отвѣтъ; чрезъ это можешь узнать, что и послѣднее письмо такъ-же они выдумали, какъ разглашали и о письмѣ къ ненавистному Магненцію. Но и въ семъ осужденные, къ какому еще оправданію повлекутъ меня послѣ этого? Объ этомъ они замышляютъ, объ этомъ, какъ вижу, у нихъ состязаніе, чтобы все привести въ движеніе и

¹⁾ Письма, упоминаемаго св. Аѳанасіемъ, не находится въ греческомъ подлинникѣ

смятеніе, въ той надеждѣ, что, говоря противъ меня много, можетъ быть, и раздражать тебя со - временемъ. Но справедливость требуетъ — такихъ людей отвращаться и ненавидѣть; потому что каковы—сами, такими-же предполагаютъ и слушателей своихъ, и думаютъ, что клеветы и у тебя могутъ имѣть силу. Ибо имѣлъ нѣкогда силу доносъ Доиковъ на священниковъ Божіихъ (1 Цар. 22, 9); но выслушавшій его Саулъ былъ человѣкъ несправедливый. И клеветушная Іезавель могла сдѣлать вредъ богобоязненному Навуею, но внимающій ей былъ лукавый отступникъ Ахавъ (3 Цар. 21, 7 и сл.) Святѣйшій же Давидъ, подражать которому — прилично тебѣ (какъ и всѣ того желаютъ), не допускалъ къ себѣ такихъ людей, напротивъ же того, отвращался ихъ, какъ бѣшеныхъ псовъ, говоря: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Псал. 100, 5); потому что соблюдалъ заповѣдь, въ которой сказано: *да не примешь слуха суетна* (Исх. 23, 1). И ими разглашаемое—суетно передъ тобою; потому что ты, подобно Соломону, просилъ у Господа и получилъ отъ Него (будь въ томъ увѣренъ), да будетъ *суетно слово и ложно далече отъ тебе* (Притч. 30, 8).

21) Поэтому и я,—такъ какъ письмо вынуждено было клеветниками и не заключало въ себѣ приказа идти,—сдѣлалъ заключеніе, что не было изволенія у твоего благочестія, чтобы явился я къ тебѣ. Изъ того,—что ты не прямо приказалъ прійти, но писалъ въ отвѣтъ на писанное и изъявленное будто бы мною желаніе исправить видимые недостатки,—и безъ чьихъ-либо объясненій ясно было, что доставленное письмо было писано не по собственному изволенію твоей снисходительности. Это всѣ знали, это выражалъ я и въ письмѣ. И Монтану было извѣстно, что не идти къ тебѣ отказывался я, но не почиталъ приличнымъ идти вслѣдствіе моего будто бы письма,

чтобы клеветники и въ этомъ не нашли опять предлога сказать, что безпокою твое богочестіе. И дѣйствительно я готовился въ дорогу, и Монтанъ знаетъ, что, если бы соблаговолилъ ты написать, то отправился бы я немедленно и съ усердіемъ исполнилъ бы приказаніе. Ибо не дошелъ я до такого безумія, чтобы противиться подобному приказанію. А такъ какъ богочестіе твое подлинно не писало; то какъ же воспротивился я тому, о чемъ не было мнѣ повелѣнія? Или, почему говорятъ, что не послушался я, когда и приказанія не было? Какъ же не клевета — это, когда враги, и чего не было, выдаютъ за бывшее? Боюсь, что и теперь, когда оправдываюсь, стануть разглашать, что не благоволилъ ты выслушать мое оправданіе. Такъ, по ихъ мнѣнію, нетрудно имъ меня обвинить; такъ скоры они на то, чтобъ клеветать, пренебрегая Писаніемъ, которое говоритъ: *не люби клеветати, да не вознесешия* (Притч. 20, 13).

22) Итакъ, по удаленіи Монтана, чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ прибылъ Діогенъ нотарій. Но и онъ не сообщилъ мнѣ письма, не видались мы другъ съ другомъ, не было отъ него предписаній вслѣдствіе бывшаго приказа. Даже, когда вступилъ въ Александрію военачальникъ Сиріанъ, поелику аріане распускали какіе-то слухи и объявляли, что будетъ, чего имъ хотѣлось, — спрашивалъ я, имѣетъ ли онъ съ собою письма, о которыхъ разглашаютъ (признаюсь, я требовалъ письма съ твоимъ повелѣніемъ). Поелику же онъ сказалъ, что писемъ у него нѣтъ; то просилъ я, чтобы хотя Сиріанъ, или египетскій епархъ Максимъ написалъ мнѣ объ этомъ. Требовалъ же я этого по той причинѣ, что чловѣколюбіе твое писало ко мнѣ,—ничѣмъ не смущаться, не обращать вниманія на тѣхъ, которые хотятъ меня утратить, но беззаботно пребывать въ церквахъ. Доставили письмо это мнѣ—Палладій, бывшій палатнымъ магистромъ, и

Астерій, бывший дукомъ Арменіи. Списокъ же съ этого письма (дозволь прочесть мнѣ) есть слѣдующій:

23) Въ списокъ съ письма заключалось слѣдующее:

Констанцій побѣдитель Августъ—Аѳанасію.

Всегдашнее мое желаніе всякаго благополучія покойному брату моему Констансу не могло не быть извѣстнымъ твоему разумѣнію. Въ какую погружался я скорбь, когда услышалъ, что умерщвленъ онъ по оболъщенію людей самыхъ нелѣпыхъ,—легко можетъ разсудить объ этомъ ваше благоразуміе. Поелику же въ настоящее время есть люди, которые покушаются устрашать тебя столь плачевнымъ происшествіемъ; то призналъ я, посему, нужнымъ къ чести твоей послать сіе, препровождаемое теперь, писаніе, поставляя тебѣ въ обязанность,—какъ прилично епископу, учить народъ, чтобы собирался для установленнаго богослуженія, и съ нимъ по обычаю проводить время въ молитвахъ. Ибо это пріятно намъ. Желаемъ, по изволенію нашему, во всякое время быть тебѣ епископомъ на мѣстѣ своемъ.

И другою рукою приписано: Божество до сохранить тебя на многія лѣта, возлюбленный Отецъ!

24) О письмѣ этомъ говорили они и судіямъ. А я, имѣя его у себя, не въ-правѣ ли былъ требовать писемъ и не обращать вниманія на представляемые предлоги? Они же, не показывая приказанія твоего благочестія, дѣйствовали не прямо ли вопреки этому письму? Поелику же не представляли мнѣ писемъ, то не слѣдовало ли мнѣ заключить, что слова ихъ не на письмѣ основывались?—На такія же слова повелѣвало мнѣ не обращать вниманія писаніе твоего челоуѣколюбія. Посему, справедливо поступилъ я въ этомъ случаѣ, боголюбивѣйшій Августъ, положивъ,— какъ по твоему предписанію вступилъ я въ отечество, —

такъ по твоему-же приказанію и оставить его, чтобы не подпасть со-временемъ отвѣтственности какъ бѣглецу, оставившему Церковь, но, какъ получившему твое повелѣніе, имѣть предлогъ къ удаленію. Эту мысль выражали, приступивъ къ Сиріану, весь народъ съ пресвитерами и съ ними (чтобъ не сказать болѣе надлежащаго) бѣольшая часть города; тутъ былъ и египетскій епархъ Максимъ. Мнѣніе же состояло въ томъ, чтобы, или мнѣ написать и послать, или не тревожить болѣе церквей, пока самъ народъ не отправитъ къ тебѣ пословъ по этому дѣлу. И какъ они усиленно требовали этого; то, сознавая основательность требованія, Сиріанъ, свидѣтельствуясь твоимъ спасеніемъ, при чемъ былъ тогда и Иларій, увѣрялъ, что не будетъ болѣе беспокоить, но перенесетъ дѣло къ твоему богочестію. Это извѣстно когортѣ Дука и когортѣ епарха египетскаго. А градоначальникъ хранитъ у себя поданные тогда голоса, и можно удостовѣриться, что ни я, ни кто-либо другой не противились твоему приказу.

25) Всѣ же требовали, чтобы показано было писаніе твоего благочестія. Правда, что и одно слово царское имѣетъ одинаковую силу съ написаннымъ, особенно—когда передающій это слово говоритъ смѣло и на письмѣ сообщаетъ повелѣніе. Но поелику не сказали ясно, что есть повелѣніе, и какъ требовали, не сообщили сего письменно, но какъ-будто отъ себя все это дѣлали: то, признаюсь и смѣло говорю это, возъмѣлъ я на нихъ подозрѣніе; потому что съ ними много было аріанъ,—съ аріанами они ѣли, съ ними совѣтовались, ничѣго не дѣлали открыто, старались же строить мнѣ козни и злоухищренія, ничего не дѣлали какбы по царскому приказанію, обличили же сами себя, что дѣйствуютъ по настоянію враговъ. Это и вынудило меня болѣе требовать у нихъ писемъ; потому что, какъ предприемлемое и замышляемое ими

было подозрительно, такъ неприлично было и мнѣ, пришедши съ такимъ яснымъ твоимъ писаніемъ, удалиться изъ Церкви безъ всякаго писанія.

Итакъ, поелику Сирианъ далъ обѣщаніе,—всѣ собирались въ церквахъ съ радостію, ничѣмъ не тревожась. Но чрезъ двадцать три дня послѣ даннаго обѣщанія, входитъ онъ въ церковь съ воинами; а мы, по обыкновенію, совершали молитву, чтò видѣли вошедшіе; потому что было всенощное бдѣніе будущаго торжества. И это случилось въ ту ночь, въ которую напередъ хотѣли и обѣщались исполнить это ариане; ибо военачальникъ вошелъ, имѣя ихъ съ собою,—они были зачинщиками и совѣтниками такого нашествія. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, боголюбивѣйшій Августъ; потому что это — не тайна, но разглашается повсюду. Итакъ, видя это нашествіе, сперва убѣдилъ я народъ удалиться, а потомъ уже удалился и самъ, покрываемый и руководимый Богомъ,—чтò видѣли бывшіе тогда со мною. И съ этого времени оставался я у себя въ домѣ, имѣя дерзновеніе и оправданіе прежде всего предъ Богомъ, а потомъ и предъ твоимъ благочестіемъ, что, не оставивъ народъ, бѣжалъ, но свидѣтелемъ гоненія имѣю нашествіе военачальника, чему и дивились всѣ особенно; ибо надлежало ему—или не обѣщать, или обѣщавъ не солгать.

26) Для чего же такіе замыслы, или къ чему предпринимали злоухищренно строить козни, когда можно было велѣть и написать? Царское приказаніе даетъ большую свободу, а желаніе дѣйствовать скрытно дѣлало яснымъ подозрѣніе, что не имѣютъ они царскаго приказанія. Чего же неумѣстнаго я требовалъ, правдолюбивый Царь? Кто не скажетъ, что такое требованіе Епископа—основательно? Читавъ Писанія, знаешь, какъ предосудительно епископу — оставить Церковь и вознерадѣть о паствѣ Божіей. Ибо отсут-

ствіе пастырей даетъ 'случай нашествію волковъ на стадо. Этого-то и домогались аріане и всѣ прочіе еретики, чтобы, по удаленіи моемъ, найти возможность обольстить народъ и вовлечь въ нечестіе. Посему, если бы предался я бѣгству, то какое оправданіе имѣлъ бы предъ истинными епископами, а еще болѣе предъ Ввѣрившимъ мнѣ стадо сіе? А Ввѣрившій мнѣ его есть Тотъ, Кто судитъ всю землю, истинный Всецарь и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Не всякій ли бы имѣлъ основаніе винить меня въ нерадѣніи о народѣ? Не укорило ли бы меня и твое благочестіе справедливо, говоря: „вступивъ по письму, для чего удаляешься безъ письма и оставилъ народъ“? Самъ народъ не по всей ли справедливости въ день суда на меня возвергъ бы нерадѣніе о немъ, говоря: „епископствовавшій у насъ бѣжалъ, и мы оставлены были безъ попеченія; некому было напомнать намъ“? Если бы это сказали они, — что́ сталъ бы я отвѣчать? Ибо такую укоризну заслужили отъ Іезекиіля ветхозавѣтные пастыри (Іезек. 34, 3—10). Зная это, и блаженный Апостоль Павелъ каждому изъ насъ повелѣлъ чрезъ ученика своего, сказавъ: *не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть съ возложеніемъ рукъ священничества* (1 Тим. 4, 14). Страшась этого, и я не хотѣлъ бѣжать, но ждалъ повелѣнія, есть ли на то воля твоего благочестія. Но не получилъ я, чего основательно требовалъ, да и теперъ обвиненъ предъ тобою напрасно; потому что не противился я повелѣнію твоего благочестія, и теперъ не покушаюсь идти въ Александрію, пока не угодно то будетъ твоему челоуколюбію; и объ этомъ доношу предварительно, чтобы клеветники и въ этомъ не нашли опять предлога оговорить меня.

27) Въ-виду этого, я не считалъ себя виновнымъ, но имѣя у себя оправданіе, поспѣшилъ я къ твоему

благочестію, зная твоє челоуѣколюбіе и держа въ памяти нелживыя твои обѣщанія, и твердо надѣясь, что, по написанному въ Божественныхъ Притчахъ, *пріятны царю помыслы праведны* (Притч. 16, 13). Когда уже отправился я въ путь и оставилъ пустыню,—разнесся какой-то внезапный слухъ, который сначала казался мнѣ невѣроятнымъ, но въ послѣдствіи оказался вѣрнымъ. Вездѣ говорили, что Либерій, Епископъ Римскій, великій Осія Испанскій, Павлинъ Галльскій, Діонисій и Евсевій Италійскіе, Люциферъ Сардинскій и другіе нѣкоторые епископы и пресвитеры и діаконы осуждены на изгнаніе за то, что не согласились подписаться противъ меня. И эти осуждены на изгнаніе; а Викентій Капуанскій, Фортунатіанъ Аквилейскій, Іеремія Ѳессалоникійскій и всѣ западные епископы будутъ терпѣть не малое какое-либо принужденіе, но весьма великую нужду и страшныя оскорбленія, пока не дадутъ обѣщанія не имѣть со мною общенія. Потомъ, когда дивился я этому и недоумѣвалъ,—вотъ достигъ до меня еще другой слухъ объ епископахъ египетскихъ и ливійскихъ, а именно, что около девяноста епископовъ изгнаны, церкви же переданы исповѣдующимъ Аріево ученіе, и что шестнадцать епископовъ посланы въ заточеніе, а прочіе частію обратились въ бѣгство, а частію принуждены лицемѣрить. Ибо, какъ рассказывали, такое произошло тамъ гоненіе, что,—когда въ Александріи въ Пасху и въ воскресные дни братія молились въ пустомъ мѣстѣ, близъ кладбища,—военачальникъ со множествомъ болѣе нежели трехъ тысячъ вооруженныхъ воиновъ, съ обнаженными мечами и стрѣлами, напалъ на христіанъ, и съ женщинами и дѣтьми, ничего болѣе не дѣлавшими, какъ только молившимися Богу, было уже поступлено, какъ можно только поступить при такомъ нападеніи. Но, можетъ быть, теперь и неприлично—описывать это, чтобы и одно воспоминаніе объ

этомъ не извлекло слезъ у всякаго. Ибо такова была жестокость, что дѣвицъ обнажали, а тѣла умершихъ отъ ранъ не предавали тотчасъ погребенію, но повергали псамъ непогребенными, пока родственники тайно, съ великою для себя опасностію, не похищали тѣла ихъ близкихъ; и большаго стоила труда, чтобы никто не узналъ объ этомъ.

28) А что еще было, то, можетъ быть, почтено будетъ невѣроятнымъ, и всѣхъ изумить необычайною своею гнусностію. Впрочемъ, необходимо—сказать объ этомъ, чтобы христіанская твоя рачительность и богочестіе твое знали, что доносы и клеветы на меня не для чего иного дѣлались, а единственно для того, чтобы можно имъ было изгнать меня изъ церквей и ввести свое нечестіе. Когда истинные и преклонные лѣтами епископы, одни посланы были въ заточеніе, другіе обратились въ бѣгство, тогда уже язычники, оглашенные и занимающіе первыя мѣста въ городскомъ совѣтѣ, и именитые по богатству, по приказанію аріанъ, вмѣсто христіанскихъ учителей, стали преподавать ученіе православной вѣры. Не было уже вопроса о томъ, *непороченъ* ли челоуѣкъ, какъ заповѣдалъ Апостоль (1 Тим. 3, 2); но какъ дѣлалъ злочестивѣйшій Іероваамъ (3 Царст. 12, 31), кто больше давалъ золота, того и нарекали епископомъ. И не было у нихъ различія, если кто и язычникъ, только бы представилъ золото. Епископы, поставленные Александромъ, монашествующіе и подвижники, посылаемы были въ заточеніе; а мудрые на клеветы, сколько имѣли силъ, растлѣвали Апостольское постановленіе и оскверняли церкви. И великія выгоды доставили имъ клеветы ихъ; въ твои времена стало для нихъ возможно беззаконствовать и совершать подобныя дѣла; посему, къ нимъ только относится написанное: *горе, ихже ради имя Мое хулится во языцехъ* (Иса. 52, 5).

29) Когда носились такіе слухи и все до основанія

приведено было въ колебаніе, — не оставилъ я, одна-
коже, своей ревности, но снова продолжалъ путь къ
твоему благочестію, и еще съ большимъ прежняго
тщаніемъ, въ твердой надеждѣ, что дѣлалось все безъ
соизволенія твоего благочестія; и если бы челоуѣко-
любіе твое узнало, что происходитъ, то воспретилъ
бы уже такія дѣла; потому что несвойственно благо-
честивому царю — пожелать, чтобы заточаемы были
епископы, обнажаемы дѣвы, или вообще, приводились
въ смятеніе Церкви. Но когда разсуждалъ я такимъ
образомъ и ускорялъ свой путь, — вотъ достигъ до
меня третій еще слухъ, что будто бы властвующимъ
въ Авксумѣ предписано: Авксумскаго Епископа Фру-
ментія удалить оттуда, а меня отыскать хотя бы у
варваровъ и переслать къ епархамъ для составленія
такъ-называемыхъ судебныхъ записей, народъ же и
всѣхъ клириковъ принудить ко вступленію въ обще-
ніе съ аріанскою ересью, и если кто не послушаетъ,
такихъ предавать смерти; и что это не на словахъ
только разглашаемо было, но доказывалось самими
дѣлами, — въ подтвержденіе этого, съ дозволенія тво-
его челоуѣколюбія, представляю и посланіе; они очень
часто читали его, угрожая смертію всякому.

30) Списоужъ съ посланія.

Констанцій побѣдитель, великій Августъ — александрийцамъ.

Городъ вашъ, сохраняя въ себѣ отечественныя
черты и помня доблесть основателя, и нынѣ оказалъ
обычное свое послушаніе. Да и мы, если бы благо-
воленіемъ своимъ къ вашему городу не затмили са-
мого Александра, сознали бы себя не мало погрѣ-
шившими. Какъ цѣломудрію свойственно — вести себя
во всемъ благоприлично: такъ царскому сану свой-
ственно — преимущественно предъ всѣмъ привѣтство-

вать вашу (позвольте сказать это) доблесть. Вы первые учредили у себя истолкователей мудрости, первые познали истиннаго Бога, и изъ истолкователей избрали лучшихъ, и охотно, съ любовію приняли наше опредѣленіе, справедливо возгнушавшись льстецомъ и обманщикомъ, и присоединившись, какъ и слѣдовало, къ людямъ досточестнымъ, которые — выше всякаго удивленія. Но кому изъ обитающихъ на краяхъ даже вселенной неизвѣстно любочестіе, выказанное въ послѣднихъ происшествіяхъ, которыя, не знаю, чему должно и приравнять изъ случившагося когда-либо. Большая часть жителей города слѣпотствовала; овладѣлъ ими челоуѣкъ, исшедшій изъ самой крайней низости, который жаждущихъ истины обольщаетъ какъ во тьмѣ, увлекая ко лжи, никогда не предлагаетъ плодотворнаго слова, совращаетъ же души какимъ-то обаяніемъ и пустыми вещами. Лъстецы вопіяли, рукоплескали, изумлялись, когда имъ слѣдовало бы и сквозь зубы не пропускать слова. Весьма многіе изъ людей простыхъ жили по ихъ указанію. Дѣла текли сами собою, какъ во время потопа, когда всѣ совершенно пришли въ нерадѣніе. Управлялъ же всѣмъ челоуѣкъ изъ народной толпы (какъ вѣрнѣе сказать это?), ничѣмъ не отличающійся отъ черно-рабочихъ, оказавшій тѣмъ только услугу городу, что обитателей его не ввергъ въ преисподнюю. Но этотъ доблестный и знаменитый мужъ не сталъ дожидаться суда надъ нимъ, самъ себя наказавъ бѣгствомъ; почему, должно истребить его, для пользы самыхъ варваровъ, чтобы и изъ нихъ не убѣдилъ кого нечестивать, принося жалобы, какъ лицедѣй, первому встрѣтившемуся. Но ему издали будетъ сказанъ свой привѣтъ. А васъ надлежитъ мнѣ поставить на ряду съ немногими, лучше же сказать, однихъ почтить преимущественно предъ прочими за ту высокую степень въ васъ доблести и ума, о какой проповѣдуютъ

дѣла, прославляемая едва не цѣлою вселенною. Честь вашему цѣломудрію! Желалъ бы и не разъ слышатъ многихъ вѣстниковъ, описывающихъ и прославляющихъ дѣла, вами совершенныя, о затмившіе любочестіемъ предковъ и представившіе въ себѣ образецъ современникамъ и потомкамъ! Вы одни вождемъ въ словѣ и дѣлѣ избрали челоука всѣхъ совершеннѣйшаго по нравамъ; и нимало не поколебались, но мужественно перемѣнили образъ мысли своихъ и присоединились къ прочимъ, отъ этого дольнаго и земнаго поспѣшили къ небесному, под руководствомъ достопочтеннѣйшаго Георгія — челоука, который болѣе всякаго другаго углубился въ подобныя предметы. При его содѣйствіи и послѣдующее время жизни проведете съ прекрасною надеждою и въ настоящемъ будете жить спокойно. О, если бы всѣ вообще жители города, какъ священнаго якоря держались его слова, чтобы не имѣть намъ нужды ни въ сѣченіяхъ, ни въ прижиганіяхъ для уврачеванія людей испорченныхъ сердцемъ! И этимъ послѣднимъ наипаче совѣтуемъ отступить отъ приверженности къ Аѳанасію, и не вспоминать болѣе объ этомъ излишнемъ пустословіи; или, сверхъ своего чаянія, подвергнуть они себя крайнимъ опасностямъ, изъ которыхъ, не знаемъ, исхититъ ли кто мятежниковъ при всемъ своемъ могуществѣ. Ибо ни съ чѣмъ не сообразно — изгонять изъ одной страны въ другую пагубнаго Аѳанасія, уличеннаго въ такихъ гнусныхъ дѣяніяхъ, что никогда не понесетъ достойной казни, хотя бы десять разъ отнята была у него жизнь, оставить же безъ вниманія безчинствующихъ его льстецовъ и прислужниковъ — людей способныхъ къ обаянію и достойныхъ такого наименованія, которое стыдно и выговорить, — людей, каковыхъ издавна уже повелѣно судіямъ предавать смерти. А можетъ быть, они и не подвергнутся смерти, если только, отставъ отъ преж-

нихъ заблужденій, перемѣняются со-временемъ въ мысляхъ и тѣ самыя, которыми управлялъ этотъ несноснѣйшій Аѳанасій, нарушитель общественнаго спокойствія, простирающій злочестивыя и нечистыя руки къ тому, что всего святѣе.

31) А что объ Епископѣ Авксумскомъ Фрументіи написано было къ тамошнимъ властелинамъ,—состоитъ въ слѣдующемъ:

Побѣдитель Констанцій, великій Августъ — Эзанъ и Сазанъ.

Предметъ великой заботливости и наибольшаго раченія составляетъ для насъ вѣдѣніе Всесовершеннаго. Думаю же, что въ подобныхъ дѣлахъ и весь человѣческій родъ требуетъ равной попечительности, чтобы всѣ могли проводить жизнь съ упованіемъ, имѣя таковое познаніе о Богѣ и ни-мало не разноглася въ исповѣданіи о томъ, что—справедливо и истинно. Посему и васъ удостоивая этого промышленія и равняя васъ въ этомъ съ римлянами, повелѣваемъ, чтобы у васъ въ церквахъ имѣло силу одно и тоже съ ними ученіе. Поэтому же Епископа Фрументія, какъ можно скорѣе, пошлите въ Египетъ къ достопочтеннѣйшему Епископу Георгію и другимъ египетскимъ епископамъ, которые всего болѣе имѣютъ право рукополагать и судить о подобныхъ дѣлахъ. Ибо, конечно, знаете и помните (если только не притворитесь, будто бы однимъ вамъ совершенно неизвѣстно признаваемое всѣми), что сего Фрументія въ этотъ санъ поставилъ Аѳанасій, обвиненный въ тысячахъ худыхъ дѣлъ, почему не могъ и дать никакого справедливаго оправданія въ принесенныхъ на него жалобахъ, немедленно ниспалъ съ своей кафедры, блуждаетъ въ мірѣ и не находитъ нигдѣ мѣста, переселяясь изъ одной стороны въ другую, какъ будто бы чрезъ это избѣгнетъ того,

что онъ—худъ. И такъ, если Фрументій съ готовностію послушается, согласившись дать отчетъ во всемъ ходѣ дѣлъ, то для всѣхъ будетъ явно, что не разногласитъ онъ ни въ чемъ ни съ церковнымъ закономъ, ни съ господствующею вѣрою; и по окончаніи надъ нимъ суда, показавъ опытъ всей своей жизни и отчетъ въ этомъ представивъ тѣмъ, которые судятъ подобныя дѣла, будетъ ими поставленъ, если захочетъ, чтобы почитали его дѣйствительнымъ и всѣ права имѣющимъ епископомъ. Если же будетъ медлить и избѣгать суда, то изъ этого сдѣлается явнымъ, что, обольщенный словами лукавѣйшаго Аѳанасія, нечестуетъ онъ предъ Богомъ; а такимъ образомъ окажется, что онъ такъ-же лукавъ, какъ и упомянутый предъ этимъ Аѳанасій. И въ такомъ случаѣ опасно, чтобы, пришедши въ Авксумъ, не развратилъ онъ вашихъ, разсѣвая незаконное и злочестивое ученіе, и не только Церкви приводя въ замѣшательство и смятеніе, произнося хулы на Всесовершеннаго, но и язычникамъ уготовляя этимъ совершенное разстройство и разореніе. Но знаемъ, что иному научившись предварительно, и многимъ общепользнымъ воспользовавшись отъ обращенія съ досточестнѣйшимъ Георгіемъ и съ прочими, вполне умѣющими наставить въ подобномъ, возвратится онъ на мѣсто свое до основанія изучившимъ, что касается до дѣлъ церковныхъ. Богъ да сохранитъ васъ, почтеннѣйшіе братія!

32) Слыша это и ближе вникнувъ въ то, о чемъ сѣтовали пересказывавшіе мнѣ это, признаюсь, опять возвратился я въ пустыню, разсуждая (какъ усмотритъ это и твое богочестіе), что, если меня ищутъ съ намѣреніемъ, какъ-скоро найдутъ, переслать къ епархамъ, то есть препятствіе дойти мнѣ до твоего челобѣколюбія. И если не захотѣвшіе подписаться

противъ меня потерпѣли столько тяжкихъ бѣдъ, если и мірянъ, которые не хотятъ вступить въ общеніе съ аріанами, приказано умерщвлять: то нѣтъ сомнѣнія, что для меня клеветниками будутъ выдуманы тысячи новыхъ смертей; да и по смерти моей, враги поведутъ дѣла, противъ кого хотятъ и какъ хотятъ, и еще больше выдумывая противъ меня лжи, потому что некому будетъ обличить ихъ. Не твоего благочестія убоявшись, предался я бѣгству; потому что зналъ твою справедливость и твое человеколюбіе. Но изъ того, что было сдѣлано, усматривалъ я, каково—раздраженіе враговъ, и разсудилъ, что, изъ опасенія—быть обличенными въ сдѣланномъ ими противъ воли твоей правоты, употребятъ всѣ мѣры, чтобы умертвить меня. Ибо вотъ человеколюбіе твое приказало удалить только епископовъ изъ городовъ и епархій; эти же чудные люди, осмѣлившись на нѣчто большее твоего приказанія, за три епархіи въ мѣста пустынные, необитаемые и страшныя послали на заточеніе старцевъ и преклонныхъ лѣтами епископовъ. Ибо изъ Ливіи посланы въ великій Оазисъ, а изъ Оиваиды—въ Ливійскую Аммоніаку. И не смерти убоясь опять, обратился я въ бѣгство (никто изъ нихъ да не урекаетъ меня въ боязни!), но сдѣлалъ это потому, что есть Спасителява заповѣдь: когда гонятъ насъ, бѣгать; когда ищутъ, скрываться; и не вдаваться въ очевидную опасность, чтобы появленіемъ своимъ не возжечь еще болѣе ярость гонящихъ. Ибо все равно—самому себя умертвить, и также отдать себя врагамъ на убіеніе. А бѣгать, какъ заповѣдалъ Спаситель, значитъ знать время и имѣть истинное попеченіе о гонителяхъ, чтобы они, простерши злобу свою до крови, не сдѣлались преступниками заповѣди: *не убій* (Исх. 20, 13); хотя клеветца на меня, то особенно и имѣютъ они въ-виду, чтобы я пострадалъ. Ибо то, что и теперь опять сдѣлали они, по-

казываетъ, что объ этомъ стараются и таково кроваважное ихъ намѣреніе. Очень знаю, что ты удивишься, боголюбивѣйшій Августъ, выслушавъ это: ихъ дерзость, подлинно, должна привести въ изумленіе. Какова же она на самомъ дѣлѣ, — выслушай это въ немногихъ словахъ.

33) Сынъ Божій, Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, сдѣлавшійся для насъ человѣкомъ, упразднившій смерть и освободившій родъ нашъ отъ рабства тлѣнію, сверхъ всего прочаго, даровалъ намъ и то, что имѣемъ дѣвство—образъ ангельской на землѣ святости. И тѣхъ, которые имѣютъ эту добродѣтель, вселенская Церковь обыкла именовать невѣстами Христовыми, язычники же, видя ихъ, дивятся, какъ содѣлавшимся храмомъ Слова. Ибо, дѣйствительно, никѣмъ не исполняется этотъ высокій и небесный обѣтъ, какъ только нами одними христіанами; потому что всего болѣе служить это важнымъ признакомъ, что у насъ подлинное и истинное богочестіе. Этихъ дѣвственницъ преимущественно предъ прочими чтить и, блаженной памяти, благочестивѣйшій родитель твой, Константицъ Августъ, и твое богочестіе, въ письмахъ своихъ, неоднократно именовало ихъ досточтимыми и святыми. А нынѣ чудные эти аріане, клеветующіе на меня, строившіе столько козней весьма многимъ епископамъ, пользуясь содѣвствомъ и покорностію имъ судей, заставляли обнаженныхъ дѣвъ вѣщать на такъ-называемыхъ герметаріяхъ ¹⁾, и троекратно строгали имъ ребра, чего никогда не терпѣли и самые влодѣи. Пилать, угождая тогдашнимъ іудеямъ, пронзилъ копіемъ одинъ бокъ Спасителю; они же превзошли неистовствомъ и Пилата, — потому что строгали Ему не одинъ бокъ, но оба, такъ какъ члены дѣвственницъ, по преимуществу, суть собственные

¹⁾ Такъ назывались, вѣроятно, столбы съ головою на нихъ Гермеса или Меркурія, какіе ставились на перекресткахъ для указанія дорогъ.

члены Спасителейы. Всякій, если только кто скажетъ объ этомъ, отъ одного слуха приходитъ въ трепеть. Они одни не только не убоялись обнажать и строгать чистые члены, посвященные дѣвами одному Спасителю нашему Христу; но, что еще хуже, укоряемые всѣми за такую жестокость, нимало не краснѣютъ, а еще оправдываются тѣмъ, что на это есть повелѣніе твоего благочестія. Такъ они смѣлы на все и намѣренно лукавы! Ничего, ничего подобнаго не слыхано было во времена бывшихъ гоненій. А если и совершались когда такія дѣла, то при тебѣ христіанинѣ неприлично, чтобы и дѣвство терпѣло такое оскорбленіе и безчестіе, и чтобы они жестокость свою слагали на твое благочестіе; потому что однимъ еретикамъ свойственна такая злоба—нечествовать предъ Сыномъ Божіимъ и погрѣшать противъ святыхъ дѣвъ Его.

34) Поелику же столько и такихъ злодѣяній совершили аріане; то не погрѣшилъ я, послушавшись Божественнаго Писанія, которое говоритъ: *укрыіся мало елико елико, дондеже мимоидетъ гнѣвъ Господень* (Иса. 26, 20). И это также послужило предлогомъ къ моему удаленію, боголюбивѣйшій Августъ; и я не отказался бы—какъ идти въ пустыню, такъ, если бы настояла нужда, въ кошницѣ свѣщеннымъ быть со стѣны (2 Кор. 11, 32). Ибо все перенесъ я, и жилъ со звѣрями и ожидалъ удобнаго времени для этого слова, когда вы будете проходить мимо, и твердо надѣясь, что осуждены будутъ клеветники и обнаружится твое человеколюбіе. Что было бы угодно тебѣ, блаженный и боголюбивѣйшій Августъ? — То ли, чтобы пришелъ я, когда клеветники мои воспламенены были яростію и искали убить меня, или, чтобы, по написанному, скрылся я мало, пока между тѣмъ клеветники будутъ признаны еретиками, твое же человеколюбіе сдѣлается явнымъ? Ужели угодно было бы тебѣ, Царь, чтобы предсталъ я судіямъ

твоимъ, и чтобы они, — хотя писалъ ты для одной угрозы,—не выразишь мысли твоей и будучи подстрекаемы арианами, вслѣдствіе писанія твоего, предали меня смерти, и по тому-же письму, сложили на тебя это убійство? Неприлично было, чтобы и я самъ бросилъ и предалъ себя на кровопролитіе, и чтобы тебя, Царя христілюбиваго, винили въ убіеніи христіанъ, и притомъ—епископовъ.

35) Поэтому, лучше было скрываться и выжидать сего времени. Такъ, знаю, что и ты, свѣдущій въ Божественныхъ Писаніяхъ, соглашаешься со мною и одобряешь меня за этотъ поступокъ. По крайней мѣрѣ, какъ-скоро перестали раздражать тебя,—снова видимъ мы твою благочестивую терпѣливость; и всѣмъ стало явно, что и вначалѣ не ты гналъ христіанъ, но они приводили въ запустѣніе церкви, чтобы повсюду разсѣвать имъ собственное свое злочестіе, по причинѣ котораго и я, если бы не предался бѣгству, давно бы уже былъ жертвою ихъ козней. Ибо тѣ, которые не усумнились дѣлать такому Государю на меня такіе доносы и рѣшились на такіе поступки съ епископами и дѣвами, само собою явно, не опустили бы случая предать меня смерти. Но благодареніе Господу, даровавшему тебѣ царство! Всѣмъ стали извѣстны и твое человеколюбіе и ихъ лукавство, отъ котораго и вначалѣ спасался я бѣгствомъ, чтобы и мнѣ можно было обратиться къ тебѣ слово, и тебѣ открылся случай оказать кому-либо свое человеколюбіе. Посему, — такъ какъ, по написанному, *ответъ смиренъ отвращаетъ гнѣвъ* (Притч. 15, 1) *и пріятны царю помыслы праведны* (16, 13),—умоляю тебя, прими это оправданіе и возврати отечеству и церквамъ всѣхъ епископовъ и прочихъ клириковъ, чтобы обнаружилось лукавство клеветниковъ, а ты и нынѣ, и въ день судный съ дерзновеніемъ могъ сказать Господу и Спасителю нашему, Всецарю Іисусу Христу: „не погубихъ отъ нихъ ни-

когоже (Іоан. 18, 9): но вотъ тѣ, которые злоумышляли противъ всѣхъ; а я скорбѣлъ о скончавшихся, о подвергшихся терзаніямъ дѣвахъ и о всемъ, что худаго дѣлано христіанамъ, сосланныхъ же въ заточеніе возвратилъ, и снова отдалъ собственнымъ ихъ церквамъ“.

12.

Защитительное слово, въ которомъ святой Аѳанасій оправдываетъ бѣгство свое во время гоненія, произведеннаго дужомъ Сиріаномъ.

1) Слышу, что Леонтій, который нынѣ въ Антиохіи, Наркиссъ изъ города Неронова, Георгій, который нынѣ въ Лаодикии, и прочіе съ ними аріане много разглашаютъ о мнѣ и порицаютъ меня, называя боязнію, что не пришелъ и не выдалъ себя имъ, когда искали меня убить. На ихъ злословія и клеветы могу написать многое, чего и они отрицать не могутъ, въ чемъ сознаются и всѣ, слышавшіе объ этомъ: впрочемъ, намѣренъ сказать не болѣе, какъ только Господне слово и Апостольское изреченіе, а именно, что ложь отъ діавола (Іоан. 8, 44) и *досадители царствія Божія не наследуютъ* (1 Кор. 6, 10). И этимъ достаточно доказывается, что они и думаютъ и поступаютъ не по Евангелію, но по своимъ прихотямъ и, что имъ угодно, то почитаютъ хорошимъ.

2) Но поелику присвояютъ себѣ право обвинять въ боязни, то необходимо написать объ этомъ нѣсколько; ибо и изъ немногаго будетъ видно, что лукавы они нравомъ и не читали Божественныхъ Писаній, а если и читаютъ, то не вѣруютъ, что заключающіяся въ нихъ словеса Богодухновенны;—еслибы вѣровали, то не осмѣлились бы поступать вопреки Писаніямъ и не поревновали бы злонравію убившихъ Господа іудеевъ.

И іудеи, — когда Богъ далъ заповѣдь: *чти отца твоего и мать твою: и, иже злословитъ отца, или мать, смертію да умретъ* (Матѳ. 15, 4. Исх. 20, 12. 21, 16), — установили новый законъ, превративъ честь въ безчестіе, и уваженіе, какимъ дѣти обязаны родителямъ, замѣнивъ серебромъ; а также, читая Давидовы дѣянія, научились изъ нихъ противному, и невинныхъ, которые въ субботній день выдергивали и стирали въ рукахъ колосья (Матѳ. 12, 1), обвиняли не потому, что заботились о законахъ и о субботѣ (въ чемъ всего болѣе и нарушали законъ), но потому, что, будучи лукавы нравомъ, завидовали спасаемымъ ученикамъ, и того только хотѣли, чтобы имѣло силу ихъ мнѣніе. И они за беззаконіе свое получили возмездіе, содѣлались богопротивными, и наименованы уже князьями сѣдомскими и людьми гоморрскими (Иса. 1, 10).

Но и эти, по моему мнѣнію, не меньше, чѣмъ іудеи, несутъ уже на себѣ наказаніе, а именно — невѣдѣніе своего неразумія. Они не понимаютъ, что говорятъ, и еще почитаютъ себя знающими то, чего не знаютъ. Одно у нихъ знаніе — дѣлать зло и ежедневно сверхъ прежняго худаго изобрѣтать еще худшее. И если винятъ меня за теперешнее бѣгство, то не изъ желанія — видѣть меня доблестнымъ въ добродѣтели. Ибо враги станутъ ли желать этого тѣмъ, которые не за-одно съ ними зломудрствуютъ? Но по злоправію своему притворно разглашаютъ это, думая (такъ они въ дѣйствительности просты), что, уstraшенный ихъ злословіемъ, и я присоединюсь къ нимъ со-временемъ. Имъ желательно (для того и ходятъ всюду, то притворяются друзьями, то обо всемъ развѣдываютъ, какъ враги), — имъ желательно, пресытившись уже кровью, искоренить и меня; потому что всегда я держался и держусь образа мыслей противнаго ихъ нечестію, и ересь ихъ, обличая, предаю позору.

3) Кого, начавъ когда-либо преслѣдовать и уловивъ, не оскорбляли они, сколько хотѣли? Кого, начавъ искать и нашедши, не доводили до того, что или злой постигалъ ихъ конецъ, или отвсюду терпѣли они вредъ? Чтò, повидимому, дѣлаютъ судьи, то ихъ есть произведеніе, и лучше сказать, судьи бываютъ служителями ихъ изволенія и лукавства. Посему, въ какомъ мѣстѣ нѣтъ памятника ихъ злобы? Противъ кого, неединомысленнаго съ ними, не дѣлали они заговоръ, подобно Іезавели выдумывая предлоги къ обвиненію? Какая Церковь не проливаетъ нынѣ слезъ отъ ихъ злоумышленій на епископовъ? Антіохія оплакиваетъ исповѣдника и твердаго въ православіи Евстаѳіа, Баланеи—досточуднаго Евфрасіана, Палтось и Антарадъ — Киматія и Картерія, Адріанополь — христілюбиваго Евтропія, а послѣ него многократно носившаго отъ нихъ узы и умершаго въ узахъ Лукія, Анкира — Маркелла, Беррія—Кира и Газа—Асклипія. Ибо, подвергнувъ ихъ напередъ многимъ оскорбленіямъ, до заточенія довели эти коварные люди. А Θεодула и Олимпія, Епископовъ Θракійскихъ, и меня, и моихъ пресвитеровъ такъ усердно заставляли искать, что, если бы мы были найдены, то подпали бы смертной казни, и вѣроятно, не были бы уже въ живыхъ, если бы, сверхъ ихъ чаянія, не спаслись тогда бѣгствомъ. Ибо такія предписанія даны были объ Олимпіи Проконсулу Донату, а о мнѣ—Филагрію. Преслѣдовавъ же и отыскавъ Константинопольскаго Епископа Павла, приказали явно задушить въ такъ-называемой Каппадокійской Кукузѣ, употребивъ на это дѣло Филиппа, бывшаго епархомъ; потому что былъ онъ покровителемъ ихъ ереси и служителемъ лукавыхъ совѣщаній.

4) Но насытились ли они столькими злодѣяніями и успокоились ли, наконецъ? Нимало. Не только не прекратили гоненій, но подобно упоминаемой въ Прит-

~~Чахъ~~ пиявицъ (Притч. 30, 15), тѣмъ паче мужаются на злыя дѣла, нападая на большія епархіи. Ибо кто достойнымъ образомъ опишетъ, что сдѣлано ими нынѣ? Кто въ-состояніи удержать въ памяти все то, что привели они въ дѣйствіе? Когда церкви пребывали въ мирѣ и народъ молился во время богослуженія, Либерій, Епископъ Римскій, Павлинъ, Епископъ митрополи Галльской, Діонисій, Епископъ митрополи Италійской, Люциферъ, Епископъ митрополи Сардинской, и Евсевій, Епископъ Италійскій, всѣ епископы благочестивые и проповѣдники истины, вдругъ похищены и заточены безъ всякаго на то предлога, кромѣ того, что не присоединились къ аріанской ереси и не подписали съ аріанами выдуманыхъ на меня ложныхъ обвиненій и клеветъ.

5) А. о великомъ маститомъ старцѣ и истинномъ исповѣдникѣ Осіи излишнимъ для меня будетъ и говорить. Ибо всякому, можетъ быть, извѣстно, что и его довели до изгнанія; потому что онъ былъ старецъ не безъизвѣстный, но особенно изъ всѣхъ и паче всѣхъ знаменитый. На какомъ соборѣ не былъ онъ руководителемъ? Не убѣждалъ ли всякаго правыми вѣщаніями? Какая Церковь не имѣетъ прекраснѣйшихъ памятниковъ его предстательства? Кто когда, приходя съ печалію къ нему, отходилъ отъ него не съ радостію? Кто просилъ его въ нуждѣ, и удалился, не получивъ желаемого? Однакоже, отважились возстать и на него; потому что и онъ, зная, какія слагаютъ клеветы по своему нечестію, не подписался къ вымышленнымъ на меня навѣтамъ. А если впослѣдствіи, по причинѣ нанесенныхъ ему чрезъ мѣру многихъ ударовъ и заговоровъ на его родныхъ, уступилъ имъ на минуту, какъ старецъ и изнемогшій тѣломъ; то и въ этомъ видно лукавство этихъ людей, при всякомъ случаѣ старавшихся показать, что они дѣйствительно не христіане.

6) Послѣ этого, снова напали они на Александрію, опять ища моей смерти; и настоящія событія были хуже прежнихъ. Воины внезапно окружили церковь, и мѣсто молитвъ заступило то, что дѣлается только на войнѣ. Потомъ, въ Четырешестидесятницу прибылъ посланный ими изъ Каппадокіи Георгій и увеличилъ злодѣянія, какимъ научился у нихъ. Послѣ недѣли Пасхи дѣвѣ ввергали въ темницы, епископовъ связанныхъ вводили воины, расхищали жилища и клѣбы сиротъ и вдовицъ, врывались въ дома, ночью выгоняли изъ нихъ христіанъ, дома опечатывались, и братья клириковъ бѣдствовали за братьевъ своихъ. Ужасно все это; но еще ужаснѣе, на что отважились послѣ этого. Въ недѣлю по святой Пятидесятницѣ постившійся народъ вышелъ молиться на кладбище, потому что всѣ отвращались отъ общенія съ Георгіемъ. Но узнавъ о томъ, этотъ вселукавый возбуждаетъ военачальника Севастіана, манихея, и самъ уже, ведя множество воиновъ съ оружіемъ и съ обнаженными мечами, луками и стрѣлами, устремляется на народъ въ самомъ храмѣ Господнемъ. И, нашедши немногихъ молящихся, — потому что большая часть удалась уже по причинѣ поздняго времени, — произвелъ такія дѣла, какія только приличны ученику аріанъ: зажегъ костеръ и, поставивъ дѣвѣ къ огню, принуждалъ ихъ говорить, что Аріевою онѣ вѣры. Когда же увидѣлъ, что дѣвы непобѣдимы и не заботятся объ огнѣ, — обнаживъ, до того билъ по лицу, что нѣсколько времени едва узнавали ихъ.

7) Захвативъ сорокъ челоуѣкъ мужчинъ, мучилъ ихъ новымъ способомъ: только-что срѣзавъ вѣтви съ финиковыхъ деревьевъ, пока онѣ были еще съ иглами, ими до того изсѣкъ хребты, что у иныхъ нужно было не разъ вырѣзывать вонзившіяся иглы, а иные не перенесли этого и умерли. Всѣхъ же, внезапно захваченныхъ, даже и дѣвѣ, заточили въ великій

Оазисъ; а тѣла скончавшихся не позволяли вначалѣ отдавать своимъ, но скрывали, гдѣ хотѣли, бросая непогребенными; потому что думали утаить такую жестокость. Но и это дѣлають они, безразсудные, водясь ошибочнымъ разумѣніемъ. Поелику домашніе скончавшихся и радовались ихъ исповѣдничеству, и плакали о тѣлахъ ихъ; то тѣмъ громогласнѣе разносилось обличеніе нечестію и жестокости еретиковъ. Они вскорѣ заточили изъ Египта и Ливіи епископовъ: Аммонія, Муія, Гаія, Филона, Ерму, Плинія, Псеносириса, Ниламмона, Агаѳона, Анагамѳа, Марка, Аммонія, другаго Марка, Драконтія, Аделфія, Аѳинодора, и пресвитеровъ: Іеракса и Діоскора, и съ такою жестокостію понуждали ихъ идти, что нѣкоторые умерли еще въ дорогѣ, а другіе на мѣстѣ уже заточенія. Болѣе же тридцати епископовъ принудили спастись бѣгствомъ. Ибо, подобно Ахааву, старались, сколько было можно, истреблять истину. На такія дерзости отважились нечестивые.

8) Такъ поступая и не стыдась, что столько золь умышляли противъ меня прежде, теперь еще и винять, что могъ избѣжать убійственныхъ ихъ рукъ, лучше же сказать, горько жалуются, что не истребили меня въ-конецъ, и выставляютъ уже въ предлогъ, что порицають мою боязнь, не зная того, что и этимъ ропотомъ обращаютъ укоризну больше на себя самихъ. Ибо если худое дѣло — бѣгать; то гораздо хуже — гнать. Одинъ укрывается, чтобы не умереть; а другой гонитъ, стараясь убить. И бѣгать дозволяетъ Писаніе; а кто домогается смерти другаго, тотъ преступаетъ законъ и, скорѣе, самъ подаетъ поводъ къ бѣгству. Посему, если порицають за бѣгство; то пусть устыдятся болѣе сами себя, какъ гонители. Пусть перестанутъ злоумышлять, — и не будетъ вскорѣ спасающихся бѣгствомъ. Но они не прекращаютъ собственнаго своего лукавства и для того все

и дѣлають, чтобы уловить насъ, не зная того, что бѣгство служить великимъ обличеніемъ не гонимымъ, но гонителямъ. Всякій бѣгаетъ не отъ кроткаго и человѣколюбиваго, а скорѣе—отъ свирѣпаго и лукаваго нравомъ. Потому, *всякъ печальный и всякъ должникъ* убѣгалъ отъ Саула и прибѣгалъ къ Давиду (1 Цар. 22, 2). Поэтому и они стараются убивать укрывающихся, чтобы не имѣть, повидимому, обличенія своему лукавству. Но, кажется, и въ этомъ слѣпотствуютъ сіи, всегда заблуждающіеся, люди. Ибо, чѣмъ извѣстнѣе бѣгство, тѣмъ еще болѣе явными дѣлаются, по ихъ злоумышленію происшедшія, или убійство, или заточеніе. Если умертвятъ, то смерть еще громче возопіетъ противъ нихъ. Если также заточатъ, то сами противъ себя пошлютъ всюду памятники своего беззаконія,

9) Посему, если бы сохранили они здравый смыслъ, то увидѣли бы, что сами себя запутали этимъ и преткнулись о собственные свои помыслы. Но поелику погублено ими цѣломудріе, то, когда это самое побуждаетъ ихъ гнать и домогаться убійствъ, не видятъ они своего нечестія. А можетъ быть (ибо нѣтъ ничего такого, на что не дерзнули бы они), отважатся обвинить и самый Промыслъ за тѣхъ, которыхъ не предастъ имъ; потому что, по слову Спасителю, извѣстно, что и воробей не можетъ впасть въ сѣть безъ Отца нашего небеснаго (Матѣ. 10, 29). Какъ же скоро уловляютъ кого эти губители, — тотчасъ забываютъ другихъ, а прежде другихъ — себя самихъ, однимъ самохвальствомъ надмевая себѣ брови, и не знаютъ они времени, и дѣлая обиды людямъ, не уважають самой природы, подражая же вавилонскому мучителю, тѣмъ съ болѣею нападаютъ свирѣпостію, никого не милуютъ, но и *старчій яремъ отягчаютъ* (Иса. 47, 6) и, какъ написано, *къ болѣзни язвъ* прилагають (Псал. 68, 27) сіи безжалостные. Посему, если бы не

дѣлали этого и если бы не заточили тѣхъ, которые защищаютъ меня отъ ихъ клеветъ; то иные почли бы слова ихъ достойными вѣроятія. Поелику же злоумышляли они противъ многихъ и почтенныхъ епископовъ и не пощадили ни великаго исповѣдника Осии, ни епископа римскаго, ни столькихъ епископовъ Испаніи, Галліи, Египта, Ливіи и иныхъ странъ, а напротивъ того, причинили столько зла всякому, кто только обличалъ ихъ за меня; то не значить ли это, что прежде другихъ гораздо болѣе злоумышляли они противъ меня, и весьма желаютъ послѣ нихъ предать меня злой смерти? На этотъ конецъ они бодрственны, и почитаютъ для себя обидою, если видятъ спасающимися тѣхъ, кому не желали бы они жить.

10) Посему, кто не увидитъ ихъ коварства? Кому неизвѣстно, что не ради добродѣтели порицаютъ за боязнь, но жажда крови, своими злоухищреніями пользуются какбы сѣтями, думая, что уловятъ ими всякаго, кого только пожелаютъ умертвить? А что они таковы, — показали это дѣла ихъ, обличивъ, что нравъ у нихъ свирѣпѣе, чѣмъ у звѣрей, и что жестокостію превосходятъ они вавилонянъ. И хотя достаточно имъ такого обличенія; однакоже, поелику, подобно отцу своему діаволу, прикрываются мягкими рѣчами, чтобы обвинить меня въ боязни, когда сами боязливѣе зайцевъ; то посмотримъ, что пишется объ этомъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Тогда окажется, что и Писаніямъ противятся они не менѣе того, сколько клеветуютъ на добродѣтели святыхъ.

Если злословятъ тѣхъ, которые укрываются отъ ищущихъ убить ихъ, и порицаютъ тѣхъ, которые бѣгутъ отъ гонителей; что будутъ дѣлать, видя, что Іаковъ бѣжитъ отъ брата Исава, и Моисей удаляется въ Мадиамъ, страшась Фараона? Вдаваясь въ подобное суетловіе, чѣмъ оправдаютъ они Давида, который бѣжитъ изъ дома отъ Саула, когда послалъ онъ убить

его,—то укрывается въ пещерѣ, то *измѣняетъ лице свое* (1 Цар. 21, 13), пока не ушелъ отъ Авимелеха ¹⁾ и не уклонился отъ злоумышленія? Что скажутъ эти, легко дающіе на все отвѣтъ, видя, что великій Илія—то призываетъ Бога и воскрешаетъ мертваго, то укрывается отъ Ахаава и бѣжитъ отъ угрозъ Іезавелиныхъ? Тогда и сыны пророческіе, которыхъ искала Іезавель, при помощи Авдія, укрывались тайно въ вертепахъ.

11) Положимъ, что не читали они этого, какъ ветхозавѣтнаго; но нимало также не помнятъ и того, что есть въ Евангеліи. Ибо и ученики, *страха ради иудейска* (Іоан. 20, 19), пребывали въ - скрытности; и Павелъ, когда искалъ его народоначальникъ въ Дамаскѣ, свѣшенъ *со стѣны въ кошницу* (Дѣян. 9, 25) и избѣгъ рукъ искавшаго. Поелику же Писаніе говоритъ такимъ образомъ о святыхъ, то какой могутъ найти предлогъ къ своей продерзости? Если и святыхъ будутъ порицать за боязнь, то такая дерзость свойственна только неистовымъ. А если станутъ клеветать, что святые поступили такъ вопреки Божіей волѣ, то совершенно несвѣдуци они въ Писаніи. Ибо въ Законѣ было постановленіе (Второз. 19, 3 и сл.) учредить города убѣжища, гдѣ могли бы на-время спастись отыскиваемые на смерть. При скончаніи же вѣковъ, когда пришелъ самъ Глаголавшій Моисею, Отчее Слово, снова даетъ эту заповѣдь, говоря: *егда же гонятъ вы во градъ семъ, бѣгайте въ другій* (Матѣ. 10, 23); и потомъ продолжаетъ: *егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святъ: иже чететъ, да разумлетъ: тогда сущи во Іудеи да бѣжатъ на горы: и иже на кровъ, да не сходитъ взяти, яже въ дому его: и иже на селъ, да не возвратится вспять взяти ризъ*

¹⁾ Въ Писаніи имя царю сему *Ахисъ*.

своихъ (Матѣ. 24, 15—18). И зная это, святые руководились этимъ въ житіи своемъ. Ибо, что нынѣ заповѣдалъ Господь, то же самое и до пришествія Своего во плоти глаголаше чрезъ святыхъ. А законъ, ведущій людей къ совершенству, таковъ: дѣлать то, что повелѣлъ Богъ.

12) Посему-то и само Слово, сдѣлавшееся для насъ человѣкомъ, благоволило, подобно намъ, скрываться, когда искали, а также—бѣгать и уклоняться отъ злоумышляющихъ, когда воздвигали гоненіе. Ибо, какъ алканіемъ, жаждою и страданіемъ, такъ и этимъ—укрываніемъ себя и бѣгствомъ — подобало Ему доказать о Себѣ, что носитъ плоть и стало человѣкомъ. И вначалѣ, когда по вочеловѣченіи Господь былъ еще младенцемъ, Самъ повелѣлъ Іосифу чрезъ Ангела: *воставъ поими Отроча и Матерь Его, и бѣжи во Египетъ: хочетъ бо Иродъ искати души Отрочате* (Матѣ. 2, 13); а по смерти Ирода ради Архелая, сына его, удаляется въ Назаретъ. Когда же доказалъ о Себѣ, что Онъ Богъ и сухую руку сотворилъ здоровою, а фарисеи *изшедше совѣтъ творяху на-Нь, како Его погубятъ* (Марк. 3, 6),—Иисусъ, узнавъ это, удалился *оттуда*. И когда Лазаря воздвигъ изъ мертвыхъ,—*отъ того убо дне, — сказано, — совѣщаша, да убіютъ Его. Иисусъ же ктому не явѣ хождаше во іудеехъ, но иде оттуду во страну близъ пустыни* (Іоан. 11, 53. 54). Потомъ, когда Спаситель говоритъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*; тогда іудеи *взяша каменіе, да вергуть на-Нь: Иисусъ же скрися, и изыде изъ церкви, прошедь посредъ ихъ: и мимохождаше тако* (Іоан. 8, 58. 59),

13) Видя это, лучше же сказать, слыша это, — потому что не видятъ,—ужели, по написанному, не восхотятъ, *да быша огнемъ сожжени были* (Иса. 9, 5), потому что и замышляютъ и говорятъ противное тому, что творить и чему учить Господь? Когда

Іоаннъ скончался мученически и ученики погребли тѣло,— *слышавъ Іисусъ отыде оттуду въ корабли въ пусто мѣсто единъ* (Матѣ. 14, 13). Такъ поступалъ Господь, такъ и училъ. О, хотя сего да устыдятся еретики и одними людьми ограничатъ свою продерзость, не стануть же еще съ бѣльшимъ неистовствомъ обвинять въ боязни самого Спасителя, какъ обучившіеся уже хулить Его! Но никто не потерпитъ этихъ неистовыхъ, скорѣе же, будутъ обличать ихъ, что не понимаютъ они и Евангелія. Есть основательный и истинный предлогъ къ такому удаленію и бѣгству. И Евангелисты упомянули объ этомъ, говоря о Спасителѣ. А изъ этого должны мы заключить, что тотъ-же предлогъ имѣли и всѣ святые. Ибо, что написано о Спасителѣ по человѣчеству, то надобно относить вообще ко всему человѣческому роду; потому что Спаситель понесъ на Себѣ наше тѣло и обнаруживалъ въ себѣ человѣческую немощь, которую Іоаннъ описалъ такъ: *искажу, да имутъ Его, и никтоже возложитъ на-Нѣ руки; яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (Іоан. 7, 30). И пока не пришелъ часъ сей, Самъ сказалъ Матери: *не у прииде часъ Мой* (Іоан. 2, 4); и такъ именовымъ братіямъ Своимъ говорилъ: *время мое не у прииде* (Іоан. 7, 6). А когда пришло время, — сказалъ уже ученикамъ: *спите прочее и почивайте. Се приближися часъ, и Сынъ человеческій предается въ руки грѣшниковъ* (Матѣ. 26, 45).

14) Посему, какъ Богъ и Отчее Слово, не имѣлъ Онъ времени, потому что самъ Онъ—зиждатель времени; но, содѣлавшись человѣкомъ и говоря сіе, показываетъ этимъ, что всякому человѣку измѣрено время, и измѣрено не случайно, какъ думаютъ и баснословятъ нѣкоторые изъ эллиновъ, но какъ опредѣлилъ самъ Онъ зиждитель по волѣ Отца. И это написано и всѣмъ уже стало явно. Если сокрыто и утаено отъ всѣхъ людей,—почему и какая мѣра назна-

чается каждому; то всякій, однакоже, знаетъ, что, какъ есть время веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, такъ, по написанному, есть *время умирати* и время жить (Еккл. 3, 2). Потому-то усѣчено было время человѣческаго рода при Ноѣ; и поелику настало время всѣхъ,—сокращены были лѣта. А Езекии приложено пятнадцать лѣтъ; потому что Богъ искренно служащимъ Ему обѣтовалъ: *долготю дней исполню его* (Псал. 90, 16). И Авраамъ умираетъ *исполненъ дней* (Быт. 25, 8); а Давидъ умоляетъ, говоря: *не возведи мене въ преполовленіе дней моихъ* (Псал. 101, 25). И одинъ изъ друзей Іовлевыхъ, Елифазъ, хорошо зная это, сказалъ: *внидеши во гробъ, якоже пшеница созрѣлая во время пожатая, или якоже стогъ гумна во время свезеный* (Іов. 5, 26); а Соломонъ, прилагая печать къ его изреченію, говоритъ: *отъемлются же безвременно души беззаконныхъ* (Притч. 11, 30), почему увѣщаетъ въ Екклесіастъ, говоря: *не нечестуй много, и не буди жестокъ, да не умреши не во время свое* (Еккл. 7, 18).

15) А какъ это написано, то, по указанію Писанія, святые знали, что время измѣрено каждому. Но никто не знаетъ конца этого времени; доказательствомъ этому служитъ Давидово слово: *умаленіе дней моихъ возвьсти ми* (Псал. 101, 24); ибо просилъ сдѣлать ему извѣстнымъ, чего не зналъ онъ. Потому богатый, думая прожить еще долгое время, услышалъ: *дезумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? И Екклесіастъ, дерзая Духомъ Святымъ, произноситъ рѣшительный приговоръ и говоритъ: *не разумъ челоувѣкъ времени своего* (Еккл. 9, 12). Потому и патриархъ Исаакъ сказалъ сыну своему Исаву: *се состарѣхся и не вѣмъ дне скончанія моего* (Быт. 27, 2).

Посему и Господь, какъ Богъ и Отчее Слово, вѣдая, какое время отмѣрено Имъ всякому, и зная, какое время самъ Онъ опредѣлилъ на страданіе тѣлу

Своему,—потому что насъ ради сталъ человѣкомъ,— до наступленія этого времени и Самъ, подобно намъ, скрывался, когда Его искали, убѣгалъ, когда Его гнали, и, уклоняясь отъ козней, *мимохождаше тако и посредъ ихъ идяше* (Лук. 4, 30). А когда Самъ привелъ къ окончанію опредѣленное Имъ время, въ которое восхотѣлъ посрадать за всѣхъ тѣлесно; тогда провозглашаетъ объ этомъ Отцу, говоря: *Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1); не сталъ уже укрываться отъ ищущихъ, но Самъ восхотѣлъ, чтобы взяли Его. Ибо сказано: *рече* пришедшимъ къ Нему: *кого ищите?* И, когда отвѣтили: *Исуса Назореа*, сказалъ имъ: Я тотъ, кого вы ищите (Іоан. 18, 4. 5), и сдѣлалъ это не однажды, но двукратно, и тогда уже отвели Его къ Пилату. Какъ не позволилъ взять Себя, пока не пришло время; такъ не сталъ укрываться по наступленіи времени, но самъ Себя предалъ злоумышляющимъ, чтобы всякому показать, что и жизнь и смерть человѣческая зависятъ отъ вышняго суда, и безъ воли Отца нашего, суцаго на небесахъ, не могутъ ни волосъ человѣческой сдѣлаться бѣлымъ или чернымъ, ни воробей впасть когда-либо въ сѣть.

16) Такъ Господь, по сказанному выше, предалъ Себя за всѣхъ; а святые, у Спасителя научившись,—потому что Имъ прежде этого и всегда были научаемы,—въ борьбѣ съ гонителями законно спасались бѣгствомъ, и укрывались отъ нихъ, когда ихъ искали. Какъ люди, не зная конца опредѣленнаго имъ Промысломъ времени, не хотѣли просто предавать себя злоумышляющимъ; зная же написанное, что жребіи человѣческіе—въ рукахъ Божіихъ (Псал. 30, 16), что *Господь живитъ, Господь и мертвитъ* (1 Цар. 2, 6), соглашались лучше терпѣть до конца, какъ сказалъ Апостоль, *проходя въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеса и укрываясь въ горахъ, въ вертепахъ и въ про-*

пастехъ земныхъ (Евр. 11, 37. 38), пока или не наступило опредѣленное время смерти, или не возглаголалъ имъ самъ опредѣлившій время Богъ, и не остановилъ злоумышляющихъ, или явно не предалъ гонимыхъ гонителямъ, какъ самъ Онъ находилъ это лучшимъ. И этому, преимущественно предъ другими, можно совершенно научиться у Давида. Ибо, когда Іоавъ возбуждалъ его противъ Саула, сказалъ Давидъ: *Живъ Господь, аще не Господь поразитъ его, или день смерти его придетъ, или на брань снидетъ и погибнетъ отъ сопротивныхъ: Не будетъ ми отъ Господа нанести руку мою на Христа Господня* (1 Цар. 26, 10, 11).

17) Если же иногда предавшіеся бѣгству сами приходили къ ищущимъ, то не просто дѣлали это. Поелику глаголалъ имъ Духъ, то, какъ боголюбивые, шли въ срѣтеніе врагамъ, и этимъ опять доказывая свое послушаніе и усердіе. Такъ, Ілія внемлетъ Духу, и является къ Ахааву. И Михей пророкъ приходитъ къ тому-же Ахааву. Такъ поступаютъ — и другой Пророкъ, *воззвавшій ко олтарю* въ Самаріи и посрамляющій Іеровоама (3 Цар. 13, 2—10), и Павелъ, нарицающій Кесаря (Дѣян. 25, 11). Не по боязни предавались они бѣгству,—да не будетъ сего!—вѣрнѣе же сказать, бѣгство для нихъ было подвигомъ и помышленіемъ о смерти. Но два соблюдали они правила и прекрасно умышляли о себѣ, что и не отдавались тотчасъ сами врагамъ,—это значило бы самому себя убить, стать виновнымъ въ своей смерти и противодействовать Господу, Который говоритъ: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Матѣ. 19, 6),—и не хотѣли потерпѣть укоризну за малодушіе, будто бы не имѣютъ силъ перенести скорби во время бѣгства, которыя—мучительнѣе и ужаснѣе самой смерти; потому что умирающій перестаетъ страдать, а предающійся бѣгству, ежедневно ожидая нападенія вра-

говъ, и смерть почитаетъ для себя болѣе сего легкою; а потому, скончавшіеся въ бѣгствѣ не безславно умираютъ, но могутъ также похвалиться мученичествомъ. Поэтому и Іовъ признанъ великимъ въ мужествѣ; потому что, пребывая живъ, претерпѣлъ столько великихъ страданій, которыхъ нисколько не ощутилъ бы, если бы скончался. Посему-то и блаженные эти Отцы водились таковымъ правиломъ жизни; гонимые предавались не боязни, но тѣмъ паче показывали душевное мужество свое. Такъ, заключившись въ мѣстахъ душныхъ и мрачныхъ и ведя суровое житіе, не отрекались также и отъ смерти, когда наступало время. О томъ прилагали попеченіе, чтобы не ужасаться смерти, когда настоитъ она, и не предварять опредѣленнаго Промысломъ суда, не противодействовать Его смотрѣнію, по которому и признавали себя хранимыми, и чтобы, поступая дерзко, самими не содѣлаться виною своего ужаса, какъ написано: *продерзивый устнама устрашитъ себе* (Притч. 13, 3).

18) Конечно, столько были они приуготовлены къ добродѣтели мужества; что никто не можетъ въ этомъ усумниться. Патриархъ Іаковъ, спасающійся прежде бѣгствомъ отъ Исава, не утратилъ предъ предстоящей смерти, а напротивъ того, въ это самое время каждого изъ патриарховъ благословилъ по ихъ достоинству. А великій Моисей, скрывающійся сперва отъ Фараона и отъ него бѣжавшій въ Мадіамъ, не убоился, когда услышалъ: иди во Египетъ; и опять, когда повелѣно ему было взойти на гору Аваримъ и скончаться тамъ,—небоязненно принялъ повелѣніе и даже радостно пошелъ на гору. И Давидъ, бѣгающій прежде отъ Саула, не страшился подвергаться опасностямъ во браняхъ за народъ; даже,—когда выслушалъ предложеніе избрать смерть или бѣгство, и была ему возможность спастись бѣгствомъ и сохра-

нить жизнь,—скорѣе избралъ смерть этотъ премудрый. И великій Илія, съ давняго времени скрывающійся отъ Іезавели, не убоялся, когда повелѣлъ Духъ идти къ Ахааву и обличить Охозію. И Петръ, кроющійся страха ради іудейскаго, и апостоль Павелъ, свѣщенный въ кошницѣ и спасшійся бѣгствомъ, услышавъ: „въ Римѣ должно пріять вамъ мученичество“, не отложили путешествія, но паче радуясь отправились въ путь, и одинъ, какъ бы поспѣвая къ своимъ, веселился закалаемый, а другой не утрашился предстоящаго времени, но хвалился еще, говоря: *азъ бо уже жеренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. 4, 6).

19) А это сколько показываетъ, что и прежде ихъ бѣгство было не по боязни, столько свидѣтельствуетъ, что и настоящее дѣло ихъ не маловажно, но проповѣдуетъ о нѣкоей великой доблести ихъ мужества. Не по слабости духа удалялись они, но тогда-то съ наибольшимъ напряженіемъ и совершали подвигъ; и бѣгая не подвергались осужденію, не были обвиняемы въ боязни людьми подобными этимъ нынѣшнимъ укорителямъ, но тѣмъ паче ублажалъ ихъ Господь, Который говоритъ: блаженны гонимые *правды ради* (Матѳ. 5, 10). И не бесполезенъ былъ для нихъ такой подвигъ; потому что, какъ изрекла Премудрость, *какъ злато въ горниль искушенныхъ обрѣте ихъ Богъ вѣстойны Себѣ* (Прем. 3, 5. 6). И они наипаче сіяли тогда, какъ искры, спасаемые отъ ихъ гонителей, извлекаемые отъ злоумышленій и чрезъ это сохраненные для наученія народовъ; почему, бѣгство ихъ и укрытіе отъ раздражительности ищущихъ было по смотрѣнію Господню. Ибо тогда именно были они столько боголюбивы и представили наилучшее свидѣтельство доблестей.

20) Патріархъ Іаковъ во время бѣгства сподобился многихъ Божественныхъ видѣній, и даже, пребывая

самъ въ покоѣ, имѣлъ защитникомъ своимъ Господа, Который то постыждаетъ Лавана, то удерживаетъ Исава. И послѣ этого сдѣлался Іаковъ отцемъ Іуды, отъ котораго возсіялъ Господь по плоти, и преподаль благословенія патриархамъ. И боголюбивый Моисей, когда былъ въ бѣгствѣ, тогда узрѣлъ великое видѣніе; и спасшись отъ гонителей, посланъ пророкомъ во Египеть; ставъ служителемъ столькихъ знаменій и Закона, былъ вождемъ многочисленнаго народа въ пустынь. И Давидъ гонимый поучаль: *отрыгну сердце мое слово благо* (Псал. 44, 2), и: *Богъ нашъ явѣ прійдетъ, Богъ нашъ, и не премолчитъ* (Псал. 49, 3), и тѣмъ паче возмогалъ, говоря: *на враги моя возрѣ око мое* (Псал. 53, 9), и еще: *на Бога уповахъ: не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ* (Псал. 55, 5). Убѣгая и скрываясь въ пещеру отъ лица Саулова, сказалъ онъ: *посла съ небесе и спасе мя, даде въ поношеніе попирающія мя: посла Богъ милость Свою и истину Свою, и избави душу мою отъ среды скимновъ* (Псал. 56, 4. 5), и такимъ образомъ, спасенный по Божію смотрѣнію, какъ послѣ самъ сдѣлался царемъ, такъ и пріялъ обѣтованіе, что отъ сѣмени его возсіяетъ Господь нашъ. И великій Ілія, удаляясь на гору Кармилъ, призвалъ Бога и вдругъ истребилъ четыреста и болѣе Вааловыхъ пророковъ; и когда посланы были противъ него два пятидесятиначальника и съ ними сто воиновъ, — сказавъ: *да снидетъ огонь съ небесе* (4 Цар. 1, 10), наказалъ огнемъ, а самъ былъ соблюденъ, чтобы помазать вмѣсто себя Елисея и для сыновъ пророческихъ послужить образцемъ подвижничества. И блаженный Павелъ, — пиша: *якова изенанія пріяхъ, и отъ всѣхъ мя избавилъ есть Господь* (2 Тим. 3, 11), и избавитъ, — тѣмъ паче превозмогалъ и говорилъ: *Но во всѣхъ сихъ преобѣждаемъ. Известихся бо, яко ничто не отлучитъ насъ отъ любве Христовой* (Рим. 8, 37. 39). И тогда-то восхищенъ онъ

былъ до третіяго небесе и введенъ въ рай, гдѣ слышалъ неизреченны глаголы, ихже не лѣтъ есть человеку глаголати (2 Кор. 12, 4). Для того былъ тогда сохраненъ, чтобы отъ Иерусалима даже до Иллирика исполнити благоустройство (Рим. 15, 19).

21) Посему, не порицанія достойно и не бесполезно бѣгство святыхъ. Если бы не уклонялись они отъ гонителей, то какъ бы Господь возсіалъ отъ сѣмени Давидова? Или, какъ иные стали бы благоустроить слово истины? Для того и гонители искали святыхъ, чтобы не было поучающаго. И іудеи повелѣвали Апостоламъ не учить; но они для того и терпѣли все, чтобы проповѣдано было евангеліе. Такимъ образомъ подвизаясь, не въ праздности проводили время бѣгства, и гонимые не забывали о пользѣ другихъ, но, какъ служители благаго слова, не скупились преподавать оное всѣмъ, даже и въ бѣгствѣ проповѣдывали евангеліе, предвѣщали ухищренія злоумышляющихъ, и отраждали вѣрныхъ увѣщаніями. Такъ, блаженный Павелъ, научившись опытно, предвѣщаль, что *всеи, хотящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12), и въ то же время подкрѣплялъ и предающихся бѣгству, говоря: *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1). Ибо хотя скорби непрестанны, но скорбь *терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 4). И пророкъ Исаія, при ожидаемомъ бѣдствіи, напоминалъ и взывалъ: *идите людие мои, внидите въ храмину вашу, затворите двери своя, укрьйтеся мало елико елико, дондеже мимоидеть гнѣвъ* (Иса, 26, 20). И Екклесіастъ, — зная злоумышленія на благочестивыхъ и говоря: *Аще обиду нищаго и расхищеніе суда и правды увидиши въ странѣ, не дивися о вещи: яко высокій надъ высокимъ надзира-тель, и висоцїи надъ ними. И изобиліе земли* (Еккл. 5, 7. 8), — имѣлъ отцемъ своимъ Давида, который

опытно зналъ тяжесть гоненій, и ограждаетъ страждущихъ этими словами: *мужайтесь, и да крѣпится сердце ваше, вси уповающіи на Господа* (Псал. 30, 25); и претерпѣвающимъ гоненія говоритъ: не человекъ, но самъ Господь поможетъ, и избавитъ ихъ, *яко уповаша на Него* (Псал. 36, 40). И я самъ *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова преисподняго, и отъ брениа тины* (Псал. 39, 2. 3). Этимъ доказываетъ, что бѣгство святыхъ полезно и не бесплодно для людей, хотя и не такого мнѣнія аріане.

22) Посему, святые, какъ сказано, предаваясь бѣгству, преимущественно и по особому смотрѣнію были сохраняемы, какъ врачи ради имѣющихъ въ нихъ нужду. А для прочихъ и вообще для всѣхъ насъ человекѣвъ такой законъ:—бѣгать отъ гонителей, укрываться отъ ищущихъ и не искушать дерзновенно Господа, но ожидать, какъ сказано мною выше, пока наступитъ опредѣленный часъ смерти, или соблаговолитъ что о нихъ Судія, какъ Самъ признаетъ это наилучшимъ;—быть готовыми, чтобы, по требованію времени, когда уловятъ гонители, подвизаться за истину даже до смерти. Это соблюдали и блаженные мученики среди бывшихъ по временамъ гоненій: гонимые бѣгали, укрываясь терпѣли, отысканные страдали. Если же нѣкоторые изъ нихъ сами приходили къ гонителямъ: то и это дѣлалось не просто, но въ то же время свидѣтельствовали о себѣ, и для всѣхъ дѣлалось это явственнымъ, что ихъ ревность и такое внезапное появленіе предъ гонителями были отъ Духа.

23) Таковы заповѣди Спасителя, таковы дѣянія святыхъ! Пусть эти, доселѣ ни отъ кого еще не слышавшіе себѣ достойнаго имени, скажутъ мнѣ: у кого научились они быть гонителями? Не могутъ сказать, что научились у святыхъ, и остается признаться развѣ, что научились у діавола, который говоритъ: *знавъ*

постигну (Исх. 15, 9). Убѣгать повелѣлъ Господь, и святые бѣгали; а гнать есть дѣвольское предпріятіе, и дѣволъ просить, чтобы дозволено ему было гнать всѣхъ. Пусть скажутъ еще: съ чѣмъ должно согласовать себя, съ Господними ли словами, или съ ихъ баснословіемъ? Чѣмъ дѣянїямъ должно подражать: дѣянїямъ ли святыхъ, или тому, что они умышляютъ? Но, можетъ быть, и этого разсудить они не въ-состояніи; потому что ослѣплены умомъ и совѣстію, какъ сказалъ Исаїя, горькое почитаютъ сладкимъ и свѣтъ—тьмою (Иса. 5, 20). Пусть кто-нибудь изъ насъ христіанъ пойдетъ и пристыдитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: *благо есть уповати на Господа* (Псал. 117, 9), а не внимать ихъ буесловію, потому что слова Господни имѣютъ въ себѣ жизнь вѣчную, а слова, ими произносимыя, исполнены коварства, всякой злобы и кровей.

— 24) Этого достаточно къ тому, чтобы низложить безуміе нечестивыхъ и показать, что не о другомъ чемъ стараются они, а только соревнуютъ въ злословіи и въ хулахъ. Но поелику однажды отважились стать христорборцами, содѣлались потомъ и пытливыми; то пусть разсмотрятъ самый образъ моего удаленія и разспросятъ о томъ у своихъ. Ибо и аріане съ воинами приходили, чтобы поощрять ихъ и указать меня, котораго не знали воины. Хотя и столько они не-сострадательны, однакоже, услышавъ, устыдятся и успокоятся. Была уже ночь и нѣкоторые изъ народа совершали всенощное бдѣніе въ ожиданіи Божіей службы: внезапно приходитъ военачальникъ Сиріанъ болѣе нежели съ пятью тысячами воиновъ, у которыхъ были оружіе, обнаженные мечи, луки, стрѣлы и дубины, какъ сказано было прежде; и онъ окружилъ церковь, поставивъ воиновъ одного близъ другаго, чтобы вышедшіе изъ церкви не могли миновать ихъ. А я, почитая неразумнымъ оставить народъ въ

такомъ смущеніи и не предварить ихъ паче въ опасности, сѣвъ на своемъ престолѣ, велѣлъ діакону читать, а народу слушать псаломъ: *яко въ вѣкъ милость Его* (135), и, такимъ образомъ, всѣмъ расходиться и идти домой. Но поелику Военачальникъ вошелъ уже силою и воины заняли святилище, чтобы захватить меня; то находившіеся тамъ клирики и нѣкоторые изъ народа подняли крикъ, умоляли, чтобы и я уже удалился. Но я спорилъ съ ними, что не удалюсь, пока не выйдутъ всѣ по одному; потомъ всталъ, велѣлъ читать молитву и настоятельно требовалъ, чтобы вышли всѣ прежде меня, говоря: „лучше мнѣ—подвергнуться опасности, нежели терпѣть вредъ кому-либо изъ васъ“. Посему, когда бѣольшая часть народа вышла, а прочіе за ними послѣдовали, бывшіе тамъ со мною монахи и нѣкоторые изъ клириковъ, вошедши, увлекли меня съ собою. Такимъ образомъ (свидѣтельствуюсь самою истиною), когда воины частію окружали святилище, частію ходили вокругъ церкви,—вышелъ я, руководимый Господомъ, и подъ Его охраненіемъ, удалился незамѣченный воинами, велелѣпно прославляя самого Бога, что не предалъ я народа своего, но, выславъ его прежде, могъ и самъ спастись и избѣжать рукъ ищущихъ меня.

25) Посему, когда такъ чудно спасъ меня Промыслъ, кто можетъ справедливо укорять меня, что самъ я не отдался въ руки ищущимъ, или не возвратился и не предсталъ къ нимъ? Это значило бы явно оказаться неблагодарнымъ предъ Господомъ, поступить противъ Его заповѣди и не согласоваться съ дѣяніями святыхъ. Порицающій это пусть осмѣлится и великому апостолу Петру поставитъ въ вину, что, заключенный и стрегомый воинами, послѣдовалъ за зовущимъ Ангеломъ и, вышедши изъ темницы и спасшись, не возвратился и не предалъ самъ себя, хотя слышалъ, что сдѣлано было Иродомъ. Пусть неисто-

вый аріанинъ порицаетъ и то,—что апостоль Павелъ, свѣщенный со стѣны и спасшись, не перемѣнилъ мысли, не возвратился и не предалъ самъ себя; что Моисей не возвратился изъ Мадіама въ Египеть, чтобы поймали его ищущіе; что Давидъ въ пещерѣ не показался Саулу, что и сыны пророческіе пребывали въ вертепахъ, не предали сами себя Ахааву; потому что это значило бы также поступить противъ заповѣди, когда Писаніе говоритъ: *да не искушиши Господа Бога твоего* (Втор. 6, 16. Матѳ. 4, 7).

26) И я, благоговѣя къ этому и наученный этимъ, такъ себя велъ; и не отметаю милости и помощи Господней, явленной мнѣ, хотя эти неистовые скрежещутъ на меня зубами. Таковы были обстоятельства моего удаленія. Думаю, что не заслужить оно никакой укоризны отъ людей, имѣющихъ здравый разумъ, когда по свидѣтельству Божественнаго Писанія, и святыми въ наученіе наше преданъ сей-же образецъ. Но эти люди, сколько видно, готовы на всякую продерзость и не хотятъ оставить безъ исполненія ничего такого, что можетъ доказывать ихъ лукавство и жестокость. И жизнь ихъ такова-же, каковъ образъ ихъ мыслей и каково ихъ пустословіе. Никто не въ состояніи даже пересказать тѣ многочисленныя и ужасныя злодѣянія, какія не стыдятся совершать самымъ дѣломъ. Когда Леонтія обвиняли въ связи съ одною молодою женщиною, по имени Евстоліею, и запрещали жить съ нею вмѣстѣ,—самъ себя оскотилъ ради нея, чтобы свободно проводить съ нею время, хотя не очистилъ себя тѣмъ отъ подозрѣнія, но за это, наипаче, низложенъ изъ пресвитеровъ, и только еретикъ Констанцій вынудилъ силою, чтобы наименовали его епископомъ; Наркиссъ же, за множество иныхъ худыхъ дѣлъ, три раза низложенъ былъ разными Соборами, и теперь между ними превосходитъ всѣхъ лукавствомъ. И Георгій, и бывъ пресвитеромъ, низло-

женъ за порочную жизнь свою, и наименовавъ себя епископомъ, тѣмъ не менѣе снова низложенъ на великомъ сардикійскомъ Соборѣ, имѣетъ же то преимущество, что живетъ распутно и не скрываетъ этого, почему осуждается даже своими, и цѣль и радость жизни измѣряя дѣлами срамными.

27) Посему, каждый у нихъ превосходитъ другаго худыми своими дѣлами; но на нихъ лежитъ общая скверна, а именно, по ученію своему они — христорборцы и именуются уже не христіанами, но, паче, аріанами. Вотъ въ чемъ должно осуждать ихъ; ибо это чуждо вѣрѣ во Христа. Но они скрываютъ это. И неудивительно, что при такомъ образѣ мыслей, и запутавшись въ столь многихъ худыхъ дѣлахъ, гонятъ и ищутъ тѣхъ, которые не содѣйствуютъ злочестивѣйшей ихъ ереси, и, убивая ихъ, радуются, а не успѣвая въ желаемомъ, печалются и почитаютъ для себя обиду, когда, какъ сказано мною выше, видятъ живымъ, кого хотѣли видѣть мертвымъ. О, если бы потерпѣть имъ такую обиду, чтобы изнемочь въ неправдахъ своихъ, а гонимымъ ими возблагодарить Господа и сказать словами 26-го псалма: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Внегда приблизатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя, оскорбляющіи мя и врази мои, тѣи изнемогоша и падоша* (Псал. 26, 1—3), и также словами 30-го псалма: *спаслъ еси отъ нуждъ душу мою: и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражнихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои* (Псал. 30, 8. 9), о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ! Имъ Отцу и Святому Духу слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

13.

Посланіе къ брату Серапіону.

Аѳанасій брату и сослужителю Серапіону желаетъ о Господѣ радоваться.

1) Прочелъ я писанное твоимъ благоговѣніемъ, гдѣ убѣждаешь меня извѣститъ тебя и о касающемся до меня, и о настоящихъ событіяхъ, и о нечестивѣйшей ереси аріанъ, за которую потерпѣлъ я все это, также о томъ, какой конецъ жизни имѣлъ Аріій. Изъ трехъ этихъ требованій два исполнилъ я охотно, и послалъ къ твоему благочестію писанное мною къ монахамъ, потому что изъ этого можешь узнать касающееся и до меня и до ереси. Писать же о послѣднемъ, то есть, о смерти, долго не рѣшался я, опасаясь, чтобы не подумалъ кто, будто бы насмѣхаюсь надъ смертію человѣка сего. Но поелику, — при бывшемъ у васъ разсужденіи объ ереси, вопросъ остановился на томъ, вступивъ ли въ общеніе съ Церковію, кончилъ жизнь Аріій, — повѣствованіемъ о смерти какъ бы рѣшается этотъ вопросъ: то по необходимости принялъ я на себя трудъ разсказать объ этомъ, разсуждая, что сдѣлать это извѣстнымъ значитъ то-же, что—заставить, наконецъ, молчать охотниковъ до спора. Ибо, какъ думаю, узнавъ о чудѣ, бывшемъ при смерти, и сами, предлагавшіе прежде вопросы, не осмѣлятся сомнѣваться въ томъ, что богоненавистна аріанская ересь.

2) Меня не было въ Константинополѣ, когда Аріій кончилъ жизнь, но былъ тамъ пресвитеръ Макарій, и я слышалъ, что имъ было разсказано. Аріій, по настоянію Евсевіевыхъ приверженцевъ, призванъ былъ царемъ Константиномъ, и когда явился, Царь спросилъ его: содержитъ ли онъ вѣру вселенской Церкви? Аріій поклялся, что вѣруетъ право, и подалъ пись-

менное исповѣданіе вѣры, не сказавъ въ немъ, за что извергнуть былъ изъ Церкви епископомъ Александромъ, и вмѣстѣ прикрываясь изреченіями Писанія. Посему, когда клятвенно подтвердилъ, что не держался тѣхъ мыслей, за которыя извергъ его Александръ; тогда Царь отпустилъ его, сказавъ: „Если вѣра твоя правая, то хорошо сдѣлалъ, что поклялся. Если же вѣра твоя нечестива, и ты поклялся, то Богъ по клятвѣ твоей будетъ судить дѣло твое“. Когда же, такимъ образомъ, вышелъ онъ отъ Царя,—Евсевіевы приверженцы хотѣли ввести его въ церковь, съ обыкновеннымъ для нихъ насиліемъ. Но константинопольскій епископъ, блаженной памяти, Александръ, воспротивился этому, говоря, что изобрѣтателя ереси не должно принимать въ общеніе. Наконецъ, Евсевіевы приверженцы стали говорить съ угрозою: „какъ безъ вашего соизволенія сдѣлали мы, что Царь призвалъ его къ себѣ; такъ и на утро,—хотя и не будетъ на это согласія твоего,—Арій будетъ съ нами присутствовать при богослуженіи въ этой церкви“. День же, когда говорили это, былъ субботній.

3) Епископъ Александръ, выслушавъ это и весьма опечалившись, входитъ въ церковь, воздѣваетъ руки къ Богу, заливаясь слезами, и повергшись на лице свое въ святилищѣ, простертый на полу молится. Съ нимъ былъ и Макарій, вмѣстѣ молился и выслушалъ произносимыя имъ слова. Молитва Епископа заключалась въ этихъ двухъ прошеніяхъ: „Если Арій на утро будетъ съ нами при богослуженіи, то разрѣши меня, раба Твоего, и вмѣстѣ съ нечестивымъ не погуби благочестиваго. А если щадишь Церковь Свою (знаю же, что пощадишь ее), то призри на слова Евсевіевыхъ приверженцевъ, и наслѣдія Твоего не предай на истребленіе и поруганіе; изми отъ насъ Арія, чтобы, когда войдетъ онъ въ церковь, не казалось, что входитъ съ нимъ и ересь, и нечестіе не было уже при-

знаваемо благочестіемъ“. Такъ молился Епископъ, и съ великою заботою вышелъ изъ храма. И случилось нѣчто чудное и необычайное. Когда Евсевіевы приверженцы дѣлали угрозы, тогда Епископъ молился, Арій же твердо полагался на Евсевіевыхъ сообщниковъ. И много суесловивъ, идетъ онъ въ нечистое мѣсто для удовлетворенія нуждъ, и внезапно, по Писанію, *нищъ бывъ, просъдеся посредь* (Дѣян. 1, 18), немедленно упавъ, испускаетъ духъ, лишается вдругъ и того и другаго, и общенія съ Церковію и жизни

4) Таковъ былъ конецъ Аріевъ, и Евсевіевы сообщники съ великимъ стыдомъ предали погребенію своего соумышленника. А блаженной памяти Александръ, при радованіи Церкви, совершилъ богослуженіе благочестно и православно, со всѣми братіями молясь и торжественно славя Бога, не потому, что радовался смерти,—(да не будетъ сего! ибо всѣмъ *человѣкамъ лежитъ единою умрети*—Евр. 9, 27),—но потому, что оказалось это превышающимъ суды человѣческіе. Самъ Господь, воздавая должное угрозамъ Евсевіевыхъ приверженцевъ и молитвѣ Александровой, осудилъ аріанскую ересь, показавъ, что она недостойна церковнаго общенія, и для всѣхъ сдѣлавъ явнымъ, что, какъ бы ни предстательствовали за нее и Царь и всѣ люди, она осуждена самою Церковію. Посему, доказано теперь, что это христорборное сборище неистовствующихъ аріанствомъ не боголюбиво, но злочестиво. И многіе изъ обольщенныхъ прежде перемѣнились въ мысляхъ; потому что не другой кто, но самъ хулимый ими Господь осудилъ возставшую противъ Него ересь и показалъ также, что, хотя бы и нынѣ царь Констанцій сталъ дѣлать за нее притѣсненіе епископамъ, однакоже, она не можетъ имѣть общенія съ Церковію и отчуждена небомъ.

Посему и у васъ вопросъ считается пусть рѣшеннымъ (потому что такъ сдѣлано было и условіе), и

никто да не прилагается къ ереси, а напротивъ того, да раскаются и обольщенные. Ибо кто приметъ такую вѣру, которую осудилъ Господь? И если самъ Онъ сдѣлалъ ее недостойною общенія, то не страшно ли нечестуеетъ и не явный ли христоронецъ приѣмлющій ее?

5) И этого достаточно, чтобы пристыдить любителей спора. Поэтому, предложившимъ тогда вопросъ прочитай какъ это, такъ и написанное къ монахамъ вкратцѣ противъ ереси, чтобы вслѣдствіе этого еще болѣе осудили нечестіе и лукавство зараженныхъ аріанствомъ. Впрочемъ, никому не давай списка съ сего и не списывай для себя; это-же замѣтилъ я и монахамъ. Но, если недостаетъ чего въ написанномъ, какъ челоуѣкъ искренній, дополни и немедленно отошли ко мнѣ назадъ. Ибо и изъ того посланія, какое написано мною къ братіямъ, можешь увидѣть, что было со мною, когда писалъ это, а также узнать, что писанія челоуѣка малоумнаго, особенно же—о самыхъ высокихъ и главныхъ догматахъ, не безопасно распространять и по той причинѣ, что по немощи, или по неясности языка, выраженное недостаточно можетъ сдѣлать вредъ читающимъ. Многіе не смотрятъ на вѣру и на дѣль писавшаго, но, или по зависти, или изъ желанія поспорить, какое напередъ составили въ умѣ мнѣніе, въ такомъ, какъ хотятъ, и принимаютъ слова, по своей прихоти перетолковываютъ написанное. Но да дастъ Господь, чтобы во всѣхъ, особливо же—въ тѣхъ, кому будешь читать это, превозмогли истина и здравая вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа! Аминь.

Послание.

Всѣмъ,—которые повсюду въ области сей подвизаются въ иноческой жизни, утверждены въ вѣрѣ Божіей, освящены во Христѣ и говорятъ: се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идохомъ (Мате. 19, 27),—возлюбленнымъ и превоздѣланнымъ братіямъ, желаю премного о Господѣ радоваться.

1) Уступивъ вашему благорасположенію, и по многократныхъ отъ васъ убѣжденіяхъ, написалъ я кратко о томъ, что претерпѣли и я и Церковь, по мѣрѣ силъ моихъ обличилъ скверную ересь зараженныхъ арианствомъ и показалъ, сколь далека она отъ истины. Но что было со мною, когда писалъ это,—призналъ я необходимымъ сдѣлать это извѣстнымъ вашему благочестію, чтобы изъ этого видѣть вамъ, какъ справедливо сказалъ блаженный Апостоль: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. 11, 33), а потому, извинить и меня—человѣка по природѣ немощнаго. Какъ-скоро намѣревался я писать и принуждалъ себя помыслить о божествѣ Слова, — всякій разъ далеко отъ меня отступало вѣдѣніе, и сознавалъ я, что въ такой мѣрѣ остаюсь я позади, въ какой думалъ постигнуть. Ибо не могъ написать того, что, повидимому, представлялъ умомъ; а что писалъ, то дѣлалось слабѣе даже и той малой тѣни истины, какая была у меня въ мысли.

2) Посему, — видя, что написано въ Екклесіастѣ: *рѣчь, умудрюся: и сія удалися отъ мене далече паче неже бѣхъ, и бездны глубина, кто обрящетъ ю* (Еккл. 7, 24. 25)? и въ Псалмахъ: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. 138, 6), и что Соломонъ говоритъ: *слава Божія крыетъ слово*

(Притч. 25, 2),—не разъ (повѣрьте въ этомъ) намѣревался я удержаться и перестать писать. Но,—чтобы не показалось, будто бы молчаніемъ и васъ огорчаю, и тѣхъ, которые спрашивали у васъ и упорствуютъ въ своемъ мнѣніи, поощряю въ нечестіи,—принудилъ я себя написать немного, и послалъ это къ вашему благочестію. Ибо хотя постиженіе истины само по себѣ далеко нынѣ отъ насъ по немощи плоти; однакоже, возможно, какъ сказалъ тотъ-же Екклесіастъ, *разумѣти нечестивыхъ безуміе*, и обрѣтши оное, сказать: *горчайше есть паче смерти* (Еккл. 7, 26. 27). Посему-то, какъ умѣю и могу обрѣсти сіе, написалъ я, зная при семъ и то, что для вѣрныхъ осужденіе нечестія есть достаточное уже къ благочестію вѣдѣніе. Ибо, хотя и невозможно постигнуть, что такое Богъ, однакоже, можно сказать, чѣмъ Онъ не есть. Знаемъ же, что Онъ не то же, что человекъ, и что непозволительно представлять себѣ о Немъ что-либо свойственное тварямъ. Такъ и о Сынѣ Божіемъ, хотя по природѣ весьма далеки мы отъ того, чтобы постигнуть Его, но и возможно и удобно—осудить произносимое еретиками и сказать: не таковъ Сынъ Божій, и подобнаго тому, что говорятъ еретики, непозволительно о божествѣ Его даже и помыслить, не только, чтобы говорить устами.

3) Посему - то, сколько могъ, написалъ я. А вы, возлюбленные, примите это, не какъ полное изложеніе ученія о божествѣ Слова, но какъ обличеніе нечестія христорборцевъ, которое служитъ и желающимъ подаетъ поводъ къ благочестію здравой о Христѣ вѣры. Если же что въ написанномъ—неполно (а думаю, что и все неполно), то извините меня въ этомъ съ чистою совѣстію, и обратите вниманіе только на смѣлость намѣренія—стоять за благочестіе. А къ совершенному осужденію аріанской ереси достаточенъ судъ Господень, совершившійся въ Аріевой смерти,

о которой предварительно и отъ другихъ уже знаете. *Яже бо Богъ святыи совѣща, кто разоритъ* (Иса. 14, 27)? И кого Господь осудилъ, кто тому оправдатель? Изъ такого бывшаго знаменія кто не уразумѣетъ, наконецъ, что богоненавистна эта ересь, хотя бы и покровительствовали ей люди? Прочитавъ это, помолитесь о мнѣ, и другъ друга убѣждайте дѣлать тоже; но немедленно возвратите мнѣ это и вовсе никому не давайте списка, не списывайте и для себя, но какъ искусные торжники, удовольствуйтесь прочтениемъ, прочитавъ, если пожелаете, и не разъ. Ибо не безопасно оставлять будущимъ родамъ писанное мною нѣмотствующимъ и невѣждою. Привѣтствуйте любовію другъ друга и всѣхъ приходящихъ къ вамъ въ благочестіи и вѣрѣ; ибо *аще кто, какъ сказалъ Апостоль, не любитъ Господа, да будетъ проклятъ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами* (1 Кор. 16, 22. 23). Аминь.

15.

Посланіе ¹⁾

епископа Аѳанасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ о томъ, что сдѣлано аріанами при Констанціи (=исторія аріанъ).

1) Они же, для чего все это строили, въ непродолжительномъ времени привели то и въ исполненіе. Едва замыслили, какъ вскорѣ и въ общеніе приняли аріанъ, не уважили столькихъ опредѣленій, сдѣланныхъ противъ нихъ, въ защиту же свою выставляли опять царскую власть. Не постыдились писать: „почелику Аѳанасій пострадалъ, то зависть прекратилась; будемъ, наконецъ, принимать въ общеніе аріанъ, въ

¹⁾ Начала этого посланія недостаетъ въ подлинникѣ

устрашеніе слушающихъ присовокупляя: такъ повелѣлъ Царь“. А потомъ, не устыдились прибавить объ аріанахъ: „право мудрствуютъ эти люди“, и не убоялись написаннаго: *горе глаголющимъ горькое сладкое, полагающимъ тму свѣтъ* (Иса. 5, 20); потому что готовы все потерпѣть за ересь. А этимъ не ясно ли всякому показывается, что не по церковному суду, но вслѣдствіе царской угрозы, за благочестивую во Христа вѣру и тогда мы страдали, и теперь вы насъ гоните? Такъ-же злоумышляли и противъ другихъ епископовъ, выдумывая такіе-же предлоги къ ихъ осужденію. Одни изъ нихъ пошли въ заточеніе, заслуживъ похвалу за исповѣданіе Христово, а другіе и теперь еще находятся въ изгнаніи, тѣмъ мужественнѣе возставая противъ ихъ ереси и говоря: ничто не отлучить насъ отъ любви Христовой (Рим. 8, 35).

2) Но и изъ этого можно также узнать ересь, и тѣмъ паче осудить ее. Кто другъ имъ и вмѣстѣ съ ними нечествуетъ, тотъ,—хотя бы былъ и виновенъ въ другихъ проступкахъ, и подлежалъ тысячамъ укоризнъ, хотя бы противъ него были самыя ясныя обвиненія и доказательства,—пользуется у нихъ добрымъ мнѣніемъ и скоро дѣлается другомъ царевымъ, заслуживаетъ себѣ одобреніе своимъ нечестіемъ, а накопивъ много денегъ, беретъ уже смѣлость и предъ судіями дѣлать, что хочетъ. Но кто обличаетъ нечестіе ихъ и искренно стоитъ за Христа, тотъ,—хотя бы чистъ былъ во всемъ, и самъ не сознавалъ за собою ничего, и другіе его не обвиняли,—по выдуманнымъ ими предлогамъ, немедленно похищается, и по суду цареву дѣлается изгнанникомъ, или какъ виновный, въ чемъ имъ угодно винить, или подобно Навуею, какъ оскорбившій царя. Защитникъ же ереси тотчасъ бываетъ взысканъ и появляется въ Церковь изгнаннаго; а не принимающимъ его грозятъ уже опись

имѣнія, обиды, всѣ бѣдствія. И что всего страннѣе,—кого народъ желаетъ и признаетъ неукоризненнымъ, того царь отнимаетъ и изгоняетъ, а кого народъ не хочетъ и не знаетъ, того издали присылаетъ съ воинами и съ своими посланіями. И тогда настѣитъ великая нужда—ненавидѣть, кого любятъ, кто оглашалъ ихъ и сталъ отцемъ въ богочестіи, любить же, кого не хотятъ, и вѣрять дѣтей своихъ тому, о комъ не знаютъ, какой онъ жизни, какого поведенія, и кто онъ таковъ; или терпѣть наказаніе, если не послушаются царя.

3) Это и нынѣ дѣлаютъ, и издавна такъ поступали злочестивые съ православными, вездѣ и всякому давая видѣть свое злонравіе и нечестіе. Положимъ, что виновенъ Аѳанасій; что же сдѣлали другіе епископы? Какіе противъ нихъ предлоги? Или и тамъ найденъ какой мертвый Арсеній? И у нихъ—какой-нибудь пресвитеръ Макарій? Какая-нибудь сокрушена чаша? Какой-нибудь мелетіанинъ выведенъ дѣйствующимъ? Но какъ изъ дѣлъ этихъ епископовъ видно, что показанное на Аѳанасія есть ложь, такъ и тѣмъ, что предпринимали противъ Аѳанасія, объясняется, что и на епископовъ все выдуманно. Великій какой-то звѣрь (разумѣю эту ересь) вышелъ на землю; не словами только, какъ зубами, наноситъ онъ вредъ простодушнымъ, но и мірскую власть нанялъ для злоумышленія. И странно то, что, какъ я сказалъ уже, никто изъ нихъ не обвиняется, а если и обвиненъ, не осуждается, или повидимому и требуется въ судъ, но бываетъ оправданъ во вредъ обличающимъ. И скорѣе, обличитель терпитъ отъ злоумышленія, нежели отвѣтчикъ подвергнется какому-либо стыду. Поэтому, всѣ у нихъ исполнены скверны, и ихъ, вѣрнѣе сказать, соглядатаи, а не епископы, всѣхъ болѣе покрыты сквернами. И если кто хочетъ у нихъ стать епископомъ,—слушаетъ не сказанное: *подобаетъ епи-*

скопу быти непорочну (1 Тим. 3, 2), но одно только: „мудрствуй противъ Христа, и не заботься о нравахъ; этого достаточно, чтобъ получить тебѣ одобреніе и царскую дружбу“. Такъ бываетъ съ держащимися Аріевыхъ мыслей. А ревнители истины, хотя бы казались святыми и чистыми, по сказанному выше, подвергаются отвѣтственности, когда хотятъ этого аріане, по какимъ угодно имъ вымышленнымъ предлогамъ. И это, какъ уже сказано мною, можно усмотрѣть изъ того, что сдѣлано аріанами.

4) Былъ нѣкто Евстаѳій, Епископъ антиохійскій, исповѣдникъ и благочестивый въ вѣрѣ мужъ. Поелику же онъ много ревновалъ по истинѣ, ненавидѣлъ аріанскую ересь и не принималъ державшихся ея, то его оклеветали предъ Царемъ Константиномъ; выдуманъ предлогъ, будто бы Евстаѳій оскорбилъ Цареву мать. И немедленно дѣлается онъ изгнанникомъ, а съ нимъ вмѣстѣ изгнано и великое число пресвитеровъ и діаконовъ. Наконецъ, которыхъ Епископъ сей за нечестіе не принялъ въ клиръ, тѣхъ, по изгнаніи его, не только ввели въ Церковь, но и весьма многихъ изъ нихъ поставили епископами, чтобы имѣть ихъ соумышленниками своими въ нечестіи. Изъ числа ихъ Леонтій евнухъ, нынѣ Епископъ антиохійскій, а прежде него Стефанъ, Георгій лаодикійскій, Θεодосій, бывшій Епископомъ трипольскимъ, Евдоксій германикійскій и Евстаѳій, нынѣ Епископъ севастійскій.

5) Остановились ли же на этомъ? Нѣтъ. Евтропій, бывшій Епископомъ въ Адрианополѣ, мужъ добрый и во всемъ совершенный, поелику неоднократно обличалъ Евсевія, и кому лежалъ путь чрезъ Адрианополь, всякому давалъ совѣты не слушаться нечестивыхъ Евсевіевыхъ словъ, — терпитъ тоже, что и Евстаѳій, изгоняется изъ города и изъ Церкви, потому что противъ него много усиливалась Царица ¹⁾. Ев-

¹⁾ Жена Юлія Констанція, мать Юліана отступника.

фратіона въ Баланеяхъ, Киматія въ Палтосѣ и другаго Киматія въ Антарадѣ, Аскліпія въ Газѣ, Кира въ Беріи сирійской, Діодора въ Асіи, Домніона въ Сирміи, Елланика въ Триполѣ,—какъ-скоро узнали о нихъ, что ненавидятъ ересь,—однихъ по какому-нибудь предлогу, а другихъ и безъ предлога, царскими грамотами отрѣшивъ и выгнавъ изъ городовъ, вмѣсто нихъ въ ихъ Церкви поставили другихъ, нечестіе которыхъ было имъ извѣстно!

6) О Маркеллѣ, Епископѣ галатійскомъ, можетъ быть, не нужно и говорить; потому что всѣмъ извѣстно, какъ обвиняемые имъ прежде въ нечестіи Евсевіевы сообщники, сами обвиняли его и довели старца до изгнанія. Онъ, прибывъ въ Римъ, оправдался, и по требованію ихъ далъ письменное исповѣданіе своей вѣры, которое принялъ и Соборъ сардикійскій; а Евсевіевы сообщники не оправдались, и не устыдились обличенія въ нечестіи, доказанномъ ихъ писаніями, но съ бѣльшею еще дерзостію стали нападать на всѣхъ; потому что отъ царскихъ женъ получили себѣ одобреніе передъ Царемъ и для всѣхъ были страшны.

7) О Павлѣ же, Епископѣ Константинополя, знаетъ, думаю, всякій. Ибо въ какой мѣрѣ знатенъ городъ, въ такой-же не утаевается и все, что дѣлается въ немъ. И такъ, и противъ него выдуманъ предлогъ къ обвиненію. Обвинитель его Македоній, сдѣлавшійся теперь Епископомъ на его мѣстѣ, въ присутствіи моемъ во время обвиненія былъ въ общеніи съ нимъ и служилъ пресвитеромъ у самого Павла. Впрочемъ, поелику Евсевій съ завистію желалъ восхитить себѣ епископство этого города (такъ перешелъ онъ и изъ Берита въ Никомидію), то предлогъ къ обвиненію Павлову пребылъ въ своей силѣ, злоумышленіе не оставлено въ небреженіи, клеветники устояли въ своемъ. Павелъ, въ первый разъ, сосланъ Константи-

номъ въ Понтъ; во второй разъ, Констанціемъ, окованный желѣзными узами, заточень въ Сингару месопотамскую, и оттуда переведень въ Емесу; а въ четвертый разъ—въ Кукузу каппадокійскую у таврскихъ пустынь. Тамъ, какъ рассказывали бывшіе при немъ, задушенъ аріанами и кончилъ жизнь. Сдѣлавъ это, ни въ чемъ не хранящіе правды люди эти не постыдились, послѣ смерти Павловой, выдумать опять ложь, будто бы Павелъ скончался отъ болѣзни, хотя знаютъ объ этомъ всѣ жители мѣста того. И Филагрій, тогдашній намѣстникъ тѣхъ мѣсть, всѣ ихъ поступки толкуетъ, какъ имъ угодно; дивится, однакоже, притомъ, огорчившись, можетъ быть, тѣмъ, что не онъ, а другой сдѣлалъ такое злое дѣяніе; рассказывалъ же онъ многимъ другимъ, также и моимъ знакомымъ, и Епископу Серапіону, какъ Павелъ, запертый ими въ какое-то тѣсное и темное мѣсто, оставлень былъ тамъ умереть съ голода, и какъ, потомъ, чрезъ шесть дней пришедшіе нашли его еще дышущимъ, наконецъ, вошли и удушили его. И такимъ образомъ, онъ кончилъ жизнь сію. Исполнителемъ же дѣла въ нанесеніи такой смерти, какъ сказывали, сдѣлался Филиппъ, бывшій епархомъ. Но судъ Божій не оставилъ его ненаказаннымъ; не прошло и года, какъ Филиппъ съ великимъ безчестіемъ лишенъ начальства, и ставъ частнымъ человѣкомъ, потерпѣлъ осмѣяніе, отъ кого бы не желалъ. И онъ весьма огорченный, подобно Каину, *стѣня и трясыйся*, со дня на день ожидая своего убійцы, умеръ и самъ вдали отъ своего отечества и отъ своихъ, и какъ не того ему желалось, ставъ какбы лишеннымъ ума. Сверхъ того, не щадятъ они и мертвыхъ, если на кого при жизни выдумывали предлоги къ обвиненію. Ибо чрезъ это постарались показать себя для всѣхъ страшными; и живыхъ заточаютъ, и мертвыхъ не милуютъ. Но и въ этомъ случаѣ они одни, вопреки всѣмъ людямъ,

ненавидятъ отшедшихъ, злоумышляютъ на ихъ домашнихъ, сїи въ подлинномъ смыслѣ безчеловѣчные и ненавистники добра, больше самыхъ враговъ разсвирѣпѣвшіе нравомъ, по нечестію своему, не ради истины, но по вымышленнымъ предлогамъ, старавшіеся строить козни и мнѣ и другимъ.

8) Усматривая это, три брата—Константинъ, Констанцій и Констансъ, по смерти отца, возвратили всѣхъ въ отечество и въ Церковь, о другихъ написавъ къ Церкви каждаго, а объ Аѳанасіи выразивъ то, чѣмъ показывается опять насиліе, употребленное въ дѣлѣ, и обличается убійственное намѣреніе Евсевіевыхъ сообщниковъ ¹⁾.

Это было писано Кесаремъ; какой же другой свидѣтель ихъ заговора можетъ быть достовѣрнѣе сего? Ибо что зналъ онъ, то и написалъ.

9) Евсевіевы сообщники, видя, что ересь ихъ ослабѣваетъ, пишутъ на Аѳанасія въ Римъ, пишутъ и къ Царямъ Константину и Констансу. Какъ же скоро и Аѳанасіемъ посланные обличили писанное ими, — передъ Царями были они постыжены. Епископъ же римскій Юлій писалъ, что надобно быть Собору, гдѣ пожелаемъ, чтобы на немъ доказали они то, въ чемъ обвиняютъ, и смѣло оправдались, въ чемъ сами обвиняются. Ибо объ этомъ просили и посланные ими пресвитеры, видя себя обличаемыми. Въ такомъ положеніи дѣла во всемъ подозрительные люди эти, примѣчая, что не одержать они верха на судѣ церковномъ, приходятъ къ одному Констанцію, и его уже, какъ защитника ереси, жалобно просятъ, говоря: „Пощади ересь; видишь, всѣ отъ насъ отступаютъ, и остается уже немного насъ; начни гоненіе, потому что и эти немногіе оставляютъ насъ и нѣтъ

¹⁾ Это посланіе отъ имени Константина Кесаря къ жителямъ Александріи смотри выше Т. 1. стр. 396.

у насъ послѣдователей. Кого принудили мы силою, по изгнаніи епископовъ, тѣхъ епископы, возвратившись, опять убѣдили мудрствовать вопреки намъ. Поэтому, напиши указъ противъ всѣхъ нихъ, и пошли Филагрія вторично епархомъ въ Египеть; онъ способенъ произвести гоненіе, доказалъ уже это на опытѣ, притомъ же, онъ и отступникъ. Пошли и Григорія епископомъ въ Александрію, и онъ можетъ поддерживать нашу ересь“.

10) Поэтому, пишетъ тогда Констанцій, всѣхъ начинаетъ преслѣдовать, посылаетъ епархомъ Филагрія и съ нимъ какого-то евнуха Арсакія, посылаетъ и Григорія съ воинскою силою. И произошло подобное тому, что было и прежде. Собралъ множество волопасовъ, пастуховъ и другихъ площадныхъ и распутныхъ молодыхъ людей, съ мечами и дубинами вторглись они внезапно въ церковь, такъ - называемую Кирина, и однихъ убивали, другихъ топтали, иныхъ же, нанеся имъ раны, ввергли въ узилище и послали въ заточеніе; схвативъ многихъ женщинъ, всенародно влекли въ судилище, и ругались надъ ними, таща за волосы; у иныхъ описывали имѣніе, у другихъ отымали хлѣбъ, не для чего иного, а для того единственно, чтобы присоединились они къ аріанамъ и приняли присланнаго Царемъ Григорія.

11) Аѳанасій же, прежде нежели произошло это, едва услышалъ, какъ отплылъ въ Римъ, зная раздражительность еретиковъ, и вмѣстѣ для того, чтобы, какъ положено, составился Соборъ. Юлій пишетъ и посылаетъ пресвитеровъ Елпидія и Филоксена, назначивъ и срокъ Собору, чтобы или пришли еретики, или знали уже, что будутъ ихъ подозрѣвать во всемъ. Но Евсевіевы сообщники, — какъ - скоро услышали, что будетъ церковный судъ, на которомъ ни комитъ не присутствуетъ, ни воины не стоятъ у дверей, и дѣла соборныя совершаются не по цар-

скому приказу (а этимъ всегда брали они верхъ надъ епископами, безъ этого же едва осмѣливаются даже и говорить),—въ такой пришли страхъ, что пресвитеровъ продержали за срокъ и выдумали неблаговидный предлогъ, говоря: „не можемъ теперъ идти по причинѣ войны съ персами“. Но въ этомъ не было правды, идти же препятствовалъ страхъ совѣсти. Ибо какое дѣло епископамъ до войны? Или, какимъ образомъ по причинѣ персовъ не могли идти въ Римъ,—городъ, который далеко стоитъ отъ персовъ и за моремъ, между-тѣмъ какъ восточныя и близкія персамъ страны обходятъ они, какъ львы, ища, не воспротивится ли имъ кто, чтобы, оклеветавъ, довести его до заточенія.

12) И безъ сомнѣнія, отпустивъ отъ себя пресвитеровъ съ этимъ неудовлетворительнымъ предлогомъ, разсуждали они между собою: „поелику не имѣемъ возможности одержать верхъ на судѣ церковномъ, то покажемъ обычную намъ дерзость“. Поэтому, пишутъ къ Филагрію и убѣждаютъ его въ скоромъ времени вмѣстѣ съ Григоріемъ обзрѣть Египеть: и теперъ-то епископы безъ жалости подвергаются бичеваніямъ и заключаются въ узы. Сарапаммона Епископа-исповѣдника посылаютъ въ заточеніе; Потаммону Епископу-исповѣднику, который лишился даже глаза во время гоненія, нанесли множество ударовъ по выѣ и не прежде перестали мучить его, какъ признавъ уже мертвымъ; такъ былъ онъ брошень, и едва чрезъ нѣсколько часовъ, послѣ многихъ стараній и отдуваній, началъ дышать, потому что Богу стало угодно даровать ему жизнь. Но чрезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ тяжести этихъ ударовъ и можетъ о Христѣ похвалиться двукратнымъ мученичествомъ. Сколько же другихъ монаховъ терпѣли бичеваніе, между-тѣмъ какъ Григорій сидѣлъ съ Балакіемъ, такъ-называемымъ дукомъ? Сколько еписко-

повъ были мучимы? Сколько дѣвъ несли на себѣ удары?

13) Потомъ, послѣ всего этого, жалкій Григорій приглашаетъ всѣхъ вступить съ нимъ въ общеніе. Но — если желаешь имѣть съ ними общеніе, то не были они достойны ранъ; если же терзалъ ты ихъ, какъ людей негодныхъ, то для чего приглашаешь, какъ святыхъ? Но у него не было другой цѣли, какъ только исполнить волю пославшихъ и поддержать ересь. Посему-то этотъ безумный человѣкъ сдѣлался убійцею, исполнителемъ казни, обидчикомъ, коварнымъ, гнуснымъ и вполнѣ христорборцемъ. Тетку Епископа до того преслѣдовалъ онъ, что и умершую не позволялъ предать погребенію. Это и случилось бы и она была бы брошена непогребенною, если бы поднявшіе ее не вынесли, какъ своего мертвеца. Такъ и въ этомъ показалъ онъ свой нечестивый нравъ. Поелику вдовы и другіе недвижимые собирали милостыню, то велѣлъ отнимать подаваемое и разбивать сосуды, въ которыхъ держали масло и вино, чтобы не только нечестиво отнять у нихъ, но самымъ дѣломъ обезчестить Господа и вскорѣ услышать отъ Него: обезчестивъ этихъ, обезчестилъ ты Меня.

14) Многое и другое имъ сдѣлано, что даже трудно и выразить словомъ, и о чемъ иной выслушавъ, почтетъ это невѣроятнымъ. Поступалъ же такъ потому, что не былъ поставленъ по правилу церковному, и былъ назначенъ Епископомъ не по апостольскому преданію, но присланъ отъ Двора съ воинскою силою и пышностію, какъ-будто бы вручалась ему мірская власть. Поэтому, желалъ онъ болѣе—быть другомъ градоправителей, нежели епископовъ и монашествующихъ. И если когда писалъ ему съ горы Отецъ Антоній, то, поелику богочестіе неприятно грѣшнику, онъ гнушался письмами сего Святаго. А если писалъ

царь, или военачальникъ, или какой судія, — столько же бывалъ весель, какъ и тѣ, о которыхъ, какбы оплакивая ихъ, говоритъ Писаніе въ Притчахъ: *о оставившии пути правыя! о веселящихся о злыхъ и радующихся о развращеніи злымъ* (Притч. 2, 13. 14)! И, безъ сомнѣнія, приносящихъ эти письма чествовалъ онъ денежными вознагражденіями. А когда написалъ ему, однажды, Антоній, — велѣлъ дуку Балакію оплевать и бросить посланіе. Но судъ Божій не оставилъ этого ненаказаннымъ; не много прошло времени, какъ поименованный Дукъ садился на коня, отправляясь еще только въ путь; конь обернулся и укусилъ его въ лядвею; Дукъ упалъ и чрезъ три дня умеръ.

15) Такъ поступали они со всѣми. Между-тѣмъ въ Римѣ собралось до пятидесяти епископовъ. Евсевіевыхъ сообщниковъ, какъ подозрительныхъ и убоявшихся прійдти, не приняли они въ общеніе, и писаннаго ими не уважили, а меня приняли и возлюбили со мною общеніе. Но пока это происходило, — дошло до свѣдѣнія Царя Констанса и о Соборѣ, бывшемъ въ Римѣ, и о томъ, что сдѣлано противъ Церкви въ Александріи и на всемъ Востокѣ. Тогда пишетъ онъ къ брату Констанцію; и обоимъ уже было угодно, чтобы составился Соборъ и были разобраны дѣла, и обиженные не терпѣли болѣе обидъ, обидчики же не могли болѣе осмѣливаться на подобные поступки. Поэтому, въ городъ Сардику сходятся епископы съ Востока и Запада числомъ болѣе или менѣе 170-ти. Западные епископы были одни съ Отцемъ Осією, а восточные привели съ собою пѣстунами и ходатаями Мусоніана комита и Исихія Кастрисія, которыхъ ради и пришли охотно, надѣясь опять сдѣлать все ихъ властію. Ибо такъ и всегда съ помощію ихъ показывали себя страшными, кому хотѣли, и строили козни, противъ кого было имъ угодно. Когда же пришедши увидѣли, что про-

изводится одинъ церковный судъ безъ комита и воиновъ, увидѣли противъ себя обвинителей и обличителей отъ каждой Церкви и отъ cadaго города, увидѣли, что почтенные Епископы Арій и Астерій, хотя пришли съ ними, но уклонились отъ нихъ, присоединились къ намъ и пересказали намъ о лукавствѣ ихъ и о томъ, сколько они подозрительны по дѣламъ и сколько боятся судопроизводства, — чтобы и мы ихъ не обличили какъ клеветниковъ, и представленные ими обвинители не показали, что сами они все это внушили имъ и подстроили, — примѣчая все это, — хотя пришли со тщаніемъ въ той мысли, что иначе не встрѣтятъ насъ, какъ устрашенными, но какъ-скоро увидѣли нашу готовность, — заключаются во дворцѣ (ибо тамъ жили) и начинаютъ разсуждать между собою: „Съ иною цѣлю мы шли, и иное видимъ; пришли мы съ комитами, а судъ производится безъ комитовъ; безъ сомнѣнія, мы будемъ осуждены, всѣ вы знаете данныя предписанія; Аѳанасіевы защитники имѣютъ у себя мареотскія записи, по которымъ онъ оправдается, а мы посрамимся. Поэтому, что же намъ дѣлать? Для чего медлить? Выдумаемъ какіе-нибудь предлоги и уйдемъ, чтобы оставаясь не быть осужденными; лучше, бѣжавъ, понести стыдъ, нежели потерпѣть посрамленіе, когда обличать насъ клеветниками. Если убѣжимъ, то будемъ еще въ-состояніи хотя сколько-нибудь защитить ересь. Хотя и осудятъ насъ бѣжавшихъ, но нашимъ покровителемъ Царь; онъ не попуститъ, чтобы народъ изгналъ насъ изъ Церквей“.

16) Подобно этому разсуждали они; Осія же и всѣ другіе епископы часто давали имъ выразумѣть ревность Аѳанасіевыхъ защитниковъ, и сколько готовы они къ оправданію, даже обѣщаются обличить ихъ какъ клеветниковъ. Епископы говорили: „Если боитесь суда, — для чего пришли? Или приходитъ не над-

лежало, или пришедши не должно бѣжать“. Слыша это и еще въ больший пришедши страхъ, прибѣгли къ новому предлогу болѣе нелѣпому, нежели выдуманный въ Антиохіи, будто бы Царь писалъ имъ о торжествахъ по случаю побѣды надъ персами, и рѣшились бѣжать. И предлогъ этотъ безъ стыда представили чрезъ Евстаѳа пресвитера сардикійской Церкви. Однакоже, побѣгъ ихъ по желанію не состоялся. Ибо святой Соборъ, на которомъ предсѣдателемъ былъ великій Осія, вскорѣ написалъ имъ ясно: „Или явитесь оправдаться въ представленныхъ на васъ обвиненіяхъ и въ сложенныхъ вами клеветахъ, или знайте, что Соборъ осуждаетъ васъ, какъ признанныхъ виновными. Аѳанасія же и защитниковъ его объявляемъ свободными и чистыми отъ всякой вины“. Но они больше были гонимы страхомъ совѣсти, нежели способны внять этому посланію; видя передъ собою обиженныхъ ими, не дали отвѣта дѣлающимъ это предложеніе, но скорѣе бѣжали.

17) Такъ постыдно и неблагообразно было ихъ бѣгство. Святой же Соборъ, созванный изъ 35-ти и болѣе епархій, признавъ злонравіе арианъ, допустилъ Аѳанасія и прочихъ съ нимъ къ оправданію, въ чемъ обвиняли ихъ и за что пострадали; и когда оправдались, какъ сказали мы выше, — Соборъ принялъ ихъ и призналъ достойными всякаго удивленія, а потому и возлюбилъ общеніе съ ними, отписалъ всюду, послалъ писанія въ округъ cadaго и особенно въ Александрію, въ Египеть и въ Ливію, что Аѳанасій и прочіе съ нимъ чисты и не подлежатъ никакому упреку, а противники ихъ — клеветники, люди злобные и вовсе не христіане. Посему, Аѳанасія и прочихъ съ нимъ отпустили съ миромъ, а низложили Стефана, Минофанта, Акакія, Георгія лаодикійскаго, Урзація, Валента, Θεодора и Наркисса. Григорія же, присланнаго Царемъ въ Александрію, отлучили отъ

Церкви; потому что онъ вовсе не былъ епископомъ и не долженъ именоваться христіаниномъ. Поэтому, объявили недѣйствительными и тѣ поставленія, которыя сдѣланы Григоріемъ, приказавъ, чтобы оныя во все не именовались въ Церкви, по необычайности беззаконія. Такъ Аѳанасій и прочіе съ нимъ отпущены съ миромъ. Соборныя же посланія, по длинотѣ ихъ, писаны въ концѣ ¹⁾. И Соборъ разошелся.

18) Низложенные, которымъ теперь надлежало бы успокоиться, послѣ такого постыднаго бѣгства, совершили дѣла, въ-сравненіи съ которыми прежніе ихъ поступки оказываются малыми. Ибо, когда жители Адрианополя не захотѣли вступить съ ними въ общеніе, потому что бѣжали они отъ Собора и признаны виновными; тогда донесли объ этомъ Царю Констанцію, и сдѣлали, что на тамошней фабрицѣ десять человѣкъ мірянъ были обезглавлены, при содѣйствіи аріанамъ опять и въ этомъ Филагрія, бывшаго тамъ комитомъ. Надгробные памятники умерщвленныхъ находятся предъ городомъ, какъ и мы это видѣли, проходя мимо. Потомъ, какъ-будто сдѣлано ими хорошее дѣло, потому что бѣжали, чтобы не обличили ихъ какъ клеветниковъ,—все, чего только хотѣли, и Царь подтвердилъ своимъ приказаніемъ. Поэтому, успѣли и въ томъ, что изъ Александріи сосланы въ заточеніе въ Арменію два пресвитера и три діакона; Арія же и Астерія, изъ которыхъ одинъ былъ Епископомъ Петры палестинской, а другой Епископомъ аравійскимъ, за то, что отдѣлились отъ нихъ, не только послали въ заточеніе въ верхнюю Ливію, но и подвергли ихъ оскорбленіямъ.

19) Съ адрианопольскимъ Епископомъ Лукіемъ, поелику увидѣли, что обходится съ аріанами очень

¹⁾ Эти посланія помѣщены уже выше Т. I, стр. 332—350.

смѣло и обличаетъ ихъ нечестіе, поступили опять такъ-же, какъ и прежде, возложили желѣзныя оковы на выю и руки, и потомъ послали въ заточеніе, гдѣ Лукій и скончался, какъ они это знаютъ. Удалили съ мѣста Епископа Діодора, Олимпія же энейскаго и Феодула траянопольскаго, которые оба были Епископами во Фракіи, добрыхъ и православныхъ мужей, поелику видѣли, что они ненавидятъ ересь, оклеветали сперва Евсевіевы сообщники, о чемъ и писалъ Царь Констанцій, а во второй разъ и сіи подтвердили тоже. Констанціемъ же писано было не только изгнать этихъ Епископовъ изъ городовъ и Церквей, но и предать смертной казни, если будутъ гдѣ найдены. Какъ ни удивительно это, однакоже, нимало не чуждо ихъ образу дѣйствія. Научившись подобнымъ вещамъ у Евсевіевыхъ сообщниковъ и какбы ставъ наследниками ихъ нечестія и поведенія, какъ отцы ихъ дѣлали во Фракіи, такъ и они захотѣли въ Александріи' показать себя страшными, и по ихъ домогательству было написано наблюдать за пристанями и входами въ города, чтобы епископы не возвратились какъ-нибудь въ Церкви, вслѣдствіе соборнаго дозволенія. Написано было, по ихъ домогательству, и къ александрійскимъ судіямъ объ Аѳанасіи и о нѣкоторыхъ пресвитерахъ по-именно, что если Епископъ, или кто-нибудь изъ тѣхъ пресвитеровъ найденъ будетъ вступившимъ въ городъ или въ предѣлы его, то судія въ-правѣ — обезглавить найденнаго. Такъ новая іудейская ересь не только отрицается отъ Господа, но и поучается убійствамъ.

20) И при этомъ они не успокоились; но какъ отецъ ихъ ереси *ходитъ яко левъ, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), такъ и они, --- захвативъ во власть свою общенародное гульбище и ходя по нему, если находили, что кто-нибудь порицаетъ ихъ за бѣгство и изъявляетъ ненависть къ аріанской ереси, —

всѣхъ таковыхъ сѣкли бичами, связывали, высылали изъ отечества въ заточеніе. А чрезъ это сдѣлали себя столько страшными, что многіе обратились въ лице-мѣровъ, а многіе согласились лучше—бѣжать въ пустыни, нежели жить съ ними вмѣстѣ. Таковы были неистовыя ихъ дерзости послѣ побѣга. Ибо совершаютъ нѣчто необычайное, приличное только ихъ ереси, чего прежде и не слыхивали, и чего, можетъ быть, никогда не случится даже у развращенныхъ язычниковъ, не только у христіанъ. Святый Соборъ Епископовъ Викентія изъ Капуи, гдѣ митрополія Кампаніи, и Евфрата изъ Агриппиніи, гдѣ митрополія верхней Галліи, отправилъ послами къ Царю, чтобы, поелику онъ изгналъ Епископовъ, то самъ-же и дозволилъ бы, по суду соборному, возвратиться имъ въ свои Церкви. Писалъ также и благочестивѣйшій Констансъ къ брату своему, и поддерживалъ сторону Епископовъ. Эти же достойные удивленія и на все отважные люди, какъ-скоро увидѣли пословъ въ Антиохіи, составляютъ общій совѣтъ, исполненіе же принимаетъ на себя одинъ Стефанъ, какъ способный къ подобнымъ дѣламъ. Въ самые дни святѣйшей Пасхи, нанимаютъ распутную женщину и, раздѣвъ ее до-нага, вводятъ ночью къ Епископу Евфрату. Женщина эта, думая сперва, что призвана молодымъ человѣкомъ, шла охотно. Когда же, оставленная ими, увидѣла человѣка соннаго, который ничего не знаетъ о случившемся, а потомъ, рассмотрѣла лице старца и догадалась, что это Епископъ, — тотчасъ подняла крикъ и стала жаловаться, что введена насильно. Но они просили ее молчать и солгать на Епископа. Такъ наступилъ день; дѣло разгласилось, и стекся весь городъ; придворные пришли въ движеніе, дивясь распространившемуся слуху и прося не молчать о дѣлѣ. Поэтому, произведенъ судъ; содержатель непотребнаго дома обличилъ приходившихъ за женщиной;

они же обличили Стефана, потому что это были его клирики. Посему, Стефанъ отрѣшается, и на мѣсто его поставляется скопецъ Леонтій, только бы арианской ереси не оставаться безъ защитника.

21) Царь Констанцій, тронутый этимъ нѣсколько, пришелъ въ себя, и изъ поступка съ Евфратомъ заключивъ, что и противъ другихъ бываютъ подобные замыслы, повелѣваетъ немедленно освободить сосланных изъ Александріи въ Арменію пресвитеровъ и діаконовъ; и въ Александрію пишетъ прямо, чтобы болѣе не преслѣдовать клириковъ и мірянъ у Аѳанасія. Потомъ, когда мѣсяцевъ чрезъ десять скончался Григорій, — съ великою честію приглашаетъ Аѳанасія, не однажды и не двукратно, но три раза написавъ къ нему дружественно, убѣждаетъ ничего не опасаться и идти въ путь, посылаетъ пресвитера и ~~діакона~~, чтобы тѣмъ съ большею увѣренностію возвратился онъ. Царь думалъ, что, страшась бывшаго ~~прежде~~, не забочусь о возвращеніи. Пишетъ же и къ брату своему Констансу, чтобы и онъ убѣждалъ меня возвратиться. Онъ увѣрялъ, что цѣлый годъ ожидаетъ Аѳанасія, и никакъ не позволялъ какого - либо нововведенія, или поставленія, сохраняя Церкви Епископу Аѳанасію.

22) Когда же такъ писалъ Царь и убѣждалъ чрезъ многихъ, потому что заставлялъ писать и комитовъ Полемія, Датіана, Бардіона, Фаласса, Тавра и Флоренція, которымъ болѣе можно было вѣрить; тогда, предавъ все Богу, и на сіе подвижному Констанція, пришелъ къ нему Аѳанасій съ бывшими при немъ. Царь принялъ его искренно и дозволилъ возвратиться въ отечество и въ Церкви, написавъ къ помѣстнымъ судьямъ, чтобы (такъ-какъ прежде приказывалъ оберегать входы) имѣть ему невозбранный доступъ. Потомъ, когда Епископъ сталъ жаловаться на то, что потерпѣлъ и что писано было противъ него, присо-

вокупилъ же и просьбу, чтобы, по отбытіи его, опять не стали клеветать враги, и сказалъ: „призови ихъ, если угодно; пусть станутъ они передо мною, и я обличу ихъ“; тогда Царь не сдѣлалъ этого, но все, что прежде писано было на Аѳанасія по клеветѣ, велитъ уничтожить и изгладить, подтвердивъ, что впредь не потерпитъ клеветы и что намѣреніе его въ этомъ твердо и непремѣнно. И сказалъ это не просто, но запечатлѣлъ слова клятвами, призывая при этомъ свидѣтелемъ Бога. Убѣдивъ же Аѳанасія многими другими словами и посовѣтовавъ ему остаться въ томъ увѣренномъ, къ епископамъ и судьямъ пишетъ слѣдующее ¹⁾:

23) Побѣдитель Констанцій Августъ—экзарху египетскому Несторію.

Извѣстно, что прежде сего было наше приказаніе ²⁾ отыскать нѣкоторыя писанія, противныя чести достопочтеннѣйшаго Епископа Аѳанасія, состоятъ же они въ завѣдываніи твоей правдивости. Посему, угодно намъ отъ испытанной нами трезвенности твоей, чтобы всѣ письма, касающіяся сказаннаго выше имени и бывшія въ твоёмъ завѣдываніи, сообразно сему нашему приказу, отослалъ ты въ нашъ комитетъ.

24) А что писалъ онъ, по смерти блаженнаго Констанса, то, по переводу съ латинскаго подлинника, состоитъ въ слѣдующемъ:

Побѣдитель Констанцій Августъ—Аѳанасію.

Всегдашнимъ моимъ желаніемъ было, чтобы все дѣлалось въ угодность покойному моему брату Кон-

¹⁾ Смотри выше два посланія Констанціевы: одно—къ епископамъ и пресвитерамъ вселенской Церкви, другое—ко всѣмъ вѣрнымъ вселенской Церкви въ Александріи (Т I, стр 355—356)

²⁾ Смотри выше Т. I, стр. 357

стансу; это не безызвѣстно и твоему разумѣнію. Въ какой же былъ я скорби, узнавъ, что онъ умерщвленъ какими-то людьми преступными,—объ этомъ можетъ опять догадываться твое благоразуміе. Поелику же въ настоящее столь печальное время покушаются иные устрашать тебя; то заблагоразсудилъ я послать къ твердости твоей письмо сіе, поставляя тебѣ въ обязанность, какъ прилично епископу, учить народъ тому, чего требуетъ Божественная вѣра, и вмѣстѣ съ нимъ обычнымъ образомъ проводить время въ молитвахъ, а не вѣрить пустымъ слухамъ, какіе бы они ни были. У насъ же укоренено въ душѣ это желаніе, чтобы тебѣ, согласно съ нашимъ изволеніемъ, всегда быть епископомъ на мѣстѣ твоёмъ. Божественный Промыслъ многіе годы да соблюдаетъ тебя, возлюбленный Отецъ ¹⁾).

— — — — —

25) Когда происходило это,—Аѳанасій и бывшіе съ нимъ простились и вступили уже въ путь; друзья, взирая на друга, радовались; а что до прочихъ,—то одни, видя его, стыдились, другіе, не осмѣливаясь видѣть, скрывались, иные же раскаявались въ томъ, что писали на Епископа. Всѣ палестинскіе Епископы, за исключеніемъ двоихъ или троихъ, и то подозрительныхъ, такъ приняли Аѳанасія и возрадовались общенію съ нимъ, что писали и оправдывались, говоря: „что писано нами прежде, то сдѣлано не по произволенію, но принужденно“. А объ Епископахъ въ Египтѣ и въ Ливіяхъ, также о народѣ въ этихъ странахъ и въ Александріи излишнее дѣло и говорить; потому что всѣ стекались, и несказанна была ихъ радость, не потому только, что сверхъ чаянія срѣтали своихъ живыми, но и потому, что освобож-

¹⁾ Письмо это читается выше (стр. 61) въ другихъ нѣсколько выраженіяхъ, вѣроятно, по другому переводу съ латинскаго языка

дались отъ еретиковъ, какъ отъ мучителей и отъ бѣшенныхъ псовъ. Великое было веселіе, когда люди мірскіе въ церковныхъ собраніяхъ другъ друга поощряли къ добродѣтели. Сколько незамужнихъ, которыя прежде готовы были вступить въ бракъ, остались дѣвами Христовыми? Какъ многіе юноши, смотря на другихъ, возлюбили иноческую жизнь? Какъ многіе отцы увѣщевали дѣтей? И сколь у многихъ просили дѣти, чтобы не препятствовали имъ подвизаться о Христѣ? Сколь многія жены убѣдили мужей и сколь многія убѣждены мужьями—пребывать, какъ сказалъ Апостоль, въ *молитвѣ* (1 Кор. 7, 5)? Сколько вдовъ, сколько сиротъ прежде были голодны и наги, а теперь, вслѣдствіе великаго народнаго усердія, не только не чувствовали голода, но ходили уже одѣтыми? Вообще, такое было соревнованіе въ добродѣтели, что каждое жилище, каждый домъ, по добротолубію обитающихъ и по молитвѣ къ Богу, можно было почестъ церковію. Глубокій и чудный былъ миръ въ Церквахъ; повсюду сущіе епископы писали и принимали отъ Аѳанасія обычныя мирныя посланія.

26) Раскаялись и Урзацій и Валентъ, какбы терзаемые совѣстію. Дружеское и мирное посланіе пишутъ они къ Епископу, хотя сами не получили отъ него письма. Пришедши же въ Римъ, приносили покаяніе, признаваясь, что все, что ни дѣлали и ни говорили они противъ Аѳанасія, есть ложь и одна клевета. И не это одно сдѣлали они, но предавъ анаѳемѣ аріанскую ересь, письменно изложили свое покаяніе, написавъ Епископу Юлію на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ на эллинскій, слѣдующее посланіе, съ котораго на латинскомъ языкѣ ¹⁾ присланъ списокъ мнѣ Павломъ, Епископомъ триверскимъ.

¹⁾ Смотри выше посланія Урзація и Валента, одно — къ Епископу Юлію Т. I, стр. 359, а другое—къ св. Аѳанасію Т. I, стр. 360

Написавъ это, подписались они и къ мирнымъ посланіямъ, когда проходили у нихъ Аѳанасіевы пресвитеры, Петръ и Иринеи и мірянинъ Аммоній, хотя Аѳанасій съ ними ничего не написалъ къ Урзацію и Валенту.

27) Посему, кто не дивился, видя все это и такой миръ Церквей? Кто не радовался, взирая на единомысліе столькихъ епископовъ? Кто не славилъ Господа, примѣчая веселіе народа въ церковныхъ собраніяхъ? Сколь многіе изъ враговъ принесли покаяніе? Сколь многіе изъ клеветавшихъ прежде старались оправдаться? Сколь многіе изъ ненавидѣвшихъ прежде Аѳанасія въ послѣдствіи возлюбили его? Сколь многіе изъ писавшихъ противъ него перемѣнили складъ пѣсни? Многіе изъ бывшихъ въ общеніи съ аріанами не по произволѣнію, но по нуждѣ, приходили ночью и оправдывались; они предавали ересь анаѳемѣ и просили себѣ прощенія, потому что по заговорамъ и клеветамъ, отъ нихъ бывшимъ, видимо и тѣлесно были они съ аріанами, сердцемъ же соединены съ Аѳанасіемъ и съ нимъ всегда пребываютъ. Ей, повѣрьте, что это было такъ!

28) Но слыша и видя это, въ великомъ были стыдѣ наслѣдовавшіе мнѣнія и нечестіе Евсевіевы, а именно: скопецъ Леонтій, — съ которымъ не должно имѣть общенія и какъ съ міряниномъ, потому что оскотилъ себя, чтобы свободно уже жить съ какой-то Евстолей, которая имѣла прежде съ нимъ связь, хотя именовалась еще дѣвою, — также Георгій, Акакій, Теодоръ, Наркиссъ, которые низложены еще Соборомъ. Потомъ, видя согласіе и миръ съ Аѳанасіемъ болѣе нежели 400 епископовъ, и именно: Епископовъ великаго Рима, всей Италіи, Калабріи, Апуліи, Кампаніи, Бруттіи, Сициліи, Сардиніи, Корсики и всей Африки, также Епископовъ Галліи, Британіи, Испаніи и великаго исповѣдника Осіи, и еще Епископовъ Пан-

ноніи, Норика, Сискіи, Далмаціи, Дарданіи, Дакии, Мисіи, Македоніи, Фессаліи, всей Ахаіи, Крита, Кипра, Ликіи и большей части Епископовъ Палестины,—Исаврїи, Египта, Фиваиды, всей Ливіи и Пентаполя, видя все это, объята они были завистію и страхомъ;—завистію по причинѣ общенія съ Аѳанасіемъ столь многихъ Епископовъ, и страхомъ, чтобы обольщенные ими не приступили къ единомудушію съ столь многими, и обезсиленная ересь ихъ не была всюду предана посрамленію и позору.

29) И во-первыхъ, убѣждаютъ Урзація и Валента перемѣнить свои мысли и подобно псамъ возвратиться на свою блевотину, или подобно свиніямъ снова погрузиться въ прежнюю тину нечестія и выдумать такой предлогъ принесеннаго ими покаянія, будто бы сдѣлали это, убоявшись благочестивѣйшаго Констанса. Но если былъ въ этомъ и страхъ, то, ежели дѣло совершаемо было съ увѣренностію въ немъ, не надлежало измѣнять сдѣланному. Если же и страха не было, но они солгали; то не всякаго ли достойны они осужденія? Не было тутъ война, и не посылались царедворцы или письмоводцы (какъ дѣлаютъ они нынѣ), не присутствовалъ царь, и вовсе не по чьему-либо приглашенію писали они; но сами, по своей волѣ, пришли въ Римъ, и въ церкви, гдѣ нѣтъ внѣшняго страха, дѣйствуетъ же одинъ страхъ Божій, гдѣ всякій имѣетъ свободное произволеніе, сами собою принесли покаяніе и написали оное. И однакоже, въ другой разъ ставъ аріанами, не краснѣютъ, придумавъ снова такой неприличный предлогъ.

30) Потомъ, собравшись вмѣстѣ, обратились съ просьбою къ Царю Констанцію, говоря: „О чемъ представляли мы прежде, въ томъ намъ не повѣрили. Когда вызывалъ ты Аѳанасія,—говорили мы, что, приглашая его, изгоняешь нашъ толкъ; потому что Аѳанасій изъ-начала противъ него и не перестаетъ пре-

давать его анаемѣ. Онъ всюду уже разослалъ свои противъ насъ писанія; весьма многіе—въ общеніи съ нимъ, а которые, повидимому, насъ держались, тѣ или уже присоединились къ нему, или думаютъ присоединиться; и мы остались одни; есть опасность, что огласится наше ученіе, и мы и ты будемъ, наконецъ, провозглашены еретиками. А если сдѣлается это, то смотри, чтобы не причли насъ къ манихеямъ. Поэтому, начни опять гоненіе и будь покровителемъ нашего толка; потому что и онъ признаетъ тебя своимъ царемъ“. Таковы были лукавыя ихъ слова. И Царь, когда шелъ противъ Максентія, видя общеніе Епископовъ съ Аѳанасіемъ, какбы возгорѣвшись огнемъ, перемѣнилъ свою мысль, не сохранилъ въ памяти клятвъ, но забылъ, что писалъ, и не соблюлъ даннаго брату слова; потому что и въ письмахъ къ нему, и при свиданіи съ Аѳанасіемъ, увѣрялъ клятвенно не иначе поступать, но только какъ пожелаетъ народъ и угодно будетъ Епископу. Усердіе къ нечестію сдѣлало, что все вдругъ стало имъ забыто. Но не должно дивиться, что перемѣнился Констанцій послѣ столькихъ писаній и клятвъ. И нѣкогда египетскій мучитель, Фараонъ, многократно давая обѣщанія и получая за то освобожденіе отъ казней, перемѣнялъ свое намѣреніе, пока въ-конецъ не погибъ съ своими единомышленниками.

31) Сперва Констанцій въ каждомъ городѣ принуждалъ епископовъ перемѣниться; а когда былъ въ Арелатѣ и въ Медиоланѣ, — сталъ уже поступать, какъ совѣтовали и внушали еретики, лучше же сказать, сами они стали такъ поступать и, воспользовавшись властію, нападать на всякаго. И вскорѣ пришли повелѣнія и писанія къ епарху — немедленно отнять у Аѳанасія выдававшійся ему хлѣбъ и отдать мудрствующимъ по-аріеву, а также дозволить желающимъ оскорблять всякаго, кто сходится на богослуженіе вмѣстѣ

съ Аѳанасіемъ. Угрожали даже судіямъ, если будутъ собираться на богослуженіе не съ аріанами. Все же это было только предначатиемъ того, что сдѣлано потомъ дукомъ Сиріаномъ. Посланы предписанія и въ другія мѣста кромѣ Александріи, отправлены въ города письмоводцы и придворные съ угрозами къ епископамъ и судіямъ, чтобы судіи поспѣшали, а епископы или писали противъ Аѳанасія, вступивъ въ общеніе съ аріанами, или въ наказаніе сами подвергались заточенію, а также міряне, сходящіеся съ ними на богослуженіе, знали, что противъ нихъ употреблены будутъ узы, поруганія, раны и отъятіе собственности. Предписаніе это не оставлено въ небреженіи, потому что посланные имѣли при себѣ клириковъ Урзаціевыхъ и Валентовыхъ, чтобы и побуждали они нерадивыхъ судей, и доносили о нихъ Царю. И другимъ ересямъ, какъ меньшимъ своимъ сестрамъ, дозволяли хулить Господа; противъ однихъ только христіанъ злоумышляли, не имѣя терпѣнія слышать благочестивыя о Христѣ вѣщанія. Посему, сколько епископовъ, по Писанію, *ведени* были *предъ воеводы и цари* (Марк. 13, 9), и слышали отъ судей: „или подпишитесь, или оставьте Церкви, потому что Царь велѣлъ низложить васъ“? Сколь многіе въ городахъ приведены были въ смущеніе, что и ихъ обвиняютъ какъ друзей епископскихъ? Ибо и гражданамъ было писано, притомъ съ угрозою денежнаго взысканія, если каждый не будетъ епископа города своего принуждать къ тому, чтобы подписался. Вообще, всякое мѣсто и всякій городъ исполнились страха и смятенія; потому что епископовъ влекли, а судіи видѣли сѣтованіе и стenanія народа.

32) Такъ поступали посланные царедворцы. Эти же чудные люди, смѣло полагаясь на покровительство, употребляютъ свое стараніе, и такимъ образомъ, однихъ епископовъ вызываютъ къ Царю, противъ дру-

гихъ строятъ опять козни, въ письмахъ выдумывая на нихъ обвиненія, чтобы одни убоялись присутствія Констанціева, другіе же, устрашившись посланныхъ и угрозъ вымышленною клеветою, отступили отъ своего праваго и благочестиваго образа мыслей. Такъ, Царь великое число епископовъ, то угрозами, то обѣщаніями принуждалъ сказать: „мы уже не въ общеніи съ Аѳанасіемъ“. Приходящимъ къ Царю не прежде дозволяли его видѣть, и вообще, не прежде давали имъ какой-либо покой и свободу оставлять свое жилище, какъ взявъ съ нихъ подпись. А если отказывались подписаться, то посылали ихъ въ заточеніе. И это дѣлалъ Царь, примѣчая, что ересь ненавидима всѣми. Посему-то наипаче и принуждалъ многихъ присоединиться къ числу немногихъ, старался собрать кучу именъ изъ зависти къ Епископу Аѳанасію, и чтобы придать бѣльшую важность аріанскому ученію, которому онъ покровительствовалъ, думая, что въ состояніи будетъ такъ-же извратить истину, какъ превращалъ людскія мнѣнія; но не зналъ и не читалъ того, что саддукеи и иродіане, присоединивъ къ себѣ фарисеевъ, не возмogli утаить истину. Напротивъ же того, истина при всемъ этомъ съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе блистательною, а они, вопія: *не имамы Царя, токмо Кесаря* (Іоан. 19, 15), и имѣя на своей сторонѣ Пилатовъ приговоръ, тѣмъ не менѣе остаются лишенными всего и во всемъ стыдѣ, ожидая, что и сами будутъ совершенно обнажены, какъ *рабъ* (Іерем. 17, 11), какъ-скоро увидятъ умершимъ своего покровителя.

33) Хотя совершенно неприлично, что нѣкоторые изъ епископовъ, устрашась сего, перемѣнили свои мнѣнія; но гораздо неприличнѣе, что неполагающіеся на правоту своей вѣры употребляютъ насиліе и принуждаютъ другихъ вѣрить противъ воли. Такъ, діаволь, поелику нѣтъ въ немъ истины, нападаая *стичи-*

вошь и оскордомъ, сокрушаетъ *двери* приѣмлющихъ его (Псал. 73, 6). Спаситель же столько кротокъ, что, хотя спрашиваетъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити* (Матѣ. 16, 24), и: кто хочетъ быть Моимъ ученикомъ,—однакоже, приходя къ каждому, не употребляетъ насилія, а напротивъ того, ударяетъ въ дверь и говоритъ: *отверзи Ми сестро Моя* невѣсто (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2); и когда отворяютъ,—входитъ; когда же медлятъ и не хотятъ,—удаляется. Не мечемъ и стрѣлами, не съ помощію воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ. Какое же тамъ убѣжденіе, гдѣ—страхъ царевъ? Или какой—совѣтъ, гдѣ прекословящій имѣетъ предъ собою въ - виду заточеніе или смѣрть? И Давидъ,—будучи Царемъ, когда въ рукахъ своихъ имѣлъ врага, и воины его покушались убить сего врага,—не со властію запретилъ имъ, но, какъ говоритъ Писаніе, словами убѣждалъ мужей своихъ и не далъ имъ возстать и умертвить Саула (1 Цар. 26, 9—11). А Констанцій, поелику нѣтъ у него слова, принуждаетъ всѣхъ властію, чтобы всякому было явно, что мудрованіе ихъ не по Богу, но человѣческое, и мудрствующіе по-аріеву дѣйствительно не имѣютъ *Царя токмо Кесаря*; потому что христорборцы чрезъ него дѣлаютъ все, что только хотятъ.

Но, положивъ при его помощи строить козни многимъ, не знали они, что заставятъ многихъ сдѣлаться исповѣдниками; таковы нынѣ показавшіе достославное исповѣдничество, мужи благоговѣйные и добрые епископы: Павлинъ, Епископъ Триверовъ, митрополіи галльской, Люциферъ, Епископъ митрополіи сардинской, Евсевій верчелльскій въ Итали, и Діонисій Епископъ Медиолана, также митрополіи италійской. Ибо Царь, призвавъ ихъ, приказывалъ подписаться противъ Аѳанасія и вступить въ общеніе съ еретиками; потомъ, когда они, удивившись этому новому предпріятію, сказали, что нѣтъ такого церковнаго правила.—

онъ тотчасъ возразилъ: „Я хочу этого правила,—исполняйте; такъ сказано мною и епископамъ сирійскимъ, и они согласны. Поэтому и вы, или повинуйтесь, или будете въ заточеніи“.

34) Епископы, выслушавъ и весьма удивившись, воздѣвъ руки къ Богу, съ великимъ дерзновеніемъ обратили къ нему рѣчь, поучая, что царство—не его, но даровавшаго ему Бога, и умоляли убояться Бога, чтобы не отнялъ онаго внезапно; угрожали ему днемъ суда, совѣтовали ему не разстроивать дѣлъ Церкви и римскаго народоправленія не смѣшивать съ церковнымъ постановленіемъ, не вводить аріанской ереси въ Церковь Божію. Но онъ не внялъ имъ, не позволилъ продолжать рѣчь, а напротивъ того, еще болѣе сталъ угрожать, обнажилъ на нихъ мечъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ велѣлъ отвести на казнь, и опять, какъ Фараонъ, отмѣнилъ приказъ. Посему, святые эти, отряси прахъ и возведя очи къ Богу, не убоились царской угрозы, и ради обнаженнаго меча не измѣнили истинѣ, но и самое изгнаніе свое обратили въ дѣло служенія. Проходя по мѣстамъ и городамъ, хотя были въ узахъ, благовѣствовали они, проповѣдуя благочестивую вѣру, анаѳематствуя же аріанскую ересь и предавая позору раскаяніе Урзація и Валента. И изъ сего вышло противное желанію злоумышлявшихъ. Чѣмъ дальше отстояло мѣсто заточенія, тѣмъ больше возрастала къ нимъ ненависть, и шестіе заточаемыхъ стало проповѣдію объ ихъ нечестіи. Ибо кто, смотря, какъ проходили заточаемые, не дивился имъ, какъ исповѣдникамъ, и не отвращался отъ аріанъ и не гнушался ими, не только какъ нечестивыми, но какъ кровопійцами и убійцами, давая имъ всякія именованія, только не имя Христіанъ?

35) Посему, Констанцію лучше было въ самомъ началѣ вовсе не приступать къ этой ереси, или приступивъ, не уступать въ такой мѣрѣ нечестивымъ, или

уступивъ до такой степени, стать въ одинъ съ ними рядъ, чтобы понести общее съ ними осужденіе за учиненныя доннынѣ дерзости. Но, какъ видно, подобно обезумѣвшимъ, опутавъ себя оковами нечестія, навлекаютъ они на себя еще большее осужденіе. Ибо и вначалѣ не пощадили Либерія римскаго Епископа, но и туда простерли свое неистовство; не постыдились, что это — Апостольскій престолъ; не уважили, что Римъ есть митрополія Романіи; не привели себѣ на память, что прежде сами въ письмахъ именовали ихъ мужами Апостольскими. Все смѣшавъ вмѣстѣ, о всемъ вдругъ забыли, и заботились только ревновать о нечестіи. Какъ - скоро увидѣли, что Либерій держится православія, ненавидитъ аріанскую ересь и старается убѣдить всякаго, чтобы отвращался и удалялся отъ ереси; тотчасъ разсудили эти злочестивые: „если Либерія склонимъ на свою сторону, то вскорѣ и всѣхъ преодолѣемъ“. И клеветуютъ они Царю, а онъ, въ чаяніи чрезъ Либерія привлечь къ себѣ всѣхъ, немедленно пишетъ и посылаетъ какого - то евнуха, по имени Евсевія, съ письмомъ и съ дарами, чтобы обольстить дарами и привести въ страхъ письмомъ. Посему, евнухъ, прибывъ въ Римъ, сперва убѣждалъ Либерія подписаться противъ Аѳанасія и вступить въ общеніе съ аріанами, говоря: „этого хочетъ Царь, и такъ велитъ тебѣ поступить“; потомъ, показывая дары, снова убѣждалъ и бралъ его за руки, говоря: „послушайся Царя, и прійми сіи дары“.

36) Епископъ же, желая убѣдить словомъ, вразумлялъ его: „Можно ли поступить такъ съ Аѳанасіемъ? Кого совершенно оправдалъ не только первый, но и второй, отъсюду созванный Соборъ, и кого римская Церковь отпустила съ миромъ, того можемъ ли мы осудить? И кто одобритъ насъ, если заочно окажемъ отвращеніе къ тому, кого лично возлюбили и допустили съ собою въ общеніе? Нѣтъ такого церковнаго

правила, не имѣемъ у себя подобнаго преданія отъ Отцевъ, которые сами заимствовались у блаженнаго и великаго Апостола Петра. Но если Царь заботится о церковномъ мирѣ, если повелѣваетъ уничтожить написанное нами въ пользу Аѳанасія; то пусть будетъ уничтожено составленное ими противъ Аѳанасія, а также уничтожено составленное и противъ всѣхъ другихъ, и пусть, наконецъ, составитъ церковный Соборъ вдали отъ дворца, гдѣ не присутствовалъ бы Царь, не появлялся комитъ, не угрожалъ судія, но было бы достаточно Божія только страха и Апостольскихъ постановленій, чтобы, такимъ образомъ, паче всего сохранена была церковная вѣра, какъ опредѣлили Отцы на никейскомъ Соборѣ, а мудрствующіе по-аріеву были изринуты, и ересь ихъ предана проклятію. И тогда уже по произведеніи суда о томъ, въ чемъ обвиняется Аѳанасій, или другой кто, и въ чемъ обвиняютъ ихъ самихъ, виновные будутъ извергнуты, а оправдавшіеся возымѣютъ дерзновеніе. Ибо непозволительно было бы причислить къ Собору тѣхъ, которые нечестиво учатъ о вѣрѣ, и неприлично изслѣдованіе о частномъ дѣлѣ предпочесть изслѣдованію о вѣрѣ. Прежде надобно пресѣчь всякое разногласіе о вѣрѣ, и потомъ производить изслѣдованіе о дѣлахъ. И Господь нашъ Иисусъ Христосъ не исцѣлялъ страждущихъ прежде, нежели обнаружатъ и скажутъ они, какую имѣютъ въ Него вѣру. Этому научились мы отъ Отцевъ, это и возвѣсти Царю. И ему это полезно, и Церковь созидаетъ. Пусть не слушаетъ Урзація и Валента. Они и въ прежнемъ калялись, и что теперь говорятъ, не заслуживаютъ въ томъ вѣры“.

37) Такъ сказала Епископъ Либерій; евнухъ же, огорчась не столько тѣмъ, что Либерій не подписалъ, сколько тѣмъ, что нашелъ въ немъ противника ереси, и забывшись, что онъ — предъ Епископомъ, послѣ ве-

ликихъ угрозъ удалился съ дарами, совершаетъ же нѣчто незаконное, чуждое христіанину и для евнуха слишкомъ дерзкое. Въ подражаніе Саулову преступленію, входитъ онъ во храмъ Апостола Петра и ему посвящаетъ дары. Но Либерій, узнавъ объ этомъ, сильно вознегодовалъ на того, кто былъ блюстителемъ мѣста и не воспрепятствовалъ ему; дары же, какъ незаконную жертву, отринувъ. И это на бѣльшій гнѣвъ подвигло скопца. Поэтому, раздражаетъ онъ Царя, говоря: „не о Либеріевой подписи у насъ теперъ забота, страшитъ же Либеріевъ образъ мыслей объ ереси,—предавать аріанъ анаѳемѣ за одно имя“. Къ тому же возбуждаетъ онъ и другихъ евнуховъ, а у Констанція—ихъ много, и лучше сказать, все одни евнухи, и во всемъ имѣютъ у него силу, безъ нихъ ничто не можетъ тамъ быть сдѣлано. Поэтому, Царь пишетъ въ Римъ, снова посылаются придворные и письмоводцы, комиты и письма къ епарху, чтобы Либерія, или обманувъ хитростію, увели изъ Рима и прислали къ Царю въ станъ, или изгнали его насильно.

38) Послѣ того какъ было это написано,—страхъ и навѣты усилились тамъ по всему городу. Сколькимъ домамъ сдѣланы угрозы? Сколько обѣщаній получили многіе, только бы дѣйствовали противъ Либерія? Сколь многіе епископы, видя это, скрывались? Сколь многія благородныя жены удалялись въ деревни по причинѣ клеветъ, распространяемыхъ христорборцами? Сколькимъ подвижникамъ устроены козни? Сколькихъ, проживавшихъ въ Римѣ и тамъ уже водворившихся, довели до изгнанія? Сколько разъ и съ какимъ стараніемъ охраняли пристань и входъ въ городскіе ворота, чтобы кто изъ православныхъ не вошелъ и не имѣлъ свиданія съ Либеріемъ? И Римъ на опытѣ узналъ христорборцевъ, и ему уже сдѣлалось извѣстнымъ, чему не вѣрилъ прежде, слыша, какъ другія церкви по городамъ были ими разоряемы.

Все же это, какъ и вездѣ противъ другихъ, приводили въ движеніе евнухи. И въ этомъ злоумышленіи странно то, что аріанская ересь, отрицающая Божія Сына, находитъ себѣ помощь въ евнухахъ, которые, какъ по природѣ, такъ и по душѣ бесплодны добродѣтелями и вовсе не терпятъ слышать о Сынѣ. Египетскій евнухъ, не понимая, что читалъ, повѣрилъ Филиппу, который училъ о Спасителѣ (Дѣян. 8, 27—39); но Констанціевы евнухи не терпятъ исповѣдающаго Петра, отвращаются даже, когда Отецъ показываетъ Сына, съ неистовствомъ встаютъ на утверждающихъ, что есть преискренній Божій Сынъ, присвоивъ себѣ скопческую ересь, будто бы ничего нѣтъ преискренняго и истиннаго отъ Отца. Посему-то и законъ запрещаетъ допускать евнуховъ въ церковное совѣщаніе. Однакоже, нынѣ и они признаются владыками церковныхъ судовъ, и что имъ заблагоразсудится, то присуждаетъ Констанцій; а такъ-называемые епископы притворствуютъ. О, кто будетъ описателемъ всего этого? Кто возвѣститъ объ этомъ иному роду? Кто повѣритъ, слыша, что евнухи, которымъ едва довѣряются домашнія службы (потому что это родъ людей сластолюбивыхъ, о томъ только заботящихся, чтобы воспрепятствовать и другимъ, въ чемъ отказано имъ природою), управляютъ нынѣ дѣлами церковными? И ихъ-то власти подпавъ, Констанцій злоумышлялъ противъ всего и изгналъ въ заточеніе Либерія.

39) Много писалъ Царь въ Римъ, много было угрозъ, много отправлено пословъ, много устроено козней; наконецъ, настало гоненіе и на Александрію. Либерій повлеченъ къ Царю и съ великимъ предъ нимъ дерзновеніемъ говоритъ: „Перестань гнать христіанъ, не покушайся чрезъ насъ ввести нечестіе въ Церковь; мы готовы потерпѣть все, только не называться аріанами; не принуждай насъ христіанъ сдѣлаться хри-

стоборцами. И тебѣ совѣтуемъ это: не противоборствуй Даровавшему тебѣ власть сію; не воздавай Ему, вмѣсто благодарности, нечестіемъ; не будь гонителемъ вѣрующихъ въ Него, чтобы и тебѣ не услышать: *жестоко ти есть противу рожену прати* (Дѣян. 9, 5). Но, о если бы ты услышалъ это, чтобы и тебѣ увѣрывать, какъ святому Павлу. Вотъ и мы передъ тобою, пришли прежде, нежели выдумаютъ предлогъ къ обвиненію. Для того и поспѣшили, зная, что отъ тебя ждетъ насъ заточеніе, чтобы потерпѣть это прежде предлога къ обвиненію и чтобы всякому было явно, что и всѣ прочіе пострадали такъ-же, какъ и мы, и разглашенные предлоги къ ихъ обвиненію были выдуманы врагами, и все, противъ нихъ представленное, есть клевета и ложь“.

40) Такъ говоря, Либерій всѣхъ тогда привелъ въ удивленіе. А Царь, вмѣсто того, чтобы отвѣчать, далъ только приказаніе, и послалъ въ заточеніе cadaго въ отдѣльное мѣсто, какъ поступилъ и съ прежними. Сей образъ заточенія ввелъ онъ, чтобы и въ наказаніяхъ превзойти жестокостію бывшихъ прежде него мучителей и гонителей. Ибо въ прежнее, бывшее тогда гоненіе, Максиміанъ общимъ опредѣленіемъ многихъ вмѣстѣ исповѣдниковъ посылалъ въ заточеніе, и тѣмъ облегчалъ наказаніе, доставляя имъ утѣшеніе позволеніемъ жить вмѣстѣ. А Констанцій и его превзошелъ жестокостію, и сталъ посылать въ разныя мѣста тѣхъ, которые сообща дѣйствовали въ дерзновеніи и исповѣдничествѣ, сталъ разлучать соединенныхъ вѣрою, чтобы и умирая не видали они другъ друга. Онъ думалъ, что тѣлесная разлука расторгнетъ и душевное расположеніе, и разлученные между собою забудутъ взаимное единомысліе и единомушіе. Но не знаетъ того, что, хотя каждый останется одинъ, однакоже, съ нимъ пребываетъ еще тотъ Господь, Котораго исповѣдывали они живя совокупно, и Ко-

торый содѣлаеть, какъ и сотворилъ съ Пророкомъ Елиссеемъ, что съ каждымъ будетъ *множае*, нежели воиновъ съ Констанціемъ (4 Цар. 6, 16). Подлинно злоба слѣпа. Чѣмъ думали оскорбить исповѣдниковъ, разлучая ихъ между собою, тѣмъ наипаче сильно повредили себѣ самимъ. Если бы исповѣдники жили неразлучно и всѣ находились въ одномъ мѣстѣ, то ненависть нечестивыхъ была бы извѣстною въ одномъ-же мѣстѣ. А теперь, разлучивъ ихъ, сдѣлали, что повсюду пронесены и вездѣ стали извѣстны и нечестивая ересь и ихъ лукавство.

41) Чего же достигли они, поступая такъ? Кто, услышавъ объ этомъ, не почитетъ ихъ скорѣе всѣмъ инымъ, только не христіанами?

Поелику Либерій послалъ къ Царю съ письмомъ пресвитера Евтропія и діакона Иларія, когда явился исповѣдникомъ Люциферъ съ дружиною, то пресвитера немедленно послали въ заточеніе, а діакона Иларія сперва обнажили, сѣкли, а потомъ сослали, приговаривая: „для чего не противишься Либерію, но еще носишь отъ него письма“? Это сдѣлали Урзацій и Валентъ и съ ними евнухи. И діаконъ, когда сѣкли его, благословлялъ Господа, припомнивъ сказанное Имъ: *плещи моя вдахъ на раны* (Ис. 50, 6). А бичующіе смѣялись и издѣвались надъ нимъ, не стыдясь, что оскорбляютъ Левита. И они смѣясь разсуждали, о чемъ было имъ прилично, Иларій же продолжалъ благословлять Господа; потому что терпѣть биченіе свойственно христіанамъ, но чтобы бичевать христіанъ,—на это нужна Пилатова и Каіафина дерзость.

Такъ еще вначалѣ покушались растлить и римскую Церковь, желая и въ нее внести нечестіе. Заточенный Либерій чрезъ два года изнемогъ въ силахъ, и убоявшись смерти, какою угрожали, подписался. Но этимъ доказываются какъ ихъ насиліе, такъ въ Ли-

беріи ненависть къ ереси и справедливость его въ пользу Аѳанасія, когда имѣлъ свободное произволеніе. Ибо что сдѣлано послѣ истязаній вопреки первоначальному мнѣнію, въ томъ видно изволеніе не убоявшихся, но истязующихъ. Хотя все покушались дѣлать въ пользу ереси, однакоже, въ каждой Церкви, соблюдая вѣру, какой научились, ожидаютъ учителей, христорборную же ересь осудили, и всѣ бѣгутъ отъ нея, какъ отъ змія.

42) Злочестивые, совершивъ такое множество и такихъ дѣлъ, думали, что ничего еще ими не сдѣлано, пока великій Осія не испыталъ, на себѣ ихъ лукавства. И на такого старца замыслили они простирать свое неистовство, не устыдились, что онъ отецъ епископовъ, не уважили того, что былъ онъ исповѣдникомъ, не почтили долготѣняго епископства, въ которомъ пребывалъ онъ болѣе шестидесяти лѣтъ. Напротивъ того, все вмѣнили въ ничто, а имѣли въ виду одну только ересь эти, подлинно ни Бога не боящіеся, ни людей не стыдящіеся люди. Поэтому, приступивъ къ Констанцію, обратились опять къ нему съ такими словами: „все мы сдѣлали, заточили римскаго Епископа, а прежде него заточили многихъ другихъ епископовъ, и всякое мѣсто наполнили страхомъ; но ни къ чему не служатъ намъ такія дѣйствія твои, и нимало не успѣваетъ дѣло наше, пока остается Осія. Поелику онъ — между своими, то и всѣ при своихъ церквахъ; онъ одинъ словомъ и вѣрою можетъ возставить всѣхъ противъ насъ. Онъ предсѣдательствуетъ на Соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимаютъ; онъ и въ Никее излагалъ вѣру, и объ аріанахъ вездѣ проповѣдалъ, что они еретики. Поэтому, ежели онъ останется, то напрасно было заточеніе другихъ: ересь наша гибнетъ. Воздвигни же гоненіе и на него, не пощади, что онъ древенъ,—ересь наша не знаетъ уваженія къ старческимъ сѣдинамъ“.

43) Слыша это, Царь не замедлил; но зная этого мужа, зная способности старца, пишетъ и повелѣваетъ, чтобы явился къ нему Осія, когда подвергалъ онъ искушенію и Либерія. Осія пришелъ. Царь сталъ просить и убѣждать его обычными ему словами, какими думалъ обольщать и другихъ, а именно, чтобы подписался противъ насъ и вступилъ въ общеніе съ аріанами. Старецъ съ непріятностію выслушавъ и оскорбившись даже тѣмъ, что говорятъ ему нѣчто подобное, обличилъ и убѣдилъ Царя, и удалился въ свое отечество и къ своей Церкви. Но, поелику еретики стали сѣтовать и снова подстрекать Царя,—были же у него и внухи, напоминавшіе объ этомъ и еще болѣе раздражавшіе,—то Царь пишетъ уже съ угрозами. Осія терпитъ оскорбленія, но не трогается страхомъ козней. Будучи твердъ въ мысляхъ и на камени создавъ домъ вѣры своей, дерзновенно подвизается противъ ереси, угрозы же въ царскомъ письмѣ почитаетъ дождевыми каплями и дуновеніемъ вѣтра. Констанцій пишетъ къ нему многократно, то ласкаетъ его, какъ отца, то угрожаетъ, переименовывааетъ заточенныхъ и говоритъ: „Еще ли ты одинъ будешь противъ ереси? Послушайся, подпишись къ осужденію Аѳанасія. Ибо кто противъ него, тотъ, безъ сомнѣнія, за одно съ нами думаетъ по-аріански“. Осія не колебался, но, терпя обиды, самъ написалъ къ Констанцію; мы читали посланіе его, и оно приложено въ концѣ ¹⁾).

Осіа Констанцію Царю желаетъ о Господѣ радоваться.

44) Не отрекался я быть исповѣдникомъ и прежде, когда было гоненіе при дѣдѣ твоёмъ Максиміанѣ. Если и ты меня гонишь, то я готовъ и теперь лучше потер-

¹⁾ Это посланіе, по словамъ Аѳанасія, приложенное имъ въ концѣ, въ рукописяхъ читается обыкновенно на ряду, какъ и здѣсь

пѣть, что бы то ни было, нежели пролить невинную кровь и измѣнить истинѣ. Не одобряю же тебя за такія письма и угрозы; перестань писать подобныя письма, не держись Аріевыхъ мыслей, не слушай восточныхъ, не вѣрь Урзацію и Валенту; что говорятъ они, — говорятъ не въ пользу Аѳанасія, но въ пользу своей ереси. Повѣрь мнѣ, Констанцій, по возрасту могу быть тебѣ дѣдомъ; самъ я былъ на сардикійскомъ Соборѣ, когда всѣхъ насъ собрали ты и, блаженной памяти, братъ твой Констансъ; и самъ отъ себя Аѳанасіевыхъ враговъ, пришедшихъ въ ту церковь, въ которой пребывалъ я, вызывалъ сказать, если имѣютъ что противъ Аѳанасія, требуя отъ нихъ, чтобы они были благонадежны и ничего иного не ожидали, кромѣ правдиваго во всемъ суда. И не однажды, но двукратно дѣлалъ я это, убѣждая сказать, если не захотятъ при цѣломъ Соборѣ, то хотя при мнѣ одномъ, снова обѣщая, что если окажется Аѳанасій виновнымъ, — будетъ отринутъ и нами; если же найденъ будетъ невиннымъ и обличить васъ въ клеветѣ, вы же станете отвергать его, — уговорю Аѳанасія идти со мною въ Испанію.

И Аѳанасій соглашался на это и не противорѣчилъ; они же, не полагаясь на себя, отъ всего равно отказались. И еще, Аѳанасій былъ въ твоёмъ станѣ, когда вызвалъ ты его письмомъ, и онъ просилъ, чтобы враги его, находящіеся въ самой Антіохіи, были позваны всѣ, или каждый порознь, чтобы или его обличили, или сами были обличены, и чтобы или въ присутствіи его доказали, что говорятъ, или не клеветали заочно. И ты не принялъ того, что сказалъ онъ, да и враги его отказывались отъ сего. Для чего же слушаешь еще отзывающихся о немъ худо? Для чего терпишь Валента и Урзація, хотя они раскаялись и письменно признались въ клеветѣ своей? Ибо признались они, что не по принужденію (какъ предста-

вляють теперь), не подь прикрытіемъ воиновъ, не свѣдома брата твоего (при немъ не бывало того, что дѣлается нынѣ, да не будетъ сего!), но сами, по своей волѣ, пришли въ Римъ, и въ присутствіи Епископа и пресвитеровъ написали свое признаніе, написавъ прежде мирное и дружественное посланіе къ Аѳанасію. Если же представляютъ теперь въ предлогъ сдѣланное имъ принужденіе и признають это дѣломъ худымъ, и ты не одобряешь сего; то самъ ты перестань дѣлать принужденія, не пиши, не посылай комитовъ, но освободи и заточенныхъ, чтобы, когда тебя самого винять въ насиліяхъ, еретики не дѣлали еще бѣльшаго насилія. Бывало ли что подобное при Констансѣ? Кто изъ епископовъ былъ заточенъ? Вступалъ ли онъ когда въ среду церковнаго сужденія? Какой изъ царедворцевъ его принуждалъ подписываться къ чьему либо обвиненію, какъ утверждаетъ это Валентъ? Перестань, умоляю тебя, вспомни, что и ты человекъ смертный, убойся дня суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказаній относительно ихъ; а лучше, принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла Церкви. И какъ восхищающій себѣ твою власть противорѣчитъ учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжкой винѣ. Написано: *воздадите кесарева кесареви: и Божія Богови* (Матѣ. 22, 21). Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты, Царь, не имѣешь власти приносить кадило. Пишу тебѣ это, заботясь о твоёмъ спасеніи; а о чемъ ты ко мнѣ писалъ, таково мое мнѣніе: не только не согласенъ я съ аріанами, но и анаѳемъ предаю ихъ ересь; не подпишусь и къ осужденію Аѳанасія, котораго мы, римская Церковь и цѣлый Соборъ оправдали. Сіе видя, и ты вызывалъ къ себѣ этого человека,

и позволилъ ему съ честію возвратиться въ отечество и въ Церковь. Посему, какой былъ предлогъ къ такой перемѣнѣ? Тѣ-же у Аѳанасія враги и прежде были и теперъ, и что теперъ наущничаютъ (въ присутствіи же его ничего не говорятъ), то наговаривали и прежде, нежели ты вызывалъ Аѳанасія, то-же разглашали и пришедши на Соборъ; а когда потребовалъ я, какъ сказано выше, — не возмogli представить доказательствъ. Если бы имѣли доказательства, то не бѣжали бы такъ постыдно. Посему, кто же убѣдилъ тебя, по прошествіи столькаго времени, забыть свои письма и слова? Удержись, и не слушайся злыхъ людей, чтобы за взаимную услужливость самому не сдѣлаться виновнымъ. Здѣсь угождаешь имъ, а на судѣ будешь отвѣчать одинъ. Они чрезъ тебя желаютъ отмстить врагу своему и тебя хотятъ сдѣлать служителемъ своего лукавства, чтобы чрезъ тебя посѣять въ Церкви и ненавистную ересь. Но неблаго-разумно, въ удовольствіе другихъ, ввергать себя въ очевидную опасность. Перестань, умоляю тебя, и послушайся меня, Констанцій. Ибо прилично — и мнѣ написать это, и тебѣ не пренебрегать этимъ.

45) Такъ мудрствовалъ и писалъ авраамскій старецъ, истинный Осія ¹⁾. Но Царь не отступилъ отъ козней, не пересталъ искать предлога къ его обвиненію, и продолжалъ страшно угрожать, чтобы, или принужденіемъ совратить, или, ежели не послушается, заточить его. Какъ *чиновницы и князи* въ Вавилонѣ, ища *вины на Даніила*, не обрѣтали, развѣ только въ законахъ Бога его (Дан. 6, 4. 5): такъ и нынѣшніе князи нечестія не могли выдумать на старца иного

¹⁾ То есть, въ подлинномъ смыслѣ преподобный, что значитъ имя *Ὀσίος*

предлога (потому что всѣмъ былъ извѣстенъ сей истинный Осія, извѣстна была и неукоризненная жизнь его), кромѣ ненависти его къ ереси. Посему и на него клевещутъ, впрочемъ не какъ на Даніила—Дарію (потому что Дарій неохотно слушалъ, что говорили на Даніила), но какъ Іезавель — на Навуея, и какъ іудеи — Ироду,—говоря такъ: „Не только не подписываетъ опредѣленія на Аѳанасія, но и насъ за него осуждаетъ, и столько ненавидитъ ересь, что и другимъ пишетъ: лучше претерпѣть вамъ смерть, нежели стать предателями истины. Ибо за нее гонимы и возлюбленный нами Аѳанасій и римскій Епископъ Либерій, даже строятъ козни всѣмъ прочимъ“. Выслушавъ это, особливо же узнавъ, что въ Испаніи и другіе одинаковыхъ мыслей съ Осією, покровитель нечестія и ереси, Царь Констанцій пытался склонить ихъ къ подписи; и когда не могъ къ тому принудить, — вызываетъ Осію. И вмѣсто заточенія цѣлый годъ удерживаетъ его въ Сирміи сей безбожный, злочестивый и немилосердый, и Бога не убоявшись и не уваживъ расположенія, какое отецъ его имѣлъ къ Осіи, не устыдившись и столѣтней его старости. Все это оставилъ безъ вниманія ради нечестія сей новый Ахаавъ и другой явившійся у насъ Валтасаръ. Столько дѣлалъ насилія старцу, до того удерживалъ его, что онъ измученный едва принялъ въ общеніе Валента и Урзація, но не подписалъ Аѳанасіева осужденія. Впрочемъ, и это безпокоило старца; и когда приближался къ смерти, — какбы завѣщая свидѣтельствовавъ онъ о сдѣланномъ ему насиліи, предавалъ анаѳемѣ ересь и всякому запрещалъ принимать ее.

46) Кто, видя это или только слыша объ этомъ, не прійдетъ въ изумленіе и не возопіетъ ко Господу, говоря: ужели въ потребленіе сотворишь Израиля (Іезек. 11, 13)? Кто, примѣчая это, и самъ благовре-

менно не возопіеть, говоря: *ужасъ и страшная содѣяшася на земли* (Іер. 5, 30); и: *ужасеся небо. и вострепета земля попремногу зѣло* (Іер. 2, 12). Отцы людей и учителя вѣры поемлются, а нечестивые вводятся въ Церковь! Когда заточень былъ Либерій Епископъ римскій, и столько пострадалъ Отецъ епископовъ великій Осія, заточаемы были столь многіе Епископы Испаніи и другихъ странъ: кто, видя все это, если имѣлъ хотя нѣсколько чувства, не понималъ, что на Аѳанасія и на другихъ представленныя предлоги ложны и что все исполнено клеветы? Посему-то и переносили все терпѣливо, видя злоумышленные клеветы аріанъ. Ибо какая вина приписана Либерію? Какое обвиненіе сдѣлано на старца Осію? Кто хотя бы солгалъ что на Павлина, на Люцифера, на Діонисія, на Евсевія? Или, какой проступокъ указанъ у другихъ заточенныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ? Ни-одного; совершенно ни-одного. Не по поводу преступленій составлялись заговоры и не по обвиненію заточень былъ каждый,— это было возстаніе нечестія на благочестіе, и сколько усердіе къ аріанской ереси, столько и предначатіе пришествія Антихристова. Ибо Антихристу предуготовлялъ путь Констанцій.

47) Послѣ того какъ въ церквахъ Италіи и другихъ странъ Царь сдѣлалъ все, чего ему хотѣлось, послѣ того какъ однихъ заточалъ, другихъ принуждалъ и повсюду наполнялъ все страхомъ, обратилъ онъ ярость свою, подобно какой-то болѣзни, на Александрію. Дѣлалось же это христорборцами злокозненно, чтобы имѣть, наконецъ, подписи многихъ епископовъ; а чтобы у гонимаго Аѳанасія не было даже епископа, предъ которымъ бы могъ жаловаться, предварительно повсюду наполнили они все страхомъ, и страхъ соблюли въ помощники себѣ при своихъ козняхъ эти неразумные, не зная того, что обнаруживали этимъ не

произволеніе епископовъ, но сдѣланное имъ принужденіе. Не знали они, что хотя оставятъ братія, далеко будутъ и друзья и знакомые, не найдется человѣка, который бы вмѣстѣ поскорбѣлъ и утѣшилъ, однакоже, паче всего этого достаточная помощь—прибѣжище къ Богу. И Илія гонимый оставленъ одинъ, но всѣмъ и во всемъ былъ для Святаго Богъ. И Спаситель показалъ намъ сей-же образъ, и одинъ былъ оставленъ, когда злоумышляли на Него враги. И мы, если во время гоненія оставлены будемъ людьми, *да не стужаемъ си* (Гал. 6, 9), но на Него возложимъ надежду и не измѣнимъ истинѣ. Если истина вначалѣ, повидимому, и утѣсна, то впоследствии признають ее и сами гонители.

48) Царя побуждаютъ, и онъ сперва пишетъ и посылаетъ угрозы Дуку и воинамъ; отправлены письмоводцы Діогеній и Иларій, а съ ними и придворные; воздвигнуто на Церковь столько ужасовъ и жестокостей, какъ говорили мы объ этомъ нѣсколько выше, и какъ всякому извѣстно изъ показаній, данныхъ народомъ, какія иной можетъ и прочесть, потому что помѣщены въ концѣ сего. А потомъ, послѣ того, что сдѣлано Сиріаномъ, послѣ всего, что было въ Александріи, послѣ оскорбленія дѣвъ, Царь, одобривъ такія и въ такой мѣрѣ худыя дѣла, снова пишетъ александрійскому сенату и народу, и поощряетъ молодыхъ людей, чтобы всѣ они сошлись и воздвигли гоненіе на Аѳанасія, или знали, что иначе они—враги Царю. Но Аѳанасій, прежде нежели пришли въ Александрію предписанія, по которымъ Сиріанъ напалъ на церковь, удалился уже, зная написанное: *укрыіся мало елико елико, дондеже мимоидетъ гнѣвъ* (Ис. 26, 20). Подателемъ же этихъ писемъ служитъ нѣкто Ираклій, саномъ комитъ, предшествуя какому-то, посланному Царемъ соглядатаю, Георгію, потому что присланный имъ не могъ быть епископомъ (да не будетъ сего!),

какъ показываютъ самыя событія и то, чѣмъ началось его вшествіе.

49—50) Ираклій обнародовалъ царскія письма и обнаружилъ великій позоръ писавшаго. Поелику, какъ писалъ великій Осія, Царь не находилъ правдоподобнаго предлога къ перемѣнѣ своихъ расположеній; то выдумывалъ предлогъ еще гораздо болѣе неприличный и для него самого и для его совѣтниковъ. Ибо говорилъ: „уважая пріязнь, боголѣпной и благочестивой памяти, брата, дозволилъ я Аѳанасію на время возвратиться къ вамъ“. А это и доказываетъ, что не сдержалъ онъ обѣщанія и непризнателенъ къ брату по смерти. Притомъ, именуетъ брата достойнымъ боголѣпной и благочестивой памяти (какъ и дѣйствительно онъ достоинъ); посему, долженъ былъ соблюсти его заповѣдь и пріязнь, какъ писалъ (если только и для блаженной памяти Констанса дозволилъ возвратиться Аѳанасію), чтобы не нарушить своихъ обязанностей къ брату, но сдѣлаться наслѣдникомъ какъ царства, такъ и воли его. Захотѣвъ выставить свои права, отвергъ онъ Вретаніона, сказавъ: „кому по смерти братьевъ принадлежитъ наслѣдство“? Ради же ненавистной ереси христорборцевъ не знаетъ онъ правъ, но нарушаетъ обязанности къ братьямъ. Для этой же ереси не подумалъ онъ сохранить ненарушенною и волю отца, но въ угодномъ для нечестивыхъ показываетъ видъ, что соблюдаетъ ее, а въ непріятномъ для нихъ не умѣетъ сохранить уваженія и къ отцу. Ибо отецъ вслѣдствіе клеветы Евсевіевыхъ сообщниковъ послалъ на время Епископа Аѳанасія въ Галлію, чтобъ укрыть отъ жестокости злоумышляющихъ (это сдѣлалъ извѣстнымъ по смерти отца, блаженной памяти, Константинъ братъ Констанціевъ, какъ видно изъ писемъ его); однакоже, не послушался этихъ Евсевіевыхъ сообщниковъ, чтобы послать епископомъ, кого они желали, но воспрепятствовалъ

ихъ желанію, и предпріятіе ихъ остановилъ сильными угрозами.

51) Если Констанцій хотѣлъ сохранить волю своего родителя, какъ пишетъ; то для чего же послалъ сперва Григорія, а теперь посылаетъ этого міроядца Георгія? Или, для чего арианъ, которыхъ тотъ называлъ порфиріанами, старается онъ ввести въ Церковь, и имъ покровительствуя, другихъ заточаетъ? Если и отецъ его допустилъ къ себѣ Арія, то Арій, нарушившій клятву и разсѣдшійся, утратилъ благорасположеніе къ нему отца; какъ-скоро узналъ объ этомъ Константинъ, — осуждалъ уже его, какъ еретика. Почему же Констанцій, выставляя на видъ, что заботится о церковныхъ правилахъ, все замыслилъ дѣлать вопреки правиламъ? Ибо гдѣ правило — посылать епископа отъ двора? Или, гдѣ правило, чтобы воины вторгались въ церкви? Кто сообщилъ такое преданіе, чтобы церковными дѣлами управляли комиты и несмысленные евнухи, — и своимъ предписаніемъ объявляли опредѣленіе такъ-называемыхъ епископовъ? Всякую ложь употребляетъ онъ въ пользу нечестивой ереси. Вопреки волѣ отца и тогда послалъ въ другой разъ Филагрія епархомъ, вопреки ему сдѣлано и теперь бывшее. И для брата не стоитъ онъ во истинѣ. Ибо, по смерти его, не разъ и не два, но трижды писалъ Епископу, и еще обѣщалъ не перемѣнять своего рѣшенія, даже совѣтовалъ твердо надѣяться, что никто не потревожитъ его, но безъ всякихъ безпокойствъ будетъ оставаться онъ въ Церкви. Съ комитомъ же Астеріемъ и писмоводцемъ Палладіемъ послалъ предписанія къ тогдашнему дуку Фелициссиму и къ епарху Несторію, чтобы они воспретили, если епархъ Филиппъ или другой кто осмѣлится злоумышлять противъ Ананасія.

52) Посему, когда прибылъ Діогенъ, и Сирианъ строилъ козни, — и онъ, и мы, и народъ требовали

царскихъ посланій, думая, что какъ, по написанному: *ничто же ложно отъ языка цареви да глаголется* (Прит. 24, 22), такъ и нашъ Царь, обѣщавъ, не солжетъ и не перемѣнится. Посему, если дозволилъ для брата, то почему писалъ и по смерти его? А если и въ этомъ случаѣ писалъ ради его-же памяти, то почему впослѣдствіи сталъ вовсе непризнательнымъ къ брату и гонить Аѳанасія? Почему пиша ссылается на судъ епископовъ, а самъ дѣлаетъ, что ему угодно, и притомъ не скрытно, но имѣя близъ себя уличеніе въ злоухищреніи? Ежели это — опредѣленіе епископовъ, то какъ это касается до Царя? А если царская это угроза, то какая здѣсь потребность въ именуемыхъ епископахъ? Слышно ли было что подобное отъ начала вѣка? Когда сужденіе Церкви получало свою силу отъ царя, или вообще признавалось за опредѣленіе? Много было Соборовъ прежде сего, много составлялось церковныхъ опредѣленій; но и Отцы никогда не требовали совѣта отъ царя, ни царь не входилъ въ дѣла существенно церковныя. Апостоль Павелъ имѣлъ друзьями принадлежавшихъ къ Кесареву дому, и пиша къ Филиппійцамъ, привѣтствовалъ ихъ отъ имени этихъ друзей, но никогда не дѣлалъ ихъ сообщниками въ своихъ опредѣленіяхъ. А теперъ новое зрѣлище, и оно есть изобрѣтеніе аріанской ереси. Собрались вмѣстѣ еретики и Царь Констанцій, чтобы и ему, ссылаясь на епископовъ, по своей власти дѣлать, что хочетъ, и воздвигая гоненіе, не называться гонителемъ, и имъ, опираясь на могущество Царя, злоумышлять противъ кого хотятъ; угодно же имъ злоумышлять противъ тѣхъ, которые не мыслятъ такъ-же нечестиво, какъ они. И увидишь, что это разыгрывается у нихъ какбы на зрѣлищѣ: такъ, именуемые епископы лицедействуютъ, а Констанцій распоряжается ими. И еще, Царь даетъ обѣщанія, какъ Иродъ Иродіадѣ, они же

пляшутъ и тѣлодвиженіями выражаютъ клеветы, чтобы заточать и предавать смерти благочестующихъ предъ Господомъ.

53) Кому не повредили они своими клеветами? Противъ кого не злоумышляли христорборцы? Кого, оговореннаго ими, не заточилъ Констанцій? Когда не выслушивалъ ихъ охотно? И что странно: принималъ ли когда чье-либо слово противъ нихъ, не скорѣе ли одобрялъ каждое ихъ слово, что ни сказали бы они? Какая Церковь со всею свободою покланяется нынѣ Христу? Если благочестива, то бѣдствуетъ; если притворствуетъ, то страшится. Констанцій, сколько было ему возможно, все наѣюлнилъ лицемѣріемъ и нечестіемъ. Ежели гдѣ есть кто-либо благочестивый и христорлюбець (повсюду же много таковыхъ); то подобно Пророкамъ и великому Іліи они скрываются, если только найдутъ гдѣ вѣрнаго человѣка, подобнаго Авдіи, или же удаляются въ вертепы и пропасти земныя, или проводятъ жизнь, обходя пустыни. Эти безумцы такъ-же клеветуютъ, какъ и Іезавель выдумывала на Навуѡея, и іудеи--на Спасителя. И наконецъ, покровительствуя ереси, желая превратить истину, какъ Ахааву хотѣлось виноградникъ превратить въ вертоградъ зелій, Констанцій дѣлаетъ все, что они захотятъ, потому что и самъ слышалъ отъ нихъ, что хотѣлъ.

54) Такимъ образомъ, по сказанному выше, истинныхъ епископовъ за то, что не принимали нечестія, Царь заточалъ, какъ хотѣлъ. Такъ и противъ Аѡанасія послалъ теперь комита Ираклія, и онъ всенародно предложилъ предписанія, объявилъ и царскій приказъ, что, если не послушаются писаній, прекратится выдача хлѣба, ниспровергнуты будутъ идолы, многіе изъ чиновныхъ гражданъ и изъ простаго народа будутъ непременно проданы въ рабство. А послѣ этихъ угрозъ посланный не устыдился при всемъ народѣ

громко сказать: „Царь удаляетъ Аѳанасія и церкви велѣлъ отдать аріанамъ“. Всѣ дивились этому, подавали другъ другу знаки и говорили: „если Констанцій сталъ еретикомъ, то стыдиться сего должно“. Ираклій же еще болѣе сталъ принуждать сенаторовъ, простолудиновъ, языческихъ храмоблюстителей, чтобы подписались къ этому и дали слово принять, кого Царь пришлетъ епископомъ. И прекрасно защищалъ Констанцій правила Церкви, поступая такъ, не въ церкви требуя подписи, но на площади, не у христіанъ, но у языческихъ храмоблюстителей; ибо зналъ, что посылаетъ не епископа христіанамъ, но какого-то любителя тяжбъ подписывающимся.

55) Посему язычники, этою подписью какбы покупая неприкосновенность своихъ идоловъ, также нѣкоторые изъ рабочихъ, по причинѣ сказанныхъ выше Иракліевыхъ угрозъ, хотя не охотно, однакоже подписались, какъ-будто шло дѣло о народномъ правителѣ или иномъ присылаемомъ судіи. Да и что могли сдѣлать они, будучи язычниками, кромѣ того, что угодно было Царю? Поелику же вѣрные собрались въ великой церкви (была же тогда середя); то комитъ Ираклій беретъ съ собою на слѣдующій день египетскаго епарха Катафронія, католикоса Фавстина и еретика Виѳина, и побуждаютъ на площадяхъ молодыхъ людей и чтителей идоловъ сдѣлать нападеніе на церковь и побивать камнями вѣрныхъ, увѣряя, что есть на это приказъ самого Царя. Большая часть вѣрныхъ вышли уже изъ церкви, потому что отпущкъ былъ сдѣланъ, оставалось тамъ нѣсколько женщинъ; тогда началось исполненіе приказаній, и жалкое открылось зрѣлище. Женщины въ небольшомъ числѣ сидѣли однѣ послѣ молитвы; вдругъ входятъ обнаженные юноши съ камнями и палками, нѣкоторыхъ побиваютъ камнями, святымъ тѣламъ дѣвъ наносятъ удары эти безбожники, срываютъ съ нихъ покрывала,

обнажаютъ ихъ головы, влекутъ и попираютъ ногами эти злосчастные. Ужасно, крайне ужасно — это; но что было послѣ, то еще ужаснѣе и несноснѣе всякаго оскорбленія. Видя скромность дѣвъ и непорочность ихъ слуха, зная, что для нихъ сноснѣе камни и мечи, нежели срамословіе, къ этому средству прибѣгаютъ нападающіе на нихъ. И это молодымъ людямъ внушали аріане, потому что смѣялись, когда тѣ говорили и дѣлали. Святыя же дѣвы и другія честныя жены бѣжали отъ такихъ словъ, какъ отъ угрызенія аспидовъ; христорборцы помогали молодымъ людямъ, а можетъ быть, участвовали съ ними и въ срамословіи, потому что услаждались непотребными словами, какія вырывались изъ устъ у молодыхъ людей.

56) Потомъ, какбы для совершеннаго исполненія приказа (о чемъ и старались особенно, чего и требовали комитъ и католикось), похитивъ изъ церкви сопрестоліе, святительскій престолъ и святую трапезу, которая была деревянная, церковныя завѣсы и все прочее, что только могли, вынесши вонъ, зажгли предъ церковными дверями на большой площадкѣ и кидали туда ладонъ. О, кто, слыша это, не прольетъ слезъ и даже не заградить своего слуха, не терпя, когда говорить объ этомъ и другой, почитая вреднымъ слышать что-либо подобное! Они прославляли своихъ идоловъ и говорили: „язычникомъ сталъ Констанцій; аріане признали нашу вѣру; не задумываются даже прикрывать себя язычествомъ, только бы утвердилась ихъ ересь“. И телицу, на которой возили воду для орошенія садовъ въ Кесареумѣ, готовы были принести въ жертву и дѣйствительно принесли бы, если бы это былъ телець; животныхъ же женскаго пола, какъ говорили, не позволялось у нихъ приносить въ жертву.

57) Подобныя дѣла совершали злочестивые аріане

вмѣстѣ съ язычниками, думая нанести тѣмъ намъ оскорбленіе. Но Божій судъ обличилъ ихъ лукавство и произвелъ нѣкое великое и чудное знаменіе, и въ этомъ показалъ всѣмъ ясно, что они, какъ злочестивцы, возстаютъ не противъ кого иного, но противъ Господа. Поступая такимъ образомъ, вознамѣрились они еще нанести оскорбленіе Господу; и это всего очевиднѣе было доказано совершившимся чудомъ. Одинъ развратный молодой человѣкъ, войдя въ церковь, осмѣлился сѣсть на святительскій престолъ, и сидя на немъ, этотъ несчастный ноздрями своими производилъ какіе-то блудодѣйные звуки, потомъ вставъ усиливался сдвинуть престолъ съ мѣста и привлечь къ себѣ; но не зналъ онъ, что навлекаетъ на себя казнь. Ибо, какъ нѣкогда жители Азота, осмѣлившись коснуться ковчега, на который непозволительно имъ было даже и смотрѣть, тотчасъ погибали отъ него, поражаемые прежде мучительною болѣзнію ихъ сѣдалищъ; такъ и этотъ несчастный, едва осмѣлился сдвинуть престолъ, влекомое имъ привлекалъ самъ на себя, и какъ-будто древо сіе наслало на него казнь, ударился онъ о престолъ чревомъ своимъ и, вмѣсто престола, этимъ ударомъ исторгъ изъ себя внутренности, и престолъ скорѣе исторгъ изъ него жизнь, нежели самъ былъ имъ сдвинутъ съ мѣста. Итакъ, *изліяся утроба его*, какъ написано объ Іудѣ (Дѣян. 1, 18), упалъ онъ, былъ вынесенъ и чрезъ одинъ день погибъ. Другой, войдя съ вѣтвями въ рукахъ и какъ язычникъ махая ими и смѣясь, немедленно ослѣпъ, не видѣлъ, не зналъ, гдѣ онъ теперь, и готовый также упасть, выведенъ за руку бывшими тутъ, и ими поддерживаемый вышелъ, едва опомнившись черезъ день и не зналъ этотъ дерзновенный, что онъ сдѣлалъ и что съ нимъ было.

58) Язычники, видя это, пришли въ страхъ и не отваживались ни на что болѣе; аріане же и при этомъ

не устыдились, но, какъ іудеи, видя знаменія не вѣрили и эти невѣрные, и еще болѣе ожесточались подобно Фараону, имѣя надежды, соккрытыя гдѣ-то долу—въ царѣ и въ его евнухахъ. Какъ язычникамъ, вѣрнѣе же сказать—негоднѣйшимъ изъ язычниковъ, дозволили они дѣлать описанное выше, потому что распоряжался ими и поощрялъ ихъ къ этому Фавстинъ, именуемый католикосомъ, но человѣкъ грубый нравомъ и развратный въ душѣ; такъ аріане и сами стали поступать, подобно язычникамъ, чтобы, какъ ересь свою составили по образцу другихъ ересей, такъ и въ лукавствѣ имъ участвовать съ непотребными. Посему, какъ сказано, иное дѣлали чрезъ язычниковъ; а что преступное совершали сами, то не превосходить ли всякое лукавство, не превышаетъ ли злобу всякаго кровопійцы? Какой домъ не былъ ими разоренъ? Чье жилище, подъ видомъ осмотра, не было разграблено? Какой садъ не потоптанъ? Какой гробъ не открытъ? Въ предлогъ представляли они, что ищутъ Аѳанасія; а дѣйствительнымъ намѣреніемъ ихъ было все расхищать и грабить встрѣчающихся. У сколь многихъ дома были опечатаны? У сколь многихъ, что было въ ихъ страннопріимницахъ, раздано воинамъ, которые помогали аріанамъ? Кто не испыталъ на себѣ ихъ злобы? Кто, встрѣтившись съ ними на площади, не спѣшилъ укрыться? Кто, ради нихъ оставивъ домъ свой, не проводилъ ночи въ пустынѣ? Кто, спѣша сохранить отъ нихъ свою собственность, не терялъ большей части имущества? Всякій незнакомый съ моремъ не рѣшался ли лучше—пуститься въ оное и извѣдать его опасность, нежели видѣть ихъ угрозы? Многіе переходили изъ дома въ домъ, переселялись изъ улицы въ улицу, изъ города въ предместія. Какъ многіе понесли разные убытки? Не имѣя при себѣ ничего, брали въ заемъ у другихъ, только бы избавиться отъ злоумышленія еретиковъ.

59) Они всѣмъ показывали себя страшными, со всѣми вели себя высокомерно, всякому ставя на видъ имя Царя и какъ угрожая его гнѣвомъ, такъ споспѣшниками въ лукавствѣ имѣя дука Севастіана-манихея и развратнаго молодаго челоуѣка, также епарха, комита и лицемѣра католикоса. Многихъ дѣвъ, которыя осуждали ихъ нечестіе и исповѣдывали истину, выбрасывали изъ домовъ, иныхъ оскорбляли, когда онѣ проходили по улицамъ, молодыхъ людей изъ своего круга заставляли обнажать имъ головы, и женамъ своимъ дали волю оскорблять, какую хотятъ женщину. Честныя и вѣрныя женщины уклонялись и уступали имъ дорогу; онѣ же, ходя подобно Менадамъ и Эриніямъ, почитали несчастіемъ, если не находили, кого обидѣть, и со скорбію проводили тотъ день, въ который не могли сдѣлать зла. И вообще для всѣхъ были они столько свирѣпы и жестоки, что всякій называлъ ихъ кровопійцами, убійцами, негодьями, подсмотрщиками, злодѣями и всякими другими именами, только не христіанами.

60) Подражая скиѣамъ, схватили они иподіакона Евтихія, мужа прекрасно служившаго Церкви, и избивъ воловьими жилами по хребту почти до смерти, требовали, чтобы сосланъ онъ былъ въ рудокопню, и притомъ, не въ какую-либо простую, но въ ту, которая въ Фено, гдѣ и осужденный убійца едва можетъ прожить немного дней. Но что необычайно,— не дали они Евтихію и нѣсколько часовъ успокоиться послѣ нанесенныхъ ранъ, но настояли, чтобы немедленно былъ отосланъ, говоря: „если такъ будетъ сдѣлано,— всѣ устроятся и будутъ уже заодно съ нами“. Но Евтихій отошелъ не далеко, въ изнеможеніи отъ ранъ не могъ достигнуть рудокопни и умеръ въ дорогѣ. И онъ скончался съ радостію, пріобрѣтя славу мученичества; нечестивые же и при этомъ не устыдись, но по Писанію, имѣя *не милостивныя утробы*

(Притч. 12, 10), къ тому, что сдѣлали, присоединили еще нѣчто сатанинское. Поелику народъ просилъ за Евтихія и умолялъ о немъ, то домоглись, чтобы захвачены были еще четыре мужа превосходныхъ и благородныхъ, въ числѣ же ихъ и Ермій, омывавшій недвижимо-больныхъ; и Дукъ, давъ имъ много ударовъ бичемъ, ввергъ ихъ въ темницу. Но ариане, превосходя жестокостію и скивовъ, когда увидѣли, что не скончались они отъ ударовъ, укоряли Дука и грозили ему, говоря: „напишемъ евнухамъ, что не сѣчетъ, какъ намъ желательно“. Услышавъ это и пришедши въ страхъ, принужденъ былъ Дукъ въ другой разъ бить этихъ людей. А они, зная, за что бьютъ ихъ и кѣмъ оклеветаны, не иное что говорили, но только: „насъ бьютъ, потому что стоимъ за истину, а не вступаемъ въ общеніе съ еретиками; бей насъ, сколько хочешь; и тебя будетъ судить за это Богъ“. Такъ нечестивые хотѣли, чтобы и въ темницѣ они бѣдствовали и умерли. Но народъ Божій, улучивъ время, упросилъ за нихъ, и едва чрезъ семь или болѣе дней освободили ихъ.

61) Ариане, какбы опечалившись, --предприняли сдѣлать нѣчто еще болѣе жестокое и нечестивое, конечно--для всѣхъ жестокое, но сообразное христорборной ихъ ереси. Господь заповѣдалъ помнить о нищихъ, говоря: *продадите имѣнія, и дадите милостыню* (Лук. 12, 33), и: *взалкахся, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя. Понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 35. 40). Ариане же, какъ дѣйствительно мудрствующіе противъ Христа, и въ этомъ осмѣлились противоборствовать Его волѣ. Когда Дукъ передалъ церкви арианамъ, —нуждающимся и вдовамъ невозможно стало пребывать въ нихъ, и они садились на мѣстахъ, указанныхъ клириками, попеченію которыхъ ввѣрены вдовы. Поелику же ариане увидѣли, что братія усердно

подають имъ и питають вдовъ; то стали ихъ бить по ногамъ и прогнали, а подающихъ оклеветали Дуку. И это сдѣлано однимъ воиномъ Динаміемъ, было же пріятно и Севастіану; потому что у манихеевъ нѣтъ милосердія, и подать милостыню нищему для нихъ ненавистное дѣло. Отсюда новый поводъ къ укоризнамъ; и въ первый теперъ разъ выдуманно ими судилище,—человѣкъ былъ судимъ за благодѣяніе, подающаго милостыню обвиняли, облагодѣтельствованнаго били, хотѣли лучше, чтобы нищій былъ голоденъ, нежели чтобъ желающій подать милостыню подавалъ ее. И сему-то еще у древнихъ іудеевъ научились новые сіи іудеи. Ибо и тѣ, видя, что слѣпой отъ рожденія прозрѣлъ и долгое время бывший разслабленнымъ сталъ здоровъ, благодѣтельствовавшаго Господа обвиняли, а получившихъ благодѣяніе осуждали какъ законопреступниковъ.

62) Кто же не удивлялся при этомъ? Кто не проклиналъ ереси и ея защитниковъ? Кто не признавалъ, что аріане свирѣпѣе и звѣрей? Ибо скверные эти не приобрѣли той выгоды, для которой дѣлали это; а напротивъ того, еще болѣе увеличили общую къ нимъ ненависть. Думали, что злоумышленіемъ и страхомъ принудятъ иныхъ вступить въ ересь и съ ними вмѣстѣ отправлять богослуженіе, но произошло противное тому. Страждущіе отъ нихъ все, что ни сдѣлано было ими, переносили какъ мученической подвигъ, и не измѣнили, не отреклись отъ благочестивой вѣры во Христа; а смотрѣвшіе на аріанъ со стороны, даже и самые язычники, проклинали ихъ, какъ антихристовъ, какъ кровопійца, потому что родъ человѣческой нищелюбивъ и сострадателенъ, аріане же утратили и смыслъ человѣческой. Страждущіе желали бы видѣть благодѣяніе отъ другихъ: но аріане, имѣя на своей сторонѣ власть судей и особенно поощряемые Дукомъ, не позволяли другимъ оказывать эти благодѣянія.

63) А что дѣлали съ пресвитерами и діаконами, какъ въ присутствіи Дука и судей выгоняли ихъ, выбрасывая изъ домовъ ихъ домашнихъ съ помощію воиновъ и военачальника Горгонія, наносившаго удары, и какъ (что всего безчеловѣчнѣе) съ поруганіемъ уже у скончавшихся расхищали хлѣбы, — того невозможно выразить словомъ; потому что жестокость ихъ превосходитъ всякое описаніе. Если бы кто и рассказалъ это, то можетъ ли подумать, что сказано имъ что-нибудь? Или, помянувъ о чемъ-либо первомъ, не найдеть ли, что второе ужаснѣе перваго, а за тѣмъ слѣдующее еще ужаснѣе и втораго? Всѣ ихъ предпріятія и нечестивыя дѣла исполнены убійства и злочестія. Столько коварны они сердцемъ и разнообразны въ средствахъ, что стараются обольстить то обѣщаніемъ покровительства, то денежными наградами, только бы, когда нѣтъ основательныхъ убѣжденій, хотя этимъ произвести, повидимому, какое-нибудь впечатлѣніе на простодушныхъ.

64) Кто же послѣ этого назоветъ ихъ хотя просто язычниками, не говоримъ уже — христіанами? Кто предположитъ въ нихъ человѣческой, а не скорѣе звѣрскій нравъ, за жестокость и свирѣпость ихъ дѣлъ? Они злѣе кровопійць, дерзостнѣе другихъ еретиковъ, гораздо ниже язычниковъ, лучше же сказать, далеко отстоятъ отъ нихъ. Ибо слышалъ я отъ Отцевъ, и вѣрнымъ почитаю слово ихъ, что вначалѣ, когда произошло гоненіе при Максиміанѣ, Констанціевомъ дѣдѣ, язычники скрывали у себя отыскиваемыхъ братій нашихъ христіанъ, и часто сами тратили деньги, терпѣли заключеніе въ темницахъ, только бы не стать предателями [бѣжавшихъ. Какъ сами себя охраняли они прибѣгнувшихъ къ нимъ, и готовы были за нихъ бѣдствовать. А теперь, чудные эти люди, изобрѣтатели новой ереси, не инымъ чѣмъ отличающіеся, какъ только злоумышленіями, поступаютъ совершенно на-

отивъ того. Сами ставъ исполнителями наказаній, раются всѣхъ предать, строятъ укрывающимъ козни, но почитая врагомъ и укрывающаго и укрывае- о. Такъ они кровожадны, и Іудину лукавству по- новали эти злодѣи.

і5) И невозможно въ должномъ видѣ изобразить, лько сдѣлано ими зла, развѣ сказать о нихъ одно что, когда пишу и хочу перечислить лукавыя ихъ а, приходитъ на мысль: уже ересь сія не та ли, минаемая въ Притчахъ, четвертая дочь пїявицы, орая, послѣ столькихъ неправдъ, послѣ столькихъ йствъ, не сказала еще: *довлѣтъ* (Притч. 30, 15. 16). а еще мужается, ходитъ и отыскиваетъ неузнан- къ ею; а кому успѣла нанести обиду, тѣхъ ста- тся преобидѣть снова. Ибо вотъ послѣ ночнаго лествія, послѣ причиненныхъ ею золь, послѣ гоне- , произведеннаго Иракліемъ, не перестаютъ еще ветать Царю; они твердо увѣрены, что нечестивые ь выслушиваются. Клевещутъ же, чтобы произошло то большее заточенія, и непокорные ихъ нече- імъ были, наконецъ, умерщвляемы. Такъ и нынѣ сундъ, этотъ самый злой пентаполитъ, и равный ь въ жестокости Стефанъ,—принявъ дерзость, зная, , если сдѣлаютъ и неправду, то оправданіемъ по- житъ имъ ересь,—когда увидѣли въ Баркѣ одного юкорнаго имъ пресвитера, --а назывался онъ Се- цдомъ, былъ соимененъ, но не единовѣренъ съ тикомъ,—убили его, растоптавъ ногами. Убивае- й же уподоблялся святому, говоря: „никто да не шаетъ за меня предъ судіями, имѣю своимъ от- ителемъ Господа, за Котораго и терплю это отъ гь“. Но они не сжалились надъ говорившимъ это, устыдились и дней, потому что убили его въ са- о Четырешагину.

і6) Новая подлинно ересь, нечестіемъ и дѣлами все- то представляющая собою діавола! Въ первый еще

только разъ вымышлено это зло. Если, повидимому, иные и помышляли о ней когда-либо, то скрывали и таили еще такой образъ мыслей. Евсевій же и Аріѳ, какъ змѣи, вышедши изъ норы, изbleвали ядъ сего нечестія: и Аріѳ принялъ на себя дерзость изрыгать явную хулу, а Евсевій—покровительствовать сей дерзости. Но не могъ стать покровителемъ ереси прежде, пока, какъ сказано выше, въ Царѣ не нашель ей покровителя. Посему, Отцы наши составили вселенскій Соборъ, и сошедшись въ числѣ болѣе или менѣе трехъ сотъ, осудили аріанскую ересь и опредѣлили, что она чужда и нова для церковной вѣры. Но покровители ея, видя себя уже посрамленными и не имѣя на своей сторонѣ никакихъ твердыхъ основаній, придумали иной путь и вознамѣрились защищать ее мірскою властію. При семъ иной наипаче подивится ихъ новому и лукавому предпріятію и превосходству ихъ ереси предъ всѣми другими. Ибо вымыслы другихъ ересей къ обольщенію людей простыхъ имѣютъ силу приводить въ безуміе убѣдительностію рѣчей. И язычники, какъ говорилъ Апостоль, дѣйствуютъ превосходствомъ и убѣдительностію словъ и правдоподобными умствованіями (1 Кор. 2, 1—4). Іудеи же, оставивъ Божественныя Писанія, какъ сказалъ Апостоль, ведутъ уже споръ о басняхъ и родословіяхъ безконечныхъ (1 Тим. 1, 4). Манихеи, а съ ними Валентиніане и другіе, искажая Божественныя Писанія своими прикровенными словами, слагаютъ басни. Но аріане большею дерзостію отличаются предъ всѣми другими ересями, и доказали, что онѣ меньшія ихъ сестры; потому что, какъ сказано, аріане болѣе ихъ нечествуютъ, и въ лукавствѣ соревнуютъ всѣмъ, наипаче же іудеямъ. Ибо какъ іудеи, когда не могли обличить Павла, въ чемъ винили его ложно, немедленно повели его къ тысяченачальнику и игемону, такъ и аріане, выдумывая болѣе іудеевъ, пользуются

одною только властію судей, и какъ-скоро противорѣчитъ кто имъ,—влекутъ его къ игемону или къ военачальнику.

67) Другія ереси, когда обличаетъ ихъ сама истина своими доказательствами, умолкаютъ, потому что обличенія приводятъ ихъ въ стыдъ: новая же и ненавистная ересь арианъ, когда низложена доводами, когда посрамленная самою истиною падаетъ уже, тѣхъ самыхъ, кого не можетъ убѣдить словами, старается привлечь насиліемъ, ранами, темницами; и въ этомъ случаѣ давая о себѣ знать, что она всего меньше богочестива. Ибо богочестію свойственно, какъ говорили мы, не принуждать, а убѣждать. И самъ Господь, не принуждая, но отдавая на произволеніе, говорилъ какъ всѣмъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити* (Матѣ. 16, 24), такъ и ученикамъ: *еда и вы хотите ити* (Іоан. 6, 67)? Эта же ересь совершенно чужда богочестія. Чтò же, какъ не противное Спасителю, надлежало ей дѣлать, когда христорборнымъ вождемъ нечестія избрала себѣ Констанція, какбы самого антихриста? Ибо онъ ради ереси старался соревновать въ жестокости во-первыхъ и Саулу. Сауль, когда іереи снабдили пищую Давида, даетъ повелѣніе, — и всѣ они истреблены числомъ до трехсотъ и пяти. Констанцій,—поелику всѣ бѣгутъ отъ ереси и исповѣдуется здравая вѣра въ Господа,—въ ничто обращаетъ цѣлый Соборъ трехъ сотъ Епископовъ, и самыхъ Епископовъ заточаетъ, а народу препятствуетъ поучаться благочестію и молиться Богу, воспрещая богослужебныя собранія. Сауль разорилъ градъ іерейскій Номву: подобно и сей, еще болѣе увеличивая зло, отдалъ церкви нечестивымъ. И какъ тотъ клеветника Доика предпочелъ истиннымъ іереямъ, а Давида гналъ, внемля Зифеямъ: такъ сей еретиковъ предпочитаетъ благочестивымъ, убѣгающихъ отъ него гонить, внемля евнухамъ своимъ, клеветующимъ на

православныхъ, не вникая, что, если что дѣлаеть и пишетъ въ пользу аріанской ереси, то во всемъ этомъ возстаеть онъ противъ Спасителя.

68) И Ахаавъ не дѣлалъ того съ іереями Божиими, на что отважился Констанцій противъ епископовъ. Тотъ все еще и по убіеніи Навуея сокрушался, и увидѣвъ Ілію, пришелъ въ страхъ; а этотъ не устыдился и великаго Осіи, не пришелъ въ ужасъ или въ сокрушеніе, заточивъ столькихъ епископовъ. Но какъ второй Фараонъ, тѣмъ паче ожесточается, чѣмъ болѣе его сокрушаютъ, и каждый день вымышляетъ худшее и худшее. И что особенно странно въ его лукавствѣ: когда заточаются епископы, — случалось и другимъ людямъ за виновность въ убійствѣ, или мятежѣ, или татѣбѣ, подвергаться осужденію по свойству вины своей; и ихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по просьбѣ, какъ Пилатъ Варавву, освобождалъ онъ, рабовъ же Христовыхъ не только не отпускаетъ на свободу, но и на заточенія осуждаетъ гораздо немилосерднѣе, ставъ для нихъ неумирающимъ зломъ. Съ одними онъ дружественъ по нравамъ, а православнымъ врагъ по благочестивой ихъ вѣрѣ во Христа. Не ясно ли этимъ показалъ онъ всякому, что и тогдашніе іудеи, испросившіе себѣ Варавву, а Господа распявшіе, были таковы-же, какъ и нынѣшніе Констанціевы христорборцы, самъ же Констанцій, можетъ быть, жестокосерднѣе Пилата? Ибо тотъ, видя неправду, умылъ, по крайней мѣрѣ, руки; а этотъ, заточая святыхъ, тѣмъ паче скрежещетъ зубами.

69) И удивительно ли, что, совратившись въ нечестіе, такъ жестокъ онъ къ епископамъ, когда и собственнаго своего родства не пошадилъ, какъ свойственно человѣку? Умертвилъ онъ дядей, истребилъ двоюродныхъ братьевъ и тестя, на дочери котораго былъ еще женатъ, не помиловалъ страждущихъ сродниковъ. Всегда и предъ всѣми былъ нарушителемъ

клятвъ; такъ осмѣлился быть нечестивымъ и въ отношеніи къ брату. Притворно созидаетъ ему надгробный памятникъ, и отдаетъ варварамъ обрученную съ нимъ Олимпіаду, которую тотъ до самой кончины соблюдалъ и воспитывалъ, какъ будущую супругу свою. Вознамѣрился нарушить и волю его, хотя обѣщается быть его наслѣдникомъ, и пишетъ то, чего постыдился бы всякій, имѣющій хотя нѣсколько чувства; а я, сличая его письма, нахожу, что не отъ природы такія у него расположенія, но управляется онъ внушеніями другихъ, вовсе не имѣя собственнаго ума. И Соломонъ говоритъ: *Царю послушающую словесе неправедна, вси, иже подъ нимъ, законопреступницы* (Притч. 29, 12). А онъ дѣлами своими показываетъ, что и самъ неправеденъ и окружающіе его законопреступники.

70) Посему, когда и самъ таковъ и любитъ такихъ людей, можетъ ли когда въ чемъ-либо имѣть справедливый и съ разумомъ согласный образъ мыслей? Это—человѣкъ, связанный беззаконіемъ приближенныхъ къ нему, его наушники такіе люди, у которыхъ мозгъ потоптанъ пятами. Посему-то и пишетъ, и написавъ раскаявается, и раскаявшись раздражается, и опять сѣтуетъ, и не зная, что дѣлать, показываетъ, что душа его лишена всякой мысли. Таковъ Констанцій. Почему, иной справедливо пожалѣетъ о немъ скорѣе, что, свободный по виду и имени, онъ рабъ тѣхъ, которые влекутъ его въ угодность своему нечестію. Конечно, безумному и объюродѣвшему свойственно это, какъ сказало Писаніе (Притч. 7, 22). Желая угодить другимъ, самого себя предаетъ на будущемъ судѣ на осужденіе и въ пищу огню, потому что дѣлаетъ, что имъ угодно, позволяетъ имъ злоумышлять противъ епископовъ и распорядиться церквами. Ибо вотъ и нынѣ снова возмутилъ онъ церкви въ Александріи, въ Египтѣ и во всѣхъ Ливіяхъ,

и явно повелѣлъ благочестивыхъ епископовъ вселенской Церкви изгонять изъ церквей, передавать же всѣ эти церкви мудрствующимъ по-аріански. И это началъ приводить въ исполненіе военачальникъ. Епископы—въ узахъ, пресвитеры и монашествующіе въ желѣзныхъ оковахъ, избитые едва не до смерти, уже изгнаны; все тамъ приведено въ смятеніе, Египетъ и вся Ливія бѣдствуютъ; народъ негодуетъ на это незаконное повелѣніе, видитъ антихристово предуготованіе, видитъ, что собственность у нихъ расхищается, и отдается это еретикамъ.

71) Поэтому, было ли слышимо когда такое беззаконіе? Бывало ли когда, даже во время гоненія, подобное зло? Прежде гонителями были язычники, но они не вносили идоловъ въ церкви. Покровительница Павла Самосатскаго Зиновія была іудеянка, но она церкви не отдавала іудеямъ на синагоги. Это—новая мерзость; не просто гоненіе, но нѣчто большее гоненія,—предначатіе и предуготованіе антихристово. Положимъ, что противъ Аѳанасія и противъ другихъ заточенныхъ епископовъ выдуманы хотя ложные предлоги; какъ приводитъ это къ новому начинанію? Какой предлогъ наименоуютъ къ возстанію противъ Египта, и всей Ливіи, и Пентаполя? Не противъ того или другаго начали злоумышлять, гдѣ была бы возможность хотя солгать, но вдругъ напали на всѣхъ; почему, если бы захотѣли и выдумать что, явно будутъ осуждены. Злоба ослѣпила въ этомъ умъ ихъ. Стали требовать, чтобы свергнуты были всѣ епископы безъ всякаго предлога, въ доказательство того, что и противъ Аѳанасія, и противъ другихъ заточенныхъ епископовъ, выдуманы ими ложные предлоги, не ради чего иного, но ради скверной ереси христорборныхъ аріанъ. Но это уже не тайна, и всякому, особливо нынѣ, стало явно; потому что Аѳанасія Царь велѣлъ изгнать изъ города, отдалъ же церкви аріанамъ.

Аѳанасіевы пресвитеры и діаконы, поставленные еще Петромъ и Александромъ, изгоняются и должны спастись бѣгствомъ. А подлинныя аріане, не по одной вѣщности справедливо подозрѣваемые, но въ самомъ еще началѣ за ересь вмѣстѣ съ Аріемъ низложенные Епископомъ Александромъ, и именно — въ верхней Ливіи Секундъ, въ Александріи Евзой хананеянинъ, Юлій, Аммонъ, Маркъ, Ириней, Зосимъ и Сарапіонъ по прозванію Пеликонъ, и въ Ливіи Сисиній и съ нимъ другіе младшіе, раздѣляющіе ихъ нечестіе,—заняли теперь церкви.

72) Военачальникъ Севастіанъ писалъ къ помѣстнымъ начальникамъ и къ воинскимъ властямъ—изгнать истинныхъ епископовъ и на ихъ мѣсто ввести держащихся нечестія. И послали въ заточеніе епископовъ, состарѣвшихся въ клирѣ, много лѣтъ епископствовавшихъ еще со времени Епископа Александра: Аммонія, Ерма, Анагамфа и Марка послали въ верхній Оазисъ, а Муія, Псеносириса, Ниламмона, Плинія, Марка, Аѳинодора — въ Аммоніаку, не съ иною какою мыслию, но чтобы, проходя пустыню, кончили они жизнь; потому что не сжалились и надъ больными, но гнали и тѣхъ, которые по немощи съ трудомъ переносили это, почему несли ихъ на носилкахъ, и по причинѣ болѣзни ихъ за ними-же слѣдовало и нужное къ погребенію. Одинъ изъ нихъ умеръ, и не позволили, чтобы тѣло его несли свои. Поэтому и Епископа Драконтія заточили въ пустынный мѣста около Клисмы, а Филона—въ Вавилонъ, Аделфія—въ ѳиваидскую Псинаблу; Іеракса же и Діоскора—пресвитеровъ сослали въ Сіену; Аммонія, Агаѳона, Агаѳодемона, Аполлонія, Евлогія, Аполлоса, Пафнутія, Гаія и Флавія, престарѣлыхъ Епископовъ, и также Епископовъ Діоскора, Аммонія, Ираклида и Псаія принудили къ бѣгству. И однихъ послали въ каменоломню, другихъ гнали, желая довести до смерти, мно-

гихъ же иныхъ ограбили. Даже, сорокъ человекъ мірянъ и дѣвъ, сперва поставивъ на огонь, послали потомъ въ заточеніе. Дѣвамъ наносили раны финиковыми жезлами, отчего иныя черезъ пять дней умерли, а у другихъ, по причинѣ вонзившихся въ тѣло спиць, надлежало ихъ вырѣзывать, и онѣ терпѣли мученія тяжчайшія смерти. Но для всякаго имѣющаго здравый смыслъ еще ужаснѣе, какъ ни свойственно это нечестивымъ: когда мучимыя призывали имя Христова,—аріане еще болѣе скрежетали на нихъ зубами. Даже, тѣла отшедшихъ не отдавали своимъ для погребенія, но скрывали, чтобы утаить убійство; однакоже, не утаили, потому что видѣлъ цѣлый городъ, и всѣ отвращались отъ нихъ, какъ отъ кровопійць, отъ злодѣевъ и разбойниковъ. Разоряли они и монастыри; и монаховъ покушались бросать въ огонь; грабили дома; остатки денегъ, положенные епископомъ на сохраненіе въ домъ свободныхъ гражданъ, расхищали и присвоили себѣ; вдовъ били по пятамъ; запретили подаваніе милостыни.

73) Таковы злодѣйскіе поступки аріанъ. Кто же не ужаснется, услышавъ, каковы предпріятія ихъ безбожія? Довели они до заточенія столь почтенныхъ великихъ старцевъ и многолѣтнихъ епископовъ; а на мѣсто ихъ молодыхъ распутныхъ язычниковъ,—еще неоглашенныхъ, думая вдругъ сдѣлать совершенными, даже двуженцевъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, по причинѣ окружающаго ихъ богатства или ихъ силы въ гражданскомъ обществѣ,—если давали золото, какбы съ торга посылали, именуя ихъ епископами. И для мірянъ ужаснѣйшее уже было бѣдствіе. Они отвращались отъ этихъ, чуждыхъ для нихъ, аріанскихъ наемниковъ; а военачальникъ наказывалъ ихъ за это бичеваніемъ, описаніемъ имущества, заключеніемъ въ темницу (и дѣлалъ это съ удовольствіемъ, какъ манихей), чтобы не требовали они своихъ епи-

скопъ, а приняли тѣхъ, которыхъ отвращаются, то есть людей, совершающихъ такія дѣла, какія прежде осмѣивали и въ своихъ идолахъ.

74) Видя или слыша это, смотря на высокоуміе нечестивыхъ и на такую неправду, кто не возстаетъ, если только онъ правдолюбивъ? Ибо *на мѣстѣхъ нечестивыхъ стѣнятъ праведніи* (Притч. 28, 28). Кто послѣ всего этого, когда нечестіе дошло до такого безстыдства, осмѣлится еще назвать Костиллія¹⁾ христіаниномъ, а не паче образомъ антихриста? Ибо чего не достаетъ ему изъ признаковъ антихриста. Или почему не будетъ онъ признанъ всюду за антихриста, если этотъ послѣдній представляется именно такимъ, каковъ онъ? Не по его ли приказанію аріане и язычники въ великой церкви, которая въ Кесареумѣ, приносили жертвы и хулили Христа? Видѣніе Даниила не такія ли черты полагаетъ въ изображеніи антихриста: *творитъ брань со святыми, укрѣпится противъ нихъ, превзыдетъ злобами всѣхъ прежнихъ, и три цари смиритъ, и словеса на Вышняго возглаголетъ, и помыслитъ превънити времена и законъ* (Дан. 7, 24. 25)? Кто другой, кромѣ одного Констанція, принималъ когда-либо подобныя дѣла? Онъ именно таковъ, каковъ былъ бы антихристъ. Покровительствуя нечестивой ереси, онъ *глаголетъ словеса на Вышняго*; заточая епископовъ, творитъ брань со святыми, хотя не надолго имѣетъ такую власть къ своей же гибели. И злобою превысилъ онъ бывшихъ прежде него, придумавъ новый способъ гоненія. И по истребленіи трехъ царей, Вретаніона, Магненція и Галла, вскорѣ сталъ покровителемъ ереси и, какъ исполинъ, дерзнулъ превознестись въ высокоуміи предъ Вышнимъ. Онъ замыслилъ перемѣнить законъ, нарушая Господнее, чрезъ Апостоловъ дан-

¹⁾ Уменьшительное названіе Констанція.

ное, постановленіе, измѣняя церковные обычаи и вымышляя новый способъ поставленій. Ибо изъ другаго мѣста за пятьдесятъ переходовъ посылалъ епископовъ съ воинами къ народамъ, ихъ не желающимъ; и вмѣсто свѣдѣній о себѣ приносятъ они къ народамъ угрозы и посланія къ судіямъ. Такъ Григорія изъ Каппадокіи прислалъ въ Александрію, и Герминія изъ Кизика переслалъ въ Сирмію, а Кекропія изъ Лаодикіи отправилъ въ Никомидію.

75) Какого-то Авксентія, болѣе любителя тяжбъ, нежели христіанина, изъ Каппадокіи онъ перевелъ въ Медіоланъ. И поелику тамошняго Епископа Діонисія, человѣка благоговѣйнаго, послалъ въ заточеніе за благочестивую вѣру во Христа; то ему, незнающему даже римскаго языка и умѣющему только нечестивать, повелѣлъ быть тамъ епископомъ. А теперь еще какому-то Георгію, родомъ каппадокіянину, бывшему сборщикомъ податей въ Константинополѣ и все присвоившему себѣ, а потому бѣжавшему, велѣлъ войти въ Александрію въ сопровожденіи воиновъ, при содѣйствіи военачальника. Потомъ, нашедши какого-то Эпиктета, дерзкаго молодаго человѣка изъ новообращенныхъ, полюбилъ его, видя готовымъ на злыя дѣла, и посредствомъ его строить уже козни, кому хочетъ изъ епископовъ. А Эпиктетъ готовъ сдѣлать все, чтò угодно Царю. Пользуясь этимъ служителемъ, и въ Римѣ совершилъ Констанцій дѣло необычайное и дѣйствительное подобіе антихристово злоумія. Ибо, вмѣсто церкви приготовивъ палату и вмѣсто народа призвавъ трехъ своихъ евнуховъ, трехъ злонравныхъ соглядатаевъ (никто не назоветъ ихъ епископами), принудилъ въ палатѣ поставить въ епископы какого-то достойнаго ихъ Феликса. Ибо весь народъ, зная о беззаконіи еретиковъ, не позволялъ имъ входить въ церкви, но отгонялъ отъ нихъ далеко прочь.

76) Посему, чего недостаетъ, чтобы ему быть анти-

христомъ? Или, что́ большаго сдѣлаеть пришедши антихристъ? Не найдетъ ли онъ, что Констанціемъ предуготованъ ему удобный къ обольщенію путь? Ибо опять вмѣсто церквей въ чертоги призываетъ на судъ къ себѣ и самъ предсѣдательствуетъ на судѣ. И что́ чудно: если видитъ, что недостаетъ обвинителей, самъ на себя беретъ должность обвинителя, чтобы терпящимъ неправду, при его насиліи, не было и возможности оправдаться. Такъ поступилъ онъ въ дѣлѣ съ Аѳанасіемъ. Видя дерзновеніе Епископовъ Павлина, Люцифера, Евсевія и Діонисія, какъ-скоро говорящихъ противъ Аѳанасія стали они обличать раскаяніемъ Урзація и Валента и подали голосъ, что не должно вѣрить Валенту и сообщникамъ его, какъ уже раскаявшимся въ томъ, что́ теперь утверждаютъ,—Констанцій, тотчасъ вставъ съ мѣста, сказалъ: „теперь я обвинитель Аѳанасіевъ, для меня повѣрьте тому, что́ утверждаютъ они“. Послѣ сего епископы сказали: „Какъ можешь быть обвинителемъ, когда нѣтъ здѣсь обвиняемаго? Если ты и обвинитель, то, поелику Аѳанасія здѣсь нѣтъ, онъ не можетъ быть судимъ: не Римскій здѣсь судъ, чтобы повѣрить тебѣ, какъ царю; но дѣло идетъ объ Епископѣ. И судъ долженъ быть равный и надъ обвиняющимъ и надъ подсудимымъ. Но почему обвиняешь? Не могъ ты быть вмѣстѣ съ находящимся отъ тебя далеко. А если утверждаешь слышанное отъ Урзація и Валента, то справедливость требуетъ вѣрить и тому, что́ говоритъ Аѳанасій. Если же ему не вѣришь, а вѣришь симъ, то оказывается, что они утверждаютъ это для тебя и въ угодность тебѣ обвиняютъ Аѳанасія“. Выслушавъ это и обидою для себя признавъ сказанное прямодушно, онъ послалъ ихъ въ заточеніе, и прогнѣвавшись на Аѳанасія, строго предписалъ поступать съ нимъ, какъ и сдѣлано, церкви передать аріанамъ и дозволить имъ дѣлать, что хотятъ.

77) Ужасно, правда, и все ужасное превосходить подобное дѣло; однакоже, оно совершенно приличествуетъ имѣющему видъ антихриста. Ибо кто, видя, какъ начальствуетъ онъ надъ мнимыми епископами и предсѣдательствуетъ на церковныхъ судахъ, не въ правѣ будетъ сказать, что́ это—упоминаемая у Даниила *мерзость запустѣнія* (Дан. 9, 27)? Прикрываясь христіанствомъ, входя въ святыя мѣста и стоя въ нихъ, приводитъ онъ въ запустѣніе церкви, нарушая церковныя правила и принуждая, чтобы имѣли силу собственныя его приказанія. Кто осмѣлится еще сказать, что время сіе для христіанъ есть мирное, а не паче гоненіе? И что такое это гоненіе, какого никогда не было, и какому подобнаго никто, можетъ быть, не воздвигнетъ, развѣ только сынъ беззаконія,—это показываютъ намъ уже христорборцы, ясно то въ себѣ живописуя. Посему-то и надлежитъ намъ наипаче трезвиться и смотрѣть: уже ересь сія, имѣющая много безстыдства и, по написанному въ Притчахъ, разливающаяся *якоже отъ кераста ядъ* (Притч. 23, 32), научающая мудрствовать противъ Спасителя, не есть ли то отступленіе, послѣ котораго откроется антихристъ, конечно, въ Констанціѣ имѣя своего предтечу? Иначе, для чего такъ неистовствуетъ онъ на благочестивыхъ? Для чего подвизается какбы за собственную свою ересь и непокаряющагося Аріеву безумію именуется собственнымъ своимъ врагомъ, а что́ говорятъ христорборцы, то принимаетъ съ удовольствіемъ, и безчеститъ великіе и многіе Соборы? Для чего церкви повелѣлъ передать аріанамъ? Не для того ли, чтобы антихристъ пришедши нашелъ возможность войти въ нихъ и похвалилъ Констанція, уготовавшаго ему мѣсто? Епископы старцы, поставленные Александромъ и прежде него бывшимъ Ахиллою и даже предшественникомъ Ахиллы Петромъ, изгнаны, а введены люди, которыхъ избирали сопро-

вождаемые воинами, и избирали, какъ давшихъ обѣщаніе одинаково съ ними мудрствовать.

78) Такое требованіе не трудно было для мелетіанъ; потому что бѣльшая часть изъ нихъ, а лучше сказать, всѣ небогочестивы по жизни, не знаютъ здравой вѣры во Христа и вообще того, что такое христіанство, или какія писанія имѣемъ у себя мы — христіане. Одни изъ нихъ прямо отъ идоловъ, другіе изъ сената и изъ первыхъ правительственныхъ мѣстъ, для этого жалкаго увольненія отъ службы, для людскаго покровительства, деньгами склонивъ на свою сторону давнихъ мелетіанъ, вступали въ епископскій санъ, прежде нежели были оглашены. Но если и почитали себя оглашенными, то какое оглашеніе у мелетіанъ? Впрочемъ и тѣ, которые не почитали себя оглашенными, приступали вмѣстѣ съ прочими, и тотчасъ, какъ дѣти, пріявъ имя, нарекаемы были епископами. И посему-то, какъ незнающіе христіанства, ни во что вмѣняли дѣло и не полагали различія между благочестіемъ и нечестіемъ; охотно и скоро изъ мелетіанъ сдѣлались аріанами; а если и другое что повелитъ Царь, — готовы измѣниться и въ это. Незнаніе благочестія скоро доводитъ ихъ до обычнаго имъ неблагоразумія, какому обучились изъ начала. Для нихъ ничего не значитъ влаться всякимъ вѣтромъ и волненіемъ, только бы не нести на себѣ гражданской службы и имѣть покровительство отъ людей. А можетъ быть, они и не перемѣняются, оставаясь такими-же, какими были и прежде, какими были, когда находились въ язычествѣ. Такіе-то люди, имѣя нравъ, ко всему склонный, думая, что Церковь есть тотъ-же сенатъ, помышляя еще объ идолахъ и пріявъ на себя прекрасное имя Спасителяво, какъ язычники, осквернили весь Египетъ, сдѣлавъ, чтобы и въ немъ именовалась ихъ аріанская ересь; потому что въ одномъ только Египтѣ повсюду была еще

свобода держаться православія. Посему и въ него злочестивые старались ввести зависть, лучше же сказать, не они, но подвижшій ихъ діаволъ, чтобы проповѣдникъ его, антихристъ, пришедши нашель, что церкви въ Египтѣ принадлежать уже ему, и мелетіане приглашены его ученіемъ, и потому узналъ, что уже вообразился онъ въ нихъ.

79) Таково незаконное повелѣніе, вышедшее отъ Констанція; въ народѣ же была готовность къ мученичеству, и лучше сказать — ненависть къ нечестивѣйшей ереси. Впрочемъ, вездѣ были плачь и стенаніе о церквахъ, всѣ вопіяли ко Господу: *пощади, Господи, люди Твоя, и не предаждь достоянія Твоего въ укоризну врагамъ Твоимъ* (Иоил. 2, 17), но ускори изъять насъ изъ руки незаконныхъ. Ибо вотъ не пощадили они рабовъ Твоихъ, предуготовляютъ же путь антихристу. Мелетіане никогда не воспротивятся ему, не позаботятся объ истинѣ и отречься отъ Христа не почтутъ для себя дѣломъ низкимъ. Это—люди, никогда не приступающіе къ Слову искренно, подобно хамелеону принимающіе на себя всякій видъ, сдѣлавшіеся наемниками имѣющихъ въ нихъ нужду. Они не истину имѣютъ цѣлю, но предпочитаютъ ей минутное удовольствіе, и говорятъ только: *да ямы и ніемъ, утрѣ бо умремъ* (Иса. 22, 13. 1 Кор. 15, 32). Таковы ихъ предположеніе и невѣрный нравъ, свойственные лицемѣрамъ эпикритіанамъ, а не мелетіанамъ. Но вѣрные рабы Спасителя и истинные епископы,—искренно увѣровавшіе, живущіе не для себя, а для Господа, соблюдая благочестную вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа и зная, какъ сказано прежде, что лживы предлоги, выставленные противъ истины, и явно выдуманы ради аріанской ереси (ибо изъ покаянія Урзаціева и Валентова увидѣли они, что на Аѳанасія сложена клевета съ намѣреніемъ искоренить его и ввести въ Церкви нечестіе христорцевъ),—

видя все это, какъ поборники и проповѣдники истины, рѣшились лучше—понести оскорбленія, идти въ заточеніе, и дѣйствительно потерпѣли это, но не согласились подписать Аѳанасіева осужденія и вступить въ общеніе съ аріанами. Не забыли они, чему научены, но всего паче знаютъ, что предателямъ—великое безчестіе, а исповѣдникамъ истины — небесное царство, что малодушнымъ и убоявшимся Констанція не будетъ ничего добраго, а претерпѣвшимъ здѣсь скорби, какъ пловцамъ послѣ бури тихая пристань, какъ борцамъ послѣ подвига вѣнецъ, будутъ на небесахъ великая и вѣчная радость и веселіе,—радость, какую имѣлъ Іосифъ послѣ понесенныхъ имъ скорбей, какую имѣлъ и великій Даніиль послѣ искушеній и многихъ навѣтовъ отъ царедворцевъ, какую имѣетъ нынѣ и Павелъ, увѣнчанный Спасителемъ, и какой ожидаютъ повсюду сущіе люди Божіи. Видя все это, не изнемогли они произволеніемъ, но паче укрѣплялись вѣрою, болѣе и болѣе возрастала ихъ ревность; удостовѣрившись въ клеветѣ и нечестіи еретиковъ, осуждаютъ они гонителя, гонимымъ же содѣйствуютъ и рѣшимостію и единомысліемъ, чтобы и имъ самимъ получить вѣнецъ исповѣдничества.

80) Многое могъ бы сказать иной противъ этой скверной и христорборной ереси; и во многихъ поступкахъ Констанція онъ могъ бы указать предуготовленіе антихриста; но поелику, какъ сказалъ Пророкъ, *отъ ногъ даже до главы* (Иса. 1, 6) нѣтъ въ ереси ничего твердаго, все же исполнено нечистоты и всякаго нечестія, и по одному слуху должно бѣжать отъ нея, какъ отъ изверженій псовъ и отъ зміинаго яда, между тѣмъ какъ Костиллій явно представляетъ образъ противника (2 Тессал. 2, 4); то, чтобы не продолилось слово, прекрасно будетъ удовольствоваться Божественнымъ Писаніемъ и всякому изъ насъ послушаться того, что оно заповѣдуетъ и въ-разсужде-

ни и иныхъ ересей, а наипаче въ разсужденіи этой ереси. Заповѣдь же его такова: *отступите, отступите, изыдите отсюда, и нечистотъ не прикасайтесь, изыдите изъ среды ихъ, и отлучитесь носящии сосуды Господни* (Иса. 52, 11). Этого достаточно къ наученію всѣхъ, чтобы, если и обольщенъ кто ими, изшедши какъ изъ Содома, не обращался къ нимъ болѣе, и не потерпѣлъ того-же, что и жена Лотова. Если же кто отъ-начала пребылъ чистымъ отъ этой нечестивой ереси, то да хвалится о Христѣ, говоря: *не воздѣхомъ руки наша къ Богу чуждому* (Псал. 43, 21), не поклонялись дѣламъ рукъ нашихъ, и не служили твари паче Тебя, Боже, создавшаго всяческая Словомъ Твоимъ, едиnorodнымъ Сыномъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. О Немъ Тебѣ Отцу съ самимъ Словомъ въ Духѣ Святомъ слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Показаніе второе.

81) Всѣ вѣрные вселенской въ Александріи Церкви, правой достопочтеннѣйшимъ Епископомъ Аѳанасіемъ, чрезъ подписавшихся ниже сего всѣмъ міромъ показываютъ слѣдующее:

Дѣлали мы уже показаніе о томъ ночномъ нашествіи, какому подверглись мы и храмъ Господень, хотя и не было нужды въ показаніи о томъ, что зналъ и знаетъ цѣлый городъ; потому что найденныя тѣла убитыхъ лежали для всѣхъ открыто, и въ храмѣ Господнемъ оружія и луки вопіяли о совершенномъ тамъ беззаконіи. Поелику же и послѣ показанія свѣтлѣйшій дукъ Сирианъ принуждаетъ всѣхъ говорить согласно съ нимъ, будто бы и смятенія не было, и никто не умеръ, это же даетъ не маловажный поводъ къ подозрѣнію, что сдѣлано это противъ воли челоувѣколюбивѣйшаго Августа Констанція (ибо Сирианъ не сталъ бы бояться того, что сдѣлано, если бы сдѣ-

лалъ это по приказанію; но онъ,—когда пришли мы къ нему и стали просить, чтобы не дѣлалъ никому принужденія и не отрицалъ бывшаго,—велѣлъ насъ, не смотря на то, что мы христіане, бить палками, доказывая тѣмъ самымъ, что ночью была воздвигнута брань на Церковь): то по сей самой причинѣ и теперь даемъ это показаніе, когда уже нѣкоторые изъ насъ готовы отправиться къ благочестивѣйшему Августу. Вседержителемъ же Богомъ о спасеніи благочестивѣйшаго Августа Констанція закликаемъ египетскаго епарха Максима и присмотрщиковъ донести о всемъ благочестію Августову и власти свѣтлѣйшихъ епарховъ. Заклинаемъ и всѣхъ кораблехозяевъ провозвѣстить это повсюду и довести до слуха благочестивѣйшаго Августа и до епарховъ, и до мѣстныхъ судей, чтобы извѣстною содѣлалась брань воздвигнутая на Церковь, и также извѣстно было и то, что, во времена Августа Констанція, Сиріанъ и дѣвъ и многихъ другихъ заставилъ пріять мученичество. Ибо на разсвѣтѣ пятаго дня февральскихъ идовъ, то есть въ четырнадцатый день мѣсяца Мехира, когда были мы на бдѣни во храмѣ и совершали молитвы,—потому что въ пятницу надлежало быть службѣ,—вдругъ около полночи пришелъ къ намъ въ церковь свѣтлѣйшій дукъ Сиріанъ со многими легионами воиновъ, у которыхъ были оружія, обнаженные мечи, стрѣлы и иные воинскіе снаряды, и шлемы на головахъ. И дѣйствительно, когда молились мы и было у насъ чтеніе,—разбили они двери; а какъ - скоро усиленіемъ множества были двери отворены,—Сиріанъ отдалъ приказаніе: и одни стали стрѣлять; другіе восклицали; произошелъ стукъ оружіемъ; засверкали мечи при свѣтѣ свѣтильниковъ. А вслѣдъ уже за этимъ убиваемы были дѣвы; многія потоптаны, падая другъ на друга, при наступленіи на нихъ воиновъ; раненые стрѣлами, мушкеты умирали. Нѣкоторые изъ воиновъ обратились къ грабежу, сры-

вали покрывала съ дѣвъ, при чемъ страхъ, при одномъ прикосновеніи къ нѣкоторымъ воинамъ, былъ для нихъ тяжелѣе смерти. Епископъ сидѣлъ на престолѣ своемъ, увѣщавая всѣхъ молиться; а Дукъ распоряжался войскомъ, имѣя при себѣ письмоводца Иларія, много участвовавшего въ этомъ, какъ показаль и конецъ. Влекомый Епископъ едва не растерзанъ на части. Доведенный до великаго изнеможенія и полумертвый, не знаемо гдѣ, скрылся у нихъ изъ вида, а они старались убить его. Когда увидѣли многихъ умершихъ,—велѣли воинамъ спрятать тѣла скончавшихся; святыя дѣвы, оставшіяся мертвыми, погребены въ гробницахъ, стяжавъ ту похвалу, что, во времена благочестивѣйшаго Констанція, содѣлались мученицами. Діаконы были биты и заключаемы въ самомъ храмѣ. Но дѣло и этимъ не кончилось. По совершеніи всего этого, разбивая двери, гдѣ только могъ Сиріанъ, отворялъ ихъ, обыскивалъ и похищаль, чтѣ было внутри. Входили и въ такія мѣста, въ которыя не всѣмъ христіанамъ дозволенъ входъ. Это знаетъ и градскій военачальникъ Горгоній, потому что былъ тамъ. Не малымъ обличеніемъ такого вражескаго нашествія служитъ то, что въ храмѣ послѣ вошедшихъ остались оружія, стрѣлы, мечи, которые донинѣ висѣли въ церкви, чтобы не возможно было отречься. Сиріанъ неоднократно присылалъ изъ отряда Динамія и военачальника, желая взять ихъ; но до времени не позволяли мы сего, чтобы дѣло всѣмъ стало извѣстно.—Посему, ежели есть приказаніе воздвигнуть на насъ гоненіе, то всѣ мы готовы стать мучениками. Если же нѣтъ приказанія отъ Августа, то египетскаго епарха Максима и всѣхъ, участвующихъ въ правленіи, просимъ умолить Царя, чтобы не было уже предпринимаемо ничего подобнаго; просимъ довести до него и сію нашу просьбу, пусть и не думаютъ ввести сюда другаго какого-либо епископа. Даже до смерти ста-

немъ въ своемъ желаніи—имѣть епископомъ достопо-
чтеннѣйшаго Аѳанасія, котораго изъ-начала далъ намъ
Богъ, по преданію Отцевъ нашихъ. И самъ благоче-
стивѣйшій Августъ Констанцій его прислалъ къ намъ
съ посланіями и клятвами; увѣрены же, что, если
узнаетъ его благочестіе, то вознегодуетъ на проис-
шедшее, и ничего не сдѣлаетъ вопреки даннымъ клят-
вамъ, но опять повелитъ Епископу нашему Аѳанасію
оставаться съ нами.

Во время избранія консуловъ, послѣ консульства
свѣтлѣйшихъ Арбеѳіона и Колліана, въ семнадцатый
день Мехира, то-есть въ первый день февральскихъ
идовъ.

16.

На Аріанъ слово первое.

1) Извѣстны тѣ ереси, которыя съ умышленнымъ
своимъ неистовствомъ отступили отъ истины; и ихъ
нечестіе давно стало всѣмъ явно. Ибо само собою
видно, что изобрѣтатели сего *изыдоша отъ насъ*,
какъ написалъ блаженный Іоаннъ (1 Іоан. 2, 19);
потому что по мудрованію своему не къ намъ тако-
вые принадлежали и теперь не съ нами. Почему,
какъ сказалъ Спаситель, не собирая съ нами, *рассто-
чаютъ* съ діаволомъ (Лук. 11, 23), подстерегая усы-
пленныхъ, чтобы, всѣявъ въ нихъ губельный ядъ
свой, не однимъ, но съ ними вмѣстѣ, подвергнуться
смерти. И одна изъ этихъ ересей, именно послѣдняя,
явившаяся нынѣ предтечею антихриста и называемая
аріанскою, какъ коварная и хитрая, примѣчая, что
старшія сестры ея, то-есть другія ереси, преданы яв-
ному позору, лицемѣрять, подобно отцу своему діа-
волу, прикрываясь изреченіями Писанія, и снова уси-
ливается войти въ рай Церкви, чтобы, притворясь

вѣрною христіанству, такъ - какъ ничто въ ней не имѣетъ твердаго основанія, правдоподобіемъ своихъ лжеумствованій обольтивъ нѣкоторыхъ, заставитъ тѣмъ мудрствовать противное Христу. Она ввела уже въ заблужденіе иныхъ безразсудныхъ, которые не только растлились слухомъ, но, по примѣру Евы, взяли и вкусили, и, наконецъ, въ невѣдѣніи своемъ почитаютъ горькое сладкимъ, и мерзкую ересь называютъ прекрасною. Посему-то, убѣжденный къ этому вами, почитаю необходимымъ раскрыть изгибы въ груди этой гнусной ереси и показать зловоніе ея безразсудства, чтобы и находящіеся еще далекими отъ нея бѣжали уже ея, а обольщенные ею раскаялись и съ отверстыми очами сердца уразумѣли, что, какъ тьма—не свѣтъ, и ложь—не истина, такъ и аріанская ересь—не добро; напротивъ же того, называющіе аріанъ христіанами находятся въ великомъ и крайнемъ заблужденіи, какъ не читавшіе Писаній и вовсе не знающіе христіанства и христіанской вѣры.

2) Какое же примѣтивъ сходство въ ереси съ благочестивою вѣрою, суесловятъ, будто бы еретики не утверждаютъ ничего худаго? Поистинѣ, это значитъ тоже, что и Каіафу называть христіаниномъ, Іуду предателя соприслать еще къ Апостоламъ, утверждать, что вмѣсто Спасителя испросившіе Варавву не сдѣлали ничего худаго, доказывать, что Именей и Александръ—люди благомыслящіе, и Апостоль лжетъ на нихъ. Но христіанинъ не можетъ выслушать этого терпѣливо; и кто отваживается говорить это, о томъ никто не предположитъ, что въ здоровомъ онъ умѣ. Вмѣсто Христа у нихъ Аріій, какъ у манихеевъ Манихей, а вмѣсто Моисея и другихъ святыхъ отыскиваются у нихъ какой-то осмѣиваемый и язычниками Сотадъ и дочь Иродіадина. Ибо нетвердому и изнѣженному складу рѣчи одного подражаетъ Аріій, пища Талии, а съ другою состязуется въ плясаніи, выпля-

сывая и выигрывая свои хулы на Спасителя; отчего, впадающіе въ ересь его развращаются умомъ и безразсудствуютъ, имя Господа славы измѣняютъ *въ подобіе образа тлѣнна чловѣка* (Римл. 1, 23), и вмѣсто христіанъ именуются уже аріанами, что и служитъ признакомъ нечестія.

Да не вымышляютъ себѣ извиненій, и порицаемые да не лгутъ на тѣхъ, которые не подобны имъ, называя и христіанъ также по имени учителей, чтобы заставить думать, будто бы и сами христіане такъ себя именуютъ. Да не отдѣлываются шутками, когда стыдятъ ихъ поноснымъ ихъ именемъ. Если же дѣйствительно стыдятся, то пусть скроются или оставятъ свое злочестіе. Вѣрные никогда еще не принимали наименованія отъ своихъ епископовъ, но именовались отъ Господа, въ Котораго и вѣруемъ. Блаженные Апостолы были нашими учителями, и они послужили евангелію Спасителя; но не отъ нихъ получили мы себѣ именованіе, а отъ Христа мы христіане и христіанами называемся. Которые же начало мнимой своей вѣры ведутъ отъ другихъ, тѣ справедливо, какъ ихъ твореніе, отъ нихъ заимствуютъ себѣ и наименованіе.

3) И подлинно, когда всѣ мы отъ Христа и были и именовались христіанами, — изверженъ былъ въ древности Маркіонъ, изобрѣтшій ересь; между тѣмъ, оставшіеся съ извергшимъ его удержали имя христіанъ, а послѣдовавшіе Маркіону стали уже называться не христіанами, но маркіонитами. Такъ и Валентинъ, Василидъ, Манихей, Симонъ волхвъ передали имя свое послѣдователямъ, и одни именуются валентиніанами, другіе василидіанами, третьи манихеями, послѣдніе симоніанами, иные же отъ Фригія катафригами и отъ Новата новаціанами. Также и Мелетій, изверженный Епископомъ и мученикомъ Петромъ, назвалъ своихъ уже не христіанами, но

мелетіанами. Такъ, когда и блаженной памяти Александръ изринулъ Арія, оставшіеся съ Александромъ удержали за собою именованіе христіанъ, а согласившіеся съ Аріемъ имя Спасителя предоставили намъ единомысленнымъ съ Александромъ, сами же стали уже называться аріанами. Вотъ, и по смерти Александра, состоящіе въ общеніи съ преемникомъ его Аѳанасіемъ, и тѣ, съ которыми въ общеніи самъ Аѳанасій, тотъ-же соблюдаютъ уставъ; и какъ никто изъ нихъ не носитъ имени Аѳанасіева, такъ и Аѳанасій не отъ нихъ заимствуетъ себѣ имя, но всѣ опять по обычаю именуются христіанами. Хотя имѣемъ у себя преемниковъ учителямъ и ихъ дѣлаемъ учениками; однакоже, поелику преподають они намъ Христово ученіе, то тѣмъ не менѣе и остаемся, и называемся христіанами. Послѣдователи же еретиковъ, хотя у нихъ тысячи преемниковъ, непремѣнно носятъ на себѣ имя изобрѣтшаго ересь. Такъ, и по смерти Арія, хотя многіе изъ его учениковъ стали его преемниками, однакоже, держащіеся Аріевыхъ мыслей, отъ Арія заимствуя свою извѣстность, называются аріанами. И вотъ достойное удивленія доказательство этому: и нынѣ язычники, вступающіе въ Церковь, оставляя языческое суевѣріе, получаютъ себѣ именованіе не отъ имени тѣхъ, кто оглашаетъ ихъ, но отъ имени Спасителя, и вмѣсто язычниковъ начинаютъ называться христіанами; отходящіе же къ аріанамъ, даже и тѣ, которые изъ Церкви переходятъ въ ересь, оставляютъ имя Христово и называются уже аріанами, какъ не содержащіе Христовой вѣры, но содѣлавшіеся наслѣдниками Аріева безумія.

4) Посему, какъ могутъ быть христіанами тѣ, которые — не христіане, но аріане? Или, почему будутъ принадлежать ко вселенской Церкви тѣ, которые отринули Апостольскую вѣру и стали изобрѣтателями новыхъ золь? Они оставили слова Божественныхъ

Писаній, и Аріевы Талии называютъ новою мудростію, въ чемъ и справедливы, потому что возвѣщаютъ новую ересь. Почему, иной подивится, что, — когда многими написано много сочиненій и великое число бесѣдъ на Ветхій и Новый Завѣтъ, и ни у кого изъ нихъ не отыскивается Талии, даже не найдешь ея и у степенныхъ изъ язычниковъ, а развѣ только что-либо подобное съ рукоплесканіями и шутками поется у нихъ среди попоекъ, во время забавъ, для возбужденія смѣха въ другихъ, — чудный Арій, не избравъ для подражанія что-либо честное, даже не зная, что дѣлали степенные изъ язычниковъ, когда весьма многое выкралъ изъ другихъ ересей, въ этомъ поревновалъ смѣхотворству одного Сотата. Да и что ему, когда пожелалъ издѣваться надъ Спасителемъ, приличнѣе было дѣлать, какъ не этими небрежными и вольными стихами выражать жалкія мудрованія своего злочестія?

Какъ по исходу слова, говоритъ Премудрость, познанъ будетъ мужъ (Притч. 29, 20); такъ и по этимъ Аріевымъ произведеніямъ познается разслабленіе души и растлѣніе ума въ писавшемъ. И хотя, подобно змію, туда и сюда извращается этотъ коварный; однакоже, не могъ скрыть, что впалъ онъ въ оболъщеніе фарисейское. Ибо какъ тѣ, желая пребывать въ беззаконіи, показывали наружно, что изучаютъ словеса Закона, и желая отречься отъ ожиданнаго и пришедшаго Господа, лицемѣрно называли Его Богомъ, и сами себя обличали, говоря хульно: почему *Ты человекъ сынъ, твориши себе Бога*, и говоришь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30. 33)? Такъ и этотъ, самозванный учитель и Сотатовъ подражатель, Арій, хотя притворяется, что разсуждаетъ о Богѣ, и приводитъ изреченія изъ Писаній; однакоже, во всемъ обличаетъ себя, что онъ Арій безбожникъ, отрицающій Сына и причисляющій Его къ тварямъ.

5) Вотъ начало Аріевой Таліи и Аріева пустословія, женоподобное и по складу рѣчи, и по размѣру стиха. „Отъ избранныхъ Божіихъ по вѣрѣ, богоразумныхъ, святыхъ чадъ, правомѣрныхъ, пріявшихъ Святаго Божія Духа, причастниковъ премудрости, мужей образованныхъ, богоучимыхъ и во всемъ премудрыхъ научился я сему. По ихъ единомысленно шествуя слѣдамъ, пришелъ я, оглашаемый всюду, много пострадавшій за Божію славу, и отъ Бога научившись мудрости, увѣдалъ я вѣдѣніе“. Отвратительныя же и исполненныя злочестія ругательства, провозглашаемая имъ въ Таліи, таковы: „Богъ не всегда былъ Отцемъ; но было, когда одинъ былъ только Богъ и не было еще Отца; впослѣдствіи же содѣлался Онъ Отцемъ. Не всегда былъ Сынъ. Поелику все произошло изъ ничего, и все происшедшее есть тварь и произведеніе; то и самое Божіе Слово произошло изъ не-сущаго; и было, когда не было Слова; Его не было, пока не произошло; и Оно имѣло начало созданія. Одинъ былъ Богъ, говоритъ Арій, и не было еще Слова и Премудрости. Потомъ, восхотѣвъ создать насъ, сотворилъ Единаго нѣкоего и наименовалъ Его Словомъ, Премудростію и Сыномъ, чтобы посредствомъ Его создать насъ“. Посему, говоритъ, что „двѣ есть премудрости: одна собственная и соприсущая Богу; Сынъ же рожденъ сею премудростію, и какъ участникъ ея, наименованъ только Премудростію и Словомъ. Ибо Премудрость, говоритъ онъ, отъ премудрости пріяла бытіе по волѣ премудраго Бога“. Подобно этому утверждаетъ, что „въ Богѣ есть другое слово кромѣ Сына, и Сынъ, какъ участникъ онаго, наименованъ опять по благодати Словомъ и самымъ Сыномъ“. Ихъ же ереси свойственно и это мудрованіе, выраженное въ ихъ другихъ сочиненіяхъ, а именно, что „много есть силъ, и какъ одна по естеству собственно есть Божія и вѣчная сила; такъ Христосъ опять—не истинная Бо-

жія сила, но и Онъ есть одна изъ нарицаемыхъ силъ, между которыми и *прузи* и *гусеницы* называются не только силою, но и силою *великою* (Юил. 2, 25). Есть же много и другихъ силъ, подобныхъ Сыну, о которыхъ воспѣваетъ Давидъ, говоря: *Господь силъ* (Псал. 23, 10). И подобно всѣмъ онымъ силамъ, и само Слово по естеству измѣняемо, по собственной же свободѣ, пока хочетъ, пребываетъ совершеннымъ; а когда восхочетъ, — можетъ измѣниться, потому что Оно, какъ и мы, измѣняемаго естества. Посему, говоритъ Аріѳ, Богъ предувѣдавъ, что Слово будетъ совершеннымъ, предварительно даровалъ Ему сію славу, какую человѣкъ сталъ имѣть впоследствии за добродѣтель; почему, за дѣла Его, которыя предувѣдалъ Богъ, сотворилъ, что таковымъ стало Оно нынѣ“.

6) Еще же дерзнулъ сказать онъ, что „Слово—не истинный Богъ; а если и скажется Богомъ, то не истиннымъ, а по причастію благодати; какъ всѣ иные, такъ и Оно по имени только скажется Богомъ. И какъ всѣ чужды и неподобны Богу по сущности; такъ и Слово чуждо Отчихъ свойствъ, и по всему неподобно Отчей сущности, состоитъ же въ свойствѣ съ вещами, получившими бытіе, и съ тварями, и есть одна изъ нихъ“. Сверхъ же этого, содѣлавшись преемникомъ діаволовой дерзости, Аріѳ написалъ въ своей Таліи, что „Отецъ невидимъ Сыну, и что Слово не можетъ совершенно и въ-точности видѣть и познавать Своего Отца; а что познаетъ и видитъ, то знаетъ и видитъ соотвѣтственно мѣрамъ Своимъ, какъ и мы познаемъ по мѣрѣ силъ своихъ. Ибо и Сынъ, говоритъ Аріѳ, не только не познаетъ Отца въ-точности (недостаетъ у Него и силъ постигнуть сіе), но и Своей сущности не знаетъ самъ Сынъ“. И еще говоритъ Аріѳ, что „раздѣльны по естеству, разобщены, разлучены, чужды и непричастны одна другой сущности

Отца, Сына и Святаго Духа, и, какъ самъ онъ выразился, до безконечности во всемъ несходны между собою по сущностямъ и по славамъ; по крайней мѣрѣ, Слово, говоритъ онъ, что касается до подобія славы и сущности, совершенно чуждо тому и другому, и Отцу и Духу Святому“. Такими словами выражался нечестивый, и утверждалъ, что „Сынъ существуетъ отдѣльно самъ по себѣ и совершенно непричастенъ Отцу“. И это часть только Аріевыхъ басенъ, заключающихся въ смѣшномъ его сочиненіи.

7) Кто же, выслушавъ подобныя рѣчи и такой напѣвъ Таліи, по справедливости не возненавидитъ Арія, который, какъ на зрѣлищѣ, шуточно судитъ о такихъ предметахъ? Кто не усмотритъ, что для вида только именуется онъ Бога, и разсуждаетъ о Богѣ, какъ змій, подающій совѣтъ женѣ? Кто, читая и продолженіе Таліи, не увидитъ его нечестія, какъ впоследствии стало видно заблужденіе, въ какое ухищренный змій вводилъ жену? Кого не приведутъ въ изумленіе такія хулы? *Ужасеся небо*, какъ говоритъ Пророкъ, и земля *вострепета* (Іер. 2, 12) отъ преступленія Закона; а еще болѣе солнце, негодуя и не терпя тогда тѣлесно наносимыхъ общему всѣхъ Владыкѣ оскорбленій, которыя добровольно понесъ Онъ ради насъ, отвратилось и, удержавъ лучи свои, произвело тотъ, неозаренный солнцемъ, день. Отъ Аріевыхъ же хуленій не будетъ ли поражено онѣмѣніемъ все естество человѣческое, не заградитъ ли слуха, не смежитъ ли очей, чтобы прійти въ невозможность и слышать что-либо подобное и видѣть написавшаго это? Самъ же Господь не тѣмъ ли паче справедливо возопіетъ на сихъ, какъ на злочестивыхъ и вмѣстѣ неблагодарныхъ, что предрекъ Онъ чрезъ Пророка Осію: *горе имъ, яко отскочиша отъ Мене: боязливи суть, яко нечествоваша ко Мнѣ: Азъ же избавихъ я, сіи же возглаголаша на Мя ляжу* (Осіи 7, 13); и нѣ-

сколько ниже: *И на Мя помыслиша злая. Совратившася ни во чтоже* (15. 16)? Отвратившись отъ сущаго Божія Слова и измысливъ себѣ слово не-сущее, ниспали они въ ничто.

Посему-то и вселенскій Соборъ говорящаго это Арія изринулъ изъ Церкви и, не терпя злочестія, предалъ анаѳемѣ, и Аріево заблужденіе признано уже ересію, заключающею въ себѣ нѣчто большее иныхъ ересей; потому и христорборнымъ оно названо, и признано предтечею антихриста. И хотя, какъ говорилъ я и прежде, такой судъ, произнесенный на злочестивую ересь, всего болѣе достаточенъ убѣдить всякаго, чтобы бѣжалъ отъ нея; однакоже, поелику нѣкоторые изъ именуемыхъ христіанами, или по невѣдѣнію, или лицемѣрію, какъ говорено уже прежде, признають ересь безразличною въ отношеніи къ истинѣ, и мудрствующихъ такъ называютъ христіанами; то, допросивъ ихъ, откроемъ, сколько можемъ, коварство ереси, чтобы, хотя этимъ остановленные, заградили они себѣ уста и бѣжали отъ ереси, какъ отъ лица зміина.

8) Если на томъ основаніи, что въ Таліи выписаны нѣкоторыя изреченія Божественнаго Писанія, и хулы ея почитаютъ благохваленіями; то, конечно, увидѣвъ нынѣшнихъ іудеевъ, читающихъ Законъ и Пророковъ, отрекутся съ ними отъ Христа, а можетъ быть, услышавъ манихеевъ, произносящихъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелій, отрекутся съ ними и отъ Закона и Пророковъ. Если же такъ волнуются и пустословятъ по невѣдѣнію, то пусть узнають изъ Писаній, что измыслившій ереси діаволь, по причинѣ смрада собственной его злобы, употребляетъ изреченія Писанія, чтобы, подъ покровомъ ихъ всѣявъ ядъ свой, обольститъ простодушныхъ. Такъ обольстилъ онъ Еву. Такъ произвелъ и другія ереси. Такъ и нынѣ убѣдилъ Арія притворствовать и говорить, повидимому, противъ

ересей, чтобы непримѣтно посѣвать въ умахъ собственную свою ересь.

Но и такимъ образомъ не утаился этотъ коварный. За свое нечестивое ученіе о Божіемъ Словѣ скоро утратилъ всякое довѣріе, и ясно всѣмъ стало, что несвѣдущъ онъ и въ другихъ догматахъ, и только притворяется, ни о чемъ же не разсуждаетъ вѣрно. Ибо можетъ ли истинно учить объ Отцѣ, кто отрицаетъ Сына, преподавашаго откровенное ученіе объ Отцѣ? Или, можетъ ли право мудрствовать о Духѣ, кто хулитъ Слово, подателя Духа? Кто повѣритъ ему, разсуждающему о воскресеніи, когда отрицаетъ Христа, для насъ содѣлавшагося *перворожденнымъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18)? Возможно ли, чтобы, совершенно не познавъ преискренняго и истиннаго рожденія Сына отъ Отца, не имѣлъ онъ погрѣшительной мысли и о пришествіи Сына во плоти? Такъ и тогдашніе іудеи, отрекшись отъ Слова и говоря: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15), вдругъ лишены были всего, и остались безъ свѣтильника свѣта, безъ вони мура, безъ вѣдѣнія пророчества, безъ самой истины; и нынѣ, ничего не разумѣя, ходятъ какъ во тьмѣ.

Кто слышалъ когда что-либо подобное? Или откуда, или отъ кого слышали это подкупленные и льстивые защитники ереси? Кто, преподавая огласительное ученіе, говорилъ имъ подобное сему? Кто сказалъ имъ, что, оставивъ служеніе твари, опять приступаете вы служить твари и произведенію? Если же сами сознаются, что въ первый разъ слышали теперь это, то пусть не отрицаютъ, что ересь эта—чужда намъ и не отъ Отцевъ заимствована. Не отъ Отцевъ же заимствованное, а нынѣ только изобрѣтенное можетъ ли быть чѣмъ инымъ, а не тѣмъ, о чемъ предсказалъ блаженный Павелъ: *въ послѣдняя времена отступятъ нѣщцы отъ здравыя вѣры, внемлюще духовомъ лест-*

чимъ и ученіемъ бжсовскимъ, въ лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженыхъ своею совѣстію (1 Тим. 4, 1. 2), и отвергающихся отъ истины (Тит. 1, 14).

9) Вотъ съ дерзновеніемъ изъ Божественныхъ Писаній предлагаемъ о благочестивой вѣрѣ, и какбы на свѣщникѣ поставляемъ свѣтильникъ, говоря: истинный по естеству и преискренній Отчій Сынъ, собственно принадлежащій Отчей сущности, едиnorodная Премудрость, истинное и единственное Божіе Слово есть Онъ; не тварь, не произведеніе, но собственное рожденіе Отчей сущности. Посему, Онъ истинный Богъ, какъ единосущный истинному Отцу. Всѣ же прочіе, какъ сказалъ: *Азъ рѣхъ, бози есте* (Псал. 81, 6), имѣють эту благодать отъ Отца только по причастію Слова чрезъ Духа; потому что Онъ есть образъ впостази Отчей (Евр. 1, 3), свѣтъ отъ свѣта, сила и истинный образъ Отчей сущности. Это сказалъ также и Господь: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). Всегда Онъ былъ и есть, и не было, когда не былъ. Какъ вѣченъ Отецъ, такъ вѣчно Его Слово, или вѣчна Его Премудрость.

Что же представляютъ они намъ изъ этой достойной всякаго осужденія Талїи? Или пусть сперва прочтуть ее, подражая обычаю написавшаго, чтобы хотя насмѣшки другихъ вразумили ихъ, какъ глубоко они пали; и тогда уже пусть говорятъ. Но что же могутъ сказать изъ нея? Не это ли одно? „Богъ не всегда былъ Отцемъ, но сталъ Имъ в послѣдствїи; не всегда былъ Сынъ, Его не было, пока не рожденъ. Онъ не отъ Отца, но произошелъ изъ не-сущаго, не собственно принадлежитъ Отчей сущности, потому что есть тварь и произведеніе. Христось — не истинный Богъ, но и Онъ обоженъ по причастію. Сынъ не знаетъ въ-точности Отца, Слово не видитъ Отца совершенно, Слово не разумѣетъ и не познаетъ Отца въ-точности. Христось — не истинное и единственное

Отчее Слово, но по имени только нарицается Словомъ и Премудростію, и по благодати сказуется Сыномъ и силою. Онъ не неизмѣняемъ, какъ Отець, но измѣняемъ по естеству, какъ и твари, не имѣетъ достаточной пріемлемости для совершеннаго вѣдѣнія Отца“. Странная подлинно ересь, не имѣющая въ себѣ ничего правдоподобнаго, и Сущаго представляющая не-сущимъ, и вмѣсто благохваленій изрыгающая одну хулу!

Если вникнувшаго въ сказанное тѣми и другими спросятъ,—то какую изберетъ онъ вѣру, или чьи рѣчи назоветъ приличествующими Богу? Лучше же, пусть скажутъ потворствующіе нечестію, что прилично отвѣчать спрошенному о Богѣ (потому что *Богъ бѣ Слово*)? Ибо изъ сего сдѣлается извѣстнымъ все достоинство того и другаго изъ предложенныхъ ученій. Что же прилично сказать? *Быль, или не быль; всегда, или пока не получилъ бытія; вѣчно, или съ той поры, и послѣ того, какъ; истинно, или по усвоенію, по причастію и по примышленію*? Назвать ли Слово единымъ изъ сотворенныхъ, или соединить его со Отцемъ? Что утверждать,—то ли, что по сущности не подобно Отцу, или то, что подобно и собственно есть Отчее Слово? То ли, что Оно тварь, или то, что твари Имъ получили бытіе? То ли, что Оно есть Отчее Слово, или то, что кромѣ Его есть другое слово, и отъ этого-то другаго слова и отъ другой премудрости произошло и Оно, и по имени только наречено Премудростію и Словомъ, содѣлалось причастникомъ первой той премудрости, и послѣ нея занимаетъ второе мѣсто?

10) Въ чьихъ реченіяхъ заключается богословіе и доказывается, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть Богъ и Сынъ Отца? Въ тѣхъ ли, которыя изблевали вы, или въ тѣхъ, которыя мы привели и предлагаемъ изъ Писаній? Если Спаситель—не Богъ,

не Слово, не Сынъ; то пусть, какъ язычникамъ, а нынѣ іудеямъ, такъ и вамъ дозволено будетъ говорить все, что угодно. Если же Онъ—Отчее Слово и истинный Сынъ и Богъ отъ Бога, *и надъ всеми благословенъ во вѣки* (Римл. 9, 5); то инья реченія и Аріева Талія, какъ образецъ худаго и какъ исполненная всякаго нечестія, не того ли стоятъ, чтобы уничтожить ихъ и изгладить? Кому и попадаетъ въ руки эта Талія, тотъ *не вѣсть, яко земнороднии у нея погибають, и во днь ада обрѣтаются* (Притч. 9, 18).

И это знаютъ сами они, но скрываютъ, какъ коварные, не осмѣливаясь выговорить этого, говорятъ же вмѣсто этого другое. Ибо если скажутъ, то будутъ осуждены. Если возбуждать къ себѣ подозрѣніе, то отъ всѣхъ будутъ замечаны обличеніями изъ Писаній. Поэтому, какъ сыны вѣка сего, съ коварствомъ возжигая мнимый свѣтильникъ свой, наполненный елеемъ дикой маслины, и боясь, чтобы не погасъ онъ скоро (ибо сказано: *свѣтъ нечестивыхъ угасаетъ* — Іов. 18, 5), скрываютъ его подъ спудомъ лицемѣрія и говорятъ иное, или обѣщаютъ представительство друзей, или устрашаютъ Констанціемъ, чтобы вступающіе въ ихъ общество подъ лицемѣріемъ и обѣщаніями не видѣли сквернъ ереси. И поэтому опять не достойна ли ненависти эта ересь, когда она, какъ лишенная всякаго дерзновенія, даже и своими утаевается и согрѣвается ими, какъ змія?

Откуда набрали они себѣ этихъ реченій? Или, отъ кого заимствовавъ, осмѣлились говорить подобныя вещи? Не могутъ сказать, чтобы сообщилъ имъ это какой-нибудь человѣкъ. Кто изъ людей, эллинъ или варваръ, осмѣлился сказать объ исповѣдуемомъ имъ Богѣ, что Онъ — одна изъ тварей, и не былъ, пока не сотворенъ? Или, кто тому Богу, въ Котораго увѣровалъ, не повѣритъ, когда говоритъ Онъ: *Сей*

есть Сынъ Мой возлюбленный (Матѣ. 3, 17), и станутъ утверждать: Онъ — не Сынъ, а тварь? Скорѣе же, вознегодуютъ всѣ на произносящихъ такія безумныя рѣчи. Но и въ Писаніяхъ не имѣютъ къ тому предлоговъ. Многократно уже было и теперь будетъ еще доказано, что чуждо это Божіимъ словамъ.

Итакъ, поелику остается уже сказать, что, у діавола заимствовавъ это, обезумѣли они; потому что онъ—единственный сѣятель такихъ ученій: то противостанемъ ему; потому что съ нимъ у насъ борьба въ лицѣ этихъ еретиковъ; — противостанемъ, чтобы, когда, при Господней помощи, діаволъ пораженъ будетъ обличеніями, и еретики устыдились, видя приведеннымъ въ затрудненіе посѣявшаго въ нихъ ересь, и хотя поздно узнали, что, будучи аріанами, они уже не хрістіане.

11) Вы сказали, какъ внушено вамъ діаволомъ, и думаете, что было, когда не было Сына. Ибо прежде всего должно совлечь съ васъ этотъ покровъ вашего вымысленія. Скажите же вы, хульники и злочестивцы: что было, когда не было Сына? Если наменуете Отца; то вящшая ваша хула. Ибо, непозволительно сказать, что былъ Онъ нѣкогда, или этимъ *нѣкогда* означить и Его. Онъ всегда есть, Онъ есть и нынѣ, Онъ есть и при бытіи Сына, Онъ есть Сый и Отецъ Сына. Если же скажете, что Сынъ былъ и въ это *нѣкогда*, когда Его не было; то отвѣтъ неразуменъ и безсмысленъ. Ибо какимъ образомъ и былъ Онъ, и не былъ? Почему, чтобы выйти изъ этого затрудненія, необходимо уже вамъ сказать: было нѣкогда время, когда не было Слова. Ибо въ существѣ дѣла это означаетъ и самое ваше нарѣчіе: *нѣкогда*. А что еще сказали вы, написавъ: не было Сына, пока не рожденъ,—это то же значить, что и сказанное вами: было нѣкогда, когда Его не было. Ибо и первое и

послѣднее изреченіе означаетъ, что было время прежде Слова.

Гдѣ же вами отыскано это? *Вскую* и вы, какъ *языцы*, восшатались и поучаетесь *тщетнымъ* поговоркамъ *на Господа и на Христа Его* (Псал. 2, 1)? Ни-одно изъ Святыхъ Писаній не сказало о Спасителѣ ничего подобнаго, всего же болѣе употребляетъ реченія: *всегда, вѣчно, всегда пребываетъ со Отцемъ*. Ибо сказано: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1); и въ Апокалипсисѣ говоритъ слѣдующее: *Сый, и Иже бѣ, и грядый* (Апок. 1, 8). О Комъ же сказано: *Сый, и Иже бѣ*, у Того станетъ ли кто отымать вѣчность? То-же и Павелъ въ Посланіи къ римлянамъ, въ обличеніе іудеевъ, написалъ: *отъ нихже Христосъ по плоти. сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Римл. 9, 5); а въ посрамленіе язычниковъ сказалъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Римл. 1, 20). А кто есть Божія сила, онъ же опять учитъ, говоря: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24). Ибо, говоря это, не Отца означаетъ, какъ не рѣдко повторяли вы, другъ другу говоря: Отецъ есть присносущная сила Его. Но на дѣлѣ не то. Не сказалъ Апостоль: самъ Богъ есть сила, но есть Его сила. Для всякаго же очевидно, что реченіе *Его* не значитъ: *Онъ*, и означаетъ также не что - либо постороннее, но паче собственно Ему принадлежащее. Прочтите же эти реченія въ связи, и обратитесь ко Господу (*Господь же Духъ есть*— 2 Кор. 3, 17). и увидите, что означается здѣсь Сынъ.

12) Ибо, упомянувъ о созданіи, Апостоль, соотвѣтственно съ этимъ, пишетъ и о силѣ Зиждителя въ созданіи, то-есть о Божіемъ Словѣ, Которымъ *вся быша* (Іоан. 1, 3). Если тварь сама по себѣ одна и безъ Сына достаточна привести къ познанію Бога; то

смотрите, не подвергнитесь падению, думая, что тварь и въ бытіе приведена безъ Сына. Если же тварь приведена въ бытіе Сыномъ, *и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. 1, 17); то правильно взирающей на тварь по необходимости усматриваетъ создавшее ее Слово, а чрезъ Слово начинаетъ уразумѣвать и Отца. Если же, по сказанному Спасителемъ, никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ, и если кому Сынъ откроетъ (Матѣ. 11, 27); и на вопросъ Филиппа: *покажи намъ Отца*, не сказалъ Господь: смотри на тварь, но: *видѣвши Мене, видѣши Отца* (Іоан. 14, 8. 9); то справедливо Павелъ обвиняетъ язычниковъ, что, рассматривая стройность и порядокъ въ твари, не домышляются о Зиждителѣ твари — Словѣ; потому что твари возвѣщаютъ своего Зиждителя, чтобы чрезъ нихъ уразумѣли истиннаго Бога и прекратили служеніе тварямъ.

Апостоль, давая разумѣть о Сынѣ, сказалъ: *и приносящая сила Его и Божество*. Святые же, говоря: *Сынъ прежде вѣкъ* (Псал. 54, 20), *Имже и вѣки сотвори* (Евр. 1, 2), тѣмъ не менѣе благоговѣствуютъ опять о всегдашнемъ бытіи и о вѣчности Сына, чѣмъ и означаютъ, что Онъ Богъ. Исаія говоритъ: *Богъ вѣчный, устройши концы земли* (Ис. 40, 28). Сусанна сказала: *Боже вѣчный* (Дан. 13, 42). Варухъ написалъ: *возопію къ Вѣчному во дни моя* (Вар. 4, 20); и нѣсколько ниже: *азъ бо надѣялся на Вѣчнаго о спасеніи вашемъ, и прииде ми радость отъ Святаго* (22). Поелику же, и пища къ евреямъ, Апостоль говоритъ: *Иже сынъ сіяніе славы и образъ чюптаси Его* (Евр. 1, 3); и Давидъ въ 89 - мѣ псалмѣ воспѣваетъ: *и буди свѣтлость Господа на насъ* (Псал. 89, 17); и: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10); то будетъ ли кто столько неразуменъ, чтобы сомнѣваться о вѣчномъ бытіи Сына? Ибо, когда видѣлъ кто свѣтъ безъ свѣтлости сіянія, чтобы могъ и о Сынѣ сказать:

было, когда Его не было, или не былъ, пока не рожденъ? А сказанное Сыну въ 144-мъ псалмѣ: *царство Твое царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. 144, 13), не позволяетъ никому представлять даже самомалѣйшей продолжительности, въ которую бы не было Слова. Ибо, если всякая продолжительность измѣряется вѣками, а Слово есть Царь и Творецъ всѣхъ вѣковъ; то, поелику нѣтъ и самомалѣйшей продолжительности прежде Слова, необходимо назвать это безуміемъ, когда говорятъ: было, когда не было Вѣчнаго, и Сынъ изъ не-сущаго. И поелику самъ Господь говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), не говоритъ же: *сталъ Я истиною*, но *есмь всегда*; и еще говоритъ: *Азъ есмь пастырь* (Іоан. 10, 14); *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. 8, 12); и еще: *вы глаголете Мене учителя и Господа: и добръ глаголете, есмь бо* (Іоан. 13, 13); то слыша, что Богъ, Отчая Премудрость и Отчее Слово, такъ о Себѣ говоритъ, кто еще усумнится въ истинѣ и не повѣритъ тотчасъ, что словомъ *есмь* означается вѣчное прежде всѣхъ вѣковъ и безначальное бытіе Сына?

13) Посему, изъ сказаннаго видно, что Писанія, говоря о Сынѣ, показываютъ Его вѣчность. А что реченія, употребляемая аріанами: *не было, пока, когда*, тѣ же Писанія употребляютъ о тваряхъ,—это будетъ также явствовать изъ послѣдующаго. Ибо Моисей, повѣствуя о началѣ бытія нашего, говоритъ: *и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Богъ на землю, и человекъ не бѣше дѣлати ю* (Быт. 2, 5); и во Второзаконіи: *егда раздѣляше Вышній языки* (Втор. 32, 8). Господь же самъ сказалъ: *Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте яко рѣхъ, иду ко Отцу: яко Отецъ боліи Мене есть. И нынѣ рѣхъ вамъ, прежде даже не будетъ: да егда будетъ, въру имете* (Іоан. 14, 28. 29); а о твореніи говоритъ чрезъ Соломона: *прежде неже землю сѣтво-*

рити, и прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же встѣхъ холмовъ разжидаетъ Мя (Притч. 8, 23—25). И—прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь (Іоан. 8, 58). Объ Іереміи говорить: прежде неже Мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя (Іерем. 1, 5). Давидъ воспѣваетъ: Господи, приближище былъ еси намъ въ родъ и родъ: прежде даже горамъ не быти, и создатися земли и вселеннѣи, отъ вѣка и до вѣка Ты еси (Псал. 89, 2. 3). У Даниіла: возопи Сусанна гласомъ велиимъ, и рече: Боже вѣчный, сокровенныхъ вѣдателю, свѣдый вся прежде бытія ихъ (Дан. 13, 42). Итакъ: не былъ нѣкогда, пока не пришелъ въ бытіе, когда, и всѣ подобныя выраженія прилично — употреблять о вещахъ созданныхъ и о тваряхъ, происшедшихъ изъ ничего; чужды же оныя Слову.

Если же Писанія употребляютъ эти выраженія о тваряхъ, о Сынѣ же—реченіе: *всегда*; то значить, боготорцы, что Сынъ произошелъ не изъ ничего, Сынъ вовсе не изъ числа существъ сотворенныхъ, но Онъ — Отчій Образъ и вѣчное Отчее Слово, не когда-либо несуществовавший, но всегда Сый, какъ вѣчное Сіянiе вѣчнаго Свѣта. Почему же воображаете себѣ времена прежде Сына? И для чего, по прошествіи временъ, хулите Слово, Которымъ и вѣки произошли? Какъ же время или вѣкъ состоялись, когда еще, по вашему мнѣнію, не явилось Слово, Которымъ *вся быша, и безъ Него ничтоже бысть?* Или, почему, подразумѣвая время, не говорите ясно: было время, когда не было Слова, но именованіе „*время*“ закрываетъ къ обольщенію простодушныхъ, вовсе же не скрываетъ своей мысли, даже и скрывая не можете утаиться? Ибо опять означаете времена, говоря: *было, когда не былъ; не былъ, пока не рожденъ.*

14) Послѣ этихъ доказательствъ, еще съ бѣльшимъ безстыдствомъ говорятъ они: „если не было, когда бы Онъ не былъ, но Сынъ вѣченъ и пребываетъ со Отцемъ; то этимъ утверждаете, что Онъ уже не Сынъ, а братъ Отцу“. О неразумные и упорные! Если бы мы называли Его только вѣчно соприсушимъ Отцу, а не Сыномъ; то была бы еще нѣсколько правдоподобна притворная ихъ богобоязненность. Если же, именуя вѣчнымъ, исповѣдуемъ Его Сыномъ отъ Отца; то какимъ образомъ Рожденный можетъ быть почитаемъ братомъ Родшему? И если вѣра наша — въ Отца и Сына; то какое между Ними братство? Или, какъ можетъ Слово нарицаться братомъ Тому, Чье Оно Слово? Это возраженіе дѣлается ими, не какъ невѣдущими; потому что и сами видятъ истину. Но это—іудейскій предлогъ, предлогъ, какъ сказалъ Соломонъ, хотящихъ *отлучитися* отъ истины (Притч. 18, 1). Не отъ какого - либс предсуществующаго начала родились Отецъ и Сынъ, чтобы именоваться Имъ братьями; но Отецъ есть начало и родитель Сына, и Отецъ есть отецъ, ничьимъ не былъ сыномъ, и Сынъ есть сынъ, а не братъ. Если же нарицается вѣчнымъ Рожденіемъ Отца, то прекрасно нарицается; потому что сущность Отца не была когда - либо недовершенною, такъ чтобы собственно ей принадлежащее привзошло къ ней вполсѣдствіи. Сынъ рожденъ не какъ человѣкъ отъ человѣка, такъ чтобы явился позднѣе Отческаго бытія; Онъ Божіе есть Рожденіе, и какъ собственно сущій Сынъ всегда сущаго Отца, существуетъ вѣчно. Людямъ свойственно раждать во времени по несовершенству природы; Божіе же Рожденіе вѣчно по всегдашнему совершенству естества.

Посему, если Онъ—не Сынъ, но произведенъ изъ не-сущаго, то пусть сперва докажутъ это, и потомъ, представляя Его себѣ тварію, вопіютъ: было нѣкогда,

когда Его не было, потому что твари, не имѣвъ прежде бытія, приведены въ бытіе. Если же Онъ—Сынъ (ибо сіе глаголетъ Отець, о семъ взываютъ Писанія); Сынъ же не иное что есть, какъ раждаемое отъ Отца, и раждаемое отъ Отца есть Его Слово, Премудрость и Сіяніе: что̀ должно сказать? Не то ли, что утверждающіе: было нѣкогда, когда не было Сына, подобно какимъ-то разбойникамъ, похищаютъ у Бога Слово, и прямо противъ Него говорятъ, что былъ Онъ нѣкогда безъ собственнаго Своего Слова и безъ Премудрости, что былъ нѣкогда свѣтъ безъ луча, былъ источникъ безводный и сухой? Хотя, притворно боясь употребить именованіе времени, во избѣжаніе укоризнь, и говорятъ, что Сынъ—прежде временъ; однакоже, допуская какую-то продолжительность, въ которую представляютъ Его несуществовавшимъ, не иное что разумѣютъ, какъ время, и приписывая Богу бытіе безъ Слова, страшно нечествуютъ.

15) Если же, не желая, чтобы всѣ явно ихъ осуждали, исповѣдуютъ также и имя Сына, но отрицаютъ, что Онъ есть собственное рожденіе Отчей сущности, какъ-будто невозможно сему быть безъ предположенія частей и раздѣленій; а тѣмъ не менѣе также отрицаютъ и то, что Онъ есть истинный Сынъ, нарицая Его Сыномъ только по имени: то не тяжко ли погрѣшаютъ, о Безплотномъ представляя свойственное тѣламъ, и по немощи своей природы отрицая, что̀ по естеству собственно принадлежитъ Отцу? Остается имъ, не разумѣя, какъ существуетъ Богъ и каковъ Отець, отрицать и Его; потому что Отчее Рожденіе по себѣ измѣряютъ неразумные. Но хотя за такое расположеніе духа и за то, что почитаютъ невозможнымъ бытіе Сына Божія, достойны они сожалѣнія; однакоже, справедливость требуетъ спросить и обличить ихъ, что̀, можетъ быть, и приведетъ ихъ въ чувство.

Если, по вашему мнѣнію, Сынъ изъ не-сущаго и не былъ, пока не рожденъ: то, безъ сомнѣнія, Онъ по причастію наименованъ и самимъ Сыномъ, и Богомъ, и Премудростію; потому что по причастію и всѣ другія существа и освящаются, и прославляются какъ освященныя. Посему, необходимо вамъ сказать: чей Онъ участникъ? Всѣ прочія существа суть участники Духа; чьимъ же участникомъ, по вашему мнѣнію, будетъ Сынъ? Участникомъ ли Духа? Но самъ Духъ пріемлетъ паче отъ Сына, какъ сказалъ Сынъ (Іоан. 16, 14); и неразумно—утверждать, будто бы Сынъ освящается Духомъ. Слѣдовательно, Сынъ участникъ Отца; это одно остается сказать по необходимости. Чего же именно причащается Сынъ, или откуда то, чего причащается? Если примышлено это Отцемъ совнѣ; то Сынъ будетъ уже участникомъ не Отца, но сего бывшаго совнѣ, и имѣя это предъ Собою, Сынъ не будетъ уже вторымъ по Отцѣ, и можетъ быть названъ не Сыномъ Отца, но Сыномъ того, чего ставъ участникомъ, наименованъ Онъ и Сыномъ и Богомъ. Если же это и нелѣпо и нечестиво, потому что и Отецъ говоритъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, и Сынъ подтверждаетъ, что Богъ есть собственный Отецъ Его (Іоан. 8, 54); то явно, что Сынъ причащается не чего-либо совнѣ, а Отчей сущности. Но опять, если то, чего причащается Сынъ, составляетъ что-либо иное, а не сущность Сына: то встрѣчается равная прежней несообразность; потому что опять отыскивается нѣчто посредствующее между Отцемъ и сущностію Сына, какова бы ни была сія сущность.

16) Поелику же таковыя умствованія нелѣпы и явно противны истинѣ,—необходимо сказать: что—отъ Отчей сущности, то — совершенно есть собственный Отчій Сынъ. Ибо выраженіе: Богъ даетъ Себя во всецѣлое причастіе, равнозначительно сему: Богъ

раждаетъ; а словомъ „раждать“ что обозначается, какъ не Сынъ? Всѣ существа по благодати Духа, даруемой Сыномъ, дѣлаются причастниками самого Сына; и изъ этого явно слѣдуетъ, что самъ Сынъ не есть чей-либо причастникъ; но чего причащаются другіе отъ Отца, то и есть Сынъ. Ибо о причащающихся самого Сына говоримъ, что они причастники Бога. И это означаетъ сказанное Петромъ: *да будете Божественнаго причастницы естества* (2 Петр. 1, 4), какъ говоритъ и Апостоль: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте* (1 Кор. 3, 16); и — *мы бо есмы церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16). И взирая на самого Сына, видимъ Отца; потому что уразумѣть и постигнуть Сына значить пріобрѣсти вѣдѣніе объ Отцѣ, такъ какъ Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности.

А какъ даеніе Себя во причастіе никто изъ васъ не назоветъ страдательнымъ состояніемъ или раздѣленіемъ Божіей сущности; ибо объяснено и безъ противорѣчія признано, что Богъ даетъ Себя во причастіе, а давать себя во причастіе и раждать — одно и то-же: такъ и рожденіе не есть страданіе и раздѣленіе одной блаженной сущности. Посему, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Богъ имѣетъ Сына, рожденіе собственной Своей сущности; и говоря о Сынѣ и о рожденіи, не означаемъ ни страданія, ни раздѣленія Божіей сущности, а паче познаемъ Преискренняго, Истиннаго и Единороднаго Божія, и въ Него вѣруемъ.

Поелику же приведено это въ ясность и доказано, что Сынъ есть рожденіе Отчей сущности; то никто уже не усумнится, а напротивъ того, для всякаго будетъ явно, что сіе Рожденіе есть Премудрость и то Слово Отца, о Которомъ и чрезъ Котораго Отець все творитъ и производитъ. Оно есть и то Сіяніе Отца, Которымъ Отець все просвѣщаетъ и открываетъ

Себя, кому хочетъ. Оно есть Его начертаніе (*χαράκτις*) и Образъ, въ Которомъ созерцается и познается Отецъ; почему, Сынъ и Отецъ едино суть. Ибо кто видитъ Сына, тотъ видитъ и Отца. Оно есть Христось, Которымъ все искуплено и Которымъ Отецъ произвелъ также новую тварь.

А поелику таковъ Сынъ, то неприлично и даже крайне опасно—говорить, что Онъ есть произведеніе изъ не-сущаго, и что Его не было, пока не рожденъ. Кто такъ отзывается о собственномъ Рожденіи Отчей сущности, тотъ простираетъ хулу на самого Отца, и о Немъ имѣя такія-же мысли, какія лживо составляетъ себѣ о Рожденіи Его.

17) Хотя и сего одного достаточно къ низложенію аріанской ереси, однакоже, неправомысліе ея можно видѣть всякому и изъ слѣдующаго. Ежели Богъ есть Творецъ и Создатель, созидаетъ же твари чрезъ Сына, и невозможно увидѣть что-либо приведенное въ бытіе иначе, а не Словомъ; то не хула ли, когда Богъ есть Творецъ, утверждать, что нѣкогда не было зиждительнаго Его Слова и Премудрости? Это значитъ то-же, что—сказать: Богъ не Творецъ, не имѣетъ собственного отъ Себя зиждительнаго Слова, но отвнѣ привзошелъ, чуждъ Ему и неподобенъ по сущности Тотъ, Кѣмъ Богъ созидаетъ.

Потомъ, пусть скажутъ намъ, или лучше, пусть хотя изъ сего увидятъ свое злочестіе, съ какимъ говорятъ: было, когда не былъ, — и не былъ, пока не рожденъ. Если Слово не вѣчно соприсуще Отцу; то не вѣчна и Троица, но прежде была Единицею, и чрезъ присовокупленіе вполслѣдствіи сдѣлалась Троицею, и только съ продолженіемъ времени возрасло и составилось вѣдѣніе богословія. И еще: если Сынъ не есть собственное рожденіе Отчей сущности, но произошелъ изъ не-сущаго: то и Троица составила изъ не-сущаго, и было, когда не было Троицы,

но была Единица, и нѣкогда была неполная Троица, нѣкогда же стала полною, и именно — Она неполна, пока не происходитъ Сынъ, стала же полною, когда произошелъ. И уже сотворенное сопричисляется къ Творцу, несуществовавшее нѣкогда дѣлается предметомъ боговѣдѣнія и прославляется вмѣстѣ съ вѣчно Сущимъ, и, что еще важнѣе, Троица оказывается неподобною Себѣ самой, составляемою изъ стороннихъ и чуждыхъ между собою естествъ и сущностей! А это значить то-же, что—Троицу назвать сотворенною. Какое же это богочестіе, само себѣ неподобное, но съ продолженіемъ времени восполняемое, и нѣкогда не такимъ бывшее, съ нѣкакого же времени содѣлавшееся такимъ? Можно думать, что оно и еще получить приращеніе, и это будетъ простирается до безконечности, какъ-скоро однажды въ самомъ началѣ составилось чрезъ присовокупленіе. Но нѣтъ также сомнѣнія, что можетъ оно и уменьшиться; потому что присовокупляемое, какъ очевидно, можетъ быть и отъемлемо.

18) Но это не такъ. Да не будетъ сего! Троица не сотворена, но вѣчное и единое Божество въ Троицѣ, и единая слава Святой Троицы; а вы осмѣливаетесь разсѣкать Ее на различныя естества. Когда Отецъ вѣченъ,—о Словѣ съ нимъ возсѣдающемъ говорите: было, когда Его не было. Когда Сынъ совозсѣдаетъ со Отцемъ,—замышляете удалить Его отъ Отца. Троица творить и созидаетъ, а вы не страшитесь низводить Ее въ рядъ сотворенныхъ изъ ничего, не ужасаетесь существа рабскія уравнивать съ преславною Троицею, и Царя Господа Саваоѳа ставить за одно съ подчиненными. Перестаньте смѣшивать несоединимое, лучше же сказать, не-сущее смѣшивать съ сущимъ. Говорить это значить не славу и честь воздавать Господу, но безславить и безчестить Его. Кто не чтить Сына, тотъ не чтить и Отца. Если нынѣ

совершенно богословіе въ Троицѣ, и это есть истинное и единственное богочестіе, и оно всего лучше и есть самая истина; то надлежало сему такимъ быть и всегда, чтобы наилучшее и сама истина были не чѣмъ-либо придаточнымъ и полнота богословія составлялась не чрезъ присовокупленія. Итакъ, сему надлежало быть вѣчнымъ. А если было невѣчнымъ, то и теперь богословію надлежало быть не таковымъ, а какимъ вы предполагаете его вначалѣ, чтобы и теперь не было Троицы.

Но никто изъ христіанъ не потерпитъ такихъ еретиковъ. Ибо язычникамъ свойственно это — вводить сотворенную Троицу и уравнивать Ее тварямъ. Только твари допускаютъ до себя недостатки и добавленія. Вѣра же христіанская знаетъ неизмѣняемую, совершенную и всегда ту-же блаженную Троицу, и ничего бѣльшаго не прилагаетъ къ Троицѣ, и не представляетъ, чтобы когда-либо была Она недостаточною: ибо то и другое злочестиво; а потому, признаетъ Ее недопускающею въ Себя никакой примѣси сотвореннаго, покланяется же Ей, сохраняя нераздѣльность и единство Ея Божества, и какъ бѣгаетъ аріанскихъ хуленій, такъ исповѣдуетъ и знаетъ вѣчное бытіе Сына. Ибо Онъ вѣченъ, какъ Отецъ, и есть вѣчное Его Слово. И это увидимъ еще изъ слѣдующаго:

19) Если Богъ есть источникъ премудрости и жизни, и нарицается этими именами, какъ говоритъ чрезъ Іеремію: *Мене оставиша источника воды живы* (Іер. 2, 13); и еще: *престолъ славы возвышенъ, мѣсто святыни нашея, чаяніе израилево, Господи! вси оставляющіи Тя да постыдятся, отступающіи на земли да напишутся, яко оставиша источникъ жизни Господа* (—17, 12. 13); и въ книгѣ Варуха написано: *оставили есте Источника премудрости* (Вар. 3, 12): то слѣдуетъ жизни и премудрости быть не чуждыми, но свойственными сущности Источника, и не быть

когда-либо лишенными бытія, но всегда имѣть бытіе. А Сынъ говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 14, 6); и: *Азъ премудрость вселіхъ совѣтъ* (Притч. 8, 12). Посему не нечестуетъ ли, кто говоритъ: было, когда Сынъ не былъ? Это значить сказать: было, когда Источникъ былъ сухъ, безъ Жизни и безъ Премудрости. Но такой источникъ не будетъ уже источникомъ. Неисточающій изъ себя не есть уже источникъ. Какіхъ же несообразностей исполнено это? Богъ творящимъ волю Его даетъ обѣтованіе, что будутъ подобными источнику, въ которомъ не оскудѣваетъ вода, говоря чрезъ Пророка Исаію: *и насытитишия, якоже желаетъ душа твоя, и кости твоя утучнятъ, и будутъ яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣетъ вода* (Иса. 58, 11). Они же осмѣливаются хулить Бога, и нарицаемаго и сущаго источника Премудрости, говоря, что былъ онъ нѣкогда безводенъ и скуденъ собственною своею Премудростію. Но чтò говорятъ они, это ложно; истина же свидѣтельствуеетъ, что Богъ есть вѣчный источникъ Своей Премудрости. А поелику Источникъ вѣченъ, то и Премудрости необходимо должно быть вѣчною; потому что Ею все сотворено, какъ воспѣваетъ Давидъ: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24), и говоритъ Соломонъ: *Богъ Премудростію основа землю, уготова же небеса Разумомъ* (Притч. 3, 19). А эта Премудрость есть Слово, и какъ говоритъ Іоаннъ: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3); и это Слово есть Христосъ. Ибо *единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и мы у Него, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6), Если же *вся* — *Имъ*, то самъ Онъ не можетъ быть соприсчисляемъ ко всѣмъ. Кто осмѣливается и о *Томъ*, *Имже—вся*, сказать, что Онъ единый изъ всѣхъ, тотъ, безъ сомнѣнія, то-же заключить и о *Богѣ*, изъ *Негоже—вся*.

Если же кто бѣгаетъ такого заключенія, какъ не-лѣпаго, и отличаетъ Бога отъ всѣхъ сотворенныхъ существъ; то слѣдуетъ ему и о едиnorodномъ и собственномъ Отчей сущности Сынѣ сказать, что Онъ инаковъ со всѣми существами сотворенными. А когда Онъ не единъ изъ всѣхъ, то непозволительно сказать о Немъ: было, когда Онъ не былъ, и не былъ, пока не рожденъ. Ибо такія выраженія прилично употреблять о тваряхъ, а Сынъ таковъ-же, каковъ и Отецъ; Онъ—собственное рожденіе сущности Его, Слово и Премудрость. Это есть собственность Сына въ-отношеніи къ Отцу, и это указываетъ на собственнаго Отца Сыну; почему, невозможно сказать, что Богъ былъ когда-нибудь безъ Слова, и невозможно также сказать, что Слово когда-либо не имѣло бытія. Ибо почему и Сынъ, если не отъ Отца? Или, почему Слово и Премудрость, если не всегда былъ собственностію Отца?

20) Былъ ли когда Богъ безъ того, что есть Его собственность? Или, почему можетъ кто рассуждать о собственномъ, какъ о постороннемъ и иносущномъ? Все, что ни сотворено, нимало не подобно по сущности своему Творцу, но внѣ Его, по благодати и изволенію Его сотворено Словомъ, почему и опять можетъ, если восхоцетъ Сотворившій, перестать когда-либо существовать; потому что такого свойства существа сотворенныя. А Кто собственно есть Отчей сущности (ибо признано уже, что таковъ есть Сынъ), о Томъ не дерзко ли и не злочестиво ли — говорить, что Онъ изъ не-сущаго, и не былъ, пока не рожденъ, произошелъ же случайно, и опять когда-либо можетъ не быть? Какъ-скоро приходитъ только кому такая мысль, — пусть представитъ себѣ, что этимъ отъемлется совершенство и полнота у Отчей сущности.

И опять, еще яснѣе увидитъ всякій несообразность

ереси, если приведетъ себѣ на мысль, что Сынъ есть образъ и сіяніе Отца, и начертаніе, и истина. Если, какъ-скоро есть Свѣтъ, есть уже и Его Образъ—Сіяніе, и какъ-скоро есть Впостась, есть и всецѣлое Ея Начертаніе, и какъ-скоро есть Отецъ, есть и Истина; то измѣряющіе временемъ Образъ и Начертаніе Божества пусть вникнутъ, въ какой ровъ нечестія впадаютъ они. Если Сынъ не былъ, пока не рожденъ; то въ Богѣ не всегда была истина. Но сказать это—нечестиво. Поелику былъ Отецъ, то всегда была въ Немъ и истина, то-есть Сынъ, Который говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). Поелику была Впостась, то, безъ сомнѣнія, тотчасъ надлежало быть Ея Образу и Начертанію, потому что не вѣ напишется Образъ Божій; но самъ Богъ—родитель сего Образа, и видя Себя въ Немъ, радуется о Немъ, какъ говоритъ самъ Сынъ: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся* (Притч. 8, 30). Когда же Отецъ не видѣлъ Себя самого въ Образѣ Своемъ? Или, когда не радовался, чтобы осмѣлиться кому-либо сказать: Образъ произошелъ изъ не-сущаго, и Отецъ не радовался, пока не произошелъ Образъ? Да и какъ бы Творецъ и Создатель увидѣлъ Себя самого въ тварной и созданной сущности? Образу должно быть такимъ-же, каковъ и Отецъ Его.

21) Итакъ, рассмотримъ свойства Отца, чтобы дознаться объ Образѣ, точно ли Отчій это образъ. Отецъ вѣченъ, безсмертенъ, могущъ; Онъ — Свѣтъ, Царь, Вседержитель, Богъ, Господь, Создатель и Творецъ. Это-же должно быть и въ Образѣ, чтобы видѣвый Сына дѣйствительно видѣлъ Отца. Если же Образъ не таковъ, а напротивъ того, какъ мудрствуютъ ариане, Сынъ сотворенъ и невѣченъ; то Онъ не истинный Отчій образъ, развѣ только безъ стыда уже станутъ утверждать, что и наименованіе Сына образомъ не есть признакъ подобосущія, но одно только Его

имя. Но это, христорборцы, опять уже не образъ и не начертаніе. Ибо, какое сходство между тѣмъ, что изъ ничего, и между Творцемъ, изъ ничего приводящимъ это въ бытіе? Или, какое возможно подобіе у Сущаго съ не-сущимъ, имѣющимъ уже тотъ недостатокъ, что нѣкогда не имѣло бытія и помѣщено въ числѣ вещей сотворенныхъ?

Аріане, желая такимъ представить Сына, придумали свои умозаключенія и говорятъ: „Если Сынъ есть рожденіе и образъ Отца и во всемъ Отцу подобенъ; то, безъ сомнѣнія, Сынъ какъ рождается, такъ и Самъ долженъ раждать и содѣлаться Отцемъ сыну; а также и рожденный Сыномъ самъ долженъ раждать, и такъ далѣе, до безконечности. Ибо этимъ только показывается подобіе рожденного родшему“. Подлинно, изобрѣтатели хуленій эти богоборцы, которые, чтобы Сына не признавать Образомъ Отца, о самомъ Отцѣ представляютъ что-либо тѣлесное и земное, приписывая Ему сѣченія, истеченія и втеченія. Итакъ, если Богъ—то-же, что—человѣкъ, то пусть и родителемъ будетъ какъ человѣкъ, чтобы и Сыну сдѣлаться отцемъ другаго сына; и тогда пусть сыны по порядку происходятъ другъ отъ друга, чтобы, по словамъ еретиковъ, преемство боговъ возрасло до множества. Но если Богъ не то-же, что—человѣкъ (а это и дѣйствительно такъ); то не должно представлять о Немъ чего-либо человѣческаго. Неразумныя животныя и люди, по силѣ зиждительнаго начала, раждаются по преемству другъ отъ друга; и раждаемый, родившись отъ отца рожденного, согласно съ порядкомъ вещей, дѣлается отцемъ другаго, имѣя это въ себѣ отъ отца, отъ котораго и самъ произошелъ; почему, между ними нѣтъ въ собственномъ смыслѣ отца и въ собственномъ смыслѣ сына, и имена: отецъ и сынъ—у нихъ не суть что-либо постоянное; потому что тотъ же самый есть сынъ родившаго и отецъ рожденного

имъ. Но о Божествѣ должно разумѣть не такъ. Богъ— не то, что—человѣкъ; потому что Отецъ не отъ отца, почему и раждаетъ не отца, который будетъ раждать; и Сынъ не чрезъ истечение происходитъ отъ Отца и не отъ рожденнаго раждается отца,—почему, раждается не для того, чтобы раждать. И посему-то въ одномъ только Божествѣ Отецъ есть въ собственномъ смыслѣ Отецъ, и Сынъ въ собственномъ смыслѣ Сынъ, и для Нихъ однихъ это постоянно — Отцу всегда быть отцемъ, и Сыну всегда быть сыномъ.

22) Поэтому, допытывающійся: почему Сынъ не можетъ раждать сына? пусть спросить: почему Отецъ не имѣлъ отца? Но и тотъ и другой вопросъ нелѣпъ и исполненъ всякаго нечестія. Какъ Отецъ — всегда отецъ, и никогда не былъ сыномъ: такъ Сынъ — всегда сынъ, и никогда не будетъ отцемъ. Въ этомъ паче и открывается, что Сынъ есть начертаніе и образъ Отца, пребываетъ тѣмъ, что Онъ есть, и не измѣняется, но имѣетъ отъ Отца тождество бытія. Посему, если измѣняется Отецъ, то пусть измѣняется и Образъ Его; ибо каковъ Родившій, таковъ и Образъ Его, таково и Сіяніе. Если же Отецъ непремѣненъ, тѣмъ и пребываетъ, что Онъ есть; то по необходимости и Образъ Его пребываетъ тѣмъ, что Онъ есть, и не премѣнится. Сынъ же — отъ Отца; поэтому, Онъ—не иное что, а то самое, что собственно принадлежитъ Отчей сущности. Слѣдовательно, и это напрасно придумали безразсудные, намѣреваясь похитить у Отца Образъ Его, чтобы Сына сравнять съ тварями.

Итакъ, аріане, по ученію Евсевіеву, къ тварямъ причисляя Сына и почитая Его такимъ-же, каково и созданное Имъ, отступили отъ истины; набравъ же себѣ хитрыхъ реченій, какъ ходили всюду вначалѣ, когда изобрѣли только эту ересь, такъ и донинѣ не въ маломъ числѣ ловятъ отроковъ на торжищахъ и

предлагаютъ имъ вопросы не изъ Божественныхъ Писаній, но какбы отъ избытка сердца своего изливая, говорятъ: „Сущій изъ сущаго сотворилъ не-сущаго или сущаго? Сущимъ ли, или не-сущимъ сотворилъ его? И еще: одно ли нерожденное, или нерожденныхъ два? И свободенъ, по собственному Своему изволенію не измѣняемъ Сынъ, будучи измѣняемъ по естеству; потому что Онъ — не камень, который самъ по себѣ пребываетъ неподвижнымъ“. Потомъ, входятъ они и къ женщинамъ, и имъ предлагаютъ также свои неприличные вопросы: „Былъ ли у тебя сынъ, пока ты не родила? Какъ у тебя не было сына, такъ не было и Сына Божія, пока не рожденъ“. Играя такими реченіями, скачутъ эти безчестные, уподобляя Бога челоуѣкамъ; и называя себя христіанами, измѣняютъ славу Божию въ подобіе образа тлѣнна челоуѣка (Римл. 1, 23).

23) На подобныя рѣчи не слѣдовало бы и отвѣчать,—такъ онѣ неразумны и бессмысленны. Но чтобы ересь ихъ не казалась имѣющею въ себѣ что-либо твердое, не неприлично будетъ, хотя какбы мимоходомъ, обличить ихъ и въ этомъ, и наипаче ради женщинъ, которыхъ легко вводятъ они въ обманъ.

Но имъ, говоря это, надлежало спросить и зодчаго: можетъ ли построить что безъ готоваго вещества? Какъ ты не можешь, такъ и Богъ не могъ создать вселенной безъ готоваго вещества. Имъ надлежало и каждаго челоуѣка спрашивать: можешь ли ты существовать внѣ пространства? Какъ ты не можешь, такъ и Богъ не можетъ быть иначе, какъ въ извѣстномъ пространствѣ. Предлагая такіе вопросы, можетъ быть, и постыдились бы они слушающихъ. Почему же, когда слышатъ, что Богъ имѣетъ Сына,—смотрятъ на себя, и отрицаютъ Сына; а когда слышатъ, что Богъ создаетъ и творитъ, — не противопоставляютъ этому чего-либо челоуѣческаго? Имъ надлежало и въ-раз-

сужденіи творенія представлять все по - человѣчески и предположить для Бога готовое вещество, а по тому отрицать, что Богъ есть Творецъ, и пресмыкаться уже съ манихеями. Если же понятіе о Богѣ превышаетъ все это, и каждый, слыша о Богѣ, и вѣруетъ и знаетъ, что Богъ существуетъ, не какъ существующемъ мы, существуетъ же какъ Богъ, и творитъ, не какъ творятъ люди, творитъ же какъ Богъ: то явно, что и раждаетъ, не какъ раждаютъ люди, раждаетъ же какъ Богъ. Ибо не Богъ подражаетъ человѣку, а скорѣе, напротивъ того, люди, — поелику Богъ въ собственномъ и единственномъ смыслѣ есть истинный Отецъ Сына Своего, — и сами наименовались отцами чадъ своихъ: потому что *изъ Него всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. 3, 15). А что говорятъ они, то, пока остается безъ изслѣдованія, кажется еще и разумно сказаннымъ. Если же кто изслѣдуетъ это по разуму, то найдетъ, что они достойны великаго смѣха и поруганія.

24) Первый предлагаемый ими вопросъ, во-первыхъ, неуменъ и неясенъ. Не означаютъ они, о комъ спрашиваютъ, чтобы спрашиваемый могъ дать отвѣтъ; но говорятъ просто: Сущій не-сущаго? Кто же, ариане, этотъ Сущій, и что такое это не-сущее? Или, кто Сущій, и кто не-сущій, и что называется сущимъ, или не-сущимъ? Ибо Сущему можно творить и не-сущее, и сущее, и существовавшее прежде. Древодѣль, золотарь, горшечникъ обрабатываютъ, каждый по искусству своему, вещество прежде нихъ существовавшее, творя изъ него сосуды, какіе имъ угодно. Да и самъ Богъ всяческихъ, взявъ сущую и Имъ уже сотворенную персть отъ земли, образуетъ человѣка; самая же земля не существовала прежде, но въ послѣдствіи Богъ привелъ ее въ бытіе Словомъ Своимъ. Посему, если такъ они спрашиваютъ, то явно, что твари не было, пока не сотворена, а люди

обрабатываютъ сущее уже вещество, и умствованіе ихъ окажется несостоятельнымъ; потому что, какъ сказали мы, производится и сущее, производится и не-сущее. Если же говорить о Богѣ и о Словѣ Его, то пусть присовокупятъ къ вопросу и недостающее и спрашиваютъ такъ: Сущій Богъ былъ ли когда безъ Слова? Сущій Свѣтъ былъ ли безъ Сіянія? Или: Богъ всегда ли былъ Отцемъ Слова? Или еще и такъ: сущій Отецъ сотворилъ ли не-сущее Слово, или всегда имѣеть съ Собою Слово, собственное рожденіе Своей сущности? Тогда видно будетъ, что входятъ они въ пытливыя изслѣдованія и осмѣливаются умудряться собственно о Богѣ и о Сущемъ отъ Него. Ибо кто позволитъ имъ сказать, что Богъ былъ нѣкогда безъ Слова? Такъ опять впадаютъ они въ ту же, что и прежде, несообразность; хотя и стараются избѣжать сего и прикрыть своими умствованіями, но не могутъ. Ибо вовсе никто не захочетъ слушать ихъ сомнѣній, будто бы Богъ не всегда былъ Отцемъ, но сталъ Имъ впоследствии, почему и представляютъ себѣ, что не было нѣкогда и Слова Его; тогда-какъ и прежде много представлено на нихъ обличеній, и Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бы Слово* (Іоан. 1, 1), и Павелъ пишетъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. 1, 3), и: *сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5).

25) Лучше было бы имъ успокоиться; но поелику не перестаютъ, то на таковой безстыдный ихъ вопросъ иной и самъ, подобно имъ отважившись, предложитъ уже свой вопросъ, въ надеждѣ, что, не видя себѣ выхода изъ такихъ нелѣпостей, отступятъ, прекративъ борьбу съ истиною. Посему, иной, себѣ прежде усердными молитвами испросивъ Божіей милости, встрѣтитъ ихъ такимъ вопросомъ: сущій Богъ, ужели не существуя, содѣлался Богомъ, или существуетъ прежде, нежели дѣлается? Посему, существуя

ли сотворилъ Себя, или Онъ изъ ничего, будучи прежде ничѣмъ, внезапно явилъ Самъ Себя? Такой вопросъ нелѣпъ, дѣйствительно нелѣпъ и исполненъ хулы, но подобенъ ихъ вопросу. Ибо что ни скажутъ они, все это исполнено всякаго нечестія. Если же богохульно и весьма нечестиво—предлагать такіе вопросы о Богѣ, то такъ-же богохульно подобнымъ образомъ спрашивать и о Словѣ Его.

Впрочемъ, чтобы не дать мѣста такому ихъ неразумному и бессмысленному вопросу, необходимо отвѣчать такъ: Богъ есть вѣчно сущій; а потому, поелику всегда есть Отецъ, то вѣчно есть и Его Сіяніе, то есть Его Слово. И еще: сущій Богъ отъ Себя имѣетъ и сущее Слово; и Слово не послѣ явилось, какъ несуществовавшее прежде, и Отецъ никогда не былъ безъ Слова. Дерзость противъ Сына влечетъ за собою хулу на Отца, какъ будто Онъ отъ Себя измыслилъ Себѣ Премудрость, Слово, Сына. Ибо, какъ-скоро наименуешь что-либо изъ сего,—по сказанному, означаешь тѣмъ Рожденіе отъ Отца; почему такой ихъ вопросъ несостоятеленъ; и это справедливо. Ибо, отрицая Слово, не имѣютъ разума и въ вопросѣ. Какъ если бы кто, видя солнце, сталъ спрашивать объ его сіяніи и сказалъ: сущее солнце несуществующее или уже существующее произвело сіяніе?—то о подобномъ человѣкѣ подумаютъ, что не имѣетъ онъ здраваго смысла, но обезумѣлъ, потому что представляетъ себѣ вѣ свѣта существующимъ, что всецѣло отъ свѣта, и спрашиваетъ о семъ: въ такое ли время, гдѣ, когда, сотворено ли оно? Такъ, разсуждающій подобнымъ образомъ и предлагающій такіе вопросы о Сынѣ и объ Отцѣ тѣмъ паче обнаруживаетъ въ себѣ еще большее безуміе; потому что Слово, сущее отъ Отца, приводитъ въ Него совнѣ, и Рожденіе по естеству представляя себѣ произведеніемъ, говоритъ: не было, пока не рождено. Впрочемъ, пусть услышатъ

на этотъ вопросъ, что сущій Отецъ сотворилъ сущаго Сына. Ибо *Слово плоть бысть*, и Его, сущаго Сына Божія, при скончаніи вѣковъ, сотворилъ и сыномъ человѣческимъ; развѣ только согласно съ Самосатскимъ стануть утверждать, что и Сына не было, пока не содѣлался человѣкомъ. На первый ихъ вопросъ достаточно отъ насъ и сего.

26) Но и вы, аріане, помня собственныя ваши реченія, скажите: Сущій въ не-сущемъ ли имѣлъ потребность при созданіи вселенной, или потребенъ былъ Ему сущій? Вы сказали: изъ не-сущаго уготовалъ себѣ орудіе, Сына, чтобы Имъ творить все. Посему, что̀ превосходнѣе? Имѣющее потребность, или удовлетворяющее потребности? Или то и другое восполняетъ взаимныя другъ друга недостатки? Ибо, утверждая подобное сему, показываете болѣе немощь уготовлявшаго, а именно, что одинъ Онъ не имѣлъ силъ создать вселенную, но измышляетъ Себѣ орудіе совнѣ, какъ древодѣль или кораблестроитель какой, не имѣющій возможности сработать что-нибудь безъ топора и пилы. Поэтому, что̀ сего нечестивѣе? И должно ли вообще останавливаться на этомъ, какъ на чемъ-то трудномъ, когда сказанное нами прежде достаточно показываетъ, что представляемое ими есть одна мечта?

Что же касается до другаго ихъ очень неискускаго и неразумнаго вопроса, какой предлагаютъ они женщинамъ; то и на него не надлежало бы также отвѣчать болѣе того, что̀ сказано уже нами выше, а именно, что Рожденіе отъ Бога не должно измѣрять человѣческою природою. Однакоже, чтобы и въ этомъ признали они себя виновными, хорошо будетъ встрѣтить ихъ опять у нихъ-же заимствованнымъ вопросомъ. Вообще, если родителей спрашиваютъ о сынѣ, то пусть разсудятъ, откуда у нихъ рожденное чадо. Если родитель не имѣлъ сына, пока не родилъ: то,

когда уже имѣть, не совнѣ и не какъ чуждаго имѣть, но отъ себя, какъ собственность своей сущности и сходный съ собою образъ; почему, сынъ виденъ въ отцѣ и отецъ усматривается въ сынѣ. Поэтому, если изъ человѣческихъ примѣровъ заимствуютъ они понятіе о времени раждающихъ, то почему же изъ тѣхъ-же примѣровъ не заимствуютъ мысли о естественной связи дѣтей съ родителями и о принадлежности однихъ другимъ, но, какъ змѣи, собираютъ съ земли только годное для яда? Имъ, спрашивая родителей и говоря: не имѣлъ ты сына, пока не родилъ, должно было присовокупить и сказать: а ежели есть у тебя сынъ, то ужели покупаешь его со стороны, какъ домъ, или иное какое имущество? И отецъ отвѣтитъ тебѣ: „сынъ—не со стороны, но изъ меня; что—отвнѣ, то составляетъ мое имущество, и оно отъ одного переходитъ къ другому; а сынъ—отъ меня, собственность моей сущности, мнѣ подобенъ, и не отъ другаго во мнѣ произошелъ, но рожденъ мною. Поэтому, въ немъ весь я, самъ пребываю тѣмъ, что есмь“. Такъ бываетъ въ дѣйствительности; и хотя родитель отличается по времени, какъ человѣкъ и самъ происшедшій во времени; но онъ имѣлъ бы всегда соприсущимъ себѣ свое чадо, если бы природа не положила преграды и не воспрепятствовала возможности. Ибо и Левій былъ уже въ чреслахъ прадеда, прежде нежели родился онъ и родилъ его дѣдъ. Посему, когда человѣкъ приходитъ въ надлежащій возрастъ и природа даетъ ему возможность; тогда, по устраненіи естественныхъ препятствій, и вскорѣ дѣлается онъ отцемъ происходящаго отъ него сына.

27) Итакъ, если спрашивали родителей о дѣтяхъ и знали, что естественныя дѣти происходятъ не совнѣ, но отъ родителей; то пусть исповѣдуютъ и о Словѣ Божіемъ, что Оно всецѣло отъ Отца. А спрашивая

о времени, пусть наименуютъ и препятствующее Богу. Ибо тѣмъ самымъ, о чемъ спрашивали какбы въ насмѣшку, надлежитъ обличить нечестующихъ. Посему, пусть скажутъ, что служитъ препятствіемъ Богу— всегда быть Отцемъ Сына. Ибо признано уже, что есть Раждаемое отъ Отца. А чтобы разсуждающіе подобнымъ образомъ о Богѣ совершенно признали себя виновными,—для этого, какъ спрашивали женщинъ о времени, пусть доспрашиваются также у солнца объ его сіяніи, или у источника объ источаемомъ изъ него, и узнаютъ, что сіяніе и струя, хотя суть порожденія, но всегда находятся съ тѣми, отъ кого происходятъ. Если же и такіе родители въ отношеніи къ дѣтямъ имѣютъ то, чтобы имъ быть такимъ и по естеству и всегда; то почему же, предполагая Бога чѣмъ-то меньшимъ вещей сотворенныхъ, не выскажутъ яснѣе своего нечестія? Если же не осмѣлятся сказать этого явно, и исповѣдуютъ о Сынѣ, что Онъ — не совнѣ, но отъ Отца и по естеству Его рожденіе, притомъ же ничто не служитъ препятствіемъ Богу (Богъ— не то, что—человѣкъ, Онъ больше и солнца: паче же Богъ солнца); то явно, что отъ Бога и всегда соприсуще Отцу—Слово, Которымъ Отецъ все не-сущее привелъ въ бытіе. Посему, что Сынъ не изъ не-сущаго, но вѣченъ, и отъ Отца,—это показываетъ самое дѣло. А вопросъ еретиковъ, предлагаемый родителямъ, обличаетъ ихъ злонамѣренность. Ибо видѣли, что сообразно съ естествомъ; а наконецъ, посрамлены они и въ томъ, что касается до времени.

28) А что Божія рожденія не должно примѣнять къ человѣческой природѣ, и думать, что Сынъ Божій есть часть Бога, или что вообще рожденіе означаетъ нѣкоторое страданіе,—объ этомъ предварительно говорили мы выше. И теперь повторяемъ то-же: Богъ— не то, что—человѣкъ. Люди раждаютъ страдательно, по природѣ будучи преходящими и ожидая времени

по немощи естества своего; о Богѣ же сказать того невозможно. Богъ не изъ частей слагается, но, будучи безстрастенъ и простъ, безстрастно и недѣлимо Онъ Отецъ Сыну. И этому опять имѣемъ сильное свидѣтельство и доказательство въ Божественныхъ Писаніяхъ. Ибо Слово Божіе есть Сынъ Божій, и Сынъ есть Отчее Слово и Отчая Премудрость. А Слово и Премудрость — не тварь и не часть Того, Чье Оно Слово, и не рожденіе, сопровождаемое страданіемъ. Писаніе, сочетавая то и другое, наименовало Сыномъ, и этимъ благовѣствуетъ объ истинномъ по естеству рожденіи отъ сущности; а чтобы рожденія сего не предположилъ кто человѣческимъ, и означая опять сущность Сына, говоритъ, что Онъ есть Слово и Премудрость и Сіяніе. Ибо изъ сего заключаемъ и о безстрастіи, о вѣчности и о боголѣпнн рожденія. Ибо какое страданіе, и какая часть Отца—Его Слово. Премудрость и Сіяніе? И это можно дознать и имъ несмысленнымъ. Ибо, какъ спрашивали женъ о сынѣ, такъ пусть мужамъ предложить вопросъ о словѣ; и узнаютъ, что не страданіе ихъ и не часть ума ихъ—произносимое ими слово. Если же таково слово у людей, которые удобостраждуши и слагаются изъ частей; то почему въ безплотномъ и недѣлимомъ на части Богѣ представляютъ себѣ страданіе и части, чтобы, убоявшись повидимому такого представленія, отрицать имъ истинное по естеству рожденіе Сына? И какъ выше достаточно уже было доказано, что рожденіе отъ Бога не есть страданіе, такъ теперь въ особенности доказывается, что Слово раждается безъ страданія. Но пусть слышать то-же и о Премудрости. Богъ—не то, что—человѣкъ, и въ семъ да не представляютъ о Немъ чего-либо человѣческаго. Люди сотворены также удобопріемлющими и мудрость, но Богъ ни отъ кого не пріобщается мудрости; Онъ самъ есть отецъ Своей Премудрости, и причастники Ея

обыкновенно именуются мудрыми. И самая Премудрость есть не страданіе, не часть, но собственное рожденіе Отца. Посему Богъ — всегда Отецъ, и не впослѣдствіи привзошло это наименованіе: *Отецъ*, въ какомъ случаѣ можно было бы почитать Бога измѣняемымъ. Ибо, если прекрасно Богу быть Отцемъ, то не всегда было бы въ Немъ прекрасное.

29) Но вотъ говорятъ: „Богъ всегда есть Создатель, и не впослѣдствіи привзошла въ Него зиждительная сила. Но, поелику Онъ Создатель, то ужели посему и твари вѣчны, и непозволительно о нихъ сказать: ихъ не было, пока не сотворены? О бессмысленные ариане! Въ чемъ подобны между собою Сынъ и тварь, чтобы одно и то-же говорить вамъ и объ Отцѣ и о здателяхъ? Почему остаются они въ своемъ невѣжествѣ, когда въ предыдущемъ показано было столько различія между Рожденіемъ и тварію? Посему, опять должно повторить то-же: тварь, какъ было уже говорено, вѣ Творящаго; а Сынъ есть собственное рожденіе сущности. Посему, нѣтъ необходимости твари быть всегда. Когда хочетъ Создатель, тогда и производитъ. Но рожденіе не подлежитъ изволенію, а напротивъ того, есть собственность сущности. Можно и быть и именоваться Творцемъ, когда и нѣтъ произведеній; но невозможно ни назваться, ни быть Отцемъ, когда нѣтъ Сына.

Но если съ пытливостію спросятъ: почему же Богъ, всегда имѣя силу творить, не всегда творить?—то и этотъ дерзкій вопросъ свойственъ только безумнымъ. *Кто бо разумъ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римл. 11, 34)? *Еда речетъ зданіе скудельнику, почто мя сотворилъ еси тако* (—9, 20)? Но чтобы не оставаться намъ въ молчаніи, имѣя у себя хотя и слабый доводъ, то пусть выслушаютъ. Если Богу и всегда возможно творить: то твари не могли быть вѣчными; потому что онѣ — изъ ничего, и ихъ не

было, пока не сотворены. А то, чего не было, пока не сотворено, какъ могло сопребывать съ вѣчно сущимъ Богомъ? Посему, Богъ, имѣя въ-виду полезное для тварей, когда увидѣлъ, что онѣ, будучи сотворенными, могутъ пребывать, тогда и сотворилъ все. И какъ могъ Онъ и въ самомъ началѣ при Адамѣ, или при Ноѣ, или при Моисеѣ послать Слово Свое, но послалъ только при скончаніи вѣковъ; потому что усмотрѣлъ это полезнымъ для всей твари: такъ создалъ и тварей, когда восхотѣлъ и когда имъ было это полезно. А Сынъ, будучи не произведеніемъ, но собственностью Отчей сущности, всегда пребываетъ. И поелику всегда существуетъ Отецъ, то всегда должно быть и тому, что собственно принадлежитъ сущности Его, то-есть Его Словоу и Премудрости. Твари, хотя бы еще и не существовали, не умалили бы Творца; потому что имѣетъ Онъ силу создать, когда хочетъ. А если бы не всегда было со Отцемъ Рожденіе Отчее, то это было бы уже умаленіемъ совершенства Отчей сущности. Посему, когда восхотѣлъ Богъ, тогда и созданы твари Словомъ Его; а Сынъ всегда есть собственное рожденіе Отчей сущности.

30) Какъ радуется это вѣрующихъ, такъ печалитъ еретиковъ, которые видятъ, что рушится ихъ ересь. Ибо и этотъ опять вопросъ ихъ, выражаемый такъ: одно ли несозданное, или несозданныхъ два? — показываетъ въ нихъ умъ неправый, но опасный и полный хитрости. Не къ чести Отца предлагаютъ они этотъ вопросъ, но къ безчестію Слова. И если кто, не зная ихъ коварства, дастъ отвѣтъ: несозданное одно; тотчасъ изbleвываютъ ядъ свой, говоря: „слѣдовательно, Сынъ—изъ числа созданныхъ, и хорошо сказали мы, что Его не было, пока не рожденъ“. Все смѣшиваютъ и приводятъ въ безпорядокъ, чтобы только отдалить Слово отъ Отца, и Создателя всяческихъ сопричислить къ тварямъ. Посему, во-первыхъ, достойны

осужденія за то, что,—порицая епископовъ, сошедшихся въ Никеи, за употребленныя ими реченія, взятыя не изъ Писанія, впрочемъ не хульныя, но служащія къ низложенію ихъ нечестія,—сами впали въ ту же вину, и произносятъ слова, не изъ Писанія взятыя, измышляютъ поруганія Господу, не зная, ни что говорятъ, ни что подтверждаютъ. По крайней мѣрѣ, пусть спросятъ язычниковъ, у которыхъ выслушали это реченіе (потому что ихъ это изобрѣтеніе, а не Писанію принадлежитъ), и узнавъ, какія значенія имѣетъ реченіе, увидятъ, что, если о чемъ говорятъ, то не умѣютъ хорошо о томъ спросить. А я дождался ради нихъ, что несозданнымъ называется, что еще не сдѣлалось, но можетъ сдѣлаться; на-примѣръ, дерево еще не сдѣлалось, но можетъ сдѣлаться ладіею. И несозданнымъ также называется, что не сдѣлалось и не можетъ никогда сдѣлаться, на-примѣръ, треугольникъ—четыреугольникомъ, и четное число—нечетнымъ. Ибо треугольникъ никогда не былъ и никогда не будетъ четырехугольникомъ, и четное число никогда не было и никогда не будетъ нечетнымъ. И еще несозданнымъ называется, что существуетъ, но ни отъ кого не произошло и, вообще, никого не имѣетъ своимъ отцемъ. А коварный софистъ Астерій, защитникъ этой ереси, присовокупляетъ, говоря въ своемъ сочиненіи: „несозданное есть то, что не сотворено, но всегда существуетъ“. Посему, надлежало имъ предлагать вопросъ, опредѣливъ предварительно, въ какомъ значеніи разумѣютъ слово: *несозданный*, чтобы и спрашиваемый отвѣчалъ правильно.

31) Если же думаютъ, что хорошо предлагаютъ вопросъ, сказавъ: одно ли несозданное, или несозданныхъ два?—то пусть прежде услышатъ, какъ невѣжды, что несозданныхъ много, и что несозданное есть ничто; и вещей, которыя могутъ произойти, много, а что не можетъ произойти, то, по сказанному, ничто.

Если же и Астерій хочетъ, чтобы не тварь, но всегда сущее было несозданнымъ, и они предлагаютъ вопросъ: то пусть не разъ, но многократно выслушаютъ, что въ такомъ смыслѣ и Сынъ наименуется несозданнымъ; потому что Онъ не тварь и не произведение, но вѣчно присущъ Отцу, какъ уже и доказано, хотя они не разъ отъ сего отказывались, только бы сказать противъ Господа: Онъ изъ ничего, и Его не было, пока не рожденъ. Посему, если, лишась во всемъ опоры, захотятъ уже предложить вопросъ, разумѣя подъ несозданнымъ, что существуетъ, но никѣмъ не рождено и не имѣетъ у себя отца: то пусть слышать, что и у насъ въ такомъ значеніи одинъ и единственный несозданный Отецъ, и услышавъ это, ничего больше не приобрѣтутъ себѣ; потому что именованіе Бога несозданнымъ въ этомъ смыслѣ не доказываетъ, что Сынъ сотворенъ, такъ какъ изъ предыдущихъ доказательствъ ясно видно, что Слово таково-же, каковъ и Родившій Его. Итакъ, если Богъ несозданъ, то несозданъ и Образъ Несозданнаго, а Его есть рожденіе, то-есть Его Слово и Премудрость. Ибо какое сходство созданнаго съ Несозданнымъ? И не полѣнимся повторить опять то-же. Если хотятъ, чтобы созданное подобно было Несозданному, чтобы взирающій на одно видѣлъ другое; то не долго уже имъ сказать, что Несозданное есть образъ и тварей,—такъ все уже у нихъ перемѣшано: созданныя вещи уравниваются Несозданному, испровергается Несозданное, потому что измѣряется тварями, только бы Сына низвести имъ въ рядъ тварей.

32) Но думаю, что и они не захотятъ еще сказать сего, если послушаются софиста Астерія. Ибо онъ, хотя старается защитить аріанскую ересь, и говоритъ, что несозданное одно, однакоже, вопреки имъ утверждаетъ, что и Премудрость Божія несозданна и безначальна. Вотъ часть написаннаго имъ: „не сказалъ

блаженный Павелъ, что проповѣдуетъ Христа, сію Божию силу и сію Божию Премудрость, не говоритъ безъ этого присовокупленія, — *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24), проповѣдуя тѣмъ, что есть иная собственная сила самого Бога, Ему врожденная и несозданно соприсущая“. И немного послѣ говоритъ еще: „хотя вѣчная Его сила и Премудрость, Которая по доводамъ истины оказывается безначальной и несозданною, безъ сомнѣнія, можетъ быть одна и та-же“. Хотя, нехорошо выразишь въ Апостольское изреченіе, и призналъ онъ двѣ премудрости, однакоже, назвавъ несозданною соприсущую Богу премудрость, выразилъ, что несозданное не одно, но есть при немъ и другое несозданное; потому что соприсущее не себѣ соприсуще, но другому. Посему или пусть, послушавшись Астерія, не спрашиваютъ больше: одно ли несозданное, или ихъ два, чтобы сомнѣніемъ своимъ не вступить въ борьбу съ Астеріемъ, или, если противятся и ему, то пусть не опираются на его книгу, чтобы, угрызая другъ друга, не истребить имъ себя взаимно.

Это пусть будетъ кратко сказано ихъ невѣжеству; а на коварное ихъ произволеніе въ-состояніи ли кто сказать что-либо достаточное? И кто, по справедливости, не возненавидитъ ихъ за такое бѣснованіе? Поелику не имѣютъ уже свободы сказать: Сынъ изъ не-сущаго, и не былъ, пока не рожденъ; то придумали себѣ реченіе: *несозданный*, чтобы, предъ людьми простодушными называя Сына созданнымъ, означать этимъ опять тѣ-же самыя положенія: изъ не-сущаго, и нѣкогда не былъ. Ибо ими означаются вещи созданныя и твари.

33) Если бы твердо стояли они въ томъ, что говорятъ; то имъ надлежало бы держаться сего и не мѣшать своихъ мыслей, извращая ихъ многообразно. Но они не хотятъ этого, думая, что не трудно бу-

детъ всего достигнуть, если оградятся словомъ: *несозданный*, прикрывая имъ ересь свою. Ибо и самое это реченіе имѣетъ значеніе не въ-отношеніи къ Сыну, какую мысль они разсѣваютъ, но въ-отношеніи къ вещамъ сотвореннымъ. Подобное сему можно видѣть въ словахъ: Вседержитель и Господь силъ. Ибо, если Отецъ надъ всѣмъ державствуетъ и господствуетъ чрезъ Слово, и въ царствѣ Отца царствуетъ Сынъ, и имѣетъ надъ всѣмъ державу, какъ Слово и какъ Образъ Отца; то явно, что здѣсь Сынъ не причисляется ко всѣмъ тварямъ, и не въ-отношеніи къ Нему именуется Богъ Вседержителемъ и Господомъ, а въ-отношеніи къ тому, что сотворено Сыномъ, и надъ чѣмъ Богъ державствуетъ и господствуетъ чрезъ Слово. И именованіе: *несозданный* имѣетъ значеніе въ-отношеніи не къ Сыну, но къ тому, что сотворено Сыномъ. И справедливо употребляется оно о Богѣ; потому что Богъ—не то, что — существа созданныя, но Онъ есть ихъ Творецъ и Создатель чрезъ Сына. Но какъ имя: *несозданный* имѣетъ значеніе въ-отношеніи къ существамъ созданнымъ; такъ имя: Отецъ—указываетъ на Сына. И кто именуетъ Бога творцемъ, создателемъ и несозданнымъ, тотъ имѣетъ въ-виду и представляетъ себѣ твари и существа созданныя; а кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ съ этимъ вмѣстѣ умопредставляетъ и видитъ Сына. Посему-то иной подивится упорству ихъ въ нечестіи; потому что, хотя имя: *несозданный*, по сказанному, имѣетъ хорошій смыслъ и можетъ быть употребляемо благочестиво, но они по своей ереси произносятъ его къ безчестію Сына, не зная того, что кто чтитъ Сына, тотъ чтитъ Отца, а кто безчеститъ Сына, тотъ безчеститъ Отца (Іоан. 5, 23).

Если бы у нихъ было попеченіе о прославленіи и чествованіи Отца, то имъ (что было бы и лучше и выше) надлежало бы паче признавать и именовать

Бога Отцемъ, нежели давать Ему то наименованіе. Ибо, называя Бога несозданнымъ отъ произведенныхъ Имъ дѣлъ, какъ сказано, именуютъ Его только Творцемъ и Создателемъ, думая, что изъ этого имени могутъ, въ угодность свою, и Слову дать имя твари. А кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ даетъ Ему это наименованіе отъ Сына, не зная, что, поелику есть Сынъ, то и сотворенное создано необходимо Сыномъ. И они, именуя Бога несозданнымъ, даютъ Ему имя только отъ дѣлъ, а сами такъ-же не знаютъ Сына, какъ и язычники. А кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ даетъ Ему это наименованіе отъ Слова; познавая же Слово, познаетъ въ Словѣ Создателя и разумѣетъ, что Имъ *вся быша*.

34) Посему, не благочестивѣ ли и не согласнѣ ли съ истиною—дать имя Богу отъ Сына и назвать Его Отцемъ, нежели именовать Его отъ однихъ дѣлъ и называть несозданнымъ? Ибо это послѣднее наименованіе, какъ я сказалъ, указываетъ только на каждое въ отдѣльности и на всѣ вообще дѣла, по волѣ Божіей сотворенныя Словомъ. А имя Отецъ получаетъ значеніе только отъ Сына, и Имъ ограничивается. Но сколько Слово превосходитъ сотворенныя вещи, столько, и еще въ большей мѣрѣ, названіе Бога Отцемъ будетъ превосходнѣ названія несозданнымъ. И какъ послѣднее наименованіе взято не изъ Писанія, подозрительно и имѣетъ различныя значенія, почему спрашиваемый о немъ носится мыслию туда и сюда: такъ имя Отецъ просто, употребительно въ Писаніи, гораздо вѣрнѣе, и указываетъ только на Сына. И слово: *несозданный* изобрѣтено язычниками, незнающими Сына; имя же: *Отецъ* познано отъ Господа нашего и Имъ даровано. Ибо Самъ, вѣдая, Чей Онъ Сынъ, сказалъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 10), и: *видѣвши Мене, видѣ Отца* (9), и: *Азъ и Отецъ едино есма* (10, 30). И нигдѣ не видно, чтобы

назвалъ Онъ Отца несозданнымъ, но и научая насъ молиться, не сказалъ: когда молитесь,—говорите: Боже несозданный;—а напротивъ того, говоритъ: *егда молитесь, глаголите: Отче нашъ, Иже на небесахъ* (Лук. 11, 2). И къ сему восхотѣлъ направить главнѣйшее въ нашей вѣрѣ, повелѣвъ креститься намъ не во имя Несозданнаго и созданнаго, не во имя Творца и твари, но во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Такъ тайноводствуемые и мы—твари—наконецъ всыновляемся Богу, и произнося имя Отца, познаемъ изъ этого имени и сущее въ самомъ Отцѣ Слово.—Итакъ, доказано, что напрасно ихъ предпріятіе—ввести реченіе: *несозданный*, и не имѣетъ иного основанія, кромѣ ихъ произвола.

35) А что касается до предлагаемаго ими вопроса: *измѣняемо ли Слово?*—то напрасно и входитъ объ этомъ въ изслѣдованіе. Ибо достаточно выписать мнѣ только ихъ изреченія, чтобы показать дерзость ихъ нечестія. Пустословятъ же они, предлагая въ-видѣ вопросовъ слѣдующее: „Свободенъ ли Сынъ, или нѣтъ? По произволенію ли, вслѣдствіе свободы, добръ и, если захочетъ, можетъ измѣниться, имѣя измѣняемую природу, или, какъ камень и дерево, не имѣетъ свободнаго произволенія подвигнуться и склониться на ту и другую сторону“? Ихъ ереси не чуждо такъ и говорить, и думать. Ибо, однажды вообразивъ себѣ Бога изъ не-сущаго и сотвореннаго Сына, вслѣдствіе этого собрали и подобныя реченія, какъ приличныя твари. Но поелику, препираясь съ держащимися церковнаго ученія и слыша отъ нихъ объ истинномъ и единомъ Отчемъ Словѣ, еретики отваживаются говорить о Немъ подобное сему; то видалъ ли кто ученіе, болѣе этого мерзкое? Кто, слыша только это, хотя и можетъ оспорить ихъ, не возмутится, не заградить слуха, приводимый въ изумленіе новыми реченіями, какія произносятъ они и какія самъ онъ слышитъ,

реченіями, которыя сами въ себѣ и при самомъ произношеніи исполнены хулы?

Если Слово измѣняемо и можетъ приходиться въ различныя состоянія, то на чемъ Оно остановится, какой будетъ конецъ Его возрастанія? Или, какъ измѣняемый можетъ быть подобенъ неизмѣняемому? Какъ видѣвшій измѣняемаго помыслить о себѣ, что видѣлъ неизмѣняемаго? И въ какое состояніе должно прійти Ему, чтобы можно было видѣть въ Немъ Отца? Ибо явно, что не всегда человѣкъ увидитъ въ Немъ Отца; потому что Сынъ непрестанно измѣняется и имѣетъ естество не пребывающее въ одномъ состояніи. Отецъ неизмѣняемъ, не бываетъ въ разныхъ состояніяхъ; ибо всегда одинаковъ, всегда одинъ и тотъ-же. Если же Сынъ, по мнѣнію ихъ, измѣняемъ и не всегда тотъ-же, но по естеству непрестанно въ новомъ бываетъ состояніи; то какъ-же Онъ въ такомъ положеніи можетъ быть образомъ Отца, не имѣя въ Себѣ подобія неизмѣняемости? И вообще, какъ Онъ пребываетъ въ Отцѣ, имѣя колеблющееся произволеніе? А можетъ быть, какъ измѣняемый и со дня на день преуспѣвающий, и до нынѣ еще Онъ несовершенъ?

Но да погибнетъ такое безуміе арианъ, да возсіяетъ же истина, и да обнаружится ихъ неразуміе! Ибо какъ будетъ несовершеннымъ Равный Богу? Или, какъ будетъ измѣняемымъ Тотъ, Кто едино есть со Отцемъ, Кто есть собственный Сынъ Его сущности? Поелику неизмѣняема Отчая сущность, то неизмѣняемо будетъ и собственное ея Рожденіе. Если же это такъ и лживо приписываютъ они измѣняемость Слову, то пусть узнаютъ, къ какой опасности ведетъ ихъ слово. Отъ плода познается древо; посему и видѣвшій Сына видѣлъ Отца, и познаніе Сына есть познаніе Отца.

36) Посему, неизмѣняемъ будетъ Образъ неизмѣняемаго Бога. Ибо Иисусъ Христосъ *вчера и днесъ,*

тойже и во вѣки (Евр. 13, 8). И Давидъ, воспѣвая о Немъ, говоритъ: *Въ началѣхъ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшуютъ, и яко одежду сѣеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 26—28). И самъ Господь говоритъ о Себѣ чрезъ Пророка: *видите, видите, яко Азъ есмь* (Втор. 32, 39), *и не измѣняюся* (Мал. 3, 6). Хотя можетъ иной сказать, что это должно разумѣть объ Отцѣ; однакоже, прилично—сказать это о Себѣ и Сыну, особенно потому, что, содѣлавшись человѣкомъ, показываетъ Онъ Свое тождество и Свою неизмѣняемость тѣмъ, которые думаютъ, что, принявъ плоть, Онъ измѣнился и сталъ чѣмъ-то инымъ. Святые же, а тѣмъ паче Господь, болѣе достойны вѣры, нежели зломыслие нечестивыхъ. Ибо и въ приведенномъ мѣстѣ изъ пѣснопѣнія Писаніе, разумѣя подъ небомъ и землею все созданное и всякую тварь, и естество ихъ называя измѣняемымъ и превратнымъ, Сына же исключая изъ сего, показываетъ тѣмъ, что Онъ вовсе не сотворенъ, а паче, Имъ измѣняется все иное, и научаетъ также, что Онъ не измѣняется, говоря: *Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ*.

Это и справедливо. Ибо существа сотворенныя, происходя изъ ничего, и не существовавшія, пока не были сотворены—потому что изъ ничего приходятъ въ бытіе — имѣютъ измѣняемую природу; а Сынъ, сый отъ Отца и собственно принадлежащій Его сущности, неизмѣняемъ и непреложенъ, какъ и самъ Отецъ. Ибо невозможно сказать, что отъ неизмѣняемой Сущности раждается измѣняемое Слово и измѣняемая Премудрость. Ибо почему уже и Слово, если измѣняемъ? И почему уже Премудрость, если подлежитъ перемѣнамъ? Развѣ хотятъ, чтобы это было какбы случайнымъ въ сущности, какъ въ недѣлимомъ

какомъ существѣ бываетъ случайно какое-либо предрасположеніе и способность къ добродѣтели, и это-то названо Словомъ и Сыномъ и Премудростію, почему можетъ быть и отнято у сего существа и придано ему. Они нерѣдко высказывали подобныя умствованія; но это вѣра не христіанская. Это не показываетъ, что есть истинно Божіе Слово и истинно Божій Сынъ, что Премудрость есть истинная Премудрость. Ибо измѣняемое, преходящее разныя состоянія и не пребывающее въ одномъ и томъ-же, какъ можетъ быть истиннымъ? А Господь говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). Если же Господь самъ о Себѣ говоритъ сіе, и показываетъ Свою неизмѣняемость, и святые, тому-же научившись, свидѣтельствуютъ о семъ, да и по самому понятію о Богѣ признается сіе благочестнымъ; то, откуда занявъ, придумали это нечестивые? Слѣдовательно, изъ сердца, какъ изъ зараженнаго члена, изблевали они это.

37) Но поелику въ защиту свою выставляютъ они Божественныя словеса и усиливаются толковать ихъ по собственному своему разумѣнію, то необходимо въ такой мѣрѣ отвѣчать имъ, чтобы защитить мѣста Писанія и показать, что въ нихъ заключается правый смыслъ, еретики же худо разумѣютъ эти изреченія. Итакъ говорятъ, что Апостоломъ написано: *тѣмъже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Іисусовъ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 9. 10), и Давидомъ: *сего ради помаза Тя Божже Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ* (Псал. 44, 8). Потомъ прибавляютъ, какъ-будто сказывая что-то мудрое: *если сего ради вознесенъ и пріялъ благодать, сего ради помазанъ*; то получилъ награду за свое произволеніе. А если дѣйствовалъ по произволенію; то, безъ сомнѣнія, измѣняемъ по естеству“. И это не только говорить, но и написать осмѣ-

лились Евсевій и Арій; а послѣдователи ихъ не лѣнятся провозглашать то среди торжищъ, не примѣчая, какое безуміе заключается въ словахъ ихъ. Ибо, если въ награду за свое произволеніе получилъ то, что имѣеть, и не имѣлъ бы этого, если бы не привелъ въ дѣйствіе требуемаго; то, получивъ это за добродѣтель и усовершеніе, поэтому уже справедливо названъ и Сыномъ и Богомъ, но не есть истинный Сынъ. Что происходитъ отъ кого-либо по естеству, то есть истинное рожденіе. Таковъ былъ Исаакъ у Авраама, и Іосифъ у Іакова. Таково сіяніе у солнца. А называемые сынами за добродѣтель и по благодати имѣють вмѣсто естества только благодать, вслѣдствіе пріятія сего имени, и инаковы съ тѣмъ, что имъ дано. Таковы люди, по причастію пріявшіе Духа, о которыхъ и сказалъ Богъ: *сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася Мене* (Иса. 1, 2), конечно потому, что не были сынами по естеству. И какъ-скоро измѣнились,—отнять у нихъ Духъ, и они отвержены; но кающихся снова ихъ приметъ и, давъ имъ свѣтъ, опять наречетъ сынами Богъ, вначалѣ даровавшей имъ благодать сію.

38) Посему, если въ такомъ-же смыслѣ говорятъ о Спасителѣ; то окажется, что Онъ не истинный Богъ, не истинный Сынъ, не подобенъ Отцу, и совершенно не имѣеть Бога Отцемъ Своимъ по самой сущности, имѣеть же только по данной Ему благодати, а по сущности имѣеть Бога Творцемъ Своего бытія, подобно какъ и всѣ твари. А если Онъ таковъ, какъ утверждаютъ еретики; то откроется еще, что и вначалѣ не имѣлъ Онъ имени Сына, если только получилъ его въ награду за свои дѣла и преспѣяніе, и именно не за иное, но за то, какое показалъ, когда содѣлался человѣкомъ и принялъ *зракъ раба*. Ибо тогда, какъ сталъ *послушивъ даже до смерти*, скажется о Немъ, что Онъ превознесенъ и получилъ

благодать, то есть имя, *да о имени Иисусовѣ поклонится всяко колѣно*. Чѣмъ же былъ Онъ прежде, если теперъ вознесенъ, теперъ началъ быть достопоклоняемымъ, теперъ названъ Сыномъ, когда содѣлался человѣкомъ? Видно, что нимало не усовершилъ Онъ плоть, а паче Самъ усовершенъ плотію, если, по ихъ зломысленному ученію, тогда вознесенъ и нареченъ Сыномъ, когда сталъ человѣкомъ. Итакъ, чѣмъ же Онъ былъ прежде сего? Опять настоитъ необходимость спросить ихъ объ этомъ, чтобы видѣнъ былъ и конецъ ихъ нечестія. Если Господь есть Богъ, Сынъ, Слово, но не былъ симъ, пока не сталъ человѣкомъ; то, или былъ чѣмъ-либо инымъ, отличнымъ отъ сего, и впослѣдствіи за добродѣтель сдѣлался причастникомъ сего, какъ говорили уже мы, или необходимо сказать имъ другое (что да обратится на главы ихъ!), а именно, что прежде сего Онъ и не былъ, и по естеству совершенно есть человѣкъ, а не что-либо большее. Но это—не церковное ученіе, а мудрованіе Самосатскаго и нынѣшнихъ іудеевъ. Почему же они, мудрствуя по-іудейски, и не обрѣзываются какъ іудеи, но лицемѣрно прикрываются христіанствомъ и ведутъ съ нимъ борьбу?

Если Сынъ не былъ, или хотя и былъ, но усовершился впослѣдствіи; то какъ же *вся Тѣмъ была?* И какъ же о Немъ, если несовершенъ Онъ, радовался Отецъ? Да и самъ Онъ, если нынѣ только усовершился, какъ прежде сего *веселился предъ лицемъ Отца* (Прем. 8, 30)? Если по смерти уже пріялъ Онъ достопоклоняемость; то какъ же видимъ, что Авраамъ поклоняется Ему въ кущѣ, и Моисей—въ купинѣ? Какъ Даніилъ видѣлъ, что *тмы темъ и тысящи тысящъ служатъ Ему* (Дан. 7, 10)? Если, по словамъ еретиковъ, нынѣ Онъ усовершился; то почему же, упоминая о Своей еще прежде міра премірной славѣ, самъ Сынъ сказалъ: *прослави Мя Ты, Отче, славою, юже имѣхъ*

и Тебе прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5)? Если нынѣ вознесенъ, по ихъ мнѣнію; то почему же прежде сего *преклоннн небеса и сниде*, и еще: *даде Вышній гласъ Свой* (Псал. 17, 10. 14)? Слѣдовательно, если Сынъ и прежде сотворенія міра имѣлъ славу, и былъ Господомъ славы и Вышнимъ, и сошелъ съ неба, и всегда былъ достопокланяемъ; то не усовершенъ Онъ сошедши, а паче Самъ усовершилъ имѣющихъ нужду въ усовершеніи. А если снисшелъ для усовершенія другихъ; то не въ награду пріялъ именованіе Сына и Бога, а паче Самъ всыновилъ насъ Отцу, и обожилъ человѣковъ, ставъ Самъ человѣкомъ.

39) Не человѣкомъ бывъ прежде, вполсѣдствіи сталъ Богомъ; но, Богъ сый, вполсѣдствіи сталъ человѣкомъ, чтобы насъ обожить. Ибо если, когда сталъ человѣкомъ, тогда названъ Сыномъ и Богомъ, а прежде нежели сталъ Онъ человѣкомъ, Богъ древніе народы называлъ сынами, и Моисея поставилъ богомъ Фараону, и о многихъ богахъ Писаніе говоритъ: *Богъ ста въ сонмѣ боговъ* (Псал. 81, 1); то явно, что послѣ сихъ названъ Онъ Сыномъ и Богомъ. Посему, какъ же всяческая Тѣмъ *и Той прежде встѣхъ?* Или, почему *перворозжденъ Онъ всея твари* (Колос. 1, 15 — 17), имѣя прежде Себя нареченныхъ сынами и богами? Почему же первые причастники не причастники Слова? Неистинно мнѣніе сіе; оно есть изобрѣтеніе іудействующихъ нынѣ. Какъ вообще могъ бы кто - либо признавать Бога Отцемъ? Ибо невозможно было бы сыноположеніе безъ истиннаго Сына; потому что самъ Сынъ говоритъ: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѣ. 11, 27). И какъ возможно было бы обоженіе безъ Слова и прежде Слова, когда Самъ говоритъ братіямъ этихъ еретиковъ - іудеямъ: *аще оныхъ рече боговъ, къ нимъ же слово Божіе бысть* (Іоан. 10, 35)? А если всѣ тѣ, которые наименованы были сынами и богами на

землѣ и на небесахъ, всыновлены и обожены Словомъ, Слово же есть самъ Сынъ: то явно, что всѣ — Имъ, а Онъ—прежде всѣхъ, лучше же сказать, Онъ только — истинный Сынъ и единый истинный Богъ отъ истиннаго Бога, не въ награду за добродѣтель пріавшій се и не чѣмъ-либо инымъ бывшій, но естествомъ по сущности сущій Сынъ и Богъ; потому что Онъ есть рожденіе Отчей сущности. И посему, никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ подобіе неизмѣняемому Отцу неизмѣняемо и Слово.

40) Доселѣ, основываясь на самыхъ понятіяхъ о Сынѣ, сколько далъ намъ Господь, отражали мы неразумные ихъ вымыслы. Но хорошо будетъ предложить уже и Божественныя словеса, чтобы еще, и въ большей силѣ, были доказаны неизмѣняемость Сына, непреложное въ Немъ Отчее естество, а также и зломудріе еретиковъ. Такъ Апостоль, пиша къ Филиппійцамъ, говоритъ: *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ нещеча быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи чловѣчествѣ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже чловѣкъ: смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 5—11).* Что можетъ быть яснѣе и убѣдительнѣе этого? Не съ низшей начавъ степени, содѣлался болѣе совершеннымъ, а напротивъ того, будучи Богомъ, принялъ зракъ раба, и этимъ принятіемъ не усовершенился, но смирилъ Себе. Посему, гдѣ же въ этомъ награда за добродѣтель? Или, какое преспѣяніе и усовершеніе въ униженіи? Если Онъ, Богъ сый, сталъ чловѣкомъ, и о Снисшедшемъ съ высоты сказается, что

Онъ возносится; то куда же возноситься Богу? Поелику Богъ есть Вышній, то явно опять, что и Слову сего Бога необходимо быть Вышнимъ. Посему, куда же болѣе возноситься Тому, Кто — во Отцѣ и во всемъ подобенъ Отцу? Слѣдовательно, не имѣеть Онъ нуждѣ ни въ какомъ приращеніи, и не таковъ, какимъ предполагають Его ариане. Ибо, если снизошло Слово для возношенія Своего, и таковъ смыслъ Писанія; то какая вообще была потребность смирить Себя, чтобы домогаться о пріятіи того, что имѣло уже Слово? Да и какую благодать пріялъ Податель благодати? Или, какъ пріялъ достойное имя, Кому всегда поклонялись о имени Его. И прежде нежели дѣлается человѣкомъ, святые призываютъ: *Боже, во имя Твое спаси мя* (Псал. 53, 3), и еще: *сѣи на колесницахъ, и сѣи на коняхъ: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Псал. 19, 6. 8). Такъ поклонялись Ему Патріархи, да и объ Ангелахъ написано: *и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6).

41) Если же, какъ Давидъ воспѣваетъ въ семьдесятъ первомъ псалмѣ, имя Его пребываетъ прежде солнца и прежде луны въ роды родовъ (Псал. 71, 5); то какимъ образомъ пріялъ то, что имѣлъ всегда, даже прежде нежели пріялъ это нынѣ? Или, какимъ образомъ возносится, когда Онъ есть Вышній, прежде нежели былъ вознесенъ? Или, какъ пріялъ достойную покланяемость Онъ, и прежде нежели пріемлетъ это нынѣ, всегда достойный покланяемый?

Это — не прикровенное слово, но Божія тайна. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1). Но ради насъ въ послѣдствіи *Слово плоть бысть* (ст. 14). И теперь сказанное: *превознесе* — означаетъ не то, что возносится сущность Слова; потому что она всегда была и есть равна Богу. Напротивъ того, это есть вознесеніе человѣчества. Не прежде

это сказано, но когда уже *Слово плоть бысть*, чтобы ясно было, что слова: *смирилъ* и *превознесе* сказуются о человѣческомъ ествѣ. Ибо чему свойственно смиреніе, то можетъ быть и возносимо. И если вслѣдствіе принятія плоти написано: *смирилъ*; то явно, что къ плоти же относится слово: *превознесе*. Въ этомъ имѣлъ потребность человѣкъ по смиренію плоти и смерти. Поелику Слово, будучи образомъ Отца и безсмертнымъ, пріяло зракъ раба, и ради насъ, какъ человѣкъ, во плоти Своей претерпѣло смерть, чтобы такимъ образомъ за насъ чрезъ смерть принести Себя Отцу; то и сказуется о Немъ, что ради насъ и за насъ вознесено, какъ человѣкъ, чтобы, какъ смертію Его всѣ мы умерли во Христѣ, такъ о самомъ же Христѣ были мы опять и превознесены, будучи воздвигнуты изъ мертвыхъ и входя на небеса, *идѣже прѣдтеча о насъ вниде Исусъ* (Евр. 6, 20), *не въ противоположная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (— 9, 24). Если же нынѣ за насъ вошелъ Христосъ въ самое небо, хотя и прежде сего, и всегда, Онъ Господь и Зиждитель небесъ; то посему написано, что за насъ и вознесенъ нынѣ. И какъ Онъ, *святій* всѣхъ, говоритъ опять Отцу, что святитъ Себя за насъ (Іоан. 17, 19), не для того, чтобы Слову стать святымъ, но чтобы Ему освятить въ Себѣ всѣхъ насъ: такъ разумѣй и сказуемое теперь: *превознесе Его*,—не для того превознесе, чтобы Ему вознестись (ибо Онъ есть Вышній), но чтобы стать Ему правдою за насъ, и намъ вознестись въ Немъ и войти въ небесныя врата, которыя Онъ-же опять отверзъ за насъ при возглашеніи предшествующихъ: *возмите врата князи ваша, и возмимся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы* (Псал. 23, 9). Ибо и здѣсь врата были заключены не Ему — Господу и Творцу всяческихъ, но это написано ради насъ, которымъ заключена райская дверь. Посему, какъ по че-

ловѣчеству, по причинѣ плоти, которую понесъ на Себѣ, сказается о Немъ: *возмите врата*, и какъ о входящемъ человѣкѣ: *внидетъ*; такъ опять по Божеству, потому что Слово есть Богъ, сказается о Немъ: *Тойъ есть Господь и Царь славы*. О такомъ-же, въ насъ совершающемся вознесеніи, предвозвѣстилъ Духъ, въ восемьдесятъ восьмомъ псалмѣ говоря: *и правдою Твоею вознесутся: яко похвала силы ихъ Ты еси* (17. 18). Если же Сынъ есть правда, то не Онъ имѣетъ нужду въ вознесеніи, но мы возносимся правдою, то есть, Имъ.

42) И сіе: *дарова Ему* — написано не ради самого Слова, потому что опять, прежде нежели содѣлалось Оно человѣкомъ, поклонялись Ему, какъ сказано, и Ангелы и вся тварь по единству свойствъ со Отцемъ; но и это опять написано ради насъ и за насъ. Какъ Христосъ умеръ и вознесенъ, яко человѣкъ; такъ о Немъ, яко о человѣкѣ, сказается, что пріемлетъ, что всегда имѣлъ Онъ какъ Богъ, чтобы и на насъ простерлась таковая дарованная благодать. Ибо Слово, принявъ тѣло, не умалилось до того, чтобы возымѣть нужду въ пріятіи благодати, но обожило паче и то, во что облеклось, и въ большей мѣрѣ даровало сіе человѣческому роду. Какъ будучи Словомъ и въ образѣ Божіи сый, Сынъ всегда достопоклоняемъ; такъ Онъ-же сталъ человѣкомъ и нареченъ Іисусомъ, но тѣмъ не менѣе вся тварь—подъ ногами Его, и о имени семъ преклоняетъ предъ Нимъ колѣна, и исповѣдуетъ, что Слово стало плотію и смерть претерпѣло во плоти, совершилось же это не къ безславію Божества, но въ славу Бога Отца. А слава Отца—въ томъ, что человѣкъ созданный и погибшій обрѣтенъ, умерщвленный оживотворенъ и содѣлался Божіимъ храмомъ. Поелику небесныя Силы, Ангелы и Архангелы, какъ всегда поклоняются Ему, такъ и нынѣ поклоняются Господу о имени Іисусовѣ; то намъ при-

надлежитъ сія благодать и наше это превознесеніе, что Сынъ Божій, и содѣлавшись человѣкомъ, достопокланяемъ, и не удивятся небесныя Силы, видя, какъ всѣ мы *стѣлесники Его* (Ефес. 3, 6) вводимся въ ихъ область. Но не совершилось бы это иначе, если бы *во образъ Божіи Сынъ* не пріялъ *зракъ раба*, и не *смирилъ Себе*, попустивъ тѣлу пріять даже смерть.

43) Итакъ, чтò, по мнѣнію людей, ради креста есть *буре Божіе* (1 Кор. 1, 25), то стало честнѣе всего. Ибо въ Немъ соблюдается наше воскресеніе. Не одинъ израиль, но и всѣ уже народы, какъ предрекъ Пророкъ, оставляютъ идоловъ своихъ, познаютъ же истиннаго Бога Отца Христова; демонское мечтаніе приведено въ бездѣйствіе, покланяются же единому истинному Богу о имени Господа нашего Иисуса Христа. А тѣмъ, что покланяются Господу, явившемуся во плоти и нареченному Иисусомъ, и вѣрують, что Онъ есть Сынъ Божій и что чрезъ Него познается Отецъ, ясно показывается, какъ сказано, что не Слово, поскольку Оно есть Слово, пріяло таковую благодать, но пріяли мы. Ибо, по сродству съ тѣломъ Его, и мы стали храмомъ Божіимъ, содѣланы уже сынами Божіими; почему и въ насъ уже достопокланяемъ Господь, и взирающіе на насъ возвѣщаютъ, какъ сказалъ Апостоль, что *воистину Богъ есть съ сими* (1 Кор. 14, 25); какъ и Іоаннъ въ Евангеліи говоритъ: *лицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. 1, 12), а въ Посланіи пишетъ: *о семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа Его, его же даль есть намъ* (1 Іоан. 3, 24). Признакомъ же Его явленной намъ благодати служить, что возносимся мы; потому что въ насъ пребываетъ Вышній Господь, и ради насъ дается благодать; потому что раздающій благодать Господь содѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ.

Самъ же Спаситель *смирилъ Себе* принятіемъ нашего смиреннаго тѣла. Онъ воспріялъ *зракъ раба*,

облекшись въ плоть, порабощенную грѣхомъ. И хотя Самъ не пріялъ отъ насъ ничего, служащаго къ усовершенію, — (потому что Божіе Слово не имѣеть нужды ни въ чемъ): однакоже, мы чрезъ Него тѣмъ паче усовершились; потому что Онъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9).

И напрасно аріане опираются на семь словъ: *тѣмъ же*, когда Павелъ говоритъ: *тѣмъ же и Богъ Его превознесе*. Ибо не въ означеніе награды за добродѣтель и усовершенія въ преспѣяніи Его сказалъ это Апостоль, но показываетъ причину въ насъ совершеннаго вознесенія. Что же это значитъ? Не то ли, что въ образѣ Божіи сый Сынъ высокаго Отца смирилъ Себя, и вмѣсто насъ и за насъ содѣлался рабомъ? Ибо, если бы Господь не содѣлался человѣкомъ, то не были бы мы избавлены отъ грѣховъ и не возстали бы изъ мертвыхъ, но пребывали бы мертвыми подъ землею, не были бы вознесены на небеса, но оставались бы лежащими во адѣ. Поэтому, ради насъ и за насъ сказано: *превознесе и дарова*.

44) Посему, полагаю, что такой смыслъ изреченія есть самый церковный. Впрочемъ, иной можетъ искать и другаго значенія въ этомъ изреченіи, объясняя его обратнымъ прежнему образомъ, а именно: не означаетъ этимъ, что возносится самое Слово, поскольку оно есть Слово, — потому что Оно, какъ сказано нѣсколько прежде, есть Высочайшее и подобно Отцу; но изреченіе это, по причинѣ человѣчества Его, указываетъ на воскресеніе изъ мертвыхъ. Посему, Апостоль, сказавъ: *смирилъ Себе даже до смерти*, тотчасъ присовокупилъ: *тѣмъ же превознесе*, желая показать, что, если, какъ человѣкъ, сказуется Онъ умершимъ, то, какъ жизнь, вознесенъ воскресеніемъ. Ибо *сшедый Той есть* и воскресый (Ефес. 4, 10); сошелъ Онъ тѣлесно, воскресъ же, потому что въ тѣлѣ былъ

Богъ. И посему-то самому опять присовокупилъ въ такомъ-же смыслѣ слово: *тъмже*, — въ означеніе не награды за добродѣтель или преспѣваніе, но причины, по которой совершилось воскресеніе, и по которой, когда всѣ люди отъ Адама и донынѣ умирали и оставались мертвыми, Онъ одинъ невредимымъ возсталъ изъ мертвыхъ. Сему причиной, какъ Самъ сказалъ прежде, есть то, что Онъ Богъ и содѣлался человѣкомъ. Всѣ прочіе люди, происходя только отъ Адама, умирали, и смерть царствовала надъ ними (Римл. 5, 14). А сей второй человѣкъ есть съ небеси; потому что *Слово плоть бысть*. И о такомъ Человѣкѣ сказуется, что Онъ — съ неба и есть небесный; потому что съ неба снизошло Слово, почему и не обладается смертію. Ибо, хотя и смирилъ Себя, дозволивъ собственному Своему тѣлу пріять даже смерть, потому что доступно было оно смерти; однакоже, превознесенъ отъ земли, потому что въ тѣлѣ былъ самъ Сынъ Божій. Посему, сказанное здѣсь: *тъмже и Богъ Его превознесе*—равно сказанному Петромъ въ Дѣянїяхъ: *Егоже Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бѣше мощно держиму быти Ему отъ нея* (Дѣян. 2, 24). Ибо, какъ Павломъ написано: *во образъ Божїи Сынїи сталъ человѣкомъ, и смирилъ Себе даже до смерти, тъмже и Богъ Его превознесе*: такъ и у Петра говорится: поелику Онъ Богъ и содѣлался человѣкомъ, но знаменїя и чудеса показали всякому видящему, что Онъ Богъ, то по сему самому *не бѣше мощно держиму Ему быти въ смерти*. Но человѣку невозможно было дойти до такого совершенства; потому что смерть свойственна человѣку. Посему, Слово, будучи Богомъ, стало плотію, чтобы, умерши плотію, силою Своею оживотворить всѣхъ.

45) Поелику же говорится, что Онъ возносится и что *Богъ дарова Ему*, а еретики почитаютъ это недо-

статкомъ или страдательнымъ состояніемъ для сущности Слова; то необходимо сказать, почему и это говорится. Возносящимся сказуется Онъ отъ *ддльнѣйшихъ странъ земли* (Ефес. 4,9); потому что и смерть сказуется Его смертію. О Немъ же говорится и то и другое; потому что Ему, а не другому, принадлежало тѣло, вознесенное отъ мертвыхъ и взятое на небеса. И опять, поелику тѣло принадлежитъ Ему, и не внѣ тѣла—само Слово; то справедливо говорится, что съ возносимымъ тѣломъ и Самъ, какъ человѣкъ, возносится по причинѣ тѣла. Посему, если не сталъ Онъ человѣкомъ, то пусть не говорится этого о Немъ. А если *Слово плоть бысть*, то необходимо, чтобы и воскресеніе и вознесеніе были сказуемы о Немъ, какъ о человѣкѣ, чтобы, какъ сказуемая о Немъ смерть была искупленіемъ грѣховъ человѣческихъ и уничтоженіемъ смерти, такъ сказуемая о Немъ воскресеніе и вознесеніе чрезъ Него надежными пребыли и для насъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Апостоль сказалъ: *Богъ Его превознесе, и Богъ дарова Ему*, чтобы и этимъ еще показать, что не Отецъ есть Тотъ, Кто сталъ плотію, но что Слово Его содѣлалось человѣкомъ, и Оно по-человѣчески, какъ сказано, и пріемлетъ отъ Отца, и возносится Имъ. Явно же, и никто не можетъ въ томъ сомнѣваться, что, если даетъ что Отецъ, то даетъ это чрезъ Сына. Удивительно, и подлинно можетъ привести въ изумленіе, что самъ Сынъ сказуется пріемлющимъ ту благодать, какую даетъ Онъ отъ Отца, и тѣмъ вознесеніемъ, какое совершаетъ Сынъ чрезъ Отца, какбы возносится и самъ Сынъ. Ибо Тотъ-же самый, Кто есть Божій Сынъ, содѣлался и сыномъ человѣческимъ. И какъ Слово, даетъ Онъ то, что—отъ Отца; потому что все, что творить и даетъ Отецъ, творить и сообщаетъ чрезъ Него; а какъ сынъ человѣческій, Онъ-же сказуется по-человѣчески пріемлющимъ то, что—отъ Него; по-

тому что тѣло принадлежитъ не другому, а Ему, и тѣлу, какъ сказано, свойственно — принимать благодать. Ибо пріялъ при вознесеніи чловѣка, и вознесеніемъ было обоженіе его. Само же Слово всегда имѣло сіе по Отчему Своему Божеству и совершенству.

46) Посему, написанное Апостоломъ, заключая въ себѣ такую мысль, обличаетъ нечестивыхъ, и сказанное Пѣснопѣвцемъ имѣетъ опять тотъ-же правый смыслъ. И хотя еретики перетолковали его, но Псалмопѣвецъ доказываетъ, что благочестиво это пониманіе; ибо говоритъ: *Престоль Твой Боже въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости жезлъ царствія Твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси неправду: сего ради помаза Тя Боже Богъ Твой елеемъ радости наше причастникъ Твоихъ* (Псал. 44, 7. 8). Смотрите, аріане, и хотя изъ сего познайте истину. Псаломникъ всѣхъ насъ назвалъ причастниками Господа. А если бы и Господь былъ изъ не-сущихъ и однимъ изъ сотворенныхъ; то и Самъ былъ бы однимъ изъ причастниковъ. Но поелику пѣснословить Его вѣчнымъ Богомъ, говоря: *престоль Твой Боже въ вѣкъ вѣка*, все же прочее представляетъ причастнымъ Его,—что должно уразумѣть? Не то ли, что Онъ отмѣненъ отъ всего сотвореннаго и одинъ есть истинное Отчее Слово, Сіяніе и Премудрость, Которой причастны всѣ твари, и отъ Него освящаются Духомъ? И здѣсь помазуется, но не для того, чтобы стать Богомъ,—потому что былъ прежде сего,—и не для того, чтобы стать Царемъ,—потому что царствуетъ вѣчно, будучи Божиимъ Образомъ, какъ показываетъ сіе изреченіе; но и это опять написано въ-отношеніи къ намъ. Цари израильскіе, когда были помазуемы, тогда дѣлались царями, не бывъ царями прежде, какъ наримѣръ—Давидъ, Езекиа, Іосія и другіе. Напротивъ того, Спаситель, хотя есть Богъ, и царствуетъ всегда въ царствѣ

Отца, и Самъ есть податель Духа Святаго, однакоже, сказается теперь помазуемымъ, чтобы опять, когда сказается о Немъ, что помазанъ Духомъ, какъ чело-вѣкъ, и намъ чело-вѣкамъ приуготовить какъ вознесе-ніе и воскресеніе, такъ вселеніе и присвоеніе Духа. Сіе же давая разумѣть, и самъ Господь сказалъ въ Евангеліи отъ Іоанна: *Азъ послахъ ихъ въ міръ и за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣи будутъ священи во истину* (Іоан. 17, 18. 19). Говоря это, показалъ Онъ, что Самъ есть не освящаемый, но освящающій; ибо не другимъ освящается, но Самъ Себя святитъ, чтобы мы были *священи во истину*. Святѣй же Себя есть Господь освященія. Какъ же это совершается? Въ какомъ смыслѣ говоритъ это? Не въ этомъ ли? „Я, Слово Отчее, Самъ даю Духа Себѣ, содѣ-лавшемуся чело-вѣкомъ, свящу Имъ Самъ Себя, со-дѣлавшагося чело-вѣкомъ, чтобы уже Мною — исти-ною (*слово же Твое истина есть*, ст. 12) освятились и всѣ“.

47) Если же насъ ради святитъ Себя и совершаетъ это, когда сталъ чело-вѣкомъ, то явно, что и во Іорданѣ бывшее на Него сошествіе Духа было соше-ствіемъ на насъ; потому что носить Онъ на Себѣ наше тѣло. И было оно не къ усовершенію Слова, но для нашего опять освященія, чтобы мы причасти-лись Его помазанія, и о насъ могло быть сказано: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16)? Ибо, когда Господь, какъ чело-вѣкъ, крестится во Іорданѣ,—мы въ Немъ и Имъ омываемся, и когда приѣмлетъ Онъ Духа,—мы чрезъ Него дѣлаемся духоприемными. Посему, пома-зывается Онъ не такъ-же, какъ Ааронъ, или Давидъ, или всѣ прочіе помазуемы были елеемъ, но иначе, — *паче всѣхъ причастникъ Своихъ, елеемъ радости*; а это есть Духъ, какъ, Самъ толкуя, говоритъ чрезъ Пророка: *Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради по-*

маза Мя (Иса. 61, 1), какъ и Апостоль сказалъ: *яко помаза Его Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38). Посему, когда же это о Немъ сказано,—не тогда ли, какъ, воплотившись, крестился Онъ во Іорданѣ, и сошелъ на Него Духъ? Самъ Господь говоритъ: *Духъ отъ Моего приметъ* (Іоан. 16, 14), и: *Азъ пошлю Его* (Іоан. 15, 26); и ученикамъ сказалъ: *примите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22). И однакоже, о Немъ, Который какъ Слово и Сіяніе Отчее, подаетъ Духа другимъ сказуется теперь, что Онъ святится по той опять причинѣ, что содѣлался человѣкомъ и освящено тѣло Его. Отъ Него и мы начали пріимать помазаніе и печать, какъ говоритъ Іоаннъ: *и вы помазаніе имате отъ Святаго* (1 Іоан. 2, 20); и Апостоль: *и вы знаменаетесь Духомъ обѣтованія Святымъ* (Ефес. 1, 13). Слѣдовательно, сказано это ради насъ и о насъ.

Посему и этимъ показывается ли какое преслѣпаніе въ усовершеніи, или какая награда добродѣтели или просто дѣлъ Господнихъ? Если бы, не бывъ Богомъ, содѣлался Богомъ, если бы, не царствовавъ, возведенъ былъ на царство; то слово ваше имѣло бы нѣкоторую тѣнь вѣроятности. А если Онъ Богъ, и престоль царствія Его вѣченъ; то какъ преуспѣвать Богу? Или, чего не доставало Сѣдящему на Отчемъ престолѣ? Если же, какъ и самъ Господь сказалъ, Его есть Духъ, отъ Него пріемлетъ, и Онъ посылаетъ Духа; то не Слово, поколику оно есть Слово и Премудрость, помазуется подаваемымъ отъ Него Духомъ, но воспріятая Имъ на Себя плоть въ Немъ и Имъ помазуется, чтобы освященіе, совершенное надъ Господомъ, какъ надъ человѣкомъ, совершилось Имъ надъ всѣми людьми. Сказано: *Духъ не отъ Себе глаголетъ* (Іоан. 16, 13), но Слово даетъ Духа достойнымъ. И это—подобно приведенному выше изреченію. Какъ Апостоль написалъ: *Иже во образъ Божіи*

сынъ не восхищеніемъ нещесеа быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ: такъ и Давидъ воспѣваетъ, что Господь есть вѣчный Богъ и Царь, но посланъ къ намъ и пріялъ наше смертное тѣло. Ибо даетъ это разумѣть, говоря во псалмѣ: смирна и стакти и касіа отъ ризъ Твоихъ (Псал. 44, 9). Это же показываютъ Никодимъ и яже о Маріи, когда первый пріиде, нося смѣшеніе смиренно и алоино, яко литръ сто (Іоан. 19, 39), а послѣднія принесли яже уготоваша ароматы на погребеніе Господня тѣла (Лук. 24, 1).

48) Какое опять преспѣяніе у Безсмертнаго, воспріявшаго на Себя смертное? Или, какое усовершеніе у Вѣчнаго, облекшагося во временное? Какая возможна бѣльшая награда вѣчному Богу и Царю, существу въ нѣдрахъ Отчихъ? Ужели не видите, что и это ради насъ было, и о насъ написано, чтобы Господу, содѣлавшемуся человѣкомъ, насъ смертныхъ и временныхъ содѣлать безсмертными и ввести въ вѣчное небесное царство? Ужели не стыдитесь вы, клевета на Божественныя изреченія? Когда пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, мы усовершились, освободившись отъ грѣха, а Онъ пребываетъ тотъ-же, и не измѣнился (опять должно повторить сіе) отъ того, что содѣлался человѣкомъ, но, какъ написано, Слово Божіе *пребываетъ во вѣки* (Іса. 40, 8). Безъ сомнѣнія, какъ до вочеловѣченія, будучи Словомъ, подавалъ святымъ Духа, какъ Своего собственнаго, такъ, и содѣлавшись человѣкомъ, святитъ всѣхъ Духомъ, и говоритъ ученикамъ: *пріимите Духъ Святъ*. Онъ далъ Духа Моисею и другимъ седмидесяти (Числ. 11, 25. 27); чрезъ Него и Давидъ молился Отцу, говоря: *Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене* (Псал. 50, 13). А содѣлавшись человѣкомъ, сказалъ Онъ: *послю вамъ Утѣшителя, Духа истинны* (Іоан. 15, 26), и послалъ; потому что Онъ—неложное Божіе Слово.

Посему, *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки* пребываетъ неизмѣннымъ (Евр. 13, 8). Онъ и даетъ, и пріемлетъ: даетъ, какъ Божіе Слово; пріемлетъ, какъ человѣкъ; усовершается не Слово, какъ Слово,—ибо Оно имѣло все и всегда имѣетъ,—но усовершаются люди, въ Немъ и чрезъ Него имѣющіе начатокъ пріятія. Ибо когда Онъ скажется теперь помазуемымъ по-человѣчески, — помазуемся въ Немъ мы; и когда крещается Онъ,—крещаемся въ Немъ мы. Все же это еще болѣе уясняетъ Спаситель, говоря Отцу: и *Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы* (Іоан. 17, 22). Посему, для насъ просилъ Онъ славы, для насъ сказано о Немъ: и *пріялъ, и дарова, и превознесе*, чтобы мы пріяли, чтобы намъ было даровано, и мы были вознесены въ Немъ, какъ для насъ же и *святитъ Себе*, чтобы мы *священни были* въ Немъ.

49) Если же, по причинѣ присовокупленнаго во псалмѣ: *сего ради помаза тя Божже Богъ твой*, изъ реченія *сего ради* заимствуютъ опять себѣ предлогъ къ подтвержденію своей мысли: то пусть дознаютъ эти невѣжды въ Писаніяхъ и эти изобрѣтатели нечестія, что и здѣсь опять слово *сего ради* означаетъ не награду добродѣтели или дѣлъ Слова, но причину Его къ намъ пришествія и для насъ совершеннаго на Немъ помазанія Духомъ. Не сказалъ Давидъ: „сего ради помаза Тя, чтобы Ты сталъ Богомъ, или Царемъ, или Сыномъ, или Словомъ“, — симъ и прежде сего былъ, и всегда есть, какъ это доказано. Но паче говоритъ: „поелику Ты Богъ и Царь, то *сего ради* и помазанъ; потому что не другому принадлежало привести человѣка къ единенію съ Духомъ Святымъ, какъ Тебѣ, Отчему Образу, по Которому и вначалѣ сотворены мы. Ибо Твой есть и Духъ. Естество существъ сотворенныхъ недостаточно для сего; потому что и Ангелы стали преступниками, и люди впади въ

преслушаніе“. Для сего была потребность, чтобы самъ Богъ (Слово же есть Богъ) освободилъ ставшихъ подъ клятвою. Посему, если бы изъ не-сущихъ былъ Онъ, то не былъ бы и Христомъ, Самъ будучи единымъ изъ всѣхъ и причастникомъ. Но поелику Онъ Богъ, какъ Божій Сынъ, Царь и вѣченъ, какъ Сіяніе и Образъ Отца; то посему справедливо Онъ есть ожидаемый Христосъ, Котораго Отецъ предвозвѣщаетъ людямъ, открывая святымъ своимъ Пророкамъ, чтобы, какъ чрезъ Него сотворены мы, такъ въ Немъ совершилось для всѣхъ избавленіе отъ грѣховъ, и Онъ царствовалъ надъ всѣми. Такова причина совершившагося надъ Нимъ помазанія и явленія Слова во плоти. Сіе-то прозрѣвая, и Псалмопѣвецъ, когда воспѣваетъ Его Божество и Отеческое царство, возглашаетъ: *престолъ Твой Боже въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего*; а когда возвѣщаетъ о пришествіи Его къ намъ,—говоритъ: *сего ради помаза Тя Боже Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ* (Псал. 44, 7. 8).

50) Что же удивительнаго, или что невѣроятнаго, если Господь, подающій Духа, скажется Самъ помазуемымъ отъ Духа, когда опять, по требованію нужды, не отрекается именовать Себя по человѣчеству Своему и меньшимъ Духа? Ибо, когда іудеи сказали, что изгоняетъ Онъ бѣсовъ о *веельзевулъ*, отвѣчалъ и сказалъ въ обличеніе ихъ—хулителей: *аще ли же Азъ о Дусть Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. 12, 28). Вотъ Податель Духа говоритъ теперь, что Самъ изгоняетъ бѣсовъ о *Дусть*. Это же не иначе сказано, какъ по причинѣ плоти. Поелику естество человѣческое само по себѣ недостаточно къ тому, чтобы изгонять бѣсовъ, а можетъ это дѣлать только силою Духа; то посему, какъ человѣкъ, сказалъ: *аще ли же Азъ о Дусть Божіи изгоню бѣсы*. Конечно, давая разумѣть,

что и хула, произносимая на Духа Святаго важнѣе хулы на Его человѣчество, сказалъ: *уже аще речеть слово на Сына человеческого, получить отпущеніе* (Матѣ. 12, 32). Таковы были говорившіе: *не сей ли есть тектоновъ сынъ* (Матѣ. 13, 55)? А которые хулятъ Духа Святаго и дѣла Слова приписываютъ діаволу, тѣ понесутъ неизбѣжное наказаніе. Такимъ образомъ говорилъ Господь іудеямъ, какъ человѣкъ; ученикамъ же Своимъ, являя Свое Божество и величіе, и давая разумѣть, что Самъ—не менѣе Духа, но равенъ Ему, даровалъ Онъ Духа, и сказалъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22), и: *Азъ Его пошлю; и: Онъ Мя прославитъ, и: елика услышитъ, глаголати имать* (Іоан. 16, 13. 14). Посему, здѣсь самъ Податель Духа Господь не отрекается сказать, что Онъ, какъ человѣкъ, *о Дусть* изгоняетъ бѣсовъ. Подобнымъ сему образомъ, Самъ будучи подателемъ Духа, поелику, какъ сказалъ Іоаннъ, сталъ Онъ плотію, не отрекся сказать: *Духъ Господень на Мя, Егоже ради помаза Мя* (Иса. 61, 1), чтобы показать чрезъ это, что мы и для освященія имѣемъ нужду въ благодати Духа, и не можемъ изгонять демоновъ безъ силы Духа. Кѣмъ же и чрезъ кого долженъ быть подаваемъ Духъ, какъ не чрезъ Сына, когда Онъ есть Духъ Сына? Могли ли бы мы когда-либо пріять Духа, если бы Слово не содѣлалось человѣкомъ? И какъ сказанное Апостоломъ показываетъ, что не были бы мы избавлены и превознесены, если бы *во образъ Божіи Сынъ* не пріялъ *зракъ раба*; такъ и Давидъ показываетъ, что не сдѣлались бы мы причастниками Духа и не освятились бы иначе, если бы самъ Податель Духа—Слово не сказалъ о Себѣ, что Онъ за насъ помазуется Духомъ. И мы надежно пріемлемъ, потому что Онъ скажется помазаннымъ по плоти. Ибо какъ-скоро въ Немъ первомъ освятилась плоть, и чрезъ нее скажется Онъ пріявшимъ Духа, какъ человѣкъ;

то вслѣдъ за Нимъ и мы имѣемъ благодать Духа, пріемля отъ исполненія Его.

51) А слова: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси неправду*, присовокуплены во псалмѣ не въ означеніе, какъ вы опять думаете, измѣняемаго естества Слова, а напротивъ того, этимъ самымъ даютъ разумѣть болѣе неизмѣняемость Слова. Поелику естество существъ сотворенныхъ измѣняемо и, какъ сказано, одни преступили, другіе преслушали заповѣдь, и дѣятельность ихъ непостоянна, но нерѣдко есть возможность нынѣ доброму впослѣдствіи измѣниться и стать инымъ, а потому, дотолѣ праведному чрезъ нѣсколько времени оказаться неправеднымъ: то опять была потребность въ Неизмѣняемомъ, чтобы непреложность правды Слова люди имѣли для себя образомъ и примѣромъ въ добродѣтели. Такое же разумѣніе для здравомыслящихъ имѣетъ основательную причину. Поелику первый Адамъ измѣнился и чрезъ грѣхъ вошла въ міръ смерть, то прилично посему было, чтобы второй Адамъ пребывалъ неизмѣннымъ; и если бы снова сталъ нападать змій, то не имѣло бы силы обольщеніе этого змія и, по неизмѣняемости и непреложности Господа, для всѣхъ немощнымъ содѣлался змій въ своихъ нападеніяхъ. Ибо, какъ съ преступленіемъ Адамовымъ грѣхъ простерся на всѣхъ людей: такъ, поелику Господь сталъ человѣкомъ и низложилъ змія, таковая-же крѣпость будетъ переходить во всѣхъ людей; почему, каждый изъ насъ скажетъ: *не неразумнаемъ умысленій его* (2 Кор. 2, 11). Посему, Господь всегда и по естеству неизмѣняемый, любя правду и ненавидя неправду, справедливо помазуется и Самъ посылается, чтобы Ему, пребывающему однимъ и тѣмъ-же, пріявъ измѣняемую плоть, какъ осудить въ ней грѣхъ, такъ и содѣлать ее свободною; послѣ чего можно уже было бы въ ней и намъ исполнить законную правду и прійти въ состояніе сказать: *мы*

несмы во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ насъ (Рим. 8, 9).

52) Поэтому, напраснымъ для васъ, ариане, дѣлается теперь таковое предположеніе, и напрасно представляете въ предлогъ реченія Писаній. Слово Божіе неизмѣняемо, всегда одно и то-же, и притомъ столько-же неизмѣняемо, сколько и Отецъ. Ибо иначе, какимъ образомъ Оно подобно Отцу, если не въ такой-же мѣрѣ неизмѣняемо? Или, какимъ образомъ все, чтò имѣетъ Отецъ, будетъ имѣть и Сынъ, если не имѣетъ Онъ неизмѣняемости и непреложности Отца? Не какъ подлежащій законамъ и имѣющій склонность и къ тому и къ другому, одно Онъ любитъ, а другое ненавидитъ, чтобы, изъ страха—подвергнуться паденію, не допустить чего худаго. Невозможно также представить Его и иначе какъ-либо измѣняемымъ. Напротивъ того, какъ Богъ и Отчее Слово, Онъ есть праведный и добротолубивый судія, лучше же сказать, Податель добродѣтели. Поелику праведенъ и святъ Онъ по естеству, то сказуется о Немъ, что любитъ правду и ненавидитъ неправду, или, что то-же значить, любитъ и пріемлетъ добродѣтельныхъ, отверщается же и ненавидитъ неправедныхъ. Ибо и объ Отцѣ то-же сказуютъ Божественныя Писанія: *праведенъ Господь, и правды возлюби* (Псал. 10, 7); и: *возненавидѣлъ еси вся дѣлающія беззаконіе* (Псал. 5, 6); и: *любитъ Господь врата Сиона, и не во многое ставитъ селенія Иаковля* (Псал. 86, 2); и: *возлюби Иакова. Исава же возненавидѣ* (Мал. 1, 2). И у Исаіи Богъ говоритъ также: *Азъ есмь Господь любяій правду, и ненавидяій грабленія отъ неправды* (Иса. 61, 8). Поэтому и тѣ реченія пусть принимаютъ, какъ и эти, потому что и тѣ написаны о Божіемъ Образѣ; или пусть и эти, какъ и тѣ, разумѣютъ худо, и Отца представляютъ себѣ измѣняемымъ. Но если и слышать, когда говорятъ это другіе, не безопасно; то хорошаго

держимся разумѣнія, когда сказанное о Богѣ, что любить Онъ правду и ненавидитъ *грабленія отъ неправды*, понимаемъ не въ томъ смыслѣ, будто бы имѣетъ Онъ склонность къ тому и другому, и можетъ принять даже противное, почему одно избираетъ, а другаго не избираетъ (это свойственно существамъ сотвореннымъ), но въ томъ, что, какъ Судія, любитъ и приемлетъ Онъ праведныхъ, далекъ же бываетъ отъ злыхъ. Сообразно же будетъ подобное сему представлять и о Божіемъ Образѣ, а именно, что также любитъ и ненавидитъ; ибо естество Образа должно быть таково же, каковъ и Отецъ Образа, хотя ариане, какъ слѣпые, не видятъ въ Божественныхъ словесахъ ни сего Образа, ни чего-либо другаго.

Приведенные въ затрудненіе своими любимыми мнѣніями, или, лучше сказать, своимъ сумазбродствомъ, снова прибѣгаютъ они къ изреченіямъ Божественныхъ Писаній, и по обычаю не вникая въ нихъ, не видятъ заключающагося въ нихъ смысла, но какбы поставивъ для себя какимъ-то правиломъ собственное свое нечестіе, къ нему наклоняютъ всѣ Божіи словеса; почему, когда и ихъ только произносятъ, достойны слышать одно сіе: *прельщаетесь, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія* (Матѳ. 22, 29). И если стоятъ въ своемъ,—должны опять устыдиться и услышать: *воздадите* человѣческая человѣку, *и Божія* Богови (Матѳ. 22, 21).

53) Такъ говорятъ они: въ Притчахъ написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Прит. 8, 22), а въ Посланіи къ евреямъ Апостоль говоритъ: *только лучшій бывъ Ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя* (Евр. 1, 4), и немного ниже: *тѣмже, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Иисуса: върна суща Сотворшему Его* (3, 1. 2); и въ Дѣянїяхъ: вѣдомо да будетъ

всѣмъ вамъ, *весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть, сего Иисуса, Егоже вы распяте* (Дѣян. 2, 36). При всякомъ случаѣ повторяя эти мѣста и погрѣшая въ ихъ разумѣніи, заключили изъ нихъ, что Слово Божіе есть тварь и произведеніе, одно изъ существъ сотворенныхъ. Такъ обольщаютъ они и людей неразумныхъ, представляя въ предлогъ эти изреченія, и вмѣсто истиннаго, заключающагося въ нихъ, смысла разсѣвая собственный свой еретическій ядъ. Ибо, если бы разумѣли, то не стали бы нечестиво говорить о Господѣ славы, и перетолковывать, что прекрасно написано. Посему, если явно уже, усвоивъ себѣ Каіафинъ нравъ, заблаго-разсудили іудействовать, а потому не хотятъ знать написаннаго, что Богъ дѣйствительно вселится на землѣ (Зах. 2, 10): то пусть не входятъ въ изслѣдованіе Апостольскихъ реченій; потому что несвойственно это іудеямъ. Если также, присоединясь къ безбожнымъ манихеямъ, отрицаютъ сказанное: *Слово плоть бысть*, и пришествіе Слова во плоти: то пусть не приводятъ мѣста изъ Притчей; потому что несвойственно это манихеямъ. Если же ради спора и той корыстолубивой выгоды, какую пріобрѣли изъ сего, а также ради мнимаго славолубія не смѣютъ отрицать сказаннаго: *Слово плоть бысть*;—потому что это написано: то пусть или реченія, написанныя о семъ, разумѣютъ правильно о пришествіи Спасителевомъ въ тѣлѣ, или, если отрицаютъ это разумѣніе, отрицаютъ вмѣстѣ и то, что Господь сталъ человѣкомъ Ибо неприлично—и исповѣдывать, что Слово стало плотію, и стыдиться того, что написано о Немъ, и поэтому извращать смыслъ написаннаго.

54) Написано: *только лучший бывъ Ангеловъ* (Евр. 1, 4). Это нужно сперва рассмотреть. И какъ надлежитъ, и даже необходимо, дѣлать со всякимъ мѣстомъ Божественнаго Писанія; такъ и здѣсь должно вѣрно

истолковать, по какому обстоятельству сказалъ это Апостоль, о какомъ лицѣ и предметѣ написалъ это, чтобы читатель въ этомъ, или въ другомъ мѣстѣ, не зная чего-либо изъ сказаннаго, не остался далекимъ отъ истиннаго смысла. Сіе-то зная, и тотъ любознательный евнухъ просилъ Филиппа сказать: *Молю тѣ, о комъ Пророкъ глаголетъ сіе? О себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ* (Дѣян. 8, 34)? Боялся онъ, чтобы, протолковавъ читанное не о томъ лицѣ, не уклониться отъ правильнаго смысла. И ученики, желая знать время сказуемаго имъ, умоляли Господа, *глаголюще: рци намъ, когда сія будутъ? и что есть знаменіе Твоего пришествія* (Матѣ. 24, 3)? И они, слыша отъ Спасителя о кончинѣ міра, хотѣли знать самое время для того, чтобы и самимъ не обмануться и быть въ-состояніи научить другихъ. И дѣйствительно, узнавъ о семъ, исправили они Солунянъ, готовыхъ впасть въ заблужденіе. Посему, когда приобрѣтетъ кто совершенное знаніе о чемъ-либо подобномъ, тогда будетъ имѣть правильное и здоровое разумѣніе вѣры. А если кто что-либо подобное перетолкуетъ о другомъ, то вскорѣ впадетъ въ ересь. Такъ, во времени ошибались Именей и Александръ,—говоря, что воскресеніе уже было, а Галаты, — уже послѣ надлежащаго времени возлюбивъ обрѣзаніе. И іудеи были, и донынѣ находятся, въ заблужденіи касательно лица, когда думаютъ, что объ одномъ изъ нихъ сказано: *се Дѣва во чревтѣ приметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть казаемо: съ нами Богъ* (Матѣ. 1, 23. Иса. 7, 14), и когда слова: *Пророка вамъ возставитъ Богъ* (Второз. 18, 15) почитаютъ сказанными объ одномъ изъ Пророковъ, и слыша: *яко овца на заколеніе ведеса* (Иса. 53, 7), не учатся у Филиппа, но предполагаютъ, что это сказано объ Исаи или о комъ другомъ изъ бывшихъ Пророковъ.

55) Тому-же подвергшись, и христорборцы впади въ мерзкую ересь. Если бы эти безразсудные знали лице и предметъ и время въ Апостольскомъ изреченіи, то не стали бы столько нечестивать, человѣческое толкуя о Божествѣ. Это же можно увидѣть, если кто хорошо протолкуетъ начало мѣста.—Апостоль говоритъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣи сихъ глагола намъ въ Сынѣ* (Евр. 1, 1). Потомъ, чрезъ нѣсколько словъ продолжаетъ: *Собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, съде одесную величествія на высокихъ, толико лучшій бывъ Ангеловъ, елико преславнѣе наче ихъ наследствова имя* (—3. 4). И такъ, Апостольское изреченіе напоминаетъ о времени, въ которое Богъ глагола намъ въ Сынѣ, когда также совершено и очищеніе грѣховъ. Когда же глагола намъ въ Сынѣ? И когда совершено очищеніе грѣховъ? Когда содѣлался человѣкомъ? Не послѣ ли Пророковъ? Не на послѣдокъ ли днѣи? Потомъ, поелику идетъ рѣчь о домостроительствѣ нашего спасенія, говоря о послѣднихъ временахъ, по связи съ этимъ упомянулъ, что и въ прежнія времена Богъ не умолкалъ, но глагола намъ чрезъ Пророковъ. А поелику и Пророки служили, и чрезъ Ангеловъ изглаголанъ Законъ (Гал. 3, 19), но пришелъ и Сынъ, и пришелъ послужить; то по необходимости присовокупилъ: *толико лучшій бывъ Ангеловъ*, желая показать, что сколько Сынъ отличенъ отъ раба, столько-же и служеніе Сына стало лучше служенія рабовъ. Посему Апостоль, различая ветхозавѣтное и новозавѣтное служеніе, съ дерзновеніемъ пишетъ іудеямъ и говоритъ: *толико лучшій бывъ Ангеловъ*. Почему, не сказалъ совершенно сравнительно; *больше, или честнѣе бывъ*, чтобы не заключилъ кто объ Ангелахъ, будто бы одного съ Нимъ рода, но сказалъ: *лучшій*, чтобы дать выразумѣть отличіе Сына по естеству отъ существъ сотво-

ренныхъ. И на это имѣемъ доказательство въ Божественныхъ Писаніяхъ. Давидъ псалмопѣвствуетъ: *лучше день одинъ во дворахъ Твоихъ паче тысящъ* (Псал. 83, 11). И Соломонъ возглашаетъ: *Примите наказаніе, а не сребро, и разумъ паче злата искушена. Лучше бо премудрость каменій многоцѣнныхъ, всякое же честное недостойно ея есть* (Притч. 8, 10. 11). И дѣйствительно, не различны ли по сущности и по естеству премудрость и добытые изъ земли камни? Какое сродство между дворами небесными и жилищами земными? Или, въ чемъ сходство у вѣчнаго и духовнаго съ временнымъ и смертнымъ? И въ этомъ-же смыслѣ Исаія говоритъ: *сія глаголетъ Господь каженникомъ: елицы сохраняютъ субботы Моя, и изберутъ, яже Азъ хочу, и содержатъ заветъ Мой. дамъ имъ въ дому Моемъ и во оградѣ Моей мѣсто имени, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ, и не оскудѣетъ* (Иса. 56, 4. 5). Итакъ, нѣтъ никакого сродства у Сына съ Ангелами. А если нѣтъ никакого сродства, то слово „лучшій“ сказано въ означеніе не сравненія, но различенія; потому что Сынъ по естеству отличенъ отъ Ангеловъ. И самъ Апостоль, толкуя слово: *лучшій*, поставляетъ это превосходство не въ иномъ чемъ, но въ различіи Сына съ существами сотворенными, говоря, что Онъ—Сынъ, а тѣ—*служебніи* (Евр. 1, 14), и что, какъ Сынъ сѣдитъ одесную Отца, такъ они, будучи служебными, предстоятъ, посылаются и служатъ.

56) Поелику же это написано въ такомъ смыслѣ, то этимъ, аріане, означается, что Сынъ не сотворенъ, но паче, инаковъ съ существами сотворенными, собственно принадлежитъ Отцу, *Сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18). И написанное здѣсь: *бывъ* — не означаетъ, что Сынъ сотворенъ, какъ думаете вы. Ибо если бы просто сказалъ: *бывъ*, и умолкъ; то былъ бы предлогъ у аріанъ. Поелику же предвари-

тельно нарекъ Сыномъ, во всемъ отдѣленіи рѣчи показавъ, что инаковъ Онъ съ существами сотворенными; то и слово *бывъ* поставилъ неотрѣшенно, но къ *бывъ* присовокупилъ: *лучшій*; потому что почиталъ это реченіе безразличнымъ, зная, что объ исповѣдуемомъ преискреннимъ Сыномъ сказать: *былъ* — равнозначительно слову: *родился* и есть *лучшій*. Для рожденнаго нѣтъ различія, скажетъ ли кто: *сталъ*, или: *содѣлался*; того же, что приведено въ бытіе какъ созданіе, невозможно именовать рожденнымъ, развѣ только послѣ того, какъ твари содѣлаются причастными рожденнаго Сына и сами именуются рожденными, не по собственному естеству, но потому что стали причастны Сына Духомъ. Такое словоупотребленіе извѣстно и въ Божественномъ Писаніи. Оно говоритъ о существахъ сотворенныхъ: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), и: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24). О сынахъ же рожденныхъ: *быша Іову сынове седмь и дщери три* (Іов. 1, 2); и: *Авраамъ бѣ ста лѣтъ, егда бысть ему Исаакъ сынъ его* (Быт. 21, 5). И Моисей сказалъ: *если будутъ у кого сыновья*.

Посему, если Сынъ инаковъ съ существами сотворенными и есть единое собственное рожденіе Отчей сущности, то напрасенъ предлогъ аріанъ, указывающихъ на слово: *бывъ*. Ибо, если и этимъ постыжденные будутъ еще усиливаться и говорить, что эти изреченія употреблены сравнительно, и потому сравниваемые однородны, почему и Сынъ есть ангельскаго естества; то пусть предварительно посрамлены будутъ тѣмъ, что соревнуютъ Валентину, Карпократу и другимъ еретикамъ, и говорятъ одно съ ними. Ибо Валентинъ называлъ Ангеловъ однородными со Христомъ, а Карпократъ утверждаетъ, что Ангелы—зидители міра. У нихъ научившись, можетъ быть, и аріане Ангеловъ сравниваютъ съ Божіимъ Словомъ.

57) Но водящихся подобными представленіями да постыдить Псалмопѣвецъ, который говоритъ: *кто уподобится Господеву въ сынѣхъ Божіихъ* (Псал. 88, 7)? И: *кто подобенъ Тебѣ въ божѣхъ Господи* (Псал. 85, 8)? Пусть же слышать и хотя изъ этого научатся, что, по общему всѣхъ признанію, сравненіе дѣлается обыкновенно между однородными, а не между разнородными. Никто не сравниваетъ Бога съ человѣкомъ, и человѣка опять—съ безсловесными, и деревъ—съ камнями, по несходству естества. Но какъ Богъ несравнимъ, такъ сравнивается человѣкъ съ человѣкомъ, дерево съ деревомъ, камень съ камнемъ. И объ этихъ никто не скажетъ: *лучше* (*τὸ κρείττον*), а развѣ: *паче* (*τὸ μᾶλλον*) и: *больше* (*τὸ πλεον*). Такъ, Іосифъ былъ прекрасенъ паче братьевъ своихъ, и Рахиль—паче Ліи (Быт. 29, 30). *И звезда отъ звезды не лучше, но паче различуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41). О вещахъ же разнородныхъ, когда сличаетъ ихъ кто между собою, въ означеніе ихъ различія сказывается *лучше*, какъ сказано о премудрости и о камняхъ (Притч. 8, 11). Если бы Апостоль сказалъ: толико паче Сынъ предходитъ Ангеламъ, или толико ихъ больше; то былъ бы вамъ предлогъ говорить, что Сынъ сравнивается съ Ангелами. Но теперь говоря, что Онъ — лучший и столько-же ихъ преславнѣе, сколько Сынъ отстоитъ славою отъ рабовъ, показываетъ, что отличенъ Онъ отъ Ангеловъ по естеству. И опять, говоря, что Онъ все основалъ, показываетъ, что отличенъ Онъ отъ всего сотвореннаго. Если же по естеству отличенъ Онъ отъ тварей и иносущенъ съ ними, то какое же возможно сравненіе или сходство Его сущности съ вещами сотворенными? Ибо, если опять выдумаютъ что-либо подобное, то обличить ихъ Павелъ, говоря сіе: *Кому бо рече когда отъ Ангель: Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя? И ко Ангеломъ убо глаголетъ: творчи*

Ангелы Своя души, и слуги Своя огонь палаящъ (Евр. 1, 5. 7).

58) Вотъ о вещахъ созданныхъ говорить, что онѣ сотворены и суть произведенія; обращаясь же къ Сыну, называетъ Его не произведеніемъ, не созданнымъ, но вѣчнымъ, Царемъ, Создателемъ, говоря: *престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка, и: въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку Твоюю суть небеса: та погибнутъ, Ты же пребываеши* (Евр. 1, 8. 10. 11). Изъ этого и они, если бы захотѣли, могли бы уразумѣть, что иной есть Создатель, иныя же — созданія, и первый есть Богъ, а послѣднія произошли и сотворены изъ ничего. Сказуемое теперь: *та погибнутъ*—не то означаетъ, что тварь блюдется на гибель, но указаніемъ на конецъ даетъ разумѣть о естествѣ вещей сотворенныхъ. Чтò можетъ погибнуть, тò, хотя и не погибнетъ по милости Сотворшаго сіе, однакоже, произошло изъ ничего и свидѣтельствуеетъ о себѣ, что нѣкогда оно не существовало. Поелику же таково естество вещей сотворенныхъ; то по сему самому о Сынѣ сказается: *Ты же пребываеши*, чтобы показать Его вѣчность. Поелику Онъ не имѣетъ возможности погибнуть, какъ имѣютъ ее вещи сотворенныя, имѣетъ же вѣчное пребываніе; то такое сказуемое о Немъ: „не было Его, пока не рожденъ“, для Него чуждо, свойственно же Ему вѣчное бытіе и со-пребываніе со Отцемъ.

Итакъ, если бы Апостолъ не написалъ этого въ Посланіи къ евреямъ, то другія его Посланія и все Писаніе поистинѣ воспретили бы представлять себѣ о Словѣ что-либо подобное. Поелику же и Апостолъ написалъ, и въ предыдущемъ было доказано, что Сынъ есть рожденіе Отчей сущности. и что Онъ — Создатель, прочія же вещи Имъ созидаются, что Онъ есть Сіяніе, Слово, Образъ и Отчая Прему-

дрость, а сотворенныя вещи состоятъ ниже Троицы и служебны; то Сынъ инороденъ и иносущенъ съ вещами сотворенными, свойственъ же паче Отчей сущности и подобоестественъ со Отцемъ. Посему и самъ Сынъ не сказалъ: Отецъ Мой лучший Меня есть, чтобы не предположилъ кто, будто бы Сынъ чуждъ Отчаго естества, но сказалъ: *болѣе* (Иоан. 14, 28), не по какой-либо величинѣ, и не по времени, но по причинѣ рожденія Его отъ Отца. Но и этимъ опять изреченіемъ: *болѣе есть* — показалъ отличительное свойство сущности.

59) И самъ Апостолъ, не сущность Слова желая главнымъ образомъ сравнивать съ вещами сотворенными, сказалъ: *только лучшийъ бывъ Ангеловъ* (потому что сравненіе не имѣетъ здѣсь мѣста, иное — Слово, иное — Ангелы), но, имѣя въ-виду пришествіе Слова во плоти и домостроительство, совершенное Имъ тогда, хотѣлъ показать, что Слово — неподобно бывшимъ прежде, чтобы, въ какой мѣрѣ Слово по естеству отлично отъ предпосланныхъ Имъ, въ такой-же и болѣе еще мѣрѣ отъ Него и чрезъ Него бывшая благодать содѣлалась лучшею ангельскаго служенія. Рабамъ свойственно было требовать только плодовъ, а Сыну и Владыкѣ свойственно — простить долги и пересадить виноградникъ.

И присовокупленное Апостоломъ показываетъ различіе Сына съ вещами сотворенными; ибо говоритъ онъ: *Сего ради подобаетъ намъ лишьше внимати слышаннымъ, да не когда отпадемъ. Аще бо глаголанное Ангелы слово бысть извѣстно, и всяко преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ издвоздаяніе: како мы убѣжимъ, о толлицѣмъ нерадивше спасеніи, еже зачало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися* (Евр. 2, 1--3)? Если бы Сынъ былъ изъ числа сотворенныхъ, то былъ бы не лучший (*κρείττων*) ихъ, и ради Него не полагалось бы болѣ-

шаго наказанія за ослушаніе. Ибо при служеніи Ангеловъ, относительно къ каждому изъ нихъ, въ преступающихъ Законъ большая или меньшая могла быть виновность; однакоже, Законъ былъ одинъ и одно было наказаніе преступающимъ его. Поелику же Слово—не изъ числа сотворенныхъ, но Отчій есть Сынъ; то, въ какой мѣрѣ и Самъ есть лучшей, и совершенное имъ—и лучше и выше, въ такой-же и наказаніе будетъ тяжелѣе. Да разсмотримъ же благодать, дарованную Сыномъ, и да познаютъ, какъ и дѣла свидѣтельствуя о Немъ, что отличенъ Онъ отъ вещей сотворенныхъ, что Онъ единый истинный Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ (Іоан. 17, 21). Законъ изглаголанъ Ангелами и никого не возвелъ къ совершенству, имѣя нужду въ пришествіи Слова, какъ сказалъ Павелъ. Пришествіе же Слова довершило дѣло Отца. И какъ тогда отъ Адама до Моисея царствовала смерть; такъ явленіе Слова привело смерть въ бездѣйствіе. Не умираемъ уже всѣ во Адамѣ, но всѣ оживотворяемся во Христѣ. Тогда *отъ Дана до Вирсавіи* возвѣщался Законъ, и въ одной іудеи *вдоль* былъ Богъ (Псал. 75, 1); *нынѣ же во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Псал. 18, 5), и вся земля полна вѣдѣнія о Богѣ, ученики Христовы научили всѣ народы; и нынѣ исполнилось написанное: *и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. 6, 45. Иса. 54, 13). И показанное тогда служило образомъ, а теперь явилась истина.

И это опять самъ Апостоль въ послѣдствіи яснѣе толкуетъ, говоря: *потому что лучшаго завета бысть испоручникъ Іисусъ* (Евр. 7, 22), и еще: *нынѣ же лучшее улучи служеніе, поелику и лучшаго завета есть ходатай, иже на лучшихъ обѣтованіихъ узаконися* (Евр. 8, 6), и: *ничтоже бо совершилъ законъ, привожденіе же есть лучшему упованію* (Евр. 7, 19), а потомъ говорить: *нужда убо бѣше образомъ небесныхъ*

сами очищаются: самъмъ же небеснымъ лучшими жертвами, паче сихъ (Евр. 9, 23). Слово „лучшій“ и теперь, и во всѣхъ мѣстахъ, Апостоль прилагаетъ ко Господу, какъ лучшему и отличному отъ вещей сотворенныхъ. Ибо Имъ совершается лучшая жертва, о Немъ—лучшее упованіе, чрезъ Него—лучшія обѣтованія, лучшія не потому только, что сравниваются какъ великія съ чѣмъ-то малымъ, но потому, что по самому свойству инаковы съ прежними. Ибо Домостроительствовавшій все сіе есть лучшій вещей сотворенныхъ.

60) И опять это изреченіе: *бысть испоручникъ*—означаетъ данное Имъ за насъ поручительство. И, какъ будучи Словомъ, *плоть бысть*, и реченіе *бысть* относимъ мы къ плоти, потому что она получила бытіе и есть тварь: такъ и здѣсь сказано *бысть*, чтобы это изреченіе принимали мы въ послѣднемъ значеніи, поколику содѣлался Онъ человѣкомъ. Да знаютъ же упорствующіе и да откажутся отъ такого своего злоумія. Пусть слышатъ, что Павелъ означаетъ этимъ не приведеніе въ бытіе Его сущности; ибо знаетъ, что Слово есть Сынъ и Премудрость, и Сіяніе, и Образъ Отца; но и теперь реченіе *бысть* относится къ служенію завѣта, которымъ приведена въ бездѣйствіе смерть, нѣкогда царствовавшая. И совершенное Имъ служеніе стало лучшимъ; потому что *немоцное закона, въ немже немоцствоваше плотию, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсъ осуди грѣхъ во плоти* (Рим. 8, 3), то-есть, удалилъ отъ нея грѣхопаденіе, плѣнницею котораго была всегда плоть, почему и не принимала въ себя Божественной мысли, и самую плоть доведя до удобопріемлемости слова, содѣлалъ, что мы *не по плоти* уже ходимъ, но *по духу*, и нерѣдко говоримъ о себѣ: *мы не во плоти, но въ Дусѣ* (Рим. 8, 9). И Сынъ Божій пришелъ въ міръ, не да судитъ мірови, но да искупить всѣхъ и да спа-

сетя Имъ мѣръ (Іоан. 3, 17). Ибо тогда мѣръ, какъ повинный, судимъ былъ Закономъ; а теперь судъ приняло на Себя Слово, и, за всѣхъ пострадавъ плотію, всѣмъ даровало спасеніе. И это имѣя въ-виду, Іоаннъ воззвалъ: *законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. 1, 17). Но благодать—лучше, нежели Законъ; дѣйствительность—лучше, нежели тѣнь.

61) Лучшее же, какъ было сказано, не могло содѣлаться чрезъ кого-либо другаго, а не чрезъ Сына, сѣдящаго одесную Отца. Чтò же означаетъ это, какъ не преискренность Сына, и тò, что Божество Отца есть вмѣстѣ и Божество Сына? Ибо въ царствѣ Отца царствующій Сынъ на одномъ престолѣ возсѣдаетъ со Отцемъ, и созерцаемое въ Божествѣ Отца Слово есть Богъ, и кто видитъ Сына, тотъ видитъ Отца (Іоан. 14, 9); а такимъ образомъ, единъ есть Богъ. Сѣдя одесную, не дѣлаетъ Отца сѣдящимъ ошуюю, но чтò во Отцѣ есть десное и досточестное, то имѣетъ и Сынъ, и говоритъ: *вся, елика имать Отець, Моя суть* (Іоан. 16, 15). Посему, Сынъ, сѣдя одесную, и Самъ видитъ Отца одесную, хотя, какъ содѣлавшійся человекомъ, говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. 15, 8). И этимъ опять показывается, что Сынъ — во Отцѣ, и Отець—въ Сынѣ. Поелику Отець—въ десныхъ, то и Сынъ—одесную. И поелику Сынъ сѣдитъ одесную, то Отець—въ Сынѣ.

И какъ Ангелы служатъ, восходя и нисходя (Іоан. 1, 51); такъ о Сынѣ сказано: *и да поклоняются Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6). Когда Ангелы служатъ, тогда говорятъ: „посланъ я къ тебѣ“, и: „Господь повелѣлъ“. А Сынъ, хотя по человѣчеству и говоритъ о Себѣ, что Онъ посланъ, и приходитъ совершить дѣло и послужить, однакоже, какъ Слово и Образъ, сказуетъ: *Азъ во Отцѣ и Отець во Мнѣ есть; и: ви-*

дѣвый Мене, видѣ Отца; и: Отецъ во Мнѣ пребываяи, Той творитъ дѣла (Іоан. 14, 9—11). Ибо все то, что созерцается въ семь Образѣ, суть дѣла Отца.

Этого достаточно, чтобы посрамить возстающихъ противъ самой истины. Если же—поелику написано: *лучшій бывъ*—реченіе *бывъ*, какъ сказуемое о Сынѣ, не хотятъ принимать за равнозначительное реченіямъ: *содѣлался* и *есть*, или, по причинѣ совершенія лучшаго служенія, не хотятъ сего реченія *бывъ* принимать и разумѣть въ томъ значеніи, какое нами сказано, думаютъ же изъ сего реченія заключать, что Слово названо получившимъ бытіе; то пусть снова выслушаютъ это въ краткихъ словахъ, когда забыто ими сказанное.

62) Если Сынъ есть одинъ изъ Ангеловъ, то реченіе „*бывъ*“ относиться будетъ къ Нему такъ-же, какъ и къ нимъ, и ничѣмъ не будетъ отличаться Онъ отъ нихъ по естеству, напротивъ же того, или Ангелы будутъ сынами, или и Онъ — Ангеломъ, и вмѣстѣ совокупно возсядутъ одесную Отца, или со всѣми Ангелами и Сынъ будетъ предстоять, какъ служебный духъ, подобно имъ посылаемый въ служеніе. Если же Павелъ отличаетъ Сына отъ существъ сотворенныхъ, говоря: *кому рече когда отъ Ангель: Сынъ Мой еси Ты?* (Евр. 1, 5) — и Сынъ создаетъ небо и землю, Ангелы же Имъ приводятся въ бытіе, Сынъ возсѣдитъ со Отцемъ, а Ангелы предстоятъ въ служеніи; то для кого не ясно видно, что не о сущности Слова употребилъ Апостоль реченіе: *бывъ*, но о служеніи, какое совершено Словомъ? Ибо какъ, будучи Словомъ, *плоть бысть*, такъ, содѣлавшись челоувѣкомъ, сталъ въ служеніи толико лучшій служенія бывшаго чрезъ Ангеловъ, сколько Сынъ отличенъ отъ рабовъ и Создатель отъ созданныхъ. Посему, да перестанутъ реченіе „*бывъ*“ принимать относящимся къ сущности Сына, потому что Сынъ не изъ числа сотворен-

ныхъ, и пусть знаютъ, что реченіемъ *бывъ* означается служеніе и бывшее домостроительство. А какъ содѣлался Онъ лучшимъ въ служеніи, будучи лучшимъ сотворенныхъ существъ по естеству, — это показывается тѣмъ, что сказано нами прежде.

И думаю, что это пристыдить ихъ. Если же будутъ упорствовать, то сообразно съ дѣломъ будетъ, по безумной ихъ дерзости, такой-же дать имъ и отвѣтъ и противоположить имъ подобныя-же реченія, употребляемая о самомъ Отцѣ, чтобы пристыженные тѣмъ удержали языкъ свой отъ зла, и познали, въ какомъ глубокомъ находятся они неразуміи. Итакъ, написано: *буди ми въ Бога защитителя, и въ домъ приближища, еже спасти мя* (Псал. 30, 3); и еще: *бысть Господь приближище убогому* (Псал. 9, 10). И много подобныхъ этимъ мѣстъ находится въ Божественныхъ Писаніяхъ. Поэтому, если говорятъ, что сказано это о Сынѣ (что, можетъ быть, всего болѣе вѣрно); то пусть сознаются, что Святые желаютъ имѣть Его защитителемъ и домомъ приближища, не какъ тварь; и потому реченія: *бывъ, сотвори, созда*— пусть принимаютъ въ-отношеніи къ человѣческому Его пришествію. Ибо тогда содѣлался Онъ защитителемъ и домомъ приближища, когда *грѣхи наша вознесе на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24), и сказалъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28).

63) А если скажутъ, что эти реченія употреблены объ Отцѣ, то — поелику и здѣсь написано: *буди и бысть*—ужели рѣшатся утверждать, что и Богъ сотворенъ? Конечно, на это осмѣлятся они, когда такимъ образомъ умствуютъ о Словѣ Его. Послѣдовательность мыслей требуетъ отъ нихъ тоже предположить и объ Отцѣ, что представляютъ себѣ о Словѣ Его. Но да не будетъ того, чтобы и на мысль кому-либо изъ вѣрующихъ пришло когда что-либо подобное! Ибо

Сынъ — не изъ числа сотворенныхъ, а также написанное и сказанное здѣсь: *буди* и *бысть* означаетъ не начало бытія, но помощь оказанную нуждающимся. Богъ всегда есть и всегда тотъ-же, но люди сотворены Словомъ впоследствии, когда восхотѣлъ самъ Отецъ. Богъ невидимъ и непреступенъ существамъ сотвореннымъ, наипаче же людямъ сущимъ на землѣ. Посему, когда люди, изнемогая, призываютъ, когда гонимые имѣютъ нужду въ помощи, когда притѣсняемые молятся, тогда Невидимый, какъ человѣколюбивый, являетъ Себя въ Своемъ благодѣяніи, какое оказываетъ собственнымъ Своимъ Словомъ и въ семъ самомъ Словѣ. И слѣдствія сего богоявленія удовлетворяютъ уже потребности каждаго: для немощныхъ бываетъ оно силою, для гонимыхъ—прибѣжищемъ и домомъ спасенія, притѣсняемымъ говоритъ: *еще глаголющу ти реку: се придохъ* (Иса. 58, 9): А что совершается Сыномъ въ помощь каждому, о томъ говоритъ каждый: „Богъ сталъ для меня симъ“; потому что помощь отъ самого Бога подается Словомъ. Это извѣстно и въ общеупотребительной рѣчи человѣческой, и этотъ образъ выраженія всякій, кто бы ни былъ, признаетъ превосходнымъ. Нерѣдко и отъ людей бываетъ помощь людямъ. Иной помогъ притѣсняемому, какъ Авраамъ — Лоту; иной отверзъ домъ свой гонимому, какъ Авдій — сынамъ Пророческимъ; иной упокоилъ странника, какъ Лотъ—Ангеловъ; иной снабдилъ нуждающихся, какъ Іовъ—просящихъ у него. И какъ облагодѣтельствованные,—если одинъ скажетъ: „такой-то сталъ моимъ помощникомъ“, и если другой скажетъ: „сталъ моимъ прибѣжищемъ, а его снабдителемъ“, — говоря это, означаютъ не начало бытія и не сущность облагодѣтельствовавшихъ, но самое благодѣяніе, оказанное ими нуждающимся: такъ, когда Святые говорятъ о Богѣ: *бысть* и *буди*, означаютъ не какое-либо начало бытія (потому что Богъ безна-

чаленъ и несотворенъ), но содѣланное Имъ спасеніе человѣкамъ.

64) Поелику же такъ понимаемъ это, то слѣдуетъ удерживать тотъ-же смыслъ, какъ-скоро и о Сынѣ скажется: *бысть* и *буди*. Посему, слыша и сказанное: *бывъ лучший Ангеловъ* и *бысть*, не должны мы предполагать какое-либо начало бытію Слова, и вовсе не представлять Слова единымъ изъ сотворенныхъ, разумѣть же сказанное Павломъ о служеніи и домостроительствѣ, когда Слово стало человѣкомъ. Ибо когда *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), когда пришло Оно послужить и даровать всѣмъ спасеніе; тогда Оно бысть намъ спасеніе, бысть намъ жизнь, бысть намъ очищеніе, тогда домостроительство Его о насъ содѣлалось лучшимъ ангельскаго, и Слово стало путемъ, стало воскресеніемъ. И какъ сказанное: *буди ми въ Бога защитителя* — означаетъ не происхожденіе сущности самого Бога, но, по объясненному выше, Его человѣколюбіе; такъ и теперь изреченія: *лучшій бывъ Ангеловъ*, и: *бысть*, и: *потомулучшій бысть испоручникъ Іисусъ* означаютъ не сущность Слова сотворенную (да не будетъ сего!), но оказанное намъ вочеловѣченіемъ Его благодѣяніе, хотя еретики и пребудутъ неблагодарными и упорными въ нечестіи.

17. **На аrianъ слово второе.**

1) Думалъ я, что защитники аrianства удовольствуются тѣми противъ нихъ обличеніями и доводами истины, какіе предъ этимъ были изложены, и успокоившись, раскаются, наконецъ, въ томъ, что и мудрствовали и говорили о Спасителѣ худо. Но

они (не знаю, почему) все-еще не приходятъ въ стыдъ, и какъ свини и псы, валяясь въ своей блевотинѣ и тинѣ, еще болѣе изобрѣтаютъ себѣ вымысловъ злочестія. Не понимая ни того, что написано въ Притчахъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22), ни того, что сказано Апостоломъ: *вѣрна суща Сотворшему Его* (Евр. 3, 2), упорно стоятъ въ томъ, что Сынъ Божій есть произведеніе и тварь. Если не вовсе утратили они чувства, то изъ сказаннаго прежде достаточно могли видѣть, что, по засвидѣтельствуванію истины, Сынъ не изъ не-сущихъ и вовсе не изъ числа вещей созданныхъ; потому что, какъ Богъ, не можетъ Онъ быть произведеніемъ, и непозволительно именовать Его тварію; а только тварямъ и произведеніямъ приличны такія выраженія: *изъ не-сущаго, и: не былъ, пока не рожденъ*. Поелику же, какбы боясь отступиться отъ своихъ вымысловъ, выставляютъ, по обычаю, на видъ приведенныя выше изреченія божественныхъ Писаній, которыя имѣютъ добрый смыслъ, но ими перетолкованы худо; то, повторивъ значеніе этихъ изреченій, какъ утвердимъ это въ памяти вѣрныхъ, такъ аріанамъ даже каждымъ изъ этихъ изреченій докажемъ, что вовсе не знаютъ они христіанства.

А если бы знали, то не затворяли бы себя въ невѣріе нынѣшнихъ іудеевъ; но спросили бы, и услышали, что *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1); когда же, по благоволенію Отца, само Слово стало человѣкомъ, тогда справедливо сказано о Немъ Іоанномъ: *Слово плоть бѣсть* (Іоан. 1, 14); и Петромъ: *Господа и Христа Его сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36); и Соломономъ какбы отъ лица самого Господа: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*; и Павломъ: *только лучший бѣвъ Ангеловъ* (Евр. 1, 4); и еще: *Себе*

умалили, зракъ раба приимъ (Фил. 2, 7); и также: *тъмже, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего Іисуса, вѣрна суца Сотворшему Его* (Евр. 3, 1. 2). Всѣ таковыя изреченія имѣють одну и ту же силу, одну благочестивую мысль, показывающую и Божество Слова и сказуемое о Немъ по человечеству; потому что Слово стало и сыномъ человеческимъ.

Хотя и сего достаточно къ опроверженію аріанъ, но поелику, не разумѣя сказаннаго Апостоломъ (упомяну объ этомъ прежде), по причинѣ написаннаго: *вѣрна суца Сотворшему Его*, думаютъ, что Божіе Слово есть произведеніе; то почель я необходимымъ снова вразумить утверждающихъ это, какъ сказано было нами и прежде, у нихъ же заимствовавъ главное положеніе.

2) Если Слово—не Сынъ, то пусть нарицается произведеніемъ; пусть и о Немъ сказуется все сказуемое о произведеніяхъ; пусть не Оно одно нарицается и Сыномъ, и Словомъ, и Премудростію; и самъ Богъ пусть именуется не Отцемъ, а только Зиждителемъ и Творцемъ Своихъ созданій; пусть, какъ тварь будетъ образомъ и начертаніемъ зиждительнаго Отчаго изволенія, такъ самъ Отецъ, по словамъ ихъ, не имѣетъ раждающаго естества; и потому, нѣтъ ни Слова, ни Премудрости, ни вообще Образа собственной Отчей сущности. Ибо если нѣтъ Сына, то нѣтъ и Образа.

А если нѣтъ Сына, то почему говорите, что Богъ есть Творецъ, когда все созидаемое приводится въ бытіе чрезъ Слово и Премудростію, и ничто не пришло въ бытіе безъ Слова; по вашему же мнѣнію, нѣтъ у Бога, чрезъ Кого и Кѣмъ творить Онъ все? Если, по мнѣнію аріанъ, самая Божія сущность не плодоносна, но бесплодна, какъ несвѣтящій свѣтъ

и сухой источникъ; то почему не стыдятся они утверждать, что Богъ имѣеть зиждительную силу? И почему, отъемля то, что — отъ естества, не краснѣютъ, когда хотятъ предпочесть то, что — отъ изволенія? А если Богъ, изволяя, чтобы имѣло бытіе и то, что внѣ Его, и что прежде не существовало, и зиждетъ сіе, и дѣлается Творцемъ сего; то гораздо прежде можетъ Онъ быть Отцемъ Раждаемаго отъ собственной Его сущности. Если приписываютъ Богу изволеніе о бытіи не - сущаго; то почему же не признаютъ въ Богѣ того, что предваряетъ сіе изволеніе? Предваряетъ же сіе изволеніе — имѣть Богу сродное естеству и быть Отцемъ собственнаго Своего Сына. Поэтому, если бы, по ихъ неразумному разсужденію, не было въ Богѣ перваго, что — отъ естества, то какъ могло бы въ Немъ быть второе, что — отъ изволенія? Первое же есть Слово, а второе — тварь.

Но, хотя злочестивые осмѣляются еще больше вопіять противъ сего: у Бога есть Слово: потому что Словомъ приведена въ бытіе тварь. И явно, что Богъ, какъ Творецъ, имѣеть и зиждительное Слово не отъ внѣ, но собственно отъ Себя. Ибо опять должно повторить то же. Если Богъ имѣеть изволеніе, и изволеніе Его есть творческое, и одного изволенія Его достаточно, чтобы состоялись твари; Слово же Его есть творческое и зиждительное: то несомнѣнно, что Слово сіе есть живая Отчая воля, существенная дѣйственность, истинное Слово, Которымъ все и состоялось, и прекрасно управляется. Никто не можетъ усумниться, что Приводящій въ стройность — первоначальнѣе и самой стройности и приводимаго въ стройность, и что, какъ сказалъ я прежде, для Бога созидать есть второе, первое же — раждать; потому что раждаемое есть Сынъ, собственно и истинно сущій отъ оной блаженной и

всегда существующей Сущности; а созидаемое по изволенію сей Сущности приходитъ въ бытіе, составляясь отъ нѣ, и зиждется собственнымъ отъ сущности Божіей Рожденіемъ.

3) Итакъ, поелику въ словѣ семь показана великая несообразность такого положенія, будто бы Слово—не Сынъ Божій, но произведеніе; то необходимо уже исповѣдать съ нами, что Господь есть Сынъ. А если Онъ — Сынъ, что и дѣйствительно; о Сынѣ же исповѣдуются, что Онъ не отъ нѣ, но отъ Родшаго: то пусть, по сказанному прежде, не спорятъ о реченіяхъ, если о самомъ Словѣ, вмѣсто реченія: *Родшему*, святые употребляютъ реченіе: *Сотворшему*, какъ-будто бы это реченіе безразлично съ первымъ, пока исповѣдуются то, что согласно съ естествомъ. Ибо реченія не уничтожаютъ естества; скорѣе же, естество премѣняетъ значеніе присвоаемыхъ ему реченій. Реченія — не первоначальнѣе сущностей; но сущности суть первое, а реченія—второе по нихъ. Почему, когда сущность есть произведеніе или тварь; тогда реченія: *сотворилъ*, *сталъ* и *создалъ*, сказуются о тваряхъ въ собственномъ смыслѣ и означаютъ произведеніе; а когда сущность есть рожденіе и сынъ, тогда реченія: *сотворилъ*, *сталъ* и *создалъ*, употребляются о сынѣ уже не въ собственномъ смыслѣ и не означаютъ произведенія; но вмѣсто реченія: *родилъ*—иной безъ различія употребляетъ и реченіе: *сотворилъ*.

Такъ отцы нерѣдко рожденныхъ ими сыновей именуютъ своими рабами, и тѣмъ не отрицаютъ подлинности рожденія; нерѣдко же, выражая благорасположеніе къ рабамъ своимъ, называютъ ихъ чадами, и вмѣстѣ съ тѣмъ не скрываютъ, что издавна обладаютъ ими. Въ первомъ случаѣ, какъ отцы, говорятъ они по власти; а во второмъ—даютъ именованіе по чловѣколюбію. Сарра называла Авраама господи-

номъ, хотя она—не раба, но супруга. Апостоль раба Онисима, какъ брата, сблизилъ съ владѣтелемъ его Филимономъ. Вирсавія, будучи матерью, назвала сына рабомъ, говоря отцу: *Соломона, раба твоего* (3 Цар. 1, 19); потомъ и Пророкъ Наѳанъ, вошедши, согласно съ Вирсавіею, сказалъ Давиду: *Соломона раба твоего* (— 26). И они не затруднились назвать сына рабомъ; потому что и отецъ, слыша это, призналъ его сыномъ, и они, говоря это, знали, что Соломонъ—сынъ, и достойнымъ наслѣдства по отцѣ признавали того, кого именовали рабомъ; ибо по естеству былъ онъ Давидовъ сынъ.

4) Посему, какъ читающіе это о Соломонѣ понимаютъ правильно, и слыша, что именуется онъ рабомъ, признаютъ его не рабомъ, но по естеству и подлиннымъ сыномъ: такъ, если и о Спасителѣ, Который истинно исповѣдуется Сыномъ и по естеству есть Слово, говорятъ святые: *вѣрна суца Сотворшему Его*; если самъ Онъ говоритъ о Себѣ: *Господь созда Мя, и: Азъ рабъ Твой, и сынъ рабыни Твоея* (Псал. 115, 7), и все тому подобное; то да не отрицаютъ посему иные того, что собственно принадлежитъ Ему отъ Отца, но пусть объ Отцѣ и Сынѣ, какъ о Соломонѣ и Давидѣ, держатся правильнаго разумѣнія. Ибо если, слыша, что Соломонъ названъ рабомъ, признаютъ его сыномъ; то не справедливо ли многократно погибнуть тѣмъ, которые не удерживаютъ тогоже разумѣнія и о Господѣ; но когда слышатъ, что именуется Рожденіемъ, Словомъ, Премудростію,—стараятся перетолковать это и отрицаютъ преискреннее по естеству рожденіе Сына отъ Отца; когда же слышатъ реченія и выраженія приличныя произведенію, — тотчасъ готовы признать Сына произведеніемъ по естеству и отрицать бытіе Слова, тогда-какъ, зная, что Сынъ содѣлался челоуѣкомъ, всѣ таковыя реченія могутъ относить къ Его чело-

вѣчеству? Не мерзкими ли оказываются они предъ Господомъ, имѣя у себя *сугубый вѣсъ* (Притч. 20, 23), и по одному вѣсу выводя сказанное выше заключеніе, а по другому хуля Господа?

Но, можетъ быть, соглашаются они, что реченіе „рабъ“ употреблено какбы по благорасположенію; останавливаются же на реченіи: *Сотворшему*, какъ на великомъ какомъ-то пособіи для ихъ ереси. Однако, и эта опора ихъ есть трость сокрушенная. Ибо вскорѣ сами себя осудятъ, если только изучатъ словоупотребленіе Писанія. Какъ Соломонъ называется рабомъ, хотя онъ и сынъ; такъ (повторимъ опять сказанное прежде), если родители рожденныхъ ими сыновъ называютъ творимыми, созидаемыми, бывшими, то этимъ нимало не отрицаютъ ихъ естества. Езекиа, по написанному у Исаи, сказалъ въ молитвѣ: *отъ днесь бо дѣти сотворю, яже возвѣстятъ правду Твою, Господи спасенія моего* (Исаи 38, 19). И самъ онъ сказалъ: *сотворю*; а Пророкъ въ тойже книгѣ, и въ четвертой книгѣ Царствъ, говоритъ такъ: *и сыны твоя, яже изыдутъ изъ тебе* (4 Цар. 20, 18. Исаи 39, 7). Слѣдовательно, Езекиа сказалъ: *сотворю* вмѣсто *рожду*, и раждаемыхъ имъ именуетъ какбы творимыми; и никто не споритъ, что реченіе это употреблено о рожденіи естественномъ. И Ева, родивъ Каина, говорила: *стяжашъ человека Богомъ* (Быт. 4, 1). Она сказала: *стяжашъ* вмѣсто *родила*. Ибо видѣла прежде рожденіе свое, а потомъ присовокупила: *стяжашъ*; и изъ сказаннаго ею: *стяжашъ*—никто не заключитъ, что Каинъ купленъ у другихъ, а не ею рожденъ. И патриархъ Іаковъ сказалъ Іосифу: *нынѣ убо два сыны твоя, яже быша тебѣ въ земли египетстѣи прежде пришествія моего къ тебѣ во Египетъ, мои суть, Ефремъ и Манассія* (Быт. 48, 5). И объ Іовѣ Писаніе говоритъ: *быша ему сынове седмь, и дщери три* (Іов. 1, 2); какъ и Моисей говорилъ въ За-

конѣ: если будетъ у кого сыны, и: если сотворишь сына.

5) Вотъ и о рожденныхъ говорили, что они были и сотворены, зная, что, какъ-скоро признаются сынами, нѣтъ разности, если и скажетъ кто: *быша*, или *стяжашъ*, или *сотвори*; потому что мысль сама собою останавливается на естествѣ и дѣйствительности. Поэтому и спрашивающихъ: не тварь ли и не произведение ли Господь? надобно прежде спросить: не Сынъ ли Онъ, не Слово ли, не Премудрость ли? Когда послѣднее рѣшено будетъ утвердительно: тогда немедленно отринется и уничтожится мысль, что Онъ — произведение и тварь; потому что не можетъ произведение быть сыномъ и словомъ, и сынъ—произведениемъ.

Если же это такъ, то явное опять въ этомъ для всѣхъ доказательство, что выраженіе: *Сотворшему Его* служить не въ пользу, а болѣе въ осужденіе арианской ереси. Ибо оказывается, что реченіе: *сотворилъ* въ божественномъ Писаніи употребляется о подлинныхъ по естеству чадахъ. Почему, какъ-скоро доказано, что Господь есть Сынъ по естеству и Сынъ преискренній, Слово и Премудрость Отца,—явствуетъ изъ сего, что, если и скажется о Немъ: *сотвори*, или *бысть*, то скажется не какъ о произведеніи; напротивъ же того, святые употребляютъ это реченіе безразлично, какъ и о Соломонѣ и объ Езекинѣныхъ чадахъ. И о тѣхъ, которые сами родили ихъ, написано: *сотвори*, и *стяжашъ*, и *бысть*.

Поэтому богоборцы, которые неоднократно выставляли въ предлогъ подобныя реченія, вслѣдствіе сказаннаго должны, хотя со временемъ, отложить злочестивое мудрованіе, и мудрствовать о Господѣ, что Онъ есть истинный Сынъ, Слово и Отчая Премудрость, а не произведение, не тварь. Ибо если Сынъ есть произведение, то какимъ словомъ и какою пре-

мудростию произведенъ Онъ? Всѣ созданія приведены въ бытіе Словомъ и Премудростию, какъ написано: *вся Премудростию сотворилъ еси* (Псал. 103, 24); и: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3). А если Сынъ есть это Слово и эта Премудрость, Которою все производится: то Онъ уже не въ числѣ творимыхъ и вообще приводимыхъ въ бытіе, но есть Отчее рожденіе.

б) Смотрите, какая погрѣшность—называть произведеніемъ Божіе Слово. Соломонъ въ одномъ мѣстѣ Екклесіаста говоритъ: *все твореніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво* (Еккл. 12, 14). Ужели же и Слово, если Оно произведеніе, по вашимъ словамъ, приведено будетъ на судъ? И гдѣ наконецъ судъ, когда судится Судія? Кто воздастъ праведнымъ благословенія, а недостойнымъ наказанія, когда, по вашимъ словамъ, и Господь предстанетъ со всѣми на судъ? По какому закону судимъ будетъ самъ Законодатель? Созданіямъ свойственно это—быть судимыми, пріять отъ Сына благословеніе и наказаніе. Убойтесь наконецъ Судіи, убѣдитесь Соломоновымъ словомъ. Если *все твореніе приведетъ Богъ на судъ*, а Сынъ не въ числѣ судимыхъ, но гораздо болѣе Самъ есть Судія всѣхъ твореній: то не яснѣе ли солнца дѣлается, что Сынъ—не произведеніе, но Отчее Слово. Которымъ и производятся и судятся творенія?

Если же аріанъ смущаетъ опять написанное: *вѣрна суща*, и полагаютъ они, что какъ о всѣхъ, такъ и о Сынѣ сказуется: *вѣрна суща*, потому что Онъ, вѣруя, пріемлетъ мзду вѣры; то посему слѣдуетъ имъ укорить также и Моисея, который говоритъ: *Богъ вѣренъ* и истиненъ (Второз. 32, 4), и Павла, который пишетъ: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искустися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 13). Но говоря это, святые не представляли себѣ о Богѣ чего-либо

человѣческаго; напротивъ того, знали, что слово: *вѣр-
ный* имѣеть въ Писаніи двоякое значеніе, а именно: *вѣрующій*—и: *достойный вѣры*; и первое значеніе при-
личествуетъ людямъ, а второе—Богу. Вѣренъ Авраамъ,
потому что повѣрилъ глаголющему Богу; вѣренъ же
Богъ, потому что, какъ воспѣваетъ Давидъ, *вѣренъ*,
то-есть достоинъ вѣры, *Господь во всѣхъ словесахъ*
Своихъ (Псал. 144, 13), и невозможно Ему солгать.
И *аще кто вѣрна имать вдовицы* (1 Тим. 5, 16); то
вѣрною называется за то, что право вѣруеть. *Слово*
же вѣрно (1 Тим. 3, 1) потому, что обязываемся вѣ-
рить сказанному; ибо это истинно и не можетъ быть
иначе. Посему и написанное: *вѣрна суца Сотвор-*
шему Его—не уподобляетъ Сына другимъ, и значить
не то, что Онъ, вѣруя, сталъ благоугоденъ, но то,
что, какъ Сынъ истиннаго Бога, вѣренъ Онъ, и мы
обязываемся вѣрить Ему во всемъ, что сказалъ и со-
дѣлалъ Онъ, пребывъ непреложнымъ и неизмѣняе-
мымъ даже въ человѣческомъ домостроительствѣ и
явленіи во плоти.

7) Такимъ образомъ, иной, продолжая борьбу съ
безстыдствомъ аріанъ, и однимъ этимъ реченіемъ „со-
твори“ можетъ уличить ихъ, что заблуждаются они,
признавая Божіе Слово произведеніемъ. Поелику же
написанное имѣеть правильный смыслъ, показывая,
какое время означается реченіемъ: *сотвори*, и о чемъ
оно сказано; то необходимо и этимъ доказать не-
разуміе еретиковъ, особливо если, по сказанному
прежде, взяты будутъ нами во вниманіе и время и
потребность написаннаго. Итакъ, Апостоль сказалъ
это, разсуждая не о времени, предшествовавшемъ
твари, но о времени, когда *Слово плоть бысть*. Ибо
такъ написано: *тѣмъже, братіе святая, званія небес-*
наго причастницы, разумѣйте Посланника и Святи-
теля исповѣданія нашего Иисуса, вѣрна суца Сотвор-
шему Его. Когда же Онъ посланъ? Не тогда ли, какъ

облекся въ плоть нашу? Когда сталъ Святителемъ исповѣданія нашего? Не съ того ли времени, какъ принесъ Себя за насъ, воскресилъ изъ мертвыхъ тѣло, и приходящихъ къ Нему съ вѣрою Самъ донныѣ приводитъ и приноситъ ко Отцу, всѣхъ избавляя и за всѣхъ умилоствляя Бога? Не сущность Слова и не естественное рожденіе отъ Отца желалъ означить Апостоль, когда сказалъ: *вѣрна суща Сотворшему Его*. Да не будетъ сего! Слово есть творящее, а не творимое. Означаетъ же Апостоль снисшествіе Слова къ человѣкамъ и совершенное Имъ святительское служеніе, что всякій хорошо можетъ видѣть изъ исторіи Закона и Аарона. Такъ, Ааронъ раждается не первосвященникомъ, но человѣкомъ, и со временемъ, когда угодно стало Богу, дѣлается первосвященникомъ, дѣлается же не просто, не въ обычныхъ являясь одеждахъ, но облакаясь въ ефодъ, въ слово (*τὸ λογίον*) и въ подирь, по Божію повелѣнію сдѣланный женами, и въ этихъ облаченіяхъ входя во Святая, приноситъ Богу жертву за народъ, и служить въ семъ какбы посредникомъ между Божіимъ видѣніемъ и человѣческими жертвами. Такъ и Господь *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. Когда же благоволилъ Отецъ, чтобы данъ Онъ былъ въ искупительную цѣну за всѣхъ, и всѣмъ дарована была благодать, тогда, какъ Ааронъ облакался въ подирь, такъ и Слово пріяло на Себя плоть отъ земли, имѣвъ матерью по тѣлу, вмѣсто невоздѣланной земли, Марію, чтобы Ему, какъ Святителю, имѣя у Себя приносимое, Себя самого принести ко Отцу, и собственною Своею кровію всѣхъ насъ очистить отъ грѣховъ и воскресить изъ мертвыхъ.

8) Сѣнію сего было ветхозавѣтное; и что совершилъ пришедши Спаситель, то по Закону въ сѣни изображаетъ Ааронъ. Ааронъ, будучи одинъ и тотъ-

же, не измѣнялся, когда возлагалъ на себя первосвятительскую одежду; но, пребывая однимъ и тѣмъ же, прикрывался только этою одеждою. И если кто, увидѣвъ его приносящаго жертву, говорилъ: „вотъ Ааронъ сталъ сегодня первосвященникомъ“: то не означалъ этимъ, что въ это же время сталъ Ааронъ и человѣкомъ, потому что человѣкомъ былъ онъ прежде, нежели сталъ первосвященникомъ; выражалъ же только, что Ааронъ содѣлался первосвященникомъ въ служеніи, облекшись въ устроенныя и уготованныя первосвященству одежды. Такимъ же образомъ можно и о Господѣ правильно представлять себѣ, что, пріявъ на Себя плоть, не сталъ Онъ инымъ, но будучи одинъ и тотъ же, прикрылся плотію; и реченія: *сталъ, сотворенъ*, слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что сотворено само Слово, какъ Слово, но въ томъ, что Слово—Зиждитель всего—впослѣдствіи содѣлалось святителемъ, облекшись въ созданное и тварное тѣло, которое и можетъ принести за насъ, почему и скажется сотвореннымъ. Поэтому, если Господь не содѣлался человѣкомъ, то пусть спорятъ ариане. Если же *Слово плоть бысть*, то о Словѣ, содѣлавшемся человѣкомъ, чтò надлежало сказать, кромѣ сего: *вѣрна суца Сотворшему Его*? Какъ о Словѣ свойственнѣе всего говорить: *въ началѣ бѣ Слово*; такъ человѣку свойственно содѣлаться и быть сотвореннымъ. И о Господѣ, видя, что ходитъ Онъ какъ человѣкъ, а въ дѣлахъ являетъ Себя Богомъ, не всякій ли могъ спросить: кто сотворилъ Человѣка сего? И опять, не всякій ли могъ отвѣтить на это: Отецъ сотворилъ Человѣка сего, и послалъ Его намъ Святителемъ?

И самъ Апостоль, написавшій: *вѣрна суца Сотворшему Его*, всего болѣе можетъ уяснить такую мысль, показать время и лице, если возьмемъ во вниманіе сказанное имъ прежде. Ибо рѣчь идетъ въ

одной связи, и чтение продолжается объ одномъ и томъ же. Итакъ, въ Посланіи къ евреямъ пишетъ онъ слѣдующее: *Понеже убо дѣти приобщилися крови и плоти, и Той искреннѣ приобщися тѣхъже, да смертию упразднитъ именуемаго державу смерти, сиречь, діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ. Не отъ Ангелъ бо когда приѣмлетъ, но отъ стѣмене Аврамова приѣмлетъ: отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣрнѣй первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія. Въ немъже бо пострада, Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи (Евр. 2, 14 — 18). Тѣмъже, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего Іисуса: вѣрна суща Сотворшему Его (3, 1. 2).*

9) Кто, прочитавъ все это мѣсто, не осудитъ арианъ, и не подивится блаженному Апостолу, такъ прекрасно выразившемуся? Ибо когда сотворенъ, когда сталъ Посланникомъ? Не тогда ли, какъ и *Той искреннѣ приобщися съ нами крови и плоти?* И когда содѣлался милостивымъ и вѣрнымъ *Первосвященникомъ?* Не тогда ли, какъ *по всему* уподобился братіи? Уподобился же тогда, какъ сталъ человекомъ, облекшись въ нашу плоть. Слѣдовательно, Павелъ, пиша о домостроительствѣ Слова, по человечеству, а не о сущности Слова, сказалъ: *вѣрна суща Сотворшему Его.*

Поэтому, не безумствуйте болѣе, утверждая, что Слово Божіе есть произведеніе. Ибо Слово есть едиnorodный по естеству Сынъ. И Сынъ тогда сталъ имѣть братій, когда облекся въ подобную нашей плоть, и принося ее Самъ въ лицѣ Своемъ, наименованъ Первосвященникомъ, и содѣлался милостивымъ и вѣрнымъ, — милостивымъ, потому что, при-

несши Себя за насъ, помиловалъ насъ; вѣрнымъ же не потому, что, подобно намъ, сталъ причастникомъ вѣры и увѣровалъ въ кого-либо, но потому, что мы обязаны вѣровать всему, что Онъ говоритъ и дѣлаетъ, и потому, что приноситъ Онъ жертву вѣрную, всегда пребывающую и непрестающую. Жертвы, приносимыя по Закону, не имѣли въ себѣ вѣрнаго, какъ преходившія съ каждымъ днемъ и снова имѣвшія нужду въ очищеніи; а жертва, принесенная Спасителемъ единожды, все совершила и навсегда пребываетъ вѣрною. Ааронъ имѣлъ преемниковъ, и вообще, подзаконное священство перемѣняло прежнихъ священниковъ по времени и по смерти; Господь же, имѣя *непреступное* (Евр. 7, 24) и непреемственное первосвященство, *вѣренъ* сталъ *первосвященникъ*, всегда пребывая, и содѣлавшись вѣрнымъ по обѣтованію, потому что внемлетъ входящимъ къ Нему и не вводитъ ихъ въ обманъ. И это можно видѣть также изъ Посланія великаго Петра, который говоритъ: *тѣмъ же и страдающимъ по волю Божию, яко вѣрныи Зидителю да предадутъ души своя* (1 Петр. 4, 19). Ибо вѣренъ не тотъ, кто перемѣняется, но тотъ, кто всегда пребываетъ и воздаетъ, что обѣтовалъ.

10) У язычниковъ, такъ называемые ими, лжеименные боги невѣрны въ отношеніи и къ бытію, и къ обѣтованіямъ; потому что они неповсюдны, но, и мѣстно будучи чтимы, со временемъ исчезаютъ и сами собою падаютъ. Потому и Слово взываетъ о нихъ, что вѣрность не укрѣпилась въ нихъ (Іер. 9, 3), что они — *вода лживая* (Іер. 15, 18), и: *нѣсть вѣры съ нихъ* (Второз. 32, 12). Въ подлинномъ же смыслѣ единый и истинный Богъ всяческихъ вѣренъ; Онъ всегда одинъ и тотъ же, и вѣщаетъ: *видите, видите, яко Азъ есмь* (Второз. 32, 39), *и не измѣняются* (Мал. 3, 6). Потому и Сынъ Его вѣренъ, всегда пребы-

ваетъ, не измѣняется, не лживъ и по бытію, и въ обѣтованіяхъ, какъ опять говоритъ Апостоль, пиша къ Тессалоникійцамъ: *вѣренъ Призвавый васъ, Иже и сотворитъ* (1 Сол. 5, 24). Поелику творитъ, что обѣтовалъ, то вѣренъ Глаголющій. А что реченіе это въ посланіи къ Евреямъ означаетъ и неизмѣняемость, объ этомъ пишетъ такъ: *аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ, отрецися бо Себе не можетъ* (2 Тим. 2, 13). Слѣдовательно, Апостоль, ведя рѣчь о тѣлесномъ пришествіи Слова, справедливо говоритъ: *Посланника. и вѣрна суща Сотворшему Его.* показывая, что, и содѣлавшись человѣкомъ, *Иисусъ Христосъ вчера и днесь тойже, и во вѣки не измѣняется* (Евр. 13, 8).

И какъ Апостоль въ посланіи, по причинѣ первосвященства, упоминаетъ о вочеловѣченіи Слова; такъ опять не умалчиваетъ надолго, но вскорѣ упоминаетъ и о Божествѣ Его, чтобы обезопасить насъ со всѣхъ сторонъ, особливо когда говоритъ объ униженіи, и чтобы намъ тотчасъ познать высоту и Отчее величіе Слова. Посему, говоритъ: *Моисей—слуга, а Христосъ—Сынъ* (Евр. 3, 5. 6); первый *вѣренъ въ дому,* а Христосъ есть Господь и Зиждитель самого дома, потому что Самъ устроилъ его, и, какъ Богъ, святитъ его. Моисей, человѣкъ по естеству, содѣлался вѣрнымъ, вѣруя Богу, глаголющему къ нему чрезъ Слово; Слово же было въ тѣлѣ не какъ единый изъ созданныхъ, не какъ тварь въ твари, но какъ Богъ во плоти, Творецъ и Строитель въ устроенномъ Имъ. Люди одеваются плотію, чтобы прійти въ бытіе и существовать; Божіе же Слово содѣлалось человѣкомъ, чтобы освятить плоть, и будучи Господомъ, было во образѣ раба; потому что всякая тварь, будучи приведена въ бытіе и сотворена Словомъ, рабственна слову. А изъ этого явствуетъ, что сказанное Апостоломъ „*сотвори*“ пред-

ставляетъ творимымъ не Слово, но пріятое Словомъ, нашему подобное, тѣло. Посему, содѣлавшись человекомъ, наименовалось Оно и нашимъ братомъ.

11) Если же доказано, что когда и употребляетъ кто о самомъ Словѣ реченіе: *сотворилъ*, употребляетъ его вмѣсто реченія: *родилъ*; то какой еще вымысль могутъ изобрѣсти къ перетолкованію сего, когда слово наше, давъ этому реченію смыслъ во всѣхъ отношеніяхъ чистый, показало, что Сынъ—не произведеніе, но по сущности Отчее рожденіе, *домостроительственно же*, по благоволенію Отца, ради насъ сотворенъ и содѣлался человекомъ; почему и говорится у Апостола: *вѣрна суща Сотворшему Его*, и въ Притчахъ: *созда Мя*. Какъ - скоро исповѣдуемъ, что Сынъ содѣлался человекомъ, --- можно, по замѣченному выше, безъ различія сказать о Немъ, что Онъ содѣлался, или сотворенъ, или созданъ, или образованъ, или есть рабъ, или сынъ рабыни, или сынъ человѣческой, или поставленъ, или отшелъ, или есть женихъ, или братаничъ, или братъ; потому что всѣ эти реченія свойственны человѣческому состоянію, и подобныя этимъ выраженія означаютъ не сущность Слова, но что Слово содѣлалось человекомъ.

Такой смыслъ имѣетъ и приводимое также еретиками изреченіе изъ Дѣяній, когда Петръ говоритъ: *яко Господа и Христа сотворилъ есть сего Исуса, Егоже вы распяте* (Дѣян. 2, 36). Не написано здѣсь: сотворилъ Себѣ Сына, или: сотворилъ Себѣ Слово, почему еретики могли бы вообразить нѣчто подобное. А поэтому, если не забыли они, что разсуждаютъ о Сынѣ Божіемъ, то пусть оыщутъ, написано ли гдѣ: Богъ сотворилъ Себѣ Сына, или создалъ Себѣ Слово? Или еще: написано ли гдѣ явно, что Сынъ Божій есть произведеніе или тварь? И тогда пусть укажутъ это, чтобы и въ этомъ случаѣ обли-

чены были они—неразумные. Если же не находятъ ничего подобнаго, берутъ же только тѣ мѣста, гдѣ написано: сотворилъ, или сотворенъ; то боюсь, что въ скоромъ времени, слыша: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1), сотворилъ солнце и луну, сотворилъ море, скажутъ, что и небо есть Слово, что и свѣтъ, сотворенный въ первый день, есть Слово же, что и земля и каждая изъ сотворенныхъ вещей также есть Слово, и въ этомъ уподобятся наконецъ, такъ называемымъ, стоикамъ; потому что стоики самого Бога распростираютъ на все, а еретики Божіе Слово ставятъ на ряду съ каждою изъ тварей: подобное они и говорили уже прежде, утверждая, что Слово есть одна изъ тварей.

12) Но пусть снова услышатъ то-же, и во-первыхъ пусть знаютъ, что Слово (о чемъ говорено было и прежде) есть Сынъ, а не произведеніе, и что подобныхъ реченій не должно принимать о Божествѣ Слова, надлежитъ же входить въ изслѣдованіе, почему и въ какомъ смыслѣ написано это; и тогда, безъ сомнѣнія, для ищущихъ откроется человѣческое домостроительство, ради насъ пріятное на Себя Словомъ. Ибо и Петръ, сказавъ: *Господа и Христа Его сотворилъ есть*, тотчасъ присовокупилъ: *сего Исуса, Егоже вы распяте*. И всѣмъ стало явно (да будетъ же явно и еретикамъ, если соблюдутъ послѣдовательность рѣчи!), что Апостолъ сказалъ не о сущности Слова, но по человѣчеству наименовалъ Его сотвореннымъ. Ибо что распято? Не тѣло ли? Да и чѣмъ было Апостолу означить тѣлесное естество Слова, какъ не реченіемъ: *сотворилъ есть*? Притомъ же, сказанное здѣсь: *сотворилъ есть*—имѣетъ правый смыслъ. Ибо, по замѣченному выше, не сказалъ Апостолъ: сотворилъ Его—Слово, но *Господа сотворилъ Его*, и не просто сотворилъ, но сотворилъ у васъ и среди васъ, а это то-же значить, что — содѣлалъ извѣстнымъ. И это

самъ Петръ примѣтнымъ образомъ далъ выразумѣть въ началѣ первой сей проповѣди, когда сказалъ: *Мужіе израилстїи, послушайте словесъ сихъ: Іисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ силами и чудесы и знаменїи, яже сотвори Тѣмъ Богъ посредъ васъ, якоже сами вѣсте* (Дѣян. 2, 22). Итакъ, выраженное въ концѣ реченїемъ: *сотворилъ*, въ началѣ выразилъ Апостоль словами: *сдѣлалъ извѣстнымъ*; потому что знаменїями и чудесами, какія сотворилъ Господь, извѣствовано, что Христосъ не просто есть человѣкъ, но Богъ во плоти и самъ Господь. Подобно сему сказанное въ Евангелїи у Іоанна: *сего ради наче гоняху Его іудее: яко не токмо разоряше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равенся творя Богу* (Іоан. 5, 16. 18). Ибо тогда Господь не представлялъ только Себя Богомъ (Онъ во все не есть притворяющій Себя Богомъ), но доказывалъ о Себѣ дѣлами, говоря: *аще Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 10, 38). Такъ, Отецъ и Господа и Царя сотворилъ есть Его среди насъ и у насъ, которые прежде были непокорны Ему. И явно, что извѣствуемый теперъ Господомъ и Царемъ, не Царемъ и Господомъ начинаетъ при семъ быть, а начинаетъ только показывать Свое господство и распространять его и на непокорявшихся.

13) Посему, если еретики думаютъ, что Спаситель не былъ Господомъ и Царемъ, пока не содѣлался человѣкомъ и не претерпѣлъ крестъ, но съ сего только времени началъ быть Господомъ; то пусть знаютъ, что явно повторяютъ они слова Самосатскаго. Если же, какъ изъясняли и говорили мы выше, Онъ—вѣчный Господь и Царь; потому что Авраамъ покланяется Ему, какъ Господу своему, и Моисей говорить: *и Господь одожди на Содомъ и Гоморръ жупель, и огонь отъ Господа съ небесе* (Быт. 19, 24); и

Давидъ воспѣваетъ: *рече Господь Господеви моему: съди одесную Мене* (Псал. 109, 1), и: *престоль Твой Боже въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего* (Псал. 44, 7), и: *царство Твое царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. 144, 13): то явно, что прежде, нежели содѣлался человѣкомъ, былъ онъ вѣчнымъ Царемъ и Господомъ, какъ Отчій Образъ и Отчее Слово. А поелику Слово есть вѣчный Господь и Царь; то явствуетъ еще, что не о сущности Сына сказалъ Петръ: *сотворилъ есть*, но о господствѣ Его надъ нами, пріятномъ Имъ на Себя, когда содѣлался человѣкомъ, и всѣхъ избавивъ крестомъ, сталъ Господомъ и Царемъ всѣхъ.

Если же, по причинѣ написаннаго: *сотворилъ есть*, еретики упорствуютъ, и по недоразумѣнію, или по христорборному своему произволенію, не хотятъ признать равнозначительными реченій: *сотворилъ* и *сдѣлалъ извѣстнымъ*; то пусть слышатъ, что слова Петровы и въ этомъ случаѣ имѣютъ правый смыслъ. Кто дѣлается надъ кѣмъ-либо господомъ, тотъ подъ владычество свое пріобрѣтаетъ уже существующихъ. Если же Господь есть Зиждитель и вѣчный всѣхъ Царь, когда же содѣлался человѣкомъ, тогда пріобрѣлъ и насъ; то и изъ сего явствуетъ, что сказуемое Петромъ и въ этомъ случаѣ означаетъ не то, будто бы сущность Слова есть произведеніе, но указываетъ на совершившееся впослѣдствіи подчиненіе всѣхъ Спасителю и на Его надъ всѣми господство. И это подобно изъясненному выше. Какъ тамъ предложили мы изреченія: *буди ми въ Бога защитителя* (Псал. 30, 3), и: *бысть Господь приближище убогому* (Псал. 9, 10), и слово показало, что изреченія эти означаютъ не то, будто бы самъ Богъ приходитъ въ бытіе, но указываютъ на совершаемое Имъ каждому благодѣяніе: такъ и Петрово изреченіе имѣетъ тотъ же смыслъ.

14) Самъ Божій Сынъ, какъ Слово, есть Господь вселенной; мы же, прежде нежели получили бытіе, изначала подлежали рабству тлѣнія и клятвѣ законной, потомъ, сами себѣ постепенно измысливъ не-сущее, какъ говоритъ блаженный Апостоль, стали служить *не по естеству сущимъ богамъ* (Гал. 4, 8), не познавали Бога истиннаго, и не-сущее предпочитали истинѣ; но напослѣдокъ, подобно тому, какъ древле возсталъ народъ обременяемый въ Египтѣ, и мы, имѣя въ себѣ насажденный законъ, съ неизглаголанними воздыханіями духа начали просить и говорить: *Господи Боже нашъ, стяжи ны* (Исаи 26, 13); и Онъ сталъ намъ какбы *въ домъ приближища и въ Бога защитителя*, а такимъ образомъ содѣлался нашимъ Господомъ. Не Онъ возимѣлъ при семъ начало бытія, но мы начали имѣть Его Господомъ своимъ. Богъ, какъ благій и какъ Отецъ Господа, всѣхъ помиловавъ и соблаговоливъ, чтобы всѣ познали Его, творить наконецъ, что Сынъ Его облачается въ тѣло человѣческое, содѣлывается человѣкомъ, и наименованъ Исусомъ, чтобы, въ тѣлѣ семъ принеши Себя за всѣхъ, освободить Ему всѣхъ отъ богонеразумія и тлѣнія, и Самому содѣлаться Господомъ и Царемъ всѣхъ. И объ этомъ-то, а именно, что такъ содѣлался Онъ Господомъ и Царемъ, Петръ сказалъ: *Господа и Христа Его сотворилъ* и послалъ *естъ*; а это значитъ тѣ-же, что Отецъ сотворилъ Его человѣкомъ, потому что человѣку свойственно быть сотвореннымъ. Не просто же сотворилъ человѣкомъ, но сотворилъ, чтобы господствовать Ему надъ всѣми и всѣхъ освятить помазаніемъ. Ибо, хотя сущее во образѣ Божіемъ Слово пріяло на Себя рабскій зракъ; однакоже, воспріятіе плоти не поработило Слова, Которое по естеству есть Господь. Напротивъ того, совершенно Словомъ освобожденіе всего человѣчества, и само Слово по естеству Господь, содѣлавшись и человѣ-

комъ, чрезъ самый рабій зракъ содѣлывается Господомъ всѣхъ и Христомъ, именно же, для освященія всѣхъ Духомъ. И какъ Богъ, содѣлываясь Богомъ защитителемъ и говоря: буду имъ Богомъ, не тогда наипаче содѣлывается и не тогда только начинаетъ быть Богомъ, но чѣмъ всегда Онъ есть, тѣмъ, какъ-скоро угодно Ему, бываетъ и для имѣющихъ въ томъ нужду: такъ и Христосъ, по естеству вѣчный Господь и Царь, не тогда, какъ посылается, наипаче содѣлывается Господомъ, и не въ это время начинаетъ быть Господомъ и Царемъ; но чѣмъ всегда Онъ есть, тѣмъ творится тогда и по плоти, и всѣхъ избавивъ, такимъ образомъ дѣлается Господомъ живыхъ и мертвыхъ. Ибо Ему, наконецъ, служебно все; и это - то самое воспѣваетъ Давидъ: *рече Господь Господеви моему: сяди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. 109, 1). Искупленію прилично было совершиться не чрезъ другаго кого, но чрезъ Того, Кто Господь по естеству, чтобы намъ, сотвореннымъ чрезъ Сына, не именовать Господомъ иного, и не впасть въ аріанское и языческое неразуміе, послуживъ твари паче создавшаго всяческая Бога.

15) Таковъ смыслъ этого изреченія по немощному моему разумѣнію. У Пѣтра была истинная и добрая причина говорить такъ іудеямъ. Ибо іудеи, уклонившись отъ истины, хотя ожидаютъ пришествія Христа, но не думаютъ, что Христосъ претерпитъ страданіе, и говорятъ, чего сами не понимаютъ: „мы знаемъ, что, когда прійдетъ Христосъ, пребудетъ *во вѣки: како Ты глаголеши, вознесися Ему подобаетъ* (Іоан. 12, 34)? Сверхъ того, предполагаютъ, что Христосъ— не Слово пришедшее во плоти, но простой есть человѣкъ, каковы были всѣ цари. Посему-то Господь, вразумляя Клеопу и бывшаго съ нимъ, научалъ ихъ что *Христу сперва подобаше пострадати* (Лук. 24,

26); а прочихъ іудеевъ вразумляя, что Пришедшій есть Богъ, говоритъ имъ: *аще оныхъ рече боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися Писаніе: Егоже Отецъ святыи и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ Сынъ Божій есмь* (Іоан. 10, 35. 36).

16) Посему Петръ, научившись этому у Спасителя, и въ томъ и другомъ ¹⁾ наводя іудеевъ на истинное разумѣніе, говоритъ: „Божественныя Писанія возвѣщаютъ вамъ, іудеи, что грядетъ Христосъ. И хотя вы почитаете Его простымъ человѣкомъ, какъ единого изъ потомковъ Давидовыхъ; однакоже, написанное о Немъ даетъ разумѣть, что Онъ не таковъ, какъ вы утверждаете. Напротивъ же того, Писанія возвѣщаютъ, что Онъ — Господь и Богъ, безсмертенъ и Податель жизни. Ибо Моисей сказалъ: узрите животъ вашъ *висящъ предъ очима* вашима (Второз. 28, 66), а Давидъ въ 109 псалмѣ говоритъ: *рече Господь Господеви моему: съди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (ст. 1), и въ 15 псалмѣ: *не оставиши душу Мою во адъ, ниже даси Преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (ст. 10). А что таковыя изреченія относятся не къ Давиду, объ этомъ самъ онъ свидѣтельствуеетъ, называя грядущаго Господомъ своимъ. Да и сами вы видите, что Давидъ умеръ и останки его у васъ. Но что Христу должно быть такимъ, какъ изображаютъ Его Писанія, въ этомъ, безъ сомнѣнія, согласитесь и вы. Богомъ изречены словеса сіи, и въ нихъ не можетъ быть лжи. Поэтому, если можете сказать, что Предсказанный пришелъ еще прежде, и можете доказать знаменіями и чудесами, какія совершены симъ пришедшимъ, что онъ Богъ; то въ-правѣ вы спорить съ нами. А если не можете доказать, что Онъ уже пришелъ, но до-

¹⁾ Что Христу надлежало пострадать, и что Онъ—во плоти пришедшій Богъ.

нынѣ еще ожидаете Его: то освѣдомьтесь у Даниила о времени; потому что сказанное Данииломъ относится къ настоящему времени. Если же настоящее время есть то самое, которое предвозвѣщено издревле, и видѣли вы, что совершилось у насъ нынѣ: то познайте, что сей Иисусъ, *Егоже вы распяте*, есть ожидаемый Христосъ; потому что Давидъ и всѣ пророки умерли, и гробы всѣхъ ихъ у васъ. Совершившееся же нынѣ воскресеніе показало, что написанное относится къ сему Иисусу. Ибо на распятіе указываютъ слова: узрите *животъ* вашъ *висящъ*; въ пронзеніи копіемъ ребра исполнилось сказанное: *яко овца на заколеніе ведется* (Исаи 53, 7). А что Онъ не только воскресъ, но и древнихъ мертвецовъ воздвигъ изъ гробовъ (какъ весьма многіе изъ васъ видѣли это сами), то и это предсказано въ словахъ: *не оставиши душу Мою во адѣ, и: поже смерть возмогши, и паки отъятъ Богъ* (Исаи 25, 8). И это, что Имъ совершены таковыя бывшія у насъ знаменія, показываетъ, что Пришедшій во плоти есть Богъ, что Онъ есть жизнь и Господь смерти. Ибо Христу, Который даетъ жизнь другимъ, подобало Самому не *быти держиму* отъ смерти. Но этого не могло быть, если бы, какъ думаете вы, Христосъ былъ простой человѣкъ. Напротивъ того, Онъ есть Божій Сынъ, потому что всѣ люди подлежатъ смерти. Поэтому, никто уже да не сомнѣвается, но *твердо да разуметъ весь домъ Израилевъ* (Дѣян. 2, 36), что сей Иисусъ, Котораго видѣли вы во образѣ человѣка творящимъ знаменія и такія дѣла, какихъ никто никогда не творилъ, . есть Христосъ и Господь всяческихъ. Содѣлавшись человѣкомъ и нареченъ будучи Иисусомъ, какъ говорили мы и выше, не умаленъ Онъ человѣческими немощами, но въ томъ самомъ, что содѣланъ человѣкомъ, наипаче являетъ Себя Господомъ живыхъ и мертвыхъ. *Понеже бо*, какъ сказалъ

Апостолъ, въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующіихъ (1 Кор. 1, 21). Поелику мы-люди-не захотѣли познать Бога чрезъ Слово Его и послужить Божію Словоу—Владыкѣ нашему по естеству; то благоизволилъ Богъ явить въ человѣкѣ господство Свое и всѣхъ привлечь къ Себѣ. Неприлично же было совершить это чрезъ простого человека, чтобы, имѣя господствъ человѣка, не стали мы человѣко-поклонниками. Посему-то само Слово плоть бысть, и наречено Ему имя Іисусъ; и такимъ образомъ Господа и Христа Его Отецъ сотворилъ есть; а это значитъ: сотворилъ, чтобы Онъ господствовалъ и царствовалъ, да о имени Іисуса, Егоже вы распяте, какъ всякое колѣно поклонится, такъ и мы признаемъ самого Сына и Господомъ и Царемъ, а чрезъ Него познаемъ и Отца“.

17) Многіе изъ іудеевъ, слыша это, пришли въ себя, и признали наконецъ Христа, какъ написано въ Дѣянїяхъ. Но поелику ариане рѣшаются оставаться іудеями и препираться съ Петромъ; то и имъ предложимъ таковыя же реченїя. Можетъ быть, хотя этимъ вразумятся, узнавъ, что такія выраженїя обыкновенно употребляются въ божественномъ Писанїи. Что Христосъ есть вѣчный Господь и Царь, это явнымъ стало изъ сказаннаго предъ симъ, и никто не сомнѣвается въ этомъ; потому что, какъ Божій Сынъ, подобенъ Онъ Богу; а какъ подобный Богу, безъ сомнѣнїя, Онъ и Господь и Царь. Ибо Самъ говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). А что и это самое сказанное Петромъ: *Господа и Христа Его сотворилъ есть*, не значитъ, будто бы Сынъ есть произведеніе, — можно видѣть изъ благословенїя Исаакова, хотя изображенїе это и слабо въ-сравненїи съ тѣмъ, о чемъ у насъ рѣчь. Итакъ, Исаакъ сказалъ Іакову: *буди господинъ брату твоему* (Быт. 27, 29);

а Исаву: вотъ, *господина его сотворишъ тебѣ* (37). Если бы реченіе „*сотворишъ*“ означало сущность и начало бытія Іаковлева, то и въ этомъ случаѣ аріанамъ не надлежало бы даже помыслить что-либо подобное о Божіемъ Словѣ; потому что Сынъ Божій— не тварь, подобно Іакову; по крайней мѣрѣ, научившись сколько-нибудь у другихъ, могли бы они не предаваться болѣе своему безумію. Если же Исааковы слова относятся не къ сущности и не къ началу бытія, тогда-какъ Іаковъ по природѣ есть тварь и произведеніе; то не превосходятъ ли въ неистовствѣ самого діавола, когда то самое, чего, на основаніи подобныхъ реченій, не смѣютъ приписать и созданнымъ по естеству, прилагаютъ къ Божію Сыну, говоря: Онъ есть произведеніе? Исаакъ сказалъ: *буди, и: сотворишъ*, означая этимъ не начало Іаковлева бытія и не сущность Іаковлеву; потому что сказалъ это, когда прошло болѣе тридцати лѣтъ отъ рожденія Іаковлева, разумѣлъ же власть, какую Іаковъ возымѣлъ надъ братомъ впослѣдствіи.

18) Тѣмъ паче Петръ выразился такъ, не означая этимъ, что сущность Слова есть произведеніе; потому что исповѣдалъ уже Его Сыномъ Божіимъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѣ. 16, 16), но разумѣлъ и надъ нами по благодати сотворенное и сбывшееся царство и господство Христово. Ибо, говоря это, не умолчалъ о вѣчномъ и Отческомъ Божествѣ Сына Божія; напротивъ же того, еще прежде сказалъ, что изліялся на насъ Духъ; а подавать Духа со властію — не дѣло твари и произведенія, но Божій есть даръ; потому что твари освящаются Духомъ Святымъ, Сынъ же, не Духомъ освящаемый, но паче Самъ подающій всѣмъ Духа, показываетъ тѣмъ о Себѣ, что Онъ — не тварь, но истинный Отчій Сынъ. А поелику о Немъ же, подающемъ Духа, говорится, что Онъ сотворенъ; то значитъ, что

сотворенъ у насъ Господомъ по челоуѣчеству, подаетъ же Духа, потому что Онъ есть Божіе Слово. Ибо всегда и былъ, и есть, какъ Сыномъ, такъ и Господомъ и Всецаремъ всѣхъ, во всемъ уподобляясь Отцу, и имѣя все то, что имѣетъ Отецъ, какъ сказала это Самъ (Іоан. 16, 15).

Разсмотримъ наконецъ и сказанное въ Притчахъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22); хотя доказаннымъ уже о Слоуѣ, что Оно — не произведеніе, всего болѣе доказываетъ, что Оно — и не тварь, потому что реченія: произведеніе и тварь — тождезначущи; почему и доказательство, что Слово — не произведеніе, служитъ также доказательствомъ, что Оно — и не тварь. И иной подивится, что еретики вымышляютъ себѣ предлоги къ нечестію и не приходятъ въ стыдъ послѣ каждаго сдѣланнаго имъ обличенія. Сперва умыслили они обольщать людей простыхъ, спрашивая ихъ: не-сущаго ли изъ не-сущаго, или сущаго сотворилъ Сущій? и имѣлъ ли ты сына, пока не родилъ его? Поелику же оказалось это непрочнымъ, изобрѣли новый вопросъ: одно ли Несозданное, или ихъ два? Потомъ обличенные и въ этомъ присовокупили тотчасъ: свободенъ ли Сынъ, и измѣняемаго ли Онъ естества? Но когда и это отвергнуто, — придумали еще сказать: *только лучший бывъ Ангеловъ*. Поелику же истина обличила и это, то теперь уже, сводя вмѣстѣ все сіе, думаютъ утвердить ересь свою реченіями: произведеніе и тварь. Ибо снова указываютъ на это, и не отступаются отъ своего зломыслия, различно измѣняя и превращая одно и то же, чтобы обольстить имъ кого-нибудь хотя этимъ разнообразіемъ. Правда, что сказанное доселѣ всего болѣе показываетъ, сколько напрасенъ и этотъ ихъ умыселъ: однакоже, поелику повсюду повторяютъ они изреченіе, взятое изъ Притчей, и многимъ, незнаю-

разнствуетъ во славу (1 Кор. 15, 41). И всѣ прочія твари сравнительно одна съ другою имѣють разность. Однакоже, по этому самому однѣ не господствуютъ, а другія не раболѣпствуютъ совершеннѣйшимъ; однѣ не служатъ причинами творящими, и другія не созидаются первыми; напротивъ того, всѣ имѣють одно свойство — быть производимыми и творимыми, сами въ себѣ исповѣдуютъ своего Зиждителя, какъ воспѣваетъ Давидъ: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его възвѣщаетъ твердь* (Псал. 18, 2); какъ и мудрый Зоровавель говоритъ: *вся земля истину призываетъ и небо оную благословляетъ, вся дѣла трясутся и трепещутъ* (2 Ездр. 4, 36). А если вся земля воспѣваетъ и благословляетъ Создателя и истину, и трепещетъ; Создатель же земли есть Слово, и Самъ вѣщаетъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6): то, конечно, Слово — не тварь, но единственное собственное Отчее Слово. Имъ все устрояется, и Оно воспѣвается всѣми, какъ Зиждитель, о чемъ само Оно говоритъ: *бѣхъ у Него устрояя* (Притч. 8, 29); и: *Отець Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Реченіе же *доселѣ* показываетъ, что Слово, какъ Слово, вѣчно пребываетъ во Отцѣ. Ибо Слово свойственно — совершать дѣла Отчія и быть не внѣ Отца.

21) Если же, что дѣлаетъ Отець, то дѣлаетъ и Сынъ, и что созидаетъ Сынъ, то есть и Отчее созданіе; но Сынъ есть дѣло и созданіе Отца: то Сынъ, или будетъ самъ Себя производить и самъ Себя творить (потому что тоже самое, что дѣлаетъ Отець, есть дѣло и Сына), а это нелѣпо и невозможно,—или, творя и дѣлая, что дѣлаетъ Отець, Самъ не будетъ ни дѣломъ, ни тварію, чтобы Ему, будучи творящею причиною, въ числѣ прочаго творимаго не оказаться творящимъ и то, чѣмъ содѣ-

лался самъ Онъ, вѣрнѣе же сказать, чтобы не оказаться неспособнымъ творить. Ибо если, по словамъ вашимъ, произошелъ Онъ изъ не-сущаго; то какъ возможно Ему содѣлывать сущимъ не-сущее? Если же созидаетъ тварь, Самъ будучи тварию; то и о каждой твари должно будетъ представлять тоже, а именно, что и она можетъ созидать. Но если соглашаетесь на это, то какая потребность въ Словѣ, когда низшія твари могли получить бытіе отъ тварей высшихъ, или и вообще, каждая созданная вещь могла вначалѣ услышать отъ Бога: да будетъ! или: да созиждется! и такимъ образомъ создалась бы каждая тварь? Но этого нѣтъ въ Писаніи; это и невозможно; потому что ничто созданное не есть причина творящая. Все приведено въ бытіе Словомъ, но и Слово не произвело бы всего, если бы Само было въ числѣ тварей. Не могутъ созидать и Ангелы, потому что и они—твари, хотя и держатся такой мысли Валентинъ, Маркіонъ и Василидъ, и вы дѣлаетесь чихъ ревнителями. И солнце, будучи тварию, никогда ничего не приведетъ изъ небытія въ бытіе, и человѣкъ не создастъ человѣка, и камень не измыслитъ камня, и дерево не возраститъ дерева. Напротивъ того, Богъ образуетъ человѣка во чревѣ матернемъ, поставяетъ горы, даетъ ростъ дереву; а человѣкъ, по способности пріобрѣтаетъ познаніе, слагаетъ, обдѣлываетъ это вещество, и, какъ научился, обрабатываетъ уже существующее, довольствуется же тѣмъ однимъ, что это имъ сдѣлано; и сознавая природу свою, если имѣетъ въ чемъ нужду, проситъ о томъ Бога.

22) Посему, если и Богъ производитъ и слагаетъ изъ готоваго вещества (таково языческое мудрованіе, и по нему Бога можно будетъ назвать только художникомъ, а не Творцомъ); то пусть и Слово обрабатываетъ это же вещество, по Божію велѣнію

и услуживая Богу. Если же Богъ не-сущее призываетъ въ бытіе Словомъ Своимъ, то Слово не въ числѣ не-сущихъ и призываемыхъ; иначе, должны будемъ искать иного слова, которымъ и Оно призвано; потому что не-сущее приведено въ бытіе Словомъ. И если Богъ Имъ созидаетъ и творитъ, то само Оно не въ числѣ созидаемыхъ и творимыхъ, но паче есть Слово зиждущаго Бога. И объ этомъ Словѣ изъ дѣлъ Отца, совершаемыхъ самимъ Словомъ, познается, что Оно во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ, что видѣвшій Его видѣлъ и Отца, потому что Слову принадлежитъ сущность Отца, и Сынъ по всему подобенъ Отцу. Какъ Богъ созидаетъ чрезъ Сына, если Онъ—не Отчее Слово и не Отчая Премудрость? И какъ будетъ Сынъ Словомъ и Премудростію, если не есть собственное рожденіе Отчей сущности, но Самъ произошелъ изъ не-сущаго? Когда всѣ вещи изъ не-сущаго и суть твари, а также и Сынъ, по словамъ еретиковъ, есть одна изъ тварей, нѣкогда не существовавшихъ,—почему Онъ только одинъ открываетъ Отца? Почему никто другой, кромѣ единаго Сына, не знаетъ Отца? Ибо если Сыну, будучи тварію, возможно познать Отца: то пусть познается Отецъ и всѣми, соотвѣтственно мѣрѣ каждого существа; потому что всѣ они, подобно Сыну, суть произведенія. Если же созданнымъ невозможно ни видѣть, ни познавать, напротивъ того, Божіе лицезрѣніе и вѣдѣніе превосходитъ силы всѣхъ тварей; ибо самъ Богъ сказалъ: никтоже узритъ *лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20); и Сынъ говорилъ: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Матѣ. 11, 27): то не-одинаково съ вещами сотворенными будетъ Слово, Которое одно познаетъ и одно видитъ Отца, какъ изрекло само Оно; *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо Сынъ* отъ Отца (Іоан. 6, 46); и: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ,*

хотя и не такъ это кажется Арію. Почему же позналъ одинъ Сынъ, если не Онъ одинъ есть собственный Отчій Сынъ? Почему былъ бы собственнымъ Отчимъ Сыномъ, если Онъ—тварь, а не истинный Сынъ отъ Отца?

Ради благочестія не тягостно будетъ и много разъ повторить одно и тоже, а именно: нечестиво — думать, будто бы Сынъ есть одинъ изъ всѣхъ; также хульно и неразумно — утверждать, будто бы Онъ—тварь, но не какъ одна изъ тварей, — произведение, но не какъ одно изъ произведеній, — рождение, но не какъ одно изъ рожденій. Почему Сынъ не какъ одно изъ всего этого, если, по словамъ ихъ, Его не было, пока не рожденъ? Ибо тварямъ и произведеніямъ свойственно — не быть, пока не приведены въ бытіе, и происходитъ изъ ничего, хотя бы и преимуществовали предъ другими славою; потому что и всѣ прочія твари окажутся въ этомъ отношеніи различествующими между собою, какъ усматривается это въ тваряхъ видимыхъ. *

23) Но если, по мнѣнію еретиковъ, Сынъ былъ тварь и произведение, но не какъ одна изъ тварей, потому что отличенъ отъ нихъ славою; то Писанію надлежало бы означить и показать Его превосходство сравнительно съ иными тварями, надлежало бы на примѣръ сказать, что Онъ выше Архангеловъ, честнѣе Престоловъ, свѣтлѣе солнца и луны, выше неба. Но теперъ сего о Немъ не означается. Отецъ же показываетъ, что Онъ собственный и единственный Его Сынъ, говоря: *Сынъ Мой еси Ты* (Псал. 2, 7), и: *Сеи есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъже благоволихъ* (Матѣ. 3, 17).

Потому и служили Ему Ангелы, какъ не-одинаковому съ ними, и поклоняются Ему не какъ высшему по славѣ, но какъ не-одинаковому со всѣми тварями и съ ними самими. единому и собствен-

ному по сущности Отчему Сыну. А если бы покланялись Ему, какъ превосходящему славою: то и каждый изъ низшихъ долженъ былъ бы покланяться превосходящему его. Но это не такъ; тварь не покланяется твари; покланяется же рабъ Владыкѣ и тварь Богу. Петръ Апостоль Корнилию, который хотѣлъ поклониться ему, возбраняетъ это, говоря: *и азъ человекъ есмь* (Дѣян. 10, 26). И Ангелъ въ откровеніи Іоанну, когда хотѣлъ поклониться ему, также возбраняетъ это, говоря: *Виждь, ни: клеветь твою есмь и братіи твоея Пророковъ, и соблюдающихъ слова книги сея: Богу поклонися* (Апок. 22, 9). Слѣдовательно, поклоненіе принадлежитъ единому Богу; и это знаютъ самые Ангелы. Хотя и превосходятъ другихъ славою, но всѣ они—твари, и не приѣмлютъ поклоненія, но сами покланяются Владыкѣ. Когда отецъ Сампсоновъ Маной хотѣлъ принести жертву Ангелу,—Ангелъ возбранилъ ему, говоря: не мнѣ, но Богу принеси (Суд. 13, 16). Господу же покланяются и Ангелы; ибо написано: *и да поклоняются Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6); и всѣ народы, какъ говоритъ Исаія: *утрудися Египеть, и купли Египетскія, и Саваимстїи мужи висоцыи къ Тебѣ перейдутъ, и Тебѣ будутъ раби, и въ-слѣдъ за симъ: и поклоняются Тебѣ, и въ Тебѣ помолятся. яко въ Тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе* (Исаи 45, 14). Приѣмлетъ Онъ и учениковъ покланяющихся, и удостовѣряетъ ихъ о Себѣ, Кто Онъ, говоря: не вы ли глаголете *Мя учителя и Господа? и добръ глаголете, есмь бо* (Іоан. 13, 13). И когда Ѳома говоритъ Ему: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28),—позволяетъ ему говорить сіе, даже приѣмлетъ сказанное, не возбраняя ему; потому что, какъ говорятъ другіе пророки и какъ воспѣваетъ Давидъ; Онъ есть *Господь силъ* (Псал. 47, 9), *Господь Саваоѳъ, что значитъ—Господь воинствъ, Богъ истин-*

ный и Вседержитель, хотя арианамъ и нестерпимо слышать это.

24) Ему не поклонялись бы и не было бы о Немъ сказано сего, если бы Онъ былъ въ числѣ тварей. Теперь же, поелику Онъ—не тварь, но собственное рожденіе сущности достопокланяемаго Бога и Сынъ по естеству; то поклоняются Ему и вѣрують, что Онъ, какъ и Отецъ, есть Богъ, Господь воинствъ, Властитель и Вседержитель. Ибо Самъ сказалъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. 16. 15). Сыну же свойственно имѣть принадлежащее Отцу и быть таковымъ, чтобы въ Немъ созерцаемъ былъ Отецъ, чтобы Имъ было все сотворено, въ Немъ совершалось и утверждалось спасеніе всѣхъ.

Чтобы обличеніе ереси арианъ еще болѣе было явственнo, хорошо будетъ спросить у нихъ и о семъ: поелику всѣ существа суть твари, и всѣ они приведены въ бытіе изъ ничего, а по словамъ вашимъ, и самъ Сынъ есть тварь и произведеніе, и одинъ изъ не-существовавшихъ нѣкогда; то почему же Имъ однимъ все сотворилъ Богъ, и *безъ Него ничтоже бысть*? Или, почему, когда говорится: *все*, представляетъ себѣ всякій, что реченіемъ „*все*“ не Сынъ означается, но означаются сотворенныя вещи? Когда же Писанія говорятъ о Словѣ, —всякій опять представляетъ, что Слово не въ числѣ означаемыхъ реченіемъ: *все*, но со Отцемъ сопоставляетъ Того, Кѣмъ Отецъ промышляетъ о всемъ, содѣлываетъ и творитъ спасеніе всѣхъ, хотя и всѣ существа могли бы получить бытіе по тому же повелѣнію, по которому и Слово получило бытіе отъ единого Бога? Богъ не утруждается, повелѣвая, не до того немощенъ къ совершенію всего, что единого Сына могъ сотворить Онъ одинъ, къ созиданію же прочихъ существъ имѣлъ нужду въ содѣйственникѣ и помощникѣ—Сынѣ. Безъ укосненія приходитъ въ бы-

тіе все, что̀ ни восхоцетъ Богъ. Напротивъ того, едва восхотѣлъ Онъ, какъ все совершилось, и никто не воспротивился волѣ Его. Итакъ, почему и все не пришло въ бытіе по тому повелѣнію единаго Бога, по которому пришелъ въ бытіе Сынъ? Или, пусть скажутъ: почему Сыномъ *вся быша*, хотя и самъ Сынъ созданъ?

Отъ аріанъ можно ожидать всякаго неразумія; на это впрочемъ скажутъ: „Богъ, восхотѣвъ создать тварную природу, видѣлъ, что она не можетъ пріять на себя ничѣмъ не умѣряемой Отчей руки и Отчей зиждительной силы, потому, первоначально одинъ производитъ и творитъ Единаго только, и Его именуетъ Сыномъ и Словомъ, чтобы, при Его посредствѣ, Имъ могло уже прійдти въ бытіе и все прочее?“ Это не говорили только, но осмѣлились и написать Евсевій, Аріѳ и приносившій жертвы Астерій.

25) Какъ же за это не осудить ихъ кому - либо въ совершенномъ злочестіи, когда, съ великимъ неразуміемъ растворивъ его себѣ и упиваясь имъ до такой мѣры, не стыдятся они истины? Если въ томъ предположеніи, что Богъ утрудился бы произведеніемъ иныхъ тварей, говорятъ, что самъ Онъ сотворилъ одного Сына: то вся тварь возопіетъ на нихъ, произносящихъ о Богѣ недостойное Бога; возопіетъ и Исаія, говоря въ Писаніи: *Богъ вѣчный, устроившій концы земли, не замечетъ; ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его* (Исаи 40, 28). Если же Богъ, какбы признавая для Себя недостойнымъ творить все прочее, сотворилъ единаго Сына, сотворить же прочее поручилъ Сыну, какъ помощнику: то и это недостойно Бога; потому что въ Богѣ нѣтъ киченія. Впрочемъ, вразумитъ ихъ Господь, говоря: *Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ? И ни одна отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца ва-*

шего небеснаго (Матѣ. 10, 29); и еще: не пещетесь душою вашею, что ясте, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь: не душа ли больше есть пищи, и тѣло одежды? Воззрите на птицы небесныя, яко не съютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучше ихъ есте? Кто же отъ васъ некійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ? И о одежди что пещется? смотрите кринь сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Аще же сѣно сельное днесъ суще, и утрѣ въ пещь вметаемо, Богъ тако отвѣстъ, не много ли паче васъ, маловѣри (Матѣ. 6, 25—30)? Если не недостойно Бога промышлять о вещахъ даже столько маловажныхъ, о волосахъ на головѣ, о воробѣ и о сѣнѣ сельномъ; то не было недостойно Бога и произвести это. Ибо о чемъ промышляетъ, то и творитъ собственнымъ Словомъ Своимъ. Иначе, утверждающіе это впадутъ въ большую несообразность; потому что тварей отдѣлять отъ самаго дѣла творенія, и одно назовутъ дѣломъ Отца, а другое—дѣломъ Сына. Необходимо, или и всему вмѣстѣ съ Сыномъ получить бытіе отъ Отца, или, если все сотворенное приходитъ въ бытіе чрезъ Сына, не говорить, что и Сынъ есть одинъ изъ сотворенныхъ.

26) Сверхъ того, иной станетъ обличать ихъ мало-смысліе и такимъ еще образомъ. Если и Слово есть тварнаго естества, то почему, когда естеству сему нестерпимо быть непосредственнымъ Божиимъ дѣломъ, изъ всего сотвореннаго одно Слово, какъ вы говорите, могло получить бытіе отъ несозданной и пречистой Божіей сущности? Необходимо, или, поелику возможно это Слову, имѣть ту же возможность и всему естеству, или, поелику невозможно естеству, не имѣть этой возможности и Слову; по-

тому что и Оно, по словамъ вашимъ, есть одно изъ существъ сотворенныхъ. Еще же, если, по невозможности естеству сотворенному быть непосредственнымъ Божиимъ дѣломъ, была нужда въ посредникѣ: то, поелику Слово создано и есть тварь, и при Его созданіи, по всей необходимости, нужно было посредство; потому что и само Слово включается въ томъ же сотворенномъ ествѣ, которое не можетъ быть причастнымъ Божія дѣланія, но имѣетъ потребность въ посредствѣ. А если и для Слова найдется какое посредство, то и для этого посредства потребенъ опять иной посредникъ; и такимъ образомъ, восходя и допытываясь помысловъ, отыщеть иной великую толпу стекающихся посредниковъ; вслѣдствіе же этого невозможно будетъ и состояться твари; потому что она всегда требуетъ для себя посредника, а этотъ посредникъ не можетъ прійти въ бытіе безъ другаго посредника, такъ-какъ всѣ они созданнаго естества, которое, какъ утверждаете вы, не можетъ быть причастнымъ дѣланія единаго Бога. Поэтому, какого неразумія исполнены аріане, когда и для того, что пришло въ бытіе, признаютъ невозможнымъ прійти въ бытіе! Или, можетъ быть, донинѣ ища посредника, воображаютъ они, что все это и не приходило еще въ бытіе. Ибо, по такому нечестивому и буюму разумѣнію ихъ, не могутъ состояться твари, пока не отыскано будетъ посредство.

27) Но возражаютъ: „Вотъ и чрезъ Моисея Богъ извелъ народъ изъ Египта, чрезъ него далъ законъ, хотя Моисей и человѣкъ. Поэтому, возможно подобному приходитъ въ бытіе посредствомъ подобнаго“. Говорить это прилично было бы имъ, закрывъ себѣ лице, чтобы не понести великаго стыда. Моисей посланъ былъ не созидать, не призвать въ бытіе не-сущее, не сотворить подобныхъ ему человѣ-

ковъ, но послужить только словомъ предъ народомъ и предъ царемъ Фараономъ. Въ этомъ же великая есть разность: служить свойственно созданнымъ, какъ рабамъ, а созидать и творить принадлежитъ единому Богу и собственному Его Слову и Премудрости. Поэтому, при созданіи никто не найдетъ иного, кромѣ единаго Божія Слова. Все произведено Премудростию, и безъ Слова ничто не приходило въ бытіе. На служенія не одинъ употребляется, но многіе изъ существъ всякаго рода, кого угодно бываетъ послать Господу. Ибо много Архангеловъ, много Престоловъ, Властей и Господствъ; тысящи тысящъ и тмы темъ предстоятъ служащихъ и готовыхъ быть посланниками; много Пророковъ, двѣнадцать Апостоловъ, и еще Павель, и самый Моисей не одинъ, но съ нимъ Ааронъ, и впослѣдствіи другіе семьдесятъ исполнились Святаго Духа, и Моисею былъ преемникомъ Иисусъ Навинъ, а Иисусу Судии, Судіямъ не одинъ, но многіе Цари. Посему, если бы и Сынъ былъ тварь и одинъ изъ созданныхъ, то надлежало бы многимъ быть подобнымъ сынамъ, чтобы Господу имѣть многихъ подобныхъ служителей, такъ-какъ много ихъ въ другихъ родахъ существъ. Если же не видно сего; а напротивъ того, тварей много, Слово же одно: кто не усмотритъ и изъ этого, что Сынъ отличенъ отъ всѣхъ и несравнимъ съ тварями, но есть собственный Отчій Сынъ? Посему, не многія Слова, но только единое есть единаго Отца Слово, единый единаго Бога Образъ.

Но „вотъ“, говорятъ, „и солнце только одно, и земля одна“. Пусть скажутъ эти несмысленные, что и вода одна, и огонь одинъ, и тогда услышатъ, что и каждое сотворенное существо одно есть по своей сущности, но въ-отношеніи къ служенію и дѣлу, какое поручается каждому, оно недостаточно и не удо-

влетворяетъ ему одно. Ибо рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ, и между ноцію: и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта. Потомъ сказано: и сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала ноци, и звѣзды. И положи я на тверди небеснѣй, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и ноцію (Быт. 1, 14—18).

28) Вотъ, свѣтилъ много, а не одно солнце, и не одна луна. Но хотя каждое свѣтило по сущности одно, однакоже, у всѣхъ есть одно и общее служеніе; и недостатокъ каждаго восполняется другимъ, и потребность освѣщать удовлетворяется всѣми. Солнцу дана власть являться въ-продолженіе только дня, а лунѣ ночью, звѣзды же вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ времена и годы, и каждое свѣтило служитъ знаменіемъ по требованію нужды. Такъ и земля не ко всему служить, а только къ произведенію плодовъ, и къ тому, чтобы поддерживать на себѣ животныхъ. А тверди назначено разлучать между водою и водою; на ней же утверждены и свѣтила. Такъ и огонь, и вода, со всѣми другими веществами получили бытіе, чтобы входить въ составъ тѣлъ. И вообще, ни одна изъ сотворенныхъ вещей не существуетъ отдѣльно, но всѣ онѣ, служа какбы членами другъ другу, составляютъ изъ себя какбы единое тѣло — міръ. Поэтому, если тоже предполагаютъ и о Сынѣ, почитая Слово частію цѣлаго, и частію безъ прочихъ частей недостаточною къ совершенію порученнаго Ему служенія; то всякій пусть мешетъ въ нихъ камнями. А если это явнымъ образомъ злочестиво, то да признаютъ, что Слово не изъ числа созданныхъ, но есть единственное собственное Отчее Слово, Зиждатель тварей. :

Но еретики возражаютъ: „Слово есть тварь и единое изъ созданныхъ, научилось же созидать у Бога, какъ у учителя и художника, и такимъ образомъ послужило научившему Богу“.—Софистъ Астерій, какъ обучившійся отречься отъ Господа, отважился написать сіе, не примѣчая нелѣпыхъ изъ сего слѣдствій. Если и зиждительность есть нѣчто изучаемое; то пусть размыслятъ, не сказать ли имъ, что и самъ Богъ есть Зиждитель не по естеству, а по наукѣ, а потому можетъ лишиться зиждительности. При томъ, если Премудрость Божія пріобрѣла зиждительность посредствомъ обученія; то уже Премудрость ли Она, когда имѣетъ нужду въ обученіи? И что такое была Она, пока не обучилась? Она не была еще Премудростію, поколику не доставало Ей ученія. Слѣдовательно, была чѣмъ-то пустымъ и несущественною Премудростію: имя же Премудрости получила вслѣдствіе преуспѣянія, и дотолѣ будетъ Премудростію, пока сохранить, чему обучилась. Ибо что не отъ естества, но привзошло вслѣдствіе обученія, въ томъ со временемъ можно и разучиться. Но о Божіемъ Словѣ говорить что-либо подобное сему, прилично не христіанамъ, а язычникамъ.

29) Если зиждительность пріобрѣтается ученіемъ, по мнѣнію этихъ неразсудительныхъ: то приписывается этимъ Богу и зависть и немощь; — зависть, потому что не научилъ созидать многихъ, чтобы окрестъ Его, какъ много Архангеловъ и Ангеловъ, такъ много было и зиждителей;—немощь же потому, что не могъ творить одинъ, но возымѣлъ нужду въ содѣйственникѣ, или въ помощникѣ, хотя доказано, что созданное естество могло получить бытіе отъ единого Бога, если только Сынъ, по словамъ ихъ созданный, могъ получить бытіе отъ единого Бога.

Но Богъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка; да не

будеть сего! Самъ Онъ сказалъ: *исполненъ есмь* (Исаи 1. 11). И не вслѣдствіе ученія стало Зиждителемъ Слово, но, какъ Отчій Образъ и Отчая Премудрость, совершаетъ свойственное Отцу; и не для совершенія созданныхъ существъ сотворилъ Богъ Сына. Ибо вотъ и при Сынѣ Отецъ оказывается еще дѣлающимъ, какъ говоритъ самъ Господь: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Если же Сынъ, по вашему мнѣнію, получилъ бытіе для того, чтобы содѣлано было происшедшее послѣ Сына, Отецъ же оказывается дѣлающимъ и при Сынѣ: то и въ этомъ отношеніи сотвореніе таковаго Сына, по вашему ученію, излишне. Сверхъ того,—для чего Богъ, желая сотворить насъ, ищетъ посредника, какъ-будто недостаточно воли Его къ произведенію того, что угодно Ему? Писанія говорятъ: *вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. 113, 11); и: *воли Его кто противитися можетъ* (Римл. 9, 19)? Если же и одной Его воли достаточно къ созданію всего, то опять потребность въ посредникѣ, по вашему ученію, излишня. Ибо нетвердымъ оказался и представленный вами примѣръ Моисея, солнца и луны. А еще посрамить васъ и сіе. Если Богъ, желая сотворить созданное естество и размышляя о немъ самъ съ Собою, примышляетъ и творитъ, по вашему ученію, Сына, чтобы чрезъ Него создать насъ; то смотрите, какое нечестіе осмѣлились изречь вы.

30) Во-первыхъ, изъ этого оказывается, что самъ Сынъ получилъ бытіе ради насъ, а не мы ради Него; ибо не мы сотворены ради Его, но Онъ творится ради насъ; почему, болѣе, нежели мы Ему, Онъ обязанъ намъ благодарностію, какъ и жена мужу. Ибо, говоритъ Писаніе, *не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. 11, 9). А посему, какъ мужъ есть образъ и слава Божіа, жена же слава мужу (—7); такъ мы—образъ Божій и во славу

Божію получили бытіе, а Сынъ есть нашъ образъ и существуетъ для нашей славы; мы созданы для бытія, а Божіе Слово, по вашему ученію, творится не для бытія, но, какъ орудіе, въ нашу потребу; поэтому, не мы отъ Него, но Онъ существуетъ вслѣдствіе нашей потребности. И допускающіе только эту мысль не превосходятъ ли мѣру всякаго безумія? Если для насъ получило бытіе Слово, то не прежде насъ Оно отъ Бога; потому что, не Его имѣя въ Себѣ, помышляетъ о насъ; но, насъ имѣя въ Себѣ, какъ говорятъ они, помышляетъ о Словѣ Своемъ. Если же это такъ, то, можетъ быть, Отецъ и не желалъ вовсе Сына, и не Его желая, сотворилъ Его; но насъ желая, ради насъ создалъ Его, потому что примыслилъ Его послѣ насъ. А такимъ образомъ, по ученію этихъ нечестивцевъ, излишенъ уже Сынъ, получающій бытіе, какъ орудіе, когда получаютъ бытіе тѣ, для которыхъ Онъ сотворенъ.

Если же единый Сынъ, какъ мощный, получилъ бытіе отъ единого Бога, а мы, какъ немощные, получили бытіе отъ Слова; то для чего же не о Немъ, какъ о мощномъ, но о насъ помышляетъ прежде Богъ? Или, почему Мощнаго не предпочитаетъ немощнымъ? Или, для чего, творя Его прежде, не помышляетъ о Немъ первомъ? Или, для чего, помышляя прежде о насъ, не насъ первыхъ производитъ, когда изволенія Его достаточно къ произведенію всего? Напротивъ того, хотя Его творитъ перваго, однакоже прежде помышляетъ о насъ, и насъ желаетъ прежде, нежели Посредника. Впрочемъ насъ, которыхъ желаетъ сотворить и о которыхъ помышляетъ, именуетъ тварями; а Его, Котораго созидаетъ ради насъ, называетъ Сыномъ и собственнымъ Своимъ наслѣдникомъ. Между тѣмъ, надлежало бы именоваться лучше сынами намъ, ради которыхъ творитъ и Его; или надлежало Богу помышлять прежде о Немъ и

Его желать, какъ дѣйствительнаго Сына, чрезъ Котораго творить и насъ всѣхъ. Вотъ что изрыгнуто и изблевано еретиками.

31) Не должно умалчивать и о томъ, какъ мудрствуешь истина, но тѣмъ паче прилично—велегласно возвѣстить о семъ. Не ради насъ получило бытіе Божіе Слово, напротивъ же того, мы ради Его получили бытіе, и *о Немъ создашася всяческая* (Кол. 1, 16). Не по нашей немощи, Онъ, какъ мощный, получилъ бытіе отъ единаго Отца, чтобы Имъ, какъ орудіемъ, создать Отцу и насъ. Да не будетъ сего! Не таково ученіе истины. Если бы угодно было Богу и не созидать тварей; тѣмъ не менѣе было *Слово у Бога*, и въ Немъ былъ Отецъ. Тварямъ невозможно было получить бытіе безъ Слова, потому и получили бытіе Имъ,—что и справедливо. Поелику Слово есть собственный по естеству Сынъ Божіей сущности; поелику Оно отъ Бога и въ Богѣ, какъ Само изрекло о семъ: то созданіямъ невозможно было не Имъ получить бытіе. Какъ свѣтъ освѣщаетъ все сіяніемъ своимъ, и ничто не освѣщалось бы безъ сего сіянія: такъ и Отецъ, какъ рукою, содѣлалъ все Словомъ, и ничего не творить безъ Него. Поэтому, какъ предалъ о семъ памяти Моисей, *рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и: да соберется вода; и: да изведетъ земля; и: сотворимъ челоѣтка* (Быт. 1, 3. 9. 24. 26), какъ и святой Давидъ воспѣваетъ: *Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася* (Псал. 32, 9). Не съ тѣмъ рече, чтобы, какъ у людей, услышалъ какой-либо помощникъ, и узнавъ волю глаголющаго, пошелъ и сдѣлалъ; это свойственно тварямъ, о Словѣ же неприлично — такъ представлять себѣ или говорить; потому что Божіе Слово есть зиждительное и творческое; Оно есть Отчая воля. Посему, божественное Писаніе не сказало, чтобы слышавшій, какъ или какія твари должны получить бытіе по волѣ Отца, выслу-

шалъ это и отвѣчалъ; но, сказавъ только: *рече Богъ: да будетъ, присовокупило: и бысть тако* (Быт. 1, 9); потому что угодное Богу и помышленное Имъ немедленно приведено въ бытіе и совершено Словомъ. Когда Богъ повелѣваетъ другимъ или Ангеламъ, или бесѣдуетъ съ Моисеемъ, или даетъ обѣтованіе Аврааму; тогда слышашій отвѣтствуетъ, и одинъ говоритъ: *почесому уразумѣю* (Быт. 15, 8)? другой: *избери иного* (Исх. 4, 13), и еще: *аще вопросятъ мя, что имя Ему? что реку къ нимъ* (Исх. 3, 13)? И Ангель, какъ сказалъ Захаріи: *сице глаголетъ Господь*, такъ самъ вопрошаетъ Господа: *Господи Вседержителю, доколы не имаша помиловати Иерусалима* (Зах. 1, 12—17)? и ожидаетъ услышать слова благія и утѣшительныя. Каждый изъ нихъ имѣетъ посредника—Слово и Божию Премудрость, извѣщающую о волѣ Отца. Когда же дѣлаетъ Богъ и Слово творить: тогда нѣтъ при семъ ни вопроса, ни отвѣта; потому что въ Словѣ Отецъ, и Слово во Отцѣ. Тогда достаточно восхотѣть, и совершается дѣло, такъ что извѣщеніемъ воли для насъ служитъ слово: *рече, а слова: и бысть тако*, обозначаютъ дѣло, совершенное Словомъ и Премудростію, въ Которой и заключена Отчая воля. И сіе опять: *рече Богъ-извѣствуется Словомъ*. Ибо сказано: *вся Премудростію сотворишь еси* (Псал. 103, 24), и: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6), и: *единъ Господь Иисусъ Христосъ. Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6).

32) Изъ этого можно усмотрѣть, что аріане не съ нами препираются о ереси, но, повидимому, препираясь съ нами, возстаютъ на самое Божество. Если бы нашъ былъ гласъ, глаголющій: *Сей есть Сынъ Мой*: то обвиненіе наше было бы для нихъ неважно. А если это — гласъ Отца, и ученики слышали, самъ же Сынъ говоритъ о Себѣ: *прежде встѣхъ холмовъ разж-*

дастъ *Мя* (Притч. 8, 25); то не подобно ли баснословнымъ исполинамъ и ариане богоборствуютъ нынѣ, по слову Псалмопѣвца, имѣя *языкъ мечь остръ* на злочестіе (Псал. 56, 5)? Не убоялись они Отчаго гласа, не уважили словъ Спасителя, не повѣрили святымъ, хотя одинъ изъ нихъ пишетъ: *Иже сый сіяніе славы и образъ впостаецъ Его* (Евр. 1, 3), и: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24); и другой воспѣваетъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10), и: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24), и Пророки говорятъ: *и бысть слово Господне ко мнѣ* (Иер. 2, 1), и Іоаннъ вѣщаетъ: *въ началѣ бѣ Слово*; и Лука: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе* (Лук. 1, 2), какъ и Давидъ еще говоритъ: *посла Слово Свое, и исцѣли я* (Псал. 106, 20).

Все это предаетъ арианскую ересь повсюдному позору, даетъ же уразумѣть вѣчность Слова, и что Слово нечуждо Отчей сущности, но собственно ей принадлежитъ. Ибо кто когда видѣлъ свѣтъ безъ сіянія? Или, кто осмѣлится сказать, что образъ впостаеси чуждъ ей? Не паче ли, неистовъ помыслившій только, будто бы Богъ когда-либо былъ безъ Слова и безъ Премудрости? Писаніе представило намъ таковыя начертанія и таковыя образы, чтобы мы, поелику природа человѣческая не въ-состояніи постигнуть Бога, изъ нихъ хотя отчасти и неясно, по мѣрѣ силъ своихъ, могли уразумѣть Его. И какъ къ познанію того, что Богъ есть и промышляетъ, достаточно твари: *отъ величества бо и красоты созданій сравнительно Рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. 13, 5), и мы къ своему наученію не требуемъ отъ твари произносимыхъ словъ, но, внимая Писаніямъ, вѣруемъ, примѣчая во всемъ этотъ порядокъ и эту стройность, познаемъ, что Онъ

есть Творецъ, Владыка и Богъ всего, постигаемъ чудное Его о всемъ промышленіе и міроправленіе: такъ, при достаточномъ свидѣтельствѣ о Божествѣ Сына приведенныхъ выше изреченій, излишнее, лучше же сказать, безумное дѣло — сомнѣваться и спрашивать съ еретиками: какъ можетъ Сынъ быть вѣчно? Или, какъ можетъ Онъ быть отъ Отчей сущности, и не быть частію? Быть отъ чего-нибудь значитъ быть частію этого чего-нибудь; а удѣленное не есть уже цѣлое.

33) Таковы велемудрыя злоухищренія иномысленныхъ. И какъ въ сказанномъ прежде предварительно обличили мы суесловіе ихъ въ этомъ, такъ и точный смыслъ этихъ изреченій и образовъ, употребленныхъ въ Писаніи, показываетъ намъ въ очеркѣ мерзкое еретическое ученіе. Ибо въ Писаніяхъ видимъ всегда сущее Слово, сущее отъ Отца, собственно принадлежащее сущности Того, Чье Оно Слово, не имѣющее въ Себѣ ни предшествующаго, ни послѣдующаго. Видимъ сіяніе отъ солнца, собственно принадлежащее солнцу, нераздробляющее и неумаляющее солнечной сущности, такъ что и сущность пребываетъ всецѣлою, и сіяніе совершенно и всецѣло, не умаляетъ сущности свѣта, какъ истинное его рожденіе. Видимъ Сына не отвнѣ, но отъ Отца раждаемаго, и Отца пребывающаго всецѣлымъ, Сына же всегда сущаго образомъ впостаси, сохраняющаго въ Себѣ сходство со Отцемъ и неизмѣнный Его образъ; почему, кто видитъ Сына, тотъ усматриваетъ въ Немъ и ту Впостась, Которой Онъ--Образъ, и по дѣйственности Образа уразумѣваетъ истинное Божество Впостаси. Сему уча, и самъ Спаситель сказалъ: *Отець во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла, чже Азь творю* (Іоан. 14, 10—12), и: *Азь и Отець едино есма* (Іоан. 10, 30), и: *Азь во Отцѣ, и Отець во Мнѣ* (Іоан. 14, 10). Поэтому, пусть христорборная ересь

покусится сперва объяснить образы, взятые съ вещей сотворенныхъ, и сказать: „солнце было нѣкогда безъ сіянія, или: сіяніе не собственно принадлежитъ сущности свѣта, или, хотя и принадлежитъ, но происходитъ чрезъ отдѣленіе и есть часть свѣта“. И еще, пусть объяснитъ происхождение Слова и скажетъ: „слово чуждо уму; или: не было его нѣкогда; или: не собственно принадлежитъ оно сущности ума; или: слово есть отдѣльная часть ума“. Пусть объяснится объ образѣ, о свѣтѣ и о силѣ, также какъ о словѣ и о сіяніи; и тогда уже пусть воображаетъ, что хочетъ. А если еретики не могутъ на это отважиться, то не велико ли ихъ безуміе—напрасно напрягать свои силы къ уразумѣнію превышающаго все созданное и собственную ихъ природу, и братья за невозможное?

34) Если и у этихъ созданныхъ и тѣлесныхъ существъ отыскиваются такія рожденія, что они суть не части сущностей, отъ которыхъ происходятъ, и не страдательно производятся, и не умаляютъ породившихъ сущностей; то не безумствуютъ ли опять еретики, когда въ безплотномъ и истинномъ Богѣ отыскиваютъ и предполагаютъ части и страданія, безстрастному и неизмѣняемому Богу приписываютъ раздѣленія, чтобы возмутить этимъ слухъ людей простодушныхъ и отвратить ихъ отъ истины? Ибо кто, слыша слово: *Сынъ*, не представляетъ въ мысли собственно принадлежащаго Отчей сущности? И кто, при первоначальномъ оглашеніи, услышавъ, что Богъ имѣетъ Сына и все сотворилъ собственнымъ Словомъ Своимъ, не въ такомъ принималъ это смыслъ, какъ мудствуемъ теперь мы? И когда появилась мерзкая аріанская ересь, кто, услышавъ утверждаемое еретиками, не приходилъ тотчасъ - же въ изумленіе, что утверждаютъ они нѣчто чуждое, и посѣваютъ несогласное съ ученіемъ, какое всѣяно въ нихъ въ на-

чалъ? Въ началѣ же въ каждой душѣ всѣяно, что Богъ имѣетъ Сына—Слово, Премудрость, Силу, и это есть Его образъ и сіяніе. А изъ сказаннаго тотчасъ сами собою раждаются понятія: о бытіи всегда, о бытіи отъ Отца, о подобіи, о вѣчности рожденія отъ сущности, и ни одного понятія о твари или произведе- нии. Когда же *спящимъ челоуѣкомъ врагъ челоуѣкъ* посяялъ эти понятія: *тварь; было, когда не было; и: какъ сіе возможно*: тогда уже явились плевелы — это зловредная ересь христорцевъ. И еретики, какбы лишенные вдругъ всякаго правильнаго образа мыслей, наподобіе разбойниковъ вторгаются и осмѣливаются говорить: „Какъ можетъ Сынъ вѣчно сопребывать со Отцемъ? Ибо у людей сыны ихъ появляются со временемъ. Отцу уже тридцать лѣтъ, а сынъ только еще рожденъ. И вообще, всякій сынъ челоуѣческой не былъ, пока не рожденъ“. И еще твердятъ еретики: „Какъ Сыну можно быть Словомъ, или Слову—Образомъ Божіимъ? Челоуѣческое слово, состоя изъ слоговъ, едва выразитъ изволеніе говорящаго, какъ тотчасъ престаеъ и исчезаетъ“.

35) Поэтому, какбы забывъ изложенныя выше противъ нихъ обличенія, и снова опутываясь подобными симъ узами злочестія, разсуждаютъ, какъ теперь сказано. Но слово истины обличаетъ ихъ такъ: Если разсуждаютъ о какомъ-либо челоуѣкѣ, то пусть и о словѣ его и о сынѣ его говорятъ по-челоуѣчески. Если же разсуждаютъ о Богѣ, создавшемъ челоуѣковъ, то пусть представляютъ не челоуѣчески, но иначе и выше естества челоуѣческаго. Ибо каковъ раждающій, таково же по необходимости и рожденіе; и каковъ Отецъ Слова, таково и Слово Его. Челоуѣкъ, раждаемый во времени, и самъ во времени раждаетъ чадъ. И поелику произошелъ онъ изъ ничего, то и слово его престаеъ и не пребываетъ. Но Богъ *не яко челоуѣкъ*; сіе сказало и Писаніе (Іудію. 8, 16). Онъ

есть *Сый*, и всегда пребываетъ (Исх. 3, 14). Посему и Слово Его есть *Сый*, и Оно вѣчно со Отцемъ, какъ сіяніе свѣта. Слово человѣческое составляется изъ слоговъ, не имѣетъ ни жизни, ни дѣйственности, но выражаетъ только мысль говорящаго; едва выходитъ изъ устъ, какъ уже и преходитъ, не являясь болѣе; потому что вовсе его не было, пока не изречено. Поэтому, человѣческое слово не имѣетъ ни жизни, ни дѣйственности, и вообще, оно—не человѣкъ. Таково же оно, какъ сказалъ уже я, по той причинѣ, что раждающій его человѣкъ имѣетъ естество происшедшее изъ ничего. Но Божіе Слово—не слово произносимое, какъ сказалъ бы иной, Оно—не звучная рѣчь, и не Божіе повелѣніе есть Сынъ; но какъ сіяніе свѣта, такъ Слово Божіе есть совершенное Рожденіе отъ Совершеннаго; потому и Образъ Божій есть Богъ; ибо сказано: *Богъ бѣ Слово*. Человѣческія слова не для дѣйствованія служатъ; потому, человѣкъ дѣйствуетъ не словами, но руками; руки человѣческія имѣютъ дѣйствительное бытіе, а слово человѣческое не самостоятельно. Что же касается до Слова Божія, то, какъ сказалъ Апостоль, *живо Слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ: и нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово* (Евр. 4, 12. 13). Посему, Оно есть Создатель, безъ Него *ничтоже бысть* и ничто не можетъ прійти въ бытіе.

36) Не должно же доискиваться, почему Слово Божіе не таково, какъ наше; потому что, какъ сказано уже, и Богъ не таковъ, какъ мы. Неприлично также доискиваться: какъ Слово отъ Бога, или какъ Оно—Божіе сіяніе, или какъ раждаетъ Богъ, и какой образъ Божія рожденія. Кто отваживается на подобныя

изслѣдованія, тотъ безумствуетъ, потому что желаетъ истолковать словами, что неизреченно, свойственно Божію естеству, и вѣдомо одному Богу и Сыну Его. Это тоже значить, что и доискиваться: гдѣ Богъ, почему Онъ—Богъ, и каковъ Отецъ. Но какъ предлагать подобные вопросы—нечестиво и свойственно невѣдущимъ Бога; такъ непозволительно—отваживаться на подобныя изслѣдованія о рожденіи Божія Сына, и Бога и Премудрость Его измѣрять своимъ естествомъ и своею немощію. Но поэтому не слѣдуетъ представлять о семъ вопреки истинѣ; и если кто при этихъ изслѣдованіяхъ приходитъ въ недоумѣніе, то не долженъ не вѣрить и написанному.

Лучше—недоумѣвающимъ молчать и вѣровать, нежели не вѣрить по причинѣ недоумѣнія. Недоумѣвающій можетъ еще быть извиненъ, потому что, хотя и допытывался, но потомъ совершенно успокоился. А кто по недоумѣнію примышляетъ себѣ неподобающее и говоритъ о Богѣ, что недостойно Бога, тотъ извинителенъ, въ своей дерзости; потому что въ подобныхъ недоумѣніяхъ изъ божественныхъ Писаній можетъ извлечь для себя нѣкоторое пособіе, и хорошо выразумѣтъ написанное, представлять же въ умѣ какъ бы для примѣра наше слово. Какъ оно собственно отъ насъ, а не внѣшнее наше дѣло; такъ и Божіе Слово собственно отъ Бога, и не есть произведеніе. Оно не то же, что слово человѣческое, иначе, и Бога необходимо—представлять себѣ человѣкомъ. Ибо вотъ ежедневно преходятъ многія и различныя слова человѣческія; потому что прежнія слова не пребываютъ, но исчезаютъ. Это же опять бываетъ потому, что отцы ихъ, какъ люди, и возрасты имѣютъ преходящія, и представленія послѣдовательно смѣняющіяся; а на чемъ останавливаются мыслию и о чемъ размышляютъ, о томъ они и говорятъ, почему, много у нихъ бываетъ словъ, и послѣ многихъ вовсе не остается

ни одного. Какъ-скоро говорящій прекращаетъ рѣчь, — тотчасъ утрачивается и слово. Но Слово Божіе есть одно и то же, и, какъ написано, Слово Божіе *во вѣкъ пребываетъ* (Псал. 118, 89), не измѣняясь и пребывая не первымъ или вторымъ по первомъ, но всегда тѣмъ-же. Поелику Богъ единъ, то прилично быть единому Божію Образу, единому Слову и единой Премудрости.

37) Посему, дивлюсь, какъ еретики, когда Богъ единъ, по собственному своему примышленію вводятъ многіе образы, премудрости и слова, и утверждаютъ, что „одно слово есть собственное и по естеству Отчее слово, которымъ Богъ сотворилъ и Сына, истинный же Сынъ только по примышленію (*κατ' ἐπινοίαν*) нарицается Словомъ, также какъ и виноградною лозою, путемъ, дверію, деревомъ жизни. И Премудростію по имени только, говорятъ они, нарицается Сынъ; есть же иная собственная и истинная Отчая премудрость, нерожденно Отцу соприсущая, которою сотворивъ Сына, по причастію сей премудрости, наименовалъ Его также Премудростію“. И это не на словахъ только преподается у нихъ, но и Аріій помѣстилъ въ своей Таліи, и софистъ Астерій, какъ говорили мы въ предыдущемъ словѣ, написалъ такъ: „Не сказалъ блаженный Павелъ: проповѣдуемъ Христа *сію* Божію силу или *сію* Божію Премудрость, но безъ приложенія члена говоритъ: Божію силу и Божію Премудрость, проповѣдуя, что есть иная собственно самому Богу принадлежащая сила, естественная и Ему нерожденно соприсущая; и она-то есть родительница Христа, зиждительница всего міра; о ней уча, Апостоль въ Посланіи къ римлянамъ говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Римл. 1, 20). Какъ никто не скажетъ, что именуемое здѣсь Божество есть Христось, а не самъ Отець; такъ, думаю,

и присносущая сила Его и Божество есть не едиnorodный Сынъ, но родившій Сына Отець; Апостоль же учитъ, что иная есть Божія сила и премудрость являемая чрезъ Христа“. И немного послѣ тотъ же Астерій говоритъ: „Хотя присносущая Его Сила и Премудрость, Которая, по истинному разсужденію, безначальна и нерожденна, безъ сомнѣнія, есть одна и таже; однакоже, многія силы и премудрости, отдѣльно сотворенныя Богомъ, и въ числѣ ихъ первожденный и едиnorodный Христосъ, всѣ подобнымъ образомъ зависятъ отъ обладающаго ими Бога, и всѣ справедливо именуется силами самого Бога, ихъ сотворшаго и употребляющаго въ дѣйствіе. Такъ напри- мѣръ, о пругахъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи человѣческіе, Пророкъ говоритъ, что самъ Богъ называетъ ихъ не только силою, но и силою великою (Иоил. 2, 25); а блаженный Давидъ во многихъ псалмахъ не только Ангеловъ, но и силы призываетъ къ славословію Божію“.

38) Не достойны ли они всякой ненависти за это одно ими сказанное? Если, какъ полагаютъ еретики, Господь не Сынъ по рожденію отъ Отца и по усвоенію сущности, но именуется Словомъ ради разумныхъ тварей, Премудростію ради одаренныхъ мудростію, и силою ради облеченныхъ силою; то безъ сомнѣнія и Сыномъ нареченъ ради усыновляемыхъ, а можетъ быть, и бытіе имѣть по примышленію ради сущихъ въ бытіи. Поэтому, что же такое Онъ? Не можетъ Онъ быть ничѣмъ изъ поименованнаго, если все это только имена Его, и если имѣть Онъ въ Себѣ одинъ призракъ бытія, ради насъ украшаясь этими именами. Но подлинно діавольское, или еще и большее это высокоуміе!—Сами хотятъ быть истинно самостоятельными, о Словѣ же Божіемъ думаютъ, что существуетъ только именемъ. И не странны ли эти вѣщанія ихъ?—Премудрость называютъ соприсущею

Отцу, утверждаютъ же, что Христосъ не есть сія Премудрость, но что много созданныхъ силъ и премудростей, и что одна изъ нихъ есть Господь, принимаемый ими къ гусеницѣ и пругамъ. Не коварны ли они? Слыша у насъ, что Слово сопребываетъ со Отцемъ, поднимаютъ вдругъ ропотъ, говоря: „слѣдовательно, по утверждаемому вами, несозданныхъ два“. Сами же утверждая, что Премудрость Его несоздана, ужели не видятъ, что упрекъ, какой напрасно дѣлаютъ намъ, падаетъ на нихъ? И опять, не совершенно ли юродива эта ихъ мысль — утверждать, что несозданная соприсущая Богу премудрость есть самъ Богъ? Соприсущее не себѣ, но кому-либо соприсутствуетъ; на примѣръ, Евангелисты говорятъ о Господѣ: былъ съ учениками; потому что былъ не самъ съ Собою, но съ учениками. Развѣ скажутъ уже, что Богъ можетъ имѣть премудрость, которая сопряжена съ Нимъ и восполняетъ собою Его сущность, будучи сама несоздана, и ее-то еретики выставляютъ зиждительницею міра, чтобы отнять зиждительность у Сына; потому что принуждены утверждать все, только бы не мудрствовать о Господѣ по истинѣ.

39) Гдѣ же они нашли вообще сказаннымъ въ божественномъ Писаніи, или отъ кого слышали, будто бы кромѣ сего Сына есть иное слово и иная премудрость, и потому, изобрѣтаютъ подобные вымыслы? Написано правда: *егда словеса Моя не суть якоже огонь, или млатъ сотряющій камень* (Іер. 23, 29)? И въ Притчахъ сказано: *науку же васъ Моимъ словесемъ* (Притч. 1, 23). Но это заповѣди и повелѣнія, какія изглагола въ Богъ святымъ чрезъ собственное Свое и единое истинное Слово. О сихъ словесахъ сказалъ Псалмопѣвецъ: *отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ, яко да сохраню словеса Твоя* (Псал. 118, 101). И Спаситель, давая разумѣть, что таковыя словеса не то же, что Онъ, и Имъ изглаголаны, ска-

залъ: *глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ* (Іоан. 6, 63). Таковыя слова не суть рожденія или сыны; не такъ много зиждительныхъ словесъ, не такъ много образовъ единого Бога, не такъ много содѣлавшихся насъ ради челоуѣками, и не единое изъ сихъ многихъ словесъ есть то Слово, Которое *плоть бысть*, по сказанному Іоанномъ. Объ единственномъ сущемъ Божиємъ Словѣ благоуѣствовано Іоанномъ: *Слово плоть бысть, и: вся Тѣмъ быша*. Поэтому, о семъ единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и объ единствѣ Его со Отцемъ написаны и служатъ доказательствомъ тѣ свидѣтельства, въ которыхъ и Отецъ объявляетъ, что единъ есть Сынъ, и святые и научились и говорятъ, что единое есть Слово, и Оно есть единородный Сынъ. Тѣже доказываютъ и совершенныя Имъ дѣла. Ибо все видимое и невидимое Имъ получило бытіе, и *безъ Него ничтоже бысть*. О другомъ же комъ, или объ иномъ чемъ не имѣютъ представленія святые, и не вымышляютъ словъ или премудростей, которыхъ ни имени, ни дѣлъ не показываетъ Писаніе, и которыхъ именуютъ одни эти еретики. Ибо ихъ это изобрѣтеніе, ихъ христорное предположеніе; они употребляютъ во зло имя Слова и Премудрости, вымышляя же себѣ что-то иное, жалкіе люди эти отрицаются истиннаго Божія Слова, истой и единственной Отчей Премудрости, и подражаютъ, наконецъ, манихеямъ. Ибо и манихеи, взирая на дѣла Божіи, отрицаются самого единственно-сущаго и истиннаго Бога, вымышляютъ же себѣ иного Бога, хотя не могутъ показать ни дѣлъ сего Бога, ни какого-либо о Немъ свидѣтельства въ божественныхъ Писаніяхъ.

40) Итакъ, если въ божественныхъ Писаніяхъ не отыскивается иной премудрости, кромѣ сего Сына, и отъ Отцовъ не слышали мы ничего подобнаго; еретики же исповѣдуютъ и написали, что есть премудрость несозданно соприсушая Отцу, Ему собственно

принадлежащая и зиждительница міра: то Сынъ сей будетъ Тотъ самый, Который, и по ихъ словамъ, вѣчно соприсущъ Отцу. Ибо Онъ есть и Зиждитель, какъ написано: *вся Премудростію сотворилъ еси*. И самъ Астерій, какбы забывъ, что писалъ прежде, когда вступаетъ въ споръ съ язычниками, подобно Каіафѣ, невольно не именуетъ впоследствии ни многихъ премудростей, ни гусеницы, но исповѣдуетъ уже одну Премудрость, пиша такъ: „одинъ Богъ Слово, словесныхъ же существъ много; одна сущность и одно естество Премудрости, существъ же мудрыхъ и совершенныхъ много“. И чрезъ нѣсколько словъ говоритъ еще: „Кто же тѣ, которыхъ удостоиваютъ именовать Божиими сынами? Конечно, не скажутъ, что и они суть слова, и не станутъ утверждать, что премудростей много. Поелику Слово одно и Премудрость, по доказанному, одна; то невозможно сему множеству сыновъ присвоить сущность Слова, и давать наименованіе Премудрости“. Посему, неудивительно, что аріане препираются съ истиною, когда во взаимныхъ спорахъ они разногласятъ и сами съ собою, иногда утверждаютъ, что премудростей много, а иногда объявляютъ, что Она одна; то примѣняютъ Премудрость къ гусеницѣ, то говорятъ, что Она соприсуща и собственно принадлежитъ Отцу; иногда одного Отца признаютъ несозданнымъ, иногда же и Премудрость и силу Его именуютъ несозданною; спорятъ съ нами, утверждающими, что Слово Божіе всегда пребываетъ, и сами же забываютъ слова свои, говоря, что Премудрость несозданно соприсуща Богу. Такъ во всемъ омрачены они умомъ, отрицаютъ истинную Премудрость, и отыскиваютъ премудрость не-существующую, подобно манихеямъ измышляютъ себѣ иного Бога, и отрицаютъ Бога истиннаго.

41) Но пусть и прочія ереси и манихеи слышатъ, что одинъ есть Отецъ Христовъ, Владыка и Творецъ твари, создавшій все Словомъ Своимъ; особенно же пусть слышатъ ариане, что едино есть Божіе Слово, единственный собственный и преискренній Сынъ, отъ Божіей сущности, имѣющій неотдѣлимое отъ Отца Своего единство Божества, какъ говорили мы объ этомъ неоднократно, научившись тому у самого Спасителя. Ибо иначе, почему же Отецъ Имъ творить, и въ Немъ, кому хочетъ, открываетъ Себя, и кого хочетъ, просвѣщаетъ? Или, почему и въ таинствѣ крещенія Сынъ именуется вмѣстѣ со Отцемъ? Если скажутъ, что недостаточно Отца, то отвѣтъ злочестивъ. А если достаточно (что и позволительно только сказать), то къ чему потребенъ Сынъ, или въ дѣлѣ творенія, или при святой купели? Какое общеніе у твари съ Творцемъ? Или, для чего въ общемъ всѣхъ тайноводствѣ къ Сотворившему сопричисляется сотворенное? Или, для чего предана намъ вѣра, по словамъ вашимъ, въ единого Творца и въ единую тварь? Если для того, чтобы сочетались мы съ Божествомъ, то какая потребность въ твари? А если для того, чтобы вступили мы въ единеніе съ Сыномъ, Который есть тварь; то именованіе Сына въ крещеніи, вслѣдствіе утверждаемаго вами, излишне. Богъ, всыновившій Сына, одинъ силенъ всыновить и насъ. Сверхъ того, если Сынъ есть тварь, то, поелику одно есть естество словесныхъ тварей, никакой помощи не будетъ твари отъ твари; потому что всѣ твари имѣютъ нужду въ благодати отъ Бога.

Не задолго предъ этимъ говорили мы, сколько сообразности въ томъ, что все приведено въ бытіе Словомъ. Поелику же послѣдовательность рѣчи потребовала, чтобы упомянуть намъ и о святомъ крещеніи; то, какъ думаю и какъ увѣренъ, необходимо

сказать, что Сынъ соименуется со Отцемъ, и не потому что Отець не самодоволенъ, и не просто, безъ всякой причины. Но поелику Сынъ есть Божіе Слово, собственная Божія Премудрость, и будучи Отчимъ сіяніемъ, всегда есть со Отцемъ; то по сему самому Отцу, преподающему благодать, не иначе можно преподавать ее, какъ въ Сынѣ; потому что Сынъ во Отцѣ, какъ сіяніе во свѣтѣ. *Богъ*, не какъ недостаточествующій, но какъ Отець, *Премудростію Своею основа землю* (Притч. 3, 19), все сотворилъ сущимъ отъ Него Словомъ, и святую купель утверждаетъ Сыномъ же. Гдѣ Отець, тамъ и Сынъ; какъ и гдѣ свѣтъ, тамъ сіяніе. И какъ, что ни дѣлаетъ Отець, дѣлаетъ чрезъ Сына, и самъ Господь говоритъ: что вижу творящаго Отца, то творю и Я (Іоан. 5, 19): такъ и въ преподаваемомъ крещеніи, кого крещаетъ Отець, того крещаетъ Сынъ, и кого крещаетъ Сынъ, тотъ святится Духомъ Святымъ. И еще, какъ при явленіи солнца можно сказать, что свѣтитъ и сіяніе; потому что свѣтъ одинъ и не можетъ быть раздѣляемъ и разлучаемъ: такъ опять, гдѣ есть или гдѣ именуется Отець, тамъ, безъ сомнѣнія, пребываетъ и Сынъ. Но въ крещеніи именуется Отець; потому, необходимо именоваться вмѣстѣ и Сыну.

42) Посему, и изрекая обѣтованіе святымъ, Господь сказалъ такъ: *придемъ Азь и Отець, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23); и еще: *да якоже Азь и Ты едино есмы, и ти въ Насъ едино будутъ* (17, 21. 22). И преподаваемая благодать есть единая, отъ Отца подаваемая въ Сынѣ, какъ пишетъ Павелъ во всякомъ Посланіи: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (Рим. 1, 7) ¹⁾. Свѣту надлежитъ быть вмѣстѣ съ

¹⁾ Сличи: 1 Кор. 1, 3; 2 Кор. 1, 2; Гал. 1, 3; Ефес. 1, 2; Фил. 1, 2; Кол. 1, 3; 1 Сол. 1, 1; 2 Сол. 1, 2; 1 Тим. 1, 2; 2 Тим. 1, 2

лучемъ, и сіянію быть видимымъ вмѣстѣ съ собственнымъ свѣтомъ.

Поэтому, іудеи, вмѣстѣ съ аріанами, отрицая Сына, не имѣютъ и Отца. Оставивъ *Источника премудрости*, какъ, укоряя ихъ, сказалъ Варухъ (Вар. 3, 12), и сущую отъ Него Премудрость — Господа нашего Иисуса Христа (ибо Христось, говоритъ Апостоль, *Божія сила и Божія Премудрость* — (1 Кор. 1, 24), отринуты они отъ себя, сказавъ: *не имамы царя токмо Кесаря* (Іоан. 19, 15). И іудеи несутъ на себѣ наказаніе, заслуженное отреченіемъ: вмѣстѣ съ городомъ утратили они и разсудокъ. Еретики же въ опасности уже утратить и самую полноту таинства, разумѣю крещеніе. Ибо если тайноводство преподается во имя Отца и Сына, они же не именуютъ истиннаго Отца, отрицая Сущаго отъ Него и подобнаго Ему по сущности, отрицаютъ и истиннаго Сына, именуютъ же иного, по собственному ихъ вымышленію, сотвореннаго изъ не-сущихъ; то не совершенно ли пусто и бесполезно преподаваемое ими крещеніе, имѣющее только мнимый видъ, въ дѣйствительности же нимало не вспомошествоющее благочестію? Аріане преподаютъ крещеніе не во Отца и Сына, но въ Творца и тварь, въ Создателя и въ произведеніе. Какъ иное есть тварь и иное Сынъ, такъ и крещеніе, мнимо ими преподаваемое, есть иное и не истинное, хотя наружно произносятся они, по написанному, имя Отца и Сына. Не тотъ преподаетъ, кто говоритъ только: Господи! но кто съ этимъ именемъ соединяетъ и правую вѣру. Посему и Спаситель не просто заповѣдалъ крестить, но говоритъ прежде: *научите*; а потомъ уже: *крестите во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19), чтобы отъ наученія произошла правая вѣра, а съ вѣрою соединялось тайноводство крещенія.

43) И другія многія ереси, произносятся только Имена,

но мудрствуя не право, а потому, какъ сказано, не имѣя здравой вѣры, бесполезною дѣлають преподаваемую ими воду, какъ скудную благочестіемъ; почему, окропляемый ими болѣе сквернится нечестіемъ, нежели оmyвается. Такъ и язычники, хотя произносятъ устами Божіе имя, но обвиняются въ безбожїи, потому что не знаютъ подлинно сущаго и истиннаго Бога, Отца Господа нашего Іисуса Христа. Такъ манихеи, фриги и ученики Самосатскаго, хотя произносятъ Имена, но тѣмъ не менѣе суть еретики. Такъ наконецъ и мудрствующіе по-аріеву, хотя читають написанное и произносятъ Имена, но вводятъ въ обманъ прїемлющихъ отъ нихъ крещеніе; потому что сами нечестивѣе прочихъ еретиковъ, и постепенно преуспѣвають предъ ними въ нечестїи, даже оправдываютъ ихъ необузданностію языка своего. Прочїя ереси измышляютъ нѣчто сверхъ истины, и погрѣшаютъ или въ ученїи о тѣлѣ Господнемъ, говоря, что Господь не отъ Марїи заимствовалъ плоть, или въ томъ, что вовсе не было смерти Господней, и Господь вовсе не содѣлался человѣкомъ, казался только человѣкомъ, не былъ же имъ дѣйствительно. повидимому имѣлъ тѣло, не имѣя онаго, и по видимости только казался человѣкомъ, какбы въ сонномъ мечтанїи. Аріане же явно нечествуютъ въ ученїи о самомъ Отцѣ; потому что, слыша въ Писанїяхъ свидѣтельство о Божествѣ Его въ Сынѣ, какъ въ образѣ, хулятъ Его Божество, и говорятъ, что Сынъ — тварь, и какъ грязь въ мѣшкѣ, носятъ съ собою, и какъ змѣя ядъ, мечутъ всюду такую о Немъ рѣчь: „Его не было“. Поелику же омерзительно для всѣхъ такое ихъ ученїе; то какбы въ опору падающей ереси, не задумываются употреблять человѣческое покровительство, чтобы человѣкъ простой, видя его или даже и убоявшись его, не постигъ вредности ихъ злоумїя. Посему, не достойны

ли сожалѣнія обольщаемые ими? И не оплакивать ли должно ихъ, когда они, обольщаясь привременнымъ, лишаются своей пользы и теряютъ надежду въ будущемъ. Приемля, повидимому, крещеніе во имя не-сущаго, ничего не примутъ они. Вступая въ договоръ съ тварию, никакой помощи не будутъ имѣть отъ твари; вѣруя въ Сына, неподобнаго Отцу и чуждаго Ему по сущности, не сочетаются со Отцемъ, не имѣя собственнаго Ему, по естеству отъ Него рожденнаго, Сына, Который во Отцѣ и въ Которомъ Отецъ, какъ сказалъ самъ Сынъ (Іоан. 14, 10). Напротивъ того, заблуждаясь въ этомъ, жалкіе люди эти пребудутъ, конечно, оставлены Божествомъ. Земная пышность не послѣдуетъ за ними по смерти ихъ; и когда сего Господа, Котораго отреклись они, увидятъ сѣдящимъ на престолѣ Отца Его и судящимъ живыхъ и мертвыхъ, тогда не возмогутъ призвать къ себѣ на помощь кого-либо изъ обольстившихъ ихъ нынѣ; потому что и ихъ увидятъ судимыми и раскаявающимися въ своихъ неправдахъ и въ своемъ злочестіи.

44) Это предложили мы пока до изъясненія сказаннаго въ Притчахъ, въ опроверженіе произвольно сложенныхъ еретиками неразумныхъ басней, чтобы они, зная, сколько неприлично—называть Сына Божія тварию, и сами научились съ должнымъ разумѣніемъ читать это мѣсто Притчей, которое заключаетъ въ себѣ правую мысль. Ибо написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Прит. 8, 22). Но поелику это — притча, и сказано это приточно; то предлагаемаго реченія не должно принимать просто, надлежитъ же найти лицо, о комъ это сказано, и потомъ уже благочестно принаровить къ нему смыслъ рѣчи. Ибо что говорится въ притчахъ, то неявственно высказывается, но выражается прикровенно, какъ самъ Господь научилъ сему, говоря въ Евангеліи

отъ Іоанна: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но приидеть часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явь* (Іоан. 16, 25). Посему, надобно открыть смыслъ этого изреченія и доискиваться его, какъ сокровеннаго, а не принимать его просто, какъ сказаннаго *явь*, чтобы въ толкованіи не уклониться отъ истины.

Поэтому, если написано это объ Ангелѣ, или о другомъ какомъ созданномъ существѣ; то пусть и сіе сказуемое: *созда Мя*—разумѣется какъ объ одной изъ подобныхъ намъ тварей. Если же Божія Премудрость, Которою создано все получившее бытіе, говоритъ сіе сама о Себѣ; то не должно ли понимать такъ, что, говоря: *созда*, выражаетъ не противное нѣчто реченію: *роди?* Не къ тварямъ сопричисляетъ Она Себя, какбы забывъ, что Сама творитъ и зиждетъ, или не зная различія между Творцемъ и тварями, но выражаетъ нѣкую мысль, какъ въ притчахъ, *не явь*, но сказанную прикровенно, которую святымъ вдохнула изречь пророчески; Сама же вскорѣ потомъ въ соотвѣтственность „*созда*“, выражая ту же мысль другими реченіями, говоритъ: *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1). Явно же, что домъ Премудрости есть наше тѣло, какое воспріявъ на Себя, содѣлалась Она человѣкомъ. И справедливо говорится у Іоанна: *Слово плоть бысть*. У Соломона же Премудрость говоритъ о Себѣ предусмотрительно, не такъ: „Я—тварь“; но только: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя; созда же Мя, не бытіе Мнѣ давъ, и не потому, что общее съ тварію имѣю начало и происхожденіе*.

45) И здѣсь Слово вѣщало чрезъ Соломона, означая не сущность Божества Своего и не вѣчное преискреннее рожденіе Свое отъ Отца, но опять Свое человѣчество и о насъ домостроительство. Поэтому, какъ и прежде замѣчено, не сказало: Я — тварь, или

стало тварію; но только: *созда*. Твари, имѣя созданную сущность, принадлежать къ числу созданныхъ, и о нихъ сказуется, что созидаются, и тварь, безъ сомнѣнія, созидается. Одно же это реченіе „созда“ не указываетъ еще непременно на сущность или рожденіе, но выражаетъ, что, о комъ сказуется оно, съ тѣмъ происходитъ нѣчто иное; и о чемъ сказуется, что оно созидается, то не есть уже непременно тварь по естеству и по сущности.

И это различіе извѣстно божественному Писанію. О тваряхъ говоритъ оно: *исполнися земля твари Твоя* (Псал. 103, 24); и: *сама тварь совоздыхаетъ и сболъзнуетъ* (Рим. 8, 22); и въ Апокалипсисѣ сказано: *и умре третія часть созданийъ сущихъ въ мори и мущихъ души* (Апок. 8, 9); какъ и Павелъ говоритъ: *всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отменно со благодареніемъ приемлемо* (1 Тим. 4, 4); и въ книгѣ Премудрости написано: *И премудростію Твоею устроиши человека, да владѣетъ сотворенными отъ Тебе тварми* (Прем. 9, 2). А что Писаніе объ этихъ въ собственномъ смыслѣ тваряхъ говоритъ: онѣ созидаются,—это можно также слышать отъ самого Господа, Который говоритъ: *Сотворившій искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Матѣ. 19, 4); и Моисей пишетъ въ пѣсни: *вопросите дней первыхъ, бывшихъ прежде васъ, отъ дне въ онъже сотвори Богъ человека на земли, и отъ края небесе* (Второз. 4, 32). Павелъ же въ Посланіи къ колоссянамъ говоритъ: *Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася: и Той есть прежде всѣхъ* (Кол. 1, 15—17).

46) Итакъ, что существа, по естеству имѣющія

тварную сущность, называются тварями и созидаются,—для напоминанія объ этомъ достаточно приведенныхъ мѣстъ изъ Писанія, наполненнаго ими; а что одно употребленное реченіе „созда“ не означаетъ непременно сущности и происхожденія, — о семъ воспѣваетъ Давидъ: *да напишется сіе въ родъ инъ. и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа* (Псал. 101, 19); и еще: *сердце чисто созиди во мнѣ Боже* (Псал. 50, 12). Павелъ же въ Посланіи къ ефесеямъ говоритъ: *законъ заповѣдей . ученми упряднивъ, да оба созидетъ Собю во единого новаго чловѣка* (Ефес. 2, 15); и еще: *облекитесь въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Ефес. 4, 24). Давидъ говорилъ не о какихъ - либо по сущности зиждемыхъ людяхъ, и молился не объ иномъ сердцѣ кромѣ того, которое имѣлъ, разумѣлъ же обновленіе и освященіе сердца по Богу. И Павелъ имѣлъ въ виду не два какіе-нибудь народа, по сущности созидаемые о Господѣ, и совѣтовалъ намъ не въ иного какого облечься чловѣка, чловѣкомъ же по Богу наименовалъ добродѣтельную жизнь, и подѣ созидаемыми о Христѣ разумѣлъ два народа, обновляемые о Христѣ. Подобно сему сказанное у Іереміи: *созда Господь спасеніе въ насажденіе ново, въ немже спасеніи обыдутъ чловѣци* (Іер. 31, 22). Пророкъ, говоря это, означаетъ не какую-либо сущность твари, но пророчествуетъ о спасеніи, обновляемомъ въ чловѣкахъ и совершаемомъ для насъ во Христѣ.

Поелику таково различіе между тварями и тѣмъ, о чемъ сказуется только: *созда*; то, если найдете гдѣ въ божественномъ Писаніи, что Господь нарицается тварію, покажите это и стойте въ своемъ. Если же нигдѣ не написано, что Онъ есть тварь, Самъ же о себѣ говоритъ въ Притчахъ: *Господь созда Мя*; то устыдитесь объясненнаго теперь раз-

личія и сказаннаго приточно, а когда слышите: *созда*, разумѣйте, что не Себя называетъ Онъ тварью, но Свое человѣчество, которому и свойственно быть созданнымъ. Не явно ли погрѣшаете, когда, слыша у Павла и у Давида реченіе: *созда*, разумѣете не сущность и начало бытія, но обновленіе; слыша же у Господа это реченіе: *созда*, Его сущность сопричисляете къ тварямъ? И также слыша: *Премудрость созда Себѣ домъ, и утверди столбовъ седмь*, реченіе „домъ“ толкуете иносказательно, а реченіе: *созда*, принимая въ прямомъ значеніи, превращаете его въ реченіе: *тварь*. Не устыдило васъ и то, что Господь есть Создатель; не убоялись вы и того, что Онъ—единственно собственное Отчее рожденіе, но какбы опредѣливъ себя на противоборство, съ Нимъ препираетесь, и думаете о Немъ гораздо менѣе, нежели о людяхъ.

47) Самое изреченіе это показываетъ, что ваше есть только изобрѣтеніе — называть Господа тварію. Господь зная, что сущность Его есть едиnorodная Премудрость, Отчее рожденіе, и неодинакова съ созданными и по естеству тварями, человѣколюбиво говоритъ теперь: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*; а это значить: Отецъ *тѣло совершилъ Ми есть* (Евр. 10, 5), и *созда Мя* для человѣковъ, ради человѣческаго спасенія. Ибо, какъ слыша у Іоанна: *Слово плоть бысть*, представляемъ, что не само Слово всецѣло есть плоть, но что облеклось Оно плотію и содѣлалось человѣкомъ; и слыша, что *Христось бысть по насъ клятва* (Гал. 3, 13), и: *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21), представляемъ, что не Онъ всецѣло содѣлался клятвою и грѣхомъ, но что принялъ на Себя клятву лежавшую на насъ, по сказанному Апостоломъ: *искутилъ ны есть отъ клятвы* (Гал. 3, 13), и по слову Исаи, носилъ грѣхи наши (Исаи 53, 4),

и по написанному у Петра, *вознесе ихъ на тѣль Своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24): такъ, если слышимъ въ Притчахъ: *созда*, должны представлять, что не Слово всецѣло по естеству есть тварь, но что облеклось Оно въ тварное тѣло, что ради насъ *созда* Его Богъ, для насъ, по написанному, совершивъ Ему тварное тѣло, чтобы мы могли въ Немъ обновиться и обожиться. Поэтому, что же обольстило васъ, немысленные, Творца называть тварію? Или, гдѣ купили вы себѣ это новое мудрованіе и величаетесь имъ? Притчи говорятъ: *созда*; но Сына называютъ не тварію, а рожденіемъ, и по изъясненному предъ симъ, на основаніи Писаній, различенію реченій: *созда* и *тварь*, признаютъ собственно по естеству принадлежащее Сыну, то-есть, что Онъ—единородная Премудрость и Зиждитель тварей; говоря же: *созда*, не о сущности Сына говорятъ это, но означаютъ, что содѣлался Онъ началомъ многихъ путей, такъ что реченіе: *созда* противопоставляется реченію: *рожденіе*, и выраженіе: *начало путей*—тому, что Сынъ есть единородное Слово.

48) А если Сынъ—рожденіе, то почему называете Его тварію? Никто не называетъ раждаемымъ, что созидаетъ, и тварей не именуетъ собственными своими рожденіями. Также, ежели Сынъ есть единородный, то какъ Онъ дѣлается началомъ путей? Кто самъ сотворенъ въ начало всему, тотъ по необходимости не есть единственный, имѣя происходящихъ вслѣдъ за нимъ. И Рувимъ, ставъ началомъ чадъ, былъ не единородный, но первый по времени, по естеству же и по сродству одинъ изъ родившихся вслѣдъ за нимъ. Слѣдовательно, если Слово есть начало путей, то и Оно будетъ таково же, каковы пути, и пути будутъ таковы же, каково и Слово, хотя и созидается Оно первымъ по времени прежде путей. Начало города таково же, каковы и прочія части города, и эти

части, взятыя въ совокупности съ началомъ, составляютъ цѣлый и единый городъ, какъ многіе члены одинаго тѣла. И нельзя сказать, что иное въ городѣ есть творящее, а иное созидаемое и подчиненное другой части, но весь городъ равно зависитъ отъ попечительности соорудителя и имъ произведенъ. Поэтому, если и Господь въ такомъ же смыслѣ созидается въ начало всему, то Самъ по необходимости со всѣмъ прочимъ составляетъ единую тварь, и ничѣмъ не отличается отъ прочихъ созданий, хотя и содѣлывается началомъ всѣхъ; Онъ — не Господь прочихъ частей твари, хотя и старѣе ихъ по времени; потому что и Самъ на ряду съ прочими имѣетъ единую причину созданія и одинаго Владыку.

Если же Онъ,—по словамъ вашимъ, есть тварь,—то какъ можетъ быть созданъ единымъ и первымъ, чтобы Ему быть началомъ всего, когда изъ предыдущаго ясно видно, что въ тваряхъ нѣтъ ни одной самостоятельной и первосозданной, но всякая имѣетъ начало бытія вмѣстѣ со всѣми прочими, хотя и различуется отъ прочихъ славою. Каждая изъ звѣздъ и каждое изъ великихъ свѣтилъ явились не такъ, чтобы иное было первымъ, а иное вторымъ; но въ одинъ день однимъ и тѣмъ же повелѣніемъ всѣ призваны въ бытіе. Такъ положено начало бытію четвероногихъ, птицъ, рыбъ, скотовъ и растеній; такъ и родъ человѣческій созданъ по образу Божію. Ибо хотя одинъ Адамъ созданъ изъ земли, но въ немъ были основанія къ преемству цѣлаго рода.

49) Восходя же отъ видимой твари міра сего, рассмотримъ *невидимая Его творенми помышляема*; и тамъ увидимъ не каждое существо особо, и не одно первымъ, другое вторымъ, но всѣ того-же рода состоятъ въ совокупности; потому что и Апостоль не перечисляетъ по-одиначкѣ, и не говоритъ: Ангель ли, престоль ли, господство ли и власть; но совокупно

именуетъ всѣхъ того-же чина: Ангелы ли, Архангелы ли, Начала ли (Кол. 1, 16). Таково происхожденіе тварей. Поэтому, ежели Слово есть тварь, то, какъ сказано выше, надлежало Ему прійти въ бытіе не первому предъ прочими силами, но вмѣстѣ съ ними, хотя и много превосходитъ Оно эти силы славою. Это можно видѣть на прочихъ силахъ, а именно, что вмѣстѣ получили они бытіе, и нѣтъ между ними ни перваго, ни втораго; различаются же другъ отъ друга славою,—одни одесную, другіе окрестъ, иные же ошуюю, но всѣ въ совокупности пѣснословятъ и предстоятъ Господу въ служеніи. Слѣдовательно, если Слово есть тварь, то не будетъ Оно ни первымъ, ни началомъ прочихъ тварей.

Если же Слово прежде всѣхъ (что и дѣйствительно), и Оно одно есть первое и Сынъ; то не по сущности уже оно есть начало всего, потому что начало всѣхъ тварей само соприсчисляется къ тварямъ. А если не начало и не тварь, то явно, что по сущности и по естеству далеко отстоитъ отъ тварей и есть иное отъ нихъ; Само же будучи единымъ, есть подобіе и образъ одинаго и истиннаго Бога. Посему и Писанія не поставляютъ Его наряду съ тварями, напротивъ же того, Давидъ укоряетъ осмѣлившіхся даже помыслить о Немъ что-либо подобное, и говоритъ: *кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ Господи? и: кто уподобится Господеву въ сынѣхъ Божіихъ* (Псал. 85, 8; 88, 7. 9)? И Варухъ говоритъ: *сей Богъ нашъ, и не вѣнчается инъ къ Нему* (Вар. 3, 36). Онъ творитъ, а твари создаются; Онъ—собственно Отчей сущности Слово и Премудрость, существа же созданныя, не имѣвъ прежде бытія, сотворены самимъ Словомъ.

50) Такъ, повторяемое вами непрестанно изреченіе: „Сынъ есть тварь“—не имѣетъ въ себѣ истины и есть ваше единственно мечтаніе; и Соломонъ обвиняетъ васъ въ томъ, что неоднократно вы лгали на него.

Онъ назвалъ Сына не тварію, но Божіимъ рожденіемъ и Божією Премудростію, сказавъ: *Богъ Премудростію основа землю* (Притч. 3, 19), и: *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1). Даже и самое разсматриваемое нами мѣсто обличаетъ ваше злочестіе. Ибо написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22). Итакъ, если Сынъ, прежде всего, говоритъ же о Себѣ: *сзда Мя*, не да сотворю дѣла, но *въ дѣла Своя*; то, или сіе „сзда“ позднѣ Его самого, или окажется, что самъ Онъ позднѣ дѣлъ, и созидаемый находитъ уже прежде Него совершенными тѣ дѣла, для которыхъ получаетъ бытіе. Если же справедливо сіе, то какъ же Онъ прежде всего? Какъ *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3), и *въ Немъ состоятся* (Кол. 1, 17)? Ибо вотъ, по словамъ вашимъ, прежде Него состоялись дѣла, для которыхъ Онъ созидается и посылается. Но это не такъ; и да не будетъ сего! лжива сія еретическая мысль. Божіе Слово есть не тварь, но Творецъ; тогда же приточно говоритъ о Себѣ: *сзда Мя*, когда облеклось Оно въ созданную плоть.

И это опять можно уразумѣть изъ сего самаго изреченія. Будучи Сыномъ, и Отцемъ имѣя Бога, какъ собственное Его рожденіе, теперь однакоже Отца именуетъ Господомъ, не потому что Сынъ рабъ, но потому что пріялъ на Себя зракъ раба. Ибо какъ Слову, существу отъ Отца, прилично было наименовать Бога Отцемъ (что и свойственно Сыну въ-отношеніи къ Отцу): такъ, пришедши совершить дѣло, и пріявъ на себя зракъ раба, прилично Ему стало наименовать Отца Господомъ. И сему различію съ совершенною опредѣленностію научилъ самъ Онъ, говоря въ Евангеліи: *исповѣдаются, Отче*, и потомъ: *Господи небесе и земли* (Матѣ. 11, 25). Въ-отношеніи къ Себѣ говоритъ, что Богъ есть Отецъ; въ-отношеніи же къ тварямъ именуетъ Его Господомъ. А этимъ

ясно показывается, что, когда облекся въ тварное, тогда называетъ Отца Господомъ. Это же различіе даетъ разумѣть Духъ Святой и въ Давидовой молитвѣ, говоря во Псалмахъ: *даждь державу Твою отроку Твоему, и спаси Сына рабы Твоея* (Псал. 85, 16). Инаковъ Тотъ, Кто по естеству и истинный есть Божій Отрокъ, инаковы же чада рабы, то-есть, инаково естество созданныхъ; а посему Тотъ, какъ Сынъ, имѣетъ Отчую державу, эти же имѣютъ нужду въ спасеніи.

51) Если же глумятся надъ тѣмъ, что названъ Отрокомъ; то пусть знаютъ, что и Исаакъ наименованъ отрокомъ Авраамовымъ (Быт. 21, 8); а сынъ Суманитянины названъ отроцищемъ (4 Цар. 4, 18). Поелику мы рабы, то, когда Сынъ содѣлался подобнымъ намъ, по справедливости и Самъ подобно намъ именуетъ Отца Господомъ. И сіе содѣлалъ Онъ по человѣколюбію, чтобы и мы, будучи по естеству рабами, но пріявъ Духа Сына, дерзновенно называли Отцемъ по благодати Того, Кто Господь нашъ по естеству. Но какъ мы, называя Господа Отцемъ, не отрицаемъ рабства своего по естеству; потому что Его мы дѣло,— *Той сотвори насъ, а не мы* (Псал. 99, 3): такъ, когда Сынъ, пріемля зракъ раба, говоритъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, да не отрицаютъ вѣчности Его Божества, и того, что *въ началѣ бѣ Слово, и: вся Тѣмъ быша, и: всяческая о Немъ создашася* (Кол. 1, 16).

Сказанное же въ Притчахъ, какъ говорилъ уже я, означаетъ не сущность, но человѣчество Слова. Ибо если именуетъ Себя созданнымъ *въ дѣла*, то явно съ намѣреніемъ—означить не сущность, но совершенное въ дѣлахъ Его домостроительство, что есть второе уже по бытіи. Существа, приводимыя въ бытіе и творимыя, преимущественно творятся для того, чтобы быть и существовать, второе же для нихъ по бытіи—

дѣлать, что повелитъ имъ Слово, какъ подобное сему можно видѣть на всѣхъ тваряхъ. Адамъ созданъ не для того, чтобы дѣлать, но чтобы сперва быть человекомъ; ибо послѣ сего пріялъ заповѣдь *дѣлати* (Быт. 2, 15). Ной созданъ не ради ковчега, но чтобы прежде быть и содѣлаться человекомъ; а потомъ уже пріялъ заповѣдь устроить ковчегъ. Если кто разыщетъ, то-же найдетъ и о каждомъ человекѣ. И великій Моисей сперва сталъ человекомъ, а потомъ ввѣрено ему правленіе народомъ. Посему и здѣсь можно разумѣть то-же. Ибо видишь,—не въ бытіе созидается, но *въ началѣ бѣ Слово*, потомъ же посылается въ дѣла, для ихъ домостроительства. Прежде нежели произведены дѣла, всегда былъ Сынъ, но не было еще нужды созидать Его. Когда же созданы дѣла, и настала потомъ нужда въ домостроительствѣ, для правленія дѣлъ; тогда предаетъ Себя Слово, снисходитъ и уподобляется дѣламъ. И это-то означило Оно симъ реченіемъ „созда“.—Подобную сей мысль желая выразить, Сынъ говоритъ еще чрезъ Пророка Исаію: *и нынѣ тако глаголетъ Господь, создавый Мя отъ чрева раба Себѣ, еже собрати Іакова къ Нему и Израиля: соберуся и прославлюся предъ Господемъ* (Исаіи 49, 5).

52) Видишь, и здѣсь созидается не въ бытіе, но чтобы собрать колѣна, существовавшія прежде, нежели созданъ Собирающій. Какъ тамъ *созда*, такъ и здѣсь *созда отъ чрева*, и какъ тамъ *созда въ дѣла*, такъ здѣсь *еже собрати*. А потому, изъ всего явствуетъ, что Слово уже существуетъ, а потомъ сказуется о Немъ: *созда* и *созда отъ чрева*. И какъ прежде созданія отъ чрева были тѣ колѣна, для которыхъ созидается отъ чрева; такъ явно, что были и дѣла, въ которыя созданъ. И какъ, когда *въ началѣ бѣ Слово*, тогда, по сказанному предъ симъ, не было еще дѣлъ; такъ, когда сотворены дѣла, и потребовала

нужда, тогда сказано: *созда*. Если какой сынъ по требованію нужды, когда потеряны подвластные и по собственному нерадѣнію взяты въ плѣнъ врагами, посланъ будетъ отцемъ собрать и возвратить ихъ, и онъ пойдетъ, облечется въ подобную рабской одеждѣ, прійметъ на себя рабскій видъ, чтобы удерживающіе рабовъ во власти своей не признали въ немъ властелина и не предались бѣгству, и чтобы это не воспрепятствовало ему снизойти къ рабамъ, которыхъ враги скрываютъ подъ землею; и послѣ этого спросить кто сына: для чего такъ поступлено? а онъ отвѣтитъ: такъ отецъ создалъ и уготовалъ меня на дѣла свои; то, говоря такимъ образомъ, сынъ не даетъ о себѣ разумѣть, что онъ—рабъ и дѣло отца, потому что говорить не о началѣ своего бытія, но разумѣетъ попеченіе о дѣлахъ, возложенное на него в послѣдствіи. Такъ и Господь, облекшись въ нашу плоть, и *образомъ* обрѣтшись *якоже человекъ* (Филип. 2, 7), если бы спросили взирающіе на Него при этомъ и удивляющіеся Ему, могъ бы отвѣтствовать: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя; и: созда Мя еже собрати Израилч.*

Сіе также и Духъ предуказуя въ Псалмахъ, сказалъ: *поставилъ еси Его надъ дѣлы руку Твоею* (Псал. 8, 7); сіе же и самъ Господь давая разумѣть о Себѣ, говоритъ: *Азъ же поставленъ есмь Царь отъ Него надъ Сіономъ горою святою Его* (Псал. 2, 6). Но какъ не тогда воспріялъ начало бытію и царствованію, когда тѣлесно возсіялъ Сіону, напротивъ того, Сый Божіе Слово и вѣчный Царь, соблаговолилъ, чтобы царство Его человѣчески возсіяло и на Сіонѣ, и чтобы іудеи и мы, искупленные отъ царствовавшаго во всѣхъ грѣха, подчинены стали отеческому Его царству; такъ и поставляемый въ дѣла поставляется не въ тѣ дѣла, которыхъ еще нѣтъ, но въ тѣ, которыя уже совершены и требуютъ поправленія.

53) Посему, реченія: *созда, созда отъ чрева, поставилъ есть*, имѣя одинъ и тотъ же смыслъ, указываютъ не на начало бытія, не на тварную сущность Сына, но на то обновленіе, которое по Его благодѣянію совершается въ насъ. И употребляя эти реченія, научилъ Онъ также о Себѣ, что имѣлъ бытіе прежде сего, когда сказалъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 58); и: *егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ* (Притч. 8, 27); и: *бѣхъ при Немъ устроая* (29). Какъ былъ Онъ *прежде даже Авраамъ не бысть*, Израиль же произошелъ послѣ Авраама, и явно, что, если и прежде существуя въ послѣдствіи созидается, то созданіе сіе означаетъ не начало бытія, а вочеловѣченіе, въ которомъ и собираетъ колѣна израильскія: такъ, вѣчно сопребывая со Отцемъ, Онъ есть Зиждитель твари, и явно, что дѣла позднѣе Его, и реченіе „созда“ означаетъ не начало Его бытія, но домостроительство о дѣлахъ, какое совершилъ Онъ во плоти. Ему, Который есть не то же, что дѣла, и лучше сказать, Ему, Который есть Зиждитель дѣлъ, подобало воспріять на Себя и обновленіе дѣлъ, чтобы Ему же, ради насъ создаемому, все возсоздать въ Себѣ. И сказавъ: *созда*, немедленно присовокупилъ и причину, наименовавъ дѣла, чтобы симъ: *созидается въ дѣла, выражалось: содѣлывается человекомъ для обновленія дѣлъ*. Такого рода выраженія обыкновенны въ божественномъ Писаніи. Ибо, когда даетъ разумѣть о рожденіи Слова по плоти, тогда присовокупляетъ и причину, по которой Слово содѣлалось человекомъ. А когда, или самъ Сынъ говоритъ о Божествѣ Своемъ, или возвѣщаютъ о Немъ служители Его, тогда все выражается простымъ реченіемъ, въ отрѣшенномъ смыслѣ, безъ присовокупленія причины, потому что Онъ есть Отчее сіяніе. Какъ Отецъ имѣетъ бытіе не по какой-либо причинѣ, такъ не надобно доискиваться причины и Его сіянія.

Посему написано: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*; и не прибавлено: для чего сіе? А когда *Слово плоть бысть*, тогда Писаніе представляетъ и причину, по которой Слово стало плотію, говоря: *и вселися въ ны*. И также Апостоль, сказавъ: *Иже во образѣ Божіи сый*, не представилъ причины; пока не сказалъ: *зракъ раба пріялъ*. Ибо тогда присовокупляетъ и причину, говоря: *смирилъ Себе даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 7. 8); потому что для сего сталъ Онъ плотію и пріялъ на Себя зракъ раба.

54) Самъ Господь о многомъ говорилъ въ притчахъ, давая же разумѣть о Себѣ, говорилъ отрѣшенно: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); и: *видѣвши Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9); и: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); и: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), не присовокупляя при каждомъ изреченіи причины, не объясняя, почему это, чтобы не подать мысли, будто бы Онъ позднѣе того, ради чего содѣлался симъ; потому что причина, безъ которой и самъ Онъ не содѣлался бы симъ, необходимо должна была бы предшествовать Ему. Такъ Павелъ, *избранъ Апостоль во благовѣстіе, еже прежде обѣща Господь Пророки* (Рим. 1, 1), имѣлъ прежде себя евангеліе, котораго и сталъ служителемъ. И Іоаннъ, на котораго возложено было предшествовать Господу, имѣлъ прежде себя Господа. Но Господь, не имѣя прежде Себя причины быть Словомъ, кромѣ того, что Онъ—Отчее рожденіе и едиnorodная Премудрость, когда содѣлывается человѣкомъ, тогда представляетъ и причину, по которой будетъ носить плоть. Ибо тому, чтобы содѣлался Онъ человѣкомъ, предшествуетъ нужда чело-вѣковъ, безъ которой не облекся бы Онъ въ плоть. Объясняя же, какая была нужда, по которой содѣлался Господь человѣкомъ, самъ Онъ сказалъ: *Сми-*

дохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославишаго Мя. Се же есть воля Пославишаго Мя, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день. Се же есть воля Отца Моего, да всякъ видящій Сына и вѣрующій въ Него, имать животъ вѣчный, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день (Іоанн. 6, 38—40); и еще: Азъ свѣтъ въ мѣръ придохъ, да всякъ вѣрующій въ Мя во тмѣ не пребудеть (Іоан. 12, 46). И еще говоритъ: Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ мѣръ, да свидѣтельствую истину (Іоан. 18, 37). Іоаннъ же написалъ: сего ради явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола (1 Іоан. 3, 8).

55) Итакъ, Спаситель пришелъ засвидѣтельствовать, пріять за насъ смерть, воскресить челоуѣковъ и разрушитъ дѣла діавола;— вотъ причина явленія Его во плоти. Не было бы иначе и воскресенія, если бы не было смерти. А какъ быть смерти, если бы не имѣлъ смертнаго тѣла? И Апостоль, научившись сему отъ Господа, сказалъ: *понеже убо дѣла пріобщишася плоти и крови, и Той пріискреннъ пріобщиася тѣхъже, да смертію упразднитъ и мурцаго державу смерти, діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ (Евр. 2, 14. 15); и: понеже челоуѣкомъ смерть бысть, и челоуѣкомъ воскресеніе мертвыхъ (1 Кор. 15, 21); и еще: немоцное бо закона, въ немже немоцествоваше плотию, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнитъ въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу (Рим. 8, 3. 4). Іоаннъ же говоритъ: не посла бо Богъ Сына Своего въ мѣръ, да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ мѣръ (Іоан. 3, 17). Еще Спаситель сказалъ о Себѣ: на судъ Азъ въ мѣръ сеи придохъ, да не видящій видятъ, и видящій слѣпи будутъ (Іоан. 9, 39). Поэтому, не для Себя пришелъ Онъ, но для нашего спасенія, чтобы упразднить смерть, осудить грѣхъ,*

слѣпымъ дать прозрѣніе, воскресить всѣхъ изъ мертвыхъ.

Если же не для Себя пришелъ, а для насъ; то и созидается не для Себя, а для насъ. А если не для Себя созидается, но для насъ; то самъ Онъ—не тварь, но, облекшись въ нашу плоть, говоритъ о Себѣ, что созидается. И что Писанія имѣютъ сію мысль, можно вразумиться о семъ у Апостола. Ибо въ Посланіи къ ефесянамъ говоритъ: *средостѣніе ограды разоривый, вражду плотию Своею, законъ заповѣдей ученими утраздивъ: да оба созиждетъ Собою во единого новаго чловѣка, творя миръ* (Ефес. 2, 14, 15). Если же въ Немъ созидаются оба, и они въ тѣлѣ Его; то, нося обоихъ въ Себѣ, справедливо и Самъ именуется какъ бы созданнымъ. Въ Себѣ соединилъ Онъ созданныхъ, и Самъ былъ въ нихъ тѣмъ-же, что и они; и поелику оба созданы въ Немъ, то прилично можетъ сказать о Себѣ: *Господь созда Мя*. Какъ пріавшій на Себя немощи наши, Самъ именуется немощствующимъ, хотя не немощенъ, потому что есть Божія сила. За насъ сталъ Онъ грѣхомъ и клятвою, хотя Самъ не согрѣшилъ, а только понесъ на Себѣ наши грѣхи и нашу клятву. Такъ, созидавая насъ въ Себѣ, можетъ говорить о Себѣ: *созда Мя въ дѣла*, хотя Самъ—не тварь.

А если, по словамъ еретиковъ, поелику сущность Слова есть тварная, Слово, будучи тварію, говоритъ: *Господь созда Мя*; то не ради насъ Оно создано. Поелику же не ради насъ созданс, то и мы не въ Немъ созданы. А не въ Немъ созданные не въ себѣ имѣемъ Его, имѣемъ же совнѣ, если и пріяли отъ Него ученіе, какъ отъ наставника. Въ такомъ же случаѣ грѣхъ плоти не менѣе прежняго царствуетъ еще, пребывая во плоти, и не изринуть изъ нея. Но Апостоль утверждаетъ противное сему, за нѣсколько прежде до приведенныхъ словъ говоря: *Того бо есмы*

твореніе, создани во Христъ Иисусъ (Ефес. 2, 10). Если же во Христѣ мы созданы, то не Онъ созидается, созидаемъ же въ Немъ мы, и ради насъ употреблено это реченіе: *созда*. По нашей нуждѣ Слово, хотя Оно—Творецъ, присвоило Себѣ реченіе, приличное тварямъ. И это реченіе: *созда*—несвойственно Ему, какъ Слово, свойственно же намъ, въ Немъ созидаемымъ. И какъ всегда есть Отецъ, а потому всегда есть и Слово Его, всегда же сущее Слово говоритъ всегда: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его* (Притч. 8, 30); и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10); такъ, когда по нашей нуждѣ Слово содѣлалось человѣкомъ, сообразно съ этимъ, подобно намъ, говоритъ о Себѣ свойственное намъ: *Господь созда Мя*, чтобы, по вселеніи Его во плоти, совершенно изгнанъ былъ изъ плоти грѣхъ, и мудрствованіе наше стало свободно.

И что надлежало бы сказать Слово, содѣлавшись человѣкомъ? Сказать ли: въ началѣ было Я человѣкомъ? Но это было и неприлично Ему, и несправедливо. Сколько же неприлично было сказать о Словѣ, столько свойственно и въ собственномъ смыслѣ можно сказать о человѣкѣ: *созда*, и *сотвори его*. Поэтому присоединяется и причина созданія, именно—потребность, какую имѣли дѣла. Но гдѣ прилагается причина, тамъ эта самая причина, безъ сомнѣнія, совершенно разрѣшаетъ, что значитъ читаемое мѣсто. И здѣсь Слово при реченіи „*созда*“ представляетъ причину—*дѣла*; о рожденіи же отъ Отца выражаясь отрѣшенно, тотчасъ присовокупляетъ: *прежде всѣхъ голговъ раждаетъ Мя* (Притч. 8, 25). Не сказываетъ Слово, для чего раждаетъ, какъ при реченіи „*созда Мя*“ присовокупило: *въ дѣла*, но говоритъ отрѣшенно: *раждаетъ Мя*, какъ и въ Евангеліи: *въ началѣ бѣ Слово*. Если и не были бы сотворены дѣла, то было Божіе

Слово, и Богъ бѣ Слово. Но не содѣлалось бы Оно человѣкомъ, если бы нужда самихъ человѣковъ не стала тому причиною. Поэтому, Сынъ — не тварь. А если бы Онъ былъ тварію, то не сказалъ бы: *разсѣдаетъ Мя*; потому что твари суть внѣшнія дѣла Творящаго, Рожденіе же не совнѣ, какъ дѣло, но собственность Отчей сущности. И посему-то дѣла суть твари, а Сынъ—Божіе Слово, единородный Сынъ.

57) И подлинно, не сказалъ Моисей о твари: въ началѣ роди, и: въ началѣ бѣ; говоритъ же: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1). Не воспѣлъ Давидъ: *руцѣ Твои* родили меня, но: *сотвори-тъ мя и создастъ мя* (Псал. 118, 73). О тваряхъ вездѣ употребляя реченіе: *сотвори*, иначе говоритъ о Сынѣ; ибо не сказалъ: *сотвори*, но *родихъ* (Псал. 109, 3), и: *разсѣдаетъ Мя* (Притч. 8, 25), и: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2). И о твари сказано: *въ началѣ сотвори*, о Сынѣ же: *въ началѣ бѣ Слово*.

Есть же разность и въ томъ, что твари созидаются въ продолженіи начала и имѣютъ продолжительное начало бытія. Посему, сказанное о нихъ: *въ началѣ сотвори*—равнозначительно о нихъ также сказанному: *сотворилъ искони*. И Господь, вѣдая, что сотворено Имъ, самъ учитъ насъ сему, когда, въ постыжденіе фарисеевъ, доворитъ: *Сотворивый ихъ искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Матѳ. 19, 4). Созданное, поелику сего нѣкогда не было, получило бытіе *искони* и сотворено. Сіе далъ разумѣть и Духъ Святой, говоря во Псалмахъ: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси* (Псал. 101, 26); и еще: *помяни сонмъ Твой, егोजе стязалъ еси исперва* (Псал. 73, 2). Явно же, что совершаемое *въ началѣхъ* имѣетъ начало созданія, и что сонмъ стязалъ Богъ съ нѣкоего начала. А что выраженіе: *сотвори въ началѣ*, по смыслу слова: *сотвори*, значитъ: *началъ творить*,

это объясняетъ намъ Моисей, когда, по окончаніи всего міротворенія, говоритъ: *и благослови Богъ день седмый, и освяти его, яко въ той почѣ отъ всѣхъ днѣхъ Своихъ, яже начатъ Богъ творити* (Быт. 2, 3). Слѣдовательно, твари начали приходить въ бытіе; Божіе же Слово, не имѣя начала бытію, по всей справедливости не начинало быть и приходить въ бытіе, но было всегда. И дѣла имѣютъ начало въ своемъ сотвореніи, начало предшествуетъ созидаемому, Божіе же Слово, не принадлежа къ числу созидаемыхъ, Само паче дѣлается Зиждителемъ всего имѣющаго начало. Бытіе созидаемаго измѣряется со мгновенія созданія, и съ нѣкоего начала Богъ начинаетъ творить это Словомъ, чтобы всякій зналъ, что сего не было, пока не сотворено. Слово же имѣетъ бытіе не въ иномъ началѣ, но во Отцѣ, и по ученію еретиковъ, безначальномъ, почему и Само безначально пребываетъ во Отцѣ, будучи не тварію, но рожденіемъ Отца.

58) Такъ божественному Писанію извѣстно это различіе между рожденіемъ и произведеніями, и оно показываетъ, что рожденіе есть Сынъ, не начавшійся съ какого-либо начала, но вѣчный; о произведеніи же, какъ о дѣлѣ внѣшнемъ для Сотворившаго, даетъ разумѣть, что оно начало приходить въ бытіе. Такъ и Іоаннъ, богословствуя о Сынѣ и зная это различіе реченій, не сказалъ: въ началѣ получило бытіе, или сотворено, но: *въ началѣ бѣ Слово*, чтобы въ самомъ реченіи „бѣ“ подразумѣвалось слово: *рожденіе*, и чтобы не заключилъ кто о Сынѣ, будто бы произошелъ Онъ въ продолженіи времени, но вѣровалъ, что существуетъ Онъ всегда и вѣчно.

Почему же вы, аріане, послѣ всѣхъ этихъ доказательствъ, не выразумѣвъ изреченій во Второзаконіи, осмѣливаетесь и въ этомъ еще нечестновать противъ Господа, говоря, что Онъ произведеніе, или тварь,

или рожденіе? Ибо говорите, что реченія: *рожденіе* и *произведеніе*—значать одно и тоже. И тѣмъ не менѣе даете этимъ о себѣ знать, что вы невѣжды и злочебивы. Первое изреченіе есть слѣдующее: *не Самъ ли сей Отець твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя* (Второз. 32, 6)? И нѣсколько ниже въ той же пѣсни сказано: *Бога рождшаго тя оставилъ еси, и забылъ еси Бога питающаго тя* (—18). Весьма чуденъ смыслъ, заключающійся въ этихъ словахъ! Не сказалъ Моисей въ первомъ мѣстѣ: *родилъ*, чтобы реченіе это не показалось безразличнымъ съ реченіемъ: *сотворилъ*, и еретики не имѣли предлога говорить: „самъ Моисей сказалъ, что въ началѣ *рече* Богъ: *сотворилъ* *человѣка* (Быт. 1, 26), и онъ же послѣ того говоритъ: *Бога рождшаго тя оставилъ еси*, какъ-будто реченія эти безразличны, и рожденіе и произведеніе есть одно и то же“. Напротивъ того, послѣ реченій: *стяжа* и *сотвори*, присовокупилъ онъ въ послѣдствіи реченіе: *родилъ*, чтобы рѣчь видимо объясняла сама себя. Ибо реченіемъ „*сотвори*“ означаетъ, что въ дѣйствительности естественно людямъ, а именно, что они суть дѣла и произведенія; реченіемъ же „*родилъ*“ выражаетъ Божіе человѣколюбіе, явленное людямъ по сотвореніи ихъ. И поелику при всемъ этомъ содѣлались они неблагодарными; то Моисей, уже укоряя ихъ, говоритъ сперва: *сіе ли Господеси воздаете?* потомъ присовокупляетъ: *не Самъ ли сей Отець твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя?* И потомъ еще говоритъ: *Пожроша бѣсовомъ, а не Богу, богомъ, ихже не вѣдѣша: нови и недавни приидоша, ихже не вѣдѣша отцы ихъ. Бога рождшаго тя оставилъ еси* (Второз. 32, 6. 17. 18).

59) Богъ не только создалъ ихъ людьми, но и наименовалъ сынами, какбы родилъ ихъ. Ибо и здѣсь реченіе „*родилъ*“ означаетъ „*сынъ*“, какъ и чрезъ Пророка говоритъ: *сыны родихъ и возвысихъ* (Исаи 1, 2);

и вообще, когда Писаніе хочетъ выразить это понятіе: *сынъ*, даетъ это разумѣть не реченіемъ: *создалъ*, но непременно реченіемъ: *родилъ*.

Эту мысль, кажется, имѣетъ также и Іоаннъ, говоря: *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родившася* (Іоан. 1, 12. 13). Весьма кстати и здѣсь употреблена предусмотрительность. Іоаннъ реченіемъ „*быти*“ выражаетъ, что сынами нарицаются не по естеству, а по усыновленію; реченіе же „*родившася*“ употребилъ, потому что и они вполнѣ получили именованіе: *сынъ*. Но люди, какъ говоритъ Пророкъ, *отвергошася* Благодѣтеля (Исаи 1, 2). И то есть Божіе человѣколюбіе, что Богъ въ послѣдствіи по благодати дѣлается Отцемъ тѣхъ, которыхъ сотворилъ: дѣлается же Отцемъ, когда созданные Имъ люди, какъ сказалъ Апостоль, приемятъ въ сердца свои Духа Сына Его, *вопіюще: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Сіи-то, *елицы пріяша Слово*, пріяли отъ Него *область чадомъ Божиимъ быти*; а иначе, бывъ по естеству тварями, не содѣлались бы сынами, если бы не пріяли Духа Сына, Сына сушаго по естеству и истиннаго. Поэтому, чтобы совершилось сіе, *Слово плоть бысть*, да содѣлаетъ человѣка способнымъ къ пріятію въ себя Божества.

Туже мысль можно видѣть и у Пророка Малахій, который говоритъ: *не Богъ ли единъ созда васъ? Не Отецъ ли единъ вѣсть вамъ* (Мал. 2, 10)? И здѣсь также Пророкъ сперва сказалъ: *созда*, а потомъ присовокупилъ: *Отецъ*, показывая тѣмъ, что первоначально по естеству мы твари, и Богъ сотворилъ насъ *Словомъ*, въ послѣдствіи же усыновляемся, и Богъ Творецъ дѣлается уже нашимъ Отцемъ. Поэтому, Отецъ есть собственность Сына, и собственность Отца—не тварь, но Сынъ; а такимъ образомъ и это показываетъ, что по естеству не мы—сыны, но пребываю-

шій въ насъ Сынъ, и также Богъ—не нашъ по естеству Отецъ, но пребывающаго въ насъ Слова, о Которомъ и чрезъ Котораго вопіемъ: *Авва Отче*. А какъ несомнѣнно сіе, такъ Отецъ, если видитъ въ комъ Сына Своего, то и Самъ называетъ тѣхъ сынами, и говоритъ о нихъ: *родихъ*. Поелику же реченіемъ: *раздѣлатъ* означаетъ *сынъ*, и реченіемъ: *творитъ* указывается на *дѣла*; то по сему самому мы именуемся прежде не рожденными, но сотворенными. Ибо написано: *сотворимъ челоука* (Быт. 1, 26), впослѣдствіи же, по пріятіи нами благодати Духа, сказуемся уже и рожденными.

Безъ сомнѣнія и великій Моисей въ пѣсни съ доброю мыслию употребилъ сперва реченіе: *стяжа*, а впослѣдствіи и реченіе: *родилъ*, чтобы израильтяне, услышавъ слово: *родилъ*, не забыли первоначальнаго своего естества, но знали, что первоначально они—твари, да и когда по благодати называются люди рожденными, какъ сыны, все-еще по естеству суть созданія.

60) А что тварь и рожденіе суть не одно и то же, но далеки между собою и по естеству и по значенію самыхъ реченій, это показываетъ самъ Господь въ тѣхъ же Притчахъ. Ибо сказавъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, присовокупилъ: *прежде же всѣхъ холмовъ раздѣлатъ Мя* (Притч. 8, 22. 25). Итакъ, если бы Слово по естеству и по сущности было тварію, и не было бы разности между рожденіемъ и тварію; то не присовокупилъ бы: *раздѣлатъ Мч*, но удовлетворился бы реченіемъ: *созда*, какъ означающимъ то же, что и реченіе: *родилъ*. Теперь же, сказавъ: *созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*, не просто присовокупилъ: *раздѣлатъ Мя*, но въ сопряженіи съ союзомъ: *же*, какбы ограждая этимъ реченіе: *созда*, говоритъ: *прежде же всѣхъ холмовъ раздѣлатъ Мя*. Ибо реченіе: *раздѣлатъ Мя*, поставляемое

въ связи съ реченіемъ: *созда*, составляетъ одну мысль, и показываетъ, что какъ реченіе „*созда*“ употреблено по причинѣ; такъ это „*раждаетъ Мя*“ предшествуетъ созданію. Какъ если бы наоборотъ сказалъ: *Господь раждаетъ Мя*, и потомъ присовокупилъ: *прежде же всѣхъ холмовъ созда Мя*, то, безъ сомнѣнія, созданіе предшествовало бы рожденію; такъ, сказавъ прежде: *созда*, и потомъ присовокупивъ: *прежде же всѣхъ раждаетъ Мя*, необходимо показываетъ, что рожденіе предшествуетъ созданію. Ибо, говоря: *прежде всѣхъ раждаетъ Мя*, даетъ о Себѣ разумѣть, что Онъ есть иной отъ всѣхъ, такъ-какъ предъ этимъ доказано было самою истиною, что изъ тварей ни одна другою не предшествовала, но все созданное произведено вдругъ въ-совокупности однимъ и тѣмъ-же повелѣніемъ.

Посему, не тѣже поставлено при реченіи: *созда*, что и при выраженіи: *раждаетъ Мя*. Напротивъ же того, при реченіи „*созда*“ поставлено: *начало путей*; при выраженіи же: *раждаетъ Мя*, не сказалъ: *вначалѣ раждаетъ Мя*, но: *прежде всѣхъ раждаетъ Мя*. А Кто прежде всѣхъ, Тотъ не есть начало всѣхъ, но иной отъ всѣхъ. Если же иной отъ всѣхъ, въ числѣ же всѣхъ разумѣется и начало всѣхъ; то явно, что иной отъ тварей. Изъ сего явствуетъ, что Слово, будучи инымъ отъ всѣхъ и прежде всѣхъ суще, въ послѣдствіи созидается началомъ путей въ дѣла, по причинѣ вочеловѣченія; какъ сказалъ Апостоль: *Иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, да будетъ во всѣхъ Той первенствующъ* (Кол. 1, 18).

61) Поелику же такова разность выраженій: *созда* и *раждаетъ Мя*, *начало путей* и *прежде всѣхъ*; то, какъ Богъ, Творецъ челоуковъ, по сказанному, дѣлается въ послѣдствіи Отцемъ ихъ, ради обитающаго въ нихъ Слова Его, такъ о Словѣ должно сказать наоборотъ: Богъ, Отецъ Его по естеству,

дѣлается потомъ Творцемъ Его и Создателемъ, когда Слово облекается въ тварную и созданную плоть, и содѣлывается человѣкомъ. Какъ люди, пріемля Духа Сына, дѣлаются чрезъ Него чадами; такъ Божіе Слово, когда облеклось въ плоть человѣческую, именуется тогда созданнымъ и сотвореннымъ. Поэтому, если мы — сыны по естеству, то явно, что и Онъ — по естеству тварь и произведеніе. А если мы дѣлаемся сынами по усыновленію и по благодати; то явно, что Слово, для дарованія намъ благодати содѣлавшись человѣкомъ, изрекло о Себѣ: *Господь созда Мя.*

Притомъ, поелику Господь, облекшись въ тварное, содѣлался подобенъ намъ по тѣлу; то посему справедливо наименованъ и братомъ нашимъ и первороднымъ. Ибо хотя и послѣ насъ содѣлался Онъ ради насъ человѣкомъ и братомъ нашимъ по подобію тѣла, однакоже и при этомъ именуется первороднымъ въ насъ, и дѣйствительно таковъ; потому что, когда всѣ люди по Адамовомъ преступленіи гибли, Его плоть прежде иныхъ спаслась и освободилась, какъ содѣлавшаяся тѣломъ самого Слова, и мы уже спасаемся послѣ нея, какъ стѣлесники Слова. Ибо въ семь тѣлѣ Господь дѣлается нашимъ вождемъ въ небесное царство и ко Отцу Его, говоря: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6) и *дверь*, и Мною должны входить всѣ (Іоан. 10, 9).

Посему, называется также и перворожденнымъ изъ мертвыхъ, не потому что умеръ прежде насъ (умерли прежде мы); но потому что для насъ пріявъ смерть и приведя ее въ бездѣйствіе, первый воскресъ, какъ человѣкъ, для насъ воскресивъ тѣло Свое. Поелику Онъ воскресъ; то наконецъ уже и мы Имъ и ради Него возставаемъ изъ мертвыхъ.

62) Если же Господь именуется и перворожденнымъ твари (Кол. 1, 15); то именуется, не какъ срав-

ниваемый съ тварями, и не какъ первый изъ нихъ по времени (ибо какъ быть Ему перворожденнымъ, когда Онъ есть едиnorodный?), но по снисхожденію Слова къ тварямъ, по которому Оно содѣлалось братомъ многихъ. Единородный едиnorodенъ потому, что не имѣетъ другихъ братьевъ; первородный же называется первороднымъ по причинѣ другихъ братьевъ. Посему, Господь нигдѣ въ Писаніи не именуется первороднымъ Божіимъ и Божіею тварію. Именованія: Единородный, Сынъ, Слово, Премудрость показываютъ близкое отношеніе ко Отцу и свойствѣ съ Нимъ. *Видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14); и: *посла Богъ Сына Своего едиnorodнаго* (1 Іоан. 4, 9); и: *во вѣкъ Господи Слово Твое пребываетъ* (Псал. 118, 89); и: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1); и: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24); и: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17), и: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѣ. 16, 16). Именованіе же „*первородный*“ показываетъ снисхожденіе къ твари; потому что названъ перворожденнымъ твари. И реченіе „*созда*“ показываетъ милость къ дѣламъ, потому что и создается *въ дѣла*. Итакъ, если Господь едиnorodенъ, какъ и дѣйствительно; то объясни мнѣ наименованіе первороднымъ. Если первороденъ, то пусть не будетъ едиnorodнымъ; ибо невозможно одному и тому же быть и едиnorodнымъ и первороднымъ, развѣ только въ разныхъ отношеніяхъ, и едиnorodнымъ, какъ уже сказано, именуется по рожденію отъ Отца, первороднымъ же по снисхожденію къ твари, и потому что многихъ содѣлалъ Своими братіями. И безъ сомнѣнія, по справедливости можно сказать, что изъ этихъ двухъ противоположныхъ между собою реченій къ слову преимущественнѣе идетъ качество едиnorodнаго, потому что нѣтъ другаго Слова, или

другой Премудрости, но одно Оно есть истинный Отчий Сынъ; и, какъ замѣчено прежде, безъ присокупленія какой-либо причины, но отрѣшенно говорится о Немъ: *единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18); а съ наименованіемъ „*первороденъ*“ соединяется причина, указуемая въ твари, каковую и присокупилъ Павелъ, сказавъ: *яко Тѣмъ создана быша всяческая* (Кол. 1, 16). Если же всѣ твари созданы Имъ, то Онъ есть иной отъ тварей, и не тварь, но Творецъ тварей.

63) Итакъ, первороднымъ наименованъ Господь, не потому что Онъ отъ Отца, но потому что Имъ получила бытіе тварь. И какъ прежде твари былъ Онъ Сыномъ, чрезъ Котораго тварь пришла въ бытіе; такъ и прежде наименованія *первороденнымъ всея твари*, тѣмъ не менѣе было само Слово къ Богу, и Богъ бѣ Слово.

Но злочестивые, и сего не уразумѣвъ, ходятъ всюду и говорятъ: „если *первороденъ всея твари*, то явно, что и Самъ есть единая изъ тварей“. Несмысленные! Если *первороденъ* вообще *всея твари*, то слѣдуетъ, что иной отъ всей твари. Апостоль не сказалъ, *первороденъ* иныхъ тварей, чтобы не почли единою изъ тварей; написалъ же: *первороденъ всея твари*, чтобы явствовало, что иной отъ твари. Рувимъ называется первенцемъ не всѣхъ чадъ Іаковлевыхъ, но самого Іакова и братій (Быт. 35, 23), чтобы не почли его инымъ отъ чадъ Іаковлевыхъ. Да и о самомъ Господѣ Апостоль не сказалъ: *яко быти первородну* во всѣхъ; чтобы не подумалъ кто, будто бы носить Онъ на Себѣ иное съ нашимъ тѣло, но: *первородну* во многихъ *братіяхъ* (Рим. 8, 29), по подобію плоти. Поэтому, если бы Слово было единою изъ тварей; то Писаніе сказало бы о Немъ: *первороденъ* иныхъ тварей. А теперь, поелику Святые говорятъ: *первороденъ всея*

твари, прямо показывается этимъ, что Сынъ Божій есть иной отъ всей твари, а не тварь. Ибо если Онъ—тварь; то будетъ перворожденнымъ и Себя самого. Какъ же можно, ариане, быть и первоначальнѣе и позднѣе себя самого? Сверхъ того, если Онъ—тварь, а всякая тварь Имъ получила бытіе и о Немъ состоялась, какъ можетъ и созидать тварь, и быть единымъ изъ состоявшихся о Немъ?

Поелику же сама собою видна несообразность такого вымысла арианъ, то истина уличаетъ ихъ, что Сынъ наименованъ *первороднымъ во многихъ братіяхъ* по сродству плоти, *перворожденнымъ же изъ мертвыхъ*, потому что воскресеніе мертвыхъ отъ Него и послѣ Него, и *перворожденнымъ всея твари* по чело-вѣколюбію Отца, по которому Словомъ Его не только всяческая состоятся, но и сама тварь, какъ сказалъ о ней Апостоль, чая *откровенія сыновъ Божіихъ, свободится нѣкогда отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19. 21). По такомъ же освобожденіи твари, Господь будетъ первороднымъ и ея, какъ и всѣхъ содѣлавшихся чадами, чтобы, съ наименованіемъ Его первымъ, пребывало и то, что по Немъ, завися отъ Слова, какъ отъ нѣкоего начала.

64) Думаю же, что при такомъ разумѣніи Писанія постыдятся и самые нечестивые. Ибо, если утверждаемое нами несправедливо, напротивъ же того, угодно имъ, чтобы Слово было перворожденнымъ всея твари, какъ по сущности тварь; то пусть разсудятъ, что, по ихъ предположенію, будетъ Онъ братомъ безсловесныхъ и неодушевленныхъ тварей, и уподобится имъ; потому что и эти существа составляютъ часть всей твари; перворожденному же необходимо первенствовать по одному времени, по роду же и по подобію быть со всѣми тождественнымъ. Но утверждая это, не превосходятъ ли еретики всякую мѣру злочестія?

Или, кто терпѣливо выслушаетъ отъ нихъ это? Или, какъ не возненавидѣть ихъ за одну такую мысль? Для всякаго явно, что не ради себя самого, какъ тварь, и не потому что въ сущности имѣетъ нѣкое сродство со всею тварію, Слово наименовано перво-рожденнымъ твари, но какъ потому, что Слово, вначалѣ созидая твари, снизошло къ созданнымъ, чтобы могли прійти въ бытіе (иначе же, не стерпѣли бы Его ничѣмъ не умѣряемаго естества и подлинно Отческой свѣтлости, если бы по Отчему человѣколюбію Слово не снизошло къ нимъ на помощь, и пріавъ во власть Свою, не ввело ихъ въ сущность), такъ во-вторыхъ и потому еще, что, по снихожденію Слова, усыновляется Имъ самая тварь; и такимъ образомъ, какъ сказано, Слово дѣлается перво-рожденнымъ твари по всяческимъ, и тѣмъ, что созидаетъ, и тѣмъ, что за всѣхъ вводится въ самую вселенную. Ибо такъ написано: *егда же вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6). Пусть слышатъ христорборцы и сами себя терзаютъ; вшествіе Слова во вселенную причиною того, что Оно наименовано перво-рожденнымъ всѣхъ. А такимъ образомъ, Оно есть едиnorodный Отчій Сынъ, потому что Оно одно отъ Отца; называется же перво-рожденнымъ твари, по усыновленію всѣхъ. Но какъ перво-родный въ братіяхъ и *отъ мертвыхъ воста начатокъ умершимъ* (1 Кор. 15, 20); такъ, поелику во всемъ подобало Ему первенствовать, создается поэтому и какъ начало путей, чтобы и намъ, вступивъ на сей путь и вошедши Тѣмъ, Кто говоритъ: *Азъ есмь путь и дверь*, а также пріобщившись вѣдѣнію объ Отцѣ, услышать: *блаженни непорочни въ пути* (Псал. 118, 1), и: *блаженни чистиі сердцемъ: яко ти Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8).

65) Итакъ, поелику истина показала, что Слово по естеству не тварь; то слѣдуетъ уже сказать, почему

называется началомъ путей. Поелику первый путь чрезъ Адама былъ потерянь, вмѣсто рая уклонились мы въ смерть, и услышали: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19); то человѣколюбивое Божіе Слово, по изволенію Отца, облекается въ созданную плоть, чтобы ту плоть, которую первый человѣкъ умертвилъ преступленіемъ, оживотворить Ему кровію тѣла Своего и обновить для насъ *путь новый и живый*, какъ сказалъ Апостоль, *завѣсою, сирѣчь плотию Своею* (Евр. 10, 19. 20). Сіе же давая разумѣть, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *тѣмъже аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). Если же произошла новая тварь, то надлежало кому-либо быть первымъ сей твари. Простой и перстный только человѣкъ, какими содѣлались мы вслѣдствіе преступленія, не могъ быть первымъ; потому что и въ первоначальной твари люди стали невѣрными, и чрезъ нихъ погибла первоначальная тварь; потребенъ былъ иной обновляющій первоначальную тварь и соблюдающій ту, которая содѣлалась новою тварію. Посему-то человѣколюбиво не иной кто, но Господь, начало новой твари, созидается путемъ, и справедливо говоритъ о Себѣ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22), чтобы человѣкъ жительствоваць уже не по той первоначальной твари, но, поелику положено начало новой твари, то, началомъ путей ея имѣя Христа, послѣдовали мы уже Ему, глаголющему о Себѣ: *Азъ есмь путь*. Сему уча, и блаженный Апостоль въ Посланіи къ колоссянамъ сказалъ: *Тойи есть глава тѣлу Церкви, Иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Тойи первенствуя* (Кол. 1, 18).

66) Если, какъ сказано, по причинѣ воскресенія изъ мертвыхъ, Господь называется за сіе начаткомъ; воскресеніе же совершилось тогда, какъ, нося на

Себѣ нашу плоть, предалъ Себя за насъ на смерть: то явно, что сказанное Имъ: *созда Мя начало путей* означаетъ не сущность Его, но пришествіе Его въ тѣлѣ; потому что смерть была свойственна тѣлу. И какъ тѣлу свойственна смерть, такъ тѣлесному пришествію будетъ свойственно сказанное: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*; потому что, когда Спаситель такимъ образомъ созданъ по плоти, сталъ начаткомъ созидаемыхъ, и имѣетъ нашъ начатокъ — воспріятую Имъ на Себя человѣческую плоть, тогда, сообразно съ этимъ, созидаются по Немъ и будущіе люди, какъ говоритъ Давидъ: *да напишется сіе въ родъ инъ, и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа* (Псал. 101, 19); и еще въ двадцать первомъ псалмѣ: *возвѣститъ Господеви родъ грядущій, и возвѣстятъ правду Его людямъ родитися и муцимъ, яже сотвори Господь* (Псал. 21, 32). Не услышимъ болѣе: *въ онъже аще день снѣте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17); слышимъ же: *идѣже есмь Азь, и вы будете* (Іоан. 14, 3); почему и говоримъ: *Того бо есмь твореніе, создани на дѣла благая* (Ефес. 2, 10). Еще же, поелику Божіе дѣло, то-есть человѣкъ созданный совершеннымъ, вслѣдствіе преступленія содѣлалось недостаточнымъ и умерщвлено стало грѣхомъ, дѣлу же Божію неприлично было оставаться несовершеннымъ; то всѣ святые умоляли о семъ, говоря во сто тридцать седьмомъ псалмѣ: *Господи, воздаждь за мя: Господи, дѣль руку Твоею не презри* (Псал. 137, 8). Посему-то совершенное Божіе Слово облагается несовершеннымъ тѣломъ и именуется созидаемымъ въ дѣла, чтобы Ему, воздавъ за насъ долгъ, восполнить Собою, чего недоставало человѣку. А человѣку недоставало безсмертія и пути въ рай. И это-то значитъ сказанное Спасителемъ; *Азь прославихъ Тя на земли, дѣла совершихъ, еже далъ еси Мнѣ да сотворю* (Іоан. 17, 4); и еще: *дѣла, яже даде Мнѣ Отець,*

да совершу я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ (Іоан. 5, 36). Дѣла же, о которыхъ говоритъ здѣсь, что даны Ему Отцемъ для совершенія, суть тѣ самыя, для которыхъ созидается, говоря о Себѣ въ Притчахъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*. Ибо одно и то же значитъ сказать: *даде Мнѣ Отець дѣла*, и: *созда Мя Господь въ дѣла*.

67) Итакъ, богоборцы, когда Сынъ пріялъ дѣла, да совершитъ? Изъ этого дознанъ будетъ смыслъ и реченія: *созда*. Если скажете, что пріялъ вначалѣ, когда приводилъ ихъ изъ небытія въ бытіе; то это ложно: тогда дѣла не были еще произведены; явно же, что говоритъ Онъ о пріятіи дѣлъ уже существующихъ. Но непозволительно — разумѣть время предшествовавшее тому, какъ *Слово плоть бысть*; иначе, пришествіе Слова окажется уже излишнимъ; потому что пришествіе это было для принятія дѣлъ. Слѣдовательно, остается наконецъ сказать, что, когда Сынъ сталъ человѣкомъ, тогда пріялъ и дѣла. Ибо тогда довершилъ ихъ, исцѣливъ наши язвы и даровавъ намъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Если же, когда *Слово плоть бысть*, тогда даны Ему дѣла; то явно, что, когда содѣлалось Оно человѣкомъ, тогда и созидается въ дѣла. Итакъ, реченіе „созда“ означаетъ не сущность Слова, о чемъ говорено уже многократно, но тѣлесное Его бытіе. Поелику дѣла вслѣдствіе преступленія стали несовершенными и недостаточными: то о Словѣ говорится тѣлесно, что Оно созидается, да, совершивъ дѣла и содѣлавъ всецѣлыми, *представитъ Отцу Церковь, какъ сказалъ Апостоль, не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 27). Посему, родъ человѣческой, какъ вначалѣ получилъ бытіе Словомъ, такъ Имъ же усовершается и возстановленъ, и притомъ еще при

большей благодати; потому что, возставъ изъ мертвыхъ, не убоимся уже мы смерти, но всегда о Христѣ будемъ царствовать на небесахъ. Совершилось же это, потому что само Божіе собственное Слово, сущее отъ Отца, облеклось въ плоть и содѣлалось человѣкомъ. Если бы Слово, бывъ тварію, содѣлалось человѣкомъ; то и человѣкъ все-еще оставался бы тѣмъ-же, чѣмъ былъ, не сочетавшись съ Богомъ. Ибо, будучи созданиемъ, могъ ли бы сочетаться съ Творцемъ посредствомъ созданія? Или, какая была бы помощь подобнымъ отъ подобныхъ, которые сами имѣютъ нужду въ той же помощи? Если бы Слово было тварію, то какъ имѣло бы Оно силу отмѣнить Божій приговоръ и отпустить грѣхъ, когда у Пророковъ написано, что это принадлежитъ Богу? *Ито Богъ якоже Ты, отъемляяи грѣхи, и оставляяи беззаконія* (Мих. 7, 18)? Богъ сказалъ: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19), и люди содѣлались смертными. Посему, возможно ли разрѣшить грѣхъ сотворенному? Напротивъ того, разрѣшаетъ самъ Господь, какъ и сказалъ Онъ: *аще не Сынъ вы свободитъ* (Іоан. 8, 36). И освободившій Сынъ дѣйствительно доказалъ о Себѣ, что Онъ—не тварь, не единый изъ созданныхъ, но собственное Слово и образъ Отчей сущности; потому что и вначалѣ осудилъ грѣхъ Отецъ, и Онъ одинъ отпускаетъ грѣхи. Поелику Словомъ изречено: *земля еси, и въ землю отыдеши*; то, сообразно съ этимъ, тѣмъ же Словомъ и о Немъ совершается освобожденіе и отмѣненіе осужденія.

68) Но говорятъ: „если Спаситель—и тварь, то Богъ могъ сказать только и тѣмъ разрѣшить клятву“. Тòже самое можетъ быть сказано и еретикамъ: если бы и вовсе не приходилъ Спаситель, то Богъ могъ сказать только и разрѣшить тѣмъ клятву. Но надобно имѣть въ виду полезное для людей, а не то

принимать въ разсужденіе, что Богу все возможно. И прежде Ноева ковчега Богъ могъ истребить согрѣшившихъ тогда людей, однакоже сдѣлалъ это по устроеніи ковчега. И безъ Моисея могъ сказать только и извести народъ изъ Египта; но полезно было совершить это чрезъ Моисея. И безъ Судей Богъ могъ спасти народъ, но для израильтянъ полезно было, чтобы по времени возставляемъ былъ у нихъ Судія. Спаситель могъ прійти еще вначалѣ, или пришедши не быть преданнымъ Пилату; но Онъ и пришелъ при скончаніи вѣковъ, и, когда искали Его, сказалъ: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 5). Что творить Господь, то и полезно людямъ, тому и быть иначе не подобало. Что полезно и прилично, о томъ и промышляетъ Онъ. Посему пришелъ, не *да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. 20, 28), и сдѣлать наше спасеніе. Безъ сомнѣнія, могъ Онъ и съ неба изглаголатъ законъ, но зналъ, что для людей полезно изглаголатъ его съ Синая, и сдѣлалъ это, чтобы и Моисей могъ взойти, и израильтяне, слыша слово вблизи, тѣмъ паче могли увѣровать. Впрочемъ, благословную причину, по которой такъ совершено, можно видѣть и изъ слѣдующаго. Если бы Богъ по всемогуществу изрекъ и разрѣшилась клятва, то въ этомъ было бы видно могущество Повелѣвшаго, и человѣкъ сдѣлался бы такимъ же, какимъ былъ Адамъ до преступленія, пріявъ благодать совнѣ, безъ приспособленія ея къ тѣлу (ибо таковымъ и тогда человѣкъ введенъ былъ въ рай), но при этомъ онъ, можетъ быть, сдѣлался бы еще худшимъ, потому что научился преступать законъ. А въ такомъ состояніи, если бы обольщенъ сталъ зміемъ, снова настояла бы нужда Богу изрекать повелѣніе и разрѣшать клятву. И посему, потребность въ этомъ продолжалась бы въ безконечность, люди же все еще были бы виновны, раболѣпствуя грѣху. Непрестанно со-

грѣшая, непрестанно имѣли бы они нужду въ прощеніи, и никогда не освободились бы отъ вины, сами въ себѣ будучи плотію, и по немощи плоти всегда препобѣждаемые закономъ.

69) Еще же, если бы Сынъ былъ тварь, то чело-вѣкъ все еще оставался бы смертнымъ, не сочета-ваясь съ Богомъ; потому что тварь не сочетавала бы тварей съ Богомъ, и сама требуя для себя сочетаваю-щаго; и одна часть твари не могла бы служить спа-сеніемъ для всей твари, сама имѣя нужду въ спасеніи. Итакъ, въ предотвращеніе сего, Богъ посылаетъ Сына Своего, и Сынъ содѣлывается чело-вѣкомъ, пріавъ на Себя созданную плотъ, чтобы, поелику всѣ повинны смерти, самому Ему, будучи инымъ отъ всѣхъ, соб-ственное Свое тѣло принести за всѣхъ на смерть, и Слову, какъ-будто всѣ чрезъ Него умерли (потому что и дѣйствительно всѣ умерли о Христѣ), испол-нить наконецъ приговоръ, всѣмъ же чрезъ Него со-дѣлаться уже свободными отъ грѣха и отъ про-клятія за грѣхъ, и дѣйствительно пребывать во вѣки, возставъ изъ мертвыхъ и облекшись въ безсмертіе и нетлѣніе. Поелику Слово облеклось плотію, то сею плотію, какъ неоднократно было доказываемо, содѣ-лано совершенно недѣйствительнымъ всякое угрызе-ніе змія. Если бы и возродилось что злое вслѣд-ствіе тѣлесныхъ движеній, то оно было бы отсѣкаемо, и тѣмъ истреблялась послѣдующая за грѣхомъ смерть, какъ говоритъ самъ Господь: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоуже* (Іоан. 14, 30). И сего ради явился, какъ написалъ Іоаннъ, *да разрушитъ дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8). Поелику же дѣла эти раз-рушены плотію Его, то всѣ мы чрезъ это освободи-лись по сродству плоти, и сами сочетались уже съ Словомъ. А сочетавшись съ Богомъ, не останемся болѣе на землѣ, но, какъ сказалъ самъ Господь, *идѣже Онъ, и мы будемъ* (Іоан. 14, 3), и не убоимся

уже змія; потому что приведенъ онъ въ бездѣйствіе плотію, прогнанный Спасителемъ и услышавъ отъ Него: *иди за Мною сатано* (Матѳ. 4, 10). Такъ зміи внѣ рая ввергается въ огонь вѣчный. Не нужно уже намъ остерегаться и обольщающей жены; *въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи суть* (Матѳ. 22, 30). И *о Христѣ Иисусѣ* будетъ *нова тварь* (Гал. 6, 15), *ни мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), но всяческая и во всѣхъ Христось. А гдѣ Христось, тамъ будетъ ли какой еще страхъ, или какая опасность?

70) Но этого не послѣдовало бы, если бы Слово было тварію; потому что съ тварію всегда вель бы брань діаволъ, который также тварь, и человѣкъ, будучи посредникомъ, самъ оставался бы всегда повиннымъ смерти, не имѣя у себя, о комъ и къмъ содѣлаться бы Ему свободнымъ отъ всякаго страха, сочетавшись съ Богомъ. Этимъ сама истина показываетъ, что Слово не изъ числа созданныхъ, а паче—Само есть ихъ Зиждитель. Для того и воспріяло на Себя тѣло созданное и человѣческое, чтобы Ему, какъ Зиждителю, обновивъ это тѣло, обожить въ Себѣ, и такимъ образомъ, всѣхъ насъ, по подобію Своего тѣла, ввести въ небесное царство. Но опять не обожился бы человѣкъ, сочетавшись съ тварію, если бы Сынъ не былъ истинный Богъ. Человѣкъ не предсталъ бы Отцу, если бы облекшійся въ тѣло не былъ истинное по естеству Отчее Слово. И какъ не освободились бы мы отъ грѣха и проклятія, если бы плоть, въ какую облеклось Слово, не была по естеству человѣческая (потому что съ чуждымъ для насъ не было бы у насъ ничего общаго); такъ не обожился бы человѣкъ, если бы содѣлавшійся плотію не былъ по естеству сущее отъ Отца, истинное и собственное Отчее Слово. Для того совершилось такое соединеніе, чтобы по естеству Сущему отъ Бо-

жества сочетать съ Собою по естеству человѣка, и чтобы чрезъ это твердыми содѣлаться спасенію и обоженію человѣка. Слѣдовательно, отрицающіе, что Сынъ по естеству отъ Отца и собственно Отчей есть сущности, пусть отрицаютъ и то, что пріялъ Онъ истинную человѣческую плоть отъ Присно - Дѣвы Маріи. Равно не было бы пользы для насъ человѣковъ, если бы Божіе Слово не было истиннымъ и по естеству Сыномъ, и если бы не была истинною воспріятая Имъ на Себя плоть. Напротивъ того, Слово пріяло на Себя истинную плоть, хотя и неистовствуетъ Валентинъ; Слово же было по естеству и истинный Богъ, хотя и неистовствуютъ арианѣ. Въ сей плоти Слово содѣлалось для насъ начаткомъ новой твари, ставъ созданнымъ за насъ человѣкомъ и, какъ сказано, обновивъ намъ оный путь.

71) Итакъ, Слово—не тварь и не дѣло; ибо одно и то же—тварь, произведеніе, дѣло. И если бы Слово было тварію и произведеніемъ, то было бы и дѣломъ. Посему, не сказало Оно о Себѣ: *Созда Мя* дѣло, или: сотворилъ Меня вмѣстѣ съ дѣлами, чтобы не подать мысли, будто бы Оно есть тварь по естеству и по сущности. Не сказало также: создалъ, да сотворю дѣла, чтобы опять злочестивые по злоумію своему не почли Его ради насъ содѣланнымъ подобно орудію. Не возвѣстило о Себѣ также: создалъ Меня прежде дѣлъ, чтобы, какъ изъ того, что Оно прежде всѣхъ, слѣдуетъ, что Оно есть рожденіе, такъ и тѣмъ, что создано прежде дѣлъ, не привести къ мысли, будто бы тождественны между собою реченія: рожденіе и созда. Напротивъ того, съ строгою осмотрительностію сказало: *созда Мя въ дѣла*. А это значитъ: Отецъ сотворилъ Меня, чтобы во плоти содѣлаться Миѣ человѣкомъ. А потому и изъ сего опять явствуетъ, что Слово—не дѣло, но рожденіе. Какъ входящій въ домъ не составляетъ части дома, но

есть иное, а не домъ: такъ Созидаемый въ дѣла по естеству не то же, что дѣла. Ибо если, какъ утверждаете вы, ариане, Слово Божіе есть дѣло; то какою рукою и премудростію приведено Оно въ бытіе? Все приведенное въ бытіе приведено Божіею рукою и Премудростію, какъ говоритъ самъ Богъ: *вся сія сотвори рука Моя* (Исаи 66, 2). Давидъ же воспѣваетъ: *въ началѣхъ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса* (Псал. 101, 26), и еще въ сто сорокъ второмъ псалмѣ: *помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніихъ руку Твоею поучахся* (Псал. 142, 5). Поэтому, если созданія совершены Божіею рукою, написано же, что *вся быша Словомъ, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), и еще: *единъ Господь Іисусъ, Имже вся* (1 Кор. 8, 6), и: *всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. 1, 17); то явно, что Сынъ—не дѣло, но Онъ есть Божія рука и Премудрость. Зная это, и бывшіе въ Вавилонѣ мученики—Ананія, Азарія, Мисаиль—обличаютъ арианское злочестіе. Ибо, сказавъ: *благословите вся дѣла Господня Господа* (Дан. 3, 57), въ ряду дѣлъ перечислили все, что на небѣ и на землѣ, и всякую тварь, но не наименовали Сына; ибо не сказали: благослови Слово, пѣснословъ Премудрость, давая тѣмъ знать, что всѣ прочія существа пѣснословятъ и суть дѣла, Слово же не есть дѣло и Оно не изъ числа пѣснословящихъ, но Его со Отцемъ пѣснословятъ, Ему поклоняются, о Немъ богословствуютъ; потому что Оно есть Отчее Слово, Отчая Премудрость и Зиждатель дѣлъ. Сіе и Духъ съ совершеннымъ различіемъ изрекъ во Псалмахъ: *яко право Слово Господне, и вся дѣла Его въ вѣрѣ* (Псал. 32, 4); какъ и въ другомъ псалмѣ говоритъ: *яко возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24).

72) Если бы Слово было дѣломъ, то, безъ сомнѣнія, и Оно приведено было бы въ бытіе Премудро-

стію, и Писаніе не различало бы Его отъ дѣлъ, и не стало бы ихъ именовать дѣлами, о Немъ же благо-вѣствовать, какъ о Божіемъ Словѣ и о собственной Божіей Премудрости. Теперь же Писаніе, отличая Его отъ дѣлъ, показываетъ, что сія Премудрость есть Зиждительница дѣлъ, а не дѣло. Тоже различеніе наблюдаетъ и Павелъ, пиша къ евреямъ: *Живо бо Слово Божіе, и дѣйствительно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслиемъ сердечнымъ: и нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и, объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово* (Евр. 4, 12, 13). Видишь, созданныя вещи наименовалъ тварію, Сына же разумѣтъ сущимъ Божимъ Словомъ, такъ какъ Онъ не то же, чтò твари. И еще говоря: *вся же нага и, объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово.* даетъ разумѣть, что Онъ есть иное отъ всѣхъ тварей. Посему, Сынъ судитъ, каждое же изъ существъ получившихъ бытіе обязано дать Ему отвѣтъ. Такъ и тѣмъ, что вся тварь совоздыхаетъ съ нами объ освобожденіи *отъ работы истлѣнія* (Рим. 8, 21), показывается, что Сынъ есть иное отъ тварей. Ибо, если бы и Онъ былъ тварь, то и Самъ находился бы въ числѣ воздыхающихъ, и имѣлъ нужду, чтобы кто-либо и Его вмѣстѣ со всѣми содѣлалъ Сыномъ и освободилъ. Если же вся тварь воздыхаетъ объ освобожденіи отъ работы истлѣнія, а Сынъ не въ числѣ воздыхающихъ и требующихъ освобожденія, но Самъ всѣхъ всыновляетъ и освобождаетъ, говоря тогдашнимъ іудеямъ: *Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ: Сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободитъ, во истинну свободни будете* (Іоан. 8, 35. 36): то этимъ яснѣ свѣта показывается, что Слово Божіе—не тварь, но истинный и по естеству преискренній Отчій Сынъ.

Итакъ, объ этомъ изреченіи: *Господь созда Мя на-*

чало путей (Притч. 8, 22), хотя кратко, однакоже, какъ думаю, достаточно сказано для того, чтобы людямъ ученѣйшимъ дать этимъ поводъ сочинить что-либо болѣе сильное къ низложенію аріанской ереси. Но еретики, читая и слѣдующій стихъ и толкуя его худо, полагаютъ: поелику написано: *прежде вѣкъ основа Мя*, то и это сказано о Божествѣ Слова, а не о явленіи Его во плоти. Посему, необходимо, разобравъ и этотъ стихъ, показать заблужденіе еретиковъ.

73) Написано: *Богъ Премудростію основа землю* (Притч. 3, 19). Поэтому, если Премудростію основана земля, то какъ основывается Полагающій основаніе? Но и это сказано приточно, и должно искать смысла въ сказанномъ, а чрезъ это дознать, что, какъ Премудростію Отецъ созидаетъ и основываетъ землю, чтобы она была непоколебима и пребывала, такъ и сама Премудрость основана въ насъ, чтобы содѣлаться Ей начаткомъ и основаніемъ новой въ насъ твари и нашего обновленія. И здѣсь не сказалъ Господь: прежде вѣкъ сотворилъ Меня Слово или Сына, дабы не подать мысли, будто имѣетъ начало, какъ сотворенный. Ибо прежде всего надобно спросить: Сынъ ли Онъ? и о семъ преимущественно испытывать Писанія. Это и Петръ, когда вопрошены были Апостолы, исповѣдалъ говоря: *Ты еси Христосъ. Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 16). Объ этомъ и отецъ аріанской ереси спрашивалъ прежде всего: *аще Сынъ еси Божій* (Матѳ. 4, 6)? Ибо зналъ, что это—истина и главное въ нашей вѣрѣ; зналъ, что если Онъ—Сынъ, то конецъ діавольскому мучительству. А если Онъ—тварь и одинъ изъ потомковъ обольщеннаго Адама; то не о чемъ заботиться діаволу. Посему и тогдашніе іудеи негодовали, что Господь наименовалъ Себя Сыномъ Божіимъ, а Бога—Отцемъ Своимъ. Ибо если бы назвалъ Себя одною изъ тварей, или

сказалъ о Себѣ: Я—произведеніе; то не было бы это страннымъ для слушающихъ, и такихъ словъ не почли бы они хулою, зная, что къ отцамъ приходили и Ангелы. Но поелику именовалъ Себя Сыномъ, то усматривали въ этомъ признакъ не твари, но Божества и естества Отцаго.

74) Посему, аріанамъ, хотя бы въ подражаніе отцу своему діаволу, надлежало любопытствовать, и, если Господь сказалъ: основалъ Меня Слово и Сына, мудрствовать, какъ мудрствуютъ; а если не такъ сказалъ, не вымышлять, чего нѣтъ. Но не сказалъ Онъ: прежде вѣкъ *основа* Мя Слово и Сына, говорить же просто: *основа* Мя, желая этимъ, какъ и прежде замѣтилъ я, опять показать, что и это говорить приточно не ради Себя, но ради назидаемыхъ на Немъ. Зная это, и Апостоль пишетъ: *Основанія бо инаго никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ. Кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ* (1 Кор. 3, 10. 11). Основанію же нужно быть такимъ, каковы и назидаемые, чтобы возможна была взаимная сообразность. Посему Господь, какъ, будучи Словомъ, поколику Онъ—Слово, не имѣетъ въ сообразность Себѣ таковыхъ же, каковъ Самъ, потому что Онъ единороденъ; такъ, содѣлавшись человѣкомъ, имѣетъ подобныхъ Себѣ, потому что облекся въ плоть подобную ихъ плоти. Слѣдовательно, по человѣчеству полагается Онъ въ основаніе, чтобы и мы могли быть назидаемы на Немъ какъ драгоценные камни и содѣлались храмомъ живущаго въ насъ Святаго Духа. Но какъ Онъ—основаніе, а мы — назидаемые на Немъ камни; такъ опять Онъ есть виноградная лоза, а мы — какбы розги, соединенныя съ Нимъ не по сущности Божества (это невозможно), но также по человѣчеству; потому что и розги должны быть подобны лозѣ, и мы по плоти подобны Ему.

Сверхъ того, еретиковъ, разсуждающихъ по-человѣчески, прилично—обличить человѣческими примѣрами, заимствованными изъ тѣхъ-же словъ. Господь не сказалъ: содѣлалъ Меня основаніемъ, чтобы еретики и въ этомъ не нашли себѣ безстыднаго предлога къ нечестію, будто Онъ есть произведеніе и имѣеть начало Своего бытія. Но говоритъ: *основа Мя*. Полагаемое же въ основаніе полагается ради камней на немъ назидаемыхъ, и это не просто дѣлается, но когда камень перенесенъ изъ горы и опущенъ въ земную глубину. Пока камень—въ горѣ,—не положенъ онъ въ основаніе. Но когда потребуетъ нужда, и камень перенесенъ и ввергнутъ въ земную глубину, тогда уже онъ, если получить возможность говорить, скажетъ: „теперь основалъ меня перенесшій сюда изъ горы“. Слѣдовательно и Господь не съ того времени имѣеть начало бытія, когда полагается въ основаніе,—Слово было и прежде сего,—но когда облекся въ наше тѣло, иссѣченное и воспріятое Имъ отъ Маріи; тогда говоритъ: *основа Мн*; а это значитъ: Меня—Слово—обложилъ земнымъ тѣломъ. Такъ, для насъ полагается въ основаніе, приемля на Себя наше, чтобы мы, какъ стѣлесники въ Немъ составляемые и связуемые по подобію плоти, достигнувъ въ мужа совершенна, пребыли безсмертными и нетлѣнными.

75) Никого да не приводятъ въ смущеніе реченія: *прежде вѣкъ, прежде неже землю сотворити, и прежде неже горамъ водрузитися* (Притч. 8, 23. 25). И это весьма кстати присовокупило Слово къ реченіямъ: *основа* и *созда*; потому что и это касается также домостроительства по плоти. Благодать, дарованная намъ Спасителемъ, хотя, какъ говоритъ Апостоль, *явилась* и дарована только съ пришествіемъ Спасителя (Тит. 2, 11), однакоже, предуготовляема была прежде, нежели мы получили бытіе, лучше же

сказать, даже *прежде сложенія міра* (1 Петр. 1, 20). И какая благая и чудная тому причина! Неприлично было Богу составить о насъ совѣтъ въ послѣдствіи, чтобы не оказаться какбы невѣдущимъ, что постигнетъ насъ. Посему, Богъ всяческихъ, созидавая насъ Словомъ Своимъ, болѣе насъ самихъ зная наше положеніе, и предувѣдавъ, что мы, сотворенные совершенными, въ послѣдствіи содѣлаемся преступниками заповѣди и за преслушаніе изринуты будемъ изъ рая, какъ челоуѣколюбивый и благій, въ собственномъ Словѣ Своемъ, Которымъ и создалъ насъ, предуготовляетъ домостроительство нашего спасенія, чтобы, хотя и отпадемъ мы обольщенные зміемъ, не остались однакоже совершенно мертвыми, напротивъ же того, имѣя въ Словѣ предуготованное намъ избавленіе и спасеніе, снова возстали и пребыли бессмертными, когда само Слово будетъ создано для насъ началомъ путей, и Первороденный твари содѣлается первороднымъ въ братіяхъ, и воскреснетъ Самъ начатокъ умершихъ. Сему учитъ блаженный Апостоль Павелъ. Ибо, толкуя сказанное въ Притчахъ: *прежде вѣкъ*, и прежде нежели создана земля, въ Посланіи къ Тимоѣю говоритъ такъ: *спостражди благоустройство, по силѣ Бога, спасаго насъ и призваго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по Своему благоволенію и благодати, даннѣи намъ о Христѣ Иисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ, явшеіся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившаго убо смерть, и возсіяшаго жизнь* (2 Тим. 1, 8—10); и въ Посланіи къ ефесянамъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ Иисусѣ, якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви, прежде нарекъ насъ во усыновленіе Иисусъ Христомъ въ Него* (Ефес. 1, 3—5).

76) Посему, какъ же избралъ прежде, нежели получили мы бытіе, если не были мы, какъ сказалъ Господь, предъизображены въ Немъ? Вообще, какъ нарекъ насъ во усыновленіе до созданія челоуковъ, если *прежде вѣкъ* не былъ положенъ въ основаніе самъ Сынъ, пріавъ на Себя домостроительство о насъ? Или какъ, что еще присовокупляетъ Апостоль, *наслѣдницы сотворихомся, прежде наречени бывше* (Ефес. 1, 11), если *прежде вѣкъ* не былъ положенъ въ основаніе самъ Господь; почему и возымѣлъ изволеніе всю тяготу нашего осужденія за насъ воспріять на Себя плотію и потомъ усыновить насъ въ Себѣ? Какъ пріяли мы благодать *прежде временъ вѣчныхъ*, не получивъ еще бытія, происшедши же во времени, если эта предваряющая насъ благодать не была уготована во Христѣ? Посему и на судѣ, когда каждый воспріиметъ по дѣламъ своимъ, Господь скажетъ: *приидите благословеннии Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. 25, 34). Какъ же, или въ комъ, уготовано оно прежде созданія нашего, если не въ Господѣ, прежде вѣкъ положенномъ для сего въ основаніе, чтобы мы, какъ хорошо принаровленные камни, на Немъ назидаемые, отъ Него пріобщались жизни и благодати? Сіе же (сколько можно разумѣть это челоуку благочестно) совершилось для того, чтобы мы, какъ говорилъ я уже, возставъ отъ кратковременной смерти, могли жить вѣчно. Но мы—люди земные—не имѣли бы этой возможности, если бы прежде вѣкъ не была предуготована намъ во Христѣ надежда жизни и спасенія. Итакъ Слово, нисходя въ плоть нашу, и въ ней созидаемое началомъ путей *въ дѣла Своя*, такъ какъ, по сказанному, въ Немъ было Отчее изволеніе, справедливо полагается въ основаніе *прежде вѣкъ*, прежде нежели создана земля, *прежде неже горамъ водрузитися, прежде неже произыти источ-*

никомъ, чтобы и тогда, какъ при скончаніи настоящаго вѣка мимоидутъ земля и горы и всѣ образы видимаго, не обветшали мы подобно всему этому, но и послѣ того могли еще жить, имѣя въ самомъ Словѣ, по избранію, прежде сего уготованныя намъ жизнь и духовное благословеніе. Такимъ образомъ, возможно не временную только имѣть жизнь, но и послѣ всего этого пребывать, живя во Христѣ; потому что и прежде сего жизнь наша была основана и уготована во Христѣ Иисусѣ.

77) Да и неприлично было бы нашей жизни быть основанною въ иномъ, а не въ сущемъ *прежде вѣка* Господѣ, *Имже и вѣки* сотворены (Евр. 1, 2). По велику жизнь наша въ Немъ, то и намъ возможно наслѣдовать жизнь вѣчную; потому что Богъ благъ, и какъ всегда благій, благоизволилъ сіе, зная, что немощная природа наша имѣетъ нужду въ Его помощи и спасеніи. И какъ мудрый какой зодчій, предполагая построить домъ, имѣетъ уже въ мысли опять обновить эготъ домъ, если онъ по построеніи прійдетъ современемъ въ ветхость, и съ этою мыслию заготовляетъ и отдаетъ трудящимся въ постройкѣ все нужное для обновленія, и предуготовленіе къ обновленію предшествуетъ самому дому: такъ прежде еще насъ полагается во Христѣ основаніе обновленію нашего спасенія, чтобы въ Немъ могли мы быть возсозданы. И сей совѣтъ, сіе преднамѣреніе уготованы прежде вѣка; дѣло же совершилось, когда потребовала нужда, и пришелъ Спаситель. Ибо самъ Господь все замѣнитъ намъ Собою на небесахъ, приѣмля насъ въ вѣчную жизнь.

Хотя и этого достаточно въ доказательство, что Божіе Слово—не тварь, и что въ этомъ изреченіи заключается правый смыслъ; однакоже, поелику изъясняемое реченіе имѣетъ и во всѣхъ отношеніяхъ правый же смыслъ, то слѣдуетъ указать и этотъ

смысль. И сии неразумные устыдятся, можетъ быть, многихъ доводовъ. Но для этого опять нужно припомнить сказанное прежде, потому что дѣло идетъ о той же притчѣ и о той же Премудрости. Слово не сказало о Себѣ, что Оно — по естеству тварь, но говорить въ Притчахъ: *Господь созда Мя*. И очевидно, что это означаетъ мысль, не явно выраженную, но прикровенную, которую впрочемъ и намъ можно отыскать, если снимемъ покрывало съ притчи. Кто же, слыша, что Зиждителя Премудрость говорить о Себѣ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, не станетъ тотчасъ доискиваться смысла, рассуждая такъ: можетъ ли быть создана Премудрость зиждущая? Кто, услышавъ, что единородный Божій Сынъ именуетъ Себя созданнымъ началомъ путей, не станетъ допытываться значенія, дивясь, какъ можетъ единородный Сынъ содѣлаться началомъ иныхъ многихъ? Это—загадка; но сказано: *разумный уразумѣетъ притчу и темное слово, реченія же премудрыхъ и гаданія* (Притч. 1, 6).

78) Хотя единородная и источная Божія Премудрость все творить и зиждетъ; ибо сказано: *вся Премудростію сотворилъ еси; и: исполнися земля твари Твоя* (Псал. 103, 24): однакоже, чтобы созданное не только имѣло бытіе, но и благобытіе, Богъ благоволилъ, чтобы Премудрость Его снизошла къ тварямъ, чтобы во всѣхъ вообще тваряхъ и въ каждой порознь были положены нѣкій отпечатокъ и подобіе Его образа, и чтобы приведенное въ бытіе оказалось и премудрымъ и достойнымъ Бога дѣломъ. Ибо какъ слово наше есть образъ истаго Слова—Божія Сына, такъ опять образъ истой Божіей Премудрости есть являемая въ насъ мудрость, въ которой имѣя силу вѣдѣнія и мышленія, дѣлаемся удобопріемлющими зиждительную Премудрость, и чрезъ Нее приходимъ въ состояніе познавать Отца Ея. Ибо сказано: кто

имѣть въ себѣ Сына, тотъ имѣть и Отца (1 Іоан. 2, 23). *Иже приѣмлетъ Мене, приѣмлетъ Пославшаго Мя* (Матѣ. 10, 40). Поелику же въ насъ и во всѣхъ дѣлахъ есть таковой отпечатокъ созданной премудрости, то истинная и зиждительная Премудрость, восприѣмля на Себя принадлежащее отпечатку Ея, справедливо говоритъ о Себѣ: *Господь созда Мя въ дѣла Своя*. Что сказала бы сущая въ насъ премудрость, то самъ Господь именуется какбы Своимъ. И хотя Онъ, какъ Творецъ, несозданъ, однакоже, по причинѣ созданнаго образа Своего въ дѣлахъ, говоритъ это какбы о Себѣ. И какъ самъ Господь изрекъ: *иже васъ приѣмлетъ, Мене приѣмлетъ* (Матѣ. 10, 40), потому что въ насъ есть Его отпечатокъ; такъ, не будучи въ числѣ созидаемыхъ, поелику созидается образъ и отпечатокъ Его въ дѣлахъ, какбы самъ Онъ былъ этимъ образомъ, говоритъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*. Отпечатокъ же Премудрости положенъ въ дѣлахъ, какъ сказалъ я, чтобы міръ позналъ въ Премудрости Зиждителя своего—Слово, а чрезъ Слово—Отца. И сіе-то самое сказалъ Павелъ: *зане разумное Божіе явѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть* (Рим. 1, 19. 20). Посему-то Слово въ сущности не есть тварь, сказанное же въ Притчахъ относится къ премудрости въ насъ сущей и именуемой.

79) Если же и этому не вѣрятъ, то пусть сами скажутъ намъ: есть ли въ тваряхъ какая премудрость, или нѣтъ? Ежели нѣтъ, то почему же обвиняетъ Апостоль, говоря: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога* (1 Кор. 1, 21)? Или, ежели нѣтъ премудрости; то почему въ Писаніи встрѣчается *множество премудрыхъ* (Притч. 6, 26)? Ибо и *премудръ убоявся уклонится зла* (Притч.

14, 16) и: *съ премудростію зиждется домъ* (Притч. 24, 3). И Екклесіастъ говоритъ: *мудрость чловѣка просвѣтитъ лице Его* (Еккл. 8, 1), и безразсудныхъ укоряетъ, говоря: *да не речеши, что бысть, яко днѣе прѣжднѣи бѣша блази паче сихъ? яко не въ мудрости вопросилъ еси о семъ* (Еккл. 7, 11). А если, какъ говоритъ о премудрости и Сирахъ, *излія ю на вся дѣла Своя, со всякою плотію по даянію Своему, и дарова ю любящимъ Его* (Сирах. 1, 10); таковое же изліяніе есть признакъ сущности не Премудрости источной и единородной, но премудрости изобразившейся въ мірѣ: чтò невѣроятнаго, если сія зиждительная и истинная Премудрость, отпечаткомъ Которой являются изліянная въ мірѣ премудрость и знаніе, по сказанному выше, какбы о Себѣ самой говоритъ: *Господь созда Мя въ дѣла Своя?* Ибо въ мірѣ не зиждущая Премудрость, но созидаемая въ дѣлахъ, по которой *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь* (Псал. 18, 2). Но если люди вмѣстятъ въ себѣ и эту премудрость, то познають истинную Божію Премудрость, познають, что подлинно сотворены они по образу Божію. Если царскій сынъ, когда отцу угодно стало построить городъ, на каждомъ выводимомъ зданіи станетъ надписывать свое имя, какъ для безопасности, чтобы, по причинѣ на каждомъ зданіи начертаннаго имени его, сохранились самыя зданія, такъ и для того, чтобы по имени могли помнить о немъ и объ отцѣ его; по совершеніи же города спросятъ его: *каково построень городъ, а онъ отвѣтитъ: надежно,—* потому что, по изволенію отца, изображенъ я на каждомъ зданіи, и имя мое создано въ этихъ зданіяхъ; то, говоря это, будетъ онъ разумѣть не свою созданную сущность, но свой отпечатлѣнный въ имени образъ. Такъ, по подобію съ представленнымъ примѣромъ, удивляющимся премудро-

сти въ тваряхъ отвѣтствуетъ истинная Премудрость: „*Господь созда Мя въ дѣла*; потому что Мой въ нихъ образъ, и до такой степени снизошла Я въ дѣла творенія“.

80) Не должно также дивиться, если Сынъ о Своемъ образѣ въ насъ говоритъ какъ о Себѣ. Господь нѣкогда (не утомимся повторять одно и тоже) и Савлу, гнавшему тогда Церковь, на которой былъ Его отпечатокъ и образъ, какъ-будто гонимъ былъ Самъ, сказалъ: *Савле, что Мя гонили* (Дѣян. 9, 4)? Поэтому, еслибы, какъ сказано, сей отпечатокъ премудрости, сущій въ дѣлахъ, сказалъ: *Господь созда Мя въ дѣла*; то никто не удивился бы тому. Такъ, если и сама истинная и зиждительная Премудрость — Единородное Божіе Слово, чѣмъ свойственно образу Ея, то говоритъ какбы о Себѣ: *Господь созда Мя въ дѣла*, — никто не долженъ, оставляя премудрость внѣдренную въ міръ и въ дѣлахъ, думать, что „созда“ сказано о сущности Премудрости источной; иначе, мѣшая вино съ водою, окрадетъ онъ истину; потому что источная Премудрость есть творящая и зиждительная; а отпечатокъ Ея внѣдряется въ дѣла, какъ образъ образа. Называетъ же ее Слово началомъ путей, потому что таковая премудрость дѣлается нѣкимъ началомъ и какбы начатками боговѣдѣнія. По ея первоначальному руководству чловѣкъ, какбы вступивъ на путь, и, охраняя ее страхомъ Божиимъ, какъ сказалъ Соломонъ: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7), а потомъ восходя мыслию и уразумѣвъ зиждительную въ твари Премудрость, уразумѣетъ въ ней и Отца Ея, какъ сказалъ самъ Господь: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), и какъ пишетъ Іоаннъ: *исповѣдаю Сина, и Отца иматъ* (1 Іоан. 2, 23). Говоритъ же: *прежде вѣкъ основа Мя*, потому что дѣла неизблемо и вѣчно пребываютъ утвержденными въ образѣ сей Премудрости. И по-

томъ, чтобы, слыша объ этой въ дѣлахъ созданной премудрости, не подумалъ кто, что истинная Премудрость—Божій Сынъ есть тварь по естеству, по необходимости присовокупляетъ: прежде горъ, прежде земли, прежде водъ, и *прежде всѣхъ холмовъ рождаеть Мя* (Притч. 8, 25), чтобы, сказавъ: прежде всей твари (такъ какъ въ предыдущихъ словахъ изображена вся тварь), показать тѣмъ, что Премудрость по сущности не создана вмѣстѣ съ дѣлами. Ибо, если создана въ дѣла и предшествуетъ дѣламъ, то явно, что предшествуетъ и самому созданію. А поэтому по естеству и по сущности Она—не тварь, но, какъ присовокупляетъ Слово, есть рожденіе. А чѣмъ различаются, или сколько далеки между собою, по естеству тварь и рожденіе, это объяснено выше.

81) Поелику же Премудрость присовокупляетъ: *егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ* (Притч. 8, 27); то надобно знать, что говорить это не въ томъ смыслѣ, будто бы Отецъ не чрезъ Нее уготовляетъ небо, или горнія облака. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что все создано Премудростію, и безъ Нея *ничтоже бысть*. Напротивъ того, Премудрость говоритъ: „Все получило бытіе Мною и чрезъ Меня. Поелику же потребно внѣдрить премудрость въ дѣлахъ; то, хотя по сущности пребывала Я со Отцемъ, однакоже, по снисхожденію къ тварямъ отпечатлѣвала Свой образъ въ дѣлахъ примѣнительно къ нимъ, чтобы цѣлый міръ былъ, какбы единое тѣло, не въ разладѣ, но въ согласіи съ самимъ собою“. Посему всѣ тѣ, которые, по данной имъ премудрости, правымъ умомъ взираютъ на тварей, въ-состояніи и сами сказать: *учиненіемъ Твоимъ все пребываетъ* (Псал. 118, 91). А которые вознегодѣли объ этомъ, тѣ услышатъ: *глаголющия быти мудри обьяродѣша: зане разумное Божіе явѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра творенми по-*

мысляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безответнымъ. За неже разумѣше Бога, не яко Бога прославиша, но послуживша твари паче Создавшаго все, Иже есть благословенъ во вѣки, аминь (Римл. 1, 19 — 25). И они постыдятся, слыша это, *понеже бо, по изъясненному, въ премудрости Божіей не разумѣ мѣръ премудростию Бога; благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 21). Богъ благоизволилъ, чтобы познавали Его, уже не какъ въ прежнее время, не чрезъ образъ и сѣнь Премудрости, содѣлавъ же, что сама истинная Премудрость пріяла на Себя плоть, стала человѣкомъ, претерпѣла крестную смерть, чтобы наконецъ всѣ вѣрующіе могли спастись вѣрою въ сіе. И это есть та Божія Премудрость, Которая первоначально являла Себя, а чрезъ Себя и Отца Своего посредствомъ образа Своего въ тваряхъ (по которому и называется созидаемою); впослѣдствіи же эта Премудрость, то - есть Слово, *плоть бысть*, какъ сказалъ Іоаннъ, и послѣ того, какъ привела въ бездѣйствіе смерть и спасла родъ нашъ, еще полнѣе открыла Себя, а чрезъ Себя и Отца Своего, говоря: *дай имъ, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17, 3).

82) И вся земля исполнилась вѣдѣнія Его. Ибо одно вѣдѣніе объ Отцѣ — чрезъ Сына, и о Сынѣ — отъ Отца, и радуется о семъ Отецъ, и тою же радостію веселится Сынъ во Отцѣ, говоря: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его* (Притч. 8, 30). Это опять показываетъ, что Сынъ не чуждъ Отчей сущности, но собственно ей принадлежитъ. Ибо вотъ не насъ ради получилъ бытіе, какъ говорятъ нечестивые, и Онъ вовсе не изъ не-сущихъ; Богъ не внѣ Себя приобрѣлъ виновника радости, напротивъ того, сказанное служитъ призна-

комъ собственности и подобія. Посему, было ли когда, чтобы не радовался Отецъ? А если всегда радовался, то всегда было, о чемъ радовался. О чемъ же радуется Отецъ,—не о томъ ли, что видитъ Себя въ собственномъ Своемъ образѣ, который есть Слово Его? Если же *и о сынѣхъ человѣческихъ веселяшеся, совершивъ вселенную*, какъ написано въ тѣхъ же Притчахъ (8, 32); то и это имѣетъ тотъ-же смыслъ. Ибо и въ этомъ случаѣ веселился не по причинѣ прибывшей у Него радости, но потому что снова видитъ дѣла творимыя по образу Его; почему и здѣсь предлогомъ къ радости служить Богу Образъ Его. О чемъ и Сынъ веселится,—не о томъ ли, что видитъ Себя во Отцѣ? Ибо это тоже значить, что и сказанное: *видѣвый Мене, видѣ Отца*; и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 9. 10).

Итакъ, изъ всего открывається, что суетна похвала ваша, христорборцы, что напрасно торжествовали и возглашали вы повсюду это: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, перетолковывая смыслъ этого изреченія, лучше же сказать, передавая свой вымысль, а не Соломонову мысль. Ибо вотъ доказано, что мудрованіе ваше есть одна мечта. Изреченіе же Притчей и все выше сказанное доказываетъ, что Сынъ по естеству и по сущности — не тварь, но собственное Отчее рожденіе, Премудрость и истинное Слово, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть*.

18.

На Аріанъ слово третіе.

1) Аріане, какъ видно, однажды рѣшившись быть отступниками и противниками истины, упорно домогаются, чтобы къ нимъ относилось написанное: *егда*

придетъ нечестивый во глубину золь, не радитъ (Притч. 18, 3). Обличаемые не успокоиваются, приведенные въ затрудненіе не чувствуютъ стыда, но какъ *лице жены блудницы*, не хотятъ *постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. 3, 3) въ своихъ нечестіяхъ. Поелику изреченія, которыя выставляють они на видъ: *Господь созда Мя* (Прит. 8, 22), и: *лучшій бывъ Ангеловъ* (Евр. 1, 4), и: *первородный* (Рим. 8, 29), и: *вѣрна суща сотворшему Его* (Евр. 3, 2), имѣють правый смыслъ и показываютъ благочестивое вѣрованіе во Христа; то они (не знаю, почему), снова, какъ напоенные змѣинымъ ядомъ, не видя того, что должно видѣть, не понимая того, что читають, изрыгнувъ изъ глубины нечестиваго сердца своего, начали уже порицать сказанное Господомъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10), говоря: „какъ можетъ вмѣщаться и Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ? Или вообще, какъ можетъ Отецъ, Который больше, вмѣщаться въ Сынѣ, Который меньше? Или, что удивительнаго, если Сынъ во Отцѣ, когда и о насъ написано: въ *Немъ живемъ. и движемся, и есмь*“ (Дѣян. 17, 28)?

Они впадаютъ въ это вслѣдствіе своего злоумія, думая, что Богъ есть тѣло, и не понимая, что такое истинный Отецъ и истинный Сынъ, что такое невидимый и вѣчный Свѣтъ и невидимое Сіяніе Его, что такое невидимая *ὑπόστασις*, безплотное начертаніе (*ἡρακτῆρ ἀσώματος*) и безплотный Образъ. А если бы знали, то не стали бы осмѣивать и хулить Господа славы, и безплотное понимая тѣлесно, перетолковывать сказанное въ добромъ значеніи. Слыша это, достаточно было бы знать, что говоритъ Господь, и вѣровать; ибо вѣра въ простотѣ лучше излишнихъ словопреній. Но поелику вознамѣрились они къ утвержденію своей ереси ругаться и надъ симъ, то необходимо обличить ихъ злоуміе, и для огражденія вѣрныхъ показать истинный смыслъ.

Слова: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*, не означаютъ, какъ думаютъ еретики, будто бы Они одинъ въ другаго перемѣщаются, подобно пустымъ сосудамъ наполняемые другъ другомъ, такъ что Сынъ наполняетъ пустоту въ Отцѣ, а Отецъ наполняетъ пустоту въ Сынѣ, каждый же изъ Нихъ неполонъ и несовершенъ. Ибо это свойственно тѣламъ, потому даже и говорить это совершенно нечестиво. Отецъ полонъ и совершенъ, и Сынъ есть полнота Божества. И еще, Богъ въ Сынѣ не такъ, какъ бываетъ Онъ во святыхъ, сообщая имъ крѣпость; потому что Сынъ есть Отчая сила и Премудрость. Существа созданныя освящаются Духомъ чрезъ общеніе съ Сыномъ; а самъ Сынъ не по причастію Сынъ, но есть собственное рожденіе Отца. И еще, не въ такомъ смыслѣ Сынъ во Отцѣ, въ какомъ мы въ *Немъ живемъ, и движемся, и есмь*; потому что Сынъ есть, какъ изъ источника, изъ Отца льющаяся жизнь, которою все животворится и существуетъ. А жизнь живетъ не другою жизнію, иначе— не была бы она и жизнь; напротивъ же того, самъ Сынъ все раждаетъ въ жизнь.

2) Посмотримъ же, что говоритъ защитникъ ереси, софистъ Астерій; ибо онъ, соревнуя въ этомъ иудеямъ, написалъ слѣдующее: „явно, что и Себя наименовалъ во Отцѣ, и также Отца въ Себѣ, означая тѣмъ, что и слово, Имъ преподаваемое, есть не Его, но Отчее, и дѣла суть не Его собственные, но Отца, давшаго Ему силу“. Но если бы сказалъ это просто отрокъ, то было бы ему извинительно по возрасту. Поелику же написавшій это есть, такъ называемый, софистъ, возвѣщающій о себѣ, что знаетъ все; то такого достоинъ онъ осужденія? И не показываетъ ли себя чуждымъ Апостолу, превозносясь *препретельными словесами премудрости* (1 Кор. 2, 4), и думая, что можетъ обольстить ими, когда самъ не понимаетъ, что говоритъ и о чемъ спорить? Что

Сынъ наименовалъ свойственнымъ и приличнымъ одному Сыну, какъ Слово и Премудрости и образу Отчей сущности, то Астерій относитъ ко всѣмъ тварямъ, и дѣлаетъ общимъ и Сыну и тварямъ. Этотъ беззаконникъ говоритъ о силѣ Отца, будто бы она пріемлетъ въ себя силу, чтобы, по своему злочестію, можно было съ послѣдовательностію сказать ему, что Сынъ усыновленъ въ сынѣ, и Слово пріяло власть слова. И онъ не хочетъ еще согласиться, что это сказано Сыномъ, какъ Сыномъ, но и Его, какъ научившагося сему, ставитъ въ одинъ рядъ со всѣми созданіями.

Если Спаситель сказалъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*, не потому, что произнесенныя Имъ слова суть слова Сына, но потому, что это суть слова и дѣла Отца; то и Давидъ говоритъ: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ* (Псал. 84, 9); и Соломонъ: *моя словеса рекошася отъ Бога* (Притч. 31, 1). И Моисей былъ служителемъ словесъ, изреченныхъ Богомъ; и каждый Пророкъ говорилъ не отъ себя, но отъ Бога: *сице глаголетъ Господь*; и дѣла, какія совершали святые, называли они не своими, но приписывали Богу, подавшему силу. Такъ, Илія и Елисей призывали Бога, чтобы Онъ воскресилъ мертвецовъ. Нееману, очистивъ его отъ проказы, говоритъ Елисей, да разумѣешь, что есть Богъ во израили; и самъ Самуиль во дни жатвы молился Богу, чтобы далъ дождь; и Апостолы говорили, что творятъ знаменія не своею силою, но по благодати Господа. Изъ сего явствуетъ, что это изреченіе могло бы для всѣхъ быть общимъ, и каждый, подобно Спасителю, могъ бы сказать: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. И потому, уже не одинъ Онъ есть Сынъ Божій, Слово и Премудрость, а только въ числѣ многихъ.

3) Но если бы въ такомъ смыслѣ говорилъ Господь, то надлежало бы Ему сказать не такъ: *Азъ во Отца*

и Отецъ во Мнѣ, но лучше: и Я во Отцѣ, также Отецъ и во Мнѣ, чтобы показывало сіе не собственное и исключительное отношеніе Его ко Отцу, какъ Сына, но общую Ему со всѣми благодать. Но не такъ сказано, какъ думаютъ еретики. Не признавая, что Онъ есть преискренній Сынъ отъ Отца, клеветуютъ они на преискренняго Сына, Которому одному приличествуетъ о Себѣ сказать: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*. Сынъ во Отцѣ, сколько сіе можно постигать, потому что всецѣлое бытіе Сына собственно принадлежитъ Отчей сущности; Сынъ отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта, какъ потокъ изъ источника. Посему, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отцу. Такъ, бытіе Сына, будучи отъ Отца, и есть во Отцѣ. И Отецъ въ Сынѣ. Ибо что собственно отъ Отца, то есть Сынъ. Онъ въ Сынѣ, какъ въ сіяніи солнце, какъ въ словѣ умъ, какъ въ потокѣ источникъ. Такимъ образомъ, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отчей сущности; потому что Отецъ въ Сынѣ. Поелику бытіе Сына есть Отчій образъ и Отчее Божество; то слѣдуетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. Поэтому, Спаситель справедливо, сказавъ прежде: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30), присовокупилъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, чтобы показать тождество Божества и единство сущности.

4) Они едино не въ томъ смыслѣ, что одно раздѣлено на двѣ части, которыя изъ себя составляютъ одно; и не въ томъ смыслѣ, что одно поименовано дважды, такъ что одинъ и тотъ же иногда есть Отецъ, а иногда Сынъ самого Себя; такъ думавшій Савеллій признанъ еретикомъ. Напротивъ того, два суть по числу; потому что Отецъ есть Отецъ, и не Онъ же есть Сынъ, и Сынъ есть Сынъ, и не Онъ же есть Отецъ: но естество одно; потому что Рожденіе

не неподобно Родившему, и есть Его образъ, и все, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну. Поэтому, Сынъ есть не другой Богъ; ибо не совнѣ примышленъ. Иначе, безъ сомнѣнія, было бы много боговъ, если бы примышлено было чуждое Божество, кромѣ Божества Отчаго. Если Сынъ есть иное, какъ рожденіе; то Онъ тѣже самое, какъ Богъ. Онъ и Отецъ суть едино, какъ сказано, по свойственности и сродственности естества, и по тождеству единого Божества. Ибо и сіяніе есть свѣтъ, а не второе что по солнцѣ, не иной свѣтъ, не свѣтъ по причастию свѣта, но всецѣлое собственное его порожденіе. Такое же порожденіе по необходимости есть единый свѣтъ, и никто не скажетъ, что это суть два свѣта; но хотя солнце и сіяніе суть два; однакоже, одинъ отъ солнца свѣтъ, въ сіяніи свѣтящій повсюду. Такъ и Божество Сына есть Божество Отца; а потому оно и нераздѣльно; и такимъ образомъ, единъ Богъ, и нѣтъ иного кромѣ Его.

Поелику Они едино, и Божество одно и тѣже; то, кромѣ наименованія: Отецъ, тѣже самое сказывается о Сынѣ, что сказывается объ Отцѣ; такъ на примѣръ, Сынъ именуется Богомъ: *и Богъ бѣ Слово*,—Вседержителемъ: *сія глаголетъ Иже бѣ, и сый, и грядый, Вседержитель* (Апок. 1, 8),—Господомъ: *единъ Господь Иисусъ Христосъ* (1 Кор. 8, 6). Говорится, что Сынъ есть свѣтъ: *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. 8, 12);—изглаждаетъ грѣхи: *но да увѣсте*, сказано, *яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. 5, 24). А найдешь и многое иное. Ибо самъ Сынъ говоритъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. 16, 15), и опять: *Моя Твоя суть* (Іоан. 17, 10).

5) Кто слышитъ, что свойственное Отцу сказывается о Сынѣ, тотъ и чрезъ сіе узритъ Отца въ Сынѣ; узритъ же и Сына во Отцѣ, когда сказуемое о Сынѣ сказывается также и объ Отцѣ. Почему же о Сынѣ ска-

зуются свойственное Отцу? Не потому ли, что Сынъ есть Отчее рожденіе? Почему же и свойственное Сыну принадлежитъ Отцу? Не потому ли опять, что Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности? Будучи же собственнымъ рожденіемъ Отчей сущности, Сынъ справедливо именуется Своимъ принадлежащее Отцу.

Посему, прилично и согласно съ сказаннымъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, присовокупилъ: *да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, а прежде сего сказалъ еще: *видѣвши Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). И въ этихъ трехъ изреченіяхъ одинъ и тотъ же смыслъ. Такимъ образомъ, кто уразумѣлъ, что Сынъ и Отецъ едино суть, тотъ знаетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; потому что Божество Сына есть Божество Отца, и Оно то-же въ Сынѣ. И кто постигъ сіе, тотъ вѣруетъ, что *видѣвши Сына, видѣ Отца*; потому что въ Сынѣ созерцается Божество Отца.

Это же ближе иной можетъ усмотрѣть въ подобіи царскаго изображенія; потому что въ изображеніи есть видъ и образъ царя, а въ царѣ есть видъ представленнаго въ изображеніи; представленное въ изображеніи подобіе царя неотлично отъ него; почему, кто смотритъ на изображеніе, тотъ видитъ въ немъ царя, и наоборотъ, кто смотритъ на царя, тотъ узнаетъ, что онъ представленъ въ изображеніи. А по сему безразличію подобія, желающему послѣ изображенія видѣть царя изображеніе можетъ сказать: „Я и царь—одно и то-же; я въ немъ, и онъ во мнѣ. Чтò видишь во мнѣ, то усмотришь и въ немъ; и чтò видѣлъ ты въ немъ, то усмотришь во мнѣ“. Посему, кто покланяется изображенію, тотъ покланяется въ немъ царю; потому что изображеніе есть его образъ и видъ. Такъ, поелику Сынъ есть образъ Отца, то необходимо представлять себѣ, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытіе Сына. Это - то и значить: *Иже во образъ Божіи сый, и—Отецъ во Мнѣ*.

6) И не отчасти только образъ Божества, но полнота Отчаго Божества есть бытіе Сына, и Сынъ есть всецѣлый Богъ. Посему, равенъ будучи Богу, *не восхищеніемъ нещевя быти равенъ Богу* (Фил. 2, 6). И еще, поелику Божество и образъ Сына принадлежатъ не иному кому, но Отцу; то сіе и значитъ сказанное: *Азъ во Отцѣ*. Такъ, *Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ* (2 Кор. 5, 19). Ибо Сынъ есть собственность Отчей сущности, въ Немъ тварь примиряется съ Богомъ. Такъ, что совершилъ Сынъ, все то есть дѣла Отца. Ибо Сынъ есть образъ Отчаго Божества. Которое совершило дѣла. Такъ, кто взираетъ на Сына, тотъ видитъ Отца; ибо въ Отчемъ Божествѣ и есть и созерцается Сынъ, и Отчій образъ въ Сынѣ показываетъ въ Немъ Отца, и такимъ образомъ, Отецъ въ Сынѣ. А свойственное Отцу и Божество въ Сынѣ показываетъ Сына въ Отцѣ и то, что Сынъ всегда не-отдѣленъ отъ Отца. И кто сказуемое объ Отцѣ слышитъ, или видитъ, какъ сказуемое также и о Сынѣ, не въ томъ смыслѣ, что по благодати, или по причастию, привзошло сіе въ сущность Сына, но въ томъ, что самое бытіе Сына есть собственное рожденіе Отчей сущности, тотъ, по замѣченному выше, хорошо пойметъ сказанное: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*; и: *Азъ и Отецъ едино есма*. Сынъ таковъ же, каковъ и Отецъ, потому что имѣетъ все, что свойственно Отцу, потому и подразумѣвается съ именемъ Отца; никто не наименоуетъ Отцемъ, когда нѣтъ Сына. Называющій Бога Творцемъ не означаетъ этимъ непременно и сотвореннаго, потому что Творецъ прежде тварей; но кто именуетъ Бога Отцемъ, тотъ вмѣстѣ со Отцемъ даетъ разумѣть и о существованіи Сына. Посему, кто вѣруетъ въ Сына, тотъ вѣруетъ во Отца; потому что вѣруетъ въ свойственное Отчей сущности. И такимъ образомъ, одна есть вѣра во единого Бога. Кто поклоняется Сыну и чтитъ Его, тотъ въ

Сынъ покланяется Отцу и чтить Отца; потому что Божество едино. Посему, единая честь и единое поклоненіе, именно то, которое въ Сынъ, и чрезъ Него воздается Отцу; и покланяющійся такъ покланяется единому Богу, потому что Богъ единъ, и нѣтъ иного кромѣ Его.

Посему, когда одинъ Отецъ именуется Богомъ, и говорится, что Богъ единъ: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. 32, 39), и: *Азъ первый и Азъ по сихъ* (Исаи 44, 6); тогда говорится это прекрасно, потому что единъ есть Богъ, единственный и первый. Но говорится это не въ отрицаніе Сына. Да не будетъ сего! Ибо и Онъ въ единомъ, и первомъ, и единственномъ, какъ единственное Слово единаго и перваго и единственнаго, Его Премудрость и сіяніе. Но и самъ Онъ есть первый и исполненіе перваго и единаго Божества, всецѣлый и совершенный Богъ. Слѣдовательно, не ради Его говорится это, но показываетъ, что нѣтъ другаго такого же, каковъ Отецъ, и каково Его Слово. И этотъ смыслъ пророческихъ словъ всѣмъ явенъ и очевиденъ.

7) Но нечестивые, и это выставляя на видъ, хулятъ Господа и насъ укоряютъ, говоря: „вотъ Богъ называется единымъ, единственнымъ и первымъ; какъ же говорите вы, что Сынъ есть Богъ? Если бы и Сынъ былъ Богъ, то не сказалъ бы самъ Богъ: Я единственный, или: Богъ есть единъ“. Посему, необходимо, сколько можно, объяснить смыслъ и этихъ изреченій, чтобы и изъ этого всѣ уразумѣли, что аріане подлинно богоборцы.

Ежели у Сына есть соперничество со Отцемъ, то пусть слышатъ такія слова. Или, если, какъ Давидъ выслушалъ объ Адоніи и Авессаломѣ, такъ и Отецъ взираетъ на Сына; то пусть самъ къ Себѣ говоритъ и произноситъ такія Слова, чтобы

Сынъ, именуя Себя Богомъ, не отвлекъ иныхъ отъ Отца. Если же кто знаетъ Сына, тотъ лучше знаетъ Отца, потому что самъ Сынъ открываетъ ему Отца, и онъ, какъ сказано, лучше узритъ Отца въ Словѣ; Сынъ же, пришедши, прославлялъ не Себя, но Отца, когда говорилъ *приступлишему* къ Нему: *что Мя глаголеши блага? Никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Матѣ. 19, 17), и *вопросившему: кака заповѣдь больша есть въ законѣ* (Матѣ. 22, 36)? *отвѣчалъ: слыши израиллю, Господь Богъ твой Господь единъ есть* (Марк. 12, 29); и народу говорилъ: *сидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославаго Мя Отца* (Іоан. 6, 38), и учениковъ училъ: *Отець Мой болій Мене есть* (Іоан. 14, 28), и: *кто чтитъ Меня, чтитъ Пославаго Меня* (Іоан. 5, 23); если, говорю, Сынъ таковъ къ Своему Отцу: то какое противленіе между Ними, чтобы изъ подобныхъ изреченій вывести такое подозрѣніе? Съ другой стороны, если Сынъ есть Отчее Слово, то у кого, кромѣ христорборцевъ, станетъ безразсудства думать, что Богъ изглаголъ такія слова въ оклеветаніе и отрицаніе Слова Своего? Это не христіанская мысль. Да не будетъ сего! Не ради Сына написано это, но въ изложеніе измышленныхъ людьми лжеименныхъ боговъ. И этотъ смыслъ таковыхъ реченій имѣетъ основательную причину.

8) Поелику преданные лжеименнымъ богамъ уклоняются отъ Бога истиннаго, то, какъ благій и благопечительный о людяхъ, Богъ, взывая къ заблудшимъ, говоритъ: *Азъ есмь Богъ единъ*, и: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. 32, 39), и подобными сему словами, чтобы посрамить не-сущее, всѣхъ же обратить къ Себѣ. И какъ, если бы кто среди дня и при сіяніи солнца написалъ просто дерево, неимѣющее въ себѣ призрака свѣта, и сказалъ бы, что это изображеніе есть причина свѣта; солнце же, смотря

на это, скажетъ: „я одно составляю дневной свѣтъ, и нѣтъ другаго дневнаго свѣта кромѣ меня“; то оно скажетъ это, имѣя въ виду не свое сіяніе, но обманъ, производимый изображеніемъ дерева и несходствомъ пустаго начертанія. Такъ и изреченія: *Азъ есмь*, и: *Азъ есмь Богъ единъ, и нѣтъ равъ Мене*—сказаны для отвращенія людей отъ боговъ лжеименныхъ, и въ наученіе ихъ познать наконецъ истиннаго Бога. Безъ сомнѣнія, Богъ, говоря это, изрекъ чрезъ Слово Свое, развѣ нынѣшніе іудеи присовокупятъ и то, что не чрезъ Слово глаголаъ это Богъ. Но хотя и бѣснуются эти чада діавола,—такъ сказано въ Писаніи. Ибо слово Господне было къ Пророку, и онъ слышалъ это. Если же Господне было Слово и чрезъ Слово изрекъ это Господь; а что говоритъ и дѣлаетъ Богъ, не иначе говоритъ и дѣлаетъ, какъ въ Словѣ,—то конечно, богоборцы, не ради Его сказано это, но по причинѣ чуждыхъ и не-сущихъ отъ Него. Ибо и по сказанному выше подобію, если бы солнце произнесло означенныя прежде слова, то, не внѣ имѣя свое сіяніе, но въ сіяніи являя свѣтъ свой, стало бы обличать заблужденіе, и говорить сказанное. Слѣдовательно, не въ отрицаніе Сына и не ради Его употреблены таковыя изреченія, но въ низложеніе лжи.

Богъ не говорилъ такихъ словъ вначалѣ Адаму, хотя съ Нимъ было Слово, Которымъ *вся быша*. Тогда не было нужды, потому что не было идоловъ. Когда же люди возстали противъ истины и наименовали себѣ, какихъ хотѣли, боговъ; тогда настала нужда въ подобныхъ реченіяхъ къ низложенію не-сущихъ боговъ. А я бы присовокупилъ, что подобныя изреченія напередъ сказаны къ вразумленію безразсудства христорборцевъ, дабы знали, что вымышляемый ими внѣ Отчей сущности богъ не есть истинный, не есть образъ и сынъ единственнаго и перваго Бога.

9) Посему, если Отецъ именуется единственнымъ истиннымъ Богомъ, то говорится это не въ отрицаніе Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), но опять въ отверженіе не-имѣющихъ свойства быть истинными, какъ Отецъ и какъ Слово Его. Ибо и самъ Господь непосредственно присовокупилъ: *и Егоже послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). А если бы Онъ былъ тварь, то не присоединилъ и не причислилъ бы Себя къ Сотворшему Его. Ибо какое общеніе у истиннаго съ не-истиннымъ? Теперь же присоединивъ Себя къ Отцу, показалъ тѣмъ, что Отчаго Онъ естества, и далъ намъ разумѣть, что истинное Онъ рожденіе истиннаго Отца. Уразумѣвъ это, и Іоаннъ научилъ насъ, пиша въ Посланіи: *И да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. 5, 20). И поелику о твари Пророкъ говоритъ: *прострый единъ небо* (Іов. 9, 8), и самъ Богъ: *Азъ распрострохъ небо единъ* (Исаи 44, 24); то всякому сдѣлалось явно, что реченіемъ „единъ“ означается и Слово Единаго, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3). Итакъ, если тварь пришла въ бытіе Словомъ, Богъ же говоритъ: *Азъ единъ*; то вмѣстѣ съ Единымъ разумѣется и Сынъ, Которымъ сотворено и небо. Такъ, если говорится: *единъ Богъ*, и *Азъ единъ*, и *Азъ первый*, то и Слово разумѣется соприсущимъ въ единомъ, единственномъ и первомъ, какъ сіяніе во свѣтѣ. Сіе же не можетъ быть разумѣемо объ иномъ комъ, кромѣ единаго Слова; потому что все прочее изъ ничего произведено Сыномъ и далеко отстоитъ по природѣ. А самъ Сынъ по естеству отъ Отца и есть истинное рожденіе.

Поэтому, изреченіе: *Азъ первый*, которое эти неразумные думали представить въ защиту своей ереси, обличаетъ болѣе ихъ злоуміе. Богъ говоритъ: *Азъ*

первый, и Азъ по сихъ. Итакъ, если, какъ сопрячсваемый къ послѣдующимъ за Нимъ тварямъ, именуется первымъ изъ нихъ, и потому твари суть вторыя по Немъ; то, по мнѣнію вашему, и самъ Онъ будетъ превосходить тварей только однимъ временемъ. А это одно уже выше всякаго нечестія. Если въ означеніе того, что Онъ не отъ кого-либо другаго, что ничего нѣтъ прежде Его, но что самъ онъ есть начало и вина всего, и въ опроверженіе эллинскихъ басенъ сказалъ: *Азъ первый*; то явно, что при наименованіи Сына первороднымъ, не по причинѣ сопрячсленія Его къ твари называется Онъ первороднымъ, но въ показаніе того, что всѣ созидаются и усыновляются чрезъ Сына. Ибо какъ Отецъ есть первый, такъ и Сынъ, поколику Онъ—образъ Перваго и первый въ Немъ пребываетъ, есть первый же, но и рожденіе отъ Отца, и о Немъ всякая тварь создается и усыновляется.

10) Но еретики готовы и на это возражать своими баснотворными вымыслами, говоря: „не въ томъ смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино и подобны одному, въ какомъ проповѣдуетъ это Церковь, но въ какомъ намъ это угодно“. Ибо говорятъ: „поелику, чего хочетъ Отецъ, того же хочетъ и Сынъ, и не противорѣчитъ Отцу и въ велѣніяхъ и въ сужденіяхъ, напротивъ же того, во всемъ съ Нимъ согласенъ, соблюдая тождество велѣній и преподавая ученіе сообразное и тѣсно соединенное съ ученіемъ Отца; то въ этомъ смыслѣ Онъ и Отецъ едино суть“. И это нѣкоторые изъ еретиковъ осмѣлились не только говорить, но и писать. Но можно ли что сказать болѣе несообразное и неразумное? Ибо, если по сей причинѣ Сынъ и Отецъ суть едино, и въ этомъ только смыслѣ Слово подобно Отцу; то слѣдуетъ, что и Ангелы и иныя высшія насъ существа, начала, власти, престолы, господства, даже видимыя твари,

солнце, луна и звѣзды, подобно Сыну, суть также сыны, и о нихъ должно сказать, что они и Отецъ едино суть, и каждое изъ этихъ существъ есть образъ Божій и Слово Божіе. Ибо, чего хочетъ Богъ, того же хотятъ и они, не разногласяютъ ни въ сужденіяхъ, ни въ велѣніяхъ, но во всемъ покорны Сотворшему. Они не пребыли бы въ своей славі, если бы и сами не желали того, чего хочетъ Отецъ. И тому, кто не пребылъ въ этомъ согласіи, но пренебрегъ имъ, сказано: *како спаде съ небесе денница восходящая завтра* (Исаи 14, 12)? Въ такомъ же случаѣ, почему Сей одинъ есть единородный Сынъ, и Слово, и Премудрость? И почему, при такомъ множествѣ подобныхъ Отцу, Онъ одинъ есть образъ? Ибо и изъ людей найдутся многіе подобные Отцу; много мучениковъ, а прежде нихъ были Апостолы и Пророки, и еще прежде сихъ патріархи. Многіе и нынѣ соблюли заповѣдь Спасителю, содѣлавшись милосердыми, *якоже Отецъ*, Иже на небесѣхъ (Лук. 6, 36), и сохранили сказанное: *бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ* (Ефес. 5, 1. 2). Многіе содѣлались подобными Павлу, какъ и онъ Христу (1 Кор. 4, 16). Однакоже, никто изъ нихъ не есть ни Слово, ни Премудрость, ни единородный Сынъ, ни Образъ; и никто изъ нихъ не дерзнулъ сказать: *Азъ и Отецъ едино есма*, или: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*. Напротивъ того, о всѣхъ сказано: *кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Псал. 85, 8)? Или: *кто уподобится Господеву въ сыньхъ Божіихъ* (Псал. 88, 7)? О Немъ же говорится, что одинъ Сынъ есть истинный и по естеству образъ Отчій. Если и мы созданы по образу, именуемъ образомъ и славою Божіею (1 Кор. 11, 7); то опять сію благодать званія имѣемъ не сами по себѣ, но потому, что въ насъ обитаетъ образъ Божій и истин-

ная слава Божія, то-есть Слово Божіе, ради насъ содѣлавшееся на послѣдокъ плотию.

11) Поелику и такое мудрованіе еретиковъ оказывается неприличнымъ и неразумнымъ, то необходимо подобіе и единство относить къ самой сущности Сына. Если же понимать не въ томъ смыслѣ, то окажется, по сказанному, что Сынъ ничѣмъ не преимуществуетъ предъ тварями, и Онъ не будетъ подобенъ Отцу, уподобится же велѣніямъ Отца, и отличенъ будетъ отъ Отца; потому что Отецъ есть Отецъ, а велѣнія и ученіе суть Отцевы. Посему, если Сынъ подобенъ Отцу только по велѣніямъ и ученію; то, по словамъ ихъ, Отецъ будетъ Отцемъ только по имени, а Сынъ не будетъ неразственнымъ образомъ, лучше же сказать, окажется вовсе неимѣющимъ какого-либо свойства или подобія со Отцемъ. Ибо какое подобіе и свойство у того, кто отличенъ отъ Отца? И Павелъ, который учитъ подобно Спасителю, не подобенъ Ему по сущности. Посему, еретики, мудрствуя такъ, обманываются.

Сынъ и Отецъ едино суть въ томъ смыслѣ, какъ это сказано. Сынъ подобенъ Отцу и отъ самого Отца, какъ только можно разумѣть и представлять себѣ Сына въ-отношеніи къ Отцу, какъ можно разумѣть сіяніе въ-отношеніи къ солнцу. Поелику таково бытіе Сына, то, когда дѣлаетъ Сынъ, дѣлающій есть и Отецъ, и когда Сынъ приходитъ къ святымъ, входящій въ Сынѣ есть Отецъ, какъ самъ Онъ возвѣстилъ, говоря: *придемъ* Азъ и Отецъ, *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Ибо въ Образѣ созерцается Отецъ, въ сіяніи пребываетъ свѣтъ. Посему, какъ сказали мы нѣсколько выше, когда Отецъ даетъ благодать и миръ, даетъ ихъ и Сынъ, какъ выражаетъ это Павелъ, *пиша во всякомъ Посланіи: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Ибо одна и

таже благодать, подаваемая отъ Отца въ Сынѣ, какъ одинъ свѣтъ въ солнцѣ и сіяніи, и солнце свѣтитъ посредствомъ сіянія. Такъ опять, молясь о ѳессалоникійцахъ и говоря: *самъ же Богъ и Отецъ нашъ, и Господь Іисусъ Христосъ да исправитъ путь нашъ къ вамъ* (1 Сол. 3, 11), Павелъ соблюлъ единство Отца и Сына. Ибо не сказалъ: *да исправятъ*, какъ о двоякой благодати, подаваемой двоими, но: *да исправитъ*, желая показать, что Отецъ подаетъ благодать чрезъ Сына. Злочестивые еретики, хотя могли бы при этомъ почувствовать стыдъ, но не хотятъ.

12) Если бы не было единства, если Слово не собственное рожденіе отъ Отчей сущности, какъ сіяніе отъ свѣта, и Сынъ естествомъ далекъ отъ Отца; то было бы достаточно одного Отца, чтобы подавать благодать, не приобщая въ даруемомъ къ Сотворшему ни одной изъ тварей. Теперь же таковое даяніе показываетъ единство Отца и Сына. Никто не станетъ молиться о пріятіи чего-либо отъ Отца и отъ Ангеловъ, или отъ какой-нибудь другой твари; никто не скажетъ: да подастъ тебѣ Богъ и Ангель, но проситъ у Отца и Сына по причинѣ единства и единого даянія. Ибо даруемое дается чрезъ Сына, и что ни дѣлаетъ Отецъ, все дѣлаетъ чрезъ Сына. Потому и приемлющій имѣетъ несомнѣнную благодать.

Если же патріархъ Іаковъ, благословляя внуковъ Ефрема и Манассію, сказалъ: *Богъ, Иже питаетъ мя изъ млада даже до дне сего, Ангель, Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золь, да благословитъ дѣтища сія* (Быт. 48, 15. 16); то къ сотворшему ихъ Богу присовокупилъ не одного изъ сотворенныхъ и по естеству сущихъ Ангеловъ, и не у Ангела просилъ благословенія внукамъ, оставивъ питающаго его Бога, но сказавъ: *Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золь*, показалъ тѣмъ, что это есть не сотворенный какой Ангель, но Божіе Слово, Которому молился онъ ;сово-

купно со Отцемъ, и чрезъ Котораго Богъ избавляетъ кого хоцетъ. Зная, что Онъ именуется и Ангеломъ великаго совѣта Отчаго, Его, а не другаго кого, нарекъ благословляющимъ и избавляющимъ отъ золь. Не того желалъ онъ, чтобы его самого благословилъ Богъ, а внуковъ Ангель; но Кого самъ призывалъ, говоря: *не пуцу Тебе, аще не благословиши мене* (Быт. 32, 26), а это былъ Богъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу* (—30); Того-же умолялъ благословить и сыновъ Іосифовыхъ. Ангелу свойственно служить Божію повелѣнію; неоднократно Ангель предшествуетъ народу Божію, чтобы изгнать Амморей, и посылается охранять народъ на пути; но и это не его есть дѣло, но повелѣвшаго ему и пославшаго его Бога, Который одинъ можетъ избавлять, кого восхоцетъ избавить. Почему, не иной кто, но самъ явившійся Господь Богъ сказалъ Іакову: *се Азъ есмь съ тобою, сохраняяи тя на всякомъ пути, а можеш аще поидеши* (Быт. 28, 15); опять не иной кто, но явившійся Богъ воспрепятствовалъ Лаванову злоумышленію, повелѣвъ Лавану, *да не возлагалетъ ко Іакову зла* (Быт. 31, 24); и самъ Іаковъ не иного кого, но Бога призывалъ, говоря: *изми мя отъ руки брата моего Исава, яко боюся его* (Быт. 32, 11), и бесѣдуя съ женами, говорилъ: *не даде Богъ Лавану зла сотворити мнѣ* (Быт. 31, 7).

13) Посему и Давидъ не иного кого, но Бога умолялъ объ избавленіи: *къ Тебѣ, Господи, внемда скорбѣти ми, воззвахъ, и услышалъ мя еси. Господи, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ, и отъ языка льстива* (Псал. 119, 1. 2). Ему восписуя благодареніе. глагола словеса пѣсни въ семнадцатомъ псалмѣ въ день, въ онъже избави его Господь отъ руки всѣхъ врагъ его, и изъ руки Саула, и рече: *возлюблю Тя Господи крѣпосте моя, Господь утверждение мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой* (Псал. 17, 1—3). И

Павель, претерпѣвъ многія гоненія, не иного кого, но Бога благодарилъ, говоря: отъ всего избавилъ меня Господь, и *избавитъ, на-Нъже уповахомъ* (2 Кор. 1, 10). Не иной кто, но Богъ благословилъ Авраама и Исаака. И Исаакъ, молясь объ Іаковѣ, сказалъ: *Богъ мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя: и будещи въ собранія языковъ. И да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего* (Быт. 28, 3. 4). Если же благословлять и избавлять принадлежитъ не иному кому, но Богу, и избавляющій Іакова былъ не иной кто, но самъ Господь, патріархъ же призывалъ на внуковъ Избавляющаго его самого; то явно, что въ молитвѣ не иного кого присоединилъ онъ къ Богу, но Слово Его, Которое посему назвалъ и Ангеломъ, потому что Оно одно открываетъ намъ Отца.

Это же сдѣлалъ и Апостоль, говоря: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Ибо въ такомъ случаѣ и благословеніе было надежно по нераздѣльности Сына со Отцемъ, и потому что даруемая благодать есть одна и таже. Хотя даетъ Отецъ, но даруется чрезъ Сына. Хотя Сынъ именуется дарствующимъ, но чрезъ Сына и въ Сынѣ подаетъ Отецъ. *Благодарю*, говоритъ Апостоль въ Посланіи къ коринѳянамъ, *Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ* (1 Кор. 1, 4). Это же самое можно видѣть въ свѣтѣ и сіяніи. Чтò освѣщаетъ свѣтъ, то озаряетъ сіяніе; и чтò озаряетъ сіяніе, то есть освѣщеніе самого свѣта. Такъ и когда видимъ Сынъ, видимъ и Отецъ; потому что Сынъ есть Отчее сіяніе. И такимъ образомъ, Отецъ и Сынъ едино суть.

14) Но этого никто не скажетъ о созданныхъ вещахъ и о тваряхъ. Когда дѣлаетъ Отецъ, не дѣлаетъ того же кто-нибудь изъ Ангеловъ, или иная какая тварь; ни одна изъ тварей не есть творящая причина, но всѣ онѣ въ числѣ созданныхъ. Сверхъ того, онѣ

отдѣлены и далеки отъ Единого, инаковы съ Нимъ по естеству, и сами будучи дѣла, не могутъ дѣлать того, что дѣлаетъ Богъ, не могутъ, какъ сказалъ я прежде, содарствовать, когда дарствуетъ Богъ. Взирая на Ангела, никто не скажетъ, что видѣлъ Отца. Ибо Ангелы, какъ написано, *суть служебнии души въ служеніе посылаеми* (Евр. 1, 14), и о дарахъ, подаваемыхъ отъ Бога Словомъ, возвѣщаютъ приѣмлющимъ. И самъ явившійся Ангелъ исповѣдаетъ о себѣ, что посланъ онъ Владыкою; такъ, Гавріиль Захаріи и Богородицѣ Маріи самъ сіе исповѣдалъ. Кто видитъ явленіе Ангеловъ, тотъ знаетъ, что видитъ Ангела, а не Бога. Захарія видѣлъ Ангела, а Исаія видѣлъ Господа. Маное, отецъ Сампсоновъ, видѣлъ Ангела, а Моисей зрѣлъ Бога. Гедеонъ видѣлъ Ангела, Аврааму же явился Богъ. И кто видѣлъ Бога, тотъ не говорилъ, что видѣлъ Ангела; а кто видѣлъ Ангела, тотъ не думалъ, что видѣлъ Бога. Ибо много, или лучше сказать, совершенно по естеству различны созданныя существа съ сотворившимъ ихъ Богомъ.

Если же иногда при явленіи Ангела видѣвшій слышалъ гласъ Божій, какъ было при купинѣ; ибо *явился Ангелъ Господень въ пламени огненнѣ изъ купины: и воззва Господь Моисею изъ купины, глаголя: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Исаиковъ, и Богъ Иаковль* (Исх. 3, 2. 4. 6): то не Ангелъ былъ Богъ Авраамовъ, но въ Ангелѣ былъ глаголющій Богъ; и хотя видимъ былъ Ангелъ, но глаголалъ въ немъ Богъ. Ибо какъ въ облачномъ столпѣ глаголалъ Богъ Моисею въ Скиніи, такъ и въ Ангелахъ является Онъ глаголющимъ. Такъ и Навину глаголалъ Онъ чрезъ Ангела.

Но что глаголетъ Богъ, то, какъ извѣстно, глаголетъ чрезъ Слово, а не чрезъ иного кого. И что дѣлаетъ Слово, Которое неотлучно отъ Отца, не не-

подобно и не чуждо Отчей сущности, то суть дѣла Отца; и Слово со Отцемъ единое совершаетъ дѣло. И что даетъ Сынъ, то есть Отчее даяніе. И кто видѣлъ Сына, тотъ знаетъ, что видѣлъ Его, видѣлъ не Ангела, и не существо высшее Ангеловъ, не какую-либо тварь, но самого Отца. И кто слышитъ Слово, тотъ знаетъ, что слышитъ Отца; какъ и озаряемый сіяніемъ знаетъ, что освѣщается солнцемъ.

15) И божественное Писаніе, желая, чтобы такъ разумѣли мы, представило намъ, о чемъ говорили мы и прежде, такія подобія, которыми могли бы мы и пристыдить предателей іудеевъ, и отразить обвиненіе эллиновъ, когда они говорятъ и думаютъ, будто бы въ ученіи о Троицѣ и мы признаемъ многихъ боговъ. Ибо, какъ показываютъ самыя подобія, не вводимъ мы трехъ началъ, или трехъ отцевъ, какъ послѣдователи Маркіона и Манихея. Не трехъ солнцевъ представляемъ образъ, но солнце и сіяніе, ѣ одинъ свѣтъ отъ солнца въ сіяніи. Такъ знаемъ единое начало, и говоримъ, что зиждительное Слово имѣетъ не иной какой образъ Божества, но Божество единаго Бога; потому что рождено отъ Бога.

Посему, аріане гораздо справедливѣе могутъ быть обвиняемы въ многобожїи или въ безбожїи, потому что суесловятъ, будто Сынъ есть тварь отвнѣ, и также Духъ изъ ничего. Ибо говорятъ, что Слово— не Богъ, или, и называя Его Богомъ, по причинѣ написаннаго, но не собственно принадлежащимъ Отчей сущности, по разнородности Отца и Сына, вводятъ многихъ боговъ, если только не осмѣливаются утверждать, что и Слово нарицается Богомъ по причастію, въ какомъ смыслѣ и все можетъ быть такъ названо. Но и такъ думая, равно нечествуютъ, говоря, что Слово есть одна изъ всѣхъ тварей. А намъ и на умъ никогда не приходило бы сего! Ибо одинъ видъ Божества, который есть и въ Словѣ, и одинъ

Богъ Отецъ самосушій, потому что Онъ *надъ всѣмъ* (Рим. 9, 5), являющійся въ Сынѣ, потому что *про-нищаетъ чрезъ всяческая* (Прем. 7, 24), и въ Духѣ, потому что во всѣхъ дѣйствуетъ о Немъ чрезъ Слово. Такъ исповѣдуя Троицу, исповѣдуемъ единаго Бога и гораздо благочестивѣе разсуждаемъ о Богѣ, нежели еретики, признающіе многовидное и многочастное Божество; потому что признаемъ единое въ Троицѣ Божество.

16) Ибо если не такъ, напротивъ того, Слово изъ не-сущихъ, есть тварь и произведеніе: то Оно или не есть Богъ истинный, потому что есть одна изъ тварей; или, если еретики, постыждаемые Писаніемъ, называютъ Его Богомъ, то по необходимости должны именовать двухъ боговъ, --- одного Творца, другаго же сотвореннаго, и служить двумъ господамъ, --- одному Несозданному, другому же созданному и твари, имѣть двѣ вѣры, --- одну въ истиннаго Бога, другую же въ сотвореннаго, ими вымышленнаго и наименованнаго Богомъ. А слѣпотствуя такимъ образомъ, по необходимости должны, когда поклоняются Несозданному, презирать созданнаго, а когда приступаютъ къ твари, отвращаться отъ Творца. Ибо невозможно видѣть одного въ другомъ; потому что чужды и различны между собою ихъ естества и дѣйствія. А такъ думающіе непременно сочетаваютъ во едино многихъ боговъ: къ сему ведетъ начинаніе отпадающихъ отъ единаго Бога.

Почему же аріане, такъ разсуждая и представляя, не причисляютъ себя къ язычникамъ? Ибо, какъ тѣ, такъ и они, служатъ твари паче сотворившаго всяческая Бога. Хотя избѣгаютъ они именования язычниками для обольщенія несмысленныхъ; однакоже, въ тайнѣ содержатъ мысль, подобную языческой. Ибо и мудрое это изреченіе, обыкновенно ими употребляемое: „не именуемъ двухъ несозданныхъ“, употреб-

ляють, повидимому, для оболъщенія простодушныхъ. Говоря: „не именуемъ двухъ несозданныхъ“, именують двухъ боговъ, и боговъ, имѣющихъ различныя естества: одного, имѣющаго естество созданное, а другаго—несозданное. Если язычники служатъ одному Несозданному и многимъ созданнымъ, они же одному Несозданному и одному созданному: то и въ такомъ случаѣ не различаются отъ язычниковъ; потому что именуемый у нихъ созданнымъ есть одинъ изъ многихъ созданныхъ, а также и многіе языческіе боги съ этимъ однимъ имѣють тоже естество; и этотъ одинъ и тѣ суть твари. Жалки еретики, тѣмъ болѣе, что сами себѣ вредятъ, мудрствуя противъ Христа; отпали они отъ истины, и отрицаясь отъ Христа, превзошли іудеевъ въ предательствѣ, погрязаютъ же вмѣстѣ съ язычниками эти богоненавистники, служа твари и различнымъ богамъ.

Единъ есть Богъ, а не многіе, и едино есть Слово Божіе, а не многія. Богъ есть Слово. Оно одно имѣеть Отчее видѣніе. Симъ-то будучи видѣніемъ, самъ Спаситель постыждаетъ іудеевъ, говоря: *Посла- выи Мя Отець, Той свидѣтельствова о Мнѣ. Ни гласа Его нигдѣже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте: ѵ словесе Его не имате пребывающа въ васъ, зане, Егоже Той посла, Сему вы вѣры не емлете* (Іоан. 5, 37. 38). Прекрасно къ Слову присовокупилъ „видѣніе“, показывая этимъ, что само Слово Божіе есть изображеніе и образъ и видѣніе Отца Своего, и что іудеи, непринявшіе Глаголавшаго сіе, не приняли Слова, то-есть Божія видѣнія. Сіе-то видѣніе патриархъ Іаковъ узрѣвъ, былъ благословленъ, и вмѣсто Іакова нареченъ отъ Него Израилемъ, какъ свидѣтельствуеть божественное Писаніе, говоря: *возсія же ему солнце, егда преиде видъ Божій* (Быт. 32, 31). Но видъ сей былъ Тотъ, Кто говоритъ: *видѣвыи Мене, видъ Отца, и: Азь во Отцѣ, и Отець во Мнѣ*

есть, и: *Азъ и Отецъ едино есма*. Такъ, единъ есть Богъ, и одна вѣра въ Отца и Сына. И поелику Слово есть Богъ, то опять *Господь Богъ нашъ Господь единъ есть* (Второз. 6, 4); потому что Онъ есть собственный и нераздѣльный Сынъ Единаго по свойственности и сродству сущности.

17) Но непостыждаемые и этимъ, ариане говорятъ: „Не какъ вы говорите, но какъ намъ хочется. Поелику отвергли вы прежніе наши вымыслы, то нашли мы новый, и утверждаемъ: въ такомъ же смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино, Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ, въ какомъ и мы можемъ быть въ Немъ. Это написано въ Евангеліи отъ Іоанна, этого Христосъ желалъ и для насъ, говоря: *Отче святыи, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и мы* (Іоан. 17, 11); и еще чрезъ нѣсколько словъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси. И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершенни во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси* (20–23)“. Потомъ эти хитрецы, какбы нашедши предлогъ, присовокупляютъ сіе: „Если какъ мы во Отцѣ бываемъ едино, такъ Онъ и Отецъ едино суть, такъ и Онъ есть во Отцѣ; то почему же, по сказанному Имъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, называете Его собственно принадлежащимъ и подобнымъ Отчей сущности? Необходимо, или и намъ быть собственно принадлежащими Отчей сущности, или и Ему быть чуждымъ, какъ чужды мы“.

Такъ неразсудительно суесловятъ еретики. А я не вижу въ такомъ ихъ злоуміи ничего иного, кромѣ

неразумной дерзости и діавольскаго високоумія; потому что и они, подобно діаволу, говорятъ: на небо взыдемъ, будемъ подобны Вышнему. Чтò раздается людямъ по благодати, тò хотятъ они сравнять съ Божествомъ Дарующаго. Слыша, что люди называются сынами, возмнили, что и сами они равны истинному по естеству Сыну. И теперъ опять слыша отъ Спасителя: *да будутъ едино, якоже и Мы*, сами себя вводятъ въ обманъ, дерзко мечтаютъ, что и они такъ-же будутъ въ Богъ, какъ Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ, не примѣчая того, что отъ такого самоумнѣнія палъ отецъ ихъ діаволь.

18) Ежели, какъ говорили мы неоднократно, Слово Божіе есть тоже, чтò и мы, и ничѣмъ не отличается отъ насъ, какъ только временемъ: то пусть будетъ Оно подобно намъ; пусть у Отца имѣетъ то-же мѣсто, какое имѣемъ и мы; пусть не называется ни едиnorodнымъ, ни единымъ Словомъ, ни Отчею Премудростию, но пусть будетъ имя сіе общимъ у Него со всѣми нами, подобными другъ другу. Ибо у тѣхъ, у которыхъ естество одно, справедливо быть общему имени, хотя и различаются между собою по времени. Адамъ—человѣкъ, и Павелъ—человѣкъ; и нынѣ раждающійся—также человѣкъ, и время не измѣняетъ естества рода. Поэтому, если Слово отличается отъ насъ только временемъ, то и намъ должно быть такими же, каково Слово. Но мы—не Слово или Премудрость, и Оно — не тварь или произведеніе. Ибо почему всѣ мы произошли отъ одного, а Оно одно есть Слово? Но если еретикамъ приличѣе говорить такія рѣчи, то намъ неприлично и мыслию касаться ихъ хулы. И хотя не слѣдовало бы даже входить въ какое-либо разсмотрѣніе представленныхъ изреченій, при такомъ ясномъ и благочестномъ ихъ смыслѣ и правой нашей вѣрѣ; однакоже, чтобы еретики и въ семъ оказались злочестивыми, самымъ симъ изрече-

ніемъ, какъ научились отъ Отцевъ, кратко обличимъ ихъ неправославіе.

Въ божественномъ Писаніи нерѣдко предметы естественные представляются людямъ въ образъ и примѣръ. И это для того, чтобы изъ естественнаго виднѣе были произвольныя движенія въ людяхъ. И такимъ образомъ, показывается или дурной, или правдивый, человѣческій нравъ. Такъ, дурные нравы имѣеть въ виду, если заповѣдуетъ: *не будите яко конь и мекъ, имже нѣсть разума* (Псал. 31, 9); или когда, укоряя сдѣлавшихся таковыми, говоритъ: *человѣкъ въ чести сый не разумь, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. 48, 13); и еще: *кони женонечистовни сотворишася* (Іер. 5, 8). И Спаситель, показывая, каковъ Иродъ, сказалъ: *рыцѣте лису тому* (Лук. 13, 32); и ученикамъ заповѣдалъ: *се ꙗко посылаю васъ яко овцы посреде волковъ: будите убо мудри яко змѣя, и цѣли яко голубіе* (Матѣ. 10, 16). Сказалъ же это не съ тѣмъ, чтобы мы по природѣ сдѣлались подобными скотамъ, стали змѣями, или голубями (не такими сотворилъ Онъ насъ; посему и природа не допускаетъ этого), но съ тѣмъ, чтобы избѣгали мы неразумныхъ стремленій, зная же мудрость змѣя, не вдавались въ его обманъ, и присвоили себѣ кротость голубя.

19) Въ-разсужденіи же Божественнаго, представляя опять людямъ образы, Спаситель говоритъ: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ, Иже на небесахъ. милосердъ есть* (Лук. 6, 36); и: *будите вы совершенни. якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48). Сказалъ же это не для того опять, чтобы стали мы такими же, каковъ Отецъ, потому что намъ тварямъ, изъ ничего приведеннымъ въ бытіе, невозможно сдѣлаться такими же, каковъ Отецъ; напротивъ того, какъ заповѣдалъ: *не будите яко конь*—не съ тѣмъ, чтобы не сдѣлались мы скотами, но чтобы

не подражали ихъ неразумію; такъ сказалъ: *будите милосерди якоже Отецъ* — не съ тѣмъ, чтобы стали мы такими же, каковъ Богъ, но чтобы, взирая на Его благодѣянія, когда дѣлаемъ что доброе, дѣлали не ради людей, но ради Его, ожидая наградъ отъ Него, а не отъ людей. Какъ, хотя одинъ есть Сынъ по естеству, истинный и единородный, но и мы дѣлаемся сынами, не Ему подобно, не по естеству и не въ дѣйствительности, но по благодати Призвавшаго; и, будучи земными людьми, именуемся богами, не такими, каковъ Богъ и каково истинное Слово Его, но какъ восхотѣлъ даровавшій сіе Богъ: такъ подобно Богу дѣлаемся милосердыми, не приходя чрезъ это въ равенство съ Богомъ, не дѣлаясь по естеству и истинными благодѣтелями; потому что благодѣтельствовать—не наше, но Божіе изобрѣтеніе, но, поколику совершаемое по благодати для насъ самимъ Богомъ дѣлаемъ мы общимъ и для другихъ, не рассуждая, но просто на всѣхъ простирая благотворительность. Только этимъ, а не инымъ образомъ, можемъ и мы содѣлаться нѣсколько подражателями Богу, потому что даруемъ отъ Него услуживаемъ другъ другу.

Но какъ хорошо и правильно понимаемъ это, такъ и читаемое въ Евангеліи отъ Іоанна мѣсто имѣетъ тотъ-же смыслъ. Ибо не сказано: какъ Сынъ во Отцѣ, такъ да будемъ и мы. И возможно ли это, когда Онъ есть Божіе Слово и Божія Премудрость, а мы созданы изъ земли; Онъ по естеству и сущности есть Слово и истинный Богъ (такъ говоритъ Іоаннъ: *вѣры, яко Сынъ Божій пріиде, и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ: Сей есть истинный Богъ и живетъ вѣчный*—1 Іоан. 5, 19. 20), а мы по усыновленію и благодати (чрезъ Него дѣлаемся сынами, пріобщаясь Его Духа ибо

сказано: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* (Іоан. 1, 12)? Посему, Онъ есть истина, самъ о Себѣ свидѣтельствуя: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), что подтвердилъ и бесѣдуя со Отцемъ Своимъ: *святи ихъ во истину Твою: Слово Твое истина есть* (Іоан. 17, 17); а мы по подражанію дѣлаемся добродѣтельными и сынами.

20) Итакъ, Спаситель сказалъ: *да будутъ едино, якоже и Мы* (Іоан. 17, 22), не для того, чтобы содѣлались мы такими же, каковъ Онъ, но чтобы, какъ Онъ, будучи Словомъ, пребываетъ во Отцѣ Своемъ, такъ и мы, взирая на Него и у Него заимствуя нѣкоторый образъ, стали едино другъ съ другомъ по единомушійю и единству духа, и не разногласили подобно коринѣянамъ, но мудрствовали одно и то же, подобно упоминаемымъ въ Дѣянїяхъ пяти тысячамъ, которые всѣ были какъ одинъ человѣкъ (Дѣян. 4, 32). Будемъ какъ сыны, а не какъ Сынъ, и боги, но не каковъ самъ Онъ, и милосерды какъ Отецъ, но не каковъ Отецъ, а какъ сказано, содѣлавшись едино, *якоже* Отецъ и Сынъ; не въ такомъ смыслѣ будемъ едино, въ какомъ по естеству Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, но въ какомъ сообразно это съ нашимъ естествомъ, въ какомъ возможно для насъ сообразовать себя съ этимъ и научиться, какъ должны мы стать едино, подобно тому, какъ научились быть милосердыми; потому что обыкновенно въ единеніи бываютъ подобное съ подобнымъ, и всякая плоть входитъ въ единеніе по роду. Слово намъ неподобно, но подобно Отцу; поэтому, Оно по естеству и въ дѣйствительности есть едино со Отцемъ Своимъ, а мы, будучи однородны другъ съ другомъ, потому что всѣ произошли отъ одного, и у всѣхъ людей одна природа, дѣлаемся другъ съ другомъ едино по расположенію, имѣя для себя образцомъ естествен-

ное единеніе Сына со Отцемъ. Какъ кротости училъ Онъ Своимъ примѣромъ, говоря: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29), не для того, чтобы сравнились мы Нимъ (это невозможно), но чтобы, взирая на Него, пребывали всегда кроткими: такъ и здѣсь, желая, чтобы имѣли мы истинное, твердое и нерасторгаемое благорасположеніе другъ къ другу, беретъ примѣръ съ Себя и говоритъ: *„да будутъ едино, якоже и Мы*. А единство наше нераздѣльно; посему и они, познавъ въ насъ нераздѣльное естество, да сохраняютъ также взаимное между собою согласіе“. Люди же, какъ сказано, безопаснѣе подражаютъ тому, что заимствуется изъ естества; потому что сіе пребываетъ одинаковымъ и никогда не измѣняется, человѣческой же нравъ измѣнчивъ и, только взирая на неизмѣняемое по естеству, можетъ избѣгать худаго и сообразовать себя съ лучшимъ. И такимъ образомъ, сказанное: *да и тѣи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21), имѣетъ правильный смыслъ.

21) Если бы намъ возможно было содѣлаться тѣмъ, что Сынъ во Отцѣ, то надлежало бы сказать: и тѣи въ Тебѣ едино да будутъ, какъ Сынъ во Отцѣ. Теперь же не сказалъ сего, а говоря: *въ Насъ*, показалъ разстояніе и различіе, а именно, что Онъ единый есть въ единомъ Отцѣ, какъ единое Слово и Премудрость, мы же — въ Сынѣ и чрезъ Сына во Отцѣ. Но говоря это, не иное что далъ разумѣть, какъ слѣдующее: „Нашимъ единствомъ *и тѣи* да содѣлаются едино другъ съ другомъ такъ-же, какъ мы едино по естеству и въ дѣйствительности: иначе, не содѣлаются едино, если не научатся единству *въ Насъ*“. А что реченіе: *въ Насъ*, имѣетъ это значеніе, послушай Павла, который говоритъ: *сія же преобразихъ на себе и Аполоаса, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовати* (1 Кор. 4, 6).

Итакъ, реченіе: *въ Насъ*—не значитъ: *во Отца*, какъ Сынъ во Отца, но есть только примѣръ и образъ, и употреблено вмѣсто словъ: да научатся отъ Насъ. Какъ Павелъ для коринѳянъ, такъ и единство Сына и Отца для всѣхъ служитъ образцомъ и урокомъ, изъ котораго, взирая на естественное единство Отца и Сына, люди могутъ научиться, какъ и они должны въ образѣ мыслей содѣлаться едино другъ съ другомъ.

Если же въ-разсужденіи сего изреченія должно защищаться и инымъ образомъ, то можно еще сказать, что реченіе: *въ Насъ*—равнозначительно словамъ: силою Отца и Сына да будутъ едино, говоря то же самое; потому что безъ Бога невозможно стать *едино*. И это опять можно найти и въ божественномъ словѣ, напримѣръ: *о Бозѣ сотворимъ силу* (Псал. 59, 14); и: *Богомъ преиду стѣну* (Псал. 17, 30); и: *о Тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. 43, 6). Итакъ, явно, что о имени Отца и Сына можемъ содѣлаться *едино*, возымѣтъ твердый союзъ любви. Ибо, ту же опять мысль распространяя, Господь говоритъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино* (Іоан. 17, 22). Весьма прилично и здѣсь не сказалъ: да будутъ въ Тебѣ, какъ и Я въ Тебѣ, но говоритъ: *якоже и Мы*. А говоря: *якоже*, показываетъ въ сказанномъ не тождество, но образъ и примѣръ.

22) Посему, Слово подлинно и истинно имѣетъ тождество естества со Отцемъ; а намъ, какъ сказано, возможно только подражать. Ибо немедленно присо-вокупилъ: *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Здѣсь Господь проситъ уже для насъ чего-то большаго и совершеннѣйшаго. Ибо извѣстно, какъ Слово стало въ насъ; Оно облеклось въ нашу плоть. Но *и Ты во Мнѣ*, Отче, потому что Твое Я Слово. И поелику Ты во Мнѣ, потому что Твое Я Слово, а Я въ нихъ по тѣлу, и чрезъ Тебя

совершилось во Мнѣ спасеніе людей; то прошу, *и тѣи едино да будутъ* по тѣлу во Мнѣ и по его совершенію; *да и тѣи совершени будутъ*. имѣя единство съ тѣломъ симъ и въ немъ ставъ *едино*, да всѣ, какъ понесенные Мною на Себѣ, будутъ едино тѣло и единъ духъ, и достигнуть въ мужа совершенна. Ибо всѣ мы, приобщаясь Его тѣла, дѣлаемся едино тѣло, имѣя въ себѣ единаго Господа.

Когда же изреченіе это имѣетъ такой смыслъ,— еще болѣе обличается неправославіе христорборцевъ. Ибо, снова повторяя, скажу: если бы сказалъ просто и отрѣшенно: да будутъ въ Тебѣ едино, или: да тѣи и Азъ въ Тебѣ едино будемъ; то богоборцы имѣли бы хотя непостыдный предлогъ. Теперь же не просто сказалъ, но: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да вси едино будутъ*. И опять говоря: *якоже*, показываетъ, что далеко людямъ быть въ Отцѣ, какъ Онъ во Отцѣ, и далеко не по мѣсту, но по естеству. Ибо по мѣсту ничто не далеко отъ Бога, все же далеко отъ Него по одному естеству. И какъ замѣтилъ я прежде, кто произноситъ частицу: *якоже*, показываетъ не тождество и не равенство, но примѣръ сказуемаго сравнительно въ какомъ-либо отношеніи.

23) И сему опять можно научиться у самого Спасителя, Который говоритъ: *якоже бо бѣ Иона во чревь китовѣ три дни и три ноци: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли* (Матѣ. 12, 40). Иона былъ не то, что Спаситель; Иона не сходилъ во адъ; китъ былъ не адъ, да и поглощенный Иона не извелъ съ собою поглощенныхъ китомъ, но исшелъ одинъ, когда повелѣно было киту. Поэтому, никакого тождества и равенства не означаетъ этимъ реченіемъ: *якоже*, а напротивъ того, отличается одно отъ другаго; сходство же Ионы показывается нѣсколько выраженіемъ: *три дни*. Такъ и мы, поелику Господь го-

ворить: *якоже*, не содѣляваемся тѣмъ же, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; но *якоже* Отецъ и Сынъ, такъ и мы содѣляваемся едино по образу мыслей и по согласію Духа. Спаситель, *якоже* Іона, будетъ въ въ землѣ. Но какъ Спаситель не Іона, и Господь не такъ сошелъ въ адъ, какъ тотъ былъ поглощенъ, одно же съ другимъ различно: такъ, если и мы содѣлаемся едино, какъ Сынъ во Отцѣ, не будемъ посему тѣже, что Сынъ, и равны Ему, но совершенно отъ Него отличны. Потому-то о насъ сказано: *якоже*. ибо то, что не въ естествѣ и клонится къ чему-то иному, дѣлается какъ естественное. Посему, самъ Сынъ просто и безъ всякаго посредства есть во Отцѣ. потому что свойственно Ему сіе по естеству; а мы, не имѣя сего въ естествѣ своемъ, имѣемъ нужду въ образѣ и примѣрѣ, чтобы и о насъ сказать Ему: *якоже* Ты во Мнѣ, и Азь въ Тебѣ.

Когда же, говорить, будутъ они такъ совершенны, тогда уразумѣетъ міръ, *яко Ты Мя послалъ еси*. Если бы не пришелъ Я и не понесъ на Себѣ тѣла ихъ; то никто изъ нихъ не сталъ бы совершеннымъ, но всѣ пребывали бы тлѣнными. Поэтому, Ты дѣйствуй въ нихъ, Отче, и какъ далъ Мнѣ понести сіе тѣло, такъ дай и имъ Духа Твоего, *да и ти едино будутъ*, и содѣлаются совершенными во Мнѣ. Ибо совершеніе ихъ показываетъ, что было пришествіе Слова Твоего, и міръ, видя ихъ совершенными и богоносными, безъ сомнѣнія, увѣруеть, *яко Ты Мя послалъ еси*, и Я приходилъ къ нимъ. Откуда бы имъ пріять совершеніе, если бы Я—Слово Твое—не содѣлался человѣкомъ, пріявъ на Себя тѣло ихъ, и не совершилъ дѣло, которое далъ Мнѣ Ты, Отче? Дѣло же совершенно, потому что люди, искупленные отъ грѣха, не остаются болѣе мертвыми, но, обожившись и взирая на Насъ, имѣютъ между собою взаимный союзъ любви.

24) Итакъ, мы, сколько можно было проще разсмотримъ выраженія этого изреченія, предложили сіе пространно; блаженный же Іоаннъ въ Посланіи въ немногихъ словахъ, и гораздо совершеннѣе нашего, покажетъ смыслъ написаннаго, обличитъ разумѣніе нечестивыхъ, научитъ какъ бываемъ мы въ Богѣ, и Богъ въ насъ, а также, какъ мы дѣлаемся въ Немъ едино, и сколько Сынъ отстоитъ отъ насъ по естеству, а тѣмъ заставитъ наконецъ аріанъ не думать о себѣ, что и они будутъ такими же, каковъ Сынъ, чтобы иначе и имъ не услышать: *ты же человекъ еси, а не Богъ* (Іезек. 28, 2); и: *не распространяйся убогъ съ богатымъ* (Притч. 23, 4). Итакъ, Іоаннъ пишетъ, говоря слѣдующее: *о семь разумѣемъ, яко въ Немъ пребываемъ, и Той въ насъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Іоан. 4, 13). Итакъ, по данной намъ благодати Духа и мы бываемъ въ Немъ, и Онъ въ насъ. И поелику Духъ, Который бываетъ въ насъ, есть Божій, то и мы, имѣя въ себѣ Духа, справедливо почитаемся пребывающими въ Богѣ, а такимъ образомъ и Богъ бываетъ въ насъ. Слѣдовательно, не какъ Сынъ во Отцѣ, такъ и мы бываемъ во Отцѣ. Сынъ не дѣлается причастникомъ Духа, чтобы чрезъ это быть Ему во Отцѣ. Не Онъ приѣмлетъ Духа, а паче Самъ подаетъ Его всѣмъ, и не Духъ сочетаваетъ Сына со Отцемъ, но паче Духъ приѣмлетъ отъ Слова. И Сынъ во Отцѣ, какъ собственное Его Слово и сіяніе. А мы безъ Духа чужды Богу и далеки отъ Него, причастіемъ же Духа сочетаваемся съ Божествомъ; почему, быть намъ въ Отцѣ есть не наше, но сущаго и пребывающаго въ насъ Духа, пока сохраняемъ Его въ себѣ исповѣданіемъ, какъ опять говоритъ Іоаннъ: *уже аще исповѣсть, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, Богъ въ немъ пребываетъ, и той въ Бозѣ* (1 Іоан. 4, 15).

Итакъ, какое подобіе и какое равенство у насъ съ Сыномъ? Или, не обличаются ли аріане всѣми, особливо Іоанномъ, что иначе Сынъ во Отцѣ, иначе бываемъ въ Немъ мы? И мы никогда не будемъ такими, каковъ Онъ, и Слово не таково, какъ мы, развѣ еретики и теперь, какъ и всегда, осмѣлятся сказать, что Сынъ и Самъ сталъ во Отцѣ по причастію Духа и за превосходство дѣлъ. Но и это опять даже въ мысляхъ только допустить до крайности нечестиво. Ибо Онъ, какъ сказано, даетъ Духу, и что имѣетъ Духъ, имѣетъ сіе отъ Слова (Іоан. 16, 15).

25) Итакъ, Спаситель, говоря о насъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и азъ въ Тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ*, не означаетъ этимъ, что будемъ имѣть съ Нимъ тождество; ибо примѣромъ Іоны доказано и это. Но это есть моленіе ко Отцу, какъ написалъ Іоаннъ, чтобы чрезъ Него подавался вѣрующимъ Духъ, чрезъ Котораго и надѣемся быть въ Богѣ и сочетаться съ Нимъ. Поелику Слово во Отцѣ, а Духъ дается Словомъ; то хочетъ, чтобы пріяли мы Духа, и чтобы, когда примемъ Его, имѣя въ себѣ Духа Слова, сущаго во Отцѣ, оказались и мы по Духу содѣлавшимися *едино* въ Словѣ, а чрезъ Слово и во Отцѣ. Если же говорить: какъ мы; то это не иное что значитъ, какъ слѣдующее: таковая данная благодать Духа да содѣлается въ ученикахъ неутрачивою и непреложною. Ибо что, по сказанному прежде, Слову во Отцѣ естественно, о томъ желаетъ, чтобы и намъ чрезъ Духа дано сіе было непреложно. Зная это, Апостоль сказалъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы* (Рим. 8, 35)? *Нераскаянна бо дарованія Божія и благодать призванія* (11, 29). Слѣдовательно, Духъ пребываетъ въ Богѣ, а не мы сами по себѣ. Какъ мы — сыны и боги по сущему въ насъ Слову, такъ будемъ въ Сынѣ и во Отцѣ, и будемъ почи-

таемы содѣлавшимися *едино* въ Сынѣ и во Отцѣ; потому что въ насъ тотъ же Духъ, Который и въ Словѣ, сущемъ во Отцѣ. Посему, когда отпадаетъ кто отъ Духа по причинѣ какого-либо порока, то хотя непреложная благодать пребываетъ въ желающихъ, если кто по паденіи раскаевается, однакоже, сей падшій уже не въ Богѣ; потому что отступилъ отъ Него сущій въ Богѣ святой и утѣшительный Духъ; напротивъ же того, согрѣшающій будетъ въ томъ, кому подчинилъ себя, какъ было это съ Сауломъ. Ибо *Духъ Господень отступилъ отъ него, и давлѣше его духъ лукавый* (1 Цар. 16, 14). Слыша это, надлежало бы наконецъ устыдиться богоборцамъ, и не вообразать себя равными Богу. Но они не разумѣютъ этого; ибо сказано: *нечестивый не разумѣетъ разума* (Притч. 29, 7). Они не терпятъ благочестивыхъ словесъ; потому что тяжело имъ и слышать ихъ.

26) Ибо вотъ, какъ неутомимые въ злочестіи и ожесточенные подобно Фараону, видя и слыша опять въ Евангеліяхъ повѣствуемое о челоуѣчествѣ Спасителя, по примѣру Самосатскаго, забыли совершенно Отчее Божество Сына, и дерзкимъ языкомъ смѣло говорятъ: „Какъ можетъ быть отъ Отца по естеству и уподобляться Ему по сущности Сынъ, Который говоритъ: *дадеса Ми всяка власть* (Матѹ. 28, 18); и: *Отець не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынѹ* (Іоан. 5, 22); и: *Отець любитъ Сына, и вся даде въ руку Его. Вѣрующіи въ Сына имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 35. 36); и еще: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще восхоцетъ Сынъ открити* (Матѹ. 11, 27. 28); и еще: *все, еже дастъ Мнѣ Отець, ко Мнѣ приидетъ*“ (Іоан. 6, 37)? Потомъ еретики присовокупляютъ: „Если бы Онъ былъ, какъ утверждаете, Сыномъ по естеству, то не имѣлъ бы нужды

примать, но, какъ Сынъ, имѣлъ бы сіе по естеству. Или, какъ можетъ быть по естеству истинною Силою Отчею, Кто во время страданій говоритъ: *Нынѣ душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего: но сего ради придохъ на часъ сей. Отче, прослави имя Твое. Прииде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и паки прославлю* (Іоан. 12, 27. 28)? Подобное также сему сказалъ Онъ: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ чаша сія* (Матѹ. 26, 39). *И сія рекъ Иисусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова, и рече: аминь аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя*“ (Іоан. 13, 21). И при этомъ говорятъ зломудренныя: „если бы Онъ былъ силою, то не страшился бы, но паче и другимъ подавалъ бы силу“. Потомъ говорятъ: „Если бы Онъ былъ по естеству истинною и собственною Отчею Премудростію; то почему написано: *Иисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и чловѣкъ* (Лук. 2, 52)? И пришедши во страны Кесаріи Филипповы, спрашивалъ учениковъ: *кого Мя глаголютъ чловѣцы быти* (Матѹ. 16, 13)? И пришедши въ Вифанію, спрашивалъ: *гдѣ лежитъ Лазарь* (Іоан. 11, 34)? Сверхъ того, говорилъ ученикамъ: *колько хлѣбы имате* (Марк. 6, 38)? Почему же, говорятъ, Тотъ есть Премудрость, Кто преспѣваетъ премудростію, и не знаетъ того, о чемъ желалъ узнать отъ другихъ“? Еще же говорятъ они и слѣдующее: „Какъ собственнымъ Отчимъ Словомъ, безъ Котораго, какъ мудрствуете вы, Отецъ никогда не былъ, и чрезъ Котораго все творить, можетъ быть Тотъ, Кто на крестѣ говоритъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя сси оставилъ* (Матѹ. 27, 46)? И прежде сего молится Онъ: *Отче, прослави имя Твое* (Іоан. 12, 28), *прослави Мя Ты Отче славою. юже имѣхъ у Тебе прежде мѣръ не бысть* (Іоан. 17, 5), и въ пустынѣ молился и повелѣлъ ученикамъ молиться, что-

бы не впали въ *напасть*, и сказалъ: *духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѹ. 26, 41), и: *о дни же томъ или о часъ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ*“ (Марк. 13, 32). Потомъ опять и въ-разсужденіи сего говорятъ эти жалкіе: „Если бы Сынъ, по вашему разумѣнію, существовалъ у Бога вѣчно, то не былъ бы Ему неизвѣстенъ день, напротивъ того, Онъ зналъ бы, какъ Слово, и Соприсущій не былъ бы оставленъ, не сталъ бы просить о пріятіи славы, имѣя ее во Отцѣ, и вообще, не сталъ бы молиться; потому что, какъ Слово, ни въ чемъ не имѣлъ бы нужды. Но поелику Онъ — тварь и въ числѣ получившихъ бытіе, то и говорилъ такимъ образомъ, и имѣлъ нужду въ томъ, чего не имѣлъ; потому что тварямъ свойственно имѣть недостатокъ и нужду въ томъ, чего не имѣютъ“.

27) На подобныя рѣчи отваживаются злочестивые; но разсуждающихъ такъ должно смѣло спросить: почему вообще Слово содѣлалось плотію? Или, присокупить еще: какъ Ему, будучи Богомъ, можно было содѣлаться человѣкомъ? Или, какъ Безплотный могъ понести на Себѣ тѣло? Или, и по-іудейски сказать съ Каіафою: почему вообще Христось, будучи человекомъ, творилъ Себя Богомъ? Такъ, или подобно сему роптали тогда іудеи, взирая на Христа, а нынѣ аріане, читая о Немъ, не вѣруютъ и впадаютъ въ хулы. Если кто, сличивъ слова тѣхъ и другихъ, подвергнетъ ихъ изслѣдованію; то непременно найдетъ, что тѣ и другіе вдаются въ тоже невѣріе, у тѣхъ и у другихъ равная дерзость нечестія, у тѣхъ и у другихъ общая прѣя съ нами. Іудеи говорили: какъ, будучи человекомъ, можетъ быть Богомъ? Аріане же говорятъ: если былъ истинный Богъ отъ Бога, то какъ могъ содѣлаться человекомъ? И какъ іудеи соблазнялись и посмѣвались, говоря: не прстерпѣлъ бы Онъ креста, если бы Божій былъ Сынъ; такъ аріане,

ставъ прямо съ ними въ рядъ, говорятъ намъ: какъ смѣете вы называть собственнымъ Словомъ Отчей сущности Имѣющаго тѣло, почему и претерпѣлъ сіе? Потомъ, какъ іудеи искали убить Господа за то, что Бога называлъ Отцемъ Своимъ и творилъ Себя равнымъ Богу, дѣлая то же, что дѣлаетъ Отецъ; такъ аріане, и сами научились говорить: не равенъ Онъ Богу, Богъ не собственный по естеству Отецъ Слова, и ищутъ смерти тѣхъ, которые не такъ думаютъ. И еще іудеи говорятъ: *не сей ли есть Сынъ Іосифовъ, егоясе мы знаемъ отца и матеръ? како убо глаголетъ: прежде даже Авраамъ не бысть. Азъ есмь, и: съ небесе снидохъ* (Іоан. 6, 42. 8, 58)? Внимаютъ имъ и аріане, равнымъ образомъ говоря: какъ можетъ быть Словомъ, или Богомъ, Кто, какъ человѣкъ, спитъ, плачетъ, спрашиваетъ? Тѣ и другіе за то, что въ Спасителѣ было человѣческаго по причинѣ носимой Имъ на Себѣ плоти, отрицаютъ вѣчность и Божество Слова.

28) Итакъ, поелику такое безуміе есть іудейское, и іудейское занятое у предателя Іуды; то пусть аріане, или явно исповѣдуютъ себя учениками Каіафы и Ирода, не прикрывая іудейства именемъ христіанства, и совершенно, какъ говорили мы и прежде, отрицаютъ пришествіе Спасителя во плоти (это мудрованіе свойственно ихъ ереси); или, если, въ угожденіе Констанцію и обольщеннымъ ими, боятся явно іудействовать и обрѣзаться, то не говорятъ свойственнаго іудеямъ. Ибо справедливо—отвращаться мудрованія тѣхъ, отъ имени которыхъ отказываются.

Да будетъ же извѣстно аріанамъ, что мы христіане. Мы христіане, и намъ свойственно хорошо понимать сказанное о Спасителѣ въ Евангеліяхъ, и какъ вмѣстѣ съ іудеями не метать въ Него камнями, если слышимъ о Божествѣ и о Его вѣчности, такъ вмѣстѣ съ вами не соблазняться тѣми смиренными реченіями, какія ради насъ употребляетъ, какъ человѣкъ.

Посему, если и вы желаете быть христіанами, то отложите Аріево безуміе, и слухъ свой, оскверненный хульными реченіями, омойте словесами благочестія, зная, что, какъ-скоро, переставъ быть аріанами. оставите зломудріе нынѣшнихъ іудеевъ, тотчасъ, какъ изъ тьмы, возсіяетъ вамъ истина, и не будете уже укорять насъ, что признаемъ двухъ вѣчныхъ, но и сами узнаете, что Господь есть истинный и по естеству Божій Сынъ, и познается не просто вѣчнымъ, но соприсущимъ Отчей вѣчности. Ибо именуются вѣчными и такія вещи, которыхъ Онъ есть Зиждитель. Такъ, въ псалмѣ двадцать-третьемъ написано: *возмите врата князи ваша, и возмимся врата вѣчная* (Псал. 23, 9); но явно, что и эти врата сотворены Имъ. Если же Онъ есть Зиждитель вѣчнаго, то можетъ ли кто изъ насъ сомнѣваться еще, что Онъ превыше и сего вѣчнаго? Но Господь познается не столько по вѣчности, сколько потому, что Онъ Божій есть Сынъ. Ибо, будучи Сыномъ, неотлученъ отъ Отца, и не было, когда бы Онъ не былъ, напротивъ того, Онъ всегда, и будучи образомъ и сіяніемъ Отца, имѣетъ и Отчую вѣчность.

Посему, сколько еретики изобличили себя худо понимающими тѣ изреченія, какія выставляли они на видъ, это можно видѣть изъ сказаннаго нами прежде кратко; но что и въ-разсужденіи изреченій, нынѣ представляемыхъ ими изъ Евангелій, разумѣніе ихъ оказывается неосновательнымъ, это удобно можно видѣть, если и теперь особенно обратимся къ цѣли нашей христіанской вѣры, и принявъ ее для себя за правило, будемъ, какъ сказалъ Апостоль, внимательны къ чтенію богодухновеннаго Писанія (1 Тим. 4, 13). Ибо христорборцы, не уразумѣвъ этой цѣли, совратились съ пути истины, и преткнулись о *камень претыканія* (Рим. 9, 33), мудрствуя паче, нежели какъ должно мудрствовать.

29) Итакъ, цѣль эта и отличительная черта святаго Писанія, какъ неоднократно говорили мы, -- возвѣститъ намъ о Спасителѣ двѣ истины: что Онъ всегда былъ Богъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца, и что напослѣдокъ, ради насъ принявъ на Себя плоть отъ Дѣвы Богородицы Маріи, содѣлался человѣкомъ. И можно находить, что это дается разумѣть во всемъ богодухновенномъ Писаніи, какъ сказалъ самъ Господь: *пспытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. 5, 39). Но, чтобы, собирая во едино всѣ изреченія, не написать много, удовольствуемся тѣмъ, что, вмѣсто всѣхъ мѣстъ, приведемъ на память слѣдующія. Іоаннъ говоритъ: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 1-3); потомъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (14). И Павелъ пишетъ: *Иже во образѣ Божіи сѣи, не восхищеніемъ нещцева быти равенъ Богу; но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчествъ бывъ, и образомъ обрѣтеса якоже чловѣкъ: смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныи* (Фил. 2, 6—8). Ибо кто, начавъ съ сего, съ тою же мыслию пройдетъ все Писаніе, тотъ увидитъ, какъ вначалѣ сказалъ Слову Отецъ: *да будетъ свѣтъ* (Быт. 1, 3), *да будетъ твердь* (—6), *сотворимъ чловѣка* (—26), при скончаніи же вѣковъ посла Его въ міръ, *не да судитъ мірови, но да спасетсѣ Имъ міръ* (Іоан. 3, 17); и написано: *се Дѣва во чревъ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже естъ сказаемо, съ нами Богъ* (Матѣ. 1, 23).

30) Посему, читающій Божественное Писаніе да изучаетъ и ветхозавѣтныя изреченія, и въ Евангеліяхъ да усматриваетъ Господа содѣлавшагося чловѣкомъ. Ибо сказано: *Слово плоть бысть, и вселися*

въ ны. Слово содѣлалось человѣкомъ, а не снизошло въ человѣка. И это необходимо знать, чтобы злочестивые, остановившись на семъ, не обольстили иныхъ, и обольщенные не подумали, что, какъ въ прежнія времена въ каждомъ изъ святыхъ было слово, такъ и нынѣ снизошло Оно въ человѣка, и осватило его, и явилось въ немъ, какъ и въ прочихъ людяхъ. Ибо если бы такъ это было, и Слово явилось только въ человѣкѣ, то не было бы въ семъ ничего необыкновеннаго, и видящіе не дивились бы и не стали говорить: *кто есть Сей* (Матѣ. 8, 27)? И почему *Ты человекъ сынъ, твориши Себе Бога* (Іоанн. 10, 33)? Привычно было для нихъ слышать, что было Слово Господне къ каждому Пророку. Поелику же теперь само Божіе Слово, *Имже вся быша*, снизошло до того, что содѣлалось и сыномъ человѣческимъ, и смирило Себя. *зракъ раба приимъ*; то посему іудеямъ крестъ Христовъ есть соблазнъ, намъ же *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24). Ибо, какъ сказалъ Іоаннъ, *Слово плоть бысть*; Писанію обычно человѣка называть плотію, какъ сказано чрезъ Пророка Іоиля: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоил. 2, 28); и какъ Даніилъ сказалъ Астіагу: *не поклоняюся кумиромъ руками сотвореннымъ, но живому Богу, сотворившему небо и землю, и властвующему всякою плотію* (Дан. 14, 5). Ибо Даніилъ и Іоиль родъ человѣческій называютъ плотію.

31) Итакъ, въ древности къ каждому изъ святыхъ бывало Слово, и освящало приемлющихъ Его искренно; но когда раждались они,—не говорилось, что Слово содѣлалось человѣкомъ, и когда страдали,—также не говорилось, что Слово пострадало. Когда же отъ Маріи пришелъ *единою въ кончину вѣковъ, во отпечтаніе грѣха* (Евр. 9, 26), потому что, такъ благоволивъ, Отецъ посла Сына Своего, *раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ*

(Гал. 4, 4); тогда говорится, что Слово, воспріявъ на Себя плоть, содѣлалось человѣкомъ, и въ ней (какъ сказалъ Петръ: *Христу убо пострадавшею за ны плотию* - 1 Петр. 4, 1), пострадало за насъ, чтобы явно стало и всѣ мы увѣровали, что, всегда будучи Богомъ, освящая тѣхъ, къ кому приходило, и все устрояя по волѣ Отца, на послѣдокъ ради насъ содѣлалось Слово человѣкомъ, и, какъ говоритъ Апостоль, Божество обитало во плоти *тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9). А это значитъ, что Слово, будучи Богомъ, имѣло собственное тѣло и, употребивъ его какъ орудіе, ради насъ содѣлалось человѣкомъ.

И поелику Слово было во плоти, то о Немъ скажется свойственное плоти, на примѣръ: алканіе, жажда, страданіе, утружденіе, и все тому подобное, что удобопріемлемо для плоти. Дѣла же свойственныя самому Слову, каковы: воскресеніе мертвыхъ, дарованіе прозрѣнія слѣпымъ, исцѣленіе кровоточивой, совершало Оно посредствомъ тѣла Своего. И Слово немощи плоти носило на Себѣ, какъ собственныя, потому что плоть сія была Его; и плоть служила дѣламъ Божества, потому что въ ней пребывало Божество, и тѣло было Божіе. Хорошо сказалъ Пророкъ: *понесе* (Исаи 53, 4. 11); не сказалъ: исцѣлилъ наши немощи, чтобы Слову, какъ существу внѣ тѣла и исцѣлившему только оное, что и всегда дѣлало, не оставить людей снова повинными смерти; но Оно носитъ наши немощи, несетъ наши грѣхи, чтобы видно было, что ради насъ содѣлалось человѣкомъ, и тѣло, на себѣ носящее эти немощи, есть Его собственное. И какъ само Слово не потерпѣло вреда, *вознесши*, какъ сказалъ Петръ, *грѣхи наша на тѣлѣ Своемъ ни древо* (1 Петр. 2, 24); такъ мы—люди—освободились отъ своихъ страстей и исполнились правды Слова.

32) Посему, когда страдала плоть, не внѣ ея было Слово; почему и страданіе называется Его страданіемъ. И когда Божески творило Оно дѣла Отца,---не внѣ Его была плоть, но опять въ самомъ тѣлѣ творилъ сіе Господь. Потому, и содѣлавшись человѣкомъ, говорилъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ въ Немъ* (Іоан. 10, 37. 38). Конечно, когда нужно было возставить Петрову тещу *огнемъ жегому* (Матѣ. 8. 14), тогда по-человѣчески простеръ руку, а Божески прекратилъ болѣзнь. И слѣпому отъ рожденія отъ плоти человѣческой сотворилъ плуновеніе, и Божески отверзъ очи брениемъ. И Лазаря, какъ человѣкъ, воззвалъ человѣческимъ гласомъ, а Божески, какъ Богъ, воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ.

Все же такъ дѣлалось и показывало, что не мечтаніемъ, но дѣйствительно имѣлъ тѣло. И Господу, облекшемуся въ плоть человѣческую, прилично было облечься въ совершенную плоть со всѣми свойственными ей страданіями, чтобы, какъ тѣло именуется собственнымъ Его тѣломъ, такъ и тѣлесныя страданія именовались Его только собственными, хотя и не касались Божества Его. Если бы тѣло принадлежало иному, то и страданія именовались бы страданіями сего иного. А если это — плоть Слова (ибо *Слово плоть бысть*); то необходимо и страданіямъ плоти именоваться страданіями Того. Чья плоть. А Кому приписываются страданія, каковы особливо: быть осужденнымъ, быть предану на біеніе, а также жажда, крестъ, смерть и другія немощи тѣлесныя, Того и составляютъ они заслугу и благодать. Посему, сообразно съ истиною и прилично, таковыя страданія приписываются не иному кому, но Господу, чтобы и благодать была отъ

Него, и мы содѣлались не служителями иного кого, но истинно богочестивыми; потому что не кого-либо изъ созданныхъ, не простого какого человѣка, но по естеству суцаго отъ Бога и истиннаго Сына, и когда содѣлался Онъ человѣкомъ, призываемъ, тѣмъ не менѣе именуя Господомъ, и Богомъ, и Спасителемъ.

33) Кто же не подивится сему? Или, кто не согласится, что воистину Божіе это дѣло? Ибо если бы дѣла свойственныя Божеству Слова совершились не посредствомъ тѣла, то человѣкъ не былъ бы обоженъ. И наоборотъ, если бы свойственное плоти не приписывалось Слову, то человѣкъ не освободился бы отъ сего совершенно, но хотя, какъ сказали мы прежде, избавился бы не надолго, однакоже, въ немъ оставались бы еще грѣхъ и тлѣніе, какъ было это съ людьми, жившими прежде. И это очевидно. Многіе содѣлались святыми и чистыми отъ всякаго грѣха: Іеремія былъ освященъ отъ матерняго чрева (Іер. 1, 5), Іоаннъ носимый еще во чревѣ *взыграся радощами* отъ гласа Богородицы Маріи (Лук. 1, 44). Однакоже, *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. 5, 14). А такимъ образомъ, люди тѣмъ не менѣе оставались смертными, тлѣнными, доступными свойственнымъ естеству страданіямъ. Теперь же, поелику Слово содѣлалось человѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти, сіе не касается уже тѣла по причинѣ бывшаго въ тѣлѣ Слова, но истреблено Имъ, и люди не остаются уже грѣшными и мертвыми по своимъ страстямъ, но, возставъ силою Слова, навсегда пребываютъ безсмертными и нетлѣнными. Посему, когда раждается плоть отъ Богородицы Маріи, родившимся именуется Тотъ, Кто другимъ даетъ бытіе, чтобы на Себя перенести Ему наше рожденіе, и намъ, какъ единой землѣ, не от-

ходить въ землю, но, сочетавшись съ Словомъ, Которое съ неба, отъ Него быть возведенными на небо. Посему, не безъ причины перенесъ Онъ на Себя также и прочія немощи тѣла, чтобы мы уже, не какъ человѣки, но какъ свои Слову, стали причастниками вѣчной жизни. Ибо не умираемъ уже по прежнему бытію во Адамѣ, но поелику бытіе наше и всѣ тѣлесныя немощи перенесены на Слово, то возстаемъ отъ земли по разрѣшеніи клятвы за грѣхъ Тѣмъ, Кто въ насъ и за насъ содѣлался клятвою. И это справедливо. Какъ всѣ мы отъ земли суще умираемъ въ Адамѣ, такъ, возродившись свѣще водою и Духомъ, всѣ оживотворяемъ во Христѣ, потому что плоть наша есть уже какбы не земная, но съ Словомъ приведенная въ тождество самимъ Божиимъ Словомъ, Которое ради насъ *плоть бысть*.

34) Но чтобы точнѣе уразумѣть и безстрастіе естества въ Словѣ, и немощи, приписываемыя Ему по причинѣ плоти, хорошо выслушать блаженнаго Петра. Ибо онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ о Спасителѣ. И такъ пишетъ онъ въ своемъ Посланіи, говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотию* (1 Петр. 4, 1). Слѣдовательно, когда скажется о Христѣ, что алчетъ, жаждетъ, утруждается, не знаетъ, спитъ, плачетъ, проситъ, убѣгаетъ, раждается, отказывается отъ чаши, и вообще, приписывается Ему все свойственное плоти, каждый разъ справедливо будетъ повторять то же. Такъ, Христосъ алчетъ и жаждетъ *за ны плотию*; именуется Себя незнающимъ, заушается и утруждается *за ны плотию*; и еще, возносится на крестъ (Іоан. 12, 37), раждается, возрастаетъ *плотию*; страшится, скрывается *плотию*: говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матѣ. 26, 39), терпитъ біеніе, приѣмлетъ раны *плотию*; и вообще, все подобное сему воспріемлетъ на Себя *за ны плотию*. Посему и самъ Апо-

столь сказалъ: *Христу убо пострадавши, не Божествомъ, но: за ны плотію, чтобы разумѣмы были страданія, не самому Слову по естеству свойственныя, но свойственныя по естеству самой плоти. Поэтому, никто да не соблазняется тѣмъ, что въ Господѣ есть человѣческое, а напротивъ того, да знаетъ, что само Слово по естеству безстрастно, и однакоже, по причинѣ плоти, въ которую облеклось Оно, скажется о Немъ это; потому что свойственно это плоти, а тѣло стало собственнымъ тѣломъ Спасителя. И Онъ, какъ безстрастный по естеству, и пребываетъ безстрастнымъ, не терпя отъ сего вреда, но паче, уничтожая и истребляя все сіе; люди же, такъ какъ немощи ихъ перешли на Безстрастнаго и истреблены, и сами уже на вѣки дѣлаются безстрастными и свободными отъ немощей, какъ учитъ Іоаннъ, говоря: *и съте, яко Онъ явися, да грѣхи наша возметъ, и грѣха въ Немъ нѣтъ* (1 Іоан. 3, 5).*

Поелику это такъ, то никто изъ еретиковъ не будетъ вопіять: почему возстанетъ плоть по природѣ смертная? Почему, если возстанетъ, опять не будетъ алкать, жаждать, страдать, и не останется смертною? Почему, хотя она изъ земли произошла, прекратится въ ней то, что ей естественно? Иначе, плоть могла бы отвѣчать такому упорному еретику: „Хотя я изъ земли, по природѣ смертная; но въ послѣдствіи стала плотію Слова; само Слово, хотя Оно безстрастно, понесло на Себѣ мои страданія, и я сдѣлалась свободною отъ нихъ, и отъ рабства имъ уволена освободившимъ меня отъ нихъ Господомъ. Если вопіешь на то, что избавилась я отъ естественнаго тлѣнія; то смотри, не вздумай вопіять и на то, что Слово Божіе воспріяло на Себя мой рабскій образъ“. Какъ Господь, облекшись плотію, содѣлался человѣкомъ, такъ мы люди, воспріятыя Словомъ, обожаемся ради плоти Его и уже наслѣдуемъ вѣчную жизнь.

35) Это по необходимости подвергли мы предварительному изслѣдованію, чтобы намъ, если увидимъ Спасителя божески что-либо совершающаго, или изрекающаго, орудіемъ собственнаго тѣла Своего, разумѣть, что дѣлаетъ Онъ сіе, какъ Богъ; и опять, если увидимъ Его по-человѣчески говорящаго, или страждущаго, не оставаться въ невѣдѣніи, что, понесши на Себѣ плоть, содѣлался Онъ человѣкомъ, и такимъ образомъ, дѣлаетъ и говоритъ это. Зная свойственное тому и другому естеству, видя и разумѣя, что то и другое совершается однимъ, право будемъ вѣровать и никогда не впадемъ въ заблужденіе. Если же кто, взирая на совершаемое Словомъ божески, будетъ отрицать тѣло, или, взирая на свойственное тѣлу, будетъ отрицать плотское пришествіе Слова, или по человѣческимъ дѣйствіямъ Слова станетъ думать о Немъ низко; то таковой, какъ іудейскій корчемникъ, мѣшая вино съ водою, почтетъ крестъ соблазномъ, а какъ язычникъ, признаетъ проповѣдь буйствомъ. Это и постигло богоборцевъ арианъ. Ибо, взирая на человѣческія дѣла Спасителя, почли Его тварію. Посему, и взирая на Божескія дѣла Слова, надлежало имъ отрицать бытіе тѣла Его и сопричислить уже себя къ манихеямъ.

Но пусть, хотя поздно, вразумятся они, что *Слово плоть бысть*; а мы, держась цѣли вѣры, признаемъ имѣющимъ правильный смыслъ то, что понимаютъ они худо. Сказанное: *Отець любитъ Сына, и вся даде въ руку Его* (Іоан. 3, 35), и: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѣ. 11, 27), и: *не могу Азъ о Себѣ творити ничесоуже; якоже слышу, сужду* (Іоан. 5, 30), и всѣ подобныя симъ изреченія показываютъ не то, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ сего. И почему же того, что имѣетъ Отець, не имѣло вѣчно единое по сущности Отчее Слово и Премудрость, не имѣлъ Тотъ, Кто говоритъ: *вся, елика иматъ Отець, Моя суть, и*

Мое принадлежит Отцу (Иоан. 16, 15; 17, 10)? Если, что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну, а Отецъ имѣеть это всегда; то явно, что все, что имѣеть Сынъ, поколику это принадлежит Отцу, всегда есть въ Сынѣ. Итакъ, не потому сказалъ это, что нѣкогда не имѣлъ, но потому, что Сынъ, что ни имѣеть, имѣя это вѣчно, имѣеть отъ Отца.

36) Чтобы иной, видя Сына имѣющимъ все, что имѣеть Отецъ, и введенный въ заблужденіе этимъ безразличнымъ подобіемъ и тождествомъ того, что имѣеть, не вознечествовалъ, какъ Савеллій, и не почель Сына Отцемъ,---говорилъ Сынъ: *дадеса Ми* (Матѹ. 28, 18), и *пріяхъ* (Иоан. 10, 18), и *Мнѣ предана суть*, показывая этимъ то одно, что Онъ не Отецъ, но Отчее Слово и вѣчный Сынъ, по подобію со Отцемъ вѣчно имѣющей то, что имѣеть отъ Отца. Поелику же Онъ Сынъ, то отъ Отца имѣеть все, что ни имѣеть у Себя вѣчно.

А что реченія: *дадеса*, *предана*, и подобныя имъ не умаляютъ Божества въ Сынѣ, напротивъ же того, болѣе доказываютъ, что Онъ истинно Сынъ, это можно дознать изъ самыхъ этихъ изреченій. Ибо если *вся предана* Ему; то во-первыхъ отличенъ Онъ отъ всего, что пріялъ; а потомъ, будучи наслѣдникомъ всего, есть единственный и собственный по сущности Отчій Сынъ. А если бы Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, то не былъ бы наслѣдникомъ всего, но и каждый пріималъ бы, сколько восхотѣлъ бы и даль Отецъ. Теперъ же, Онъ, пріемля все, есть иной отъ всего и единственный собственный Отчій Сынъ.

А что реченія: *дадеса* и *предана* и всѣ имъ подобныя не показываютъ, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ,—это можно видѣть изъ другаго подобнаго изреченія. Самъ Спаситель говоритъ: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Иоан. 5, 26). Словомъ „даде“ даетъ разумѣть о

Себѣ, что Онъ не Отецъ, а словомъ „такъ“ показываетъ естественное подобіе и единство Сына со Отцемъ. Поэтому, если было, когда не имѣлъ Отецъ, то явно, что было, когда не имѣлъ и Сынъ. Ибо какъ имѣеть Отецъ, такъ имѣеть и Сынъ. А если нечестиво говорить это, гораздо же благочестивѣе—сказать, что Отецъ всегда имѣеть; то, когда говорить Сынъ, что, какъ имѣеть Отецъ, такъ имѣеть и Сынъ, совмѣстно ли съ чѣмъ утверждать еретикамъ, что Онъ имѣеть не такъ, но иначе? Посему, болѣе достойно вѣры Слово, и всегда имѣя все то, что именуеть Себя пріившимъ, имѣеть, это отъ Отца. Отецъ имѣеть не отъ кого-либо, а Сынъ имѣеть отъ Отца. Какъ въ-разсужденіи сіянія, если самое сіяніе скажетъ: „свѣтъ далъ мнѣ освѣщать всякое мѣсто, и я освѣщаю не отъ себя, но какъ хочеть это свѣтъ“; то, говоря это, покажетъ не то, что нѣкогда не имѣло оно сего, а напротивъ слѣдующее: „я собственность свѣта, и все, что принадлежитъ ему, есть мое“: такъ, и еще въ большей мѣрѣ, должно представлять себѣ и о Сынѣ. Отецъ, все давъ Сыну, все опять самъ имѣеть въ Сынѣ. И когда имѣеть Сынъ, Отецъ опять имѣеть это, потому что Божество Сына есть Божество Отца. Такъ, Отецъ въ Сынѣ промышляетъ о всемъ.

37) Таковъ смыслъ подобныхъ этимъ изреченій. А что касается до сказаннаго о Спасителѣ по-человѣчески, то и это также имѣеть благочестный смыслъ. Ибо для того и входили мы въ изслѣдованіе такихъ реченій, чтобы намъ,—если услышимъ Его спрашивающаго: гдѣ лежитъ Лазарь? и когда, пришедши въ предѣлы Кесаріи, вопрошаетъ Онъ: *кого Мнѣ глаголютъ человекомъ быти* (Матѣ. 16, 13)? и: *колико хлѣбы имате* (Марк. 6, 38)? и: *что хочета, да сотворю вама* (Матѣ. 20, 32)?—изъ сказаннаго ранѣе уразумѣвать правильный смыслъ этихъ изреченій и

не соблазняться подобно христорборнымъ аріанамъ. И во-первыхъ, этимъ нечестивцамъ должно сказать слѣдующее: почему думаютъ, что Спаситель не знаетъ? Кто спрашиваетъ, тотъ не по незнанію непременно спрашиваетъ; напротивъ того, и вѣдущему можно спрашивать о томъ, чтò знаетъ. И дѣйствительно, Іоаннъ о Христѣ, вопрошающемъ: *сколько хлѣбы имате?* знаетъ, что Онъ не былъ въ невѣдѣніи, а напротивъ, вѣдалъ это. Ибо говоритъ: *сіе же глаголаше искушая Филиппа: Самъ бо вѣдаше, что хочетъ сотворити* (Іоан. 6, 6). А если зналъ, чтò творилъ, то и спрашивалъ не по невѣдѣнію, но зная. А подобно этому должно понимать и другія таковыя же изреченія, именно, когда спрашивалъ Господь: гдѣ лежитъ Лазарь? или: *кого Мя глаголютъ человецы быти?*—спрашивалъ не какъ незнающій, но зналъ то, о чемъ спрашивалъ, вѣдая, *что хочетъ сотворити*. А такимъ образомъ, ухищреніе еретиковъ немедленно ниспровергается.

Если же еще будутъ упорствовать въ-разсужденіи того, что Христось спрашивалъ; то пусть слышатъ, что въ Божествѣ нѣтъ невѣдѣнія, а плоти, какъ сказано, свойственно невѣдать. И что это справедливо, то смотри, какъ Господь, вопрошавшій: гдѣ лежитъ Лазарь? когда не былъ еще на мѣстѣ, а находился далеко, говорилъ: *Лазарь умре* (Іоан. 11, 14), и сказывалъ, гдѣ умеръ. И Кого еретики почитаютъ невѣдущимъ, Тотъ предузнаетъ помышленія учениковъ, вѣдаетъ, чтò въ сердцѣ у каждаго и чтò въ человѣкѣ; а чтò еще важнѣе, Онъ одинъ знаетъ Отца и говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10).

38) Итакъ, не для всякаго ли очевидно, что невѣдѣніе свойственно плоти, само же Слово, поколику Оно — Слово, знаетъ все и прежде событія. Оно, и когда содѣлалось человѣкомъ, не перестало быть Бо-

гомъ, и не избѣгаетъ чловѣческаго, потому что Оно — Богъ. Да не будетъ сего! Напротивъ же того, будучи Богомъ, пріяло на Себя плоть; и будучи во плоти, обожило плоть. И какъ вопрошало во плоти, такъ въ ней же и воскресило мертваго, и всѣмъ показало, что Животворящій мертвыхъ и воззывающій душу тѣмъ паче знаетъ тайны всѣхъ. Оно вѣдало, гдѣ лежитъ Лазарь, однакоже вопрошало. Поступило же такъ все ради насъ претерпѣвшее всесвятѣйшее Божіе Слово, чтобы такимъ образомъ, понесши на Себѣ и невѣдѣніе наше, даровать намъ познаніе единого истиннаго Его Отца и Его самого, ради насъ посланнаго во спасеніе всѣхъ;—а выше этой милости и быть ничего не можетъ.

Посему и объ изреченіяхъ, представляемыхъ еретиками, когда говоритъ Спаситель: *дадеса Ми власть* (Мате. 28, 18), и: *прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1); и когда Петръ говоритъ: дана Ему власть ¹⁾, знаемъ, что все сказано въ томъ же смыслѣ; потому что говорится все это по - чловѣчески, по причинѣ тѣла. Ибо хотя не имѣетъ нужды, однакоже, скажется какбы Самъ пріявшимъ, что пріялъ по чловѣчеству, чтобы опять, такъ-какъ пріемлетъ Господь, и такъ-какъ на Немъ почиваетъ даяніе, твердою пребывала благодать. Простой чловѣкъ, пріявъ, можетъ и лишиться пріятаго; и это видно стало на Адамѣ, потому что онъ, пріявъ, утратилъ. Но чтобы благодать содѣлалась неотъемлемою и постоянно соблюлась у людей, для этого Онъ присволяетъ Себѣ даяніе, какъ чловѣкъ, называетъ Себя пріявшимъ *власть*, которую всегда имѣетъ, какъ Богъ; прославляющій другихъ говоритъ: *прослави Мя*, желая показать, что имѣетъ плоть, которой нужно прославленіе. Посему, когда пріемлетъ плоть, поелику

¹⁾ Въ 1 Посланіи св. Ап. Петра читаемъ: *Славу Ему давши* (1, 21).

пріемлющая плоть въ Немъ, и пріявъ ее, содѣлался Онъ человѣкомъ, то Себя именуеть какбы пріявшимъ.

39) Итакъ, если, какъ говорено было неоднократно, Слово не содѣлалось человѣкомъ; то пусть, по словамъ вашимъ, Слову принадлежитъ и пріятіе, и нужда въ прославленіи, и невѣдѣніе. А если содѣлалось человѣкомъ (ибо и дѣйствительно содѣлалось); то человѣку принадлежитъ и пріять, и имѣть нужду, и невѣдать.

Почему же Дающаго почитаемъ пріемлющимъ, о томъ, Кто снабдѣваетъ другихъ, предполагаемъ, что имѣеть нужду, и Слово, какъ несовершенное и имѣющее нужду, отдѣляемъ отъ Отца, а человѣчество лишаемъ благодати? Если само Слово, поколику Оно—Слово, ради Себя и пріемлетъ, и прославлено, если Оно по Божеству прославлено и воскресло; то какая надежда людямъ? Они, какъ и были, остаются нагими, и жалкими, и мертвыми, нисколько не участвующими въ дарованномъ Сыну. Для чего же Слово и приходило, и *плоть бысть*? Если для пріятія того, что, говоритъ Оно, приняло, а прежде не имѣло сего: то по необходимости Оно должно благодарить тѣло, потому что, когда стало съ тѣломъ, тогда приняло отъ Отца, чего не имѣло до снисшествія въ плоть; а изъ этого оказывается, что Оно само паче усовершилось чрезъ тѣло, нежели тѣло чрезъ Него. Но это—іудейское мудрованіе. А если Слово приходило искупить родъ человѣческій, и чтобы людей освятить и обожить, *Слово плоть бысть* (ибо для сего и стало Оно плотію); то кому уже не явно, что если именуеть Себя пріявшимъ что-либо, когда стало плотію, то именуеть относительно не къ Себѣ, но къ плоти? Во плоти былъ Именующій Себя пріявшимъ; плоти и дарованія были даны чрезъ Него Отцемъ.

Разсмотримъ же, что такое было, чего просилъ Онъ Себѣ, и вообще, что такое именовалъ Онъ Себя пріившимъ, чтобы хотя этимъ могли быть пристыжены еретики. Итакъ, просилъ Себѣ славы, и сказалъ: *вся Мнѣ предана быша* (Лук. 10, 22). И по воскресеніи говоритъ, что пріялъ всякую власть. Но и прежде, нежели сказалъ: *вся Мнѣ предана быша*, былъ Господомъ всего; ибо *вся Тѣмъ быша* (Іоан. 1, 3), и *единъ Господь, Имже вся* (1 Кор. 8, 6). И прося славы, былъ и есть Господь славы, какъ говоритъ Павелъ: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Ибо имѣлъ и ту славу, о какой просилъ, говоря: *славою, юже имѣхъ у Тебе. прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5).

40) И ту власть, какую пріившимъ Себя наименовалъ по воскресеніи, имѣлъ прежде сего пріятія и прежде воскресенія; потому что самъ отъ Себя запрещалъ сатанѣ, говоря: *иди за Мною сатано* (Матѣ. 4, 10), ученикамъ же далъ надъ нимъ власть, когда возвратившимся имъ сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18. 19). Но что и еще именовалъ Себя пріившимъ, то оказывается имѣвшимъ и до пріятія; потому что изгонялъ бѣсовъ, Самъ разрѣшалъ, что было связано сатаною, какъ учинилъ сіе надъ дочерію Авраамлею (Лук. 13, 16); отпускалъ грѣхи, говоря разслабленному и женѣ помазавшей ноги: *отпускаются грѣси твои* (Матѣ. 9, 2. Лук. 7, 48); воскрешалъ мертвыхъ; обновилъ бытіе слѣпаго, даровавъ ему зрѣніе, и совершилъ это, не отложивъ до того времени, когда пріиметь, но какъ властитель. Почему и изъ этого явствуетъ, что, содѣлавшись человѣкомъ и по воскресеніи, то самое, что имѣлъ Онъ, какъ Слово, именуется Себя пріившимъ по человѣчеству, чтобы чрезъ Него люди на землѣ, какъ содѣлавшіеся причастниками Божественнаго естества, имѣли наконецъ власть

надъ бѣсами, а на небесахъ, какъ освободившіеся отъ тлѣнія, вѣчно царствовали. Вообще же надобно знать, что если именуется Себя пріившимъ что-либо, не какъ неимѣвшій пріялъ Онъ это; потому что Слово, будучи Богомъ, имѣло это всегда, именуется же теперь пріемлющимъ по человѣчеству, чтобы, по пріятіи сего плотію въ Немъ, отъ нея уже твердымъ пребыло и въ насъ. Такой имѣетъ смыслъ и сказанное Петромъ: *пріемъ отъ Бога честь и славу* (2 Петр. 1, 17), *покоршимся Ему Ангеломъ* (1 Петр. 3, 22). Какъ по человѣчеству Онъ вопрошалъ и по Божеству воскресилъ Лазаря, такъ говорится по человѣчеству о Немъ: *пріемъ*; покорность же Ангеломъ доказываетъ Божество Слова.

41) Поэтому умолкните, богоненавистники, и не унижайте Слова, не отъемлите у Него единого со Отцемъ Божества, какъ у имѣющаго въ чемъ-либо нужду, или у невѣдущаго, чтобы не возвергнуть вамъ на Христа своихъ недостатковъ, какъ сдѣлали іудеи, метавшіе тогда въ Него камнями. Все это принадлежитъ не Слову, какъ Слову, но свойственно человѣкамъ. И какъ слыша, что Онъ *плону* (Іоан. 9, 6), *простеръ руку* (Матѹ. 8, 3), воззвалъ Лазаря, дѣйствія эти, хотя и совершены они съ помощію тѣла, называемъ не человѣческими, но Божіими; такъ, если въ Евангеліи о Спасителѣ скажется что-либо человѣческое, то, вникая опять въ свойство сказуемаго и находя это чуждымъ Богу, приписываемъ это не Божеству Слова, но Его человѣчеству. Ибо, хотя *Слово плоть бысть*, но немощи суть собственность плоти; и хотя плоть стала богодвижима въ Словѣ, но благодать и сила принадлежатъ Слову. Дѣла Отчія совершалъ Онъ съ помощію плоти, и тѣмъ не менѣе видимы также были въ Немъ немощи плоти. Такъ Онъ вопрошалъ, и воскресилъ Лазаря; возразжалъ Матери, говоря: *не у пріиде часъ Мой* (Іоан.

2, 4), и въ тоже время содѣлалъ воду виномъ; потому что во плоти былъ истинный Богъ, и Слово имѣло истинную плоть. Посему, дѣлами давалъ познавать и Себя—Сына Божія, и Отца Своего; а немощами плоти показывалъ, что носить на Себѣ истинное тѣло, и что оно есть Его собственное.

42) Поелику же приведено это въ ясность, то изслѣдуемъ и сіе изреченіе: *о дни же и о часъ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ* (Марк. 13, 32). Ибо еретики, всего болѣе оставаясь въ великомъ о семъ невѣдѣніи и омрачаясь при семъ смысломъ, думаютъ имѣть въ этомъ сильный предлогъ къ своей ереси. Но мнѣ кажется, что они, представляя это въ предлогъ и ища себѣ въ этомъ опоры, снова богоборствуютъ, какъ исполины. Ибо Господь неба и земли, *Иже вся быша* (Юан. 1, 3), судится ими *о дни и часъ*; всевѣдущее Слово обвиняется ими, какъ незнающее о дни, вѣдающій Отца Сынъ именуется незнающимъ часа во дни. Можно ли кому сказать что-либо малосмысленнѣе этого? Или, какое безуміе можно сравнить съ ихъ безуміемъ? Словомъ произведено все, и годы, и времена, и ночь, и день, и вся тварь; и Зиждитель именуется незнающимъ созданія! Самая связь рѣчи въ представленномъ мѣстѣ показываетъ, что Сынъ Божій знаетъ *часъ* и *день*, хотя ариане и претыкаются о невѣдѣніе. Сказавъ: *ни Сынъ*, описываетъ ученикамъ предшествующее дню, говоря: *будетъ то и то, и тогда кончина* (Матѳ. 24, 14). Но Кто говоритъ о предшествующемъ дню, Тотъ, конечно, знаетъ и день, который явится послѣ предсказаннаго. А если бы не зналъ *часа*, — не могъ бы означить и предшествующаго часу, не зная, когда будетъ часъ сей. Какъ, если кто иной, желая незнающимъ обозначить домъ или городъ, опишетъ, что предъ домомъ или городомъ, обозначивъ же все это, скажетъ: „потомъ вскорѣ и городъ или домъ; то,

безъ сомнѣнія, обозначающій знаетъ, гдѣ этотъ домъ или городъ; а если бы не зналъ, то не сталъ бы обозначать, что̀ передъ ними, чтобы по незнанію или слушающихъ не завести куда далеко, или самому, говоря это, не ошибиться и не обмануться въ обозначеніи: такъ Господь, говоря о предшествующемъ *дню* и *часу*, въ-точности зналъ и не можетъ не имѣть вѣдѣнія о томъ, когда настанетъ сей *часъ* и *день*.

43) Почему же, зная, не сказалъ тогда ученикамъ явно? Никто не долженъ допытываться, о чемъ самъ Онъ умолчалъ. *Кто бо разумъ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть* (Рим. 11, 34)? Почему же, зная, сказалъ, что не знаетъ и Сынъ? Извѣстно, думаю, всякому вѣрующему, что и это сказалъ не по иному чему, но какъ человѣкъ, по причинѣ плоти. Не есть это недостатокъ Слова, но человѣческому естеству свойственно и не знать. И это опять вполне можно уразумѣть, если кто съ благою совѣстію изслѣдуетъ время, когда и кому сказалъ это Спаситель. И такъ, сказалъ Онъ это не тогда, какъ приведено Имъ въ бытіе небо, не тогда, какъ Слово устроило все у самого Отца, и не прежде того, какъ содѣлалось человѣкомъ, но когда *Слово плоть бысть*. Поэтому и все, что̀ Слово, послѣ того, какъ содѣлалось человѣкомъ, говоритъ по-человѣчески, справедливо относить къ человѣчеству. Ибо Слову свойственно знать сотворенныя вещи, и не имѣть невѣдѣнія о началѣ и концѣ ихъ; потому что твари — Его дѣло. И Слово знаетъ, сколько тварей произвело Оно, и долго ли существовать имъ. Зная же начало и конецъ каждой твари, безъ сомнѣнія, знаетъ рѣшительный и общій конецъ всего. Говоря въ Евангеліи о Себѣ по человѣчеству: *Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1), конечно, какъ Слово, знаетъ и часъ общаго конца, не знаетъ же

какъ человѣкъ; потому что человѣку свойственно не знать, особливо сего не знать. Но и это незнаніе усвоено Спасителемъ по человѣколюбію; ибо, когда Господь содѣлался человѣкомъ, не стыдится, по причинѣ незнающей плоти, говорить о Себѣ: не знаю, желая показать, что, вѣдая какъ Богъ, не знаетъ по плоти. Не сказалъ: не знаетъ и Сынъ Божій, чтобы не оказалось невѣдущимъ Божество; но говорить просто: *ни Сынъ*, чтобы невѣдѣніе относилось къ Сыну человѣческому.

44) Посему, говоря объ Ангелахъ, не простирается выше, и не сказалъ: *ни Духъ Святый*, но умолчалъ дѣлая тѣмъ двойное указаніе, что, если знаетъ Духъ, тѣмъ паче, какъ Слово, знаетъ Слово, отъ Котораго и Духъ приѣмлетъ (Іоан. 16, 14); и что, умолчавъ о Духѣ, дѣлаетъ явнымъ, что о человѣческомъ Своемъ служеніи сказалъ: *ни Сынъ*.

Въ доказательство же того, что сказанное: *ни Сынъ вѣсть*—относится къ человѣчеству, показываетъ вмѣстѣ, что по Божеству вѣдаетъ Онъ все. Ибо о томъ же Сынѣ, о Которомъ сказалъ, что не знаетъ *дня*, говоритъ, что знаетъ Онъ Отца. *Ни Отца*, сказано, *кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27). Всякій же, кромѣ аріанъ, согласится, что Знающій Отца, тѣмъ паче знаетъ все касающееся твари, а въ числѣ всего и конецъ ея. И если день и часъ опредѣлены уже Отцемъ, то явно, что опредѣлены чрезъ Сына, и Сынъ знаетъ опредѣленное чрезъ Него. Ибо нѣтъ ничего, чтò пришло бы въ бытіе и опредѣлено было не чрезъ Сына. Слѣдовательно, Сынъ, будучи Творцемъ всего, знаетъ, какими, въ какомъ числѣ и на долго ли, по изволенію Отца, получили бытіе твари, въ чемъ и когда будетъ ихъ измѣненіе. Еще же, если все, чтò принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну (какъ это сказалъ самъ Сынъ — Іоан. 16, 15), а Отцу принадлежитъ знать день; то явно, что знаетъ

и Сынъ, и это имѣя собственно принадлежащимъ Себѣ отъ Отца. И еще, если Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ; Отецъ же знаетъ день и часъ: то явствуетъ, что и сущій во Отцѣ Сынъ и вѣдущій, что во Отцѣ, Самъ знаетъ день и часъ. Если также Сынъ есть истинный Образъ Отца, а Отецъ знаетъ и день и часъ; то явно, что и Сынъ знаніемъ сего уподобляется Отцу.

И неудивительно, если Тотъ, *Имже вся быша*, и въ Комъ *всяческая состоятся* (Кол. 1, 17), знаетъ созданныя вещи, и когда конецъ каждой вещи и всѣхъ вообще. Но удивительно то, что и такую истину защищать принудило насъ сіе безразсудство, подлинно приличное только безумію аріанъ. Ибо, причисляя къ созданнымъ Сына Божія—присносущное Слово, вскорѣ обучатся они утверждать, что и самъ Отецъ меньше твари. Если Знающій Отца не знаетъ дня и часа, то боюсь, чтобы не сказали эти безумцы, что вѣдѣніе о твари, и даже о малой части твари, важнѣе вѣдѣнія объ Отцѣ.

45) Но они, произнося такую хулу на Духа, пусть остаются въ томъ ожиданіи, что, какъ сказалъ Господь, никогда не получатъ отпущенія въ семь нечестій (Матѳ. 12, 31). Мы же, какъ христоролюбивые и христоносные, знаемъ, что Слово сказало: „не знаю“, не приписывая незнанія Себѣ, какъ Слову, — потому что Оно знаетъ; но указывая на человѣчество, потому что человѣкамъ свойственно не знать; и поелику облеклось въ невѣдущую плоть, то, въ ней пребывая, въ-отношеніи къ плоти сказало: „не знаю“. Такъ, сказавъ тогда: не знаетъ и Сынъ, и представивъ въ примѣръ незнаніе людей при Ноѣ, тотчасъ присовокупилъ Господь: *бдите убо, яко не вѣсте* и вы, *въ кій часъ Господь вашъ придетъ* (Матѳ. 24, 42), и еще: *въ онъже часъ не мните, Сынъ человеческій придетъ* (—44). Ради васъ, содѣлавшись подобнымъ вамъ, ска-

заль Я: *ни Сынъ*. А если бы не зналъ по Божеству, то надлежало бы сказать: *бдите*, потому что не знаю, и въ какой часъ не ожидаю. Но Господь не сказалъ сего; сказавъ же: *яко не вѣсте* вы, и *въ онъже не мните*, показалъ, что не знать свойственно людямъ, ради которыхъ и Онъ, имѣя подобную съ ними плоть и содѣлавшись человѣкомъ, говорить: не знаетъ и Сынъ; ибо не знаетъ по плоти, хотя и знаетъ, какъ Слово. И примѣръ жившихъ при Ноѣ снова обличаетъ безстыдство христорборцевъ; потому что и здѣсь не сказалъ о Себѣ: Я не зналъ; но говоритъ: *не увѣдѣши, дондеже прїиде вода* (Матѹ. 24, 39). Не знали люди; а Кто навелъ потопъ (это былъ самъ Спаситель), Тотъ зналъ день и часъ, въ который отверзъ хляби небесныя, и разверзъ бездны, и сказалъ Ною: *вниди ты, и сынове твои, въ ковчегъ* (Быт. 6, 18. 7, 1). Если бы не зналъ, то не предсказалъ бы Ною: *еще дней семь, азъ наведу* потопъ на землю (Быт. 7, 4). Если же означаетъ день изображеніемъ бывшаго при Ноѣ, день же потопа зналъ; то знаетъ, конечно, и день Своего пришествія.

46) И сказавъ притчу о дѣвахъ, еще яснѣе показалъ, кто суть незнающіе дня и часа, когда говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа* (Матѹ. 25, 13). Не задолго предъ этимъ говорилъ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ*; а теперь не сказалъ: и Я не знаю; но говоритъ: вы *не вѣсте*. Слѣдовательно, когда и ученики спрашивали о кончинѣ, хорошо сказалъ Онъ: *ни Сынъ*, по причинѣ тѣла, относительно къ плоти, желая показать, что не знаетъ, какъ человѣкъ; потому что людямъ свойственно не знать. Если Онъ есть Слово, и самъ имѣющій прїидти, самъ Судія, самъ Женихъ; то знаетъ, когда и въ какой часъ прїидетъ, и когда скажетъ: *востани спяи, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тѣ Христосъ* (Ефес. 5, 14). Какъ, содѣлавшись человѣкомъ, Онъ съ человѣками алчетъ, и

жаждетъ, и страждетъ, такъ съ человѣками и не знаетъ, какъ человѣкъ, по Божеству же какъ во Отцаъ сущее Слово и Премудрость, знаетъ, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ вѣдѣнія Его.

Такъ и о Лазарѣ опять по человѣчеству вопрошаетъ Тотъ, Кто пришелъ его воскресить, и знаетъ, откуда воззоветъ душу Лазаря; но знать, гдѣ была душа, важнѣе, нежели знать, гдѣ лежало тѣло. Спрашивалъ же по человѣчеству, чтобы воскресить по Божеству. Такъ спрашиваетъ и учениковъ, пришедши во страны *Кесаріи*, хотя зналъ и прежде отвѣта Петрова. Ибо, если Отецъ открылъ Петру то, о чемъ вопрошалъ Господь: явно, что откровеніе было чрезъ Сына; ибо сказано: *никтоже вѣсть Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волишь Сынъ открыти* (Матѣ. 11, 27). Если же вѣдѣніе объ Отцаъ и Сынѣ открывается чрезъ Сына, то несомнѣнно, что вопрошающій Господь, Самъ прежде открывъ Петру отъ Отца, впослѣдствіи спрашивалъ по человѣчеству, желая тѣмъ показать, что, вопрошая по плоти, знаетъ по Божеству, что скажетъ Петръ. И такъ, вѣдаетъ Сынъ, потому что знаетъ все, знаетъ Своего Отца, а сего знанія ничто не можетъ быть выше и совершеннѣе.

47) Хотя и этого достаточно къ обличенію еретиковъ, но чтобы еще болѣе чрезъ это показать въ нихъ враговъ истины и христорборцевъ, желательно мнѣ спросить въ свою очередь. Апостоль въ второмъ Посланіи къ коринѣянамъ говоритъ: *вѣмъ человека о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ; Богъ вѣсть* (2 Кор. 12, 2). Поэтому, что же скажете? Зналъ ли Апостоль, что съ нимъ было въ видѣніи, хотя говоритъ: *не вѣмъ*, или не зналъ? Если не зналъ, то смотрите, чтобы вамъ, навъкнувъ падать, не впасть и въ беззаконіе фриговъ, которые говорятъ, будто бы Про-

роки и другіе служители Слова не знаютъ, ни что дѣлаютъ, ни о чемъ возвѣщаютъ. Если же, говоря: *не вѣмъ*, Апостоль зналъ, потому что имѣлъ въ себѣ Христа, открывающаго ему все; то, подлинно, не развращенно ли и не самоосужденно ли сердце христорборцевъ? Объ Апостолѣ, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ, что знаетъ, о Господѣ же, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ, что не знаетъ. Если Павелъ потому, что былъ въ немъ Христосъ, знаетъ и то, о чемъ говоритъ: *не вѣмъ*; то не тѣмъ ли паче вѣдаетъ самъ Христосъ, хотя и говоритъ: *не вѣмъ*? Апостоль, поелику открываетъ ему Господь, знаетъ, что было съ нимъ; потому и говоритъ: *вѣмъ чело-вѣка о Христѣ*; зная же чело-вѣка, знаетъ и то, какъ былъ восхищенъ этотъ чело-вѣкъ. Такъ, Елисей видѣлъ и зналъ, какъ взять былъ Илія. Но и зная, когда сыны пророческіе стали думать, что Илія повергнутъ Духомъ на едину отъ горъ, сначала увѣрялъ ихъ въ томъ, что видѣлъ и зналъ; когда же стали принуждать его, — умолкъ и согласился, чтобы шли искать (4 Цар. 2, 12. 15 — 18). Неужели, поелику умолкъ, то и не зналъ? Зналъ, конечно, но согласился какъ незнавшій, чтобы они, убѣдившись, не сомнѣвались болѣе о взятіи Иліи. Тѣмъ паче Павелъ, будучи самъ восхищенъ, зналъ, какъ онъ былъ восхищенъ; потому что и Илія зналъ, и если бы спросилъ кто, сказалъ бы, какъ былъ взять. Одна-коже, Павелъ говоритъ: *не вѣмъ*, какъ думаю, двухъ ради причинъ, во-первыхъ, какъ самъ сказалъ, *да не како за премногая откровенія* почитать кто его инымъ паче, *еже видитъ* (2 Кор. 12, 6); а во-вторыхъ, поелику Спаситель сказалъ: *не вѣмъ*, и Павлу сказать прилично было: *не вѣмъ*, чтобы не казаться рабу выше Господина своего и ученику выше Учителя (Матѣ. 10, 24).

48) Слѣдовательно, Давшій вѣдѣніе Павлу гораздо паче зналъ Самъ. Ибо, говоря о томъ, что предше-

ствуеть дню, какъ сказано выше, зналъ Онъ, когда день и когда часъ. Однакоже, зная, говорить: не знаетъ и Сынъ. Для чего же тогда наименовалъ Себя незнающимъ, что зналъ, какъ Владыка? Сколько изслѣдователямъ нужно прибѣгать къ догадкамъ, думаю, что для нашей пользы сдѣлалъ это Господь. Предположенію моему самъ Онъ даетъ значеніе истины. Въ томъ и другомъ Спаситель соблюлъ полезное для насъ; потому что и сдѣлалъ извѣстнымъ, что встрѣтится прежде конца, чтобы, какъ самъ Онъ сказалъ, не изумлялись мы этимъ событіямъ и не ужасались ихъ (Матѹ. 24, 6), но по нимъ ожидали послѣдующаго за тѣмъ конца; о днѣ же и часѣ не благоволилъ сказать по Божеству: „знаю“, но по причинѣ невѣдущей плоти, по замѣченному выше, сказалъ: *не вѣмъ*, чтобы еще не предложили Ему вопросовъ, и тогда уже Ему или не опечалить учениковъ, не сказавъ, или сказавъ, не сдѣлать того, что не было бы полезно имъ и всѣмъ намъ. Ибо что ни дѣлаетъ Онъ, все это, безъ сомнѣнія, для насъ; такъ - какъ ради насъ *Слово плоть бысть*. Поэтому, ради насъ сказалъ: не знаетъ и Сынъ. И не солгалъ, сказавъ это, потому что, какъ человѣкъ, по человѣчеству сказалъ: не знаю, и не допустилъ учениковъ вынуждать у Него отвѣтъ; потому что сказаннымъ: не знаю, остановилъ ихъ вопросъ.

Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ написано, что, — когда *взыде* на Ангелы (Псал. 17, 11), восходя какъ человѣкъ, и вознося на небо плоть, которую понесъ на Себѣ, когда и ученики, видя это, снова вопрошали, скоро ли будетъ конецъ, и скоро ли придетъ? — тогда сказалъ имъ яснѣе: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. 1, 7). Не сказалъ тогда: *ни Сынъ*, какъ говорилъ прежде сего по человѣчеству, но:

нѣсть ваше разумѣти; потому что плоть Его была уже воскресшая, отложившая мертвенность и обоженная, и Ему восходящему на небеса прилично уже было отвѣчать не по плоти, но научить, наконецъ, по Божеству: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но примите силу.* Какая же Отчая Сила, кромѣ Сына? Ибо Христось *сила Божія и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24).

49) Итакъ, Онъ, будучи Словомъ, зналъ. Ибо, говоря это, давалъ разумѣть: Я знаю, но *нѣсть ваше разумѣти;* для васъ, и сидя на горѣ, говорилъ Я по плоти: *не знаетъ и Сынъ,* имѣя въ виду вашу и общую всѣхъ пользу. Ибо вамъ полезно слышать это и объ Ангелахъ и о Сынѣ, по причинѣ обманщиковъ, какіе будутъ послѣ сего, чтобы вы, когда демоны преобразятся въ Ангеловъ и вознамѣрятся говорить о кончинѣ, не вѣрили имъ, потому что они не знаютъ, и когда антихристъ, принявъ притворный видъ, скажетъ: „я христось“, и для обольщенія слушающихъ покусится также говорить о днѣ и о кончинѣ, и ему не повѣрили, помня Мое слово: *ни Сынъ.*

Сверхъ того, не зная, ^и когда конецъ или когда день кончины, полезно людямъ, чтобы, зная, не содѣлаться имъ небрегущими о текущемъ времени въ ожиданіи дней близкихъ къ концу, и не имѣть предлога, что тогда только позаботятся о себѣ. Поэтому, умолчалъ и о смертной кончинѣ cadaго, чтобы, подъ предлогомъ знанія, люди надмившись не начали большую часть времени нерадѣть о себѣ. Такъ Слово сокрыло отъ насъ то и другое, и конецъ всего, и предѣлъ cadaго (потому что съ общею кончиною соединенъ конецъ и cadaго, и кончиною cadaго приближается общій конецъ), чтобы, поелику конецъ неизвѣстенъ и непрестанно

ождается, съ каждымъ днемъ, какъ призываемые, преспѣвали мы, въ *предняя простираясь. задняя же забывая* (Филип. 3, 13). Ибо кто, зная день кончины, не оставитъ безъ вниманія текущаго времени? Не зная же этого дня, не будетъ ли готовиться каждый день? Посему-то и присовокупилъ Спаситель къ сказанному, говоря: *бдите убо, яко не вѣсте вы, въ кій часъ Господь вашъ придетъ* (Матѳ. 24, 42); и: *въ онъже часъ не мните, Сынъ человеческій придетъ* (Лук. 12, 40). Слѣдовательно, сказалъ это по причинѣ пользы такого невѣдѣнія; ибо говоритъ это съ тою цѣлю, чтобы всегда были мы готовы. Вы, говорить, не знаете, а Я, Господь, знаю, когда прииду, хотя аріане и не ожидаютъ Меня, Отчее Слово.

50) Итакъ, Господь, лучше насъ зная полезное для насъ, предостерегалъ этимъ учениковъ; и они, уразумѣвъ это, исправили тѣхъ ѳессалоникійцевъ, которые готовы были погрѣшить въ этомъ (2 Сол. 2, 2). Но поелику христорборцы и этимъ не приводятся въ стыдъ, то, хотя знаю, что сердце ихъ ожесточеннѣе Фараонова, хочу однакоже спросить ихъ еще и о семъ. Богъ спрашиваетъ въ раю, говоря: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9)? Вопросаетъ и Каина: *гдѣ есть Авель, братъ твои* (Быт. 4, 9)? Поэтому, что скажете о семъ? Если полагаете, что Богъ не знаетъ, и потому спрашиваетъ; то вы присоединяетесь уже къ манихеямъ,—потому что имъ принадлежитъ такая дерзкая мысль. Если же, опасаясь явнаго наименованія манихеями, принудите себя сказать, что спрашиваетъ, зная; то какую несообразность или странность можете примѣчать въ томъ, что Сынъ, чрезъ Котораго тогда вопрошалъ Богъ, сей, говорю, Сынъ и нынѣ, облеченный плотію, какъ человѣкъ, вопрошаетъ учениковъ? Развѣ пожелаете, ставъ манихеями, порицать и данный тогда Адаму вопросъ,

только бы имѣть вамъ случай похвалиться своимъ злоуміемъ.

Во всемъ обличаемые, еще ропщете вы по причинѣ сказаннаго у Луки, хотя и хорошо это сказано, вы же понимаете худо. Чтò же это именно, необходимо предложить здѣсь, чтобы и въ этомъ видѣнъ былъ развращенный умъ еретиковъ.

51) Итакъ, Лука говоритъ: *и Иисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человекъ* (Лук. 2, 52). Таково изреченіе. Но поелику аріане и въ семъ находятъ преткновеніе, то необходимо опять спросить ихъ, какъ фарисеевъ и саддукеевъ: о комъ говоритъ Лука? Спрашиваемъ же такъ: Иисусъ Христосъ есть ли человекъ, какъ и всѣ прочіе человекъ, или Богъ, носящій на Себѣ плотъ? Если и Онъ обыкновенный человекъ, подобный другимъ людямъ; то пусть и преуспѣваетъ такъ же, какъ человекъ. Это, конечно, мудрованіе Самосатскаго, котораго и вы въ сущности держитесь, по имени же только отрицаетесь ради людской молвы. А если Онъ — Богъ, носящій на Себѣ плотъ (какъ и дѣйствительно), и *Слово плоть бысть*, и, будучи Богомъ, снизошло на землю; то какое преспѣваніе имѣлъ Тотъ, Кто равенъ Богу? Или, съ чего начавъ, возрасталъ Сынъ, всегда сущій во Отцѣ? Если преспѣваетъ всегда Сущій во Отцѣ, — что будетъ выше Отца, въ чемъ бы преспѣвать Сыну? Потомъ, хорошо будетъ сказать здѣсь то же, что сказано о пріятіи и прославленіи. Если преспѣвалъ, содѣлавшись человекомъ; то явно, что, пока не содѣлался человекомъ, былъ несовершенъ, и болѣе плотъ стала причиною Его совершенства, нежели Онъ причиною совершенства плоти. И еще, если, будучи Словомъ, преспѣваетъ, то чѣмъ же можетъ содѣлаться высшимъ Слова, Премудрости, Сына, Божіей силы? А Слово есть все это, и кто можетъ содѣлаться сколько-

нибудь причастникомъ сего, какъ луча, тотъ дѣлается совершеннѣйшимъ человѣкомъ и равноангельнымъ. Ибо и Ангелы, и Архангелы, и Господства, и всѣ Силы, и Престолы, по общенію съ Словомъ, *выну видятъ* лице Отца Его. Какъ же Дарующій совершенство другимъ Самъ преспѣваетъ послѣ нихъ? Ангелы служили и при человѣческомъ Его рожденіи, и сказанное Лукою говорится послѣ служенія Ангеловъ. Какъ же вообще можетъ даже прійти это на мысль человѣку? Или, какъ Премудрость преспѣвала премудростію? Какъ Подающій благодать другимъ (о чемъ Павелъ, зная, что Имъ преподается благодать, говоритъ во всякомъ Посланіи: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами*) Самъ преспѣвалъ благодатію? Или, пусть скажутъ, что Апостоль солгалъ; или, пусть осмѣлятся утверждать, что Сынъ не есть Премудрость. А если Онъ — Премудрость, какъ Соломонъ сказалъ и Павелъ написалъ: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость*; то какое преспѣваніе допускала Премудрость?

52) Люди, будучи тварями, могутъ простираться впередъ и преспѣвать въ добродѣтели. Такъ, Энохъ *преложень бысть*, и Моисей возрастая усовершался, и Исаакъ преспѣвая сталъ великъ, и Апостоль сказалъ о себѣ, что съ каждымъ днемъ *простирается въ предняя*. Ибо каждому было въ чемъ преспѣвать, взирая на подлежащую ему степень. Но Сынъ Божій, какъ единый, къ чему могъ простираться? Все преспѣваетъ, взирая на Него, самъ же Онъ единъ во единомъ Отцѣ, и отъ Него уже не простирается, но въ Немъ всегда пребываетъ. Посему, преспѣвать свойственно людямъ; Сынъ же Божій, поелику Ему не въ чемъ преспѣвать, будучи совершеннымъ во Отцѣ, смирилъ Себя насъ ради, чтобы Его смиреніемъ мы могли паче возрастая; возрастаніе же наше не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ удаленіи отъ

чувственнаго и въ приближеніи къ самому Слову, потому что и Его смиреніе не иное что есть. какъ воспріятіе нашей плоти. Поэтому, преспѣвало не Слово, поколику Оно—Слово, совершенное отъ совершеннаго Отца, ни въ чемъ не имѣющее нужды, но и другихъ возводящее къ преспѣванію; но и здѣсь именуется преспѣвающимъ по человѣчеству, потому что и преспѣваніе свойственно также людямъ.

И Евангелистъ, говоря съ строгою осмотрительностію, къ преспѣванію присоединилъ и *возрастъ*. Слово и Богъ не измѣряется возрастомъ, возрасты же принадлежать тѣламъ; слѣдовательно и преспѣваніе принадлежитъ тѣлу. Съ преспѣваніемъ тѣла преспѣвало въ немъ для видящихъ и явленіе Божества. А въ какой мѣрѣ открывалось Божество, въ такой болѣе и болѣе для всѣхъ людей возрастала благодать, какъ въ человѣкѣ. Будучи младенцемъ, былъ Онъ носимъ; ставъ отрокомъ, остался во храмѣ и вопрошалъ священниковъ о Законѣ; а по мѣрѣ того, какъ постепенно возрастало тѣло и являло Себя въ немъ Слово, исповѣдуютъ уже сперва Петръ, а потомъ и всѣ, что *воистину Божій Онъ Сынъ*, хотя іудеи, и древніе и сіи новые, добровольно смежаютъ очи, и не хотятъ видѣть, что преспѣвать премудростию не то значить, будто бы преспѣваетъ сама Премудрость, скорѣе же то, что преспѣваетъ премудростию человѣчество. *И Иисусъ преспѣвалъ премудростию и благодатию*. Если же надобно выразиться вмѣстѣ истинно и удобопонятно, то Иисусъ преспѣвалъ самъ въ Себѣ, потому что *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1), и содѣлала, что домъ преспѣвалъ Ею.

53) О какомъ же говорится преспѣваніи? Не о томъ ли обоженіи, и не о той ли благодати, какія, по замѣченному выше, послѣ уничтоженія въ людяхъ грѣха и бывшаго въ нихъ тлѣнія, по подобію

и сродству съ плотію Слова, преподаются имъ Премудростію? Такъ, когда съ лѣтами возрастало тѣло, соотвѣтствовало сему въ немъ и явленіе Божества, и всѣмъ дѣлалось явно, что Божій это храмъ и что Богъ былъ въ тѣлѣ.

Если же будутъ упорствовать, что Слово, содѣлавшееся плотію, наречено Иисусомъ, и къ Нему станутъ относить сказанное: *преспѣваше*; то пусть слышатъ, что и это не умаляетъ Отчаго свѣта (потому что Сынъ есть Отчій свѣтъ), показываетъ же опять, что Слово содѣлалось человѣкомъ и носило на Себѣ истинную плотъ. И какъ говорили мы, что Слово плотію страдало, плотію алкало и плотію утруждалось; такъ справедливо можно сказать, что Оно плотію преспѣвало; потому что не виѣ было Слово, когда совершалось это, какое бы то ни было, сказанное нами преспѣяніе. Въ Словѣ была преспѣвающая плотъ и называется плотію Слова. И это опять для того, чтобы человѣческое преспѣяніе, по причинѣ соприсущаго Слова, пребывало непогрѣшительнымъ. Итакъ, это — не преспѣяніе Слова, Премудрость не была плотію; но плотъ содѣлалась тѣломъ Премудрости. Посему, какъ уже сказали мы, не Премудрость, поколику Она—Премудрость, сама въ Себѣ преспѣвала; но человѣчество преспѣвало премудростію, постепенно возвышаясь надъ естествомъ человѣческимъ, обожаясь, содѣлываясь и являясь для всѣхъ органомъ Премудрости для дѣйственности Божества и Его возсіянія. Потому, не сказалъ Евангелистъ: преспѣвало Слово, но *Иисусъ преспѣваше*, а симъ именемъ нареченъ Господь, содѣлавшись человѣкомъ. И такимъ образомъ, преспѣяніе, какъ сказали мы и выше, принадлежитъ естеству человѣческому.

54) Посему, какъ съ преспѣяніемъ плоти Господь самъ именуется преспѣвающимъ, потому что тѣло

принадлежало Ему собственно: такъ и сказуемое относительно ко времени смерти, что Господь возмущался, плакалъ, надобно принимать въ томъ же смыслѣ. Ибо еретики, кидаясь туда и сюда, и на этомъ какбы вновь созидая свою ересь, говорятъ: вотъ плакалъ и говорилъ: *нынѣ душа Моя возмутися* (Иоан. 12, 27), и молился, *да мимоидеть чаша* (Матѣ, 26, 39); почему же, если говорилъ это, Онъ — Богъ и Отчее Слово? Такъ; написано, богоборцы, что плакалъ, и говорилъ: *возмутися*, и на крестѣ сказалъ: *Элои, Элои, лилма савахани, ежсе есть, Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Марк. 15, 34., Матѣ. 27, 46); молился и о томъ, *да мимоидеть чаша*: и это написано. Но я желалъ бы также, чтобы и вы дали отвѣтъ. Ибо каждое изъ вашихъ возраженій необходимо отражать тѣмъ-же. Если Глаголющій есть простой человѣкъ, то пусть плачетъ и боится смерти, какъ человѣкъ. Если же Онъ—Слово во плоти (для насъ не обременительно — повторять всегда одно и то же), то чего было бояться Ему — Богу? Или, почему убоялся смерти, будучи Самъ жизнь и другихъ спасая отъ смерти? Или, почему говоря: *не убойтеса отъ убивающихъ тѣло* (Лук. 12, 4), Самъ убоялся? Почему Тотъ, Кто говоритъ Аврааму: *не бойся, яко съ Тобою есмь* (Быт. 26, 24. Исаи 43, 5), и Моисея поощряетъ къ мужеству предъ Фараономъ, и Навину говорить: *крѣпнися и мужайся* (Ис. Нав. 1, 6),—Самъ пришелъ въ боязнь отъ Ирода и Пилата? Притомъ, другимъ ставъ помощникомъ, чтобы не имѣли страха (ибо сказано: *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ*—Псал. 117, 6), Самъ устрасился игемоновъ, людей смертныхъ, и добровольно пришедши на смерть, убоялся смерти? Совмѣстно ли съ чѣмъ и не злочестиво ли—говорить, что убоялся смерти или ада Тотъ, Кого видѣше вратницы адовы *убояшася* (Иов. 38, 17)? Если же, по сло-

вамъ вашимъ, убоялось Слово; то почему же задолго предъ симъ говоря о злоумышленіи іудеевъ, Оно не спаслось бѣгствомъ, но когда искали, сказало: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 5)? Господь могъ и не умереть, какъ говорилъ: *область имамъ положить* душу Мою, *и область имамъ паки пріяти ю; и: никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. 10, 18).

55) Напротивъ того, бояться свойственно было не естеству Слова, какъ Слова, христорборцы и неблагодарные іудеи, но Слово было во плоти, подверженной страху. И не говорилось сего о Словѣ до пріятія Имъ плоти; когда же *Слово плоть бысть* и содѣлалось человѣкомъ, тогда написано это относительно къ человѣчеству. Несомнѣнно же, что, о Комъ написано это, Тотъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ, воду содѣлалъ виномъ, даровалъ зрѣніе родившемуся слѣпымъ, и говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30).

Итакъ, если еретики человѣческія свойства выставляютъ въ предлогъ къ тому, чтобы о Сынѣ Божіемъ думать низко, лучше же сказать, почитаютъ Его человѣкомъ совершенно земнымъ и не небеснымъ; то почему изъ дѣлъ Божескихъ не признаютъ Слова, сущаго во Отцѣ, и не отрекутся наконецъ отъ своего злочестія? Ибо можно имъ видѣть, почему Творящій дѣла есть Тотъ же самый, Кто являетъ и удобострадающее тѣло, попуская ему плакать и алкать, и обнаруживать въ себѣ свойственное тѣлу. Чрезъ подобное сему дѣлалъ Онъ извѣстнымъ, что Онъ—безстрастный Богъ, и пріялъ на Себя удобострадающую плоть; а дѣлами доказывалъ о Себѣ, что Онъ есть Божіе Слово, впоследствии содѣлавшееся человѣкомъ, и говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете. видя Меня облеченнымъ въ человѣческое тѣло, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете. яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 10, 38).

Но весьма великими кажутся мнѣ безстыдство и хула христорборцевъ. Слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, усиливаются перетолковать смыслъ и расторгнуть единство Отца и Сына; а слыша, что плакаль, проливалъ потъ, страдалъ, не обращаютъ вниманія на тѣло, но причисляютъ за сіе къ твари Того, Кѣмъ тварь получила бытіе. Чѣмъ же наконецъ еретики эти отличаются отъ іудеевъ? Какъ тѣ хульно приписывали дѣла Божіи веельзевулу; такъ и они, причисляя къ тварямъ совершившаго эти дѣла Господа, понесутъ на себѣ и одинаковое съ іудеями непощадное осужденіе.

56) Но имъ, слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, надлежало видѣть единое Божество и свойственное Отчей сущности; а слыша: плакаль и подобное тому, именовать сіе свойственнымъ тѣлу, тѣмъ паче, что въ томъ и другомъ имѣютъ основательный поводъ признавать одно написаннымъ о Немъ, какъ о Богѣ, а другое сказаннымъ по причинѣ человѣческаго Его тѣла. Въ Безплотномъ не было бы свойственнаго тѣлу, если бы не пріялъ на Себя тлѣннаго и смертнаго тѣла. Ибо смертною была святая Марія, отъ Которой было тѣло. А потому, когда былъ Онъ въ тѣлѣ страждущемъ, способномъ плакать и утомляться, тогда необходимо стало, чтобы Ему вмѣстѣ съ тѣломъ приписывалось и то, что собственно принадлежитъ плоти. Итакъ, если Онъ плакаль и возмущался, то и плакало и возмущалось не Слово, какъ Слово, но это свойственно было плоти; если и молился, *да мимоидеть чаша*, то не Божество страшилось, но и эта немощь свойственна была человѣчеству. И слова: *вскрю Мя еси оставилъ*, по сказанному выше, Ему же опять, хотя нимало не страждущему (потому что Слово было безстрастно), приписали однакоже Евангелисты. Ибо Господь содѣлался человѣкомъ; и это совершается и говорится Имъ,

какъ человѣкомъ, чтобы Ему самому, облегчивъ и эти страданія плоти, содѣлать плоть свободною отъ нихъ. Посему, не можетъ быть и оставленъ Отцемъ Господь, всегда сущій во Отцѣ, какъ и прежде нежели изрекъ это, такъ и по произнесеніи этихъ словъ. Но не позволительно опять сказать, будто бы убоился Господь, Котораго убоившись, *вратницы адовы* дали свободу содержимымъ во адѣ, *и гробы отверзюшася, и многа тѣлеса святыхъ восташа, и явишася* своимъ (Матѳ. 27, 52. 53). И такъ, да умолкнетъ всякій еретикъ, и да устрашится говорить, будто бы имѣлъ боязнь Господь, отъ Кого бѣжитъ смерть какъ змій, предъ Кѣмъ трепещутъ демоны, Кого страшится море, для Кого разверзаются небеса, и всѣ силы колеблются. Ибо вотъ, когда говоритъ Онъ: *всую Мя еси оставилъ*, Отецъ показываетъ, что, какъ всегда, такъ и въ это время былъ Онъ въ Немъ; потому что земля, зная вѣщающаго Владыку, немедленно потряслась, завѣса раздралась, солнце сокрылось, камни разсѣлись, гробы, какъ сказано выше, отверзлись, и бывшіе въ нихъ мертвецы востали, и, что всего удивительнѣе, предстоящіе, которые прежде отреклись отъ Него, когда увидѣли это, исповѣдуютъ, что *воистину Божій Сынъ есть Сей* (Матѳ. 27, 54).

57) Въ-разсужденіи же сказаннаго Имъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ чаша* (Матѳ. 26, 39), обратите вниманіе на то, почему Сказавшій это въ иномъ случаѣ сдѣлалъ упрекъ Петру: *не мыслии, яже Божія, но человѣческая* (Матѳ. 16, 23). Объ отмѣненіи чего просилъ, Самъ того хотѣлъ, на то и пришелъ. Но какъ Ему было свойственно хотѣть сего, потому что на сіе и пришелъ, такъ плоти свойственно было и страшиться; почему, какъ человѣкъ, сказалъ Онъ эти слова. И опять, то и другое сказано было Имъ въ доказательство, что Онъ—Богъ, Самъ хотѣлъ сего, но, содѣлавшись человѣ-

комъ, сталъ имѣть страшливую плоть, и по причинѣ ея Свою волю срастворилъ человѣческою немощію, чтобы, и сіе также уничтоживъ, снова содѣлать человѣка небоющимся смерти. Вотъ подлинно необычайное дѣло! Кого христорборцы почитаютъ говорящимъ по боязни, Тотъ мнимою боязнію содѣлалъ людей отважными и небоязненными. И блаженные Апостолы, послѣ Него, вслѣдствіе этихъ словъ, столько начинаютъ презирать смерть, что не обращаютъ вниманія на судей своихъ, но говорятъ: *повиноватися подобаетъ Богу паче, нежели человеку* (Дѣян. 5, 29). Другіе же святые мученики до того простирали небоязненность; что скорѣе можно было почитать ихъ преходящими въ жизнь, нежели претерпѣвающими смерть. Итакъ, не явная ли несообразность—удивляться мужеству служителей Слова, и приписывать боязнь самому Слову, силою Котораго и они презирали смерть? Самою твердою рѣшимостію и мужествомъ святыхъ мучениковъ доказывается, что не Божество имѣло боязнь, но нашу боязнь отъялъ Спаситель. Ибо, какъ смерть привелъ въ бездѣйствіе смертію и все человѣческое—Своимъ человѣчествомъ; такъ и мнимою боязнію отъялъ нашу боязнь, и содѣлалъ, что люди не боятся уже смерти. Поэтому и говорилъ и вмѣстѣ дѣлалъ сіе. Человѣчеству свойственно было говорить: *да мимоидетъ чаша, и: вскую Мя еси оставилъ*; а по Божеству содѣлалъ Онъ, что меркнетъ солнце и встаютъ мертвые. И опять, говоря по-человѣчески: *нынѣ душа Моя возмутися*, говорилъ божески: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ прияти ю*. Возмущаться свойственно было плоти, а имѣть власть положить и приять душу, когда хочеть, не человѣкамъ уже свойственно, но возможно только силѣ Слова. Человѣкъ умираетъ не по собственной своей власти, но по необходимости при-

роды и противъ воли; Господь же, Самъ будучи безсмертенъ, но имѣя смертную плоть, былъ властенъ, какъ Богъ, разлучиться съ тѣломъ и снова воспріять оное, когда Ему было угодно. Объ этомъ и Давидъ воспѣваетъ: *не оставиши душу Мою во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣніи* (Псал. 15, 10). Плоти тлѣнной прилично было не оставаться болѣе смертною, сообразно съ естествомъ своимъ, но пребывать нетлѣнною по причинѣ облекшагося въ нее Слова. Какъ Оно, бывъ въ нашемъ тѣлѣ, подражало свойственному намъ, такъ мы, пріявъ Его, отъ Него приобщаемся безсмертія.

58) Посему, аріане напрасно притворяются соблазняющимися, и низко думаютъ о Словѣ, если написано: *возмутися, и: плакаль*. Повидимому, не имѣютъ они человѣческаго чувства, не зная естества человѣческаго и свойственнаго людямъ. Надлежало болѣе дивиться сему, что Слово было въ такой удобоображающей плоти, и не воспрепятствовало злоумышляющимъ, не наказало убійцъ, хотя и могъ это сдѣлать Тотъ, Кто другихъ удерживалъ отъ смерти и умершихъ воскрешалъ изъ мертвыхъ. Напротивъ того, Слово попустило пострадать собственному Своему тѣлу. Для того, какъ говорилъ я прежде, и пришло Оно, дабы пострадать плотію и плоть содѣлать наконецъ безстрастною и безсмертною, дабы, какъ неоднократно говорили мы, чрезъ страданія и все бывшее, поколику относилось это и къ самому Слову, содѣлать, чтобы болѣе уже не касалось это людей, но совершенно уничтожилось Имъ, и люди, какъ храмъ Слова, пребывали уже нетлѣнными во вѣкъ.

Если бы такъ разсуждали объ этомъ христорборцы и руководство Церковное признавали за якорь вѣры, то не подверглись бы крушенію въ вѣрѣ и не до-

шли бы до такого безстыдства, чтобы противиться желающимъ возставить ихъ отъ паденія, и лучше сказать, почитать врагами увѣщавающихъ ихъ къ благочестію. Но, какъ видно, еретикъ имѣетъ подлинно лукавое и во всемъ развращенное нечестіемъ сердце. Ибо вотъ во всемъ обличаемые и, какъ оказывается, лишенные всякаго смысла, они не стыдятся; но какъ описываемая въ эллинскихъ басняхъ гидра, когда умерщвляли у нея прежнихъ змѣй, пораждала новыхъ, и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь поражаемыхъ змѣй: такъ и эти богоборцы и богоненавистники, подобно гидрамъ въ душѣ смертельно поражаемые во всемъ, что выставляютъ въ свою защиту, изобрѣтаютъ себѣ новые іудейскіе и буи вопросы, и, какбы враждуя противъ истины, вымышляютъ новое, чтобы только во всемъ показать себя христорборцами.

59) Ибо послѣ столь многихъ обличеній, при которыхъ и самъ отецъ ихъ — діаволь — обратился бы вспять, они снова ропщутъ, вымышляя въ ухищренномъ сердцѣ своемъ, и однимъ шепчутъ, другимъ, какъ комары, жужжать, говоря: „положимъ, что такъ толкуете вы это, и преодолеваете умозаключеніями и доводами; но должно сказать, что по хотѣнію и изволенію произошелъ Сынъ отъ Отца“. И ограждая себя Божиимъ хотѣніемъ и изволеніемъ, обольщаютъ этимъ многихъ. Но если бы кто изъ правовѣрующихъ говорилъ это въ простотѣ, то не было бы ничего подозрительнаго въ сказанномъ, потому что простодушное произнесеніе такихъ словъ превозмогалось бы православнымъ разумѣніемъ. Поелику же говорятъ это еретики, а еретическія рѣчи подозрительны, и, какъ написано, *управляютъ же нечестивіи лести, и словеса ихъ лстива* (Притч. 12, 5. 6), хотя бы сдѣлали и одинъ намекъ, потому что имѣютъ развращен-

ное сердце: то изслѣдуемъ сказанное ими и разыщемъ, не съ тѣмъ ли они, во всемъ обличенные, наконецъ, подобно гидрамъ, измыслили новое реченіе, чтобы, при такомъ хитрословіи и при своей вкрадчивости, снова въ иномъ видѣ посѣять свое нечестіе.

Кто говоритъ, что Сынъ произошелъ по хотѣнію, означаетъ симъ тоже, что и утверждающій: „было, когда не было Сына, и Онъ произошелъ изъ не-сущаго, и есть тварь“. Но поелику аріане постыждены за такія рѣчи, то эти хитрецы вознамѣрились иначе означить тоже самое, ограждаясь хотѣніемъ, какъ каракатицы черной влагой, чтобы омрачить тѣмъ людей простосердечныхъ, а самимъ не забыть своей ереси. Откуда это „по хотѣнію и изволенію“? Или, изъ какого Писанія приводятъ такія слова? Пусть скажутъ эти подозрительные въ рѣчахъ своихъ и изобрѣтатели злочестія! Отецъ, съ небеси открывая Слово Свое, изъявилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17); и чрезъ Давида сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2), и Іоанну повелѣлъ сказать: *въ началѣ бѣ Слово*; и Давидъ воспѣвая говоритъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10); Апостоль же пишетъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. 1, 3); и еще: *Иже во образъ Божіи сый* (Филип. 2, 6); и: *Иже есть образъ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15).

60) Всѣ и вездѣ говорятъ о бытіи Слова, и нигдѣ о томъ, что Оно отъ хотѣнія, и вообще, что Оно сотворено. Гдѣ же нашли еретики хотѣніе или изволеніе, предшествующее Божію Слову? Развѣ, оставивъ Писанія, прикроются злоуміемъ Валентина? Ибо Птолемей, ученикъ Валентиновъ, говорилъ, что Нерожденный имѣетъ двѣ нераздѣльно сопряженныхъ силы (*δύο ζυγούς*) — мысль и изволеніе, и сперва помыслилъ, потомъ изволилъ; и что помыслилъ, того не могъ бы произвести, если бы не привзошла и

сила воли. И научившись изъ этого, аріане хотятъ, чтобы Слову предшествовали изволеніе и хотѣніе. Итакъ, пусть соревнуютъ они въ заблужденіяхъ Валентину; а мы, читая Божія словеса, находимъ о Сынѣ: *бъ*, и слышимъ, что Онъ одинъ во Отцѣ и есть Отчій образъ; объ однихъ же созданныхъ, потому что ихъ и по естеству нѣкогда не было, привзошли же они впослѣдствіи, читаемъ, что имъ предшествовало хотѣніе и изволеніе, какъ воспѣваетъ Давидъ во сто тринадцатомъ псалмѣ: *Богъ же нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. 113, 11); и во сто десятомъ: *веля дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Его* (Псал. 110, 2); и еще во сто тридцать четвертомъ: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (Псал. 134, 6). Посему, если Сынъ есть дѣло и произведеніе, и одинъ изъ всего; то пусть будетъ сказано, что и Онъ произведенъ хотѣніемъ; ибо, по указанію Писанія, такъ произошли твари. И защитникъ ереси, Астерій, соглашаясь съ этимъ, пишетъ такъ: „Если недостойно Создателя производить по изволенію, то пусть во всемъ также отъята будетъ у Него воля, чтобы неприкосновеннымъ сохранилось у Него достоинство. Если же прилично Богу хотѣть, то пусть и въ-разсужденіи перваго рожденія принадлежитъ Ему совершеннѣйшее. Ибо невозможно, чтобы одному и тому же Богу и приписываема была воля въ-разсужденіи производимаго, и приличествовало не хотѣть“. Сложивъ въ словахъ своихъ величайшее, какое только возможно, злочестіе, а именно, что произведеніе и рожденіе есть одно и то же, и что Сынъ есть одно изъ всѣхъ сущихъ рожденій, софистъ заключилъ тѣмъ, что о произведеніяхъ слѣдуетъ говорить: они по хотѣнію и изволенію.

61) Итакъ, если Сынъ иной есть отъ всѣхъ, какъ и прежде сего было доказано, вѣрнѣе же сказать,

Имъ произведены и дѣла; то пусть не говорятъ, что и Онъ по хотѣнію, иначе и Онъ будетъ происходить такъ же, какъ состоялось все сотворенное Имъ. Ибо Павелъ, котораго прежде не было, впослѣдствіи однако *волею Божіею* сталъ Апостоломъ (1 Кор. 1, 1). И наше званіе, котораго не имѣли мы нѣкогда, нынѣ же получили, имѣетъ предшествовавшее ему хотѣніе, какъ опять говоритъ тотъ же Павелъ: *бысть по благоволенію хотѣнія Его* (Ефес. 1, 5). Сказанное же Моисеемъ: *да будетъ свѣтъ, и: да изведетъ земля, и: сотворимъ челоуѣка* (Быт. 1, 3. 11. 26), думаю, какъ сказано было и выше, означаетъ хотѣніе Творящаго, потому что Создатель совѣщаетъ сотворить не существовавшее нѣкогда, приходящее же совнѣ. Но собственному Его Слову, рожденному отъ естества Его, не предшествуетъ совѣщаніе: потому что Отецъ все прочее, о чемъ совѣщаетъ, Имъ производитъ, и Имъ зиждетъ, какъ учитъ насъ и Апостолъ Іаковъ, говоря: *восхотѣвъ породити насъ Словомъ истины* (Іак. 1, 18). Посему, о всѣхъ возраждаемыхъ и единожды приводимыхъ въ бытіе есть Божіе хотѣніе въ Словѣ, Которымъ Богъ преднамѣренное Имъ производитъ и возраждаетъ. И это опять даетъ разумѣть Апостолъ, пиша въ Фессалонику: *сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ* (1 Сол. 5, 18). Если же, Кѣмъ творить, въ Томъ и хотѣніе, и во Христѣ воля Отца; то какъ же самъ Христосъ можетъ происходить по хотѣнію и изволенію? Если и Онъ, по вашимъ словамъ, произошелъ по хотѣнію; то необходимо и о Немъ состояться хотѣнію въ другомъ какомъ-либо словѣ, которымъ и Онъ производится. Ибо доказано, что хотѣніе Божіе не въ томъ, что приводится въ бытіе, но въ Томъ, Кѣмъ и о Комъ приходятъ въ бытіе всѣ созданія.

Притомъ, поелику сказать „по хотѣнію“ значитъ то же, что и „было, когда не былъ“; то пусть удо-

вольствуются этимъ изреченіемъ: „было, когда не было“, и постыждаемые тѣмъ, что чрезъ это означаютъ время, пусть знаютъ, что, употребляя слово „по хотѣнію“, опять наводятъ на мысль, что прежде Сына было время. Ибо тому, чего нѣкогда не было, какъ должно сказать о всѣхъ тваряхъ, предшествуетъ совѣщаніе. Если же Слово есть Зиждитель тварей, Само же соприсуще Отцу; то Присносущему можетъ ли, какъ не-сущему, предшествовать совѣщаніе? Если предшествуетъ Ему совѣтъ, то какъ же Имъ все? Напротивъ того, одинъ изъ всѣхъ будетъ и самъ Сынъ, рожденный по хотѣнію, подобно тому, какъ и насъ Слово истины содѣлало сынами; и необходимо уже намъ, какъ сказано, искать другаго слова, которымъ и Сынъ получилъ бытіе и рожденъ вмѣстѣ со всѣми, кого восхотѣлъ породить Богъ.

62) Поэтому, ежели есть иное Божіе слово, то пусть и Сынъ произведенъ будетъ словомъ. Если же нѣтъ иного слова (какъ и дѣйствительно нѣтъ), но все, чтò угодно было Отцу, получило бытіе Сыномъ; то не выказывается ли въ этомъ многоглавое коварство еретиковъ? Постыжденные за наименованіе Сына произведеніемъ и тварію и за это положеніе: „не было Божія Слова, пока не рождено“, снова выражаютъ иначе, что Сынъ есть тварь, ограждая себя реченіемъ „хотѣніе“, и говоря: „если Онъ не по хотѣнію произошелъ, то значить, что по необходимости и противъ воли имѣлъ Богъ Сына“. Но кто же налагаетъ на Него необходимость, прелукавые еретики, старающіеся все обратить въ пользу своей ереси? Усмотрѣли вы, чтò противоположно хотѣнію, а чтò важнѣе и выше, того не примѣтили. Какъ хотѣнію противопоставляется несогласное съ волею, такъ выше и первоначальнѣе свободаго избранія то, чтò въ естествѣ. Человѣкъ строить домъ по свободному

изволенію, а сына раждаетъ по естеству. И что устроивается по хотѣнію, то получило начало бытія, и оно для творящаго есть внѣшнее; а Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности, не отвнѣ Отца. Поэтому, Отецъ не совѣщаетъ о Сынѣ, иначе должно было бы заключить, что Онъ совѣщаетъ и о Себѣ самомъ. Итакъ, въ какой мѣрѣ Сынъ выше твари, въ такой же и то, что отъ естества, выше хотѣнія. И еретикамъ, слыша это, надлежало не вмѣнять хотѣнію того, что отъ естества; но они, забывъ, что слышатъ о Сынѣ Божіемъ, осмѣливаются употреблять о Богѣ человѣческія противоположенія: „по необходимости и противъ воли“, чтобы отрицать имъ бытіе истиннаго Сына Божія.

Дѣйствительно, пусть скажутъ намъ сами: по хотѣнію ли, или не по хотѣнію у Бога то, что Онъ благъ и милосердъ? Если по хотѣнію, то должно замѣтить, что Онъ началъ быть благимъ и есть возможность не быть Ему благимъ; потому что при совѣщаніи и избраніи имѣетъ мѣсто склонность къ тому и другому, и состояніе это свойственно разумной природѣ. Если же, по причинѣ заключающейся въ этомъ несообразности, Богъ благъ и милосердъ не по хотѣнію; то пусть услышатъ тоже, что сказали сами: слѣдовательно, Онъ благъ по необходимости и не по волѣ. Кто же налагаетъ на Него эту необходимость? Если ни съ чѣмъ несообразно приписывать Богу необходимость, и поэтому Онъ благъ по естеству; то гораздо паче и съ большею несомнѣнностію по естеству, а не по хотѣнію, Онъ—Отецъ Сына.

63) Но намѣреваюсь безстыдству ихъ предложить вопросъ, хотя и смѣлый, впрочемъ—имѣющій цѣлю благочестіе (да помилуетъ же Владыка!). Пусть еще скажутъ намъ и это: самъ Отецъ, совѣщавшійся прежде и потомъ возжелавъ, или и прежде совѣщанія, такъ существуетъ? Еретикамъ, дерзнувшимъ от-

зываются такъ о Словѣ, надлежитъ выслушать и это, и изъ этого уразумѣть, что такая ихъ продерзость касается и самого Отца. Итакъ, если, однажды навсегда рѣшившись разсуждать о хотѣніи, скажутъ они, что и Отецъ — вслѣдствіе хотѣнія; то чѣмъ же былъ Онъ до совѣщанія? Или, что большее сталь имѣть, какъ говорите вы, по совѣщаніи? Если же такой вопросъ нелѣпъ и несостоятеленъ, и вообще, не позволительно даже и говорить что-либо подобное (ибо слыша о Богѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что Онъ есть *Сынъ*); то не будетъ ли неразумно подобнымъ образомъ думать и о Словѣ и выставлять на видъ „хотѣніе и изволеніе“? Ибо слыша и о Словѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что не вслѣдствіе хотѣнія сущій Богъ, не по хотѣнію, но по естеству, имѣетъ собственное Слово. Не выше ли всякаго безумія даже и помыслить только, будто бы самъ Богъ совѣщаваетъ, размышляетъ, избираетъ и побуждаетъ Себя къ соизволенію не быть безъ Слова и Премудрости, но имѣть Слово и Премудрость? Совѣщавающій о Томъ, Кто собственно отъ Его сущности, видимо совѣщаваетъ о Себѣ самомъ.

Поэтому, много хульнаго въ такомъ мудрованіи, благочестно же будетъ сказать, что существа созданныя пришли въ бытіе по благоволенію и хотѣнію, а Сынъ—не привзошедшее, подобно твари, созданіе воли, но собственное по естеству рожденіе сущности. Ибо, будучи собственнымъ Отчимъ Словомъ, не позволяетъ думать о какомъ-либо предшествовавшемъ Ему хотѣніи; потому что самъ Онъ есть Отчій совѣтъ, Отчая сила и Зиждитель угоднаго Отцу. И это самъ Онъ говоритъ о Себѣ въ Притчахъ: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость* (Притч. 8, 14). Какъ самъ Онъ есть раз-

умъ, которымъ уготовалъ небеса, и Самъ есть крѣпость и сила (потому что *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24), теперь же, превративъ рѣчь, сказалъ: *Мой разумъ и Моя крѣпость*; такъ, говоря: *Мой советъ*, Самъ есть живой Отчий советъ, какъ научены мы и Пророкомъ, что Онъ дѣлается Ангеломъ *велика совета* (Исаи 9, 6), и Онъ же нареченъ Отчею волею (Исаи 62, 4). Такъ надобно обличать еретиковъ, которые о Богѣ представляютъ человѣческое.

64) Итакъ, если созданія произошли по хотѣнію и благоволенію, и вся тварь получила бытіе по волѣ, и Павелъ *волею Божіею* нареченъ *посланникъ* (Ефес. 1, 1), и званіе наше было по благоволенію и волѣ (Ефес. 1, 9), все же получило бытіе Словомъ; то Слово состоитъ внѣ получившихъ бытіе по хотѣнію, лучше же сказать, само Оно есть тотъ живой Отчий советъ, Которымъ *вся быша*, Которымъ и святой Давидъ, благодаря, сказалъ въ семьдесятъ второмъ псалмѣ: *удержалъ еси руку десную мою, и советомъ Твоимъ наставилъ мя еси* (Псал. 72, 23. 24). Какъ же Слово, будучи советомъ и волею Отца, можетъ и Само, подобно каждой твари, прійти въ бытіе по волѣ и хотѣнію? Развѣ еретики, по сказанному прежде, въ безуміи своемъ скажутъ опять, что Слово произведено само Собою, или другимъ какимъ словомъ. Поэтому, кѣмъ же получило Оно бытіе? Пусть измыслятъ иное слово и, соревнуя Валентинову ученію, наименоуютъ иного Христа. Въ Писаніи нѣтъ сего. Но если и измыслятъ иное слово, то, безъ сомнѣнія, и оно приходитъ въ бытіе кѣмъ-либо. И наконецъ, когда разсуждаемъ такимъ образомъ и доискиваемся слѣдствій, открывается передъ нами многоглавая ересь безбожниковъ, впадающая въ многобожіе и безмѣрное безуміе, по которой еретики, желая, чтобы Сынъ былъ тварію и изъ не-сущихъ,

тоже самое выражаютъ иначе, прикрывая себя словами: „хотѣніе и изволеніе“, которыя всего болѣе съ основательностію можно употреблять о вещахъ созданныхъ и о тваряхъ.

Итакъ, не нечестиво ли—свойственное существамъ созданнымъ относить къ Создателю? Не богохульно ли говорить, что во Отцѣ есть хотѣніе прежде Слова? Если хотѣніе во Отцѣ предшествуетъ, то не истину говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ* (Іоан. 14, 10). Или, если и Онъ во Отцѣ, но будетъ считаться вторымъ; то неприлично было Ему сказать о Себѣ: *Азъ во Отцѣ*, когда прежде Него было хотѣніе, которымъ *вся быша* и, по словамъ вашимъ, сѣстоялся самъ Сынъ. Ибо хотя отличается Онъ славою, однакоже тѣмъ не менѣе есть одинъ изъ получившихъ бытіе по хотѣнію. Но въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы прежде, почему Онъ — Господь, а прочіе — рабы? А Онъ есть Господь всѣхъ, потому что — въ единеніи съ господствомъ Отца; и тварь, безъ сомнѣнія, есть раба, потому что она внѣ единства со Отцемъ и, нѣкогда не существовавъ, пришла въ бытіе.

65) Но еретики, говоря, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, должны были сказать: и по разумѣнію,— потому что разумѣніе и хотѣніе, какъ думаю, есть одно и тоже. Кто совѣщаетъ о чемъ, тотъ и разумѣетъ это, и что разумѣетъ, о томъ совѣщаетъ. Самъ Спаситель соотносительно совокупилъ между собою то и другое, какъ родственное, говоря: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость*. Какъ крѣпость и утвержденіе есть одно и тоже, потому что это есть самая сила; такъ одно и тоже значить сказать, что есть разумъ и совѣтъ, потому что это есть Господь. Но нечестивые не соглашаются, что Сынъ есть Слово и живой совѣтъ; баснословятъ же о Богѣ, что разумъ, и совѣтъ, и премудрость бываютъ въ Немъ по-человѣчески, какъ

состояніе случайное и неимѣющее иногда мѣста; и все приводятъ въ движеніе, выставляють на видъ съ Валентиномъ „мысль и изволеніе“, только бы разлучить Сына со Отцемъ и сказать, что Онъ — не собственное Отчее Слово, но тварь.

И они пусть услышатъ подобное тому, что сказано Симону волхву: нечестіе Валентиново съ вами да будетъ въ погибель (Дѣян. 8, 20). Каждый же изъ насъ да повѣритъ лучше Соломону, который говорить, что Слово само есть премудрость и разумъ; ибо сказано: *Богъ Премудростію основа землю, уготова же небеса разумомъ* (Притч. 3, 19). И какъ здѣсь сказано: *разумомъ*; такъ во Псалмахъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6). И какъ небеса Словомъ, такъ и *вся, елика восхотъ, сотвори* (Псал. 134, 6); какъ и Апостоль пишетъ ѳессалоникійцамъ: *есть воля Божія о Христѣ Иисусѣ* (1 Сол. 5, 18). Посему, Сынъ Божій самъ есть Слово и Премудрость, Самъ—разумъ и живой совѣтъ; въ Немъ воля Отчая, Онъ есть истина, свѣтъ и сила Отчая. Если же хотѣніе Божіе есть премудрость и разумъ; также и Сынъ есть премудрость: то утверждающій, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, утверждаетъ съ этимъ вмѣстѣ, что Премудрость произведена премудростію, Сынъ сотворенъ сыномъ, Слово создано словомъ. А это прекословно Богу и противно Его Писаніямъ. Ибо Апостоль проповѣдуетъ, что Сынъ есть собственное сіяніе и образъ не хотѣнія, но самой Отчей сущности, говоря: *Иже съи сіяніе славы и образъ впостаси Его* (Евр. 1, 3). Если же, какъ сказали мы выше, Отчая сущность и впостась не отъ хотѣнія; то явно, не отъ хотѣнія также и то, что составляетъ собственность Отчей впостаси. Ибо какова есть и какъ есть она блаженная впостась, такимъ и такъ должно быть и собственное Ея Рожденіе. И самъ Отецъ не сказалъ: Сей есть по хотѣнію Моему про-

исшедшій Сынъ, или: Сынъ, Котораго имѣю по благоволенію, но просто говорить: *Сынъ Мой*, и сверхъ того: *о Немже благоволихъ*, показывая тѣмъ, что Онъ есть Сынъ по естеству, но въ Немъ Мое хотѣніе угоднаго Мнѣ.

66) Поелику же Сынъ по естеству, а не по хотѣнію; то ужели Онъ есть нежеланный Отцу и противный Отчему хотѣнію? Никакъ; напротивъ того, и желателенъ Сынъ Отцу, и, какъ Самъ говорить. *Отецъ любитъ Сына, и вся показываетъ Ему* (Іоан. 5, 20). Какъ Богъ, хотя не по хотѣнію началъ быть благимъ, однакоже, благъ не противъ хотѣнія и воли; ибо каковъ Онъ есть, то и желательно Ему: такъ и сіе, что есть Сынъ, хотя не по хотѣнію началось, однакоже, не противъ желанія и воли Божіей. Какъ желательна Богу собственная Своя вѣстасъ, такъ не нежелателенъ Ему и собственный Сынъ, сущій отъ Его сущности. Итакъ, желателенъ и возлюбленъ Отцу да будетъ Сынъ. Такъ да разсуждаютъ благочестно о волѣ Божіей и о томъ, что непротивно Божію хотѣнію. Ибо Сынъ тѣмъ же изволеніемъ, какимъ изволяетъ Его Отецъ, и Самъ любитъ. и изволяетъ, и чтитъ Отца, и единая есть воля, сущая въ Сынѣ отъ Отца; почему, и изъ сего усматривается, что Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ.

Посему, никто, согласно съ Валентиномъ, да не вводитъ предшествующаго хотѣнія, и подъ предлогомъ хотѣнія да не ставитъ себя посредникомъ между единымъ Отцемъ и единымъ Словомъ. Ибо безумствуетъ, кто между Отцемъ и Сыномъ поставляетъ хотѣніе и совѣщаніе. Иное дѣло — говорить: произошелъ по хотѣнію, иное же — сказать: любитъ и желаетъ Сына, какъ собственнаго Своего по естеству. Сказать: произошелъ по хотѣнію, значитъ во-первыхъ предположить, что нѣкогда Онъ не былъ; а потомъ, по сказанному, допустить, что возможна

наклонность къ тому и другому; почему, иной можетъ подумать, что Богъ могъ и не хотѣть Сына. Но сказать о Сынѣ: могъ и не быть,— есть злочестивая дерзость, простирающаяся и на Отчую сущность. Если сказать, что могло не быть собственно принадлежащее сей сущности; то это значить тоже, какъ и сказать, что Отецъ могъ не быть благимъ. Но какъ Отецъ всегда по естеству благъ, такъ всегда по естеству Родитель. Слова же: Отецъ хочетъ Сына, и Слово хочетъ Отца, не на предшествующее указываютъ хотѣніе, но даютъ разумѣть преискренность естества, свойствò и подобіе сущности. Какъ можно о сіяніи и свѣтѣ сказать, что сіяніе не имѣетъ въ свѣтѣ предшествующаго хотѣнія, но есть по естеству рожденіе, изволяемое породившимъ его свѣтомъ, не по совѣщанію воли, но по естеству и въ дѣйствительности: такъ правильно будетъ сказать объ Отцѣ и Сынѣ, что Отецъ любитъ и хочетъ Сына, а Сынъ любитъ и хочетъ Отца.

67) Посему, да не именуется Сынъ созданиемъ воли, и да не вводятся въ Церковь Валентиновы понятія, да именуется же Сынъ живымъ совѣтомъ и истинно рожденіемъ по естеству, подобно сіянію свѣта. Такъ и Отецъ сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо;* и согласно съ этимъ говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ.* Если же слово въ сердцѣ, то гдѣ хотѣніе? И если Сынъ во Отцѣ, то гдѣ изволеніе? И если хотѣніе есть самъ Онъ, то какъ совѣтъ въ хотѣніи? Это нелѣпо: иначе, какъ говорено было неоднократно, будетъ Слово въ Словѣ, Сынъ въ Сынѣ, Премудрость въ Премудрости; потому что Отчій Сынъ есть все это. И ничего нѣтъ во Отцѣ прежде Слова, но въ Словѣ и хотѣніе, и Имъ изволенія Отчаго хотѣнія совершаются на дѣлѣ, какъ показываютъ божественныя Писанія.

Но желалъ бы я, чтобы злочестивые, до такой

мѣры ниспадшіе въ неразуміе и разсуждающіе о хотѣніи, не спрашивали уже болѣе раждающихъ женъ своихъ, какъ спрашивали ихъ прежде, говоря: „имѣла ли ты сына, пока не родила?“—но чтобы спросили отцовъ: „отъ своей ли только воли бываете вы отцами, или по естеству вашего хотѣнія? еще: дѣти ваши подобны ли естеству вашему и сущности вашей“? Тогда, можетъ быть, пристыдили бы ихъ родители, у которыхъ искали рѣшенія задачи о рожденіи и отъ которыхъ надѣялись получить вѣдѣніе. Родители отвѣтили бы имъ: „что раждаемъ, то не волѣ, а намъ подобно; и бываемъ родителями не вслѣдствіе только своего преднамѣренія, но раждать свойственно естеству, какъ и мы сами—образъ родившихъ насъ“. Посему, пусть еретики, или осудятъ сами себя и перестанутъ спрашивать у женъ о Божіемъ Сынѣ, или вразумятся отъ нихъ, что сынъ раждается не по хотѣнію, но по естеству и дѣйствительности. Прилично же этимъ зломудреннымъ такое обличеніе, взятое съ людей, потому что и о Божествѣ разсуждаютъ они по-человѣчески.

Поэтому, что же еще безумствуютъ христорборцы? И о семъ, какъ и о другихъ возраженіяхъ ихъ, доказано и обнаружено, что это только мечта и баснотворство. И потому, хотя поздно усмотрѣвъ, въ какую стремнину неразумія впали они, должны, по увѣщанію нашему, обратиться вспять и бѣжать отъ діавольской сѣти. Ибо человѣколюбивая Истина всегда взываетъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, по причинѣ тѣлеснаго покрова, дѣломъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ, и: Азъ и Отецъ едино есма, и: видѣвый Мене, видѣ Отца.* Но, хотя Господу и свойственно человѣколюбіе и желаетъ Онъ *возводити* вся *низверженныя* (Псал. 145, 8), какъ говоритъ Давидъ въ своемъ хваленіи, однакоже злочестивые, не хотя слышать Господ-

няго гласа, и не терпя видѣть (о жалкіе!), что Господь отъ всѣхъ исповѣдуется Богомъ и Божиимъ Сыномъ, подобно *хрущамъ* (Авв. 2, 11), обходятъ всюду, съ отцомъ своимъ діаволомъ ища предлоговъ къ злочестію. Какіе же предлоги, или гдѣ, возмогутъ найти еще послѣ сего? Развѣ у іудеевъ и у Каіафы займутъ хулы, а у язычниковъ возьмутъ безбожіе? Божественныя же Писанія для нихъ заключены; въ нихъ все обличаетъ этихъ несмысленныхъ и христорборныхъ.

19.

На аріанъ [слово четвертое.

1) Слово есть Богъ отъ Бога, и *Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1); и еще: *ижеже отцы, и отъ нихже Христосъ, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5). И поелику Христосъ есть Богъ отъ Бога и Божіе Слово, Премудрость, Сынъ и сила, то въ божественныхъ Писаніяхъ возвѣщается посему единый Богъ. Ибо Слово, будучи Сыномъ единого Бога, возводится къ Тому, Чье Оно Слово, такъ что Отецъ и Сынъ суть два и вмѣстѣ нераздѣльная и неразлагаемая единица Божества. Можно сказать еще и такъ: одно начало, а не два начала, Божества. Отсюда и единоеначаліе въ собственномъ смыслѣ. Отъ сего же начала есть Слово, Сынъ по естеству, не самъ Собою состоявшійся, какъ другое начало, и не внѣ сего начала происшедшій (иначе, сею разностию производилось бы двоеначаліе и многоначаліе), но единого начала собственный Сынъ, собственная Премудрость, собственное Слово, отъ сего начала сущее. Ибо, по сказанному Іоанномъ, *въ семъ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу. Начало есть Богъ. И поелику Слово отъ сего Начала,*

то посему и *Богъ бѣ Слово*. Но какъ одно Начало, и посему, единъ Богъ; такъ подлинно, истинно и дѣйствительно сущая сущность и впостась есть единая, именно та, которая говоритъ: *Азъ есмь сый* (Исх. 3, 14), а не двѣ сущности; иначе будутъ два начала. Отъ единой же сущности есть Слово, Премудрость, ея собственная и неотлучная отъ нея Сила, по естеству и истинно Сынъ: но какъ не иная сущность, чтобы не было двухъ началъ, такъ и отъ единой сущности не слово разрѣшаемое, не просто знаменательный гласъ, но существенное Слово, существенная Премудрость, то-есть вѣдистину Сынъ. А если бы Слово было не существенное, то Богъ глагола бы на воздухъ, и имѣлъ тѣло ничѣмъ не преимущественнѣе человѣческаго. Поелику же Богъ — не человѣкъ, то и Слово Его не можетъ быть подобно человѣческой немощи. Какъ начало есть единая сущность, такъ одно существенное и самостоятельное Слово сей сущности и одна Премудрость. Какъ отъ Бога есть Богъ, отъ Премудраго—Премудрость, отъ Словеснаго — Слово, отъ Отца—Сынъ; такъ отъ Впостаси—Впостасный, отъ Сущности — Существенный и Самосущный, отъ Сущаго—Сущій.

2) Если Премудрость несущественна, Слово несамосущно, Сынъ не есть сущій, но просто Премудрость, и Слово, и Сынъ во Отцѣ; то самъ Отецъ будетъ сложенъ изъ Премудрости и Слова. Если же допустить это, то будутъ слѣдовать сказанныя прежде несообразности; Отецъ будетъ Отцемъ самого Себя, Сынъ раждающимъ самого Себя и раждающимся отъ самого Себя. Или, одно только имя есть Слово, Премудрость и Сынъ, и несамостоятеленъ Тотъ, о Комъ это скажется, лучше же сказать, Кто есть все это. А если несамостоятеленъ, то напрасны и лишены значенія имена, развѣ кто скажетъ, что Богъ есть источ-

ная Премудрость и источное Слово. Въ такомъ же случаѣ, Онъ самъ Себѣ и Отецъ и Сынъ: Отецъ, когда Онъ премудръ, а Сынъ, когда Онъ—Премудрость. Но это въ Богѣ не какое-либо качество. Нѣтъ,—такая мысль неприлична, потому что, иначе, Богъ будетъ сложенъ изъ сущности и качества, потому что всякое качество бываетъ у сущности. А вслѣдствіе этого, нераздѣльная Божественная единица окажется сложною, разсѣкаемою на сущность и случайное. Посему, должно спросить этихъ продерзливыхъ: о Сынѣ проповѣдуется, что Онъ есть Божія Премудрость и Божіе Слово. Какъ же это? Если какъ качество, то несообразность сего показана. А если Богъ есть источная Премудрость, то слѣдующая изъ сего несообразность высказана Савелліемъ.

Слѣдовательно, проповѣдуется Сынъ, какъ въ собственномъ смыслѣ рожденіе отъ самого Отца, по подобію свѣта. Ибо какъ отъ огня свѣтъ, такъ отъ Бога Слово, Премудрость отъ Премудраго, Сынъ отъ Отца. Въ этомъ смыслѣ и Единица пребываетъ нераздѣльною и всецѣлою, и Сынъ Ея—не несамосущное, не несамостоятельное, но истинно существенное Слово. А если представлять инымъ образомъ, то все сказуемое о Сынѣ будетъ сказуемо по примышленію и неосновательно. Если же должно избѣгать несообразностей, вытекающихъ отъ примышленія: то слѣдуетъ, что истинное Слово существенно; какъ Отецъ есть истинно, такъ истинно есть Премудрость. Вслѣдствіе же сего, хотя Ихъ два, потому что не одинъ и тотъ же есть и Отецъ и Сынъ, какъ учитъ Савеллій, но Отецъ есть Отецъ, и Сынъ есть Сынъ: однакоже, Они—едино; потому что Сынъ по естеству Отчей есть сущности, собственное Отчее Слово. Сіе-то сказалъ Господь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). Слово неотлучно отъ Отца, и Отецъ никогда не былъ и не есть безъ Слова. Поэтому и Слово — Богъ, и

Отець не безъ Слова. Потому Сынъ и сказалъ: *Азъ во Отца, и Отець во Мнѣ* (Іоан. 14, 11).

3) И еще: Христосъ есть Божіе Слово. Итакъ, самъ ли отъ Себя состоялся Онъ, и состоявшисъ прилѣпился ко Отцу? Или Богъ сотворилъ Его и наименовалъ Словомъ Своимъ? Если первое, то-есть, Христосъ самъ Собою состоялся и есть Богъ; то будутъ два начала, и несправедливо называть Сына собственно принадлежащимъ Отцу, потому что Онъ не отъ Отца, но отъ самого Себя. Если же сотворенъ отъ Отца, то будетъ тварь. Поэтому остается, конечно, сказать то, что Онъ отъ самого Бога. А если такъ, то иное будетъ тотъ, кто отъ кого-либо, и иное тотъ, отъ кого онъ; влѣдствіе же сего будутъ два. А если не два, но скажется сіе объ одномъ и томъ же; то одно и то же будетъ и причиною и слѣдствіемъ причины, и раждаемымъ и раждающимъ; несообразность же этого доказана ученіемъ Савеллія. Если Христосъ и отъ Отца, но не иное отъ Него, то будетъ и раждающимъ и не-раждающимъ; раждающимъ, потому что отъ Отца изводитъ Себя, а не-раждающимъ, потому что—не иное отъ Него. Если это такъ, то одинъ и тотъ же скажется по примышленію Отцемъ и Сыномъ. Но если это неприлично, то будутъ два, Отець и Сынъ, но вмѣстѣ и едино, потому что Сынъ не отъ Отца, но отъ Бога рожденъ.

Если же кто избѣгаетъ сего реченія: „рожденіе“, а говоритъ только, что Слово существуетъ съ Богомъ; то пусть убоится таковой, чтобы ему, избѣгая употребляемаго въ Писаніи, не впасть въ несообразность и не ввести какого-либо двойственнаго Бога. Ибо, не соглашаясь, что Слово отъ Единицы, но просто присоединяя Слово ко Отцу, вводитъ онъ двѣ сущности, изъ которыхъ ни одна не есть Отець другой. То же самое должно сказать и о Силѣ. Но яснѣ всякій увидитъ это, приложивъ къ Отцу. Отець одинъ,

а не два Отца, но отъ Сего одного есть Сынъ. И какъ не два Отца, а одинъ; такъ и не два начала, а одно, и отъ сего единого начала—существенный Сынъ. Но, говоря съ аріанами, должно извратить вопросы, потому что савелліанъ надлежитъ опровергать изъ понятія о Сынѣ, а аріанъ изъ понятія объ Отцѣ.

4) Посему, надобно спросить: премудръ ли и имѣеть ли Слово Богъ, или напротивъ того — Онъ не премудръ и не имѣеть Слова? Если допустить послѣднее, то несообразность видна сама собою. А если первое, то слѣдуетъ спросить: какъ Онъ премудръ и имѣеть Слово? Отвнѣ ли, или отъ Себя самого имѣеть Онъ Слово и Премудрость? Если отвнѣ, то будетъ нѣкто, сообщившій Ему первоначально, самъ же Онъ до пріятія сообщеннаго былъ и не-премудръ и безъ Слова. Если же Слово отъ Него, то явно, что Оно не изъ не-сущихъ, и не было, когда бы Его не было. Всегда было Слово, потому что всегда существуетъ Тотъ, Чей Оно образъ.

А если скажутъ, что хотя Богъ премудръ и не безъ Слова, но въ Себѣ самомъ имѣеть собственную Свою премудрость и собственное Свое слово, именно же, не Христа, но то слово, которымъ и Христа сотворилъ; то должно сказать на это: если тѣмъ словомъ приведенъ въ бытіе Христосъ, то явно, что имъ же приведено въ бытіе и все. И Оно будетъ тѣмъ Словомъ, о Которомъ говоритъ Іоаннъ: *вся тѣмъ быша* (Іоан. 1, 3); и Псалмопѣвецъ: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24). Тогда же Христосъ окажется ложно сказавшимъ: *Азъ во Отцѣ*, потому что другой во Отцѣ. Несправедливо, по словамъ еретиковъ, будетъ и сіе: *Слово плоть бысть*. Ибо, если Тотъ, Кѣмъ *вся быша*, Самъ сталъ плотію, а Христосъ не есть то Слово во Отцѣ, *Имже вся быша*; то слѣдуетъ, что Христосъ не содѣлался плотію, развѣ только Христосъ наименованъ Словомъ.

И если принять это, то во-первыхъ Христось будетъ не то, что показываетъ Его имя, а потомъ: не Имъ *вся быша*, но тѣмъ словомъ, которымъ приведенъ въ бытіе и Христось. Если же скажутъ, что Премудрость во Отцѣ есть качество, или, что Отець есть источная Премудрость, то изъ этого будутъ слѣдовать сказанныя выше несообразности. Отець будетъ сложенъ, содѣлавшись самъ Себѣ и Сыномъ и Отцемъ.

Сверхъ того, въ обличеніе и постыжденіе еретиковъ должно будетъ сказать, что Слово сущее въ Богѣ не будетъ тварь, и Оно не изъ не-сущихъ. Какъ-скоро Слово въ Богѣ, то Оно есть Христось, Который говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отець во Мнѣ*; а потому, и единородный Сынъ; ибо никто другой не рожденъ отъ Отца. Сынъ сей одинъ; Онъ есть Слово, Премудрость и Сила; потому что Богъ не слагается изъ сего, но раждаетъ. Какъ тварей создаетъ Словомъ, такъ по естеству имѣетъ рожденіе собственной Своей сущности—Слово, Которымъ все зиждетъ, творитъ, всѣмъ правитъ; потому что все приведено въ бытіе Словомъ и Премудростію, и *учи-неніемъ Слова пребываютъ всяческая* (Псал. 118, 91). Тоже должно сказать и о Сынѣ. Если Богъ не раждаетъ, то и не дѣлаетъ; потому что Сынъ—Его рожденіе, и чрезъ Него Богъ дѣлаетъ. Въ противномъ случаѣ, безстыднымъ еретикамъ будутъ слѣдовать тѣ же вопросы и тѣ же несообразности.

5) Во Второзаконіи сказано: *вы же прилежати Господу Богу вашему, живете вси доднесь* (Второз. 4, 4). Изъ этого можно видѣть различіе и уразумѣть, что Сынъ Божій — не тварь. Ибо Сынъ говоритъ: *Азъ и Отець едино есма* (Іоан. 10, 30), и: *Азъ во Отцѣ и Отець во Мнѣ* (Іоан. 14, 11). А существа созданныя, когда преспѣваютъ, *прилежатъ* Господу. Слово, какъ собственное, пребываетъ *во Отцѣ*; а

существа созданныя, будучи отвнѣ, *прилежатъ*, какъ чуждыя по естеству и *прилежащии* по произволенію. И Сынъ по естеству едино есть съ Раждающимъ, а усыновленный отвнѣ приложится къ роду. Потому и присовокуплено вскорѣ: *кѣи языкъ тако велии, емуже есть Богъ, приближаяйся* (Второз. 4, 7)? И въ другомъ мѣстѣ: *Богъ приближаяйся Азъ есмь* (Іерем. 23, 23). Ибо къ созданнымъ приближается, какъ къ чуждымъ; къ Сыну же, какъ къ собственному, не приближается, но въ Немъ пребываетъ. И Сынъ не прилежитъ, но соприсущъ Отцу. Посему и еще говоритъ Моисей въ томъ же Второзаконіи: *гласа Его послушайте, и къ Нему прильпитеся* (Втор. 13, 4). А прилѣпляющееся прилѣпляется совнѣ.

б) Въ-разсужденіи же этого немощнаго и человѣческаго понятія аріанъ, по которому предполагаютъ, что Господь имѣлъ недостатокъ, когда говорилъ: *дадеса Ми* (Матѣ. 28, 18), и *пріяхъ* (Іоан. 10, 18), и когда говоритъ Павелъ: *тѣмже Богъ Его превознесе* (Филип. 2, 9), и *посади одесную* (Ефес. 1, 20), и тому подобное, должно сказать, что Господь нашъ, будучи Словомъ и Сыномъ Божіимъ, понесъ на Себѣ тѣло, и содѣлался Сыномъ человѣческимъ, чтобы, *ставъ* Ходатаемъ Бога и человѣковъ, тѣмъ, что Божіе, послужить намъ, а тѣмъ, что наше, — Богу. Посему, когда говорится, что алчетъ, плачетъ, утомляется, взываетъ: *Елои, Елои*; тогда отъ насъ приемиетъ собственно человѣческія и наши немощи и приноситъ Отцу, ходатайствуя за насъ, да уничтожатся эти немощи въ Немъ. Когда же говорится: *дадеса Ми власть*, и: *пріяхъ*, и: *тѣмже Богъ Его превознесе*; — это суть дарованія, намъ чрезъ Него сообщаемыя отъ Бога. Слово не было недостаточнымъ, Оно не было когда-либо приводимымъ въ бытіе. Также и люди не въ-состояніи были сами себѣ послужить этимъ; даруется же это намъ чрезъ Слово. Посему,

сообщается намъ даруемое какбы Ему. Для того и вочеловѣчилось Слово, чтобы даруемое какбы Ему. перешло на насъ. Простой человѣкъ не могъ бы этого сподобиться, а также Слово единое не имѣло бы въ этомъ нужды. Посему, Слово соединилось съ нами, и тогда сообщило намъ власть и превознесло насъ. Слово, сущее въ человѣкѣ, превознесло человека. И поелику въ человѣкѣ Слово, то пріялъ человѣкъ. И такъ, поелику во плоти Слово, то превознесенъ и пріялъ власть человѣкъ. Посему и восписуется сіе Слову, потому что даровано ради Его. Ради Слова, сущаго въ человѣкѣ, даны сіи дарованія; и какъ *Слово плоть бысть*, такъ человѣкъ пріялъ пріятное Словомъ. Ибо все, что пріялъ человѣкъ, скажется пріявшимъ Слово, чтобы видно было, что Онъ, какъ человѣкъ, сколько сообразно это съ Его природою, недостойнъ былъ пріяты, однакоже пріялъ ради Слова, содѣлавшагося плотію. Посему, если скажется, что дается нѣчто Господу, или что-либо сему подобное, то должно представлять, что не Ему дается, какъ имѣющему нужду, но человѣку подается чрезъ Слово. И всякій, ходатайствующій за другаго, пріемлетъ милость, не самъ имѣя въ ней нужду, но ради того, о комъ ходатайствуетъ.

7) Какъ пріемлетъ наши немощи, не немоществуя Самъ, и алчетъ не алча, но о нашихъ немощахъ возсылаетъ моленіе, чтобы онѣ были изглажены: такъ Самъ опять вмѣсто немощей пріемлетъ отъ Бога дары, чтобы могъ причаститься ихъ вступившій съ Нимъ въ единеніе человѣкъ. Такъ, Господь говоритъ: *вся, елика далъ еси Мнѣ, дахъ имъ* (Іоан. 17, 7. 8); и еще: *Азъ о сихъ молю*. О насъ Онъ молился, воспріемля на Себя наше, и намъ подавалъ то, что пріималъ. Поелику Слово соединилось съ человѣкомъ, то Отецъ, взирая на Слово, даровалъ человѣку возможность вознестись, имѣть всякую власть

и все тому подобное. Поэтому, восписуется самому Слову и какбы Ему дается все, что чрезъ Него приемлемъ мы. Какъ ради насъ вочеловѣчилось Слово, такъ чрезъ Него возносимся мы. Посему, нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что Оно, какъ ради насъ уничижило Себя, такъ ради же насъ сказуется превознесеннымъ. Итакъ, *дарова Ему*—значить: дароваль ради Его намъ; и *превознесе Его*—значить: превознесъ въ Немъ насъ. Само же Слово, когда мы возносимся и приемлемъ и получаемъ помощь, какбы Оно возносилось, принимало и получало помощь, благодарить Отца, Себѣ восписуя наше, и говоря: *всч, елика далъ еси Мнѣ, дахъ имъ*.

8) Ариане, послѣдующіе Евсевию, приписывая Сыну начало бытія, показываютъ видъ, будто не соглашаются на то, что Сынъ имѣетъ начало царствованія. Но это смѣшно. Ибо приписывающій Сыну начало бытія очевидно приписываетъ Ему и начало царствованія; а посему, признавая то, что сами отвергаютъ, они слѣпотствуютъ. А также, утверждающіе, что Сынъ есть одно имя, что не самосущенъ и не самостоятеленъ Сынъ Божій, то-есть, Отчее Слово, показываютъ видъ, будто бы негодуютъ на утверждающихъ, что было, когда не было Сына. И это также смѣшно. Ибо вовсе неприписывающіе Сыну бытія негодуютъ на приписывающихъ хотя временное бытіе. И они, что сами отрицаютъ, то признаютъ въ укоръ другимъ. Еще же, Евсеіевы послѣдователи, признавая Сына, отрицаютъ, что Онъ есть Слово по естеству, и хотятъ, чтобы Сынъ именовался Словомъ по примышленію. Другіе же, признавая Слово, отрицаютъ, что Оно есть Сынъ, и ровно ни на чемъ не опираясь, хотятъ, чтобы Слово именовалось Сыномъ по примышленію.

9) *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). Вы говорите: „значить, два суть едино, или одно имѣетъ

два имени, или еще, одно раздѣлено на два“. И такъ, если одно дѣлится на два, то раздѣленному необходимо быть тѣломъ, и ни то ни другое не совершенно, потому что каждое есть часть, а не цѣлое. Если одно имѣетъ два имени, то Савелліево это ученіе; Савеллій говоритъ, что одинъ и тотъ-же есть и Сынъ и Отецъ; а тѣмъ уничтожаетъ Того и Другаго, именно же, когда Онъ — Сынъ, уничтожаетъ Отца, а когда — Отецъ, — Сына. Если же два суть едино, то необходимо быть какъ двумъ, такъ и единымъ по Божеству; и поколику Сынъ единосущенъ Отцу, необходимо Слову быть отъ самого Отца; почему, хотя суть два, потому что есть Отецъ и Сынъ, то-есть Слово, но Они едино, потому что Богъ одинъ. А если не такъ, то надлежало сказать: Азъ есмь Отецъ, или: Азъ и Отецъ есмь. Теперь же, реченіемъ „Азъ“ означается Сынъ, а реченіемъ „и Отецъ“ — Родившій, реченіемъ же „едино“ — единое Божество и Его единосущіе. Ибо не одинъ и тотъ-же есть и Премудрый и Премудрость, какъ говорятъ эллины; или, не одинъ и тотъ-же есть Отецъ и Слово, потому что неприлично быть Ему Отцемъ Себя самого. Божественное же ученіе знаетъ Отца и Сына, Премудраго и Премудрость, Бога и Слово, хотя совершенно сохраняетъ во всемъ нераздѣльность, неразрывность, неразлагаемость на части.

10) Если же кто, слыша, что Отецъ и Сынъ суть два, станетъ клеветать, будто бы проповѣдуются два Бога (иные дѣйствительно воображаютъ себѣ подобное и не медлятъ насмѣяться, говоря: двухъ скажете Боговъ); то должно таковымъ отвѣчать: если признающій Отца и Сына скажетъ двухъ Боговъ, то сказующій единого уничтожаетъ Сына и проповѣдуетъ савелліанство. Ибо, если сказующій двухъ эллиниствуетъ; то слѣдуетъ, что сказующій единого савелліанируетъ. Но дѣло не такъ. Да не будетъ сего! Напротивъ

того, какъ сказующій, что Отецъ и Сынъ суть два, сказуетъ единаго Бога; такъ и сказующій, что Богъ единъ, содержитъ въ мысли двухъ, Отца и Сына, едино сущихъ по Божеству; потому что Слово, сущее отъ Отца, отъ Него неотложно, неотдѣльно, неотлучно. Возьми человѣческое подобіе: огонь и сіяніе отъ него; по бытію и по видимости здѣсь два, но и одно, потому что сіяніе отъ огня и съ нимъ нераздѣльно.

11) Савелліане впадаютъ въ одинаковое неразуміе съ аріанами. И эти говорятъ, что Сынъ сотворенъ ради насъ, чтобы мы были сотворены, какъ - будто Богъ выжидалъ нашего сотворенія, чтобы, по словамъ однихъ, проявить, или, по словамъ другихъ, сотворить Сына. Посему, аріане уступаютъ болѣе намъ, нежели Сыну. Ибо говорятъ, что не мы ради Его, а Онъ ради насъ получилъ бытіе; такъ - какъ для того и сотворенъ и существуетъ, чтобы чрезъ Него насъ сотворить Богу. Савелліане же, въ равной мѣрѣ и еще болѣе нечествуй, приписываютъ Богу менѣе, нежели намъ. Ибо мы нерѣдко и молча однимъ помышленіемъ дѣйствуемъ, такъ что мыслимое облекается въ образы; они же хотятъ, чтобы Богъ, пока молчитъ, былъ бездѣйственъ, и тогда только имѣлъ силу, когда издаетъ Слово; потому что молча не могъ Онъ творить, началъ же созидать возглаголавъ.

Справедливо будетъ спросить у нихъ: Слово, будучи въ Богѣ, было ли совершенно, такъ что могло и творить? Если, будучи въ Богѣ, Оно было несовершенно, родившись же стало совершеннымъ; то мы причиною Его совершенства, потому что Оно рождено ради насъ. Ибо ради насъ получило возможность творить. А если Оно совершенно было въ Богѣ, такъ что могло и творить; то излишне Его рожденіе, потому что, и будучи во Отцѣ, могло созидать. А

посему, не раждается ли Оно, или раждается, сіе не для насъ, но потому что всегда Оно отъ Отца. Рожденіемъ Его показывается не наше созданіе, но бытіе Его отъ Бога; потому что было Оно и прежде нашего созданія.

12) Умствованія еретиковъ окажутся столько же дерзкими и въ-отношеніи къ Отцу. Если Отець не могъ творить молча, то необходимо заключить, что родивъ, то-есть возглаволавъ, воспріялъ Онъ силу. Но откуда же воспріялъ, и для чего? Если же могъ творить, въ Себѣ еще имѣя Слово, то напрасно раждаетъ, имѣя возможность творить и молча. Притомъ, если Слово до рожденія было въ Богѣ, то слѣдуетъ, что рождено вовнѣ и стало внѣ Бога. А если допустить это, то почему же говоритъ нынѣ: *Азъ во Отцѣ, и Отець во Мнѣ?* Если нынѣ Оно во Отцѣ, то слѣдуетъ, что всегда было во Отцѣ, какъ и нынѣ, и напрасно говорятъ, что для насъ Оно раждается, послѣ же насъ возвращается, чтобы Ему быть, чѣмъ и было; потому что и прежде не было тѣмъ, чтó не есть теперь, и теперь не есть, чѣмъ не было прежде. Напротивъ того, Слово такъ и есть, какъ всегда было, имѣя все то-же и въ той-же мѣрѣ, иначе, окажется несовершеннымъ и измѣняемымъ. Ибо, если чѣмъ было, тѣмъ послѣ будетъ, какъ не-сущее симъ теперь; то явно, что теперь Оно не то, чѣмъ было и будетъ, то-есть, если прежде было въ Богѣ и послѣ опять будетъ въ Богѣ же, то явно, что теперь нѣтъ въ Богѣ Слова. Но ихъ избличаетъ Господь, говоря: *Азъ во Отцѣ, и Отець во Мнѣ.* Такъ, Онъ и теперь, какъ былъ всегда. А если такъ и нынѣ, какъ былъ всегда; то явно невозможно, чтобы иногда Онъ раждался, а иногда нѣтъ, чтобы иногда было въ Богѣ безмолвіе, иногда же глаголавъ Богъ. Напротивъ того, всегда есть Отець; и Сынъ, Отчее Слово, не по имени

только Слово; Слово не по примышленію (*κατ' ἐπίνοαν*), но дѣйствительно есть Сынъ, единосущный Отцу, не ради насъ рожденный; потому что мы ради Его получили бытіе. А если Онъ ради насъ рождень, и при рожденіи Его мы созданы, и Его рожденіемъ состоялась тварь, возвратится же, чтобы Ему быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде; то, во-первыхъ, Родившійся опять будетъ нерожденнымъ. Ибо если исхождение Его есть рожденіе, то возвращеніе есть прекращеніе рожденія. Какъ - скоро будетъ Онъ въ Богѣ,—Богъ снова умолкнетъ. Если же умолкнетъ,—снова будетъ то-же, что было при Его молчаніи,—безмолвіе, а не тварь; слѣдовательно, тварь получитъ конецъ. Какъ съ исхожденіемъ Слова тварь получила бытіе и осуществилась, такъ съ возвращеніемъ Слова тварь перестанетъ существовать. Какая же была нужда приходить въ бытіе, если прекратится? Или, почему и глагола въ Богѣ, чтобы послѣ умолкнуть? На что и проявлялъ Того, Кого воззываетъ? На что и раждалъ, Чье рожденіе хотѣлъ прекратить? Что же будетъ опять? Неизвѣстно. Или навсегда умолкнетъ, или снова родитъ и измыслитъ новую тварь; потому что не будетъ творить ту-же (иначе, могла бы оставаться получившая бытіе), но сотворитъ другую; а слѣдственно, и эту прекратить, измыслитъ же еще новую, и такъ до безконечности.

13) Это же, можетъ быть, Савеллій заимствовалъ у стоиковъ, утверждающихъ, что Богъ сжимается, и также вмѣстѣ съ тварію распростирается, и безмѣрно покоится. Ибо расширяющееся расширяется изъ стѣсненія, и распростирающееся распростирается, будучи сперва сжато; и пребываетъ тѣмъ же; не иное же что преспѣваетъ, какъ одно видоизмѣненіе. Посему, если расширившаяся Единица содѣлалась Троицею, Единица же есть Отецъ, а Троица—

Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; то, во-первыхъ, расширившаяся Единица потерпѣла видоизмѣненіе и содѣлалась, какою не была; потому что расширилась, не бывъ прежде расширенною. А потомъ, если самая Единица расширилась въ Троицу, Троица же есть Отецъ и Сынъ и Святой Духъ; то слѣдуетъ, по словамъ Савеллія, что самъ Отецъ содѣлался и Сыномъ и Духомъ, развѣ только именуемая Савелліемъ Единица есть нѣчто иное отъ Отца. Въ такомъ же случаѣ, должно было сказать, что Единица не расширилась, но произвела трехъ, такъ что сперва—Единица, а потомъ—и Отецъ, и Сынъ, и Духъ. Ибо если бы Она сама расширилась, и распростерла Себя, то осталась бы тѣмъ же, что было распростерто. Но Троица уже не расширившаяся Единица; будучи Единицею, Она не была еще Троицею. Слѣдовательно, Отецъ, будучи Отцемъ, не былъ Сыномъ и Духомъ; содѣлавшись же Ими, не есть уже только Отецъ. А иной въ насмѣшку назоветъ это Божиимъ тѣломъ, вводя видоизмѣняемаго Бога. Ибо что значитъ расширеніе,—не видоизмѣненіе ли расширяемаго? Или, что такое расширенное,—не то ли, что прежде было не расширено, но стѣснено? Ибо это есть одно и то же, и различается само съ собою только временемъ.

14) Это знаетъ и божественный Апостоль, пиша въ Посланіи къ коринѣянамъ: *вы не тѣсно вмѣщаетесь въ насъ*, распространитесь же и вы, коринѣяне (2 Кор. 6, 12. 13). Не другимъ, а тѣмъ же самымъ коринѣянамъ совѣтуетъ изъ стѣсненнаго состоянія прійти въ расширенное. Но какъ, если бы тѣсно вмѣщенные коринѣяне снова расширились, то не другими бы стали, но опять были бы коринѣянами: такъ, если Отецъ расширился въ Троицу, то Троица опять есть единый Отецъ. И еще, то-же говоритъ Апостоль: *сердце наше распространися* (2 Кор. 6, 11).

И Ной говоритъ: *да распространитъ Богъ Іафета* (Быт. 9, 27). И сердце то-же, и Іафетъ тотъ-же и при расширеніи. Посему, если Единица расширилась, то, можетъ быть, расширилась въ другихъ. А если расширилась въ Себѣ, то будетъ тѣмъ, что расширено. Что же это, какъ не Сынъ и Духъ Святой? Но хорошо—спросить самого разсуждающаго такъ: какое же дѣйствіе такого расширенія? Или, сказать передъ самою истиною,—для чего, вообще, Единица расширена? Не-пребывающее тѣмъ же, но въ послѣдствіи расширяемое, по необходимости должно имѣть причину, по которой оно расширено. Если Отецъ расширился для того, чтобы присущи Ему были Слово и Духъ; то излишне будетъ сказанное: сперва—Единица, а потомъ—расширилась. Ибо Слово и Духъ не въ послѣдствіи, но всегда, иначе—Богъ былъ бы безъ Слова, какъ и говорятъ аріане. Посему, если всегда было Слово и былъ Духъ, то Единица всегда была расширена, а не только что расширилась. Если же расширилась въ послѣдствіи, то и Слово—въ послѣдствіи. Если же расширилась по причинѣ вочеловѣченія, и тогда содѣлалась Троицею; то слѣдуетъ, что до вочеловѣченія не было Троицы. Окажется же, что Отецъ сталъ и плотію, потому что Онъ, будучи Единицею, расширился въ челоуѣкѣ. А можетъ быть, Единица будетъ уже и плотію, и въ-третьихъ, Духомъ, потому что расширялся одинъ и тотъ же. Да и Троица будетъ только по имени. А если Единица расширилась для творенія, то сіе нелѣпо. Ибо возможно ей было, и Единицею будучи, сотворить все; Единица не имѣла нужды въ расширеніи, и не была немошною до расширенія. Нелѣпо и нечестиво такъ думать и говорить о Богѣ. Но слѣдствіемъ сего будетъ и другая несообразность. Если Единица расширилась ради твари, а пока была Единицею, не было твари, по совершеніи же твари Единица опять будетъ безъ рас-

ширенія; то и тварь уничтожится. Ибо какъ расширилась для сотворенія, такъ съ прекращеніемъ расширенія прекратится и тварь.

15) Таковыя-то несообразности встрѣтятся вслѣдствіе положенія, что Единица расширяется въ Троицу. Поелику же утверждающіе это осмѣливаются раздѣлять Слово и Сына, и говорить, что иное есть Слово, а иное—Сынъ, и прежде Слово, а потомъ Сынъ; то рассмотримъ и это. Но еретики дерзкую мысль свою выражаютъ различно: одни говорятъ, что Сынъ есть тотъ человѣкъ, котораго воспріялъ на Себя Спаситель; другіе же, что оба, и человѣкъ и Слово, тогда содѣлались Сыномъ, когда стали соединены. А есть и иные утверждающіе, что само Слово тогда содѣлалось Сыномъ, когда вочеловѣчилось. Отъ Слова, говорятъ они, произошелъ Сынъ, будучи прежде не Сыномъ, а только Словомъ. Стоикамъ подражаютъ въ томъ и другомъ, и утверждаютъ, что Богъ расширяется, и отрицаютъ Сына. Но до крайности несмысленно то, что, именуя Слово, отрицаютъ, что Оно есть Сынъ. Ибо если Слово не отъ Бога, то справедливо могутъ отрицать, что Оно есть Сынъ. Если же Оно отъ Бога, то почему не могутъ примѣтить, что отъ кого-либо существующій есть сынъ того, отъ кого существуетъ? Потомъ, если Богъ есть Отецъ Слова, то почему Слово не быть Сыномъ Своего Отца? Тотъ—отецъ и называется отцемъ, у кого есть сынъ; тотъ—сынъ и называется сыномъ, у кого есть отецъ. Поэтому, если Богъ не есть Отецъ Христу, то и Слово не Сынъ. Если же Богъ есть Отецъ, то по всей справедливости и Слово будетъ Сыномъ. Если же Онъ впоследствии Отецъ, а первоначально Богъ; то аріанское это мудрованіе. Притомъ, ни съ чѣмъ несообразно—Богу перемѣняться; это свойственно тѣламъ. Если же, какъ въ отношеніи къ твари Богъ содѣлался Творцемъ впоследствии, такъ и Отцемъ

сталъ въ послѣдствіи; то должно знать, что тамъ въ послѣдствіи произошло премѣненіе созданнаго, а не самаго Бога.

16) Посему, если и Сынъ есть произведеніе, то и въ отношеніи къ Нему Богъ справедливо могъ содѣлаться Отцемъ въ послѣдствіи. А если Сынъ не произведеніе, то слѣдуетъ, что всегда есть Отецъ, и всегда—Сынъ. Если же Сынъ всегда, то Сыномъ будетъ само Слово. Ибо если Слово—не Сынъ (и это осмѣлился сказать нѣкто), то утверждающій это—или Слово именуетъ Отцемъ, или Сына представляетъ совершеннѣйшимъ Слова. Поелику Сынъ *въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), то необходимо—или не быть слову прежде Сына, потому что ничто не прежде сущаго во Отцѣ, или, если Слово не то-же, что Сынъ, самому слову быть Отцемъ, въ которомъ есть Сынъ. Если же Слово—не Отецъ, а Слово, то Слово будетъ внѣ Отца; потому что Сынъ *въ лонѣ Отчи*. Не оба Они, и Слово и Сынъ, *въ лонѣ Отчи*, но единому должно быть въ лонѣ, и сей одинъ есть Сынъ, то-есть Единородный. И опять, если иной есть Слово и иной—Сынъ: то Сынъ окажется совершеннѣйшимъ Слова; ибо *никтоже знаетъ Отца*, ни даже Слово, *токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27). Поэтому, или Слово не знаетъ Отца, или, если знаетъ, ложно сказанное: *никтоже знаетъ*. Тѣже самое должно разумѣть и въ-разсужденіи сказаннаго: *видѣвши Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9), и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). Это, по утверженію еретиковъ, слова Сына, а не Слова.

Это видно и изъ Евангелій. По Евангелію отъ Іоанна, когда Господь говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма, взяша каменіе іудее, да побіютъ Его. Отвѣща имъ Іисусъ: многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца: за кое ихъ дѣло каменіе мещете на Мя? Отвѣщаша Ему іудее: о добръ дѣлѣ каменіе не мещемъ на Тя, но о хуль, яко Ты, человекъ сый, твориши Себе*

Бога. Отвѣща имъ Иисусъ: *нѣсть ли писано въ законѣ вашемъ: Азъ рѣхъ, бози есте? Аще оныхъ рече боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися Писаніе: Егоже Отецъ святы и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ, Сынъ Божій есмь. Аще не творю дѣла Отца, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ вѣруйте: да увѣсте и разумѣете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Отца* (Іоан. 10, 30 — 38). Впрочемъ, сколько должно понимать сказанное ясно, Христосъ не говорилъ ни сего: „Я Богъ“, ни сего: „Я—Сынъ Божій“; сказалъ же только: *Азъ и Отецъ едино есма.*

17) Поэтому и іудеи, услышавъ сіе: *едино*, подумали, будто бы Онъ, согласно съ Савелліемъ, говоритъ: Я—Отецъ; Спаситель же нашъ изъ погрѣшительнаго ихъ мнѣнія выводитъ такое заключеніе: если бы и назвалъ Я Себя Богомъ, то вамъ надлежало знать написанное: *Азъ рѣхъ, бози есте.* Потомъ, объясняя сказанное: *Азъ и Отецъ едино есма*, указалъ на единство Сына со Отцемъ, говоря: *зане рѣхъ, Сынъ есмь Божій*; ибо если не сказалъ точными словами, то значеніе сихъ реченій: *едино есма*—объяснилъ реченіемъ: Сынъ. Ничто не можетъ быть едино со Отцемъ, кромѣ того, что отъ Отца. А что можетъ быть отъ Отца, кромѣ Сына? Потому и присовокупляетъ: *да разумѣете, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ.* Ибо, толкуя реченіе: *едино*, сказалъ, что единеніе и неразлучность состоятъ не въ тождествѣ Сына съ Тѣмъ, съ Кѣмъ Онъ *едино*, но въ томъ, что Онъ *во Отца, и Отецъ въ Сынъ.* Этимъ опровергаетъ Онъ какъ Савеллія, сказавъ: Я — не Отецъ, но Сынъ Божій, такъ и Арія, сказавъ: *едино есма.* Посему, ежели иное есть Сынъ, а иное — Слово, то не Слово, а Сынъ есть едино со Отцемъ, и *видѣвый* не Слово, но Сына, *видѣ Отца.*

А по такому объясненію, или Сынъ больше Слова, или Слово ничѣмъ не преимуществуетъ предъ Сыномъ. Ибо что выше или совершеннѣе сего: *едино, и: Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ, и: видѣвый Мене, видѣ Отца?* Сыну же принадлежать, какъ говоритъ тотъ-же Іоаннъ, и слѣдующія изреченія: *видѣвый Мене, видѣ пославшаго Мя* (Іоан. 12, 45); и: *уже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (Матѳ. 10, 40); и: *Азъ свѣтъ въ міръ придохъ, да всякъ въручай въ Мя во тмѣ не пребудетъ. И аще кто услышитъ глаголы Мои и не сохранитъ, Азъ не сужду ему: не придохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ. Слово, еже слышитъ, то судитъ ему въ послѣдній день* (Іоан. 12, 46 — 48), *яко Азъ ко Отцу грядю* (Іоан. 14, 12); проповѣдь, говоритъ Онъ, судитъ несохранившаго заповѣдь. Ибо, какъ говоритъ, *еще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имъ; нынѣ же извиненія не имутъ* (Іоан. 15, 22), слыша слова Мои, отъ которыхъ сохраняющіе ихъ пожинаютъ спасеніе.

18) Можетъ быть, еретики по безстыдству своему скажутъ, что это — изреченіе не Сына, но Слова. Но изъ сказаннаго выше ясно стало видно, что Глаголющій есть Сынъ; ибо указано, что Глаголющій здѣсь: Я пришелъ не судить, но спасти міръ, есть не иной кто, но едиnorodный Божій Сынъ. Ибо тотъ-же Іоаннъ выше сего говоритъ: *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего едиnorodнаго даго есть, да всякъ въручай въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ. Въручай въ Онъ, нѣсть осужденъ: а не въручай, уже осужденъ есть, яко не впрова во имя едиnorodнаго Сына Божія. Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человецы паче тму, неже свѣтъ: быша бо ихъ дѣла зла* (Іоан. 3, 16—19). Если Глаголющій:

не придохъ, да сужду мірови, но да спасу его, есть Тотъ-же, Кто говоритъ: видяи Мя, видитъ Пославшаго Мя, Пришедшій же спасти міръ, а не осудить его, есть едиnorodный Сынъ Божій; то явно, что и Глаголющій: видяи Мя, видитъ Пославшаго Мя—есть тотъ-же самый Сынъ. Ибо и Тотъ, Кто говоритъ: вѣруяи въ Мя, и если кто не послушаетъ словесъ Моихъ, не Я сужду ему, есть тотъ же Сынъ, о Которомъ сказано сіе: вѣруяи въ Онъ, нѣсть осужденъ, а не вѣруяи, уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя едиnorodнаго Сына Божіа. И еще: сей есть судъ невѣрующему въ Сына, яко свѣтъ приде въ міръ и не увѣровали въ Него, очевидно, въ Сына. Ибо Онъ тотъ свѣтъ, иже просвѣщаетъ всякаго чelовѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9). И все то время, какъ пребывалъ Онъ на землѣ по вочеловѣченіи, свѣтъ былъ въ мірѣ, какъ Самъ сказалъ: дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете (Іоан. 12, 36). И: Азъ свѣтъ въ міръ придохъ (46).

19) Итакъ, вслѣдствіе доказаннаго явно, что Слово есть Сынъ. Если же Сынъ есть свѣтъ, пришедшій въ міръ, то неоспоримо, что міръ получилъ бытіе чрезъ Сына. Ибо въ началѣ Евангелія, говоря о Крестителѣ Іоаннѣ, Евангелистъ присовокупляетъ: *не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуеть о свѣтѣ* (Іоан. 1, 8); потому что, какъ говорено прежде, самъ Христосъ *бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чelовѣка, грядущаго въ міръ* (9). Ибо если Онъ *въ мірѣ бѣ, и міръ Тъмъ бысть* (10), то по необходимости Онъ же самый есть то Слово Божіе, о Которомъ сказалъ Евангелистъ: *вся Тъмъ быша* (3). Или, еретики должны будутъ наименовать два міра, такъ чтобы одинъ получилъ бытіе чрезъ Сына, а другой чрезъ Слово; или, если міръ одинъ и тварь одна, то слѣдуетъ одного и того же наименовать Сыномъ и Словомъ прежде всякой твари, потому что

тварь чрезъ Него получила бытіе. Слѣдовательно, если, какъ Словомъ, такъ Сыномъ *вся быша*; то не окажется противорѣчущимъ, но одно и то же будетъ сказать: *въ началѣ бѣ Слово, въ началѣ бѣ Сынъ*.

Если же, поелику Іоаннъ не сказалъ: въ началѣ бѣ Сынъ, скажутъ, что неприлично Сыну приписуемое Слово; то смотрите, и приписуемое Сыну неприлично будетъ Слово. Доказано же, что Сынъ говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, что Сынъ есть *сый въ лонѣ Отчи*, и Онъ же говоритъ: *видяи Мя, видитъ Пославшаго Мя*. Общее, правда, отношеніе къ Словоу и къ Сыну имѣеть сказанное: *міръ Тъмъ бысть* (Іоан. 1, 10); почему и доказывается симъ, что Сынъ прежде міра, ибо Зиждителю необходимо быть прежде созданнаго; но сказанное Филиппу, по ихъ разсужденію, относилось бы не къ Словоу, а къ Сыну. Ибо сказано: *Рече Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе? видѣвыйи Мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши, покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть? Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же во Мнѣ пребываяи, той творитъ дѣла. Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ: аще же ни, за та дѣла вѣру имите Ми. Аминь, аминь глаголю вамъ, вѣруяи въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и болыиа сихъ сотворитъ: яко Азъ ко Отцу Моему гряду. И еже аще что просите во имя Мое, то сотворю: да прославится Отецъ въ Сынѣ* (Іоан. 14, 9—13). Итакъ, если Отецъ прославляется въ Сынѣ, то Сынъ есть Глаголющій: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. Онъ же говоритъ: *видѣвыйи Мене, видѣ Отца*. Ибо Тотъ самый, Который говоритъ это, доказываетъ о Себѣ, что Онъ — Сынъ, присовокупляя: *да прославится Отецъ въ Сынѣ*.

20) Поэтому, если говорятъ, что тотъ человекъ, котораго воспріяло на Себя Слово, есть Сынъ Божій

единородный, Слово же не есть Сынъ; то будетъ слѣдовать, что человѣкъ есть и Тотъ, Кто во Отцѣ, и въ Комъ Отецъ; человѣкъ есть и Тотъ, Кто *едино* есть со Отцемъ, Кто *въ лонѣ Отчи*, Кто есть *свѣтъ истинный*. Принуждены же будутъ сказать, что симъ человѣкомъ *міръ бысть*, что сей же человѣкъ есть Пришедшій не судить міръ, но спасти его, что онъ есть *прежде даже Авраамъ не бысть*. Ибо сказано: *рече имъ Иисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ, прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 58). Какая же несообразность, вслѣдствіе ихъ мудрованія, Тому, Кто произошелъ отъ Аврамова сѣмени чрезъ сорокъ два рода послѣ Авраама, сказать: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*? Какая несообразность—если плоть, которую пріяло на Себя Слово, сама есть Сынъ—сказать, что плоть отъ Маріи есть та самая, еюже *міръ бысть*? Какъ же объяснить и это: *въ міръ бѣ* (Іоан. 1, 10)? Ибо Евангелистъ, означая то, что предшествовало бытію Сына во плоти, присовокупилъ: *въ міръ бѣ*. Какъ же—если не Слово, но человѣкъ, есть Сынъ—можетъ Онъ спасти міръ, будучи и Самъ однимъ изъ сущихъ въ мірѣ? Если же и это не приводитъ въ стыдъ еретиковъ, то гдѣ будетъ Слово, когда человѣкъ во Отцѣ? Которымъ по числу Слово въ-отношеніи къ Отцу, когда человѣкъ и Отецъ едино суть? Если уже человѣкъ есть Единородный, то которымъ послѣ него будетъ Слово? Развѣ скажетъ иной, что Слово есть второе по Единородномъ? Или, если Оно выше Единороднаго, то Само есть Отецъ. Ибо, какъ Отецъ единъ, такъ и единородное отъ Него едино же. Чѣмъ же и преимуществуетъ Слово предъ человѣкомъ, когда Слово даже не Сынъ? Хотя написано, что и Сыномъ и Словомъ *міръ бысть*, что общее есть Сыну и Слову со-зидать міръ; но видѣть Отца приписано уже не Слову, а Сыну, и спасается міръ, по сказанному, уже не

Словомъ, но единороднымъ Сыномъ. Ибо сказано: *рече Иисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ ли еси Мене, Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца.* И Отца знаетъ, по написанному, не Слово, но Сынъ; потому что видитъ Отца, какъ сказано, не Слово, но единородный Сынъ, *сый въ лонѣ Отчи.*

21) Чтò же преимущественнаго предъ Сыномъ приносить къ нашему спасенію Слово, если, по словамъ ихъ, иной есть Сынъ, и иное есть Слово? Намъ дано повелѣніе вѣровать не въ Слово, но въ Сына. Ибо Іоаннъ говоритъ: *вѣрующій въ Сына имать животъ вечный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота* (Іоан. 3, 36). И святое крещеніе, на которомъ держится составъ всей нашей вѣры, преподается не въ Слово, но въ Отца и Сына и Святаго Духа. Посему, ежели, по словамъ ихъ, иной есть Слово, и иной есть Сынъ, и Слово—не Сынъ; то крещеніе не имѣетъ никакого отношенія къ слову. Поэтому, какъ же, по ученію ихъ, Слово соприсуще Отцу, не будучи соприсущимъ Ему въ даяніи крещенія?

Но, можетъ быть, скажутъ, что въ имени Отца заключается и Слово. Итакъ, почему же не заключается и Духъ? Или Духъ внѣ Отца? И человѣкъ, такъ какъ Слово—не Сынъ, именуется послѣ Отца, а Духъ послѣ человѣка? И даже еще, по ученію ихъ, Единица расширяется не въ Троицу, но въ четверицу: въ Отца, въ Слово, въ Сына, въ Духа Святаго?

Пристыждаемые этимъ, прибѣгаютъ они къ другому, и говорятъ, что не самъ по себѣ — человѣкъ, котораго воспріялъ на Себя Господь, но то и другое вмѣстѣ, и Слово и человѣкъ, есть Сынъ; ибо то и другое въ соединеніи, какъ говорятъ они, именуется Сыномъ. Посему, чтò же чего виною, и кто кого содѣлалъ Сыномъ? Или, скажу яснѣе, ради ли плоти Слово есть Сынъ, или ради Слова плоть называется Сыномъ? Или ни Слово, ни плоть, а только соеди-

неніе обоихъ именуется Сыномъ? Итакъ, если Слово ради плоти, то необходимо плоти быть Сыномъ; и слѣдствіемъ этого будутъ тѣ-же несообразности, какія, по сказанному прежде, вытекаютъ изъ наименованія человѣка Сыномъ. Если же ради Слова плоть именуется Сыномъ, то, конечно, и прежде плоти существующее Слово было Сыномъ. Ибо какъ можно кому-либо усыновлять другихъ, самому не будучи Сыномъ, особливо когда есть Отецъ? Посему, если Себѣ усыновляетъ, то само Оно—Отецъ; а если Отцу, то необходимо самому быть Сыномъ, особливо же быть Сыномъ Тому, Кѣмъ другіе усыновляются.

22) Ибо если, когда Слово—не Сынъ, мы бываемъ сынами, то Богъ нашъ, а не Его Отецъ. Почему же Себѣ паче присвоитъ, говоря: *Отець Мой* (Іоан. 5, 17), и: *Азъ отъ Отца* (Іоан. 16, 28)? Если Богъ --- общій всѣхъ Отецъ, то не Его только Отецъ, и не одно Слово исшло отъ Отца. Писаніе говоритъ иногда, что Богъ именуется и нашимъ Отцемъ, потому что Слово пріобщилось нашей плоти. Ибо для сего *Слово плоть бысть*, чтобы, поелику Слово есть Сынъ, по причинѣ обитающаго въ насъ Сына, Богъ именовался и нашимъ Отцемъ. Сказано: *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Итакъ, Сынъ, въ насъ призывающій собственнаго Своего Отца, дѣлаетъ, что именуется Онъ и нашимъ Отцемъ. Конечно же, у кого въ сердцѣ нѣтъ Сына, Отцемъ того не именуется Богъ. Итакъ, если ради Слова человѣкъ называется Сыномъ, то, поелику и до вочеловѣченія ветхозавѣтные назывались сынами, по всей необходимости, Слову должно быть Сыномъ и прежде пришествія. Сказано: *сыны родихъ* (Исаи 1, 2); и при Ноѣ: *видѣше же сынове Божіи* (Быт. 6, 2); и въ Пѣсни: *не самъ ли сей Отець твой* (Второз. 32, 6). А поэтому, былъ и истинный Сынъ, ради Котораго и они были сынами.

Если же опять, по словамъ еретиковъ, ни Слово, ни плоть не именуется Сыномъ, дается же сіе именованіе ради соединенія обоихъ, то по необходимости ни то, ни другое, то-есть, ни Слово, ни человѣкъ, не есть Сынъ; будетъ же Сыномъ какая ни есть причина, ради которой они соединены. Такимъ образомъ, предшествовать будетъ причина сочетанія, которая творитъ Сына. Слѣдовательно, и посему Сынъ былъ прежде плоти.

Послѣ этихъ разсужденій прибѣгаютъ они къ другому предположенію, говоря, что не человѣкъ есть Сынъ, и ни то, ни другое вмѣстѣ, но Слово. Въ началѣ Оно есть просто Слово, а когда вочеловѣчилось, тогда наименовано Сыномъ; ибо до явленія во плоти нѣтъ Сына, а есть только Слово. И какъ *Слово плоть бысть*, не бывъ прежде плотию, такъ Слово содѣлалось и Сыномъ, не бывъ прежде Сыномъ. Таковы суесловныя предположенія еретиковъ; и служащее къ ихъ опроверженію само собою ясно.

23) Если Слово, вочеловѣчившись, содѣлалось совершенно Сыномъ, то причина—вочеловѣченіе. Если же человѣкъ, или то и другое вмѣстѣ, причиною тому, что Слово есть Сынъ; то встрѣтятся прежнія несообразности. Притомъ, если первоначально—Слово, а впослѣдствіи—Сынъ; то окажется Оно впослѣдствіи, а не первоначально, познавшимъ Отца; потому что знаетъ Отца не Слово, но Сынъ: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Матѣ. 11, 27). Встрѣтится же и слѣдующее: Слово впослѣдствіи стало *въ лонѣ Отчи*; впослѣдствіи Оно и Отецъ содѣлались *едино*; впослѣдствіи стало имѣть мѣсто и сіе: *видѣвый Мене. видѣ Отца*; потому что все это сказано о Сынѣ. А вслѣдствіе этого вынуждены будутъ сказать, что Слово было не что-либо иное, а одно только имя; потому что ни въ насъ не было Его со Отцемъ, ниже *видѣвый* Слово усматривалъ Отца, ниже вообще

къмъ-либо познаваемъ былъ Отецъ. Ибо Отецъ познается чрезъ Сына, какъ и написано: *и емуже аще Сынъ* откроетъ (Матѣ. 11, 27); когда же Слово не было еще Сыномъ,—никто не зналъ Отца. Поэтому, какъ же Богъ являлся Моисею и Отцамъ? Ибо Самъ говоритъ въ книгѣ Царствъ: *открываяся открыхся* всѣмъ отцамъ вашимъ (1 Цар. 2, 27). А если Богъ открывался, то явно, что Открывающій былъ Сынъ, какъ Самъ говоритъ: *и емуже аще Сынъ* откроетъ. Посему, нечестиво и неразумно—говорить, что иной есть Слово, и иной—Сынъ.

Но хорошо спросить еретиковъ: откуда у нихъ такое предположеніе? Скажутъ, конечно: „въ Ветхомъ Завѣтѣ не говорится о Сынѣ, говорится же о Словѣ; это утверждаетъ въ томъ предположеніи, что Сынъ позднѣе Слова, потому что о Сынѣ сказано не въ Ветхомъ, а въ одномъ Новомъ Завѣтѣ“. Вотъ что говорятъ они въ своемъ злочестіи. Во-первыхъ, раздѣляютъ Завѣты и говорятъ, что одинъ съ другимъ не въ связи, есть дѣло манихеевъ и іудеевъ, изъ коихъ одни оспариваютъ Ветхій, а другіе Новый Завѣтъ. Потомъ, по словамъ ихъ, если заключающееся въ Ветхомъ Завѣтѣ предшествуетъ по времени, а содержащееся въ Новомъ есть позднѣйшее, и этимъ опредѣляется время въ Писаніяхъ; то по необходимости опять должно разумѣть о позднѣйшемъ времени эти изреченія: *Азъ и Отецъ едино есма*, и: *Единородный*, и: *видѣвый Мене, видѣ Отца*; потому что свидѣтельствуется это не Ветхимъ, а Новымъ Завѣтомъ.

24) Но положеніе еретиковъ невѣрно; истинно же то, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ многократно говорится и о Сынѣ, напримѣръ: во второмъ псалмѣ: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя* (Псал. 2, 7), и въ надписаніи девятого псалма: *въ конецъ, о тайныхъ Сына, псаломъ Давиду*; и въ псалмѣ сорокъ четвер-

томъ: въ конецъ, о измѣняемыхъ, сыномъ Кореовымъ въ разумъ, пѣснь о возлюбленномъ; и у Исаи: *Воспою возлюбленному пѣснь Возлюбленнаго винограду моему. Виноградъ бысть Возлюбленному* (Исаи 5, 1). Кто же сей Возлюбленный, какъ не Сынъ едиnorodный? Такъ и въ псалмѣ сто девятомъ сказано: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Псал. 109, 3), о чемъ говорено будетъ въ послѣдствіи; и въ Притчахъ: *прежде всѣхъ холмовъ рождаеть Мя* (Притч. 8, 25); и у Даниила: *зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божию* (Дан. 3, 92); есть и многія другія изреченія. И такъ, если Ветхимъ Завѣтомъ доказывается древность, то древень будетъ и Сынъ, ясно проповѣдуемый во многихъ мѣстахъ и Ветхаго Завѣта.

Да, говорятъ они: „и тамъ упоминается о Сынѣ, но пророчески“. Посему, можно сказать, что и о Словѣ говорится пророчески. Ибо нельзя сказать, что одно говорится такъ, а другое иначе. Если о будущемъ сказано: *Сынъ Мой еси Ты*, то явно, что о будущемъ же говорится и сіе: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6). Ибо не сказалъ Давидъ: *быша*, или *сотворилъ*. А что реченіемъ „*утвердилъ*“ означается будущее, то сказано: *Господь воцарися*, и потомъ: *ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал. 92, 1). И если въ сорокъ четвертомъ псалмѣ о *Возлюбленномъ* говорится о будущемъ, то явно, что будущее означается и при совокупленномъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо*. И если реченіе: *изъ чрева*—употреблено о чловѣкѣ; то слѣдуетъ, что о чловѣкѣ же должно разумѣть и реченіе: *отъ сердца*. Если чрево есть нѣчто чловѣческое, то и сердце есть нѣчто тѣлесное. А если реченіе: *отъ сердца*—означаетъ вѣчное, то и реченіемъ: *изъ чрева*—означается вѣчное. И если Единородный—въ лонѣ, то и Возлюбленный—въ лонѣ; потому что реченія: Единородный и Возлюбленный—

значать одно и то же. Напримѣръ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17). Ибо не съ намѣреніемъ выразить любовь къ Нему сказалъ: *возлюбленный*, иначе—подаль бы мысль, будто ненавидитъ другихъ; но выразилъ этимъ единородность, желая показать, что Онъ одинъ отъ Него. Такъ Слово, желая означить Аврааму единородность, говоритъ: *поими Сына твоего возлюбленнаго* (Быт. 22, 2); всякому же извѣстно, что отъ Сарры—только одинъ Исаакъ. Итакъ, Слово есть Сынъ, не недавно происшедшій или наименованный Сыномъ, но Сынъ всегда сущій. Ибо, если не Сынъ, то и не Слово; и если не Слово, то и не Сынъ. Чтò отъ Отца, то есть Сынъ. Чтò же отъ Отца, кромѣ Слова, исшедшаго отъ сердца и рожденнаго изъ чрева? Отець—не Слово, и Слово—не Отець; но одинъ—Отець, другой—Сынъ, одинъ раждаетъ, другой раждается.

25) Посему, безумствуетъ Арій, говоря, что Сынъ изъ не-сущихъ, и было, когда Его не было. Безумствуетъ и Савеллій, говоря, что Отець есть Сынъ и, наоборотъ, Сынъ есть Отець, едино по впостаси и два по имени. Безумствуетъ и тотъ, кто представляетъ въ примѣръ благодать Духа, и говоритъ: „какъ есть раздѣленіе дарованій, но Духъ одинъ и тотъ же, такъ и Отець, хотя одинъ и тотъ же, но расширяется въ Сына и Духа“. Такое ученіе исполнено несообразностей. Ибо, если, какъ сказано о Духѣ, такъ разумѣть и о Богѣ; то Отець будетъ и Слово и Святой Духъ, для одного бывая Отцемъ, для другаго Словомъ, а для иного Духомъ, сообразно съ потребностію каждаго; и хотя по имени Онъ—Сынъ и Духъ, но въ дѣйствительности только Отець; какъ имѣетъ начало бытію Сыномъ, такъ перестаетъ именоваться Отцемъ, вочеловѣчился только по имени, а по истинѣ не приходилъ на землю, и ложно говоритъ: *Азь и Отець*; потому что въ дѣй-

ствительности это—самъ Отецъ. Отсюда же вытекаютъ и всѣ прочія несообразности Савелліева мудрованія. Необходимо же прекратиться и самому имени Сына и Духа, по удовлетвореніи потребности. Все совершающееся уже будетъ одна игра; потому что являлось не въ дѣйствительности, а только подъ именемъ. А съ прекращеніемъ, по ученію ихъ, имени Сына прекратится и благодать крещенія; потому что дана ради Сына. И что за этимъ послѣдуетъ, какъ не уничтоженіе твари? Ибо, если для того, чтобы мы были сотворены, произошло Слово, и поелику Оно произошло, то мы существуемъ; явствуетъ, что, какъ говорятъ еретики, по возвращеніи Сына въ Отца, не будемъ уже существовать. Потому что тогда все будетъ тѣмъ, чѣмъ было, а слѣдовательно, и насъ не будетъ, какъ и прежде не было; поелику Слово болѣе не происходитъ, то не будетъ болѣе и твари.

26) Столько въ этомъ несообразностей! А что Сынъ не имѣетъ начала бытію, но всегда и до во-человѣченія пребывалъ у Отца, ясно выражаетъ это Іоаннъ въ первомъ Посланіи, говоря такъ: *еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ: и животъ явися намъ, и видѣхомъ, и свидѣтельствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ* (1 Іоан. 1, 1. 2). Сказавъ здѣсь, что *животъ (вѣчный)* не произошелъ, но *бѣ у Отца*, въ концѣ Посланія онъ говоритъ, что *животъ сей есть Сынъ*; пишетъ же такъ: *И да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ, и животъ вѣчный* (5, 20). Если же Сынъ есть жизнь, и жизнь у Отца, и если Сынъ былъ у Отца, говоритъ же самъ Іоаннъ: *и Слово бѣ къ Богу*; то Сынъ есть Слово, всегда существующее у Отца. А какъ Сынъ есть Слово, такъ Богъ

есть самъ Отецъ. Но и Сынъ, по слову Іоаннову, есть не просто Богъ, но Богъ *истинный*; а по его же слову, и Богъ *бъ Слово* (Іоан. 1, 1), и Сынъ говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 14, 6). Слѣдовательно, Сынъ есть Слово и жизнь, суцая у Отца. И еще, сказанное у того же Іоанна: *единородный Сынъ, сынъ въ лонѣ Отчи* (1, 18), показываетъ, что Сынъ существуетъ всегда. А Кого Іоаннъ именуетъ Сыномъ, Того Давидъ воспѣваетъ, называя рукою и говоря: *всюю отерацаеши руку Твою и десницу Твою отъ среды нѣдра Твоего* (Псал. 73, 11)? Итакъ, если рука въ нѣдрѣ, и Сынъ въ лонѣ; то Сынъ есть рука, и рука есть Сынъ, и Имъ все сотворилъ Отецъ. Ибо сказано: *рука Твоя сотвори сія вся* (Исаи 41, 20); и: *рукою извелъ еси люди* (Вар. 2, 11), слѣдовательно, извелъ Сыномъ. Если же сказано: *и сія измѣна десницы Вышняго* (Псал. 76, 11), и еще: *въ конецъ, о измѣняемыхъ, пѣснь о Возлюбленномъ* (Псал. 44, 1); то слѣдуетъ, что измѣненная рука есть Тотъ Возлюбленный, о Которомъ говоритъ Божественный гласъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*. Одно и тоже значитъ: сія рука Моя, и: Сей Сынъ Мой.

27) Поелику же нѣкоторые изъ невѣждъ, отрицая бытіе Сына, не придаютъ важности сказанному: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Псал. 109, 3), и, какъ-будто можетъ это быть прилагаемо къ Маріи, говорятъ, что „родился Онъ отъ Маріи прежде звѣзды утренней, Богу же приписывать чрево неприлично“; то необходимо сказать кратко и на это. Если чрево есть нѣчто человѣческое, и потому чуждо Богу; то явно, что и сердце означаетъ нѣчто человѣческое, потому что имѣющему сердце слѣдуетъ имѣть и чрево. А поелику то и другое есть человѣческое, то или необходимо отрицать то и другое, или надобно поискать значенія того и другаго. Ибо

какъ отъ сердца слово, такъ изъ чрева рожденіе; и какъ, если говорится о сердцѣ Божиємъ, представляемъ себѣ не человѣческое сердце, такъ, если Писаніе говоритъ: *изъ чрева*, должно понимать не тѣлесное чрево. Божественное Писаніе обыкновенно по-человѣчески выражаетъ и объясняетъ и то, что выше человѣка. И конечно, описывая твореніе, говоритъ: *руцѣ Твои сотвориша мя, и создаша мя* (Псал. 118, 73), и: *рука Моя сотвори вся сія* (Исаи 66, 2), и: *Тебѣ повелѣхъ, и создашася* (Псал. 32, 9); и о каждомъ предметѣ выражаясь прилично, о Сынѣ даетъ разумѣть Его свойствѣ со Отцемъ и преискренность, о твари же начало ея бытія; потому что тварей Богъ творитъ и созидаетъ, а Сына—Слово и Премудрость—раждаетъ отъ Себя. Но чрево и сердце выражаютъ свойствѣ со Отцемъ и преискренность; потому что и мы раждаемое имѣемъ изъ чрева, а дѣла совершаемъ рукою.

28) Посему, что же значитъ, говорятъ, *прежде денницы*? Отвѣчу на это: если реченіе „*прежде денницы*“ указываетъ на чудное рожденіе Его отъ Маріи, то и другіе многіе родились прежде восхожденія сей звѣзды. Посему, что же удивительнаго скажется о Немъ, и почему о томъ, что есть общее для многихъ, Писаніе упоминаетъ какъ о чемъ-то исключительномъ? При-томъ, есть разность въ выраженіяхъ: раждать и изводить. Въ реченіи „раждать“ заключается понятіе о началѣ произведенія, а „изводить“ значитъ не иное что, какъ производить уже существующее. Посему, если реченіе это относите къ тѣлу, то должно знать, что не тогда получило оно начало бытія, когда было благовѣстіе пастырямъ ночью, но когда Ангелъ вѣщалъ Дѣвѣ. Тогда же была не ночь, потому что не сказано сего. Но была ночь, когда исшелъ изъ чрева. Эту разность поставляетъ на видъ Писаніе, и одно называетъ рожденіемъ

прежде денницы, а другое именуется исшествіемъ изъ чрева, какъ въ псалмѣ двадцать первомъ: *Ты еси исторгѣи мя изъ чрева* (Псал. 21, 10). При-томъ же, не сказалъ: прежде восхожденія денницы, но просто: *прежде денницы*. Посему, если изреченіе это понимать о тѣлѣ, то необходимо тѣлу быть прежде Адама, потому что звѣзды прежде Адама. Или надобно доискаться смысла въ семь писъмени, и это можемъ заимствовать у Іоанна. Въ Апокалипсисѣ сказано: *Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній, начатокъ и конецъ. Блаженни расширившіи ризы свои, да будетъ область имъ на древо животное. и враты внидутъ во градъ. Внѣ псы, и чародѣи, и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякъ творяй и любяй лжу. Азъ Іисусъ послахъ Ангела Моего засвидѣтельствовати вамъ сія въ церквахъ. Азъ есмь корень и родъ Давидовъ, и звѣзда свѣтлая, утренняя. И Духъ и невѣста глаголютъ: прииди; и слышай да глаголетъ: прииди. И жаждай да приидетъ, и хотѣй да приметъ воду животную туне* (Апок. 22, 13---17). Итакъ, если родъ Давидовъ есть звѣзда свѣтлая и утренняя; то, явно, денницею названо явленіе Спасителя во плоти, которому предшествовало рожденіе отъ Бога. Почему, сказанное въ псалмѣ значитъ какбы сіе: „изъ Себя самого родилъ Я Тебя прежде явленія во плоти“; потому что выраженіе: *прежде денницы* — значитъ тоже, что и: прежде воплощенія Слова.

29) Слѣдовательно, и въ Ветхомъ Завѣтѣ есть мѣста, ясно говорящія о Сынѣ, хотя и излишнее дѣло сомнѣваться въ этомъ. Ибо, если, чего не сказано въ Ветхомъ Завѣтѣ, все то есть новѣйшее; то пусть скажутъ эти любители споровъ: гдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится о Духѣ Утѣшителѣ? Сказано, правда, о Духѣ Святомъ, но объ Утѣшителѣ нигдѣ. Ужели же поэтому иной есть Духъ Святой,

а иной—Утѣшитель, и при-томъ Утѣшитель, поелику не упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, есть нѣчто новое? Но да не будетъ того, чтобы или Духа именовать новымъ, или раздѣлять Его, и одного называть Духомъ Святымъ, а другаго — Утѣшителемъ! Одинъ и тотъ-же есть Духъ, и тогда и нынѣ освящающій и утѣшающій приѣмлющихъ Его, какъ одно и то-же Слово—Сынъ, и тогда еще приводившее достойныхъ въ сыноположеніе; потому что и въ Ветхомъ Завѣтѣ были сыны, усыновленные не чрезъ кого-либо другаго, но чрезъ Сына. Ибо если Сынъ Божій не былъ и прежде Маріи, то какъ же Онъ прежде всѣхъ, когда прежде Его есть сыны? Почему и Первородный, оказываясь позднѣйшимъ многихъ? Но и Утѣшитель не позднѣе другихъ, потому что былъ прежде всѣхъ, и Сынъ не новъ, потому что *въ началѣ бы Слово*. И какъ одно и то-же — Духъ и Утѣшитель, такъ одно и то-же — Сынъ и Слово. И какъ Спаситель о Духѣ, не раздѣляя, но разумѣя одно и то-же, говоритъ: *Утѣшитель же, Духъ Святой, Егоже послетъ Отецъ во имя Мое* (Іоан. 14, 26); такъ, подобно сему выражаясь, Іоаннъ говоритъ: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14); ибо и здѣсь не раздѣлилъ, но засвидѣтельствовалъ тождество. Какъ не иной — Утѣшитель, а иной — Духъ Святой, но одинъ и тотъ-же, такъ не иной—Слово, а иной — Сынъ, но Слово есть Единородный; потому что Евангелистъ говоритъ не о славѣ плоти, но о славѣ Слова. Посему, кто осмѣливается раздѣлять Слово и Сына, тотъ пусть раздѣляетъ Духа и Утѣшителя. Если же нераздѣленъ Духъ, то нераздѣльно и Слово; Оно само есть Сынъ, и Премудрость, и Сила.

Что же касается до реченія: *возлюбленный*, то и свѣдущимъ въ слововыраженіи элинамъ извѣстно,

что оно равнозначительно реченію: *еднородный*. Ибо Гомеръ о Телемакѣ, еднородномъ сынѣ Одиссея, во второй книгѣ Одиссеи говоритъ:

„Что же ты, милое чадо, на сердцѣ мысли такія
 „Держишь? зачѣмъ еще хочешь идти въ отдаленную
 землю?
 „Вотъ, одинъ ты, возлюбленный нашъ. Вдали отъ
 отчизны
 „Богорожденный погибъ Одиссей у народовъ безвѣст-
 ныхъ“.

Итакъ Телемакъ, будучи одинъ у отца, именуется возлюбленнымъ.

30) Нѣкоторые изъ послѣдователей Самосатскаго, отдѣляя Слово отъ Сына, говорятъ, что Сынъ есть Христосъ, иной же есть Слово, и въ предлогъ сему берутъ мѣсто изъ Дѣяній, и что Петръ сказалъ прекрасно, то понимаютъ они худо. Вотъ это мѣсто: *Слово посла сыномъ Израилевымъ, благовѣствуя миръ Иисусъ Христомъ. Сей есть всѣмъ Господь* (Дѣян. 10, 36). Ибо говорятъ: „Слово вѣщало чрезъ Христа, какъ и о Пророкахъ говорится: *сія же глаголетъ Господь*; но иной былъ Пророкъ, и иной—Господь“. На это можно возразить подобнымъ же мѣстомъ въ первомъ Посланіи къ коринѳянамъ: *чающимъ откровенія Господа нашего Иисуса Христа, Иже и утверждаетъ васъ даже до конца неповинныхъ въ день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 1, 7). Какъ не иной Христосъ утверждаетъ день иного Христа, но Самъ въ день Свой утверждаетъ чающихъ; такъ Отецъ послалъ Слово, содѣлавшееся плотію, чтобы самъ собою проповѣдовалъ происшедшій человекъ. Потому и присовокупляетъ Апостоль непосредственно за этимъ: *Сей есть всѣмъ Господь*. Господь же всѣхъ есть Слово.

31) *И рече Моисей Аарону: приступи ко алтарю, и сотвори еже грѣха ради твоего, и всесоужженіе*

твое, и помолися о себѣ, и о домъ твоємъ: и сотвори дары людскія и помолися о нихъ, якоже заповѣда Господь Моисею (Лев. 9, 7). Вотъ и здѣсь, хотя Моисей одинъ, какбы о другомъ Моисеѣ говорить Моисей: *якоже заповѣда Господь Моисею*. Такъ, если блаженный Петръ говоритъ о Божіемъ Словѣ, посланномъ сынамъ израиловымъ Иисусъ-Христомъ, то надобно разумѣть не иного подъ именемъ Слова, а иного подъ именемъ Христа, но одного и того же по причинѣ единенія въ Божественномъ и человѣколюбивомъ Его снисхожденіи и вочеловѣченіи. Если же понимается и двойственно, то безъ отдѣленія Слова, какъ сказалъ и божественный Іоаннъ: *и Слово плоть бысть. и вселися въ ны*. Посему, хорошо и правильно сказанное блаженнымъ Петромъ худо и превратно понимая, послѣдователи Самосатскаго не стоятъ во истинѣ. Въ божественномъ Писаніи подъ именемъ „Христосъ“ разумѣется то и другое вмѣстѣ, на примѣръ, когда говорится: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24). Поэтому, если Петръ говоритъ, что Слово послано къ сынамъ израиловымъ Иисусъ-Христомъ, то пусть разумѣется это въ томъ значеніи, что сынамъ израиловымъ явилось воплотившееся Слово, чтобы это согласно было съ сказаннымъ: *и Слово плоть бысть*. Если же понимаютъ иначе, и Слово исповѣдуя Божіимъ, каково Оно и есть, воспринятаго Имъ на Себя человѣка, съ которымъ, какъ вѣруемъ, соединилось Оно, отдѣляютъ отъ Него, говоря, что послано Оно Иисусъ-Христомъ; то не понимаютъ они, что сами себѣ противорѣчатъ. Ибо разумѣютъ здѣсь Божіе Слово въ-отдѣльности отъ Божественнаго воплощенія, и потому умаляютъ оное, слыша, что *Слово плоть бысть*, и разсуждаютъ уже по-язычески, потому что дѣйствительно предполагаютъ, будто бы Божественное воплощеніе есть измѣненіе Слова.

32) Но измѣненія нѣтъ. Да не будетъ сего! Какъ Іоаннъ проповѣдуетъ здѣсь неизреченное единеніе, послѣ того какъ мертвенное пожерто жизнію, и жизнію источною, какъ сказалъ Господь Марѣ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 11, 25): такъ и блаженный Петръ, когда говоритъ, что Слово послано Іисусъ-Христомъ, означаетъ этимъ Божественное единеніе. Какъ тотъ, кто слышитъ, что *Слово плоть бысть*, не подумаетъ, что нѣтъ уже болѣе Слова (что, по сказанному прежде, нелѣпо); такъ и тотъ, кто слышитъ, что Слово сочеталось съ плотію, да разумѣетъ одну и простую Божественную тайну. Но яснѣе и несомнѣннѣе всякаго умствования покажетъ единство Бога-Слова и человѣка сказанное Архангеломъ самой Богородицѣ; ибо говоритъ: *Духъ Святыи найдетъ на Тя, и сила Вышняго осенитъ Тя: тымже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35). Поэтому, послѣдователи Самосатскаго неразумительно отдѣляютъ Слово, когда ясно доказано, что Оно соединилось съ человѣкомъ отъ Маріи. Не Онъ посланъ Словомъ, но обитающее въ Немъ Слово посылало. говоря: *идите научите вся языки* (Матѣ. 28, 19).

33) И нерѣдко въ Писаніи выражается рѣчь не строго и просто. Такъ, иной и въ книгѣ Числъ найдеть; сказано: *рече Моисеи Рагуилу мадіанитину, тестю Моисееву* (Числ. 10, 29). Не иной Моисей говоритъ это, иной же тотъ, кому Рагуиль былъ тестемъ, но Моисей одинъ и тотъ-же. Если подобнымъ образомъ Слово Божіе называетъ Себя Премудростію, силою, десницею, мышцею и другими такими же именами, и если по человѣколюбію входитъ въ единеніе съ нами, облакаясь въ нашъ начатокъ и съ нимъ срастворяясь; то слѣдуетъ, что одно и то-же Слово по справедливости пріяло на Себя и прочія именованія. Сказанное Іоанномъ: *въ началѣ бѣ Слово*, и Оно *бѣ къ Богу*, и есть самъ Богъ, и

вся Тѣмъ, и безъ Него ничтоже бысть, ясно показываетъ, что и человѣкъ есть созданіе Божія Слова. Посему, если, приѣмля на Себя сего воплощеннаго, паки обновляетъ его обновленіемъ твердымъ къ нескончаемому пребыванію, и сего ради соединяется съ нимъ, возводя его къ Божественному жребію; то можно ли сказать, что Слово послано человѣкомъ отъ Маріи, и Господа Апостоловъ сопричислить къ прочимъ Апостоламъ, то-есть, къ посланнымъ Имъ Пророкамъ? Какъ простой человѣкъ можетъ быть названъ Христомъ? Но, соединясь съ Словомъ, справедливо называется Христомъ и Сыномъ Божиимъ, какъ древле Пророкъ ясно провозгласилъ въ Немъ Отчую вѣстость, и сказалъ о Немъ: *послю Сына Моего Христа*. И на Іорданѣ возвѣщено: *Сеи есть Сынъ Мой возлюбленный*. Ибо, исполнивъ обѣтованіе, Отецъ не безъ причины указалъ, что Онъ—Тотъ самый, Котораго обѣтовалъ послать.

34) Посему, подъ именемъ Христа разумѣемъ и то и другое вмѣстѣ, то-есть, Божіе Слово, соединенное въ Маріи съ Тѣмъ, Кто отъ Маріи; ибо въ утробѣ Ея Слово создало Себѣ домъ, какъ и вначалѣ изъ земли Адама, или лучше сказать, божественнѣе сего. О семъ и Соломонъ, ясно зная, что Слово называется и Премудростію, говоритъ: *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1); Апостоль же, объясняя это, сказуетъ: *Егоже домъ мы есмы* (Евр. 3, 6); а въ другомъ мѣстѣ называетъ тотъ же домъ храмомъ, потому что Богу прилично — обитать во храмѣ, образъ котораго повелѣлъ ветхозавѣтнымъ создать чрезъ Соломона изъ камней: почему съ явленіемъ истины образъ престалъ. Ибо когда неблагодарные вознамѣрились утверждать, что образъ есть самая истина, разорить же истинный храмъ, который, какъ твердо вѣруемъ, есть единеніе Божества и человѣчества; тогда не угрожалъ имъ, но, зная, что отва-

живаются они возставать сами противъ себя, говорить: *разорите церковь сію, и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 10). А этимъ ясно показалъ Спаситель нашъ, что все замышляемое людьми скоро приходитъ въ разореніе. Ибо *аще не Господь созиждетъ домъ, и сохранитъ градъ. всуе трудишася зиждущіи, и бѣгша стрегущіи* (Псал. 126, 1). Поэтому, іудейское рушилось, такъ какъ было тѣнь; а Церковь утвердилась, потому что основана на камени, и *врата ада не одолѣютъ еѣ* (Матѳ. 16, 18). Іудеямъ свойственно было говорить: какъ Ты, человекъ сый, твориши Себе Бога (Іоан. 10, 33)? А Самосатскій—ихъ ученикъ. Потому (что и естественно) преподаетъ своимъ, чему научился самъ. Но мы не такое свѣдѣніе имѣемъ о Христѣ, если Его самого слушали и у Него научились, отложивъ *ветхаго человека, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*. облекшись же въ *новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Ефес. 4, 22—24). Посему, благочестно представляй себѣ, что Христосъ есть то и другое вмѣстѣ.

35) Если же Писаніе во многихъ мѣстахъ и тѣло Христово называетъ Христомъ, на примѣръ, когда блаженный Петръ говоритъ Корнелію: *Іисуса, иже отъ Назарета. Егоже помаза Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38), и также іудеямъ: *Іисуса Назореа, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ* (Дѣян. 2, 22); а еще и блаженный Павелъ — Аѳинянамъ: *о Мужъ, Егоже предустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ* (Дѣян. 17, 31); находимъ же, что извѣствованіе и посланіе во многихъ мѣстахъ значить одно и то-же съ помазаніемъ; посему, желающему можно изъ сего уразумѣть, что нѣтъ никакого разногласія въ словахъ Святыхъ, но различно именуютъ они соединеніе Бога—Слова съ человекомъ отъ Маріи, а именно — иногда помазаніемъ, иногда

посланиемъ, а иногда извѣствованіемъ: то сказанное блаженнымъ Петромъ имѣетъ правый смыслъ и проповѣдуетъ истинное Божество Единороднаго, не разлучая впостась Бога — Слова съ человѣкомъ отъ Маріи. Да не будетъ сего! Ибо какъ сталъ бы разлучать тотъ, кто многократно слышалъ: *Азъ и Отецъ едино есма, и: видѣвый Мене, видѣ Отца?* Посему и по воскресеніи то-же тѣло, *дверемъ затвореннымъ*, входитъ въ общее собраніе Апостоловъ, и что представлялось въ семъ невѣроятнаго, разрѣшаетъ, сказавъ: *осяжите Мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лук. 24, 39). Не сказалъ: осяжите это тѣло, или человѣка Мною воспріятаго, но: *Мя*. Почему, никакого извиненія не возможетъ найти Самосатскій, отрицающій единеніе Бога — Слова, при свидѣтельствѣ столь многихъ и самого Бога—Слова, Который ко всѣмъ обращаетъ Свое благовѣстіе, удостовѣряя вкушеніемъ пищи и дозволеніемъ осязать Его, что конечно и было сдѣлано, потому что когда подавалъ Онъ, или подавали Ему пищу, несомнѣнно, касались рукъ. Сказано: *они же даша Ему рыбы печены часть и отъ пчель сотъ*, и ядя предъ ними и пріявъ остальное, отдалъ имъ (Лук. 24, 42. 43). Итакъ вотъ, если не какъ осязалъ Его Ѳома, то инымъ способомъ осязаемый, удостовѣрилъ ихъ. Если же хочешь видѣть и язвы, то научись у Ѳомы; ибо сказано ему: *принеси руку твою, и вложи въ ребра Моя, и принеси перстъ твой, и виждь ружь Мои* (Іоан. 20, 27). Своими именуя ребра и руки, Богъ—Слово показываетъ всего Себя — вмѣстѣ и человѣка и Бога; потому что Слово, какъ можно понимать, даетъ теперь ощутить Себя святымъ посредствомъ тѣла, когда входитъ *дверемъ затвореннымъ*, внезапно представъ съ тѣломъ и давая имъ удостовѣриться.—Это да будетъ сказано, какъ достаточ-

ное къ утверждению вѣрныхъ и къ исправленію невѣрныхъ.

36) Да вразумится же и Павелъ Самосатскій, внявъ Божественному гласу, вѣщающему: „Мое тѣло, и нѣтъ иного Христа, кромѣ Меня Слова; Онъ со Мною, и Я съ Нимъ; потому что помазаніе—Я Слово, а помазанное Мною—человѣкъ. Посему, безъ Меня не именовался бы Христомъ; именуется же, потому что Онъ со Мною, и Я въ Немъ“. Поэтому, упоминаемое посланіе Слова означаетъ соединеніе Его съ рожденнымъ отъ Маріи Иисусомъ; Иисусъ же, какъ толкуется это имя, есть Спаситель не по иному чему, но по соединенію съ Богомъ—Словомъ. Это изреченіе то-же означаетъ, что—и слова: *пославый Мя Отець* (Іоан. 8, 18), и: *не о Себѣ придохъ, но Отець Мя посла* (42). Соединеніе съ человѣкомъ, въ которомъ можно было людямъ посредствомъ видимаго естества дать познаніе о естествѣ невидимомъ, наименовалъ посланіемъ. Богъ, когда подъ образомъ нашей малости показываетъ бытіе Свое во плоти, не перемѣняетъ мѣста, подобно намъ, сокрывающимся въ какомъ-либо мѣстѣ. Ибо какъ перемѣнять мѣсто Наполняющему небо и землю? Но по причинѣ явленія Его во плоти, посланіемъ наименовали это святые, а потомъ наименовалъ и самъ Богъ—Слово. Итакъ, отъ Маріи Богочеловѣкъ есть Христосъ, не иной какой Христосъ, но одинъ и тотъ же. Онъ прежде вѣковъ отъ Отца, Онъ же на послѣдокъ дней отъ Дѣвы, прежде невидимый и святымъ небеснымъ силамъ, а нынѣ видимый по причинѣ соединенія съ видимымъ человѣкомъ, видимый же, разумѣю, не по невидимому Божеству, но по дѣйствию Божества, посредствомъ человѣческаго тѣла и цѣлаго человѣка, котораго обновилъ присвоеніемъ Себѣ. Ему чествованіе и поклоненіе, прежде, и нынѣ, и всегда, и во вѣки Сущему! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

Твореній Св. Аѳанасія Великаго.

	СТР.
9. Письмо къ Драконтію	8.
10. Къ Епископамъ Египта и Ливіи—окружное посланіе противъ аріанъ	11.
11. Защитительное слово Аѳанасія предъ Царемъ Констанціемъ	41.
12. Защитительное слово, въ которомъ Св. Аѳанасій оправдываетъ бѣгство свое во время гоненія, произведеннаго дукомъ Сиріаномъ	76.
13. Посланіе къ брату Серапіону (о смерти Арія)	99.
14. Посланіе къ инокамъ	103.
15. Посланіе Аѳанасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ о томъ, что сдѣлано аріанами при Констанціи (= исторія аріанъ)	105.
16. На аріанъ слово первое	176.
17. „ „ слово второе	260.
18. „ „ слово третье	369.
19. „ „ слово четвертое	455.

